Вера Панова

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

Редакционная коллегия:
С. Баруздин
А. Нинов
Л. Рахманов

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

Вера Панова

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 4

Пьесы

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

ББК 84.Р7
П 16

Составление и подготовка текста
А. НИНОВА и Н. ОЗЕРНОВОЙ-ПАНОВОЙ

Примечания А. НИНОВА

Оформление художника Н. НЕФЕДОВА

П $\frac{4702010203 - 072}{028(01) - 88}$ подписное

ISBN 5—280—00148—1 (Т. 4)
ISBN 5—280—00146—5

В СТАРОЙ МОСКВЕ

КАРТИНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Степанович Сушков, мастер.
Марья Алексеевна, его жена.
Ксения, двадцати лет } их дети.
Сергей, девятнадцати лет } их дети.
Анюта, пятнадцати лет } их дети.
Николай, официант из «Яра».
Софья Павловна, модистка.
Александр Егорович Хлебников, заводчик.
Александр Александрович, его сын, инженер.
Филя, старик из богадельни.
Миша, купеческий сын.
Илья Борисович, управляющий заводом Хлебникова.
Любовь.
Бутов.
Высоцкий.
Варя.
Церковный староста, нищие, старухи, сторож, фотограф, извозчик, городовой, гласные Городской думы, городской голова, протоиерей, репортер, слуги в доме Хлебникова, кухарка Софьи Павловны, швеи, цыгане, ссыльные и разные люди.

Москва, начало века.

КАРТИНЫ

1. В ЦЕРКВИ.
2. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ. СУД НАД КСЕНИЕЙ.
3. НА МОСКВЕ-РЕКЕ.
4. У БОГАЧЕЙ В ХОРОМАХ.
5. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ. АНЮТИНА ЛЮБОВЬ.
6. В ГОРОДСКОЙ ДУМЕ.
7. У МОДИСТКИ.
8. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ. ГРОМЫ ГРЯНУЛИ.
9. В «ЯРЕ».
10. НА ПОЛУСТАНКЕ ПОД МОСКВОЙ.

1. В ЦЕРКВИ

В церкви Спаса Преображения совершается обряд венчания. Зажжены все люстры, поет хор. Много гостей. Перед аналоем жених и невеста — Николай и Софья. Блеск золотых и серебряных риз, разноцветные платья женщин, черные сюртуки мужчин и посредине — белоснежным облаком невинности — Софьин подвенечный наряд.

В полумраке притвора разговаривают церковные старухи.

1-я старуха. А посаженый отец — Иван Степаныч!
2-я старуха. Ах, ах, ах! Ксеньин отец?!
1-я старуха. Ну да, Сушков Иван Степаныч.
3-я старуха. Ксении-то, Ксении каково...
1-я старуха. А не гуляй в девках. Иван Степаныч — твердой жизни человек. Родную дочь осудить не устрашился.
4-я старуха. Никого не стыдилась, так и ходила под ручку. Идет под ручку и прямо всем в глаза смотрит: мол, нисколько мне перед вами не совестно.
1-я старуха. Получила свое. Ребенка-то скинула.
2-я старуха. Ах, ах, ах! Скинула?!
1-я старуха. Где же ей пропадать пятый день? Как увела ее Алексеевна в середу, так и нет с того часа.
2-я старуха. А как Алексеевна поясняет — куда увела?
1-я старуха. Говорит, в Дорогомилово, к тетке. А у них и тетки никакой нет.
2-я старуха. Ах, ах, ах!..
4-я старуха. Понятное дело: к повитухе свела.
2-я старуха. Ах, ах, ах!..

Молчание. Слушают хор.

3-я старуха. Благостно служат...

4-я старуха. Пятьсот рублей за службу заплочено — на все пятьсот и служат.

2-я старуха. Ах, ах, ах, пятьсот рублей!.. Софья-то Павловна — что ангел божий...

1-я старуха. Приданое там такое — глаза разбегутся.

4-я старуха. Это что. Скатёрки, одеяла — по нашим временам пустяк. Собственный дом, мастерская — вот!.. У Николки губа не дура.

3-я старуха. У Николки у самого заработки хорошие. Не гнаться бы ему за приданым.

4-я старуха. Деньги к деньгам тянутся.

Входит, запыхавшись, нищенка.

Нищенка *(торопливо крестится)*. О господи, опоздала! *(1-й старухе.)* Кто ж на плат первый взошел?

1-я старуха. Софья взошла.

Нищенка. Так и есть, бабоньки: Софья у них главой будет, Софья. А из Сушковых кто есть на свадьбе аль нет?

1-я старуха. Нету никого. Иван Степаныч — посаженый отец, так он благословлял и встречать будет, а прочие и посмотреть не пришли.

Нищенка. Ивана Степаныча Софья в посаженые отцы позвала? Ай да ну! Я так думала, что она Сушковым и от квартиры откажет.

1-я старуха. А вот не отказала. Я, говорит, вас, Иван Степаныч, до того уважаю... И живите, говорит, и живите, как вы люди аккуратные, никакого от вас буянства, ни убытку... Одна только Ксения у вас распутная, да это и ваше, говорит, горе; больше, чем мое, говорит... Ксению уж, конечно, в мастерской держать не могу, говорит. И чтобы с моим мужем ничего у нее больше не было... Вот она, Софья, какая.

Нищенка. Ай, ну, ну, ну! А старик?

1-я старуха. А старик сказал, как запечатал: ничего больше не будет, и мужа твоего я к себе на порог не допущу.

Входит Любовь. Подала нищенке. Прошла вперед, стала у дверей.

2-я старуха. Сушковская жиличка.

4-я старуха. Не вытерпела Алексеевна, подослала посмотреть.

1-я старуха *(подходит к Любови, покашливает)*. Позвольте спросить, барыня, вы у Сушковых квартируете?

Любовь. Да.

1-я старуха. Что, Ксеничка вернулась от тетки аль гостит еще?

Любовь. Нет, еще не вернулась. *(Уходит в церковь.)*

1-я старуха. Лоб-то можно бы перекрестить.

3-я старуха. Гордая барынька.

1-я старуха. Чем гордиться-то, когда есть нечего?

4-я старуха. По урокам бегает во всякую погоду... Гордая!

Входит Ксения. Волнение в притворе.

Нищенка. Ксения!

2-я старуха. Ксения! Ах, ах, ах!

Ксения стоит, уронив руки. Замечает устремленные на нее взгляды, порывисто опускает платок на лицо. Колеблясь, входит в церковь.

2-я старуха. Видели, добрые люди?

4-я старуха. Устыдилась все-таки, лицо прикрыла. Так-то лучше — со стыдом.

3-я старуха. Сердце свое растравить пришла, голубонька...

4-я старуха. Либо она Николке рожу кислотой изуродует, либо на себя руки наложит. Уж это так.

3-я старуха. Исхудала как, одни глаза остались...

1-я старуха. Скинула. По всему видать.

Любовь увидела Ксению. Быстро подходит к ней, обнимает за плечи и выводит в притвор.

Любовь. Так и чувствовала, что вы тут... Не нужно. Идемте.

Ксения *(сопротивляется)*. Дорогая моя, милая, я хочу повидать Николая!

Любовь. Ничего этого не нужно.

Ксения. Я ему только одно словечко скажу...

Любовь. Нечего говорить.

Ксения. Что вы меня уводите? Я ничего им не сделаю — скажу только... Я ему все отдала... а он меня на старуху променял, это что же такое получается... Я из Дорогомилова пешком пришла... как собака озябла... А им певчие поют?!

Любовь. Не надо, Ксеня, унижаться. Пусть они не знают, как вам больно.

Ксения. Как бы не так! Не знают? Нет, пускай он все узнает, что со мной сделали! Пускай хоть чуточку моей болью поболеет! Ночью пускай лежит, не спит, думает...

Нет. Главное: пускай ответит, почему я одна должна мучиться, за себя и за него... проклятого... Да неужели же их бог не накажет!

Любовь. Поблагодарите бога, что вовремя избавил вас от такого человека. Ведь человек-то ничтожный, Ксеня!

Ксения. Я же его люблю, ну как вы не понимаете!

Любовь. Забыть надо. Начисто. И как можно скорей... Господи, вы в этой жакетке, а на улице сыро, холодно... *(Закутывает Ксению в платок.)*

Ксения. А сказать я ему все равно скажу, вы меня не уговорите. Вы барыня, у вас все по-своему, по-другому... Увижусь и скажу что хочу.

Любовь. Ваше дело. А из церкви — уйдем. Здесь не место для скандалов. *(Уводит Ксению.)*

1-я старуха. Что она сказала, барыня-то?

Нищенка. Не место скандалить, говорит.

1-я старуха. А без креста входить — это можно.

4-я старуха. Это можно!

Пышно кончается служба. Под руку с Николаем Софья выходит в притвор. Это дородная сорокалетняя женщина с грубым красным лицом. Шафер надевает на нее ротонду.

Софья *(раздает милостыню)*. О здравии Софии и Николая...

Нищие. Матушка, красавица, с законным браком... Со вступлением в законный брак... Пошли, господи, здоровья и счастья.

Софья *(поправляет Николаю волосы)*. Растрепался... Что смотришь?

Николай. Нет, я ничего.

Софья. Думаешь, Ксенька придет? В Дорогомилове Ксенька, велено нынче не выпускать. Да и не посмела бы прийти. Я тебя все равно никому теперь не отдам... Никак снег на улице.

2-я старуха. Снег, Павловна, первый снег, хорошая примета, ах, ах, ах!

Софья. Да, это хорошая примета.

Уходит с Николаем, за ними гости, старухи, нищие. Слышен говор, возгласы: «Тпру!», «Подавай!», «Ну, погодка — по снегу да на колесах!», «Зима нечаянная!». Расходятся певчие. В церкви остается только староста. Он собирает и тушит свечи. Входит сторож, гремя ключами.

Староста. Кликни Савелия, чтоб звонил. Сейчас покойника принесут.

Сторож. Обождет покойник. Пущай свадьба отъедет.

Четыре человека вносят бедный, оклеенный бумагой гроб. За гробом идут еще несколько человек. Гроб ставят посреди церкви. Раздается погребальный звон. Староста равнодушно крестится и зажигает в изголовье три свечи.

2. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ. СУД НАД КСЕНИЕЙ

Проходная комната в квартире Сушковых. Налево — дверь в кухню, направо — в комнату Любови и в другую комнату, которая сдается внаймы. Прямо — два окна; они наполовину под землей, так как квартира в полуподвальном этаже. Посреди комнаты стол, покрытый цветной скатертью. Между окнами горка с посудой. На окнах чахлые цветы и дешевые кружевные занавески. У левой стены, между дверью и окном — кровать, полускрытая ширмой. Над кроватью вышитый коврик и портрет солдата, убранный бумажными розами. Пол застелен половиками.

В комнате сумеречно. Ксения лежит на кровати лицом к стене, одетая, укрывшись платком. Марья Алексеевна сидит у стола пригорюнившись. Сверху по временам глухо доносится смех и топот, от которого качается лампа с дробовым грузом.

Марья Алексеевна. Ведь уж известное дело, что отца слушаться надо. Где б мы все были, кабы не отец? На паперти стояли бы с протянутой рукой. Он, голубчик, уж старается для нас, старается, себя не жалея... Сказано было — побудь в Дорогомилове до понедельника, не серди отца. Нет, пришла. А для чего?

Робко входит Анюта, садится с книгой к окну.

Перемыла?

Анюта. Перемыла.

Марья Алексеевна. Что-то еще надо сделать, отец велел... Что он велел, беспамятная я стала... Да, билетик повесить забыли.

Анюта. Какой билетик?

Марья Алексеевна. Про комнату. Что сдается. Отец велел, чтобы обязательно повесили.

Анюта. Потом. Серега придет, напишет. Я некрасиво пишу... Ксеня не спит?

Марья Алексеевна. Где уж тут заснуть...

Анюта. Ксеничка, может, хочешь, я тебе почитаю?

Марья Алексеевна. Не тереби ее. Пускай лежит себе.

Наверху упало что-то. Топот танцующих ног.

Анюта. Танцуют...

Любовь выходит из своей комнаты с чайником.

Марья Алексеевна. Вы что?
Любовь. Хочу подогреть чайник.
Марья Алексеевна. Зачем? Мы самоварчик поставим.
Любовь. Сидите, ради бога, какой там самоварчик... *(Уходит в кухню.)*

Анюта плачет.

Марья Алексеевна. Ну, ты чего еще? Ну?

Любовь тихо возвращается в свою комнату.

Анюта. Чего они танцуют, дураки!

Входит Филя.

Филя. С праздником.
Марья Алексеевна. Да уж праздник нам... Садись. Что поздно нынче?
Филя. Так отпустили. Начальство, видишь, ушло куда-то, а распоряжения не оставило. Мы и дожидались. Да пока дошел к вам. Снег мокрый, скользко идти... Не бойся, я ноги в сенях обтер.
Анюта. А вы бы на конке!
Филя. На конку капиталы нужны. Что это Ксеня лежит, аль заболела?
Марья Алексеевна. Заболела. Голова болит. Простудилась.
Филя. Против болезней сильно помогает майский бальзам. Можно банку купить за пятьдесят копеек. Ты спроси у Степаныча денег, купи... Подхожу к вашему дому, смотрю, извозчики стоят — что такое? — и лошади цветами убра́тые. Думаю, не Анюточку ли замуж выдают?
Анюта. Это наша хозяйка выходит. Вон — слышите?
Филя. Павловна? А вас не позвала? Как же так — сколько лет вы у нее прожили...
Марья Алексеевна. Степаныча — позвала. Он ее благословлял. Посаженый отец.
Филя. А, это хорошо. Сделала уважение. Сознательная женщина. Значит, Степаныч на свадьбе гуляет, дай бог ему... Я, Алексеевна, обожаю хорошие свадьбы. Сам я венчался очень плохо: капиталов не было. Надел чистую рубаху, и поп нас окрутил моментально, я и мигнуть не успел. Пришли с моей покойницей домой и смотрим друг на друга — венчанные мы аль не венчанные? Не сообразим даже... Постой, сколько тому, как я венчался? Еще при крепостном праве. Годов, должно быть, сорок. Я тогда здоровый был, ух, какой молодец!.. А покойница — худая, тонкая кость, вот как Ксеня...
Марья Алексеевна. Ты это уже много раз рассказывал... Что у вас там нового?
Филя. В богадельне-то? Вчера одного старичка похоронили. Моложе меня был на целых два года, а вот помер, понимаешь... А на Пятницкой дом строится, леса-то, видно, гнилые поставили — обрушились леса. Совсем молодые поубивались, рассказывают.
Марья Алексеевна. Насмерть поубивались?
Филя. Которые насмерть, а которые того хуже — калеками выйдут. Вон как, видишь. А рады были, должно быть, что их не побрали в солдаты... Что читаешь, Анюточка, опять ро́ман?
Анюта. Ро́ман.
Филя. Давно ль я тебя маленькую на руках носил... Смешная была: ножки тонкие, как спичечки... Сколько ж тому лет? Постой: ты родилась в тот год, как мне машина руку придавила. Это, выходит, тебе шестнадцатый год. Верно, Алексеевна?
Марья Алексеевна. Должно быть, верно. У нас отец счет детям ведет, кому сколько лет; а я не запомню.
Филя. Сидит, ро́ман читает, потеха, ей-богу!.. Степаныч скоро придет?
Марья Алексеевна. Не знаю. Нет, верно не скоро.
Филя. А где он?
Марья Алексеевна. Я ж тебе сказала: у хозяйки.
Филя. А, да, да, да. Посаженым отцом, да, да. И Серега там?
Марья Алексеевна. Нет; Серега так пошел куда-то.
Филя. От Павла письмо пришло?
Марья Алексеевна. Нет. Не пришло.
Филя. Степаныч беспокоится?
Марья Алексеевна. Скучает. Он Павла больше всех любит...
Филя. Солдатская жизнь хлопотная — может, просто ему времени нету письма писать, Павлу-то...
Марья Алексеевна. Прежде писал же. Уж при всякой жизни найдется, я думаю, время отцу-матери вес-

точку подать... Спаси царица небесная... Четвертый месяц нет письма...

Входит Любовь.

Филя. С праздничком.

Любовь. Здравствуйте, дедушка. *(Уходит в кухню.)*

Анюта. Дедушка! Вы у нее сегодня не берите денег. Не надо.

Филя. Да я, Анюточка, разве беру, она сама дает...

Анюта. А вы отказывайтесь. Она уже сколько дней обед не варит, только чай с баранками пьет. Третьего дня хорошее платье татарину за два рубля продала.

Филя. Чай с баранками тоже, Анюточка, хорошая пища... Я не возьму денег. Бог с ней.

Входит Сергей.

Сергей *(на Ксению)*. Пришла?.. Эх! Глаза бы не смотрели...

Марья Алексеевна. Ну, ну. Тебе что? Ты молодой еще ее ругать.

Сергей. Досадно: из-за кого мучается человек?

Марья Алексеевна. Мало ли что. Каждому мука своя... Скажи ему, Анюта, про билетик.

Анюта. Отец велел написать билетик, наклеить на ворота. А то снег пошел и отмочил. Про комнату.

Сергей. Не нужно билетика. Я уже нашел жильца.

Марья Алексеевна. Ой, Серега, как же ты без отца распоряжаешься...

Сергей. Ничем я не распоряжаюсь. Указали мне хорошего человека, я сказал, чтобы он зашел. Только и дела.

Марья Алексеевна. А вдруг он отцу не понравится.

Сергей. Я с него задатка не брал. Не понравится — уйдет. Что вы, на самом деле, ступить боитесь без отцовского указу! Хоть домой не приходи: не дом, а гроб, ложись и умирай!

Входит Любовь.

Любовь. Знаете что? Идемте все ко мне чай пить! Марья Алексеевна! Баранками угощу.

Марья Алексеевна. Не хочется, Любовь Андреевна!

Любовь. Вы же ничего сегодня не ели. Ведь не ели? Выпейте. Горяченького. Жить-то надо? Сережа, зажгите у меня, пожалуйста, лампу, спички на тумбочке. Дедушка, идите ко мне...

Сергей и Филя уходят.

Жить надо, пить-есть надо...

Марья Алексеевна. Что-то уж очень трудно становится жить, Любовь Андреевна, голубушка...

Любовь. Налью вам покрепче, как вы любите.

Марья Алексеевна. Только как хотите — я сахар и хлеб свой возьму... *(Достает из шкафа.)*

Любовь. Ксеня! Выпейте чаю.

Ксения молчит.

Я вам сюда принесу... Заснула.

Марья Алексеевна. Я, может, с нею побуду.

Любовь. Дадим ей покой, это самое лучшее.

Марья Алексеевна уходит.

Анюта!

Анюта. Я не хочу чаю. Любовь Андреевна, какой сегодня день...

Любовь. Воскресенье.

Анюта. Я знаю. Я не про то. Какой-то он не такой, как все дни. Все не так. Там *(показывает наверх)* танцуют, а у нас... Ксеня одетая лежит на кровати, и мама ничего... Чай пьют у вас... И что-то еще обязательно случится, вот увидите...

Сергей *(в дверях)*. Хозяйка! Гостей зазвали, а сами не идете — гости стесняются...

Любовь. Иду, Сережа. *(Уходит с Сергеем, закрывает дверь.)*

Анюта зажигает лампу над столом.

Ксения *(вдруг обернувшись)*. Анютка!

Анюта. А?

Ксения. Анютка... *(Садится, спускает ноги с кровати.)* Позови мне Николая.

Анюта. С ума сошла!

Ксения. Войди потихоньку, через кухню. Будто хочешь на свадьбу поглядеть... Там девчонки со всей улицы... Софья тебя не увидит...

Анюта. Кухарка увидит. Отец, не дай бог, увидит...

Ксения. Никто не увидит. Анюточка! Ты умненькая, ты сумеешь... Скажи ему, пусть на одну минутк спустится...

Анюта. Ксеничка... Ложись лучше. Я все равно не пойду. Отец узнает — все косы оборвет.

Ксения. Тебе не оборвет. Я бы сама пошла...

Анюта. Этого еще не хватало!

Ксения. Так силы у меня нет... Вот села — так и закружилось все... Ты еще маленькая, ты не можешь понять, что я вынесла... Анюточка! Тошно мне!.. *(Падает на подушку.)* Позови мне его. Позови. Ну позови. В последний раз...

Анюта. Ей-богу, не позову. Ну как я позову? Он и не пойдет.

Ксения. Скажи: если не пойдет, я сама туда приду.

Анюта. Вот наказанье!

Ксения. Анюточка! Пожалей меня, я, может, умру скоро. Я чувствую — не жить мне...

Анюта. Ладно. Лежи. Пойду уж. Может, я до него и не доберусь.

Ксения. Пусть в кухню к нам придет. Я выйду.

Анюта. Не очень надейся, знаешь.

Ксения. Ты постарайся.

Анюта *(смотрит в окно)*. Еще на дворе светло совсем. Сумасшедшая я дура, больше ничего. *(Снимает с гвоздя платок, уходит.)*

Марья Алексеевна заглядывает в дверь.

Марья Алексеевна. Не спишь?

Ксения. Нет.

Марья Алексеевна. Ничего тебе?

Ксения *(сквозь зубы)*. Ничего.

Марья Алексеевна. Чайку не выпьешь?

Ксения. Не надо. Идите, ради бога. Я спать хочу.

Марья Алексеевна. А Анютка где?

Ксения. Ну... вышла Анютка. Сейчас придет.

Марья Алексеевна уходит. Входит Анюта.

Ксения *(приподнявшись)*. Что?

Анюта *(вешает платок на гвоздь)*. Сказал — сейчас.

Ксения. Милый мой! Придет!

Анюта. Очень надо было.

Ксения. Милый!.. *(Встает.)* Как же ты залучила его?

Анюта. Он на лестницу вышел. Ксеничка, он пьяный!

Входит Николай.

Николай. Кому чего от меня надо? *(Садится.)* Объявляйте вашу претензию. Ну? Что же вы молчите? Позвали — и молчите?

Ксения *(тихо)*. Ты — вон какой... Как же с тобой говорить?

Николай. Объясниться желаете? Я объяснюсь. Я поступил благородно. Я не какой-нибудь прощелыга: шасть в кусты — и поминай как звали... Я пришел к вашему папаше, так и так. Спрашиваю по-благородному — как насчет приданого? А он говорит — шиш. Ну что ж. Мне нельзя жениться очертя голову. У меня мамаша в деревне, сестры — их надо прилично выдать... Но я, вот святой крест, Ксеничка *(растроганно)*, я бы на тебе женился... Если бы Иван Степаныч меня не оскорбнл...

Входят Сергей, Марья Алексеевна, Филя.

Марья Алексеевна. Матушки...

Николай. Шиш, говорит. Я же не могу. Я, знаешь, из какой бедности выбивался? Только через привлекательную наружность... Софья Павловна — благородная, чудная женщина, я за нею как за каменной стеной буду. Человеком с нею сделаюсь, это надо понять... Ты не сердись, Ксеничка. Я тебя, ей-богу, очень любил...

Сергей. Так. *(Ксении.)* Мало тебе было сраму... *(Николаю.)* Уходи отсюда!

Николай. Позвольте. Она меня пригласила объясниться. Я пришел и вот... объясняюсь. Я хочу, чтобы все было благородно.

Сергей. Вон, мышиная душа!

Николай. Но, но! Не очень! Я владелец этого дома! Ты не можешь меня гнать!

Входит Софья в венчальном наряде, за нею Сушков.

Марья Алексеевна *(в ужасе)*. Степаныч!..

Софья. Вот, Иван Степаныч, ваше слово! Еще свадьба не кончилась, а ваша дочь моего мужа принимает! *(Ксении.)* Подлая!..

Сушков *(он трезв, говорит негромко и веско)*. Тише, Павловна, не кричи. *(Николаю.)* Зачем пожаловал?

Николай *(показывает на Ксению)*. Она меня пригласила объясниться...

Сушков. Я сам с нею объяснюсь. Иди. Иди, иди. Уведи его, Павловна, не смущайся: больше этого не будет.

Софья *(в дверях)*. Если она не уймется, я в полицию на нее заявлю! *(Уходит с Николаем.)*

Сушков *(садится к столу)*. Ну, Ксения...

Входит Любовь.

Любовь. Иван Степаныч, она больна, посмотрите на нее! Не надо ничего говорить!

Сушков *(слегка ударив ладонью по столу)*. Любовь Андреевна, иди в свою комнату. У нас тут семейное дело.

Любовь уходит.

Ну, Ксения? Как же мы теперь будем? Воспитал я вас в строгости и честности, обучил грамоте, с малых лет определил на работу. На весь околоток наше семейство известно — и уважали. Уважа-ли! А знаешь, как про меня теперь на улице говорят? Вон мастер Сушков, у которого дочь гулящая... А я, Ксения, у Хлебникова работаю тридцать лет, я в этом доме живу двадцать лет, вы все тут и родились, кроме Павла... Ты знаешь, как трудно рабочему человеку достойное место удержать? Это богачам все можно, а нам — каждое лыко в строку... Я твоего позора на себя не приму. А Павловну сегодня твердой рукой благословил, она свою судьбу заработала, она всю жизнь трудилась — иголкой ковыряла, раньше чем амуры заводить, не то что ты: наблудила, а потом к отцу — пожалуйте, папаша, приданое!.. Нет, милые. Я свой кусок пóтом покупаю, я свою копейку держу, чтобы нам с матерью хоть на старости лет отдохнуть. Вы, что ли, нашу старость обеспечите? Аль в богадельню нам идти, как Филе?.. Я тебя простил... ради Павла: знаю, что он бы за тебя хлопотал передо мной... Простил и денег дал, чтоб след заместь, а ты опять за свое? Совсем стыд потеряла, при всех людях чужого мужа к себе увела... Записку, что ль, передавала?.. Анютка! Ты ходила?

Анюта. Я...

Сушков *(Ксении)*. Подлая! И верно, что подлая! Анютку не пощадила, Анютку в свое распутство завлекла! Не позволю! Анютку — не дам!.. Собирай свои тряпки... и чтоб ноги твоей тут не было!

Марья Алексеевна. Степаныч!

Сушков. Молчи! Она и тебя не пожалела! Ты, честная, из-за нее заплевана теперь! Тебя хорошие люди в дом не зовут из-за этой твари!..

Сергей. Папаша, обождите!

Сушков. Молчи, молчи! Знаешь, как говорят про тебя? Шлюхин брат, вот как! Все ее благодарите! Все!

Анюта *(закатывается истерическим плачем)*. Довольно! Довольно! Довольно!

Ксения, стоявшая до сих пор почти неподвижно, вздрагивает, хватает платок и выбегает.

Сушков. Цыц, Анютка, ну? *(Ксении вслед.)* Пошла, пошла! И не показывайся — убью!

Филя садится в изнеможении.

Анюта. Нельзя! Ксеня! Ксеня! Нельзя! Папаша, воротите ее... Она помрет, она сказала, что помрет... Ксеня! *(Убегает.)*

Сушков. Анютка!.. Ну ничего, побегаешь — вернешься.

Сергей. А, собственно, чего это вы так разошлись? Не чересчур ли круто?

Сушков. Ты мне указываешь?

Сергей. Я спрашиваю. Сами же в приданом отказали.

Сушков. Ты давно на собственные ноги стал?

Сергей. А что? Давненько уже...

Сушков. Сперва сам скопи хоть сколько-нибудь, а потом моими деньгами распоряжайся.

Через комнату быстро проходит Любовь, на ходу надевая пальто. Входит Бутов. Его не замечают.

Сушков. А ты куда, Андреевна?

Любовь. За вашей дочерью! *(Выходит, почти столкнувшись с Бутовым.)*

Сергей. Это кто?.. Вам что?..

Бутов. Я стучал — никто не отозвался... Мне сказали, что здесь комната сдается.

Сергей. Ага. Кто вам сказал?

Бутов. Высоцкий.

Сергей. Ага. Так. Высоцкий, папаша,— это у нас на заводе, чертежник.

Сушков. Чертежник?..

Марья Алексеевна плачет.

Не вовремя зашел ты, молодой человек...

Сергей. Может, я покажу комнату?

Сушков. Покажи. Про условия сказать не забудь.

Сергей и Бутов уходят.

Сушков. Пока не придет шелковая, не приму... Не плачь, мать. Такие поступки надо карать без жалости. У нас еще дочь: какой пример она видит? И не заслужила Ксения, чтобы плакать о ней: у нас за Павла душа болит; а у нее только скверность на уме... *(Загораясь горем и гневом.)* Чтоб я о ней и не слышал больше! Имени ее чтоб не слышал — поняла?!

Филя *(в оцепенении)*. Господи, господи, что же это делается, что делается...

Бутов и Сергей возвращаются.

Бутов. Комната подходящая. Завтра, с вашего разрешения, перееду. Простите, что некстати зашел. До свидания. *(Идет к выходу.)*

Сушков. Погоди! Ты хоть кто будешь-то?

Бутов *(приостановился)*. Бутов. Родион Николаевич Бутов.

3. НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Набережная. Москворецкий мост. Еще светло, но по ту сторону Москвы-реки уже зажигаются огоньки в домах. Малиново садится солнце. Река еще не стала. В этот день выпал первый снег; на земле он растаял, но на крышах и парапете набережной лежит кое-где, тонкий и пушистый. Уличный фотограф расположился на набережной со своим треножником, передвижной декорацией и гардеробом: черкеской с газырями, мундиром с эполетами и т. д. Фотограф снимает сидящего перед ним извозчика. Извозчик в толстом армяке, башлыке и рукавицах снимается на фоне декорации, изображающей пальмовую рощу.

Хлебников-сын и Миша идут по набережной.

Хлебников. Такими вещами не шутят! *(Перегибается через парапет.)*

Миша. Шура, ну пожалуйста, уйдемте отсюда! Шура, ну я вас прошу!

Хлебников. Брысь. Посмотри, Миша, какая вода. Течет водичка, течет, течет... Давай вместе, а? Я тебя брошу, хочешь?

Миша. Опять шутите. Вы меня не поднимете даже.

Хлебников. Нет, тебя я не возьму с собой. Будешь ты существовать или нет, от этого ничего не изменится.

Миша. Ошибаетесь, изменится. Тогда наша фирма будет называться не «Тропов и сын», а просто «Тропов».

Хлебников. Это ты остришь?

Миша. Почему острю?

Хлебников. Значит, серьезно?

Миша. Серьезно... *(Смущаясь.)* Я же не виноват, что я не такой образованный, как вы, Шура.

Хлебников *(смотрит вниз)*. Глубина здесь достаточная, не знаешь?

Миша. Смотрите — хорошенькая!

Хлебников. Беги за нею!

Миша. Бежим вместе!

Хлебников. Брысь. Как ты думаешь: хватит у меня характера не кричать и не шлепать конечностями по воде, когда меня до костей пронижет этот холод, когда он вольется в носоглотку, в пищевод, в мозг, в душу...

Миша. Просто ужас, до чего вы допились. Я не могу это слышать!

Хлебников. На моей могиле... Тело мое, разумеется, вытащат... Отец об этом позаботится... «И в распухнувшее тело раки черные впились...» А зимой раки есть?

Миша. Вы не утонете, а только простудитесь насмерть.

Хлебников. На моей могиле — да слушай же, черт тебя побери, это моя последняя воля! — на могиле поставить памятник, изображающий вход в туннель. Вход в туннель. Усваиваешь?

Миша *(сквозь слезы)*. Усваиваю.

Хлебников. И на цоколе надпись: «Здесь покоится Александр Александрович Хлебников. Он оставил своему родному городу вечную благодарную память о себе...» Черт, надо бы еще что-нибудь присочинить, да некогда. В общем, в этом духе, понимаешь?

Миша. Понимаю.

Хлебников. Что ты понимаешь. Разве ты можешь понять, как я люблю вот это все?.. Когда я жил в Париже, я только и мечтал, что вот — возвращаюсь, живу в Москве, дышу московским воздухом... Честное слово, когда я работал над моим проектом, я радовался — за Москву!.. Смотри, огоньки. Малиновое небо. Снежок. Милый снежок, милое небо. Милая девушка, русская девушка в сером платочке — оглянулась, дорогая моя!.. Милый фотограф, как он заботливо складывает свои тряпки... Давай его осчастливим: снимемся. Вдвоем. Ты будешь поливать слезами карточку, когда меня не станет: тебе это будет приятно. Утри нос, Миша, не надо... *(Подводит Мишу к фотографу.)* Здравствуйте, фотограф. Снимите нас, будьте добры.

Фотограф. Темно уже. Ничего не выйдет.

Хлебников *(радостно)*. Что это? Какая прелесть, Миша, смотри! *(Вытаскивает из-за декорации деревянный макет всадника без головы, на могучем коне без ног. В одной руке у всадника обнаженная сабля, в другой — пистолет, из которого выходят клубы картонного дыма.)* Понятно: сюда подставляется голова. Желаю увековечиться в таком виде. Да, мы хотели вдвоем? Так что ж — подставим две головы. Существует же двуглавый орел! Подставляй голову, Миша.

Фотограф. Поздно. И вы, кроме того, крепко выпивши, выдержки не получится.

Хлебников. Фотограф, вы безумец. Вы не понимаете, от чего отказываетесь. Завтра-послезавтра вы разбогатеете, продавая мой портрет. Подтверди, Миша.

Миша. Да, я подтверждаю. Разбогатеете.

Фотограф. Какой может быть портрет, когда солнце село. Давайте сюда лошадь. *(Уходит со своим скарбом.)*

Хлебников. Неудача. Последнее желание — и не сбылось... А, да ладно. Все равно уж. *(Снимает шапку, отдает Мише.)* Не сочти за труд... *(Снимает пальто.)* Хочешь — возьми на память. Ну, прощай. Ты был верным другом: ходил за мной всюду и развлекал меня как умел. Спасибо. Спасибо. Не поминай лихом. *(Целует Мишу и лезет на парапет.)* Убирайся, ну?!

Миша *(держа в руках пальто)*. Шура! Шура! Я закричу! Разве может такой человек — и вдруг утопиться! *(Кричит.)* Спасите!!!

Хлебников *(хохочет, сидя на парапете)*. Поверил! Поверил! Честное слово, поверил! Какого черта мне топиться, ты подумай! Когда я сейчас, можно сказать, кум королю?! Я просто развлекаюсь, почему не развлечься немножко... До чего хорошо, боже мой! Вон фонарщик идет, сейчас фонарь зажжет, огонек заструится в воде... Накинь мне пальто.

Миша. Только слезьте. Я от ваших развлечений, ей-богу, психически заболею.

Хлебников. Ты понимаешь... Нет, ты не понимаешь, что это значит — столько лет... столько бессонных ночей отдать одному усилию, одной мысли, одной вечной спутнице... И вот поставлена последняя точка, последний чертеж сошел с доски, прибрано на столе... Какая странная пустота — на столе и в жизни! Никому не нужно больше, чтобы ты не спал по ночам. Но зато какое удовлетворение. И гордость. Как тверда земля под ногами... *(Соскакивает с парапета.)* А ты говоришь — топиться.

Стемнело. Фонарщик зажигает фонари. Приближается Ксения. Останавливается у скамьи поодаль.

Миша. Обратите внимание...

Хлебников. Тихо.

Украдкой следит за Ксенией. Ксения становится на скамью и делает движение, чтобы вскочить на парапет. Хлебников бросается и подхватывает ее.

Хлебников *(держит Ксению.)* Вот уж это глупости, барышня.

Ксения. Пустите...

Хлебников. Распусти платок. Снегом потри лоб... Да проворней, черт!

Миша *(приводит Ксению в чувство)*. Я позову городового.

Хлебников. Делай что тебе говорят. Очнулась, слава богу. Сядьте... *(Сажает ее.)* Ну вот. Сидите смирно. Ну как?

Ксения. Ничего...

Хлебников. Выдумали, право. Разве можно делать такие вещи!

Ксения плачет.

Мало ли что бывает на свете... Какое у вас там может быть несчастье!

Ксения громко рыдает.

Ну, ну... То, что случилось с вами, случается каждый день...

Миша. Откуда вы знаете? Вы с нею знакомы?

Хлебников. Я знаю все. Нет, девочка, не стоит умирать из-за таких банальных вещей. Вон у меня жена сбежала — я и ухом не повел, что называется. Правда, Миша? Даже не разыскиваю: сбежала так сбежала... У вас горячая голова, а руки холодные. Дайте согрею. *(Греет руки Ксении.)* Теплее?

Ксения. Теплее...

Хлебников. А вы хорошенькая. Вы должны жить, веселиться... У вас есть папаша и мамаша?

Ксения плачет.

А другая родня — братья, сестры? Тетки?..

Ксения плачет.

Ну, вы и сами не пропадете... Вы служите где-нибудь?

Ксения. Да. Нет. Служила. У модистки... *(Рыдает.)*

Хлебников. Если вы служили у модистки, вы должны знать, как одеваются богатые барыни. Вот бы вам такие наряды! Модное платье, шляпу с пером... Вы входите в театр — все смотрят на вас, вы самая красивая, самая нарядная... Идете гордо, как королева, этак подобрав трен... *(Показывает.)* Опять остыли руки. Какие шершавые пальчики — бедные пальчики! Знаете, что я вам скажу? Когда-нибудь вы встретите человека, который вас обидел. Вы будете ехать в ландо и забрызгаете его грязью...

Подходит городовой.

Городовой *(смотрит на Ксению)*. Гм!

Хлебников. А, это вы! Я искал вас — нет, вот он искал, хотел поделиться новостями... Миша!

Миша дает городовому деньги. Городовой отдает честь и уходит.

Хлебников. Ну, как вы себя чувствуете?

Ксения. Я уже пойду...

Хлебников. Куда?

Ксения молчит.

Домой?

Ксения молчит.

Вы где живете?

Ксения. Я нигде не живу.

Молчание. Хлебников ходит взад и вперед.

Хлебников *(остановившись)*. Поедем ко мне. Вы никогда не видели, до чего по-дурацки живут некоторые люди. Представьте себе, у нас двенадцать комнат, [redacted] мы [redacted] них вдвоем — я и мой отец. Наверху еще есть какие-то комнаты, но я туда не хожу. Это очень смешно — двенадцать комнат на двух человек... Так поедем, а? Там у нас есть зеркало размером приблизительно с этот мост. Вы увидите [redacted] нем свое лицо, вам сразу станет весело. Вам принесут ужин, выпьете сладкого вина... Выспитесь на мягкой постели... *(Подсаживается к Ксении.)* Утром солнце войдет [redacted] высокое окно... Поедем?

Ксения *(шепотом)*. Да.

Хлебников. Миша, приведи извозчика.

Миша уходит.

Как вас зовут?

Ксения. Ксения. *(Горько плачет.)*

Хлебников. Ну милая, ну бедная девочка, довольно, довольно... У меня вам будет хорошо. Вас никто не обидит... Я вам нравлюсь? Хоть немножко?

Ксения. Да...

Голос Анюты. Ксе-ню! Ксе-ню!

Ксения встает и бежит.

Хлебников. Куда ты?

Ксения. Это меня... Я не хочу. Уйду. Я в воду кинусь!

Хлебников. Идем, идем! Не хочешь — [redacted] не нужно. *(Уходит с Ксенией.)*

Появляется городовой, смотрит им вслед. Приближаются Анюта и Любовь.

Анюта. Ксе-ню!.. *(Городовому.)* Дяденька!

Городовой. Кой я тебе дяденька...

Любовь. Скажите, вы не видели, не проходила тут девушка в черном платке?

Городовой. Так что [redacted] черном платке — была.

Любовь. Худенькая. Высокая.

Городовой. Тоща, верно. Обморок с ней был, что ль, сидела тут.

Анюта. Это Ксеничка!..

Любовь. В какую сторону она пошла?

Городовой. Вон туды с кавалером побежала. Как услышала, что кличут, так [redacted] побежала. К Балчугу. Украла, что ль, чего?

Анюта. С каким кавалером?

Городовой. А с господином, с господином. С таким барином, что о-го-го! Да, теперь, хе-хе-хе, не поймаешь.

Слышен цокот копыт.

Анюта *(отчаянно.)* Ксеня!!! *(Бросается бежать.)*

Цокот копыт удаляется.

Городовой. Уехала. Чего уж там.

4. У БОГАЧЕЙ В ХОРОМАХ

Библиотека в особняке Хлебниковых. Большие окна с видом на Кремль. Зимний солнечный день.

Хлебников-отец и управляющий.

Управляющий. Таким образом, мы заканчиваем год с удовлетворительным балансом. Ваш доклад акционерам прозвучит веско.

Хлебников. Они не бывают довольны. Никаким балансом вы их не удовлетворите. Все равно скажут — мало.

Управляющий. Александр Егорыч, мы используем решительно все возможности!

Хлебников. Что вы мне это говорите? Вы попробуйте им доказать!.. Все?

Управляющий. Мы не условились о формировании ночной смены.

Хлебников. Формируйте.

Управляющий. Предлагаю перевести на ночную работу часть беспокойного элемента.

Хлебников. У нас много такого элемента?

Управляющий. Он везде есть, Александр Егорыч. Взгляните. *(Достает смятый листок папиросной бумаги.)*

Хлебников *(читает)*. «Пусть же скорее под живым напором революционной волны...» Неразборчиво.

Управляющий *(подсказывает)*. «...организованного пролетариата...»

Хлебников. «...организованного пролетариата разлетится в прах как трон тирана-самодержца, так и...» Что?

Управляющий. «...так и основанный на эксплуатации буржуазный мир».

Хлебников. Заграничное производство?

Управляющий. Возможно — отечественное.

Хлебников *(прячет листок в карман)*. Не натягивайте вожжи.

Управляющий. Напротив, я даже даю некоторые поблажки. Волнения нежелательны...

Хлебников. Старым рабочим дайте к рождеству наградные. Одного из мастеров поставьте руководить ночной сменой.

Управляющий. Мне нужны еще ваши полномочия в отношении бараков.

Хлебников. Какие полномочия? Набирайте людей и вселяйте в бараки.

Управляющий. Инспекция составила акт. Наши бараки переполнены; много заболеваний. Инспекция будет возражать против нового уплотнения.

Хлебников. Мне наплевать на инспекцию. Рабочие со специальностью имеют жилища. Чернорабочих вы найдете сколько угодно. Их претензии меня не интересуют.

Управляющий. Вы позволите мне смягчить ответ, когда я буду писать в инспекцию?

Хлебников. Это ваше дело. Я попрошу вас передать вот это в контору *(достает из ящика пачку бумаг)*; пусть проверят калькуляцию.

Управляющий *(просматривает бумаги)*. Я слышал об этом проекте. Очень любопытно...

Хлебников. Да. Блеснул Шурка. Специалисты говорят — не без таланта сделано. Я передал проект в Думу. Ну, малый, понятно, в лихорадке...

Управляющий. Ходят слухи, что Александр Александрович развелся с женой, это правда?

Хлебников. Нет. Она у него взяла отдельный вид на жительство и в один прекрасный день удрала. Так-таки удрала, не сказав до свидания. Оставила записку в две строчки.

Управляющий. И неизвестно где?..

Хлебников. Не удосужился разыскивать. И сын, кажется, тоже. В конце концов, вольному воля. Так вы передайте эти расчеты в контору. Пусть проверят срочно.

Управляющий. Непременно, Александр Егорыч. *(Уходит.)*

Хлебников звонит. Входит слуга.

Хлебников. Придет мастер Сушков — пустишь его.

Слуга. Слушаю. *(Уходит.)*

Входит Хлебников-сын.

Хлебников-сын. Говорят, ты интересовался мною.

Хлебников-отец. Еще вчера вечером.

Хлебников-сын. Меня не было дома. До сих пор интересуешься или уже перестал?

Хлебников-отец. До известной степени интересуюсь. Я отослал твои сметы проверить.

Хлебников-сын. Очень благодарен.

Хлебников-отец. Экая у тебя, брат, рожа помятая.

Хлебников-сын. Меня слишком любят женщины.

Хлебников-отец. Да; кроме одной. Ты бы осторожней со здоровьем. Мне жить недолго. Циммер сказал — сужение сосудов. Скоро сердцу крышка.

Хлебников-сын. Ну, почему скоро...

Хлебников-отец. Год, три, пять... Все там будем.

Хлебников-сын. Где нет печали...

Хлебников-отец. ...ни воздыхания. Вырастет трава. Жирная, зеленая... Ты останешься главой фирмы. Надо беречь себя.

Хлебников-сын. Фирма... Закопченные цеха, зловонные бараки... Ты проходишь сквозь эту копоть, как бог. Я не гожусь для такой роли.

Хлебников-отец. Ты чистоплотный.

Хлебников-сын. Да. Я чистоплотный.

Хлебников-отец. На что ты годишься, чистоплотный?

Хлебников-сын. Кажется, [redacted] доказал, на что гожусь. Я разработал мой проект.

Хлебников-отец. Проект... Это ведь, откровенно говоря, забава, фантазия, когда-то будет... Для фантазий, знаешь ли, время нельзя сказать, что подходящее... Почитай-ка. *(Бросает сыну листовку.)* Ему мерзко от копоти и зловония. Скажи пожалуйста! Я тоже чистоплотный, [redacted] ничего, живу, [redacted] вкус нахожу, [redacted] место свое в первом ряду дешево не уступлю никому! Вы!.. Болтуны, парламентарии, из жидкого теста замешанные, боящиеся ботиночки [redacted] грязи замарать,— на чьи рубли ваши ботиночки куплены? Из копоти и вони добыты эти рубли! И откуда в вас эта кисейность, мадмазели проклятые?!

Хлебников-сын. Отпусти меня в Париж. Вдали от тебя я забываю, что я кровопийца.

Хлебников-отец. Не держу; поезжай. Думаешь служить там? Инженеришкой у какого-нибудь мусью? *(Ждет ответа.)* А если нет, то ведь эта копоть всюду за тобой поедет, Шурка, и субтильный франк так же смердит, как русская полтина... И что тебе Париж? Ты уже хлебнул Парижа и вернулся в Москву! Эх, Шурка... Мне бы в молодости твой инженерский диплом! Мне бы твои способности, твою наружность, твою жену! А ты? Шляешься по кабакам и строишь воздушные замки.

Хлебников-сын. Ты меня звал, чтобы сказать все это?

Хлебников-отец. Я тебя звал, чтобы сказать, что шестнадцатого твой проект будет рассматриваться в Думе... Ну вот, даже побледнел. Не питал бы ты лучше иллюзий, а готовился к худшему...

Хлебников-сын. Провалят?

Хлебников-отец. Скорей всего.

Хлебников-сын. Обязательно провалят?

Хлебников-отец. Не то время и не те мужички у нас в Думе, чтобы прошел твой проект.

Хлебников-сын. Но если идея хороша, почему бы ей и не пробить себе дорогу?

Хлебников-отец. Только не в головы наших думских.

Хлебников-сын. Ну... посмотрим! Я вам подберу аргументы. Должны же быть такие аргументы, которые действуют и на думских?

Хлебников-отец. Найди.

Хлебников-сын. Найду. Поборемся.

Хлебников-отец. Борись, борись... Борец... Ты кого это прячешь в голубой комнате?

Хлебников-сын. Я не прячу, она сама прячется... Это Ксения.

Хлебников-отец. Что за Ксения?

Хлебников-сын. Модисточка. Хотела утопиться, мы с Мишей спасли. На все вопросы отвечает только слезами. Очень юное создание, пережившее какую-то драму, очень целомудренное, прелестное своей чистотой и робостью...

Хлебников-отец. Даже целомудренное?

Хлебников-сын. Представь себе. Целомудренное. Ты, конечно, вообразил бог знает что. А я захожу к ней поцеловать руку — и больше ничего. И каждый подарок она принимает с таким детским удивлением, что приятно смотреть.

Хлебников-отец. Влюбился!

Хлебников-сын. Это плохо?

Хлебников-отец. Почему же. Очень хорошо... Показал бы, может быть?

Хлебников-сын. Тебе?.. Понимаешь, она всех бо-

ится. И никак не перестает плакать. Сейчас послал к ней Мишу — он играет ей на гитаре и поет. Смешно безумно, и она рыдает.

Хлебников-отец. Н-да... Послушай... После твоей жены остались брильянты, где они?

Хлебников-сын. У меня.

Хлебников-отец. Лучше положить в сейф.

Хлебников-сын. Ты боишься, что я их прокучу?

Хлебников-отец. Я боюсь, что эти камушки, которые носила она, перейдут по пьяной лавочке к какой-нибудь Ксении.

Хлебников-сын. Не бойся. Мне дороги эти камушки... не меньше, чем тебе. *(Пауза.)* Хорошо, я их тебе пришлю.

Хлебников-отец. Сделай одолжение.

Хлебников-сын уходит. Входит слуга.

Слуга. Александр Егорыч, мастер Сушков дожидается.

Хлебников-отец. Веди сюда.

Слуга *(за дверь)*. Войдите.

Входит Сушков. Слуга уходит.

Хлебников *(подает руку)*. Иван Семенов — так?

Сушков. Иван Степанов.

Хлебников. Степанов, да. Садитесь.

Сушков чопорно садится.

Я за вами послал... вот по какому делу... *(Медлит.)*

Сушков. Могу догадаться. Слыхал от людей. Но я к этому непричастный.

Хлебииков. Вы ни при чем. Это случайность, конечно. *(Запирает двери, садится.)* Рассказывайте, как это вышло.

Сушков. Вышло так, что я ее выгнал из дому за поведение.

Хлебников. Как — выгнали?

Сушков. Да, выгнал. Дошла до бесстыдства полного в поступках.

Хлебников *(грубо)*. Кто?

Сушков. Моя дочь Ксения.

Хлебников *(коротко засмеявшись)*. Я не понял. Так Ксения — ваша дочь?

Сушков. Я за нее не ответчик. Знать не хочу ее после всего этого.

Хлебников. Строгий вы человек.

Сушков. Нельзя без строгости. Нас, простых людей, с грязью смешать легко. Пусть живет как хочет.

Хлебников. Верно. Пусть сами разбираются в своих делах. И нам дадут жить... Так вы полагаете — я из-за дочери вызвал вас?

Сушков. Да, полагал так.

Хлебников. Я и не знал, что это ваша дочь. Дело в следующем: у вас в квартире живет Любовь Андреевна Хлебникова, моя родственница.

Сушков. Я спрашивал, не родня ли ваша. Сказала — нет.

Хлебников. Расскажите о ней.

Сушков *(подумав)*. Живет вообще скромно...

Хлебников. Откуда деньги берет?

Сушков. Музыке учит. Иногда платья свои продает.

Хлебников. Платья. Голодает частенько, а?

Сушков. Не то что голодает, и так... недостатки. Жена угощает ее, она...

Хлебников. Не берет!

Сушков. Говорит — сыта.

Хлебников. Гости к ней ходят?

Сушков. Не видал.

Хлебников. Где она бывает?

Сушков. На уроки ходит. На концерты ходит.

Хлебников. Инструмент у нее какой? Ну... рояль, пианино? На чем играет?

Сушков. Напрокат взяла пианину, жалуется — плохая. Рояль бы мне, говорила, настоящий. Так не станет у ней в комнате рояль.

Хлебников. Такая комната, что и рояль не станет?

Сушков. Не станет.

Хлебников. Как выглядит? Румяная, бледная? Не худеет? Не плачет?

Сушков. Я мало приглядывался, сказать по правде. Женщина приличная.

Хлебников. Ну вот... *(Достает бумажник.)* Слушайте... Это вы возьмите себе... за беспокойство.

Сушков хочет что-то сказать.

Погодите. А это — осторожно, чтобы Любовь Андреевна не видела,— положите ей под подушку, на столик,—одним словом, чтобы она не знала, откуда деньги... И сегодня привезут ей новое пианино — тоже не говорите от кого...

Если заболеет, если с нею случится что-нибудь, вы сейчас же дадите знать мне.

Сушков. Что, к примеру, случится?

Хлебников. Неприятности, огорчения. Или какая-нибудь перемена в жизни: ну, захочет переехать на другую квартиру, выйти замуж...

Сушков. Они не могут выйти замуж; они замужние.

Хлебников. Не замуж — так сойдется с кем-нибудь... Сейчас же мне сообщите. И чтобы никто не знал.

Сушков. Знать никому не нужно. Сколько тут денег?

Хлебников. Двадцать и сто. Двадцать вам.

Сушков. На чай не беру, Александр Егорыч. Положу ей все сто двадцать. *(Встает.)* Поклон передавать?

Хлебников. Ничего, ни слова. Вы сейчас на завод?

Сушков. Да.

Хлебников. Зайдите к управляющему, он поговорит с вами. Прощайте. *(Подает руку, звонит.)* А может, станет рояль-то? Небольшой.

Сушков. Не станет, Александр Егорыч.

Входит слуга.

Хлебников. Проводи.

Сушков уходит со слугой.

(Звонит по телефону.) Двенадцать — тридцать. Илья Борисович? Я послал к вам мастера Сушкова. Поговорите с ним о руководстве ночной сменой. *(Слушает.)* Сын? Вы уверены? *(Слушает.)* Хорошо, назначьте другого. *(Вешает трубку.)*

Входит пожилая горничная со шкатулкой. Ласково покашливает.

Хлебников. Ну?

Горничная *(ставит перед ним шкатулку)*. Александр Александрович прислали... *(Уходит.)*

Хлебников открывает шкатулку, достает футляры, открывает, смотрит. Достает нить жемчуга. Нить цепляется за другие вещи, ползет из шкатулки медленно.

Хлебников *(тянет нить)*. Все бросила, а? Рояль поставить некуда, а? Ну, Любка, ну что за Любка... Ну, хоть объясни ты мне: какого рожна?..

5. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ. АНЮТИНА ЛЮБОВЬ

Уже знакомая читателю проходная комната в квартире Сушковых. Зимний вечер. Бутов сидит у стола, обедает и читает газету. Анюта — по другую сторону стола.

Анюта. Вам очень хочется есть?

Бутов. Очень.

Анюта. А мне всегда не хочется. Отчего это?

Бутов. Потому что ты на воздухе не бываешь.

Анюта. Когда ж бывать? Утром я к Софье Павловне иду. Приду от Софьи Павловны — надо маме помочь, полы помыть, прибрать посуду. А там и спать пора. Вы устали?

Бутов. Нет, ничего.

Анюта. А я устала.... Знаете, мне скоро будет шестнадцать лет.

Бутов. Совсем большая девица.

Анюта. Мне Софья Павловна прибавит жалованья. Буду получать тринадцать рублей.

Бутов. Ого!

Анюта. Да. Только мне, наверно, придется платить домой за харчи. Я ведь у Софьи Павловны не столуюсь. С Сереги отец уже давно берет, а с меня нет еще, потому что я мало получаю. И с Ксени брал, и с Павла... Теперь, наверно, и с меня возьмет... А если не возьмет, то самой навязывать деньги не нужно, правда? Все равно я почти ничего не ем. А платья и башмаки сама себе покупаю. Я хочу купить газовый шарф, бледно-розовый, мне так нравится... Знаете что?

Бутов. Ну? Не знаю.

Анюта. Поедемте в воскресенье в Нескучный сад.

Бутов *(ласково передразнивая)*. Тебе очень хочется?

Анюта. Очень. Ксеня была, а я нет.

Бутов. Зимой разве пускают в Нескучный?

Анюта. Может, пустят. Мы по дорожкам походим. Там, наверно, снег белый, чистый... и деревья белые... и воздух блестит. Знаете, воздух блестит, когда мороз,— такими скоренькими блесточками... Ей-богу, поедемте, Родион Николаич.

Бутов. В воскресенье. В воскресенье я весь день занят, Анютины глазки.

Анюта. Весь день? А вечером?.. Знаете что: пойдемте

вечером в театр. Я билеты куплю, у меня есть деньги, ей-богу, три рубля. Ксеня была, а я никогда.

Б у т о в. Пойди с Сережей.

А н ю т а. Я хочу с вами.

Б у т о в. Да почему?

А н ю т а. Так. Серега — брат.

Б у т о в. Вот – самое тебе подходящее: пойти в театр с братом. Ведь ты еще девочка, маленькая девочка..

А н ю т а. Неправда! Я давно не девочка, только никто не видит. Я уже три года работаю. Через год замуж выйду Надоело мне дома...

Б у т о в. Жених есть на примете?

А н ю т а *(помолчав)*. Может, и есть.

Б у т о в. Красивый, с усиками?

А н ю т а. Не очень красивый.

Б у т о в. Умный, по крайней мере?

А н ю т а. Когда умный, и когда и не очень

Б у т о в. За неумного не иди.

А н ю т а. Вы не хотите, чтобы я шла?

Б у т о в. В шестнадцать лет вообще рано. Искалечишь жизнь.

А н ю т а. Она все одно калечная. Жизнь-то.

Б у т о в. Не всегда же она будет такая.

А н ю т а. Скажете — другая будет?

Б у т о в. Будет.

А н ю т а. Обязательно?

Б у т о в. Обязательно!

А н ю т а. Вы говорите, как будто знаете

Б у т о в. Я знаю. И ты это знай.

А н ю т а. И скоро она будет, другая?

Б у т о в. Скоро. Мы с тобой увидим ее.

А н ю т а. Ей-богу?

Б у т о в. Береги себя для другой жизни.

А н ю т а. А вдруг вы обманываете, тогда что? Засижусь в девках, все буду наметывать и швы тачать — беречь себя... для другой жизни, и она не придет. И стану старая и злая. И помру. И наденут мне белые чулки, руки сложат крестом... И вы придете проститься, тоже старенький, голова трясется... И скажете: эх, Анютины глазки, не дождалась ты другой жизни и эту проворонила!.. А я скажу: молчали б лучше; из-за кого проворонила, из-за вас же. Хоть тихо, а скажу. Хоть тихо, и вы обязательно услышите.

Б у т о в. Плачешь, этого недоставало... Сама себя разжалобила? Умирать не хочется?

А н ю т а. Не хочется.

Б у т о в. Да зачем же умирать? Мы долго будем жить. И в театр с тобой пойдем, и в Нескучном саду погуляем, и чего-чего еще у нас не будет!.. Слушай — мы с тобой в новой жизни встретимся: вспомним, как мы в этом подвале сидели, как ты меня обедом кормила, и плакала, и на похороны к себе приглашала, и ты засмеешься,— ну, уже смеешься, все в порядке!

А н ю т а. Родион Николаич, почему вы такой?.. Вы, ну я не знаю, таких людей, по-моему, больше и нету... Почему мне возле вас до того хорошо, до того хорошо...

Молчание. Шаги за стеной.

Б у т о в. Это не Сережа вернулся? Нет, это Иван Степаныч самовар ставит. Сейчас начнет колоть лучину.

Слышно, как колют лучину.

Сейчас придет сюда и будет на кого-нибудь сердиться.

А н ю т а. Родион Николаич, так не нужно со мной поступать. Я не маленькая. Я, может, больше вашего перевидала. У нас, например, почти все девчонки гуляют. Скажете — плохо?

Б у т о в. Что же тут хорошего?

А н ю т а. Ой, какие вы, ей-богу, скорые, когда судите девчонку! А вы подумайте: вот наденет она в воскресенье шарфик какой-нибудь и идет под ручку по бульвару, и воображает, что она уж такая нарядная, такая красивая! И что в нее может влюбиться кто хочешь... и что в ро́манах про таких вот именно пишут, как она... Да что бы она была без этого воображения? Она бы и жить не захотела, если б не воображала иногда... Вы не смотрите, как мы живем. Мы живем очень хорошо. У нас квартира, все на кроватях спим — правда, Серега на лавке... Всегда есть чай, сахар, обед... Не все так! Есть такие дети, Родион Николаич, такие дети... Ну, вырастут эти детки. Что они видели, какая у них может быть радость?.. Так что нечего нас, девчонок, презирать.

Б у т о в. Да кто тебе сказал, что я презираю?! С чего ты взяла?

А н ю т а. Вот с того. Вот вижу. Я все вижу, не беспокойтесь. *(Упавшим голосом.)* Вы на Любовь Андреевне хотите жениться.

Б у т о в. Тшшш!.. Что ты на самом деле!

Анюта. Ее дома нет. И она тоже хочет.
Бутов. Да мы с ней почти не говорим...
Анюта. Ничего не значит. Я вижу.
Бутов. Что ты видишь?
Анюта. Как она на вас смотрит. И как вы на нее смотрите.
Бутов. Фантазерка, все сочиняешь что-то, сочиняешь...
Анюта *(с надеждой)*. Вы на ней не женитесь?
Бутов. Куда мне жениться, посуди. Я же птица перелетная, ни кола, ни угла, вчера в Казани, нынче в Москве, завтра, может быть, еще куда-нибудь поеду... счастья искать. Где тут семьей обзаводиться...
Анюта. А может, бог даст, повезет вам, и устроитесь хорошо, и можно будет тогда... Знаете что? Мне еще правда рано замуж. Я подожду.
Бутов. Все, все сочиняешь. Совсем не это тебе нужно. Не на той почве растешь. Очень уж почва каменистая, ну и — чахнешь. Ни один садовник тебя не холит, только хозяева над тобой — десять хозяев, ни одного садовника... Ты знаешь, Анютины глазки, что ты талантливый человек?
Анюта. Какой?
Бутов. Талантливый. Тебе надо почувствовать себя вольной, уверенной. Хозяйкой! Больше радоваться нужно И — попросту — отдыхать, гулять, смеяться. И перестанешь чахнуть, и расцветешь. И это будет.
Анюта. Будет?
Бутов. Будет.

Молчание.

Анюта. Родион Николаич! А мне можно теперь разговаривать с вами... как раньше?
Бутов. Конечно, и что случилось? Все по-старому Анютины глазки. Ведь мы друг друга понимаем.
Анюта. Я не понимаю.
Бутов. Что же тебе непонятно?
Анюта. Вы кто?
Бутов. Ты разве не знаешь, кто я?
Анюта. Ну, знаю, что на заводе в конторе служите А почему к вам никто не ходит?

Входит Сергей, останавливается, слушает

Тут за углом тоже один конторщик квартирует Так к нему приятели ходят, играют на гитаре, пьют водку И письма

вам никто не присылает, разве у вас нет сродников? И всё вы работаете, даже по воскресеньям уходите, и денег получаете мало...
Бутов. В высшей степени загадочная личность.
Сергей. Ты, Анютка, делай, знай, свое дело и молчи. Убери-ка вот со стола.

Анюта уходит с тарелками.

Я Высоцкого видел, он велел передать, что Анна Ивановна уехала, приказывала кланяться.
Бутов. Очень хорошо.
Сергей. В воскресенье занятий на Серпуховке не будет. Приглашают на Плющиху.
Бутов. А что с Серпуховкой?
Сергей. Опасаются. К двум часам соберутся на Плющихе.
Бутов. Хорошо.
Сергей. У нас на заводе набирают людей. Будут две смены. Меня хотят перевести в ночную.
Бутов. Для нас это выгодно?
Сергей. Сперва я не хотел. Но Высоцкий говорит — соглашайся. В ночной смене будет много новых рабочих.

Входит Сушков.

Сушков. Кого не видел — здравствуйте.
Бутов. Добрый вечер, Иван Степаныч.
Сушков. Нет. Недобрый. Недобрый вечер. Вот, Родион Николаич, ты человек умный... *(Садится.)* Рассудика. Ежели отец работает как вол, старается, а сын ему палки в колеса тычет — как это назвать?
Сергей. В мой огород полетело, с чего бы?
Сушков. Я не с тобой разговариваю. Ты знаешь, Родион Николаич, где я сегодня был? Не угадаешь: у хозяина в доме.
Сергей. У Хлебникова?
Сушков. Да, у Хлебникова. И Александр Егорыч со мной за руку поздоровался и попрощался. Вот как.
Сергей. В честь чего вы туда ходили?
Сушков. Это уж тебя не касается. Аль, может, касается? Ты же теперь ко всему касаемый... Прикажи — я тебе доложу.
Сергей. Больно вы сегодня злые. На кого это?
Сушков. На болтунов, на молокососов, вот на кого.

Сергей тяжело исподлобья смотрит на отца.

Ты меня глазами не пугай, не боюсь: я сам такой же страшный. Из моего же материалу ты сделан, только похуже.

Сергей. Покрепче...

Сушков. Врешь. Я мастер кузнечного цеха. Ты мастер горло драть. Разница!

Сергей. Мастерство вам дороже товарищества.

Сушков. Врешь, врешь; у меня тоже есть товарищи. Только разные они у нас с тобой. Мне товарищ тот человек, который умеет за себя в жизни постоять. Из кулька в рогожку работая, осуждая порядки, думаете получить свою фортуну. Трудиться надо! Кто умеет трудиться, тот мне товарищ!

Входит Анюта, слушает

Сергей. Кто умеет деньгу выколачивать

Сушков. Вора не уважаю..

Сергей. Хлебникова уважаете.

Сушков. Вора не уважаю. А ежели человек трудами скопил, как Софья, либо умом, как Хлебников,— уважаю и человека, и его деньги. Ты, Серега, со своими товарищами головы не сносишь — и поделом! Поделом! Я сегодня все узнал! Смотри, допрыгаешься — я адвокатов нанимать не буду!

Сергей. Без ваших адвокатов обойдется.

Сушков. С кем водишься? С кого берешь пример? С самых несуразных людей. С тех, что вечно прячутся по закуткам, живут по фальшивым паспортам, из тюрьмы в тюрьму кочуют, гнезда не вьют. Ты с отца бери пример. Хуже тебя начинал: с пяти рублей в месяц. А вы благодаря моим стараниям вон в какой холе живете: квартира у вас, самовар подают, как барчукам... Еще годик-два поработаю — и уедем мы с матерью в тихий какой городок, купим домик, сад разобьем, будем нежиться... Ну ладно: я тебе не нравлюсь — возьми пример с Родиона Николаича. Бедный молодой человек, без родни, без поддержки, а работает за троих, держит себя в конторе как нельзя приличней. Средства малые, а живет аккуратно, никаких глупостей себе не позволяет, платит вовремя. Глядишь, и в должности повысят, и жалованья прибавят... Вот у таких жизнь в руках, они хозяева своей судьбы.

Сергей *(смотрит на Бутова)*. Я бы не прочь быть таким. Да, должно быть, еще кишка тонка.

Сушков. Вот. А говоришь — крепко сделан. Брат твой Павел... Он тоже критик был большой. Но на устои

не покушался: надеялся на бога и царя. Он и работал лучше тебя, и добывал больше. А ты, видно, при всех болтаешь, ежели управляющий знает... *(Бутову.)* Послал меня Хлебников к управляющему, а тот говорит: «Хотели мы тебя, Иван Степанов, назначить старшим в ночную смену, да сын твой, говорит, замечен в разговорах; ты его, говорит, образумь». И теперь назначают старшим Коврова Никиту. *(Сергею, сдерживаясь.)* Сам за решетку метишь, да еще отцу ножку подставляешь. Забастовка ему понадобилась... Чтобы окончательно у всех животы подвело...

Сергей. Кругом бастуют.

Сушков. Дурак в речку бултых с головой — так и мне за ним? Спасибо!

Сергей. Бросьте вы чванство ваше. Чем чванитесь-то — что под Хлебниковым тридцать лет в послушании ходите?.. И проповеди ваши бросьте, никому больше эти проповеди в уши не лезут!.. Серьезный человек, а говорите пустяки, стыдно слушать... Сад! Какой там сад! У вас, значит, сад будет, а тыщи людей — подыхай?! Когда все живое скрозь топчут, душат... Может живое согласиться, чтоб его удушили окончательно? Никогда не согласимся! Живое жить хочет... и будет жить!

Сушков. А меня не душили? А меня не душили?! Так выбирать-то не из чего! Либо выдержи, либо погибни!! Твердыня, крепость стоит нерушимая! Где те люди, что могут ее свалить?

Сергей. И люди такие есть, и не так-то уж она, думается, неприступна, крепость-то. Ну, возможно, не сразу, не с первого натиска...

Сушков *(негромко)*. Слушай, Сергей. Я в своей семье главою был всегда, главою и останусь. Хочешь своим рассудком жить — живи; не имею довольно силы, чтобы противиться. Но — отойди от семьи. А хочешь остаться — кинь свои мысли, всё кинь за порог, чтобы тут ничего не осталось. Такое мое условие.

Сергей *(так же негромко)*. Ага. Ладно. Нынче уже поздно — завтра съеду.

Сушков. Куда же ты съедешь, голова дубовая, бродяга?!

Сергей. Найду угол.

Сушков. А сейчас куда?

Сергей. Спать пойду, уморился. *(Идет к двери; с порога.)* Матери я сам объявлю.

Анюта порывается за ним.

Тебе чего надо? Сиди. *(Уходит.)*

Сушков. Пропадет...

Бутов. Нет. Не пропадет.

Сушков. Пускай-ка проживет на свои заработки Уж такой великолепной жизни, как при отце с матерью, ему не видать.

Бутов. Вы считаете, что ваша жизнь великолепная?

Сушков. Для рабочего человека — очень даже великолепная. Поди посмотри, как другие живут.

Бутов. Детям вашим она не кажется великолепной.

Сушков. Павел не жаловался, душа в душу с ним жили. Почтительный был Павел... и благодарный. *(Идет в комнату Любови и возвращается.)* А легко мне перенесть, что Никита Ковров почтён, а я в стороне? Я на заводе тридцать второй год.

Бутов. Опыт у вас. Огромный!

Сушков. Еще бы не огромный.

Бутов. Вы, должно быть, лучше Хлебникова знаете дело.

Сушков. Хлебников только пенки снимает. Не хуже управляющего знаю завод — и людей знаю.

Бутов. При других обстоятельствах вы могли бы управлять заводом.

Сушков. Управлять?..

Бутов. Будь у вас образование...

Сушков. Хватил! Образование! Откуда его взять-то, образование!

Бутов. Я от скольких уже слышал — хвалят ваши способности, ум...

Сушков. Голова-то, кажись, ладно устроена... А образование... нам, милый, не положено! Всю жизнь одна забота: о куске хлеба!

Бутов. А Сергей так не хочет. Сергею надо больше чем кусок хлеба.

Сушков *(воспламеняясь снова)*. Сергею я знаю чего надо! Он не образовывать себя пошел! Он — другое совсем...

Входит Филя с узелком.

Филя. Здравствуйте. Из баньки прямым ходом. Был в баньке — дай, думаю, схожу, чайку попью Начальство заругает — ничего! Оно ругает, а я уж чайку попил *(Смеется.)*

Сушков. Ну... с легким паром

Филя. Спасибо.

Сушков. Садись. Марья!

Входит Марья Алексеевна.

Марья, дай ему чаю, да побольше хлеба нарежь.

Марья Алексеевна уходит.

Да. Ты садись.

Филя *(садится)*. Жиличка ваша дома?

Анюта. Нету.

Филя. Вот ты не велишь у нее деньги брать. А почему не взять? Она, говоришь, чай с баранками пьет; а другому человеку не на что кваску купить, тюрьку сделать. А в ресторане Тестова, рассказывают, купец Зворыкин на пари пять фунтов икры съел.

Анюта. И что?

Филя. Завтра хоронят. Не отходили доктора. Пять ведь фунтов! А сейчас иду к вам — стоит молодой такой да ладный, ругается: два дня, говорит, не евши, и работы не дают нигде. Ишь оно на свете как получается.

Сушков *(Бутову)*. Вот посмотри на этого человека. Таким и я буду, ежели потеряю свою линию... *(С силой.)* Нет! Не дождется Серега!

Входит Марья Алексеевна.

Марья Алексеевна. Филя! Иди на кухню пить.

Сушков *(гневно)*. Сюда подай! Я те дам — на кухню... В гости человек пришел!

Марья Алексеевна. Матушка, владычица... *(Уходит, Анюта за нею.)*

Сушков. А ведь ты тоже был хороший рабочий, Филя.

Филя. Я-то? Я, Степаныч, все делал хорошо, слава богу. Я орел был! Помню, бывало...

Анюта вносит чашку и хлеб.

Спаси Христос, Анюточка. *(Пьет с жадностью.)*

Сушков. И вот: дурацкий случай, и в богадельне кончаешь век. *(Уходит в кухню.)*

Филя. Анюточка! Было письмо от Павла аль не было?

Анюта отрицательно качает головой.

Я у Степаныча уж не допытываю. И у Алексеевны не допытываю. Ах, господи, господи!

Бутов уходит в свою комнату

Анюта. Дедушка! Знаете что? Серега теперь с нами не будет жить.

Филя. Как это, почему?

Анюта. Они тут разговаривали, и Серега сказал — завтра съеду. Угол, говорит, найду.

Филя. Да из-за чего, Анюточка, причина-то какая?

Анюта. Поругались. Отец сердился на Серегу. Ох, надоело мне, дедушка! Ушла бы я, ушла отсюда... в Нескучный сад!

Входит Марья Алексеевна.

Марья Алексеевна. Говорю, говорю. Долблю, долблю. Ведь нету его уже, нету деточки моего... Давай, говорю, перепишем его на поминальный лист. Лежит, говорю, в земле, а мы не помянем...

Входит Сушков.

Сушков. Марья! Живого человека поминать за упокой — великий грех. Запомни.

Филя *(Марье Алексеевне)*. Ты обожди. Ты не плачь. Может, он живой-здоровый, Павел-то...

Марья Алексеевна. Нету... Чует сердце. Спать не могу — все он перед глазами.

Сушков, махнув рукой, уходит.

Хоть бы помянула его... А тут Ксеня.

Входит Любовь.

Любовь. Здравствуйте, дедушка. *(Проходит в свою комнату.)*

Филя. Что Ксеня?

Марья Алексеевна. Загуляла девка. Ночью на извозчике с мужчинами едет, песни поет... Люди видели...

Филя. Ты сядь. Чайку попей. Отойдет от души...

Марья Алексеевна. Не надо мне ничего.

Быстро входит Любовь.

Любовь. Кто входил в мою комнату? Марья Алексеевна, вы не видели, кто?

Марья Алексеевна. Спаси бог, пропало что-нибудь?

Любовь. Да нет: деньги кто-то оставил у меня. Сто двадцать рублей.

Марья Алексеевна. Кто же входил?

Анюта. Отец входил.

Марья Алексеевна. Спрошу. *(Уходит.)*

Филя. Степаныч денег в чужой комнате не забудет. Нет!

Входит Сушков.

Сушков. Ты что, Андреевна, беспокоишься?

Любовь. Иван Степаныч, это вы около зеркала деньги положили?

Сушков. Я заходил посмотреть, закрыты ли вьюшки.

Любовь. А где Сережа?

Сушков. Спит. Его и спрашивать нечего: у него сроду таких денег в руках не было. Не найдешь, видно, хозяина.

Любовь. Странно...

Сушков. У тебя на столе лежат, никто не признается — стало быть, твои.

Любовь. Странно... *(Уходит.)*

Филя. Разволновалась. Большие деньги — сто двадцать рублей...

Сушков. Гордая она, из богатой семьи... Ты допивай, Филя, я к Марье пойду.

Филя. Позволил бы ты ей помянуть его за упокой — может, ей бы полегчало.

Сушков. В тот час, когда перепишу его в поминанье, лучше мне самому помереть! Нету мне никого нужнее Павла и не будет!

Марья Алексеевна *(в дверях)*. Степаныч! Выйди. Там пианину принесли. Для Любовь Андреевны.

Сушков. Пускай сюда несут.

Артельщики вносят пианино.

Сюда давайте. *(Стучится к Любови.)* Андреевна! Покупку тебе принесли.

Любовь *(выходит)*. Покупку?..

Артельщик *(смотрит в бумажку)*. Вы будете Хлебникова Любовь Андреевна?

Любовь. Да. Но я не покупала пианино.

Артельщик. На ваше имя выписано. Куда поставить прикажете?

Любовь *(пробует инструмент — сначала одной рукой, потом двумя; наигрывает; прислушивается)*. Поставить?.. У меня некуда поставить.

Сушков. Оставьте тут пока.

Любовь *(наигрывает)* Сколько вам следует?..

Артельщик. Не извольте беспокоиться. Заплочено. Прикажете оставить тут?

Любовь. Нет! Да, можно тут. Постойте! *(Идет к себе в комнату, выносит деньги.)*

Артельщик. Покорнейше вас благодарим.

Артельщики уходят.

Сушков. Ну вот. Прокатное вернешь, а это на его место станет.

Любовь играет. Бутов в дверях.

Филя *(Анюте)*. Сказали ведь ей: заплочено. А она им десятку кинула. А они, гляди, какие сытые да мордатые. А ты говоришь — чай с баранками. Вот те и чай с баранками!

6. В ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

В Городской думе. Настежь открыта широкая дверь в зал, где происходит заседание. Зал полон, стоят в дверях и проходе. На кафедре — Хлебников-сын. Он кончает доклад.

Хлебников-сын. Господа гласные, я резюмирую. В связи с ростом населения и расширением территории города внеуличная железная дорога является насущно необходимой. Надземная дорога на эстакадах представляет неудобства для жителей вследствие шума, подземная же не создаст никаких неудобств и принесет колоссальные доходы не только своим строителям, но и тысячам московских домовладельцев. А также предпринимателям и посредникам, ибо для строительства потребуются в больших количествах бетон, железо, лес, чугун и другие материалы. В рабочих руках недостатка не будет. Что касается облегчения жизни горожан от проведения такой дороги, то есть метрополитена, то оно поистине огромно. Москвич спускается под землю в Охотном ряду, садится в поезд и через десять минут выходит в Сокольниках — сколько времени и сил человеческих сберегается таким образом, вы можете себе представить наглядно!.. Полагаю, что вопрос ясен. Прошу господ гласных решить: благоволит ли Дума принять мой проект. Я кончил.

Движение, шум в зале.

Городской голова *(звонит в колокольчик)*. Господа, господа, имеются ли вопросы к господину инженеру?

1-й гласный. Да, имеются.

Городской голова. Прошу вас.

1-й гласный. Скажите, господин Хлебников, проверен ли ваш проект в какой-либо авторитетной комиссии?

Хлебников-сын. Он проверен моими товарищами, русскими инженерами. *(Смех.)* Полагаю, что Дума сама благоволит назначить авторитетную комиссию для рассмотрения проекта.

2-й гласный. Позвольте, я.

Городской голова. Прошу вас.

2-й гласный. Господин Хлебников, меня интересует... Ваши выкладки... по части доходов, доходов — в какой мере им... можно доверять?

Хлебников-сын. Раздел доходности, равно как все сметы, скалькулирован в бухгалтерии нашей фирмы по распоряжению Александра Егоровича Хлебникова, с участием высокоавторитетных консультантов. Удовлетворяет ли это господ гласных?

2-й гласный. Да, да, да, гм... вполне! Благодарю вас!

Хлебников-отец *(он стоит в дверях, в небрежной позе)*. Как же, Матвей Фомич, лично интересовался. Подсчет-то верный, будь покоен.

3-й гласный. Разрешите мне задать вопрос, так сказать, более широкого, так сказать, более идейного характера.

Городской голова. Прошу вас.

3-й гласный. Я хочу спросить господина инженера: неужели поезда будут действительно ходить под землей?

Хлебников-сын. Безусловно.

3-й гласный. Покорно прошу господина инженера ответить: считает ли он, что это, так сказать, совместимо с человеческим достоинством?

Хлебников-сын. Вы желаете, чтобы я ответил вам?

3-й гласный. Покорнейше прошу.

Хлебников-сын. Мне кажется, что для людей просвещенных ваш вопрос давно решен в положительном смысле.

3-й гласный. Нет, господа, нет! Я отказываюсь верить! Ползанье под землей наподобие червя несовместимо, господа, ни с человеческим достоинством, ни со священным писанием! Нет, господа, нет!

Смех, шум [redacted] зале.

Хлебников-отец. Понес! Идем-ка, Антон Николаич, закурим.

Несколько человек выходят в фойе, курят.

3-й гласный. Человек создан по образу и подобию божьему, он не станет для вашего удовольствия, господин Хлебников, ползать под землей!

Голос среди курящих *(радостно констатирующий)*. А сам скупает рудничные акции!

2-й гласный *(кричит с места 3-му)*. Аркадий Иваныч, побойся бога, чего ты сюда идею приплел? Это дело коммерческое!

4-й гласный. Что это — дискуссия? Не вижу повода.

Городской голова *(звонит)*. Господа, господа, прошу соблюдать порядок! Объявляю перерыв на десять минут. После перерыва откроем прения по проекту.

Гласные шумно выходят в фойе. Выходит Хлебников-сын, прислушивается к разговорам.

4-й гласный. Какие прения? Дискутировать не о чем.

5-й гласный. Несбыточно, Данила Петрович, несбыточно.

1-й гласный. Сбыточно-то сбыточно. Да ни к чему нам. Вот в чем соль.

3-й гласный. Рискованно, господа. Больно фантастические цифры доходов, сомнительно...

5-й гласный. Большие расходы, не подымем.

6-й гласный. Поднять все можно. Подумайте, миллионные дивиденды!

7-й гласный. Вы судите, как младенец, которому показали цацку. У нас еще трамвай не везде проложен, конка ходит, а вы сразу с конки да на подземный поезд, хе-хе-хе...

2-й гласный. Господа, взвесьте: приобретая подземную дорогу, город лишится доходов от трамвайного передвижения. Взвесьте.

4-й гласный. Подумаешь, занятой человек, американец какой выискался.

1-й гласный. Кто?

4-й гласный. Да москвич. О котором вот инженер беспокоится. Для которого приглашают строить метрополитен. Садится, говорит, этот москвич в Охотном ряду

и через десять минут в Сокольниках. А куда ему спешить, спрашивается? Какие-такие у него, подумаешь, дела [redacted] Сокольниках? Превосходным образом доедет на извозчике часа за полтора.

2-й гласный. За час! На лихаче не больше часа

6-й гласный. А если денег нет на извозчика?

7-й гласный. Это у вас нет на извозчика, хе-хе-хе?

6-й гласный. Не у меня, у москвича...

4-й гласный. А нет денег — и пешочком дойдет превосходным образом.

Хлебников-отец *(подходит)*. Можно взглянуть на дело еще вот с какой позиции: у тебя, Данила Петрович, домик на Поварской, у меня на Балчуге, [redacted] у него — на Солянке.

1-й гласный. Ну?

Хлебников-отец. Допустим, подземная дорога пойдет через Поварскую: твой участок подскочит в цене — [redacted] наши-то с ним владения?..

3-й гласный. Натурально, господа, так [redacted] будет: одному густо, [redacted] другому пусто.

6-й гласный. В Лондоне есть. В Париже есть. В Будапеште есть. И везде получают миллионные дивиденды.

Протоирей *(проходит с 3-м гласным)*. Совершенно согласен с вашим мнением. Сие греховная мечта — спуститься в преисподнюю. Что там есть — ведает один господь, [redacted] нам, рабам его, ведать не надлежит.

3-й гласный. И кто думает иначе, тот подрывает священнейшие устои России!

Давешний голос *(упрямо)*. А как же все-таки с рудничными акциями?

5-й гласный. Фантастика! Лет через сто разве...

Хлебников-отец. Через двести, да... лет через двести, не раньше, осуществится эта фантастика.

7-й гласный. Отец против сына, хе-хе-хе...

Хлебников-отец *(подходит к сыну)*. Слышишь голос Москвы?

Хлебников-сын. Нет, не слышу. Слышу голоса троглодитов, управляющих Москвой.

Хлебников-отец. Ну, вот уж [redacted] троглодитов. Обыкновенные коммерческие люди. Ей-богу, они правы со своей точки зрения. Я ведь тебя предупреждал.

Звонок. Гласные входят в зал.

Хлебников-отец. Пойдем наверх, закусим. Время есть.

Хлебников-сын. Скажи мне откровенно...

Хлебников-отец. Ну?

Хлебников-сын. Ты в самом деле считаешь проект неосуществимым или сводишь со мной счеты за Любовь?

Хлебников-отец. Любовь — Любовью, дело — делом; это во-первых. Во-вторых, какие счеты с тобой могут быть из-за Любови? Она никогда не была твоей. Ходит, присматривается, прислушивается, принюхивается к жизни... и дьявол ее знает, что ей нужно... и кто ей нужен. Ни ты, ни кто другой, я уверен. По крайней мере тогда, когда она жила у нас.

Хлебников-сын. Что до меня, я ни на что больше не претендую. Состоять при ней не так-то легко. Изволь все время быть совершенством, это утомляет в конце концов.

Хлебников-отец. Да, мы с тобой достаточно валяли дурака, пора одуматься.

Входит Миша.

Миша. Что, еще не кончилось? Здравствуйте, Александр Егорович. А я за вами, Шура, как условились.

Хлебников-сын. Все кончилось. Едем, Миша.

Миша. Куда?

Хлебников-сын. К «Яру».

Хлебников-отец. Как, ты уходишь?! Неудобно, Шурка, мальчишество! Надо довести дело до конца.

Хлебников-сын. То есть выслушать отказ. И опять эти готтентотские разговоры и смех... Эти рожи... Едем!

Хлебников-отец. Шурка, это скандал!

Хлебников-сын. Ну и пусть скандал, тем лучше. Ты с нами, папа? Ей-богу, у «Яра» веселей!

Хлебников-отец. Иди к черту!

Хлебников-сын *(уходя)*. Закажем цыган, выпьем со звоном, с бубнами, чтоб на всю Москву было слышно.

Миша *(фыркает)*. С бубнами!

Хлебников-отец. Шурка!

Хлебников-сын. Да?

Хлебников-отец. Поди-ка сюда.

Сын подходит.

Шурка, ты мужчина или ты тряпка, дьявол тебя побери?! Ты сам пошел на этот провал! Никто за шиворот не тянул! Предупреждали!.. Так изволь выстоять до конца! Из-за тебя собрались солидные люди, хозяева Москвы...

Хлебников-сын. Это хозяева? Серьезно?

Хлебников-отец. А кто ж хозяин, ты, что ли?

Хлебников-сын. Не знаю, кто хозяин. Но должен быть хозяин. Не может быть, чтоб не было. Объявится... и даст по шапке... им всем.... и тебе в том числе.

Хлебников-отец. И тебе! Слюнтяю, сморчку...

Хлебников-сын. Скорей всего — и мне. Я, впрочем, попрошусь на службу... к хозяину. Может, примет?

Хлебников-отец. Шут!

Хлебников-сын *(Мише)*. Ксения здесь?

Миша. Ждет внизу.

Хлебников-сын. Едем! *(Уходит с Мишей.)*

Из зала выходит 3-й гласный, за ним на цыпочках репортер с записной книжкой.

Репортер. Но ведь прения только начались.

3-й гласный. Характер прений ясен. Я вам продиктую точную формулировку, чтобы в газете вопрос был освещен надлежащим образом. Вы опишете проект в тоне, так сказать, игривой иронии...

Репортер *(записывает)*. Игривой иронии.

3-й гласный. Перечислите основные возражения против проекта — это займет порядочно места.

Репортер. Основные возражения.

3-й гласный. И в заключение... в заключение вы напишете так: «По-видимому, теперь опасность постройки метрополитена для Москвы уже миновала. Этим мы всецело обязаны... отцам города, затратившим много душевных сил на защиту Москвы в этом деле».

7. У МОДИСТКИ

Мастерская Софьи Павловны. На манекенах и распорках висят сметанные платья. Большой стол забросан выкройками и тканями. Несколько швейных машин. Вечер. Швеи за работой.

1-я швея *(входит)*. Ох!.. Девицы, кого я видела! Ксеньку видела.

2-я швея. Где?!

1-я швея. Тут, на углу. Вышла я, значит, из магазина, заворачиваю сюда, в проулок, гляжу — под фонарем сани стоят, и барыня в санях, во́ в какой шляпе!.. Я на шляпу засмотрелась, барыня мне кричит: «Лиза!» Гляжу — батюшки, наша Ксенька!

3-я швея. И ты подошла?

1-я швея. Ну конечно, подошла.
2-я швея. А она что?
1-я швея. А она говорит — ну, как вы там поживаете, заказов много ли...
3-я швея. А больше ничего не спрашивала?
1-я швея. Как там, говорит, *мой* с вашей хозяйкой живет...
3-я швея. А ты что сказала?
1-я швея. А я правду сказала. Ничего, говорю, живут, дай бог всем так жить.
2-я швея. А она?
1-я швея. Подлец он, говорит.
4-я швея. Тише ты...
5-я швея. Раздобрела, небось, Ксенька-то на легких хлебах.
1-я швея. Куда!.. Такая, как была, если не хуже.
2-я швея. А шляпа, говоришь?
1-я швея. Ох, шляпа!.. Возле самых саней стояла — всю рассмотрела. Ох, там же и шляпа!..
5-я швея. Да, Ксенька не сплоховала. Натянула кому следует нос.
6-я швея. Обрадовались! Загорелись! Счастье какое — Ксеньку встретили. Я ее тоже прошлую пятницу тут возле дома видела.
1-я швея. Чего ж ты не сказала?
6-я швея. А что говорить? Что шлюху повстречала? Невидаль.
4-я швея. Ты аккуратней. При сестре-то.
6-я швея. Ну да, не знает она.
2-я швея. Да она спит.
4-я швея. Опять спит, ну что ты скажешь... Анютка, а Анютка!
6-я швея. Анютка, идем в театр!
Анюта (*очнулась*). Сейчас, тетенька!

Швеи смеются.

1-я швея. Все-таки что-то это означает, что Ксенька вокруг родного гнезда кружит.
5-я швея. Не вокруг гнезда, а вокруг Николая она кружит.
2-я швея. А как же она сказала — подлец?
5-я швея. Мало что говорится.
6-я швея. Подлец он и есть.
4-я швея. Да тише ты, с ума сошла! Хозяйка услышит.

3-я швея. А почему подлец? Он бы на Ксеньке женился, если бы старик приданое дал. Николаю о сестренках надо думать или не надо, если он в своем семействе один кормилец?
1-я швея. Старик всему вина.
3-я швея. А ходит как святой. Старик-то.
2-я швея. А она сохнет.
4-я швея. А Анютка опять спит. Анютка, а Анютка! Лоскуты прибери.
Анюта. Сейчас, тетенька. (*Встает, прибирает.*)
5-я швея. Анютка!
Анюта. А?
5-я швея. Что видела во сне?
Анюта (*улыбаясь*). Нескучный сад.
6-я швея. А ты в нем была когда?
Анюта. Нет еще. Я скоро пойду.
2-я швея. С кавалером?
Анюта. Да...
3-я швея. То-то тебе приснился Нескучный... Что ж ты видала там?
Анюта. Деревья.

Швеи смеются.

6-я швея. Блаженная ты, Анютка... Деревья...

Входит Софья.

Софья. Кончайте. Хватит на сегодня. (*1-й швее.*) Пуговицы купила?
1-я швея. Купила, Софья Павловна. Вот, Софья Павловна. Вот сдача, Софья Павловна.
4-я швея. Софья Павловна, а если еще заказчицы будут?..
Софья. Идите, идите. Без вас мерку сниму. Устала от вашего гомону. Анютка! Как машину накрыла? Накрой хорошенько. Под столом прибери.
Швеи (*одеваются и уходят по одной*). До свиданья, Софья Павловна. Спокойной ночи, Софья Павловна.
Софья (*неласково*). До свиданья... (*Одна.*) Коля! Коля!

Входит Николай.

Иди сюда, посиди со мной.
Николай. Мне уже ехать скоро.
Софья. Если б не такая выгодная твоя служба... взяла бы я тебя оттуда, пристроила на дневную должность.

А то не вижу тебя совсем... Зачем кудри свои щеткой утюжишь, не нравится мне.

Николай *(причесывается перед зеркалом)*. Это английская мода. Кудри — явление простонародное.

Софья. Красивый ты у меня, вот горе.

Николай. Почему ж горе? Приятная наружность украшает мужчину.

Софья. Неласков со мной. Вбок глядишь...

Николай. Вбок гляжу для задумчивости, и совсем не от тебя.

Софья. Ну, поцелуй меня.

Николай *(целует ее и садится рядом)*. Всегда целую с большим удовольствием, и ты знай выдумываешь глупости... У меня мысль есть. Надо бы тебе деньги перевести в Лионский кредит.

Софья. Зачем это?

Николай. Вчера один господин говорил за ужином Обязательно, говорил, будут беспорядки.

Софья. Какие беспорядки?

Николай. Бунтовать народ будет.

Софья. А при чем мои деньги?

Николай. Да вот видишь, господа переводят же. В иностранном, говорят, банке надежнее. Престол шатается.

Софья. Спаси господи! Это что же? Всю жизнь по рублю собирала... Коля! Я переведу. В Лионский кредит?

Николай *(со вкусом)*. Лионский кредит.

Софья. Завтра не поздно будет?

Николай *(усмехнулся)*. Ничего, не поздно.

Софья. Умник ты мой, надоумил. Вот мужеский ум что значит. Голубь мой... Только люби меня.

Николай. Раз мы повенчаны, я тебя обязан любить по гроб.

Софья. В гроб-то я первая лягу. Первая на плат встала, первая в доме, первая и в могилу... Давай-ка, Коля, деньги сочтем. *(Из-за пазухи, из чулка и из карманов достает скомканные кредитки, золотые, мелочь.)* Никак не соберусь в банк, таскаю при себе.

Николай придвигается к столу, вместе с Софьей они любовно считают деньги.

Этот сезон особенный, золотой сезон.

Николай. А всё публикация. Кто посоветовал сделать публикацию?

Софья. Ты посоветовал. Сокол мой!

Николай. Что ты меня все птичьими именами зовешь!.. Триста восемнадцать рублей шестьдесят копеек.

Софья. Завтра отнесу в банк.

Николай. В Лионский кредит.

Звонок.

Софья *(кричит)*. Марфа! Не отворяй! *(Прячет деньги.)* Поди сам. Через цепочку погляди, так не отворяй.

Николай. Это дамский звонок. *(Уходит и возвращается.)* Нижняя мадам к тебе. *(Уходит.)*

Входит Любовь.

Любовь. Здравствуйте! Я хочу заказать платье.

Софья. Шерстяное, шелковое?

Любовь. Очень простенькое, шерстяное.

Софья. Что вы так простенько одеваетесь. Надо шикарнее. Такая вы интересная дама...

Звонок.

Марфа! Отвори. Да погляди, кого пускаешь... *(Любови.)* Посмотрите журнал. Есть и простенькие фасоны ничего себе.

Входит кухарка.

Кухарка. Модистку спрашивают.

Софья. Веди сюда. Зачем оставила одних в прихожей?

Входит Ксения, разодетая в пух и прах, за нею Хлебников-сын. Любовь закрылась журналом.

Ксения. Не бойтесь, Софья Павловна, не унесем ваши шубы; у нас свои есть. Я приехала сделать заказ, Софья Павловна. Можете вы пошить действительно шикарные платья, чтобы не стыдно было где угодно показаться? У меня материя очень дорогая. *(Разворачивает свертки.)*

Софья *(кухарке)*. Ну, чего стала? Иди.

Кухарка уходит.

(Щупает ткань.) Пошить — пошьем, не разучились... Только у нас очень много заказов к рождеству.

Ксения. Э, не набивай цену, Павловна, я и так заплачу хорошо. Я могу заплатить хорошо. Нравится вам цвет? Мне пойдет. Двенадцать рублей аршин... Есть у вас приличные журналы?

Софья. Вот. Смотрите.

Ксения. Вы, верно, забыли, как меня звать по имени-отчеству? Ксения Ивановна.

Софья. Нет, [illegible] не забыла ничего.

В дверь заглядывает Николай.

Ксения. Николай Васильевич, это вы? Сколько лет и зим! Узнаете меня?

Николай входит.

Помните меня?

Николай. Как же... *(Замечает взгляд Софьи.)* То есть... Не помню ничего, конечно.

Ксения. А вот супруга ваша помнит... это у вас, хотя вы молодой человек, память короткая... Вот хорошенький фасон, Софья Павловна. Посмотри, Шура, тебе нравится?

Хлебников не отвечает.

Как вы считаете, Софья Павловна, что больше идет для этого фасона — шелк или бархат?

Софья *(надевает очки, смотрит)*. Для этого фасона больше идет шелк.

Ксения. Бантовочки мы пустим погуще, отчетливее будет фигура.

Софья. Хорошо, пустим погуще; [illegible] то вы худая очень.

Ксения. К вашим годам и я пополнею... А беечки на груди сделаем пошире. Между беечками пустим прошивки. Вы понимаете, чего [illegible] хочу?

Софья. Понимаю, чего ты хочешь...

Ксения. В прошивки продернем черные бархатки *(Снимает шубу.)* Подержи, Шура. Снимем мерку, начнем с шелкового, [illegible] потом подумаем, как сделать другие.

Софья. Где ж сантиметр? Коля, поищи в столовой.

Николай уходит.

Ксения. Может, новые журналы будут. Эти у вас какие-то лежалые. Если вы мне угодите, Софья Павловна, я буду все туалеты заказывать вам. Мы ведь старые знакомые...

Входит Николай.

Николай. Нету в столовой.

Софья. Где я его оставила? *(Уходит.)*

Ксения *(вполголоса)*. У вас другая прическа.

Николай. Вы тоже переменились, Ксеничка.

Ксения. Ксения Ивановна.

Николай. Виноват, извиняюсь.

Ксения. Да. Меня теперь так и благородные зовут. Ну, вы можете звать Ксеничкой. По-старому. Я вам позволяю.

Голос Софьи *(в соседней комнате)*. Где ж сантиметр?

Николай. Виноват, Ксения Ивановна. Я уж лучше буду звать вас — Ксения Ивановна.

Ксения. Супруги боитесь? Она на меня собиралась полицию напустить. А сейчас — вон как за сантиметром побежала.

Николай. Мою супругу не трогайте.

Ксения. Постарела она.

Николай. Работает много.

Ксения. Бедняга. Это, знаете, видно по лицу. Очень постарела.

Николай. Ну, а вы как поживаете?

Ксения. Мне работать не приходится. Я живу в свое удовольствие.

Николай. Приятно слышать.

Ксения. Сколько у меня поклонников — прямо что-то ужасное!

Николай. Разрешите сказать.

Ксения. Скажите.

Николай. Вам бы скопить капитал, хоть небольшой. А так — непрочное ваше дело. Скопить капитал — и замуж.

Ксения. Замуж?

Николай. Всегда можно найти человека, ну — скорей пожилого, солидного, которому желательно, скажем, к старости иметь домик либо торговлю,— он вас с удовольствием возьмет...

Ксения. И еще раз подлец! Откуда подлости в тебе столько, проклятый ты...

Любовь *(опускает журнал)*. Ксения!

Ксения *(растерянно)*. Здравствуйте...

Любовь. Здравствуйте, Ксения. *(Пауза.)* Что же вы не спросите о ваших родных?

Ксения. Что?..

Любовь. У них плохо сейчас. Сережа ушел, живет один где-то. Мама ваша хворает. От Павла очень давно нет письма...

Ксения. Отец всех растеряет... Анютка что?

Любовь. Мечтает, чахнет... Мы с нею и с Сережей искали вас тогда.

Ксения. Очень вам благодарна, Любовь Андреевна, только [illegible] уж без них обошлась.

Входит Софья.

Софья *(Ксении)*. Я на вас наметаю. Тут неудобно, пойдемте в столовую.

Николай. Ну, [illegible] [illegible] поеду, Соня.

Софья. Поезжай. *(Уходит с Ксенией.)*

Николай тоже уходит.

Хлебников. Люба.

Любовь молчит.

Я тебя не искал, потому что ты не хотела. Но забыть — не могу.

Любовь. Да, я вижу.

Хлебников. Это же всё суррогаты; стоит ли о них говорить?

Любовь. Вообще ни о чем не стоит говорить.

Хлебников. Ты ушла из-за отца, да?

Любовь. Я ушла от вашей жизни. Не хочу быть такой, как вы.

Хлебников. Нашла более чистую жизнь?

Любовь. Да. И чистых людей.

Хлебников. Тебе повезло. Я нигде не вижу чистоты Всюду мерзость.

Любовь. А кто эту мерзость порождает? Вы и порождаете.

Хлебников. Чистота... Чистотой торгуют с прилавка, как всяким другим товаром. Нет человека, которого нельзя купить. Я не представляю исключения. Да, не представляю, и почему [illegible] обязан представлять? Купите мой проект — [illegible] забирайте меня в виде бесплатного приложения. Знаешь, в Думе меня освистали.

Любовь. Я читала в газете... Шурка! Шурка! Этот твой бездумный цинизм, эта готовность замарать все... и самого себя — походя, с улыбкой — ненавижу в тебе это!.. Нет, [illegible] юности ты был лучше. Помнишь, как мы познакомились в Париже...

Хлебников. Студент и дочь художника — банальный, но милый сюжет... Уедем в Париж, хочешь?

Любовь. Нет.

Хлебников. Не в качестве мужа — смею ли я?— в качестве друга, хочешь?

Любовь. Да нет! Перестань!

Хлебников. Полюбила?..

Любовь. Да.

Хлебников. Жаль... Из-за этого и сбежала?

Любовь. Нет же! Я сбежала раньше! Как ты не можешь понять!

Хлебников. Если бы ты снизошла до объяснения, я бы понял. Я довольно толковый парень.

Любовь. Как тебе объяснить?.. Ты же ви́дел, как я жила в Париже. Бедно, беспорядок, картины, книги, полуголодные веселые друзья, легкая совесть... И приехала с тобой в Москву, [illegible] ваш дом.

Хлебников. Представь, я надеялся, что тебе понравится.

Любовь. Богато, порядок, откормленные гости, [illegible] о совести никто не заботится.

Хлебников. Абсолютно точный пейзаж.

Любовь. Деньги без счета. Спанье до обеда. Чем [illegible] лучше была этой несчастной Ксении? Если бы папа был жив, он бы стыдился меня. Он был с принципами.

Хлебников. Чем же ты живешь?

Любовь. Даю уроки музыки.

Хлебников. И кормят?

Любовь. Как видишь. *(Смеется.)* Очень смешно и очень характерно для тебя, что ты только сейчас спросил, чем [illegible] живу.

Хлебников. Ну, ты тоже ко мне не так уж внимательна. Я переживаю не очень-то легкие дни, [illegible] тебе и в голову не приходит по-человечески пожалеть меня.

Любовь. Нет, неверно, Шура. Мне жаль. Но не очень жаль — это ты прав. Знаешь, почему не очень жаль? Потому что этот проект — понимаешь?— не самое главное для тебя.

Хлебников. То есть как — не самое главное? Все последние годы я отдал этому делу. Всем пожертвовал, тебя проворонил,— как же не самое главное?!

Любовь. Ты делал это потому, что у тебя талант, который ищет применения. Потому что тебе, как всякому живому человеку, нужна деятельность — и чем крупнее, тем лучше. Ради известности, наконец, делал! Но для чего тебе нужен метрополитен? Тебе же в сущности безразлично, как люди передвигаются по городу. Не для их удобства ты разрабатывал проект. И не для того, чтобы обога-

тить подрядчиков. Для кого же? Для себя. Для самоудовлетворения и самоутверждения. В том-то и дело, что у тебя нет ничего самого главного.

Хлебников. Ты была самым главным.

Любовь. Шурка, пустяки! Да, вот что: раз уж мы встретились, скажи, пожалуйста: это ведь ты — мой таинственный благодетель?

Хлебников. Благодетель?

Любовь. Пианино? Деньги?.. Я думала, это от тебя. Не ты?..

Хлебников. Папашины штуки.

Любовь. Я думала, ты. От тебя я все-таки могла принять. Компромисс, конечно. Но, понимаешь... Настоящий инструмент после прокатной развалины...

Хлебников. Понимаю. Все — человеки... Ты откуда знаешь Ксению?

Любовь. Так. Случайно. Дай мне развод, Шура.

Хлебников. Чтобы ты пошла к отцу?

Любовь. Сумасшедший!

Хлебников. Я видел, как он ходил вокруг тебя... Все ты лжешь! Деньги берешь от него...

Любовь хочет что-то сказать, поднимается и уходит.

Люба!

Входят Ксения и Софья.

Ксения. Софья Павловна говорит, что я поправилась в боках. Шура! Посмотри на эту машину. Это моя машина была, я шила на ней... А ваш супруг все в «Яре» служит? Что-то я не видала его там... Подай шубу, Шура. *(Одевается перед зеркалом.)* То же самое зеркало. Шесть лет я сидела здесь в углу, шила...

Хлебников. Довольно. Пойдем.

Ксения. Сейчас. До свиданья, Софья Павловна. *(Уходит с Хлебниковым, Софья за ними.)*

Софья возвращается, за нею входит кухарка.

Софья. Хвалиться пришла... шелками, бесстыдством своим...

Кухарка *(разглядывает ткани на столе; восторженно)*. Ммм!..

Софья. Нагуляла бока себе... *(Швыряет шелк на пол; криком.)* Шлюха!..

Кухарка *(поднимает шелк)*. А ты ее отвадь. На самом деле. Больно занеслась...

Софья *(другим голосом)*. Дай сюда. Не хватай руками. Не видишь — вещь дорогая... *(Бережно разглаживает шелк.)*

8. У СУШКОВЫХ В ПОДВАЛЕ ГРОМЫ ГРЯНУЛИ

Та же комната, что во второй и пятой сценах. Вечер. Лампа не зажжена, комната освещена красноватым пламенем голландской печки и светом, падающим из открытой двери в комнату Любови. Белеют окна, густо забранные морозом.

Любовь, Бутов. Они разговаривают тихо.

Любовь. Один раз я была на заводе, на водосвятии Стояла впереди всех, с мужем и свекром... в белом платье, как невеста... И все на меня смотрели — я чувствовала,— и стыдно было, когда кончилось, повернуться к ним лицом... Разве я за счет мужа жила? Он ни мне, ни себе куска хлеба не заработал... Я за их счет жила, тех, что за мной стояли. Почему за их счет, по какому праву?.. Ну, и в общем... не смогла больше. *(Молчание.)* А почему я вам это рассказываю? Вы, должно быть, думаете — от одиночества... Нет.

Бутов. А почему?

Любовь. Чтобы восстановить справедливость.

Бутов Как это?

Любовь. Если я все знаю о вас, должны же вы знать немножко обо мне. Иначе несправедливо.

Бутов. Не понимаю.

Любовь. По-моему, я сказала ясно.

Бутов. Что вы знаете обо мне?

Любовь. Все.

Бутов. То есть?..

Любовь. Решительно все... Только, Родион Николаевич... Ради бога... Вам же не придет в голову бояться меня!

Бутов. Откуда вы знаете?

Любовь. Догадалась.

Бутов. Каким образом?

Любовь. Не знаю. По каким-то отдельным словам... которым вы, вероятно, даже не придавали значения... По какому-то иногда взгляду... Вы можете принять чужие признаки... чужое имя, возможно... Но вы не можете изменить выражение глаз... и рта... когда вы на что-то смотрите.. или что-то слушаете..

Бутов *(улыбнувшись)*. Все это, сказал бы я, достаточно бесплотно. Бездоказательно. Вам не кажется?

Любовь. Я не могла ошибиться. И я вам все равно не поверю, сколько бы вы меня ни разуверяли. День за днем я слежу за вашей жизнью...

Бутов. Когда?! Мы видимся урывками.

Любовь. Так что же? Все равно я знаю, когда у вас неудача или неприятность, а когда хороший день. Вот сейчас знаю, что над вами собрались какие-то тучи...

Бутов. И это знаете?

Любовь. Очень страшные тучи?

Бутов. Нет, пустяки. Обойдется...

Любовь. А хорошо, должно быть, жить, когда есть такая цель!

Бутов. А какая еще может быть цель? Вне этой цели — как существовать? чем дышать?.. Ведь уж дошли до точки; катимся в пропасть. Если им не противопоставить активную силу, то народу смерть. России смерть. Вы не слышали такой фамилии — Ленин?

Любовь. Слышала.

Бутов. От кого?

Любовь. От отца.

Бутов. Ленин — это человек... Самый, я думаю, замечательный человек, которого носила на себе земля... Он собирает людей. И учит.

Любовь. Сколько же нужно людей!

Бутов. Сперва их было совсем мало, сейчас больше, и скоро за Лениным пойдут народы.

Любовь. Народы!

Бутов. Мир пойдет за Лениным.

Любовь. Вот ваша цель?!

Бутов. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — это написано больше полувека назад.

Любовь. Но ведь вы себя подвергаете страшной опасности! Милый!..

Бутов. Я люблю вас. *(Молчание.)* Глупо? Не к месту, да?.. Но иначе я никогда не скажу. Пожалуйста, не говорите ничего: у меня никаких надежд, никаких расчетов,— пожалуйста, не думайте... Я просто сказал, мне нужно было сказать, и не мог не сказать, потому что, потому что...

Стук в дальнюю дверь.

Вот и все. *(Идет отворять.)*

Любовь встает, уходит в свою комнату. Входят Бутов и Сергей.

Сергей. Он сказал, чтобы вы были дома и ждали.

Бутов. Больше ничего?

Сергей. Больше ничего. Почему темно? Керосину нет в лампе?

Бутов. Не зажигайте.

Сергей. Ладно. Тепло у вас. *(Греет руки у печки.)*

Бутов. Как дела?

Сергей. Дела?.. Меня с завода выперли. Придется пока обедать ходить к старикам.

Бутов. Слежка есть за вами?

Сергей. Еще не удостоился.

Бутов. Вы бы квартиру переменили.

Сергей. Уже, за Калужскую перебрался... Вы мне вот что скажите, Родион Николаич. Товарищи хотят, чтобы я взял ваш кружок. Не возражаете?

Бутов. Напротив, рад. Это правильно.

Сергей. Справлюсь?.. Знаний у меня не так густо.

Бутов. Знание приходит.

Сергей. Конечно, теперь возьмусь учиться, чтобы других учить... Спасибо, что не возражаете. Что не сомневаетесь во мне.

Бутов. На профессиональный путь выходите... Трудный путь!

Сергей. А что легко на свете?.. Где же наши все?

Бутов. Ко всенощной пошли.

Сергей. От Павла письма нет?.. Ну ладно. Пойду До свиданья.

Бутов. Будь счастлив.

Обнимаются; прощанье. Сергей уходит. Бутов идет за ним — запереть — и возвращается. Но на полпути его перехватывает новый стук, и он снова идет открывать. Возвращается с Высоцким — барином в богатой шубе и бобровой шапке.

Бутов. Что за барский вид, Высоцкий?

Высоцкий. Ну его к черту, барский вид. Это для вас все.

Бутов. Ах, так.

Высоцкий. Поезд отходит через час.

Бутов. Отсрочку нельзя?

Высоцкий. Нет.

Бутов. Маленькую.

Высоцкий. Нет.

Бутов. Прошу сюда.

Уходит с Высоцким в свою комнату. Спустя некоторое время оба возвращаются: Бутов в шубе н шапке Высоцкого. Высоцкий — в пальто и фуражке Бутова.

Высоцкий. Запомнили? Извозчик — во втором переулке направо. Ильин — на вокзале, у газетного киоска. Возьмете у него билет и чемодан и прямо без всяких, выпятив грудь, пойдете к вагону первого класса.

Бутов. Товарищам привет.

Высоцкий. Вы уверены, что у вас при себе ничего компрометирующего?

Бутов. Совершенно уверен.

Высоцкий. Документики — первый сорт. В случае чего — держитесь браво и заносчиво. Сорите деньгами.

Бутов. Не умею.

Высоцкий. Все надо уметь. Ну... как говорится, ни пуха ни пера... *(Трясет руку Бутова, уходит.)*

Любовь на пороге.

Любовь. Уезжаете?

Бутов. Да.

Любовь. А я?.. Мне оставаться?.. Меня никак нельзя взять с собой?

Бутов. Это... серьезно?

Любовь. Сейчас — нельзя. Я понимаю. А приехать? Потом? Или тоже нельзя? *(Подходит к Бутову. Поцелуй.)* Или тоже нельзя?

Бутов. Приедешь?

Любовь. Как же я не приеду?

Бутов. Я напишу тебе.

Любовь. Когда?

Бутов. Не знаю. Приедешь? *(Поцелуй.)*

Любовь. Иди. Я буду ждать. Иди, опоздаешь. Каждую минуту буду ждать. Иди.

Бутов. Я напишу тебе. *(Быстро уходит.)*

Любовь одна. Входит Хлебников-отец.

Любовь. Кто там?!

Хлебников. Люба?

Любовь. Кто?.. *(Зажигает лампу.)* Вы!..

Хлебников. Добрый вечер. Извини, что без стука. Там было не заперто. Это, значит, твой... приют священный? Хуже найти не могла?

Любовь. Зачем вы пришли, Александр Егорыч?

Хлебников. За тобой. Считаю, что достаточно. Хватит ломаться. Смешно. Показала характер: вернула пианино. Я, что ли, буду на нем играть?

Любовь. Деньги тоже верну. Сейчас у меня нет, но верну, верну. Извините, ничего не могу принять.

Хлебников. До чего же ты мне надоела! Чертовски устал от твоих беснований. *(Садится.)* Люба, подойди ко мне. Просто подойди... Ну, не надо, не надо. Шут с тобой, живи как знаешь. Но не валяй же дурака, ради бога. Найми хорошую квартиру. Обставься как следует. Разве можно жить в такой дыре?

Любовь. Люди живут [redacted] хуже.

Хлебников. Удивила. Открытие. Мало ли кто как живет. Да тебе-то зачем так жить? Смотрел сегодня на Арбате: волшебная есть квартирка. Хочешь, съездим, посмотришь?

Любовь. Я ничего, совершенно ничего от вас не хочу! Неужели это нужно повторять без конца?

Хлебников. У тебя были деньги; почему не съехала отсюда?

Любовь. Привыкла здесь...

Хлебников. Не ври: не к чему здесь привыкать. Что за молодчик сейчас вышел?

Любовь. Мой муж.

Хлебников. Решительно... А ты знаешь, Любовь, что по закону Шурка может вытребовать тебя к себе?

Любовь. Он этого не сделает.

Хлебников. Он дурак. Я бы сделал.

Любовь. Уходите, Александр Егорыч.

За стеной пронзительный крик Марьи Алексеевны и плач Анюты

Любовь. Что это?..

Плач громче Любовь идет [redacted] двери, ей навстречу Сушков. [redacted] руке у него письмо.

Иван Степаныч, голубчик?..

Сушков *(никого не видя)*. Андреевна... Павла казнили! *(Садится на стул, рыдает.)*

Любовь. Боже мой... *(Гладит Сушкова по голове и плечам.)*

За стеной — крики, хлопанье дверей, женские голоса.

Сушков. Пойди прогони их... Никого видеть не хочу!

Любовь. Кого прогнать?..

Плач ближе.

Крики Марьи Алексеевны. Степаныча! К Степанычу мне!

Входит Марья Алексеевна, за нею дрожащая Анюта. В дверях — кухарка Софья и женщины со двора.

Марья Алексеевна. Покажись, Степаныч. Отвечай мне...

Анюта. Мама, не надо, мама, не надо!

Марья Алексеевна. Уйди, у! Степаныч, отвечай: где Павел?

Любовь *(Хлебникову)*. Уйдите! Ни к чему вы здесь!

Хлебников уходит.

Марья Алексеевна. Чего ж молчишь? Нет, ты говори, ты говорун, умник, ты мне скажешь, где он! Ну? Где Павел? Где Павел? Ну? *(Кричит.)* Ты его казнил, злодей, злодей!

Сушков. С ума сошла... Андреевна, она сошла с ума!

Марья Алексеевна. Казнил, казнил, родного сына казнил, родного сына!

Сушков. Да нешто я казнил? Опомнись!

Марья Алексеевна. А как же не ты? Ты мне домо́к сулил на старости, ты за домок его со свету сжил... Что мне твой домок! Я детей моих растила!

Сергей в дверях.

Где мои дети, отвечай мне! Всех истребил, одна я осталась, Павлуша, Паша, деточка моя!.. Ксеня где? Серега где?

Сергей. Я, мама, тут! *(Толпе.)* Чего любуетесь? Горя не видели? *(Выпроваживает их.)*

Марья Алексеевна. Серега! Сереженька!

Сергей. Тут я, тут. *(Бережно сажает ее.)* А отца не надо, мама, добивать. Ему тоже плохо.

Марья Алексеевна. Сереженька... Павлуша наш... голубчик... *(Рыдает.)*

Сергей *(отцу)*. За что?.. Что сделал-то?..

Сушков. Бежать помог политическому... Важному какому-то... И чего вздумалось? Такой был тихий... послушный... Что ему этот политический?.. Не пойму ничего... Упокой, господи, душу раба твоего Павла...

Сергей. Сейчас тут, за углом, арестовали Родиона Николаича.

Тишина.

Любовь. Что с ним будет, Сережа?

Сергей. Может быть плохо. Большой человек! *(С гордостью.)* С ним Ленин разговаривал!.. Голову хотят нам снести... Берут за глотку... Ладно! Придет наш час! Разочтемся за все! Никому мы не рабы! Нам жить!..

9. В «ЯРЕ»

Ресторан «Яр». Отдельный кабинет.

Хлебников-сын, Миша, Ксения, цыгане. Прислуживает Николай. Цыгане поют «Туссу». Миша дирижирует, стоя на стуле.

Миша *(подпевает)*. «Тусса, тусса, тусса... Целоваться горячо!» Ксеничка, поцелуй меня.

Ксения *(жеманясь)*. Спросись у Шуры.

Миша. Шура, можно?

Хлебников *(он лежит на диване, закинув руки за голову)*. Ну вас к черту, делайте что хотите... Варя! Поди сюда.

Варя подсаживается к нему, гладит его волосы. Цыгане поют и играют, цыганка пляшет.

Цыганка *(перестает плясать)*. Я тебе пляшу, а ты глаза закрыл.

Хлебников. Я и так очень хорошо представляю, что ты делаешь.

Ксения. Пьяный Шурка, пьяный, пьяный...

Варя *(гладит волосы Хлебникова)*. Сама пьяная... Разве ему пляска нужна? Слеза ему нужна, горькая слеза — облегчить сердце...

Хлебников. Прорицательница. Все видишь, все понимаешь.

Варя. Я тебя мальчиком помню.

Хлебников. Когда-то я даже...

Варя. Тссс... Снег идет-идет — и перестанет. Цветок цветет — и облетит. Люди помилу́ются — и разойдутся...

Ксения. Ноги свои показывает. У меня вон какая нога. Только что плечами трясти не умею...

Миша. Ксеничка! Я поцелую твою ножку.

Ксения. Пусть он целует. *(Указывает на Николая.)*

Миша *(хохочет)*. Так ведь он лакей!

Варя *(Хлебникову)*. Споем тебе песню, чтобы слезами твое горе вышло.

Цыгане заводят печальную песню. Входит Хлебников-отец.

Хлебников-отец. Мир честной компании.

Хлебников-сын. Папа... И ты сюда?

Цыгане поют здравицу Хлебникову-отцу.

Хлебников-отец *(Николаю)*. Подай-ка полдюжинки...

Николай уходит.

(Здоровается со старшим из цыган). Здоров, Игнат Саввич. Не молодеем мы с тобой.

Старший из цыган. Давно тебя не видели, Александр Егорыч. Здоров ли?

Хлебников-отец. Ничего, терпит пока бог грехам. Пока — живем, Игнат Саввич!.. *(Варе, здороваясь.)* Варя! Чертовка! Долго ты еще будешь молодая, фараоново племя?

Варя. Секрет знаю, Александр Егорыч. Хочешь, научу?

Николай приносит шампанское, разливает. Пьют.

Хлебников-отец *(сыну)*. Выпьем? За женщин.

Хлебников-сын. За женщин, которых нет здесь с нами...

Хлебников-отец. Ну — которых нет здесь с нами...

Ксения *(выпила)*. Нет, я хочу, я хочу, чтобы ои мне ногу поцеловал!

Миша. Так и быть. Пусть целует. *(Николаю.)* Целуй.

Николай отворачнвается.

Миша *(схватывает его и пригибает к полу)*. Целуй!!

Николай. Постойте... фрак разорвете!

Миша. Как ты смеешь отказываться, если я целую. Я!

Николай. Пустите!

Миша. Хам! *(Ударяет Николая по лицу.)*

Николай. Господи! *(Плачет.)*

Ксения *(хохочет)*. Получил? Получил?

Хлебников-сын. Какая мерзость. *(Встает.)* Какая мерзость. А ведь только за порог — там звезды, снежинки, санный путь... Зачем и ее спас? Лежала бы смирная и кроткая...

Хлебников-отец. Не устраивай похорон. Садись!

Ксения *(хохоча)*. Рожа-то! Рожа! Мишка! Дай ему целковый, он за целковый удавится, а не то что...

Миша бросает Николаю деньги.

Хлебников-сын. Ели бы ее раки. Гнила бы

себе понемножку, невинная... Варя! Я уйду. Снежинки налетят...

Хлебников-отец смеется.

Я не хочу гнить, слышишь?! А, пропадите вы все... *(Уходит.)*

Николай плачет.

Хлебников-отец *(вслед сыну)*. Декламатор несчастный... *(Николаю.)* Не хныч, дороже не заплатят... *(Цыганам.)* Ну? Что замолчали?

Старший из цыган *(Варе)*. Сбегай, верни...

Варя. Ушел человек. Пусть идет. Ему видней, какой дорогой идти.

Хлебников-отец. Пусть идет. Пусть живут как хотят. Лишь бы нам дали спокойно век дожить... Ваше здоровье, Ксения Ивановна! Давай плясовую, Игнат Саввич! Пока — живем!

Пьют. Поют цыгаие.

10. НА ПОЛУСТАНКЕ ПОД МОСКВОЙ

На цыганскую песию наплывает и гасит ее другая песня, возникшая издалека.

Беззвездная зимняя ночь. Полустаиок где-то под Москвой. Поземка стелется по путям. Безлюдно. Ветер гудит в телеграфных проводах. Вдоль рельсов, удаляясь, движется фонарь обходчика. К полустанку подают поезд. В товарных вагонах прорезаны окошки, забраиные решетками. В окошках мрак: поезд еще пуст.

Вагоны проходят медленно, сотрясаясь на стрелках.

Песня *(нарастая)*

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложнм себе.

Вышли мы все из иарода,
Дети семьи трудовой.
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

Идет Анюта, останавливается у столба.

Песия

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил.
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Свисток и окрик: «Не отставай!»

Идут ссыльные под конвоем. Они не поют – песня сопутствует им исполняемая невидимым хором.

Песня *(крепнет)*

Все, чем их держатся троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

Идут ссыльные. Идет Бутов.

Анюта. Родион Николаич!!

Бутов оглянулся.

Анюта. Слушайте. Знаете что? *(Идет рядом.)* Я вам верю... что будет другая жизнь. Я буду ждать, хорошо? Еще знаете что? Я себя буду беречь...

Конвойный. Пошла прочь! Не разрешается разговаривать!

Анюта *(торопливо)*. Буду беречь, как вы велели... До свиданья, Родион Николаич!

Бутов. До свиданья, Анютины глазки! Мы еще погуляем в Нескучном саду!

Паровоз закричал.

Анюта. До свиданья! До свиданья!

Ссыльные проходят.

Песня *(удаляется)*

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Анюта. Я буду ждать!

Крепнет ветер. Летит поземка. Гудят провода.

1940

МЕТЕЛИЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Военнопленные:
- Ярош,
- Меркулов,
- Гречка,
- Новиков,
- Еремеев,
- Коели,
- Шарафутдинов,
- Пархомов,
- Болютин,
- Дахно
- и другие, без речей.

Полицейские:
- Лутс,
- Сепре.

Теесалу, товарищ городского головы.
Вегер, немецкий офицер.
Хемпель, немецкий фельдфебель.
Немецкие солдаты, без речей.

Семейство Ильмарине:
- бабушка,
- мама,
- внучка.

Валя.
Раввинша.

Действие происходит в конце 1941 года в эстонском городе Н.

1

Зал Н-ской синагоги: громадно-высокий, голый, симметричиой и унылой архитектуры. Зимиие сумерки. Голубеют уходящие в высоту окиа; иа иих черными силуэтами Давидовы щиты — шестиугольные звезды.

Раздаются шаги, входит товарищ городского головы Теесалу — благообразиый господин в шубе, за ним дежурный полицейский Лутс с винтовкой.

Лутс поворачивает выключатель. Загорается лампочка на длинном кривом шнуре. Освещается зал: нары у стены, железная печка-времяика с коленчатой трубой, которая выходит наружу через одно из окои. Наверху — хоры; видна дверь, ведущая с хор на лестницу. Вдоль стен — ряды великолепиых бра. Звезды на окнах — грязио-желтого цвета, в мрачиом черном ориаменте. В этом зале еще недавио молились. Сейчас иа ием печать гонения и однчания. Лампочка на кривом шнуре горит одиноко и испуганио.

Теесалу *(осматривается; ему не по себе, но с кроткой твердостью он выполняет свою обязанность)*. Надо больше света. Эти углы будто специально для убийства.

Лутс. Можно больше света. Хотя — убивают и при свете. *(Зажигает одно бра, потом еще одно, потом все.)* Вот при таком свете убили раввина. *(Сообщив это, тушит все бра, кроме одного.)* При желании можно много света.

Теесалу. Пусть они вымоют пол.

Лутс. Это от беженцев грязь. И всего ведь одну ночь тут ночевали. Сколько на свете детей и женщин, удивительно,— идут, идут... Господин Теесалу, у нас котла нет

Теесалу. Придется обойтись как-нибудь.

Лутс. А из бывшего детского дома?

Теесалу. Взяли в госпиталь.

Лутс. Так они должны варить суп в ведре. Пока их будет десять, это ничего. А когда их будет сто?

Теесалу. Почему вы думаете, что их будет сто?

Лутс. Сепре сказал, что немецкий комендант обещал дать городу сто человек пленных.

Теесалу. Мы просили сто; но пока нам дают только десять.

Лутс. О! А мы просили сто? Это бы хорошо — сто...

Теесалу. Да, для ремонта. Городу нужен ремонт. Мостовые...

Лутс. Да, да. Ремонт... А нам дали только десять? Напрасно: те девяносто все равно помрут. Из лагеря каждое утро вывозят полный грузовик покойников... Картофель привезут?

Теесалу. Завтра. Картофель придется расходовать экономно. Капусту можете давать без ограничения. Кипяток тоже. Кипяток очень бодрит.

Лутс *(без большой уверенности)*. Да-а...

Теесалу. Мороженая капуста полезна в сыром виде. В ней много витаминов. А картофель экономьте. Я на вас полагаюсь, Лутс, как на старого солдата.

Лутс. Варить, значит, в ведре... Ну, хорошо. Господин Теесалу, я вас помню вот таким мальчиком в переднике, скажите мне: раньше мы когда-нибудь экономили картофель?

Теесалу. Ну, это... разговор не ко времени и не к месту. Война, Лутс, война! Одним словом, сегодня вы примете первую партию. *(Уходит.)*

Лутс. Одним словом, одним словом... Одним словом.

Бормоча, ставит винтовку в угол, уходит. Слышны шаги, подиимающиеся по лестиице. На хоры входит Валя. На ней осеииее пальто, из которого оиа выросла, и шапочка набекреиь. За плечами, иа лямках, мешок. Валя садится на нары и медлеино спускает лямки с плеч. Возвращается Лутс с охапкой дров, сбрасывает дрова у печки.

Одним словом.

Валя кашляет.

Вернулась?

Валя *(откашлявшись)*. Да...

Лутс. Забыла что-нибудь?

Валя *(греет пальцы дыханием)*. Нет...

Лутс. А чего пришла?

Валя *(легко)*. Ей-богу, не дойду.

Лутс. А куда тебе приказ идти?

Валя *(греет пальцы)*. Гдов.

Лутс. Гдов. Там родственники?

Валя. Никого нет.

Лутс. А зачем тебе туда идти?

Валя. Я не знаю.

Лутс. Гдов. Это близко: километров, должно быть, семьдесят или восемьдесят. Надо идти, если приказ.

Валя. Не пойду я никуда.

Лутс *(усаживается, закуривает)*. Все пошли, а ты не хочешь?

Валя. Они тоже не хотели. Они поумирают, пока дойдут.

Лутс. Так ведь пошли. Послушались.

Валя. Ну и пусть их. Не надо было слушаться.

Лутс. А ты куда?

Валя. Я — тут. *(Разувается.)*

Лутс. Тут больше нельзя. Тут будут пленные.

Валя. Вот и я буду. Я тоже пленная.

Лутс. Ты не пленная.

Валя. А кто я?

Лутс. Ты беженка.

Валя. Почему беженка? Мы не бежали, нас погнали к немцам в тыл. *(Показывает туфлю.)* Можно в таких туфлях пройти семьдесят километров по снегу? *(Снимает чулок.)* И в чулках снег.

Лутс. Напрасно ты. Не придется тебе тут быть. Знаешь, с пленными как строго? Нельзя им в одном помещении с жителями.

Валя. А пленные — не жители?

Лутс. Какие же они жители, когда они пленные?

Валя *(надевает чулки, которые вынула из мешка)*. Вы меня выгоните?

Лутс. Прикажут — выгоню, конечно.

Валя. Если прикажут выгнать, то прикажут, куда меня отвести, правда ведь?

Лутс. Как же, вот сейчас побегут искать тебе квартиру. Вас тысячи проходят каждый день.

Валя. А если я опять приду, и опять, и опять? Вы меня застрелите?

Лутс. Ну... Я не застрелю.

Валя. Бить будете?

Лутс. Ну... Мне нельзя тебя бить. Ты — девушка.

Валя. В тюрьму посадите?

Лутс. Да, это может быть.

Валя. В тюрьме, по крайней мере, будет где просушить чулки.

Лутс. Ты глупая. Такая большая девушка ■ такая глупая. Пойди к немецкому коменданту, может, он разрешит тебе остаться в городе.

Валя. Ходила.

Лутс. Ну?

Валя. Он одно кричит: вег, вег, цу фусс, цу фусс... Попробовал бы сам цу фусс по такому морозу в дырявых туфлях.

Лутс. Ты подумай. Тут будут жить солдаты. Сначала — десять солдат. Потом — сто солдат. А ты — девочка. Молоденькая. Как же можно?

Валя. При чем здесь молоденькая или старенькая?

Лутс. Я беспокоюсь за твою нравственность.

Валя. Побеспокоились бы лучше печку затопить.

Лутс. Это нельзя.

Валя. Почему?

Лутс. Запрещается мне для них топить печку. Я их должен караулить. Довольно, что я дров принес.

Валя. А мне можно затопить?

Лутс. Тебе уходить надо.

Слышен топот многих иог.

Ты! Чулки развесила — спрячь! Спрячь!

Стаиовится с виитовкой у двери. Входят военнопленные: Ярош, Меркулов, Гречка, Пархомов, Еремеев, Новиков, Болютии, Шарафутдинов, Дахио и Коели. Оии измождеиы иззябли; одеты в лохмотья обуви и шииелей. У Меркулова забиитоваиа голова... За пленными входит полицейский Сепре с винтовкой.

Сепре *(считает по-эстонски)*. Юкс, какс, кольм, мели, виис, кус, сейтса, каэкса, юэкса, кюмме... Смирно: буду делать перекличку. *(Достает список, зажигает ручной фонарик.)* Ярош!

Валя смотрит с хор, опершись иа руки подбородком.

Ярош. Я.

Сепре *(осветив фонарем Яроша и оглядев его)*. Меркулов!

Меркулов. Меркулов.

Сепре *(направляет свет ■ лицо Меркулову)*. Рана гноится?

Меркулов. Нет.

Сепре. Может, зажила, а? Я ваши хитрости знаю! Симулянт, а? В лагере работал?

Меркулов. Работал.

Сепре. И здесь будешь работать, имей ■ виду. Нам лежачих не нужно. Гречка!

Гречка. Да, да.

Сепре *(переводит фонарь; одно за другим освещаются лица)*. Пархомов!

Пархомов. Я.

Сепре. Еремеев!

Еремеев *(издает гортанный звук)*.

Сепре. Новиков!

Новиков. Новиков Василий Пантелеевич. Тут.

Сепре. Болютин! *(Повторяет.)* Болютин!

Болютин. Вы меня?.. Я здесь...

Сепре. Шара... Шарафутдинов!

Шарафутдинов. Я.

Сепре. Дахно!

Дахно. Тут!

Сепре. Коели!

Коели. Я.
Сепре. Ты не эстонец?
Коели. Нет.
Сепре. Похожа твоя фамилия на эстонскую.
Коели. Нет, не похожа.
Сепре. А кто ты?
Коели. Русский.
Сепре. Еремеев! Ты — будешь староста.
Еремеев. Ну его к богу.
Сепре. Что?
Еремеев. Не надо. Не умею я.
Ярош. Я буду староста.
Сепре. Ты? *(Направляет на Яроша свет.)*
Ярош. Это будет подходяще.
Сепре. Хорошо. *(Записывает.)* Ярош?
Ярош. Ярош.
Сепре. Хорошо. Будь староста, Ярош.
Пархомов. Без демократии.
Ярош. А, ты здесь демократии захотел! *(Наносит Пархомову быстрый удар в челюсть.)* Вот тебе демократия! *(Новикову.)* Затопляй печку. Живо!
Сепре. Хорошо. Устраивайся. У тебя будет порядок, Ярош. *(Лутсу.)* Я пойду греться в караулку. *(Уходит.)*
Ярош *(Лутсу)*. Где воду брать?
Лутс. В коридоре водопровод.
Ярош. Котел есть?
Лутс. Ведро. Надо пол помыть.
Ярош. Жрать надо дать людям. Хлеба дадите?
Лутс. Иди — дам.
Ярош. Норма будет, или как?
Лутс. Норма, норма.
Ярош. Шарафутдинов. Воды принесешь.

Лутс, Ярош и Шарафутдинов уходят.

Новиков *(с помощью Гречки затопил времянку)*. Грейся, ребята.

Люди жмутся к огню. Только Пархомов остается поодаль. Он отплевывается и утирает лицо.

Гречка. Иди сюда. Ничего.
Пархомов. Какое он имеет право!
Гречка. Авторитет становит. Ничего.
Еремеев. Хлебушка дадут...
Новиков *(осматривается)*. Что тут было? Клуб, что ли?

Меркулов. Синагога.
Новиков. Синагога?
Дахно. Синагога — это жидовский молитвенный дом. Жиды тут молились. Вы меня слышите, товарищ Меркулов? Я говорю — жиды тут молились. Х-ха! Не нравится, что я так выражаюсь — жиды? Х-ха! А запретите. Ну?

Шарафутдинов вносит ведро с водой.

Гречка. Давай сюда. *(Ставит ведро на печку.)* Ладно, хлопцы. Из самого адского ада — похоже — выбрались.
Коели. Еще неизвестно, какой будет здешний ад.
Гречка. Ну, все же: дровишек к нашему приходу изготовили. Горяченького напьемся. А что староста бедовый — что сделаешь. Как-нибудь. Ничего.
Дахно *(Новикову)*. Посунься. Расселся чересчур.
Новиков. Мне чересчур хочется в морду тебе дать. *(К Коели.)* Дать ему, Николай?
Коели. Не тронь навоз...
Гречка. Не выражайтесь: тут барышня. *(Показывает.)* Вон сидит.

Все смотрят на Валю.

Валя. Здравствуйте.
Новиков. Здравствуйте. Наша? Русская?
Валя. Русская, русская.
Новиков. А что вы тут?
Валя. А так...
Новиков. Так?.. *(Встает.)* А у вас, случайно, хлеба нету?
Валя *(вскочив)*. Да, да... Сейчас, сейчас... Ох, ну тебя... *(Рвет завязки мешка.)*
Новиков *(дрогнувшим голосом)*. Скорей...

Поднимает руки. Валя бросает краюшку хлеба. Дахно толкает Новикова и перехватывает хлеб.

Отдай!!!

Бросается на Дахно. Драка. Хлеб переходит из рук в руки. Куски рассыпаются по полу. Еремеев и Болютин кидаются подимать куски.

Валя. Что вы делаете! Ведь мы — люди!!!
Гречка *(поднимает кусок, разламывает пополам, протягивает Меркулову)*. Ешьте.
Меркулов. Не хочу.

Гречка *(к Коели)*. Ну, ты съешь, сынок.
Коели. Не хочу.
Гречка. Эге, дорогие, так нельзя. С таким вашим характером, дорогие, подохнете...
Новиков *(вырывает у Дахно остаток хлеба)*. Сволочь... Я всем хотел... а он — только в свое брюхо... *(Протягивает хлеб Меркулову.)* Нате.
Меркулов. Спасибо. Не хочу.
Дахно *(сидя на полу, со слезами)*. Я тебе припомню! Плакать будешь!
Новиков. Я еще буду ли, нет ли, а ты уже плачешь, пакость, от моей руки...
Шарафутдинов. Стыдно! Мужчины!..

Входит Ярош с корзинкой нарезанного хлеба, за ним Лутс.

Ярош. Кипяток готов?
Гречка. Хорош! Прогреет жилы!
Ярош. Наливай кружки. Подходи за хлебом. По одному! *(К Дахно, сквозь зубы.)* Ну... не совайся руками!

Раздает хлеб. Последний кусок берет себе. Все затихает. Рассаживаются кружками на нарах и вокруг печки.

Прожевывай хорошо. Желудки у нас сейчас ослаблые... тонкие — вроде бумаги... Кто имеет силу — воздержись, не ешь все сразу. Завтра похлебки наварим. Подлатаемся. В плену — не на балу.
Коели. Насчет бала — совершенно с вами согласен. При всем том — не обязательно бить людей.
Ярош. Как говоришь?
Коели. Не обязательно драться, говорю.
Ярош. Обязательно. Здесь, видишь ли, свои законы. Не такие, как в детском саду. *(Болютину.)* Ты что не пьешь?
Болютин. У меня нет кружки.
Ярош. Плохо твое дело. Куда же ты годишься, если у тебя кружки нет? Может, няньку нанять, чтоб сопли тебе утирала?
Меркулов *(дает Болютину свою кружку)*. Возьмите.
Болютин. А вы?
Меркулов. Я выпил.
Болютин. Спасибо...
Ярош. Вот и нянька нашлась.

Дахно *(растянувшись на нарах, скручивает папиросу; громко)*. А добрый народ — эстонцы. Дай бог здоровья. Накормили, согрели...
Лутс. Эстонцы — очень хороший народ.
Дахно. Замечательная вещь — вот покушал, и совсем другое самочувствие. То от папиросы голова кружилась, сейчас так это... как будто куришь «Беломорканал» или «Казбек».
Еремеев. А что у тебя?
Дахно. Брехать не буду: вишневый лист, и для вкусу подмешал махорки.
Шарафутдинов. И откуда он все берет, интересно.

Входит Сепре.

Еремеев *(к Дахно)*. Дай попробовать. Ну, прошу — дай.
Сепре *(увидел Валю)*. А эта, эта, зачем эта?..
Лутс. Беженка. Отстала от этапа.
Сепре. Зачем она здесь, а? Барышня! Уходи вон!
Валя. Вы мне?
Сепре. Тебе, тебе. Пошла вон! Нельзя!
Валя *(перегибается через перила)*. Скажите: куда?
Сепре *(разглядев ее, мягче)*. Бай-бай — в другое место.
Валя. Куда, я вас спрашиваю?
Сепре. Э... Надо спрашивать полицейского комиссара.
Валя. А где я буду вечером искать полицейского комиссара?
Сепре. Ты знаешь, что бывает тем, кто разговаривает с русскими пленными? Вчера одна женщина на улице дала пленному хлеб, немецкий солдат увидал — пиф-паф, женщина на месте. Еще один раз пиф-паф — пленный тоже на месте. Очень строго. Пойдем, я тебя уложу в караулке.
Валя. Мне тут хорошо.
Сепре. Тут ты будешь бояться.
Валя. Нет; не буду.
Сепре. Посмотри хорошо — не страшно?
Валя. Нет.
Сепре. Ты храбрая. Идем в караулку лучше. Я — чистый, здоровый, красивый. И немецкие кавалеры там есть. Конфетами угостят. Идем!

Валя. Можете говорить. Что угодно говорите, пожалуйста. Ко мне не пристанет ничего. Ни одно слово. Не позволю, чтоб пристало. И все.

Сепре. Что ты там говоришь своим ротиком?

Лутс. В караулку — нехорошо. Люди будут осуждать тебя. Твоя жена узнает. Нехорошо

Сепре. Тогда я отведу ее к раввинше

Валя. Не хочу!!

Лутс. Пускай переночует одну ночь. Завтра я уведу ее.

Сепре *(Вале, посмеиваясь)*. Я думал, ты храбрая, а ты боишься раввинши.

Валя. Я ее не боюсь.

Сепре. Боишься... Закричала... А я думал — вот храбрая... гм... И меня боишься. Разве я страшный?

Лутс. Иди сюда, Сепре, а Сепре.

Сепре. Ну, что?

Лутс. На минутку иди сюда. На минутку

Сепре. Ну?

Лутс. Не надо, Сепре, чтобы русские плохо думали о нравственности эстонцев.

Сепре. Какое дело нам до русских? Русские проиграли войну! Скоро немецкая армия возьмет Москву и Ленинград! Капут!

Лутс. Но добродетель всегда останется добродетелью, а разврат всегда останется развратом!

Сепре. Вот эти *(показывает пальцем)* будут плохо думать про эстонцев? Да какой народ есть лучше эстонцев?! Вот, например: вы кто? Пленные! А господин Теесалу, товарищ городского головы, лично приходил смотреть ваше помещение! Француз это сделает? Англичанин сделает?

Коели. Русский — сделает.

Фельдфебель Хемпель, без шинели и пояса, простоволосый, заглядывает в дверь.

Хемпель. Сепре! Сепре, майн кинд!

Сепре. Я, герр Хемпель!

Хемпель. Ком'мит! *(Показывает бутылку.)* Ком'мит. Шнапс тринкен!

Сепре. Гляйх, герр Хемпель, данке шён!

Хемпель исчезает.

Еще вот, например: ваш русский милиционер знает три языка? Он знает один русский язык. А я знаю три: я могу говорить *(загибает пальцы)* по-эстонски, по-русски и по-немецки. Читать могу *(продолжает загибать пальцы)* по-эстонски и по-русски...

Коели. Итого вы насчитали пять языков.

Сепре *(смотрит на свой кулак)*. Три языка. Эстонская полиция — самая образованная полиция. *(Лутсу.)* Я пойду греться в караулку. *(Уходит.)*

Лутс *(Вале)*. А ты больше выскакивай! Выскакивай больше! Нарушаешь мне тут!.. Сиди тихо, а то к раввинше отведу!

Еремеев *(к Дахно)*. Убедительно прошу. Слышь? Человек ты, ай нет? Сам имеешь привычку курить, должен понимать... Другой раз нужнее хлеба... На одну закрутку!

Дахно. Ну, чудак. Ну, посуди: как я дам? Я, может, из последнего заплатил, чтоб самому курить. Некультурность с твоей стороны, больше ничего.

Еремеев. Дай хоть потянуть разок.

Дахно. Тебе дать, и другой станет просить. Вас тут девять душ. Потянули все по разу — и целой закрутки нема. И скажу тебе откровенно — я очень брезгливый. *(Затягивается.)*

Еремеев. Слушай. Я заплачу́.

Дахно. Триста рублей за закрутку.

Еремеев. Да ты что?

Дахно. Как хочешь.

Еремеев. За сигарету берут двести. Души у тебя нет.

Дахно. А у тебя есть?

Еремеев. Есть.

Дахно. Ишь ты. А у меня вот курево есть. И я мое курево за твою душу не отдам. *(Затягивается.)*

Еремеев. Давай за триста. *(Лезет за пазуху.)*

Дахно. Только крупными купюрами. Мелкими не возьму.

Еремеев *(достает деньги)*. Считай.

Дахно. Засалил за пазухой... *(Слюнит палец и считает деньги.)*

Новиков. Николай. Коели.

Коели. Что?

Новиков. Так кто был твой дедушка?

И тень слабой улыбки — воспоминание о милой, неиадоедающей шутке — проходит по лицам.

Шарафутдинов. Скажи, Коля.

Коели. Не забыли...

Новиков. Ну, скажи. Кто был твой двоюродный дедушка?

Коели. Католикос всех армян.

Новиков. Как, как?

Коели. Католикос всех армян.

Смех.

Гречка. Придумал, сатана... Ну и хлопчик!

Лутс *(поражен)*. Смеются!..

Шарафутдинов. Католики бывают. Католикосы не бывают!

Коели *(лениво)*. Неосведомленность ваша. Отсутствие эрудиции. Католикосы тоже бывают.

Гречка *(Меркулову)*. Нет, кроме шуток. Бывают такие — католикосы?

Меркулов *(улыбнулся)*. Бывают. Редко, но бывают.

Гречка *(с огорчением)*. Ну-у! А я считал — он придумал...

Дахно. Верно. Получай. *(Сыплет табак и бумажку, подставленную Еремеевым.)*

Еремеев. Прибавь чуточку.

Дахно. Хватит на закрутку.

Еремеев. Шкура... Дай прикурить.

Дахно. За твою за ругань — иди прикуривай от печки.

Еремеев *(прикуривает от уголька)*. Спекулянт чертов.

Дахно. Ну! Разговорился чересчур. Другой раз и за три тысячи крохи не дам.

Ярош. Дахно.

Дахно. Тут!

Ярош. У тебя есть немецкие сигареты.

Дахно. Честное слово...

Ярош. Чего?

Дахно. Скурил.

Ярош. Брешешь. Давай сюда сигарету.

Дахно. Ей-богу!..

Ярош. Что мне — другой раз говорить?

Дахно *(достает сигарету, встает, подает Ярошу)*. Я...

Ярош. Ну?

Дахно. Я заплатил за штуку по сту рублей.

Ярош. Опять брешешь. По троячке. Я видел. Как нас вели сюда — ты у спекулянтки купил. Что за брехливая собака. Огня подай. *(Закуривает.)* Хорошая зажигалка у тебя.

Дахно. Ну, вот чтоб мне очи повылазило — я за нее кусок мыла отдал!

Ярош. Тьфу ты! *(Встает.)* Слушай сюда, артель. Задаю урок. Пархомов и Гречка — заместы в хате. Я с Новиковым пойду дрова пилить. Еремеев — принесешь воды. Шарафутдинов — натаскаешь соломы для нар. Болютин и Дахно... приберете в отхожем.

Дахно порывается что-то сказать.

Ты что?

Дахно. Нет, ничего...

Меркулов. А меня обошел, староста?

Коели. Меня тоже. Лежите. Поправить повязку?

Меркулов. Поправьте.

Дахно. Гад, а еще сигарету взял. *(Меркулову и Коели.)* Вы ж видели — он у меня сигарету даром взял. Товарищи, вы все видели... А работу загадывает самую поганую.

Ярош. Идем, покажу, где что.

Уходит, за ним все пленные, кроме Меркулова и Коели. В течение следующей сцены Пархомов и Гречка, вернувшись с лопатой и метлой, скребут и метут пол. Еремеев приносит воду и усаживается у печки докурить свою закрутку. Лутс несколько раз выходит и входит.

Меркулов. Коля, какой вы на самом деле национальности? Фамилия у вас не разберешь какая, предков называете — русских, армян...

Коели *(делает ему перевязку)*. И греки были, к вашему сведению. И какая-то шведка, которую привез из Швеции какой-то грек... Больно?

Меркулов. Нет.

Коели. А я, конечно же, русский, какой же еще? Собственно, до войны я об этом не думал. Я был советский, и только. И все люди были для меня советские — или же не советские. Я вспоминаю, что это у многих так было. А в войну все стали думать о своей национальности. Это хорошо?

Меркулов. Видимо, это неизбежно, когда война.

Коели. Вы знаете, без этого было...

Меркулов. Проще?

Коели. Свободней. А еще люди делятся на хороших и негодяев. Это я тоже в войну открыл. В плену особенно.

С хор смотрит на них Валя.

Меркулов *(встретившись с нею глазами)*. Смотрите?

Валя. Смотрю...

Меркулов. Сидите в ложе и смотрите представление... Что за раввинша, к которой вас хотели отправить?

Валя. Ох, ни за что! Лучше ночевать на улице.

Меркулов. Она такая страшная?

Валя. Она ужасная!

Меркулов. Что в ней ужасного?

Валя. Это нельзя рассказать. И смотреть на это нельзя. Она живет тут со двора...

Меркулов. А мне говорили, что немцы убили здесь всех евреев.

Лутс. Нет, не всех. Три осталось. Артистку одну оставили: она танцует на канате. Потом часового мастера — он очень хорошо починяет часы. И раввиншу.

Меркулов. А раввиншу за какие заслуги?

Лутс. Она кричала очень. Она все равно скоро помрет.

Валя. У нее всех убили: мужа, детей, внуков, правнуков. Теперь она одна. У нее восемь комнат, и она одна. Никто не хочет там жить.

Коели *(Лутсу, после молчания)*. Вы очень чисто говорите по-русски.

Лутс. Почти все эстонцы могут говорить по-русски.

Входит Новиков с охапкой дров, складывает их у печки.

Я служил в русской армии — был русский солдат. Мы русские песни пели: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши жены? Наши жены — ружья заряжены...»

Гречка *(смотрит в окно)*. Мне б сейчас жену мою, жинку, жиночку,— я б вон ту фигуру красиво снял...

Лутс. А дочка у меня в Ленинграде.

Коели. Учится?

Лутс. Нет; вышла замуж за русского офицера и уехала в Ленинград. В прошлом году. Теперь письма не ходят, мать плачет... Все-таки русский народ — неправильный народ.

Коели. Как это неправильный?

Лутс. Смотри: эстонец пьет водку, чтобы стало весело. Русский выпьет — плачет. Эстонец если попал в плен, в плену плохо — эстонец плачет. А русский в плену шутит. Ему плохо, ему совсем плохо — он шутит!

Коели. Так мне сейчас для порядка полагается плакать?

Лутс. Вот видишь, ты опять шутишь.

Коели. Давайте плакать. *(Вале.)* Как вас зовут?

Валя. Валя.

Меркулов. Валя. Валентина.

Коели. Давайте плакать, Валя.

Валя. Разве поможет?

Коели. Именно: разве поможет?.. Закрыть глаза, потом открыть — и нет ничего этого. Приснился сон...

Новиков. А по мне не так. Какой, к черту, сон. Во сне разве так мучается человек? Я воображаю, ребята, будто мы на станции ожидаем пересадки. Там заносы, или катастрофа, в общем — опоздал поезд. И мы ждем. Скучно, конечно, и жизнь самая ненормальная, но поезд придет. Обязан прийти, положен по расписанию. Сядем и поедем себе, кому куда нужно. Не знаю, как кто, а лично я собираюсь ехать еще лет шестьдесят. *(Уходит.)*

Коели. Хороший парень Новиков.

Меркулов. Коля, что она смотрит! На раввиншу нельзя смотреть — на нас тоже нельзя! *(Вале.)* Вы кто? Кто вы такая, девушка?

Валя. Я?.. Студентка. Учусь. Училась то есть...

Меркулов. Где?

Валя. В институте молочного хозяйства.

Меркулов. Валя, Валентина... Уходи отсюда!

Валя. Куда! Ведь некуда же.

Меркулов. Уходи, уходи. Скорей, Валя. Куда-нибудь. Тут слишком... *(К Коели.)* Скажите ей! Зачем еще это нам — чтобы жены на нас смотрели!..

Коели. Товарищ Меркулов... Александр Данилович... Это не жена ваша.

Меркулов. Не Валя?

Коели. Это другая Валя.

Меркулов. Все равно. Она не должна. Чья бы ни была. Женщинам и детям нельзя...

Коели *(Вале)*. У вас градусника нету?

Валя. Ой, нету!

Меркулов. Мы, мужчины, не можем допустить... Уходите, ну?! Извольте слушать, когда приказывает комиссар!

Коели. Александр Данилович! Нет, вы меня извольте слушать! Запрещаю говорить! У вас бред! Немедленно лечь и молчать.

Силой укладывает Меркулова. Входят Новиков и Ярош, вносят дрова. Все уже закончили работу, недостает только Болютина и Дахно.

Ярош. Можно спочивать. Завтра на работу вставать до свету. *(Вале.)* Слушайте. Иголка у вас есть?

Валя. Есть.

Ярош. Толстая?

Валя. И толстая есть.

Ярош. Можете дать в вечное владение?

Валя. Могу.

Ярош. Спустите.

Валя. Я на нитке. Сейчас. *(Достает из мешка.)*

Новиков *(подходит к Коели)*. Николай.

Коели. Да?..

Новиков. Картина такая: у ворот немецкий караул.

Коели. А не эстонский?

Новиков. Немецкий.

Коели. Чего это ради? Ведь нас передали бургомистрату...

Новиков. Тут, видишь, по соседству арсенал или что-то в этом духе — какая-то чертовина, которую караулят; я узнаю.

Коели. Ты узнай.

Новиков. Узнаю.

Валя *(Ярошу)*. Держите. *(Спускает иглу.)*

Ярош. Хороша. *(Садится под лампочкой, зашивает шинель.)*

Гречка *(подсаживается к Ярошу)*. Убедился?

Ярош. Убедился, что уйти все-таки возможно.

Гречка. По зимнему сезону? Не дождавшись тепла?

Ярош. Ну и сиди тут один. Мне бы только Меркулов поправился.

Гречка. Один я тут не останусь, без своих, ты понимаешь очень хорошо.

Тихо входит раввинша, так тихо, что ее присутствие замечают не сразу. Это древняя старуха, приземистая, горбатая, бесформенная. Она одета в очень старомодную черную плюшевую кофту и черный фетровый колпак. На груди и спине у нее нашиты шестиконечные желтые звезды. Голова ее трясется, движения медленны и неверны. О ней нельзя сказать, худа она или толста, была она брюнеткой или блондинкой, соображает ли, с кем говорит и что ей отвечают. От нее веет гибелью и могилой.

Раввинша *(слабым, монотонным голосом)*. Кто тут?

Молчание. Все смотрят на нее.

Кто тут, ну?

Валя. Раввинша...

Раввинша. Это ты, Мойше?

Лутс *(беспокойно, с суеверным страхом)*. Опять вы тут. Нет тут вашего Мойше.

Раввинша. А где Мойше? *(Молчание.)* И Шолома нет?

Лутс. Никого нет. Идите домой. Тут нельзя быть.

Раввинша. Где же они? И Рувима нет?

Лутс. Говорю — нет никого.

Раввинша. Тут есть люди.

Лутс. Это не те, кого вам нужно.

Раввинша. Я хочу знать про дрова. Когда мне будут дрова?

Лутс. Дров нет, сказано десять раз.

Раввинша. Отвечайте мне, люди.

Лутс. Я же отвечаю. Нету дров, и незачем вам ходить.

Раввинша. Кто же пойдет? Я должна сама ходить. Я их зову — они не приходят. Я зову: Мойше, Шолом, Рувим, Сара,— никто не приходит. Хожу все время по комнатам, зову. Я знаю, куда они ушли все сразу? И детей увели... Разве детям можно в такой мороз? В мороз детям надо давать горячее молоко, а то они заболеют... И у меня в квартире мороз. Когда просыпаюсь, у меня на глазах лед... Я не понимаю. Когда же мне привезут дрова? Во дворе лежат; это не мне?

Лутс. Нет.

Раввинша. Мне?

Лутс *(в отчаянье)*. Да не вам!

Входит Дахно.

Раввинша. А мне когда?

Лутс. Идите к городскому голове, что вы ко мне ходите, я тут ни при чем!

Раввинша. К кому идти?

Лутс. В ратушу!

Раввинша. Это где?

Лутс. Двести лет тут прожили, и не знаете? На площади! Идите с богом!

Раввинша. А где бог? Я его тоже звала — не отзывается. Почему он не посмотрит, как мне холодно? Почему он не дает мне обратно Мойше, Рувима, Шолома, Сару? Бог! Где ты, бог? Где мои дети? Где мои внуки? Люди, отвечайте мне: куда вы их девали? Что вам сделали маленькие дети?.. Бог!..

Лутс. Иди, бабушка! Довольно! Довольно, я тебе говорю!

Выпроваживает раввиншу и сам выходит за нею. Молчание.

Дахно. Притворяется. Эти жиды ужасно лукавые.

Лутс возвращается, садится.

Валя *(сурово)*. Дайте ей дров!
Лутс. А тебе что? Сиди, пока не турнули! Дал... Ты сиди, молчи!
Ярош *(к Дахно)*. Болютин где?
Дахно. Кончает...
Ярош. А ты — уморился?
Дахно. Руки застыли. Нельзя же, на самом деле... Он закончит. Разрешите угостить сигареточкой...
Ярош. На сей раз — черт с тобой. А на дальше — смотри, Дахно! Будешь отлынивать...
Дахно. Да боже сохрани! Да что вы! Когда и отлынивал?.. Вы уж сразу парочку... *(Подает огня.)*
Коели *(с закрытыми глазами)*. В Москве сейчас собираются в театр.
Дахно. На Москву сейчас это самое... бомбочки.
Коели. Врете. Сейчас я иду по улице Горького. Огни — цепочки огней... Кремлевские звезды на небе... Толпа, толкотня, свет, и зайдешь в переулок какой-нибудь — в Малый Гнездниковский! — там снежок голубой, тишина...
Дахно. И огней нема, и радио орет воздушную тревогу.
Коели. Врешь, дубина. Москва такая, как прежде. Вот сейчас я проснусь — я всхожу по лестнице, пришел домой...

Входит Болютин, отчаянно хлопнув дверью.

Новиков *(вздрогнув)*. О, чтоб тебя...
Ярош. К чертовой матери, сказился?
Болютин *(неверным голосом, но очень оживленно)*. А что, нужно соблюдать тишину, ха-ха! Что здесь, больница, ха-ха! Смешно...
Ярош. Вот будет тебе смешно. *(Приподнимается.)*
Болютин *(схватывает полено)*. Не тронь меня! Ругай, посылай на самую подлую работу — так мне и надо... так и надо! Но не тронь! Я убью, если тронешь! Я убью...

Ярош. Посмотрим, кто кого убьет.
Коели *(становится между ними)*. Он же болен, не видите разве? Выпейте. *(Подает Болютину воду.)*
Болютин *(стуча зубами о край кружки)*. Пусть сунется... Я его уничтожу, зверя... Уничто-жу...
Коели. Тихо!
Гречка *(присматривается к Болютину)*. Ей-богу, хлопец хлебнул где-то.
Болютин. Ну что ж...
Гречка. В сортире шнапс нашел?
Болютин. Нем... немцы дали.
Дахно. Дуракам счастье.
Болютин. Я не много выпил.
Гречка. Тебе много и не надо.

В дверях Сепре и Хемпель.

Сепре *(давясь от смеха, показывает пальцем на Болютина)*. Вот он! Живой и здоровый!
Хемпель *(хохочет)*. О, швайн! О, швайн!
Сепре. Храбрый малый, эй! Храбрый малый, вкусный был шнапс?
Хемпель. Шмекте дас гут?
Сепре. Живой и здоровый!
Хемпель. Шмекте дас гут?

Хохоча, Хемпель и Сепре уходят.

Гречка. Видать, дряню тебя напоили... благодетели.
Коели *(звонко)*. Вы действительно свинья, Болютин!
Гречка. Брось. Не в том он виде, чтоб его пропагандировать.
Коели. Нет. Надо договориться раз и навсегда. Или мы советские люди... военнопленные... Или... *(У него обрывается голос.)*
Меркулов *(неожиданно и громко)*. Мы — советские люди, которых хотят сделать скотами. Каждому это ясно, и не о чем много говорить.
Дахно. Ха-ха, еще одна балалайка забалалайкала!
Меркулов *(слабея)*. Не о чем много говорить. Кто крепок, тот не оскотеет, выйдет отсюда человеком... либо умрет человеком.
Дахно. Вон ведь чего от нас требует. Сам умирай, я еще жить буду!

Ярош *(к Коели)*. Вот ты говоришь — не бить. Бить обязательно нужно! Умный и сильный себя соблюдет, а слабого и глупого вот так надо держать!..

Болютин *(очень тихо)*. Я не знал. Почем же я знал? Они дали, я обрадовался... согреться... Так мне и надо! Товарищи, я скажу. Товарищи, я сам себя погубил...

Гречка. Кому это сейчас, хлопец, интересно.

Болютин. Нет, вы слушайте, я хочу сказать. Коели, слушайте, пожалуйста! Я... вот как было. Мы остались вдвоем в лесу. А немцы чесали из пулеметов. Я лег и говорю: «Не пойду». Он говорит: «Трус». И стал ругать меня. Я говорю: «Что же, вот сейчас — конец?» Он говорит: «Может быть. Это, говорит, не суть важно». Про мою жизнь сказал: не суть важно. Я бросил винтовку и говорю: «Сам иди на рожон». А он поднял мою винтовку и говорит: «Если пойдешь, то у тебя есть маленький шанс; а если останешься, говорит, то я тебя из твоей же винтовки уложу». Так отчетливо все это договорил до точки. И как только договорил до точки, сразу упал. Как будто ему нарочно дали именно до точки договорить. Не мучился: в сердце... Пулемет был совсем близко. *(Молчание.)* Я не мог умереть. *(Молчание.)* И сейчас не могу. И жить так не могу. Где же выход? *(Молчание.)* Не хотите говорить. Я с вами... исповедь, а вы не хотите...

Новиков. Да кому твоя исповедь нужна? Чего ты оголяешься? Мы тебя просили?

Болютин. Да, не просили. Вы ничего не просите. Ни жизни, ни жалости, ничего. Я дурак пьяный. О, идиот!.. *(Ярошу.)* А этого зверя уничтожу, пусть тронет только... Только тронь меня! Мне уже все равно.

Бросается ничком на нары и затихает. Молчание. Ярош поворачивает выключатель и ложится. Зал освещен теперь красным светом из печного поддувала; слабо светятся высокие окна с темными Давидовыми звездами. У двери на стуле дремлет Лутс, держа винтовку между коленями. Валя положила локоть на барьер хор, лица ее не видно, свисают волосы. Новиков у печки задумчиво помешивает угли кочергой. Гречка курит, сидя на нарах. По залу пробегают полосы света от автомобильных фар. Где-то далеко раздается одинокий выстрел из винтовки.

Новиков *(негромко)*. Николай.

Коели *(не сразу)*. Что?

Новиков. Сколько отсюда до Москвы?

Коели *(подумав)*. Километров пятьсот.

Тишина.

Новиков *(запевает слабым чистым тенором)*:

Вдоль по улице метелица метет.
За метелицею девица идет.

Гречка *(тихо вторит)*:

Ты постой, постой, хорошая моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя.

Лутс *(очнувшись)*. Поют! Поют русские...

Новиков *(закинув голову, медленно и мечтательно)*:

На твою ли на приятну красоту,
На твое ли что на белое лицо...

Гречка *(вторит)*:

Ты постой, постой, хорошая моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя...

2

Тот же зал. Горит та же лампочка. Снова вечер. Но людей в зале больше — уже десятки советских военнопленных обитают в Н-ской синагоге. Ярош чинит сапог. Гречка мастерит санки. Еремеев зашивает свой кожух, вкладывая в это занятие застенчивую заботливость. Болютин лежит, закинув руки за голову. У печки Меркулов с перевязанной головой; ему плохо — он говорит с трудом и трудно поворачивает голову. По-домашнему — внизу, не на хорах — сидит и разговаривает Валя.

У двери Лутс с винтовкой.

Разговаривают группами и по двое, кто шумно, кто почти шепотом. Разговор то разделяет, то объединяет людей.

Ярош. Наша местность скрозь угольная. У наших стариков в морщинах уголь засел — не вымывается.

Меркулов. А у нас дело чистое — текстиль. Угля нет, работаем на торфе.

Ярош. Торф — ерунда. Антрацит — вот король над королями.

Меркулов. На торфе тоже ничего. Справлялись. Привычка много значит: у нас привыкли к торфу.

Еремеев. Смело́ людей со всей земли... А я по большей части в лесу жил.

Ярош. Наша степь! Говорят, в ней красоты нету. Что они понимают в красоте! Такой воли — аж до свиста в ушах — ни в садах нет, ни в лесу.

Еремеев. В лесу тихо. Белка орехом играет. Зайцы кувыркаются...

Ярош. В степи травы — вот! По пояс!.. Медом пахнут, а цветов!..

Еремеев. Как-то вышел без ружья и наскочил на медведицу. Она детная, свирепая; а при мне только нож. Сцепились — думал, конец... Видишь — вот шрам и вот, это от ее когтей.

Меркулов. Сила у вас, Еремеев.

Еремеев. Сила есть.

Ярош. Как-нибудь померимся.

Еремеев. Сперва поправься как следует. Контузия тебя покачнула. Я сейчас гораздо тебя крепче. Не сладишь со мной.

Ярош. Выйдем на волю — поправлюсь как следует.

Шарафутдинов. Уйти трудно. В такой одеже — за три километра видно, что идет пленный.

Ярош. Метель метет, не видать ни дьявола в трех шагах, не то что в трех километрах.

Шарафутдинов. Кто пустит пленного переночевать? Побоятся.

Меркулов. Один побоится, другой побоится, третий пустит.

Еремеев. Ле́са надо держаться. В лесах народ непужливый. Хладнокровный.

Шарафутдинов. Не поймите так, что я трус. Поймите правильно: я хочу рассчитать, как мужчина. Зачем иадо, чтобы я вышел за ворота — и фашист всадил мне пулю между лопатками? Мне надо, чтобы он от меня получил пулю — в лоб! *(Помолчав.)* И все равно я выйду за ворота. Я больше не могу здесь...

Пархомов *(рассказывает Гречке)*. Мы этот вопрос подработали и представили ему на рассмотрение. Немного погодя он меня вызывает. «Ваш, говорит, материал, товарищ Пархомов, подработан серьезно; а вот у Дудникова, говорит, неглубоко; вы ему помогите». Дудников вообще несолидно держался, разбрасывался очень, в личной жизни тоже... Я ему, конечно, помог. У меня картотека была замечательная, я сам ее создал, карточка за карточкой, все сектора пользовались... Дудников вечно против нее делал выпады, мне передавали, что он меня называл крохобором и кротом, а тоже в трудные моменты жизни моя картотека его выручала! Кабинет у меня был не такой, конечно, как у руководства,— по внутренней лестнице, комнатка метров шесть, не больше, и темноватая,— Дудников острил, что мы в этих кабинетах как чижи в клетках... Но в смысле работы были созданы все условия: шкаф в стене, два телефона, городской и внутренний Столовая своя, закрытая, в этом же здании, очень удобно... Я что хотел сказать. Я хотел сказать, что ведь мы же вернемся в нормальное существование. Некоторые товарищи это недоучитывают. Они недоучитывают, что мы должны будем отчитаться о нашем пребывании здесь. Каждый должен будет осветить этот отрезок своей биографии, не утаивая никаких подробностей, за весь период. Вот Ярош меня ударил. Вы его взяли под защиту...

Гречка. Не то что под защиту!..

Пархомов. Разрешите. Я не собираюсь делать выводы. Обстановка немыслимая, и он контуженный. Я учитываю. Пусть это событие здесь и останется.

Гречка. Тем более, дорогой,— тебе тоже мало интереса, чтоб об этом событии узнал кто-нибудь на воле.

Пархомов. Хотя бы тот же Дудников. Вы совершенно правы. Но вот такой факт: отдельные товарищи вступают в разговоры с полицаями и даже с немцами; зачем это, товарищ Гречка? Советскому гражданину не о чем говорить с врагами!

Валя *(рассказывает Новикову и Коели)*. Я бежала в бомбоубежище, а кругом сыпался дождь из стекла, какие-то столбы поднимались черные...

Новиков. А вы бы в Ленинград!

Валя. Да-а... Поезда не ходили — они ведь бомбили вокзал.

Новиков. А пешочком!

Валя. Да-а... Это героиней надо быть, чтобы идти под бомбами.

Новиков. Ну, какой там особенной героиней.

Валя. Хорошо, если убьют, это пустяки, а если оторвет руку или ногу?

Коели. А потом как было?

Валя. А потом так... утром открывается подвал, смотрим — чужие солдаты. Немцы... Вышла я — как в чужой город: все горит, ничего не узнать...

Лутс. А что вы кушали? Лавки были?

Валя. Какие там лавки! Ели желуди и конину.

Лутс. А конину где покупали?

Валя. Какое там покупали! Вот убьет лошадь снарядом, она валяется, а мы идем и режем от нее кто сколько... А потом нас немцы выгнали в тыл.

Новиков. И сидите вы тут.

Валя. И сижу.

Новиков. А через фронт если?

Валя. Одной?

Новиков. Страшно?

Валя *(вздохнув)*. Страшно!

Коели. И что дальше?

Валя. Что-нибудь. Всегда ведь бывает что-нибудь. Как вы думаете, что делать с Болютиным?

Коели. А что вы с ним сделаете? Ничего вы с ним ие сделаете.

Новиков *(громко)*. Гречка! Болютина кондёр где?

Гречка *(громко)*. Болютина кондёр на окошке возле дежурного: вон — в миске.

Новиков *(громко)*. Полная порция?

Гречка *(громко)*. Полная порция. Такой суп пармезан, что не дай бог.

Новиков *(вполголоса)*. А вчерашний?

Гречка *(вполголоса)*. Прокис. Ночью схлебал кто-то.

Новиков *(громко)*. А хлеб болютинский где?

Гречка *(громко)*. А хлеб хранится у Валечки. Три порции за три дня.

Валя. Болютин! Дать вам хлеба?

Болютин. Не хочу. *(Уходит.)*

Валя. Куда он пошел?

Ярош. Дров с ним попилим. *(Уходит.)*

Валя. Безобразие! Умирающего от голода человека заставляет пилить дрова.

Гречка. Он еще ничего: не помирает.

Валя. Этот Ярош ужасный.

Гречка. Обыкновенный себе мужчина; ничего.

Валя. Он нарочно всю работу взвалил на Болютина.

Гречка. Он хочет, чтоб у Болютина аппетит взыграл.

Новиков. А по-вашему, уложить Болютина в постельку и плакать над ним: скушай, милый, ложечку за мамино здоровье?

Валя. Так ведь он объявил голодовку!

Новиков. Подумаешь! На психологию бьет. Чтобы все кругом него танцевали. Что он хочет своей голодовкой доказать? Мы в лагере видали голодовку.

Пархомов *(приближается)*. Понимаете, Валечка, брали цинковое корыто, брали мерзлую картошку, немытую. Лопатой рубили картошку в корыте. На лопате земля. И варили без соли...

Гречка. Вот, ей-богу, поотстреливал бы некоторым людям языки и пустил гулять без языка.

Пархомов. Все высказываются, а почему я...

Гречка. Зачем это вспоминать? Лестно, что ли? В автобиографию впоследствии впишешь, в каком тебя держали почете. *(Вале.)* Лично мне всякая диета на пользу. Вы можете себе представить, что до войны я весил сто девять кило?

Валя. Ой! Я в жизни не весила больше сорока шести.

Гречка. А сто девять не желаете? Кто скажет? Сейчас талия — как у барышни.

Валя. Как же вы на фронте со ста девятью килограммами?

Гречка. Воевал помаленьку.

Новиков. Первый был снайпер в батальоне.

Валя. Первый снайпер? И дался в плен?

Новиков. В руку его ранило.

Валя *(Гречке)*. А до войны вы кем были?

Гречка. Угадайте.

Валя. Руки у вас белые; вы не рабочий.

Гречка. Как считать...

Валя. И не колхозник.

Гречка. Не колхозник.

Валя. И не научный работник.

Гречка. Это нет.

Валя. А кто?

Гречка. А я хлеб продавал. Возьмешь буханку... Сколько вам, гражданочка? Кило двести? Р-раз ножом и на весы — аккурат кило двести, гражданочка, получите... Из того хлеба, что через мои руки прошел, можно бы сложить небоскреб в пятьдесят этажей.

Валя. До чего все разные... А вы, Василий Пантелеевич, кто?

Новиков. У меня квалификация шикарная — я метранпаж.

Шарафутдинов *(подходит, улыбаясь)*. Я тоже разный. Мы живем в Байрам-Али,— слышали Байрам-Али? Сад у нас, персики — вот такие золотые персики. Когда цветет сад — это белое облако стоит вокруг дома, утром встал, шагнул через порог — и ты в облаке... А когда стадо идет перед заходом солнца — это море идет, теплое море в розовом тумане...

Лутс. Слушай. Молодой человек Коля. Коели. У тебя корова была?

Коели *(задумчиво)*. Корова?

Лутс. Была корова? Можешь ходить за коровами?

Коели. Велосипед у меня был, коровы не было. *(Меркулову.)* Опять побледнели — перевязать?

Меркулов. Спасибо. Еще плотно держится. Я завтра работать выйду.

Коели. Это что — способ самоубийства?

Меркулов. Ну вот... Мне просто лучше. А лежать здесь целый день одному — куда противней, чем мостить мостовую.

Коели. На морозе мостить. Прошу не забывать.

Меркулов. Черт с ним.

Коели. На таком морозе, что пальцы липнут к булыжнику. И под метелью, прошу учесть. Метет в глаза и ноздри...

Меркулов. Все равно. Ничего нет хуже этого безвоздушного пространства. Вы ухóдите, печка остывает, дверь на замке... И кажется — умер и окостенел.

Валя. Но это сумасшествие — вам идти на работу! Вы обязаны себя беречь! Вас жена ждет!

Меркулов. Жена думает, что меня уже нет.

Валя. Ничего подобного! Ждет, и смотрит в окошко, и бежит почтальону навстречу.

Меркулов. Вы сказали — и я увидел наше окошко и крыльцо, по которому всходит почтальон, и дорожку к крыльцу... Дорожка в снегу; а когда я уходил, все было зеленое... Новый дом, знаете — на две квартиры, два крыльца, две семьи живут,— целый поселок такой при фабрике... Мы получили квартиру в прошлом году, до этого жили врозь — я в мужском общежитии, она в женском. Считанные дни вместе... Хорошо, что остался утешитель: сын.

Валя. Большой?

Меркулов. Небольшой. Должен был родиться... месяц назад.

Валя. Почему непременно сын?

Меркулов. Сын, сын. Конечно, сын... Если все прошло хорошо.

Валя. Конечно! Все прошло чудно, конечно! Вернетесь, а там сынишка, Юрка или Вовка...

Меркулов. Она хотела назвать Владимиром.

Валя. Значит, Вовка. Чýдные эти малыши...

Новиков. Эх, сидеть тут, сгнивать!.. Не дождусь я вас, Николай.

Коели. Как хочешь, конечно.

Новиков. Мы с Еремеевым считаем: надо двигаться в леса. Добредем до какого-нибудь партизанского отряда...

Коели. Двигайтесь.

Новиков. А ты?

Коели. Я дождусь Яроша. Мы пойдем к фронту Ярош нас выведет, я уверен. Он для этого и в старосты вызвался, и в руки всех забирает. Ты посмотри — он над каждым как наседка.

Новиков. Ласковая наседка, дай бог здоровья.

Коели. У всякой наседки свой характер.

Новиков. Тянет он...

Коели. Ждет, когда Александр Данилович сможет идти.

Новиков. А он сможет идти?

Коели. Сможет.

Гречка *(подходит)*. Поотстреливал бы я всем языки

Новиков. Слух же у тебя, черта.

Коели. Снайперский.

Гречка *(присаживается возле них на корточки)* Послушайся меня, Василь...

Новиков. Тебя слушать — издохнешь тут сто раз.

Гречка. Василечек ты мой дорогой, нельзя уходить до весны. Ты посмотри, что за зима. Зима для нашего брата немилосердная.

Новиков. Тоже вроде Болютина — за жизнь свою драгоценную цепляешься?

Гречка. А что ж! Моя жизнь действительно стоит дорого. Поскольку она одна — как же не драгоценная? И, ясно, желательно ее израсходовать толково; а задарма, замерзать на дороге немцам на смех... И, кроме того, хлопцы, ах, хлопцы...

Новиков. Что еще скажешь?

Гречка. Арсенал. Под боком. Вражья база. Какой объект! Сегодня опять бесконечно разгружали грузовики. Готовенькая смерть, в упаковочке смерть — нашим на голову... И мы тут сидим — рядом — столько грамотных мужиков!.. Да неужели мы ничего не сумеем сочинить?

Новиков. Арсенал! Арсенал, брат, голыми руками не возьмешь.

Тем временем вернулись Ярош и Болютин.

Валя. Болютин! Я вам дам хоть кусочек хлеба!

Болютин. Спасибо, не надо мне кусочка, не нуждаюсь я в вашем кусочке.

Валя. Так возьмите все три порции и наешьтесь наконец, что за глупости!

Болютин. Слушайте, отстаньте от меня, пожалуйста!

Коели. Получили?

Валя. Умрет у всех на глазах, очень интересно...

Новиков. Не беспокойтесь: если бы очень захотел умереть — нашел бы тыщу способов.
Валя. Все-таки вы к нему безжалостные.
Новиков. Что заработал, то и получает.
Ярош. Болютин.
Болютин. Что?
Ярош. Сходи воды принеси.
Болютин. Хорошо. *(Уходит.)*
Пархомов. Где гуляли сегодня, Валечка?
Валя. Я не гуляла. Я ходила за хлебом.
Пархомов. И какие достижения?
Валя. Дали на сегодня. Сказали — больше не дадут Сказали — в Гдове дадут следующий раз.
Лутс. Вот: думать надо. Всё ля-ля-ля и ха-ха-ха, надо думать.
Валя. Я думаю, думаю...
Лутс. Будешь служанка, большая важность. Ты — служанка, я — полицейский. Война все перепутала. Война кончится — придем и скажем: разберите нас, где кто... Хозяйка хорошая, ботики даст тебе и шаль.
Валя. Хорошо, хорошо...
Лутс. Завтра отведу тебя. Не можешь ты сама думать. Еще не выросла. Или в Гдов пойдешь?
Валя. Хорошо, отведите.
Пархомов. Будете, Валечка, проведывать нас. Вы, Валечка, одни только и напоминаете нам о жизни. О реальной действительности. Все остальное — сон, как правильно сказал Коля Коели.

Болютин вносит воду.

Валя. Определенно умрет от голода... Болютин! Я вас очень прошу — возьмите хлеба!
Болютин. Хорошо. Дайте мне мой хлеб.
Валя *(достает хлеб из-под изголовья Меркулова, радостно)*. Весь возьмете?
Болютин. Давайте весь. *(Берет хлеб и отдает Дахно.)* Берите.
Дахно. Это как же?
Болютин. Да просто так.
Дахно *(недоверчиво)*. А что я должен?..
Болютин. Ничего. Возьмите и съешьте.
Дахно *(берет, ест; в недоумении)*. Ну... спасибо.
Болютин. На здоровье.

Общее молчание.

Гречка. Вот это ловко — одним плевком всех оплевал.
Ярош. Болютин.
Болютин. Что?
Ярош. Не в очередь — снег отгребать.
Болютин. Хорошо. *(Уходит.)*
Ярош. Вы бы, барышня, не прыгали, где вы без надобности. И вообще, лучше бы вас отсюда...
Лутс. Завтра отведу! Завтра!
Хемпель *(отворяет дверь)*. Битте. Лутс! Ди дамен зинд да.

Лутс выходит. Входит семейство Ильмарине: бабушка Ильмарине — в огромной клетчатой шали, в пестрых рукавицах, с пронзительным и неподвижным лицом деревянного идола; мама Ильмарине — громадная, как бочка, еще приятная собой, с яркими розами на щеках; и, наконец, внучка Ильмарине — пышный белокурый цветок с муфточкой модной прической под капором.

Лутс *(вносит стулья)*. Садитесь.

Семейство Ильмарине садится.
Молчание.

(Поддерживает разговор.) Большой мороз.
Бабушка Ильмарине. Большой мороз.
Лутс. Тридцать восемь градусов.
Бабушка. Тридцать восемь градусов?
Лутс. Тридцать восемь градусов.

Молчание.

(Указывает на внучку Ильмарине.) Сколько лет?
Бабушка. Двадцать два.
Лутс. Двадцать два?
Бабушка. Двадцать два.
Лутс. Замуж пора.
Бабушка. Где женихи?
Лутс. Нет женихов.
Бабушка. Нет женихов.

Молчание.

Внучка *(маме)*. Их не кормят?
Мама. Очень худые. Но все красивые.
Внучка. Грязные...
Мама. Он вымоется в ванне!
Внучка. Как плохо одеты. Это не брюки. Это не куртки. Это тряпки...

Мама. Он будет носить папин костюм. Мы сошьем белье...

Лутс *(указывая на Коели)*. Вон красивый.

Мама. Они все красивые! Возьмите какого хотите, вымойте в ванне и оденьте в костюм — он будет красивый!

Лутс. Красивый и вежливый мальчик. За коровами ходить не умеет, так можно научить!

Внучка. Пусть бабушка покажет документы.

Мама *(бабушке)*. Она сказала — нужно показать документы.

Бабушка *(Лутсу)*. Сейчас я покажу документы. *(Достает из-под шали бумаги, подает Лутсу.)* Что написано?

Лутс. Написано, что семейство Ильмарине не имеет рабочих рук для обработки земли. *(Маме.)* Мужа нет?

Мама. Нет.

Бабушка. Умер.

Лутс. Умер?

Бабушка. Умер.

И все покачали головами.

А тут что написано?

Лутс. Тут написано, что бургомистрат просит отпустить на работу в усадьбе Ильмарине одного человека из военнопленных. А дальше по-немецки и печать с орлом.

Бабушка. И вот квитанция.

Лутс. Двадцать немецких марок?

Бабушка. Двадцать немецких марок.

Лутс. Недорого.

Бабушка. Недорого.

Гречка. Дешевле пары кур.

Новиков. Вот, значит, какая цена Новикову Василию Пантелеевичу. С руками, с ногами, с головой...

Валя. Хижина дяди Тома.

Бабушка *(маме)*. Она выбрала?

Мама. Выбрала. *(Шепчутся.)*

Дахно. А хороши барышни в Эстонии! Ух ты, какой шик!

Новиков. Нет. Я не раб, я военнопленный. Не пойду, пускай хоть повесят.

Гречка. Пережить зиму можно. Пережить такую зиму и не сдохнуть — большое дело.

Новиков. Лучше издохнуть. А продавать меня нельзя.

Гречка. Весной — уйти. Оттуда уходить, между прочим, много легче.

Новиков. К чертовой матери!

Гречка. Отъешься — раз. Оденешься — два. Эх, у меня б эти жиночки по струнке ходили!

Новиков Молчи, Гречка. Я скрепился. Но я такое рад сделать, чтобы земля и небо к черту...

Бабушка. Молодой человек, которого мы выбрали, послушай, что скажет старая старуха Ильмарине. Молодой человек, ты смотришь, что мы принесли бумажку с немецким орлом. И ты думаешь: «эти люди будут меня мучить».

Лутс. Они не будут мучить!

Бабушка. Молодой человек, мы не будем мучить. Мы зовем тебя в семейство Ильмарине. Будешь жить у нас, пока война, будешь сидеть за нашим столом. А потом война кончится, потому что всякое несчастье кончается, верь старой старухе Ильмарине; война кончится, и ты пойдешь. А если ты захочешь всегда быть с нами, мы будем рады. Иди к нам спокойно: в нашей маленькой усадьбе немецкий орел тебя не заклюет.

Лутс. Коели. Они выбрали тебя. Можно собираться, они распишутся и пойдешь.

Коели молчит.

Будешь кушать масло...

Коели. Я благодарен. Но...

Лутс. Глупый! Будешь ходить вольно!

Коели. Вы зовете меня в семью. У меня уже есть семья. Я женат, и у меня дети.

Смех.

Гречка. Ой, хлопчик!

Внучка *(ясно смотрит на Коели)*. Надо отказывать честно. Не лгать. К вам пришли и говорили с вами прямо. И вы ответьте — прямо.

Коели *(не сразу)*. Я виноват. Хотя, может быть, вы бы тоже стали лгать, если бы вы были на моем месте. В неволе здорово опускаешься... Но все равно я виноват, конечно. Извините.

Лутс *(огорчен)*. Стыдно, Коели. Фу, как стыдно, мальчик.

Бабушка. Никому не стыдно. Стыдно бить, стыдно мучить, стыдно воровать, а это маленькие пустяки, это не стыдно. Он ее понял, и мы его поняли и желаем ему всего

хорошего. Скажите до свиданья, дети, и если она его встретит — не скоро, когда-нибудь,— пусть засмеются и поздороваются... Вон другой молодой человек смотрит на меня печальными глазами. Такой молодой, и уже узнал столько печали!

Шарафутдинов отворачивается в смущении.

Мама *(внучке)*. Очень красивый! Гораздо лучше, чем тот... Посмотри, какие брови!

Внучка *(грустно)*. Ничего..

Мама. Папин костюм как раз ему по росту...

Шепчутся. Над тремя склоненными женскими головами — склоненная голова Лутса.

Лутс. Шарафутдинов! Можно собрать вещи. Пойдешь.

Семейство Ильмарине *(хором)*. Не надо вещи!

Лутс. Не надо вещи!

Семейство Ильмарине чопорно раскланивается и направляется к выходу.

Внучка *(оглянулась на Коели)*. Прощайте.

Семейство уходит.

Гречка. Совсем даже ничего дивчина.

Шарафутдинов. Старая бабушка — умная бабушка.

Дахно. Х-ха! Да ты на молодую метишь или на старую?

Шарафутдинов. Ты обо всем гадость думаешь. Не хочу слушать твои глупые шутки!

Гречка. Дай хоть обчищу тебя.

Дахно. Самая жениховская роба.

Гречка. Дадут костюмчик; ничего.

Валя. Постойте! Нате! *(Достает носовой платок.)* Почти совсем чистый.

Ярош. Не застрянь там в усадьбе на сладких харчах.

Шарафутдинов. Совесть не позволит застрять.

Гречка. Только ты с умом. На рожон не лезь.

Шарафутдинов. Я с умом. Большое спасибо. Ну... До свиданья, товарищи.

И всем взгрустнулось.

Гречка. Будь жив, дорогой.

Рукопожатия.

Шарафутдинов. Прощай, Александр Данилович.

Меркулов. Прощай, брат. Вспоминай.

Шарафутдинов. Буду вспоминать всегда, каждый день... Никогда не забуду никого!

Дахно. Иди уж...

Шарафутдинов, простясь, уходит с Лутсом.

Вот скажи ты — за что самым последним дурням наибольше счастья?

Гречка. Не все ж тебе, умному, в рот — нехай другой раз и нам, дурням.

Дахно. Изменила судьба... Я всегда был, конечно, способный.

Гречка. Видать.

Дахно. И удача мне валила, понимаешь, как козырная масть! Обрати внимание: ты замечал, чтоб мне когда-нибудь было хуже всех?

Гречка. Никогда такого не замечал.

Дахно *(жует хлеб)*. Ни у кого нема даже на закрутку, а у меня полные карманы курева, х-ха?

Гречка. А как же!

Дахно. А в колхозе я был кладовщик, ясно тебе?

Гречка. А как же не ясно!

Дахно. Эх, была жизнь! Веришь, прихожу и беру чего сколько хочу — муки пшеничной, яблок, меду... пряжи... Сколько чего хочу! Ты можешь этому поверить?

Гречка. Чего ж? Могу.

Дахно. Так счастье валило — ты послушай! Как раз в июне месяце, после ревизии, подпал я под статью. Составили акт, и к юристу, юрист говорит — придется отсидеть; адвокаты, говорит, выручить не могут. И аккурат двадцать второго числа началась война, и я от следствия ушел — по мобилизации.

Гречка. Угу. Гитлер тебя выручил, так сказать.

Дахно. А вот сейчас, замечаю, стала фортуна рожу от меня воротить. Ну, не обидно? Какой-то сопляк пошел в приймы — масло жрать, а я, такой человек складный, корми вошу.

Гречка. А ты, вот именно, корми вошу.

Коели *(спокойно)*. Удивительно вы противный человек, Дахно. *(Задумчиво.)* Такой отвратительный гад...

Дахно *(вскочив)*. Как?.. Ага?.. *(Захлебнулся.)* Я знаю... Я знаю — вы б меня раздавили... А через что? Сказать, через что?

Гречка. Сядь и заткнись.

Дахно. Через то, что я на одну тут личность плевать хотел. Вы эту личность слушаете, и лечите, и ховаете, а я ее ненавижу и слушать не желаю, ни одного слова от нее больше не желаю слушать!

Меркулов. Личность, на которую вы плевать хотели, тут ни при чем. Вас не любят за то, что вы спекулируете на несчастье ваших товарищей.

Дахно. Забалалайкала балалайка... Какое мое дело до ихнего несчастья — я сам несчастный!.. «Спекулируете»! Щепотку махры когда...

Еремеев. Триста рублей за щепотку махры.

Меркулов. Вас не любят за то, что вы не советский человек, Дахно.

Дахно. Ишь куда — у-у-у... Думаешь, тут тебе большевицкий строй... когда ты балалайкал надо мной разными словами день и ночь...

Коели. Александр Данилович, не отвечайте ему. Александр Данилович, не отвечайте, ну его к черту!

Дахно. Это я там был обязан вас слушать и с вами цацкаться. А тут я с вами не обязан цацкаться, чтоб вы знали! Вы на меня смотрите как на дерьмо...

Новиков. А ты дерьмо и есть.

Ярош. Ну, кончили!

Входит Лутс.

Лутс. Не надо кричать. Прибери немножко: идут... *(Вале.)* Уходи, чтоб не было тебя! *(Затопав ногами.)* Я из-за тебя под арест пойду!..

Валя убегает. Входят Теесалу, Вегер и Сепре.

Сепре. Ауфштеен! Встать!

Вегер *(он величественно холоден)*. Вифиль?..

Теесалу. Драйсих. *(Лутсу.)* Больных нет?

Лутс. Есть больные.

Теесалу. Чем?

Лутс. Живот...

Теесалу. Сколько?

Лутс. Семь человек.

Теесалу. Медикаменты есть?

Лутс. Купил желудочные капли. Больше в аптеке ничего нет.

Теесалу. В случае подозрения на тиф дайте знать. *(Смотрит в записную книжку.)* Николай Коели.

Коели. Я — Николай Коели.

Теесалу. Сколько вам лет?

Коели. Семнадцать.

Теесалу. Городскому управлению стало известно, что вы происходите из семьи одного из высших духовных сановников России.

Коели. Да?

Теесалу. Если бы городское управление было поставлено об этом в известность раньше, оно не допустило бы вашего пребывания в бараке для рядовых военнопленных.

Коели. Я — рядовой военнопленный.

Теесалу. Ваш дед был *(смотрит в книжку)* католикосом всех армян... Принимая во внимание вашу крайнюю молодость, я мог бы обеспечить вам более сносное существование. Что вы скажете, например, если вас поместят в какую-либо почтенную и просвещенную эстонскую семью в качестве, допустим, секретаря? Вы владеете стенографией?

Коели. Нет, не владею.

Теесалу. Ну, это не так важно. Через несколько дней мы это устроим; вы можете надеяться. Пока я распоряжусь, чтобы вас не посылали на работу.

Коели. Вас неправильно информировали. Мой дед не был католикосом. Он был сапожник, или чистильщик сапог, или то и другое вместе — что-то, в общем, в этом роде...

Теесалу *(неприятно удивлен)*. Вы неоднократно говорили публично...

Коели. Это была шутка; я ее повторял, чтобы позабавить товарищей. Но я не хочу обманывать такое почтенное учреждение, как бургомистрат.

Теесалу. Вы пошли в армию добровольно?

Коели. Мой год не подлежал отправке на фронт.

Теесалу *(помолчав)*. Как бы ни были вы молоды, за вами приходится признать право распоряжаться своей судьбой. Но позвольте вам все-таки сказать, что в вашем положении вы поступаете опрометчиво, отвергая предложенную вам помощь. *(«Может быть гораздо хуже!» — хочется ему сказать. «Глупый мальчик, пропадешь ведь!» — хочется ему сказать. Но ни воспитание, ни положение не позволяют ему быть откровенным.)*

Коели. Я не могу принять помощь, предложенную внуку католикоса. Я — внук чистильщика сапог.

Вегер, скучая, поворачивается к двери, чтобы уйти. Направляется за ним и Теесалу.

Д а х н о *(вдруг выступает вперед)*. Гер офицер!

В е г е р *(к Теесалу)*. Вас?

Д а х н о. Гер офицер, слушайте, что я скажу...

В е г е р. Айне кляге?

Т е е с а л у. Претензия? Жалоба?

Д а х н о *(кричит Вегеру как глухому)*. Гер офицер, тут комиссар! Комиссар!

В е г е р *(приподняв брови)*. Вер ист комиссар?

Д а х н о *(кричит, указывая пальцем на Меркулова)*. Вон он! Он! Комиссар!

В е г е р. Комиссар?

Д а х н о. Комиссар батальона!

В е г е р. Батальон? *(Подходит к Меркулову, смотрит.)*

Я р о ш. Брехня! Брешет, гнида!

Движение и гул.

Н о в и к о в. Брешет, сволочь!

Д а х н о. Кто брешет? Кто брешет? Обратно Дахно — брехливая собака? Х-ха! Нет, Дахно правду говорит! Дахно вас выведет, балалаечников, на чистую воду!

Г р е ч к а *(Вегеру)*. Не слушайте! Никакой не комиссар, никс комиссар, ферштеен? Обыкновенный рядовой, мы с ним с самого начала войны...

Я р о ш *(к Теесалу)*. Господин товарищ городской голова! Не допустите такое дело над человеком...

Т е е с а л у *(в смятении)*. Это ужасно... *(К Дахно.)* Зачем вы говорите такие вещи, это ужасно...

Д а х н о *(опьянен местью)*. Говорю, что знаю... Он — комиссар!

В е г е р *(ровно)*. Гут.

Уходит, Теесалу и Сепре — следом.

Д а х н о *(рванулся за ними)*. Гер офицер!..

С е п р е. Куда ты, куда? Нельзя...

Д а х н о. Что ж они... ушли. Он не понял, что ли?

С е п р е. Ты молодец, молодец, русский! Герр офицер все понял — ты молодец!

Уходит. Тяжкая тишина.

М е р к у л о в. Коели. У вас есть, чем записать адрес? Нате... *(Достает карандаш.)* Бумаги нет... ну, хоть на нарах пока,— запишите: Иваново, Советская, 20, Валентина Владимировна Меркулова. И я вас попрошу... вот эта фотография и мундштук... если будет возможность, конечно... перешлите.

Входят Х е м п е л ь, С е п р е и несколько н е м е ц к и х с о л д а т с автоматами.

Х е м п е л ь. Во ист эр?

С е п р е. Ферлецте копф. Небен оффен.

Х е м п е л ь *(срывает с Меркулова повязку и бросает на пол)*. Комиссар?

М е р к у л о в. Комиссар!

Х е м п е л ь. Штее ауф. Ауф, ауф, нун?

Я р о ш *(к Сепре)*. Слушай сюда, полицай. Я, как староста, заявляю: этот человек — простой солдат.

Сепре качает головой, смеется.

Слышишь, полицай? Он заговаривается через жар...

В с е к р у г о м, к р о м е Д а х н о. Солдат он! Солдат! Жар у него! Бредит! Простой солдат!

Х е м п е л ь *(выбрасывает автомат)*. Штиль!

С е п р е. Ты — хороший староста, Ярош. Но не заступайся за комиссара, а то мне прикажут, и я тебя должен повесить.

Х е м п е л ь. Ком'мит.

Входит Б о л ю т и н, застывает у двери.

К о е л и. Александр Данилович!!!

М е р к у л о в. Есть Александр Данилович Меркулов. *(Последним усилием подняв голову, идет к двери; обернулся.)* Будьте живы, товарищи!

Уходит, за ним Хемпель, солдаты с автоматами, Сепре. Тишина; никто не шевелится. Близко — короткая очередь из автомата; немного погодя — вторая.

Я р о ш *(подходит к Дахно)*. Точка.

Д а х н о *(его злобная лихорадка сменяется ужасом и слабостью; растерянно, почти жалобно он повторяет)*. Точка...

Я р о ш. Точка.

Д а х н о *(вздрогнул)*. Кому точка?..

Я р о ш. Спать.

Он тушит свет, и все укладываются, молча и торопливо. Один Дахно медлит. Прижавшись спиной к колонне, весь настороженный, он прислушивается к молчанию. Он дико улыбается. Медленно поднимает руку и грозит Ярошу.

Д а х н о. Не смотри на меня... Ты что? Ты смотришь или нет? Не смотри на меня глазом...

Ярош молча отворачивается. Дахно отрывается от колонны. Озираясь, присаживается на нары. Долго сидит, вздрагивая и вертя головой; подолгу присматривается к Ярошу. Нерешительно лезет в кар-

ман за сигаретой. Зажигает зажигалку.. и в этот момент на него набрасываются Гречка, Новиков и Еремеев. Замычав, Дахно валится на спину. Рот ему зажали.

Еремеев (*медленно снимает руки с шеи Дахно*). Всё.

Кругом сон и неподвижность. Лутс дремлет на стуле, держа винтовку между колен и кивая головой. И, прямая, взявшись обеими руками за барьер, свесив волосы, смотрит с хор Валя.

Гречка. Давай..
Еремеев. Куда?
Гречка. На двор.

Еремеев, Гречка и Новиков поднимают Дахно. Коели встает, отворяет им дверь. Дремлет Лутс, усердно кивая головой. Еремеев, Гречка, Новиков и Коели возвращаются.

Ярош (*не двигаясь*) Где дели?
Гречка. В сортир.
Ярош. Подходяще.

Еремеев, Гречка, Новиков и Коели ложатся. Сон и неподвижность кругом.

Голос раввинши (*за хорами*). Мойше! Шолом! Сара! Рувим!

Голос ближе, скрипят ступени,— раввинша поднимается по лестнице.

Сара!.. Мойше!.. Куда вы ушли? Куда вы увели детей? Где мои внуки? Где мои дети? Люди, отвечайте мне! Бог! Где ты, бог? Отвечай мне, бог!..

Она пытается отворить дверь на хоры и не может; погромыхивает медная ручка.

Люди, отвечайте мне...
Пархомов (*вскидывается, дрожа, на нарах*). Не могу... Не могу... (*Кричит изо всей силы.*) Не могу-у-у-у-у-у!..

И несколько человек вскидываются сразу, ругаясь и трясясь.

Ожесточенные голоса. Молчи!.. Молчииии!.
— Заставьте его молчать!
— Заткните ему глотку!
— Убейте его!
Гречка (*Пархомову, с покровительственной важностью*). Ляжь... ляжь... Ничего.
Пархомов (*глуше*). Матери наши... жены... товарищи...

Гречка (*укрывает его*). Ничего. Ничего, дорогой..

И опять тихо. Только Пархомов стонет, мучаясь.

Голос раввинши (*удаляется*). Бог! Бог! Отвечай мне, бог...

3

Тот же зал; только к окнам приделаны решетки. Время перед вечером; вот-вот начнет смеркаться. Топится печка. Возле печки — Коели и Валя. На Вале поверх пальто большая теплая шаль. Рядом стоит корзинка с покупками. Коели просматривает газету.

Валя. А другая около вокзала. Я сама видела воронку. Вот такая воронка, как от той стенки до окна. И кругом вся мостовая разворочена.
Коели (*отбрасывает газету*). Ни одного слова правдивого, сплошное кривлянье! Ведь уже ясно, что от Москвы их отшвырнули, а они всё хвастаются и машут кулаками! Дрянь газета!
Валя. Больше не носить вам газет?
Коели. Нет, носите, носите! А то я, честное слово, читать разучусь. Вот сегодня сижу тут... Пока вас не было — такая тоска, кажется — голову бы расшиб об решетку.
Валя. Так они поверили, что он убежал?
Коели. Видимо, поверили.
Валя. Я раньше, маленькая, думала: какая тюрьма? Как там — в тюрьме? А она вон какая... Слушайте, а если его найдут?
Коели. Ну, найдут. Ну, расстреляют пятого, десятого, всех, почем я знаю... А вернее, что никого не расстреляют, ведь он был пленный. Кому нужен пленный, кто будет судить и наказывать за пленного? Одним меньше, одним больше... Удивительно, до чего легко вы говорите о самом страшном — и остаетесь светлой, светлой, о чем бы ни говорили... И такой светлой через все это пройдете — и выйдете...
Валя (*после молчания*). Так посмотрите, какая воронка около вокзала.
Коели. Какая воронка около вокзала?
Валя. Как от той стенки до окна... Коля, так весело, когда налетают наши! Иду по улице и смеюсь как дура, и совсем не страшно. Как будто это я сама бросаю бомбы.
Коели. Мы теперь сидим по вечерам и ждем, когда

же застучат моторы. Это — как родные голоса. Ждешь, и сердце стучит: давай!

Валя. А я теперь по вечерам совсем одна. Сижу в кухне и читаю какую-то книжку, называется «Тайна старой девы». Хозяйка дала.

Коели. Вас не обижают там?

Валя. Нет, за что же? Я все делаю, что им нужно. Вот, шаль дали... Доктор был?

Коели. Был. Лутс привел. Скверно.

Валя. Неужели правда — чахотка?

Коели. Скоротечная.

Валя. Бедный Пархомов, бедный... И пошел на работу?

Коели. Ну конечно, пошел.

Валя. Слушайте, это же возмутительно. Нет, на самом деле, что же это творится.

Коели. Творится то, что творится. Лутс заявил этому... Теесалу. Может быть, тот что-нибудь сделает для Пархомова. Хотя бы от работы освободили.

Валя. Какой-то этот Теесалу — скользкий, мягкий, как слизняк.

Коели. И нашим, и вашим. Лавирует. И с немцами страшно поссориться, и к русским хочет подольститься. Немцы-то — дело временное, а с русскими эстонцам жить да жить, этого только Сепре не понимает... Как это *(скороговоркой)*: корабль лавировал-лавировал, да не вылав-и-ровал.

Валя. У вас не получается. Вот: корабль лавировал-лавировал, да не вылавировал.

Коели. Вот здорово.

Валя. Грузим пароход.

Коели. Грузим.

Валя. Грузим пароход буквой эс.

Коели. Сахаром.

Валя. Слонами.

Коели. Супом.

Валя. Соловьями.

Коели. Сестрами.

Валя. Сиренью.

Коели. Стихами.

Валя. Садами.

Коели. Солнечным светом.

Валя. Хорошая буква эс... Наелись бы мы сейчас супу и сахару, сели бы на слона, в саду сирень цветет, солнце светит, соловьи поют, а мы сидим и читаем стихи.

Коели. И кругом сестры.

Валя. У меня братья.

Коели. А у меня четыре сестры. Все уже большие, замужем, и дети есть, мои племянники.

Валя. Всем хватит места на слоне — братьям, сестрам, племянникам.

Коели. Племянники маленькие, могут свалиться.

Валя. Слон ручной-ручной. Стоит тихо-тихо. Понимает, что на нем маленькие дети.

Коели. Почему, собственно, слон? Это происходит в Индии?

Валя. Почему в Индии?

Коели. В Москве?

Валя. В Москве или в Ленинграде.

Коели. В Москве и Ленинграде нет слонов.

Валя. В Москве и Ленинграде все есть.

Коели. И слоны?

Валя. Конечно.

Коели. Девочка, родная девочка...

Молчание.

Валя. Что вы сказали?

Коели. Ничего я не сказал.

Валя. Ничего?

Коели. Ничего.

Валя горько плачет

С моей стороны невероятно глупо. Ну, Валя, ну, посмотрите на меня: ну разве я имею право говорить?

Валя *(сквозь слезы)*. Имеете!

Коели. Надо быть скотиной, чтобы такой девочке, в таком месте говорить такие вещи...

Валя. Девочке! Как будто вы — старик!

Коели. Я мальчишка; но скотиной быть не хочу.

Валя. Ну!.. Вот после этого вы самая настоящая скотина и есть!

Входит Теесалу, за ним Сепре с кипой газет.

Теесалу. Если склеить вдвое и затем краями друг с другом, получатся отличные шторы. Надо закрыть окна, чтобы не было ни малейшей щели. Таков приказ.

Сепре. Будет исполнено, господин Теесалу.

Теесалу. Пока не затемнено, воздержитесь зажигать свет.

Сепре. Мы воздерживаемся.

Теесалу (*указывает на Валю*). Кто это?
Сепре. Беженка... Она служит у портного Кесккюла
Теесалу. Почему она здесь?
Сепре. Пришла навестить своих.
Теесалу (*шокирован*). Все-таки не следует допускать сюда женщин, вы понимаете, Сепре.
Сепре. Я понимаю, господин Теесалу, о да! (*Вале, подмигивая*). Иди, слышала?
Теесалу. У вдовы раввина вчера горело электричество.
Сепре. Больше не будет гореть: я у нее выкрутил лампочку.
Теесалу. Вы видели ее?
Сепре. Она уже не встает совсем. Сегодня или, может быть, завтра...
Теесалу. Придется хорошенько убрать и протопить в ее квартире. Там будут жить немецкие солдаты... Итак, Сепре,— затемнение. Не забывайте, что по соседству арсенал.

Уходит, Сепре за ним.

Коели. Валя! Валя! Ну, Валя!.
Валя. Можете не твердить как попугай. Все равно скотина.
Коели. Я согласен: самая настоящая скотина на букву эс. (*Оба засмеялись.*) Опять снег идет...

Смотрят в окно. Смеркается.

Ну, сядьте сюда.

Валя садится.

Тепло вам?
Валя (*печально*). Тепло.
Коели. Так вот, Валя, мы теперь, вдобавок ко всему, по вечерам сидим в темноте. Но это не самое страшное. Самое страшное то, что нас, по всей вероятности, скоро отправят в Германию.
Валя. Зачем?
Коели. На работы. Вспомним еще синагогу, мороженую капусту и добряка Лутса.
Валя. Слушайте, а если я попрошу, чтобы меня тоже отправили в Германию?
Коели. Нет! Валя, если вы это сделаете, я перестану вас любить, совсем перестану, слышите!
Валя. Ведь я только для того, чтоб быть там, где вы..

Коели. Нет, нет, нет! Я скажу вам, вы должны знать... Я в Германию ни за что не поеду!
Валя (*радостно*). Правда?!
Коели. Я убегу. Гречка говорит, что надо ждать до весны, но я не буду. Зима — что ж зима! Сколько беглых пленных идет по дорогам, и есть же такие, что доходят! Я уверен... я так, Валя, уверен, что я дойду! Вы не смейтесь, но я чувствую, что мне еще ужасно много жить!
Валя. Чему же смеяться? Я то же самое чувствую.
Коели. А сидеть здесь, и топить эту печку, и ждать, пока не ушлют к фашистам на каторгу,— не хочу больше. Не хочу и не хочу.
Валя. К Москве?
Коели. К Ленинграду; ближе.
Валя. Через Кингисепп?
Коели. Мимо Кингисеппа, мимо Веймарна и дальше — к фронту.
Валя. Этой дорогой они нас гнали сюда... Как же вы уйдете?
Коели. Еще не знаю точно. Знаю только, что уйду.

Слышен топот.

Вернулись наши.

Входят Ярош, Пархомов, Еремеев, Новиков, Болютин, Гречка и другие пленные; за ними Лутс и Сепре.

Сепре (*считает по-эстонски*). Юкс, какс, кольм...
Лутс (*отряхиваясь от снега*). Все тут. Сторожить не надо: мороз — самый хороший сторож.
Гречка. Морозец падает, метель будет большая.
Лутс. Метель тоже хороший сторож. Куда уйдешь в метель?
Сепре (*Лутсу*). Пойди в караулку, погрейся.
Лутс. Я домой пойду. У меня нет денег на шнапс. Я кофеем буду греться. (*К Коели.*) Вот, не захотел в семейство Ильмарине — теперь... Я тебя уговаривал, ты не захотел — теперь...
Коели. Нас отправляют в Германию?
Новиков. Не всех.
Коели. Меня?..
Новиков. Есть приказ — до двадцати двух лет отправить всех, а свыше — тех, у кого есть специальность.
Болютин (*к Сепре*). Вы обещали мне листок бумаги.
Сепре (*вырывает листок из блокнота*). На.

Болютин садится, пишет.

Гречка. Пишет, пишет царь турецкий, пишет русскому царю.

Замолчали и смотрят, как Болютин пишет.

Донос на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея.

Болютин. Я не пишу доносов, товарищ Гречка. *(Подает листок Сепре.)* Попрошу вас передать, это заявление товарищу Теесалу... господину Теесалу.

Сепре *(прочитав)*. Молодец русский! Если все будут такие молодцы — большевикам капут! Я пошлю сейчас. Молодец! *(Уходит.)*

Лутс *(к Коели)*. Я тебя уговаривал, бабушка уговаривала... Надо слушать старых. Молодой человек не должен по-своему жить. Он должен жить как старые велят, тогда ему хорошо будет. А когда станет старый — тогда может тоже учить молодых, как им жить. И им тоже хорошо будет. А потом и они станут старые... *(Уходит.)*

Новиков. Болютин. Какой же это секрет ты написал бургомистру?

Болютин. Никакой не секрет. Прошу, чтобы меня отправили в Германию с первой партией.

Новиков. Добровольцем, значит?

Болютин *(с вызовом)*. Да. Добровольцем. *(Мягче.)* Товарищи...

Новиков. Положим, мы тебе не товарищи.

Болютин. Слушайте, давайте поговорим наконец спокойно. Слушайте, мы зерно, летящее под жернов. Нас мелют в порошок... Не пора ли подумать, как выйти из этого положения?

Новиков. И ты воображаешь, что нашел выход?

Болютин. Я рассуждаю так. Немцам нужна рабочая сила. Нас всех в конце концов перебросят в Германию. Так или иначе — ехать придется. И, конечно, добровольно выгоднее, чем принудительно. Добровольцы будут выделены из общей массы; поставлены в лучшие условия...

Новиков. Ты подумал, для чего туда везут? Оружие делать — против своих же.

Болютин. Ну, кто нам, пленным, доверит делать оружие, пустяки... Будем выполнять какую-нибудь нейтральную работу.

Новиков. В военное время нет нейтральных работ!

Болютин. Чем мы стали!.. Опустились, не думаем о завтрашнем дне — вообще разучились думать... Протянуть день до сна — и ладно. Спать и стонать от кошмаров — и утром опять просыпаться под этим потолком... Черт, представить себе, что на свете существует зубная щетка, белая скатерть, подушка! Обыкновенная подушка, набитая перьями!.. Неужели мы когда-то спали на подушках? В комнате с нормальными стенами и нормальным потолком? И вечером на столе горела зеленая лампа?.. Я иду по мостовой, за мной полицай с винтовкой, руки у меня одеревенели от стужи, и ногти сорваны до мяса,— а по тротуару идут сытые, чистые, с поднятыми меховыми воротниками, идут и смотрят на меня... А вы верите, что они существуют на самом деле, чистые и сытые? Я не очень верю: скорей всего, это галлюцинация,— а на самом деле весь мир захлебнулся в дерьме и боли... А?

Валя. Вы с ума сошли, Болютин!

Болютин. А знаете, я одно время действительно чуть не сошел с ума. Бог знает что выдумывал — хотел уморить себя голодом, хотел ночью выйти раздетым во двор и замерзнуть...

Новиков. Чего ж не вышел?

Болютин. А потом взял себя в руки — какого черта?! Истерика, чепуха... Надо думать о будущем. Война продлится два года, три, пять — что я буду через пять лет? Недоучка... Я хочу получить специальность. В Германии я ее получу.

Еремеев *(вдруг смеется хриплым лающим смехом)*. Профессора для тебя припасёны в Германии.

Гречка. Каин Каином и помрет.

Болютин. Ах, ерунда!.. Вы что — хотите, чтобы мы все так погибли, как Меркулов?

Гречка. Ты так не погибнешь.

Болютин. Для меня плен тяжелее, чем для любого из вас. И тем не менее я нашел в себе силы, чтобы освободиться от истерии и взглянуть на вещи трезво.

Коели. Ни от чего вы не освободились! Вы, Болютин, в плену у вашей трусости — вы в двойном плену! Как будто мы не понимаем, что вы просто-напросто хотите удрать как можно дальше в тыл!

Еремеев. Во, во! От советских бомбовозов тикает в Германию, там ему убежище припасёно...

Пархомов. Товарищи, мы должны заклеймить... выразить презрение...

Болютин. Вы! Чахоточный! Сгнивающий заживо! Вы, что ли, дадите мне вторую жизнь?

Ярош. Могу тебе дать легкую смерть. Но не дам. Нехай твоя смерть будет трудная. Дежурный! Давай кондёр.

Коели раздает приварок. Трапеза.

Валя. Я пока пойду, Коля.

Коели. Еще зайдете?

Валя. Да. *(Уходит.)*

Ярош, Еремеев и Гречка втроем сели ужинать в стороне. Разговор медлительный и негромкий.

Ярош. Семнадцать человек хворых.

Еремеев. В дороге холодом вылечатся.

Ярош. Нет; падут.

Гречка. Точно.

Пауза.

Еремеев. Семнадцать, значит, остаются. Десять — идут.

Ярош. Не десять, а восемь.

Гречка. Болютина не считаешь, еще кого?

Ярош. Николая. Его вперед отправить нужно. За ним хоть завтра с утра могут прийти. И ни к чему подростка брать в такое рискованное дело.

Гречка. Опять скажу: лично я подождал бы весны.

Ярош. До весны все будем в Неметчине.

Еремеев. Как же постановляем — вместе, ай врозь?

Ярош. Выходить вместе.

Еремеев. Так.

Ярош. Нахрапом. Выберем момент.

Еремеев. Так.

Гречка. А-ах, уйдем, и арсенал целенький останется!

Ярош. Что ж ты его — слюнями взорвешь, что ли?.. За воротами расходиться всем розно.

Гречка. Всяк на свой риск — выручай, мама, сына молитвой...

Ярош. И сходиться к Кингисеппскому шоссе, в тот лесок, что я вам чертил.

Еремеев. А дальше?

Ярош. Дальше я вас поведу в Ленинград.

Гречка. До шоссе будет трудно добраться. Многие плохо знают местность, не умеют ориентироваться.

Ярош. Спросят.

Пауза.

Гречка. Человека четыре из восьми дойдут?

Ярош. Человека три-четыре, да. На когда назначим?

Гречка. Когда дежурит Сепре?.. Давайте на послезавтра.

Ярош. Давайте. Тем, кто пойдет, скажете — завтра и послезавтра от хлеба воздержаться, сберечь на дорогу.

Пауза.

Гречка. На улицах благодать в смысле затемнения, спасибо нашим летчикам.

Еремеев. Главное — мимо караулки проскочить.

Гречка. А по этому самому, дорогой, надо идти вот именно в дежурство Сепре, потому что когда Сепре — тогда и Хемпель, а когда Хемпель — тогда и шнапс.

Еремеев. За воротами шнапсом не пахнет, там караул настоящий... Хворым не говорить?

Гречка. А ясно! Для какой надобности расстраивать людей?

Еремеев. И Пархомову?

Гречка. И Пархомову. *(Пауза.)* Метель хорошая поднялась...

Ярош. Хорошая...

Новиков *(к Коели)*. Куда Валя пошла?

Коели. К раввинше, должно быть.

Новиков. Прикармливает?

Коели. Угу...

Пархомов *(подсаживается к ним)*. Подкинь полешко, Николай, дай погреться напоследок.

Коели молча подкладывает дров в печку

Новиков. Трясет?

Пархомов. Да к вечеру всегда... Болютин про подушку говорил. А помните — чуть заболеем, доктора вызывали, бюллетень брали... Лекарства в аптеке заказывали...

Новиков. Путевку на курорт получали.

Пархомов. Не ценили, считали — так и надо. А теперь вспоминаем — есть ли, мол, на свете подушка с перьями... Какие больницы были, какие санатории! Лестницы из мрамора, цветы... *(Пауза.)* Уйдете вы, да? *(Ему не отвечают.)* Идите. Не ждите ничего! В Германию загонят — тогда не выберетесь... А я, значит, тут. Вот, понимаешь, и не вздумал бы никогда, что буду помирать в синагоге. Я ее и не знал совсем, что за синагога...

Входит Валя. Садится у печки и греет руки.

Новиков. Вы что такая?

Коели. Что, Валя?.. Валя! Что случилось?
Валя. Умерла раввинша.
Пархомов. Слава богу! *(Молчание.)* Забрали ее?
Валя. Нет. Лежит. Я глаза ей закрыла.
Новиков. При вас умерла?
Валя. При мне. *(Встает.)* Я пойду уже...

Совсем стемнело. Метель за окнами.

Ярош. Шаль у вас добрая.
Валя. Это хозяйка дала.
Ярош. Добрая шаль. *(Берет шаль.)* Николай.. *(Надевает шаль на Коели.)* Мимо караулки пройдешь Метель.
Коели. Пройду...
Ярош. Чего дожидать?.. На Кингисеппское шоссе знаешь поворот?
Коели. Да.
Ярош. В том леску жди нас.
Коели. Понятно.
Ярош. А не дождешься — держи сам дальше, не поминай лихом... Надевай шинелку. Скоро.

Коели лихорадочно надевает шинель.

Не надо прощаться.
Коели. Я только...
Валя. Что вы? Я с вами! Я тоже знаю, где Кингисеппское шоссе!
Ярош. Скоро, скоро, выходи первый, она тебя догонит на площади!
Коели. До свиданья, товарищи. До свиданья, Вася
Новиков. До свиданья, Коля...
Ярош. Иди, иди. В воротах не поспешай, проходи равнодушно. Тот мундштук с тобой?.. И карточка...
Коели. Со мной. *(Уходит.)*
Гречка *(Вале)*. Вьюги не страшно?
Валя. Не страшно.
Гречка. А мороза?
Валя. Ничего не страшно.
Гречка. Пирожков в дорогу не успели напечь, вот беда.
Валя. Вот как это делается...
Гречка. Да уж так делается.
Новиков. Опередил меня Николай...

Ярош выходит.

Валя. Мне идти уже?
Гречка. Обождите.
Пархомов. Ухóдите, Валечка. Я вас больше никогда не увижу. Никого я не увижу... Как дойдете, Валечка, до наших — вспомните про меня...
Гречка. Еще поживешь, дорогой. Ничего.

Ярош возвращается.

Ярош. Прошел. Можно.
Валя. Спасибо. До свиданья. Всем, всем...

Идет в двери и сталкивается с входящим Сепре.

Сепре. Домой?
Валя. Домой...
Сепре. Посиди со мной немножко. Мне скучать всю ночь. Мордочка твоя... У, ротик! *(Хочет взять Валю за подбородок.)* Боишься, м-м!.. Напрасно боишься. Я скажу тебе секрет: ты меня потом будешь очень любить. Посиди. Я из-за тебя получаю неприятности: вот как ты мне нравишься! Подойди, я что-то скажу...
Валя. Нельзя мне. Мне пора... Хозяйка будет ругаться...
Сепре. Хозяйка — да! Хозяйка... А платок твой?
Валя *(беспомощно оглянулась)*. Платок?..

Грохот: Еремеев развалил печиую трубу.

Сепре. О!..
Гречка *(бросается поднимать трубу)*. Медведь ты, дорогой,— смотри, чего наделал!
Ярош. Морду надо бить за такие дела!
Сепре. Набей ему морду! Он сделал угар! Я буду угорать всю ночь!

Валя выбегает.

Ярош *(помогает установить трубу)*. Другим разом — искалечу.
Сепре. Я должен угорать всю ночь! Здесь нет чем дышать! Я должен идти в караулку!..
Гречка. Минуточку. Я извиняюсь.
Сепре. Что нужно?
Гречка. Минуточку. У вас на рукаве не то замазка, не то мел.
Сепре. Откуда замазка?

Гречка (*чистит гимнастерку Сепре*). По-настоящему, такие пятна выводят бензином. Берут бензин, берут столовой соли... Нет, ничего, отходит и так.

Сепре. Отошла?

Гречка. Вполне отошла.

Сепре уходит.

Новиков. Ушел Николай — так и не разгадал свою загадку.

Пархомов. Какую загадку?

Новиков. Был его дедушка католикос или не был?

Гречка (*смотрит в окно*). Ух, разгулялась, моя дорогая...

Еремеев. Метет?

Гречка. Так метет, что не дай бог.

Молчание.

Новиков (*тихо запевает*):

Вдоль по улице метелица метет...

Эх, любил эту песню покойный комиссар!..

Ярош. А ну, цыть.

Прислушиваются. Слышно далекое пение самолетов.

Пархомов. Наши...

Ярош. Цыть.

Дальний взрыв. И приближающийся рокот самолетов. Несется метель за окнами.

Гречка (*у окна*). Где-то шагают детишки наши...

Моторы громче.

Новиков. Вот так.

Проходит через зал и поворачивает выключатель. Вспыхивают ряды сверкающих бра. Зал феерически освещается.

Болютин. Вы что?! Вы что?!! (*Бросается к выключателю.*)

Ярош (*отшвыривает его*). Не подходи!!!

Гречка. Кому не нравится — катись в Германию: там затемнение по всей форме!

Вбегает Сепре.

Сепре. Это, это, что это?! Потушить!

Близкий взрыв.

Туши свет! Сейчас туши свет!

Его окружает тесное безмолвное кольцо. Музыка моторов совсем близко.

Новиков (*он стоит у выключателя, прислонясь к стене; он запевает полным голосом*):

Вдоль по улице метелица метет.
За метелицею девица идет...

Сепре (*затопав ногами*). Молчать! Молчать, русский!..

У него отнимают винтовку.

Гречка (*вторит, проверяя затвор винтовки*):

Ты постой, постой, хорошая моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя.

Сепре. Выпустите меня отсюда... О-о-о, потушите свет! Пустите меня!

Гречка (*ударяет его прикладом*). Полежишь тут Ничего.

Ярош (*подняв руки*). Сюда... Сюда... Ближе... Ближе... Давай! Давай! Давай на арсенал!

Новиков (*закинув голову, медленно и мечтательно*):

На твою ли на приятну красоту,
На твое ли что на белое лицо...

Страшный взрыв. Свет гаснет. Черная глухая темнота.

Хор (*из мрака*):

Ты постой, постой, красавица моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя...

Бешеная метель, кружась, охватывает все. Сугробы, как братские могилы, мгиовенно нарастая, погребают песню под собой. И сквозь снежные смерчи проходят над сугробами две белые фигурки — Валя и Коели.

1942—1956

БЕССОННИЦА

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ельников Александр Андреевич.
Ольга Ивановна, его мать.
Седов Иван Иванович.
Манечка } его дочери
Зина }
Надежда, жена Ельникова.
Родион, ее брат.
Горячева Зинаида Александровна (Заинька).
Крамин Владимир Ипполитович.
Валька, мальчик.
Вася.
Михаил Михайлович Баскаков.
Худая старуха } у Баскакова
Толстая старуха } у Баскакова
Гости. } у Баскакова
Горничная.
Недельский.
Врач.
Посыльная.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Год 1943-й

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В квартире Ольги Ивановны Ельниковой. Комната с старинным комодом и высоким сундуком. Передняя. Кухня. В переднюю выходят двери еще двух комнат. Вечер, в углу комнаты горит лампа под абажуром. Остальная часть квартиры освещена светом, падающим через кухонное окно из окон дома, расположенного напротив. Под лампой Ольга Ивановна гадает Манечке на картах. Седов починяет радиорепродуктор.

Ольга Ивановна. Легла карта ничего себе. Очень шикарно легла карта. Видите, какая красная и веселая. Можете смело перестать волноваться.

Манечка (*углубленно*). Четыре туза — исполнение желаний?

Ольга Ивановна. Четыре? Да что вы! А я и не заметила — смотрите, пожалуйста... Конечно, исполнение желаний, полное исполнение желаний... Ну, что же вам сказать, чтобы не соврать? В прошлом у вас — разлука, удар, слезы... Это в прошлом, в прошлом! Видите сами, что позади... Предстоит вам известие из казенного дома — вот казенный дом! — от военного короля.

Манечка. Плохое известие?

Ольга Ивановна. Наоборот, червонное известие, радостное известие, чудное известие... А на сердце — марьяжный король.

Манечка. Знаете, Ольга Ивановна, мне иной раз кажется — уж лучше плохое известие, чем никакого.

Ольга Ивановна. Ну, что вы, Манечка...

Манечка. Нет, правда. А то вот так ждешь, ждешь седьмой месяц, и чего ни придумаешь, особенно по ночам...

Седов. А вот ничего не придумывай, и все.

Ольга Ивановна. Придумывать нехорошо. Придумываньем этим самым можно и беду накликать.

Манечка. Ну, Ольга Ивановна, я не такая суеверная.

Ольга Ивановна. Эх, голубчик, станешь суеверной... Вы думаете, я до войны занималась этой ерундой? А как началось, да как уехал мой Саша на фронт, да как пошел у нас немец города брать, тут я эту науку и изучила. Приду из госпиталя с дежурства, чем отдохнуть, выспаться — сижу с картами шлепаю: для дома, для сердца...

Входит Зина, слушает.

Всего бояться стала: зеркало разбил квартирант — жил у меня тут инженер с семьей из Киева — так даже поясница разболелась, верите слову? Думаю, обязательно будет несчастье!

Зина. Было?

Ольга Ивановна. Нет, слава богу, обошлось: даже было, наоборот, счастье,— тринадцатого декабря это случилось, помните, девочки, какой день?

Седов. Немцев отогнали от Москвы...

Ольга Ивановна. Даже так, что с того разбитого зеркала пошли дела на поправку. Теперь, слава богу, конец завиднелся. Я даже заметила себе, что разбитое зеркало — к счастью... Манечка, не отчаивайтесь вы, голубчик, вот вам мое слово: дождетесь вы мужа, а я дождусь сына, муж войдет, вы ему деточку свою покажете, и счастье будет, и радость будет, и уж как мы эту радость будем теперь ценить, Манечка, верно?

Манечка. Какая я была... Ветреная, или глупая, или просто дрянь? Бывало, смотрю на него и думаю: есть лучше... могла выбрать повиднее, поласковее... не такого хмурого... Он хмурый был. Вдруг что-нибудь смешно ему покажется, он захохочет и сразу опять замолчит, насупится, грызет свою папироску... Войди он сейчас в эту дверь, да скажи: Маня! — и ничего больше не надо...

Молчание.

Зина. Ольга Ивановна, расскажите про вашего сына!

Ольга Ивановна. Чего ж особенного рассказывать...

Зина. Ну, как чего особенного!

Ольга Ивановна. Сын как сын...

Седов. Ольга Ивановна, у вас не найдется вот такой медной штучки, вот такой, не толще?

Ольга Ивановна. Поищу... *(Роется в ящике.)*

Зина. Расскажите, какой он знаменитый у вас.

Ольга Ивановна. Знаменитый не для всех, а для тех, кто музыку уважает. Вон, Вася — тот и не знает, что есть на свете скрипач Александр Ельников.

Зина. Ну, Вася! А вот папа знает. Правда, папа, ты знаешь?

Седов. Видал на афишах...

Ольга Ивановна. Потому что культурный человек, жил в столице. Двести миллионов людей под одну марку не подгонишь. Но, конечно, Сашу знают многие. Особенно в Москве. Вот такая штучка подойдет, Иван Иваныч?.. Он в Москве и консерваторию кончал, и женился, и другой раз женился, а ко мне приезжал два раза всего, последний раз перед фронтом. Приехал усталый такой — дорога трудная была, много эвакуированных к нам ехало... Прости, говорит, мать, закружился в жизни, забывал тебя, а тебя одну, говорит, мне бы и помнить... На, говорит, тебе душу мою, оставляю на хранение. И оставил скрипку.

Манечка. Жалко, Зина, жили мы в Москве столько лет, и ни разу не послушали...

Зина. Манечка, а я слышала. Я скажу, когда это было: в финскую кампанию. Ночь была, стужа — у-у-у! — я бежала домой откуда-то — от тети... И на Смоленской площади — пусто было, буран — и вдруг слышу, скрипка! Над бураном, понимаешь, над ночью, выше домов, выше всего — скрипка! По радио. Я остановилась, слушала... Потом мне сказали, что это Ельников играл.

Ольга Ивановна. Да, и по радио играл, как угодно. У меня целая папка громадная с газетными вырезками и портретами. Откровенно говоря, ни один портрет не похож, а все-таки приятно. А вот здесь *(показывает карточку)*, здесь он как живой...

Зина. А кто с ним?

Ольга Ивановна. Жена.

Зина. Не очень красивая.

Ольга Ивановна. Хороший человек была. Тоже с ним играла: он на скрипке, она на рояле. Не сошлись характерами, разошелся, женился на другой.

Зина. А другая — красивая?

Ольга Ивановна. Красивая, бог с ней. Очень красивая. Тоже знаменитая: певица.

Зина. Почему вы так говорите?

Ольга Ивановна. Как говорю?

Зина. Как будто вы ее не очень любите.

Ольга Ивановна. Как можно не любить. Я ее и не видала, за что мне ее не любить? А почему-то все-таки душу — перед тем как на смертное дело идти — ей не доверил? Как об этом думаешь? *(Помолчав.)* Ему бы можно и не идти вовсе. Его не пускали. Орден у него за талант... Пошел и воевал на передовых позициях, в госпитале побывал — ну, уж теперь все слава богу. Да и рана, пишет, пустяковая, миловал бог...

Звонок. Зина отворяет входную дверь Вальке.

Валька *(с порога)*. Мама велела передать, что в шестом магазине дают мозги!

Зина. Хорошо...

Ольга Ивановна. Мальчик! Постой! Какие мозги?

Валька. Ну, какие? Обыкновенные.

Ольга Ивановна. Телячьи, бараньи?

Валька. А я не в курсе... *(Уходит.)*

Ольга Ивановна. Какой бестолковый мальчик. Это чей?

Зина. А это Валька, кассиршин сын, в музыкальной учится. Тоже скрипач.

Ольга Ивановна. Тоже скрипач?.. Главное дело: сообщает, когда уже магазин закрывается. Который там час?

Зина. Поздно, Ольга Ивановна, уже без десяти девять.

Ольга Ивановна. Придется завтра с утра. Саша обожал мозги в сухарях.

Входит в переднюю Вася, отворив входную дверь ключом.

А кто там?

Вася (*из передней*). Я. (*Зажигает свет в передней и в кухне, моет руки.*)

Ольга Ивановна. Чай будешь пить, Вася?

Вася. Не хочу.

Ольга Ивановна. Врешь, будешь. (*Идет в кухню, хозяйничает.*) А Иван Иваныч мне радио починяет!

Вася. Вот и прекрасно.

Ольга Ивановна. Конечно, прекрасно. Любезный у тебя разговор, Вася.

Вася. Марья Ивановна дома?

Ольга Ивановна. Дома.

Вася. Почему на работе не была?

Ольга Ивановна. А она с сегодняшнего дня в отпуску.

Вася. Почему в отпуску?

Ольга Ивановна. Вася ты, Вася. Почему в отпуску. Потому что в декретном.

Вася. В декретном?

Ольга Ивановна. С ней теперь надо осторожно. Ты вот, Вася, иногда хлопнешь маленько и выражаешься вслух, а это ей может повредить.

Вася. Я не про нее выражаюсь.

Ольга Ивановна. Мало чего не про нее. Все грубое, нехорошее может сейчас повредить. У нее и так на сердце тяжко, от мужа седьмой месяц ни строчки... (*Манечка выходит в кухню.*) Я говорю, Манечка, давайте накипятим полведра воды, да напьемся вместе, как одна семья.

Манечка. Не хочется. Я лучше лягу. Знобит меня как-то...

Вася. Я, между прочим, что хочу сказать: мне такая большая комната абсолютно ни к чему. Вы, Марья Ивановна, ее забирайте к чертям.

Манечка. Спасибо, а вы где будете?

Вася. А мне что надо? Переспать? Я в ванной могу. Ольга Ивановна, пустите ночевать в ванную?

Ольга Ивановна. Вот, голубчик, скажу откровенно: чего не могу, того не могу. Ванна, говоря откровенно, не для того, чтобы в ней спать.

Вася. Я не собираюсь в ней спать. Я бы сверху доски, а на доски тюфяк.

Ольга Ивановна. А на тюфяк одеялишко. А на одеялишко шинель. А на подоконник окурки. И готово дело: не ванная, а холостяцкая ночлежка.

Вася. Пожалуйста. Соблюдайте свою чистоту. Мне что, мне наплевать. Я хотел для Ивана Иваныча... Я чаю не хочу. (*Уходит в свою комнату.*)

Манечка. Обидели Васю.

Ольга Ивановна. Чем же я-то его обидела?

Манечка. В ванную не пустили.

Ольга Ивановна. Извините, не пущу. (*Зина входит в кухню.*) Ему вам в жертву себя принести хочется, а дело-то простое, как редька: пускай он Ивана Иваныча пустит к себе в комнату, а вы с Зиной и с ребеночком там останетесь. И ванной не лишимся, и будет прекрасно.

Манечка (*устало*). Да, будет прекрасно. (*Уходит к себе в комнату.*)

Ольга Ивановна. А то вишь — в ванну ему понадобилось. Прыткий какой.

Зина. Ольга Ивановна, а цветы ему подносили?

Ольга Ивановна. Куда там! Надя писала — бывало, забрасывали цветами.

Зина. Какая Надя?

Ольга Ивановна. Первая жена. (*Тушит свет в передней.*) Вася, опять забыл потушить!

Голос Васи за дверью. К черту!

Ольга Ивановна. Вася, Вася, деликатнее! (*Идет в свою комнату.*) Иди сюда, Зинуша, я тебе что-то покажу. (*Приподнимает крышку сундука.*) Вот она. Я ее на клубки шерсти положила, чтоб помягче ей... Чтоб нигде не давило, понимаешь? Это особенная скрипка, не простая, из государственной сокровищницы выдана. Она тоже у нас на карточку снятая. Лежит, как на облачке, моя дорогая... Сашина душа! (*Звонок.*) А кто там? Спроси, Зинуша.

Зина *(у двери)*. Кто́ там?

Голос Ельникова. Свои.

Зина. Кто свои?

Голос Ельникова. Отворите, пожалуйста.

Зина отворяет дверь. Входит Ельников. Он в штатском с заплечным мешком. Оглядывает переднюю. Заглядывает в кухню.

Зина. Вам кого нужно?

Ельников. Вы здесь живете?

Зина. Да...

Ельников. А Ольга Ивановна живет?

Зина. Живет...

Ельников. Где она?

Зина. У себя в комнате.

Ельников. Тут?

Ольга Ивановна *(на пороге)*. А кто тут?

Зина. Вас спрашивают...

Ольга Ивановна *(поворачивает выключатель)*. Саша! *(Обнимает Ельникова.)* Сашенька!

Ельников. Только не плакать, мама, только не плакать...

Ольга Ивановна. Родной мой, господи, не верится! Зинуша, милая... *(Обнимает Зину.)* Господи, да снимай же мешок... Иди сюда, здесь снимай. *(Вводит Ельникова в комнату, помогает ему снять мешок.)* Иван Иваныч, это Саша, Саша! Живой...

Седов. Разрешите... *(Помогает Ельникову снять мешок; уходит, собрав инструменты.)*

Ольга Ивановна. Зинуша, скидывай чайник с плитки, к чертям, ставь суп разогревать! Саша, господи боже... Сядь, сядь, что ж ты стоишь! Сюда, в кресло,— так! Умываться будешь? Ванну прими... Зинуша, Зинуша!

Ельников *(смотрит вслед Седову.)* Что это за человек?

Ольга Ивановна. Квартирант, радио мне починяет. Мы всё приказы теперь слушаем, тем живем... Зинуша!

Зина *(из передней)*. Что, Ольга Ивановна?

Ольга Ивановна. Ванную нужно истопить. Вот видишь, Зинуша, пустили бы Васю в ванну с тюфяком — где бы он сейчас мылся?

Зина. Затопить в ванной?

Ольга Ивановна. Да, да, да. *(Зина уходит.)* Сейчас все будет, Саша,— ванна, яичница, суп, белье... Саша, а завтра зажарю тебе мозги в сухарях, в нашем

магазине дают, с утра пойду, как нарочно, такая удача!.. Ноги, поди, устали? Со станции пешком, автобус не ходит... Всю войну не ходит... Разуть тебя?

Ельников. Не нужно. Сядь, мама, вот тут, и посмотрю на тебя.

Ольга Ивановна. Ну на, смотри, смотри.

Ельников. Здорова?

Ольга Ивановна. Как тебе сказать, Саша, здорова-то здорова, да не так, чтобы очень. Тучна становлюсь, и, знаешь, бывают боли в пояснице. Как начнет стрелять вот тут, и тут, и тут... Только и спасаюсь гомеопатической растиркой.

Ельников. Не помолодели мы с тобой.

Ольга Ивановна. Об чем толк, Саша, не это главное. Мы и такие друг дружке милы, верно? *(Молчание.)* Сашенька, ты из госпиталя?

Ельников. Угу.

Ольга Ивановна. Надолго?

Ельников. Совсем.

Ольга Ивановна. Отпустили тебя?

Ельников. Отпустили...

Ольга Ивановна. Ленточка. Что за ленточка?

Ельников. Красного Знамени.

Ольга Ивановна. Хороший орден, старинный... Ну что ж, Саша, теперь и в тылу не стыдно побыть... Саша, а почему отпустили, ведь ты писал, что здоров?

Ельников. Я здоров. *(Вася кашляет в своей комнате.)* Что за люди у тебя?

Ольга Ивановна. Квартиранты. По ордерам вселились, бог с ними. Ничего люди. Рабочие. Этот, что кашляет, наш здешний, а еще московская семья живет — отец и две дочери. Старшая дочь ребенка ждет, муж на фронте то же самое, младшая в десятом классе. Ничего, славные девочки, привязались ко мне... Сейчас у нас еще просторно, слава богу, а что было первые годы, столько эвакуированных — по десять душ в комнате. Теперь разъехались...

Ельников. Московские?

Ольга Ивановна. И московские, и ленинградские, и украинские — все поехали в свои места. А ихний завод тут осел, да есть слух, что так у нас и останется, ну — и они останутся, должно быть. Я, знаешь, буду рада. Все не так одиноко жить...

Ельников. Этот старик — московский? Что вышел сейчас.

Ольга Ивановна. Московский, да.

Ельников. Я в Москве его видел, значит.

Ольга Ивановна. Да что ты! Вполне может быть.

Ельников. Я его помню. Он стоял в дверях, как в раме, и смотрел на меня так сурово... Где это было?

Ольга Ивановна. Да может, Саша, тебе кажется? Он никогда не говорил, что встречал тебя.

Ельников. Не говорил?

Ольга Ивановна. Ни разу.

Ельников. Он — кто?

Ольга Ивановна. Вот не скажу тебе. По специальности — слесарь, а черную работу не работает, и зарабатывает много.

Ельников. Где я его видел?

Ольга Ивановна. Да ну, бог с ним. Чего ради ему смотреть на тебя сурово! Ты у меня все-таки погостишь, Саша?

Ельников. Я, мама, совсем приехал.

Ольга Ивановна. Как, Саша, совсем?

Ельников. Ну — совсем.

Ольга Ивановна. А в Москву?

Ельников. В Москву — нет.

Ольга Ивановна. Здесь будешь жить?

Ельников. Здесь.

Ольга Ивановна. Саша! Почему тебя отпустили? Увечье у тебя — какое? Почему ты не снял перчатку?.. Саша!..

Ельников. Покажи скрипку. *(Ольга Ивановна достает из сундука скрипку в футляре, уходит. Ельников открывает футляр, смотрит. Ольга Ивановна плачет в передней.)* Мама!

Ольга Ивановна *(возвращается)*. Здесь я, Саша.

Ельников. Спрячь. *(Ольга Ивановна прячет скрипку. Слышен кашель Васи.)* Он всегда так кашляет?

Ольга Ивановна. Сашенька, он днем не бывает. Он только на ночь приходит. Но если тебя беспокоит, я ему скажу...

Ельников. У нас в роте один так кашлял. Катар горла, что ли... Мы его лечили картофельной ингаляцией. Наварим котелок картошки, откроем крышку, и он вдыхает горячий пар... Ничего, помогало.

Зина *(из передней)*. Ольга Ивановна, суп уже кипит.

Ольга Ивановна. Кипит?.. Саша, ты поешь, покуда ванна согреется... Поешь?

Ельников. Хорошо, давай.

Очень далеко — в дальнем репродукторе — слышится скрипка. Молчание.

Ольга Ивановна. Поешь, потом вымоешься, потом чаю попьем... Будем жить, Саша. Работать будем, музыку слушать будем... Верно, Саша? Будем слушать музыку. Саша, а где твоя жена?

Ельников. Надя? В Москве. Замужем.

Ольга Ивановна. Нет, я про ту, другую...

Ельников. Мама, вот об этом совсем и никогда ничего, хорошо? Я к тебе пришел, потому что мне больше не к кому. Принимай сына! Безрукий — к тебе пришел на твои руки опереться, на милые твои руки, мамочка...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же декорация. Глубокая ночь. Луна в окнах. Ольга Ивановна лежит на кровати. На диване Ельников. Он зажигает спичку, смотрит на часы. Закуривает. Встает. Тихо открывает сундук, достает скрипку. Почти беззвучно трогает струны смычком.

Ольга Ивановна *(садится на кровати)*. Который час?

Ельников. Половина четвертого. *(Кладет скрипку на место.)* Ты чего не спишь? Спи!

Ольга Ивановна. Я спала как убитая. Слава богу, выспалась всласть. Старикам немного нужно сна... А вот ты опять глаз не сомкнул, по голосу слышу. Люминал нужно принимать. Немцы не убили, так бессонница убьет. Все люди спят.

Ельников. Между прочим, кроме Зины, никто не спит. Вася все время ворочается у себя. Иван Иваныч еще не приходил. Манечка в два часа ночи почему-то принимала ванну.

Ольга Ивановна. Манечка принимала ванну?

Ельников. В общем, муравейник у тебя, мать.

Ольга Ивановна *(зажигает лампу, одевается)*. Я, Саша, всю жизнь прожила в муравейнике. На людях, милый друг, и горе легче, и веселье веселей. Мне одной в этой квартире, говоря откровенно, довольно тоскливо было. Только потому терпела, что надеялась внуков иметь. Думала — вы с Надей птицы перелетные, отдадите детишек мне, а я... Это неспроста она принимала ванну! *(Идет в переднюю, ей навстречу выходит из своей комнаты Зина.)* Ну? Я к вам.

Зина. Ольга Ивановна, зайдите, пожалуйста, мы с Манечкой ничего не понимаем.

Ольга Ивановна. А почему не стукнули раньше? Я все равно почти не спала. Бестолковые...

Уходит с Зиной в комнату Седовых. Ельников садится к столу, пишет; насвистывает. Вася выходит в переднюю; он несет бутылку и кружку.

Вася *(из передней)*. У вас почему свет?

Ельников. А у вас почему свет?

Вася *(переступает порог)*. Не возражаете?

Ельников. Допустим.

Вася *(ставит бутылку и кружку на стол)*. Не возражаете? *(Садится.)*

Ельников. Если бы я и возражал, это ни к чему не привело бы. Вы не скоро встанете с этого стула.

Вася. Счастливое у вас существование. Завидую.

Ельников. Счастливое, да?

Вася. За такой мамашей — как за каменной стеной. Ни за холодную воду... подано, принято... Моя жизнь абсолютно собачья. Знаете, сколько я заработал за этот месяц? Шесть тысяч. В газете портрет мой видели?

Ельников. Видел и поздравил вас, помнится...

Вася. Директор столько не получает в получку, сколько я. А чем я закусываю? Морковкой! *(Ест морковку.)* Ха-ха! За свои шесть тысяч имею морковку... анекдот!

Ельников. Как же это так получается?

Вася. Порядка нет. Черт разберет, куда расходятся деньги. Никакого порядка. Купил давеча колбасу — потерялась.

Ельников. Как потерялась?

Вася. Черт ее знает, в комнате где-то потерялась... Надо жениться или не надо?

Ельников. По-видимому — надо.

Вася. Десять тысяч!.. Чего там: сто тысяч женщин скажут — да. Вам понятно?

Ельников. Приблизительно.

Вася. А мне ни одну из них за две копейки не нужно. Она мне сказала... Ну, что может сказать хорошая женщина? Я, говорит, люблю мужа; ты мне не говори... Дай, хозяин, чистый стакан, я тебе налью.

Ельников. Спасибо, не хочется.

Ольга Ивановна *(выходит в переднюю, стучится к Васе)*. Вася! Вася!

Ельников. Ты что, мама? Он здесь.

Ольга Ивановна *(входит в свою комнату)*. Нет, куда же он годится? Придется тебе сбегать, Саша.

Ельников. Куда?

Ольга Ивановна. В аптеку, к телефону. Вызовешь скорую помощь. Она сама уже не дойдет.

Вася. Кому скорую помощь? *(Встает.)* Марье Ивановне?

Ольга Ивановна. Нет, нет, не годишься! Саша, беги, пожалуйста...

Вася. Не сметь ходить! Я иду! Вы слышали? *(Хватает Ельникова за плечо)*. Я иду!!

Ольга Ивановна. Вася, Вася, не сходи с ума... Пусть идет, Саша, ничего... *(Вася уходит.)* Вишь, сразу отрезвел. Без пальто помчался по морозу, бедняга...

Стон из комнаты Седовых. Выбегает Зина.

Зина. Ольга Ивановна, ради бога! С ней что-то ужасное начинается!

Ольга Ивановна. Ну да, ужасное... Ничего ужасного нет. Досидели... Ей еще с вечера надо было в больницу. *(Идет в комнату Седовых. Зине.)* А тебе там делать нечего, только ее пугаешь своим страхом! Сиди тут! *(Уходит.)*

Зина. Александр Андреич...

Ельников. Дать вам воды?

Зина. Мне? Зачем?

Ельников. Вы дрожите. Не нужно так бояться.

Зина. А вы разве не боитесь?

Ельников. Нет.

Зина. Да, потому что это не ваша сестра!

Ельников. Это рождается жизнь. Это не страшно. Это прекрасно, мне кажется.

Зина. Видели бы вы Манечкино лицо, так не говорили бы, что прекрасно.

Ельников. Ей больно. Зато, когда все кончится, она будет очень счастлива... вероятно.

Зина. Александр Андреич, а почему у вас нет детей?.. Александр Андреич, извините, я ужасная дура, что спрашиваю о таких вещах.

Ельников. Вы — маленькая девочка, которая хочет слишком много знать... У вас лицо измученное. Хотите, я уйду из комнаты, а вы прилягте.

Зина. Зачем же вам уходить? Я могу и при вас. Только я не лягу. Разве можно сейчас спать, лежать, есть?

Ельников. Можно. Каждую секунду в мире рождаются дети, а люди спят, едят, воюют, любят...

Зина *(сонная)*. Дети — над всем, да? Над войной, над едой, над любовью? Над ночью, над домами? Как скрипка?

Ельников. Как вы сказали? Почему вы это сказали?

Зина. Так...

Ельников. Странная девочка. *(Молчание.)* Вас зовут Зина, а можно называть Заинька.

Зина. Почему Заинька?

Ельников. Хорошее имя, правда?

Зина. Ничего. Только немножко игрушечное, по-моему. Вы сами его придумали?

Ельников. Нет...

Зина. Так звали какую-нибудь вашу знакомую?

Ельников. Да, знакомую.

В переднюю, отворив входную дверь ключом извне, входит Седов.

Зина. Папа! Иди сюда. Папа! У Манечки началось.

Седов *(входит в комнату Ельниковых, садится)*. А где она?

Зина. У себя.

Седов. Давно?

Зина. Уже часа три.

Седов. Скорую помощь вызвали?

Зина. Вася пошел.

Седов. Фу ты, понимаешь, а я, как нарочно, задержался на вторую смену... Ольга Ивановна у нее?

Зина. У нее...

Ольга Ивановна *(входит)*. Кто пришел?.. Говорю ей — кричи, легче будет! — а она стесняется... *(Роется в комоде.)* Иван Иваныч, слава богу, что пришли, как бы не пришлось ее в карету на руках сносить... *(Уходит.)*

Седов *(смотрит на стол)*. Васина сервировка. Давно он пошел?

Зина. Нет, недавно.

Ельников. Я смотрю на ваше лицо, Иван Иваныч, и мне все кажется, что я вас видел раньше. Очень близко видел, а где — не вспомню...

Седов. Один раз мы с вами повстречались близко, это верно.

Ельников. Ну вот, я же знаю! Где?

Седов *(не сразу)*. У Крамина, Владимира Ипполитовича.

Ельников *(встает)*. Вы знали Крамина?

Седов. Я и теперь с ним переписываюсь.

Ельников. Он в Москве?

Седов. Да, конечно. Он и не выезжал из Москвы. Большим человеком стал.

Ельников. Он не мог не стать большим человеком.

Седов. Да, это совершенно верно. Фантазер, ах, какой фантазер... Он мог бы писать романы, знаете, про марсиан, и прочую такую историю... Если бы у него было время, конечно. Какие знания, какая память... Вся техника у него в голове разложена, как инструмент у хорошего мастера. Большое удовольствие работать с ним.

Ельников. Вы работали?

Седов. И теперь работаю. Скоро пятнадцать лет, как работаю по его заданиям.

Ельников. Я был у него один-единственный раз в жизни... И вы были там?

Седов. Да, как раз был там. Я бывал у него часто.

Ельников *(помолчав)*. Он женат?

Седов. Нет, конечно. Нет, нет, Александр Андреич, он не женат. *(Молчание.)* Когда приступаете к работе, Александр Андреич?

Ельников. С понедельника.

Седов. Вот и хорошо.

Удары в дверь и отчаянный звонок. Седов и Зина бросаются отворять.

Ольга Ивановна *(выглядывает в переднюю)*. Это Вася! *(Входят врач и Вася.)* Доктор,— сюда, сюда пожалуйте! Скорее!..

Врач. Что значит скорее? *(Уходит с Ольгой Ивановной в комнату Седовых.)*

Вася. Иван Иваныч!

Седов. Ну, что, Вася?

Вася. Скоро, черти, приехали!

Седов. Да — скорая помощь...

Вася. Я ждал внизу. Чтобы сразу их сюда... Быстро сварганилось дело!

Седов. Ты, Вася, молодец. Спасибо тебе.

Молчание.

Вася. Неужели умрет?

Седов. Ну, что ты, понимаешь...

Крик из комнаты Седовых. Зина бросается туда. Ельников удерживает ее.

Ельников. Спокойно, спокойно...

Зина. Что это? Зачем?

Ельников. Рождается человек.
Вася. Неужели умрет?

Тишина. В тишине крик ребенка.

Ельников. Человек подает голос.
Вася. Уже?!
Ольга Ивановна *(выходит)*. С новым вас соседом!.. Мальчик!..
Седов. Манечка что?
Ольга Ивановна. Все отлично, все хорошо! Даже пальчики ему уже сосчитала. Ну, характер, скажу я вам!.. Не ожидала.
Зина. Ольга Ивановна, мне можно теперь туда?
Ольга Ивановна. Нечего, нечего! Сидишь и сиди! Ты девушка! *(Уходит.)*
Зина. Как просто! И как удивительно... Правда, папа, удивительно?
Седов. Да. Был бы Николай дома — порадовался бы...
Зина. Папа, скажи им, чтобы показали мальчика. Пойди туда.
Седов. Да вот видишь, не признают нас с тобой. Как я пойду? *(Наливает из бутылки в кружку.)* За здоровье внука! *(Пьет.)* Присоединяйтесь. За этого мальчика надо выпить — у него отец на войне.

Все пьют.

Вася. Иван Иваныч! Вы понимаете, что она теперь мать? Мать! Святыня! В сто раз святее, чем была вчера!
Седов *(заливается смехом)*. Да ты чего ликуешь, чудак такой, жена она тебе, что ли, вот чудак...
Вася. Выпьем еще! Жертвую два пол-Федора ради такого дела!
Седов. Иди к черту. Иди теперь и выспись, дорогой человек...
Вася. Иван Иваныч! Ни в одном глазу. Слушайте, до чего здорово, а? У Марьи Ивановны — и вдруг ребенок. По пяти пальчиков на ручках...
Седов. И на ножках. Иди, иди! Время хозяину дать покой. *(Выпроваживает Васю.)* Зинуша...
Зина *(с закрытыми глазами)*. Я подожду, пока покажут мальчика.
Седов. Александр Андреич, а вы без сна которую ночь? Легли бы да задали храповицкого, чего там!.. Александр Андреич, скоро в Берлине будем, скоро войне капут, народ радуется,— и вы ведь тоже этот путь в Берлин прокладывали,— ну бросьте вы это, голубчик!.. Не даром руку отдали, добровольно шли, значит, понимаете, что не даром... Вон зять мой, Николай, восемь месяцев ни слуху ни духу — ну, что же делать, что делать? Война...

Ельников. Это не то. Спасибо за утешение, но это совсем не то, не то...
Седов. Ну, тогда я не знаю...
Ельников. Вы думаете, я не сплю оттого, что мне плохо? Я не сплю оттого, что мне хорошо, Иван Иваныч...
Седов. Ну, как хотите. Очень рад. *(Ольга Ивановна и врач выходят в переднюю.)* Ну как там, доктор, все в порядке?
Врач. Чудный ребенок, чудная мать...
Седов. Опасности, значит, нет?
Врач. Что значит опасность? Только прекратите шум, пусть спят, что за разговоры по ночам...
Ольга Ивановна. Большое вам спасибо, доктор! Очень вам благодарны! Извините за беспокойство!
Врач. Что значит беспокойство? *(Уходит. Ольга Ивановна и Седов шепчутся у Манечкиной двери.)*
Зина *(сонная)*. Когда-нибудь покажут мальчика?
Ельников. Как вы сказали? Заинька! Над бураном, над любовью, над войной?..

Зина спит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Та же декорация. Зимний день.
Ельников и Зина.

Зина. И вам было ужасно жалко прежнюю жизнь!
Ельников. Об этом, к счастью, не думалось. Злость была, и желание добиться цели, и страх по временам, и хотелось есть и спать, а жалеть было некогда.
Зина. Страшно все-таки, да?
Ельников. Как вам сказать? Не особенно, потому что человек во всяких условиях остается наблюдателем... как бы со стороны глядит на себя и на опасность... Настоящий ужас, такой, как вот в романах описывают, что пот выступает на лбу и замирает сердце,— такой ужас я почувствовал только тогда, когда пришел в сознание

и увидел свою руку. В бинтах, толстую, неподвижную... Я не сразу понял; потом понял...

Зина. Все-таки лучше, что не правая.

Ельников. Нет, хуже. Правой, я, может быть, мог бы водить смычком. *(Молчание.)* Потом ужас прошел. Довольно скоро прошло чувство ужаса. Но оно было, в сущности, не так тяжело по сравнению с тем, что теперь...

Зина. Да, да, да.

Ельников. Вы же ничего не понимаете; зачем же вы говорите «да»? Вы думаете так: война и гибель, и холод, и изуродованная рука — все это было чрезмерно преувеличено, неправдоподобно, как сон. А во сне не бывает острого отчаяния. Вы так думаете.

Зина. Да!

Ельников. А то, что сейчас,— думаете вы,— уже не сон. Война с ее фантастическими преувеличениями отодвинулась куда-то... Канонады нет, ходит трамвай, обедаем на скатерти... Действительность. И в этой действительности существую я с вот этой моей рукой и отдельно существует моя скрипка... И это самое ужасное. Так думаете вы.

Зина. Вы ужасно правильно все рассказали!

Ельников. И отдельно скрипка... Это был мой самый счастливый день, когда я ее получил! Я тогда только что окончил консерваторию. Это было такое признание, такое благословение... Заинька! Будет еще такой день?

Зина. Будет.

Ельников. Вы предрекли это так важно и убежденно, а ведь сами вы этому не верите, сознайтесь... Вы думаете: пусть мечтает, беспалый калека, не надо отнимать у него надежду. Ну, а вдруг он все-таки будет, этот день? Если это не обман, не бред, не галлюцинации от бессонницы?.. Война отодвинулась, с другого края земли я слышу ее... Вой и грохот, и рыданья, и стоны смерти, и ликованье победы... И над смертью и ликованьем... Самообман?

Зина. Вы опять не спали всю ночь?

Ельников. Спал.

Зина. Неправда.

Ельников. Ну — неправда, ну — не спал, почему это всех занимает?.. Слушайте: я не хочу видеть никого из прежних знакомых. Никого... Но одного человека я бы хотел встретить. С глазу на глаз. Глаза у него как льдины, голос ровный, тихий — но это маска. Самый горячий, самый бурный человек, какого я знал. Я бы ему сказал:

богач, я так же богат, как ты!.. Только вот в чем вопрос: имею я право так сказать или нет? Вдруг все бред, мираж? Вдруг то, что я слышу по ночам, когда вы все спите, как мухи на потолке,— вдруг это в действительности безобразная какофония, и я нищий, беспалый инвалид, бывшая знаменитость,— убожество, мерзость!.. *(Молчание.)* Я не трус, но не знаю, решусь ли я проверить это. *(Молчание.)*

Зина. Александр Андреич! Вы мне еще почти ничего не рассказали о школе.

Ельников. А что вам нужно о школе?

Зина. Что вы им сегодня рассказывали?

Ельников. А, глупости! Это не интересно ни вам, ни мне, ни им!

Зина. А все-таки?

Ельников. Была тема — влияние Бетховена на русских композиторов. Вам интересно?

Зина. Мне — нет. Так ведь я не учусь в музыкальной школе.

Ельников. А я учился. И мне такие вещи были неинтересны. Я хотел играть Бетховена и русских композиторов. Я научился их играть. А кто на кого влиял, мне было наплевать.

Зина *(подумав)*. По-моему, вы совершенно не правы.

Ельников. Ах, по-вашему!.. Слушайте, девочка, вместо того, чтобы поучать меня, сослужите-ка мне службу: достаньте мне нотной бумаги. Только много. Очень много. В магазинах нет.

Зина. Наверно, на толкучке есть.

Ельников. Вот вы сходите на толкучку и купите.

Зина. Вдруг я не то куплю? Если бы вы пошли со мной...

Ельников. Нет, уж пожалуйста, вы сами. Я не умею ходить по толкучкам.

Зина. Хорошо, я схожу. *(Помолчав.)* Сказать вам одну вещь?

Ельников. Что такое?

Зина. Вы не обидитесь?

Ельников. Нет.

Зина. По-моему, ужасно трудно быть вашей женой.

Ельников. Почему вы так думаете?

Зина. Вот Васиной женой очень легко быть.

Ельников. Так в чем же дело? Выходите за Васю.

Зина. Я, во-первых, не собираюсь. Меня удивляет, Александр Андреич, что вы смеетесь... Если хотите знать,

Вася любит Манечку. Он ей уже восемь раз объяснялся в любви.

Ельников. Вы точно знаете, что восемь?

Зина. Да, точно.

Ельников. А кто ведет счет — вы или Манечка?

Зина. Мы обе. Нехорошо смеяться.

Ельников. Я не над вами, а над Васей.

Зина. А над Васей еще хуже. Он страшно страдает.

Ельников. О, да! Это видно по его лицу.

Зина. Знаете, Александр Андреич, по-моему, у вас нет ничего святого.

Ельников *(смеется)*. У меня есть святое. Честное слово, есть. Только у нас с вами неодинаковые понятия о святынях.

Манечка *(входит)*. Я на смех пришла. Угостите меня смехом.

Зина. Это Александр Андреич угощает. Бесплатное угощенье, и очень дешевое.

Ельников. Ого! До чего по-взрослому... Заинька, покажитесь мне. *(Берет Зину за плечи.)* Я никак не пойму — вы большая или маленькая?

Манечка. Она маленькая.

Зина. Я большая.

Молчание.

Ельников *(полушутливо)*. Будем знать.

Входит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Колька спит?

Манечка. Укачала. Ольга Ивановна, я его вам дарю, берите. У вас он попищит с минутку, заведет глаза — и готов. А надо мной целый час издевался.

Ольга Ивановна. Мамашино нервное состояние ему передается, вот и все, и ничего нет удивительного... *(Манечка плачет.)* Ах, господи... Нельзя так, вы ребенка кормите!..

Манечка *(плачет)*. Я больше не могу ничего не знать, не могу, не могу. Его немцы замучили, он в плен попал, они его замучили...

Ольга Ивановна. Манечка... Детка хорошая, ну перестань! Такой молодец, и такие глупости... Почему обязательно в плен? Какой сейчас может быть плен?

Манечка. Пускай похоронная, только узнать, что с ним...

Ольга Ивановна. А вот я не желаю похоронную! Я тебе нагадала исполнение желаний, какая может быть похоронная!

Звонок. Зина отворяет. Входит Валька.

Валька. Здравствуйте! Мама велела вам сказать...

Зина. Тише!.. Ну, что мама велела?

Валька. Что она взяла чересчур много, и вот она вам посылает вымя.

Зина. Это — вымя?

Валька. Вымя.

Зина. Почему оно какое-то серое?

Валька. Ну, уж это не по моей части. Зина! Вы получили мое письмо?

Зина. Я никогда не видала, чтобы оно было такое серое... Я получила письмо и сожгла его в печке, к твоему сведению.

Валька. Положим, это неправда.

Зина. Положим, правда.

Валька. Странно. Я только задавал вам вопрос, пойдете вы со мной в кино или нет.

Зина. Чего ради я пойду с тобой?

Валька *(холодно)*. Мама сказала, с вас за вымя семь рублей шестьдесят копеек.

Зина *(еще холоднее)*. Пожалуйста...

Входит посыльная. Валька уходит.

Посыльная. Марья Ивановна Седова здесь?

Зина. Здесь...

Посыльная. Телеграмма.

Манечка *(идет в переднюю)*. От кого?..

Посыльная. А не знаю. Распишитесь.

Манечка расписывается, посыльная вручает телеграмму и уходит.

Манечка *(тихо)*. Догони ее, Зина.

Зина. Зачем?

Манечка. Дай ей... денег дай. Я всегда давала.

Зина. С ума сошла! Читай телеграмму!

Манечка *(вскрывает телеграмму; так же тихо)*. От Николая. *(Садится на стул.)*

Зина *(вырывает у нее телеграмму, читает вслух)*. Сообщаю адрес... Полевая почта... Телеграфируй здоровье... Подробности письмом... Манечка!

Манечка. Ну что, Зина? Ну, жив, и слава богу! А почему не писал девять месяцев? Свинство!

З и н а. Знаешь, Манька? Лучше молчи. Я тебя могу ударить! *(Со смехом и слезами.)* Ольга Ивановна, вы когда-нибудь видели такую сумасшедшую?

О л ь г а И в а н о в н а. Манечка? Что я говорила? Поздравляю, голубчик! *(Целует.)*

М а н е ч к а. Ольга Ивановна! Разве не свинство?

О л ь г а И в а н о в н а. Слушать не хочу!

М а н е ч к а. Свинство, свинство!

З и н а. Ударю!

М а н е ч к а. Знал, что я буду рожать, знал, знал! И молчал! *(Другим тоном.)* Колька пищит! *(Уходит к себе, Зина — за нею.)*

О л ь г а И в а н о в н а. Слава богу! Слышал, Саша? Радость-то у нашей солдатки.

Е л ь н и к о в. Слышал...

О л ь г а И в а н о в н а. И за нее, и за мальчика — слава богу!

Уходит в кухню. Ельников один. В дверь, которая осталась незапертой, входит Н е д е л ь с к и й. Это грузный старик в дорогой шубе.

Н е д е л ь с к и й. Александр Андреевич Ельников? Моя фамилия Недельский.

Е л ь н и к о в *(не сразу)*. Сюда, пожалуйста. *(Подает стул. Недельский садится.)*

Н е д е л ь с к и й. Вам знакомо мое имя?

Е л ь н и к о в. Да. *(Молчание.)*

Н е д е л ь с к и й. Вы — мужчина. Вы хорошо вели себя на войне.

Е л ь н и к о в. Вы можете просто сказать: давайте ее сюда! — и я дам.

Н е д е л ь с к и й. Хорошо, давайте ее сюда!

Е л ь н и к о в *(отпирает сундук, достает футляр со скрипкой, подает Недельскому)*.

Н е д е л ь с к и й *(встает; он словно помолодел, стал быстр и ловок; он осторожно трогает струны, обдувает деку и, вскинув скрипку к подбородку, с силой опускает смычок; долгий чистый звук)*. Инструмент немного залежался.

Е л ь н и к о в. Немного...

Н е д е л ь с к и й. Я слышал ее. В тысяча девятьсот тридцать восьмом. Чистота тона, единственная, а? *(Укладывает скрипку в футляр, достает трубку.)* Вы позволите?

Е л ь н и к о в. Пожалуйста. *(Подает огня.)*

Н е д е л ь с к и й *(курит с закрытыми глазами)*. Верная подруга, а?

Е л ь н и к о в. Я получил ее от государства, и государство имеет право...

Н е д е л ь с к и й. Нет, нет. Слишком грубо. Вы не так чувствуете. Хороших скрипок на свете меньше, чем хороших скрипачей. Вы отдадите ее потому, что вы мужчина.

Входит О л ь г а И в а н о в н а, останавливается в дверях.

Е л ь н и к о в. Я уже отдал.

Н е д е л ь с к и й. Она пережила с вами все. Успех, счастье. В ней жила ваша душа. Нехорошо, когда душа бездомна. Найдите ей новый дом. Тогда сами принесете инструмент.

Е л ь н и к о в. Не подойдет.

Н е д е л ь с к и й. Почему?

Е л ь н и к о в. Вам придется, возможно, долго ждать. Новые дома строятся не скоро.

Н е д е л ь с к и й. Но ведь музыка-то осталась, а?

Е л ь н и к о в. Я был творцом музыки, а не слушателем.

Н е д е л ь с к и й. Простите великодушно: мы, музыкальные крысы, называли вас исполнителем. Превосходный исполнитель чужих творений. Не обижайтесь: творец — это другое. Ваша душа обитала в этой коробке, так сказать, на чужих харчах. Обиделись?

Е л ь н и к о в. Нет.

Н е д е л ь с к и й. А вы обидьтесь. Спустите меня с лестницы. Ведь врет музыкальная крыса, а?

Е л ь н и к о в. Нет, не врет.

Н е д е л ь с к и й. Врет, врет. Все крысы врут. Один музыкант всегда прав. Он творец: создает бессмертное. Сколько ваших выступлений записано на пластинки?

Е л ь н и к о в. Не считал.

Н е д е л ь с к и й. Долго еще вас будут слушать. По радио, в граммофонах... Великая, оказывается, вещь — граммофон.

Е л ь н и к о в. Да, великая вещь... Как мы оформим передачу?

Н е д е л ь с к и й. Да что ж. Мы актик еще в Москве составили. Благоволите подписать. *(Подписывают акт.)*

Е л ь н и к о в. Все?

Н е д е л ь с к и й. Александр Андреевич. Желаете — пусть она пока у вас. Я приеду месяца через два.

Е л ь н и к о в. Подписано...

Н е д е л ь с к и й. Бумажка! Полежит в портфеле.

О л ь г а И в а н о в н а. Саша, ну зачем — простите, не знаю по имени-отчеству — зачем им другой раз утруж-

дать себя? Сразу сделать, что должно быть сделано,— по крайней мере, с плеч долой, думки не будет. Позвольте, я ее, может, заверну в простынку?

Недельский. Не беспокойтесь; футляра достаточно. *(Надевает шубу.)*

Ольга Ивановна. Позвольте, помогу вам... Вы же остерегайтесь в вагоне, не украли бы.

Недельский. Что вы. Мы с нею в отдельном купе. *(Молча жмет руку Ельникову. Выходит в переднюю, Ольга Ивановна за ним.)* Сын?

Ольга Ивановна. Сын... *(Недельский кланяется, уходит. Ольга Ивановна возвращается в комнату.)* Саша! *(Подбирает клубки шерсти, выпавшие из сундука.)* Саша! Так нельзя. Я так не согласна. Можно подумать — покойника из дома вынесли...

Ельников. Постой.

Ольга Ивановна. Не это главное, ты сам прекрасно знаешь, что не это... Сашенька! Живем, друг, и надо жить, и хотим жить...

Ельников. Постой. Минутку.

Ольга Ивановна. Что ты слушаешь?

Ельников. Какая у нас акустика на лестнице; я не замечал... Слышишь, как он шаркает по ступенькам? Надо было проводить. Не догадались... Ему дай бог, чтоб семьдесят пять, а то все восемьдесят... *(Засмеялся.)* Музыкальная крыса... На втором этаже глуше. Сейчас дверь хлопнет... *(Внизу хлопает дверь.)* Как она хлопает, обратила внимание? Как лопнувшая струна.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Годы 1938—1940-й

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в квартире Ельниковых в Москве. Много цветов. У рояля пюпитр с открытыми нотами. Надежда — в переднике и платке — подметает пол. Звонит телефон.

Надежда *(у телефона)*. Да? — Нет, еще не вернулся.— Право, не знаю.— Ведь он уже дал ответ.— Да, окончательный.— Ну, это зависит от точки зрения и от характера.— Что поделаешь, уж он такой.— Как хотите,

только это бесполезно; я бы на вашем месте обратилась к другому. *(Вешает трубку.)*

Входит Родион, без сапог, заспанный.

Родион *(садится в кресло, закуривает)*. Сволочи, раззвонились, спать не дают.

Надежда. Ну, знаешь, довольно дрыхнуть: третий час.

Родион. Почему третий?

Надежда. Потому что четверть третьего.

Родион. Чепуха. Не может быть.

Надежда. Одевайся, сейчас Саша придет.

Родион. А где он?

Надежда. Послала проветриться. Он от этой жизни желтый стал.

Родион. Какой?

Надежда. Желтый.

Родион. Желтый?

Надежда. Угу.

Родион. А какая у вас особенная жизнь? Голодаете, что ли?

Надежда. Ложится поздно, встает поздно. На воздухе почти не бывает. Играет до изнеможения. Вечером концерт. Я прошу, чтобы не каждый вечер концерты, а он сердится. Знаешь, позавчера его заставили бисировать восемь раз! Сошел с эстрады — белый, как мертвец.

Родион. А сегодня желтый? Меняет, значит, оттенки. Это пройдет. Надоест каждый вечер. На бис будет выходить два раза, ну — три от силы. Сейчас, как говорится, на пороге славы... *(Зевает.)* Ну, понимаешь, угостили меня вчера...

Надежда. Вижу.

Родион. Я пел соло — можешь себе представить?

Надежда. Родька, бедный! Что ж ты пел?

Родион. Арию тореадора. Если очень попросишь, я тебе спою. По-братски.

Надежда. Спасибо. Лучше иди умывайся.

Родион. Ты жесткий человек, Надежда. После Хасана ей-богу можно поваляться.

Надежда. Ну, валяйся, валяйся. *(Целует его.)* Родька, какой ты смешной стал. Взрослый какой-то, колючий... Чертовски хорошо, что ты приехал.

Родион. Уже колючий?

Надежда. Щеку об тебя оцарапала.

Родион. Надюшка, а когда я приехал?

Надежда. Вчера. Утром.

Родион. Странно. А мне показалось, что я тут уже целую неделю. Хорошо в Москве. Только если ребята опять за мной придут сегодня, ты меня спрячь в шкап, что ли. А то это, конечно, очень приятно — тореадор под рюмочку, но я приехал, главным образом, по делу к одному человеку.

Надежда. Военная тайна?

Родион. Я тебе скажу, если ты не шпионка. Знай, Надька, что твой брат — изобретатель. Что он изобрел — тебе все равно от него не узнать, хоть ты и не шпионка. Ну, а тут у вас есть один человек, знаменитый такой человек, Владимир Ипполитович Крамин.

Надежда. Раньше я как-то не представляла себе, сколько людей в Москве. Сейчас я прямо растерялась. Каждый вечер в зале новые лица, сотни лиц, за кулисы приходят, знакомятся, приглашают... Военные, штатские, музыканты, критики, какие-то девочки с цветами, какие-то бухгалтера, обожающие музыку... Я завела алфавитную книгу — записываю, кого как зовут по имени-отчеству... Кто такой Крамин?

Родион. Просто себе — Крамин, Владимир Ипполитович. Не по вашей части, не по музыкальной... Сказали мне, что он доведет до дела мою мысль, потому что мне без специального руководства не выцарапаться... Так Сашка действительно выходит в знаменитости?

Надежда. Ты слышал: с кинофабрики звонят. Уже третий день. Приглашают его сниматься в фильме. Он не хочет.

Родион. Почему в фильме, он же не актер.

Надежда. А ему предлагают сыграть роль скрипача в... веселом доме.

Родион. Почему в веселом доме?

Надежда. Какой-то фильм из жизни белогвардейцев, что ли. Саша страшно возмутился. Уже к телефону не подходит, а они все звонят.

Родион. Одним словом, все это вместе взятое называется славой. Наслаждение, а не жизнь.

Надежда. Саша говорит, что слава привлекает только людей, у которых нет ничего за душой.

Родион. Врет. Кокетство. Слава — хорошая вещь. Что такое слава? Это когда тебя все знают и все хвалят. Чем плохо? Мне, например, было бы дьявольски приятно, если бы меня все хвалили. Следовательно — я жажду славы.

Шаги.

Надежда. Саша пришел.

Входит Ельников.

Ельников. Безумный прожигатель жизни — проснулся?

Надежда. Видишь, Саша, немножко прошелся — и сразу посвежел. Правда, Родя, какой он красивый, когда свежий?

Родион. Очень красивый. Между прочим, о прожигании жизни. Я у вас вчера завтракал и обедал, и хоть бы рюмку дали спиртного. Я отвык от такого квакерского режима. Поневоле пойдешь кутить на стороне.

Ельников. Позволь! А малага?

Родион. Малагу пейте сами. Вы бы мне еще клюквенного квасу поставили. Черти. Дальневосточного человека поят сиропами. Пуритане проклятые. Чтоб было мне натуральное солдатское питье, понятно?

Ельников. Это она меня бережет. От выпивки бережет, от простуды бережет, от женщин... Содержусь в вате, как недоношенный младенец. Велят идти гулять — иду. Велят не пить — не пью. Велят ни на кого не смотреть — не смотрю...

Надежда. Все делается так, как ты хочешь. Ведь ты сам не любишь пить, ты говорил.

Ельников. Это я нарочно врал, когда хотел жениться на тебе... Надюша, я же шучу. Ты прекрасно понимаешь, что я шучу. Родя, ты не знаешь, кто она. Это мой друг, мой хранитель, мой аккомпаниатор, мой секретарь — самый нужный мне человек на свете! Самый чистый, самый преданный...

Родион. Ой, как густо. Скажи: моя жена — и все в порядке.

Телефонный звонок.

Ельников. Надя, подойди! И если опять оттуда, скажи — нет. Я больше не буду с ними разговаривать.

Надежда *(берет трубку)*. Да.— Здравствуйте.— Кто это говорит? — Горячева? Сейчас спрошу.— Саша, тебя просит Горячева Зинаида Александровна, не знаю, кто такая.

Ельников. Первый раз слышу. *(Берет трубку.)* Алло.— Здравствуйте.— А о чем мы будем говорить? — К сожалению, сейчас я...— Ну, если пять минут, то...— Хорошо, я вас жду. Адрес вы знаете? — Пожалуйста...

(Вешает трубку.) Она звонит с автомата из соседнего дома. Сейчас придет. Родя, ты бы...

Надежда. А что ей нужно?

Ельников. Говорит — по личному делу. Студентка консерватории. Очень срочно, говорит, нужно... Ты обратила внимание на ее голос, Надя?

Надежда. Да. Конечно. Обратила.

Ельников. Правда, красивый? *(Смеется.)* Не буду, не буду. Красивый голос — только у тебя, Надюша... только у тебя!

Звонок. Родион вскакивает и убегает.

Надежда. Я отворю. *(Уходит и возвращается с Заинькой.)*

Заинька. Здравствуйте, Александр Андреич.

Ельников. Здравствуйте...

Заинька. Это я вам звонила. Я — прямо к делу, ладно? *(Берется за стул.)* Вы позволите?..

Ельников. Да-да, пожалуйста...

Заинька *(садится)*. Александр Андреич, почему вы не хотите играть для экрана?

Ельников. Ах, вот что...

Заинька. Разве вы не понимаете, что такое экран для артиста, даже такого крупного, как вы?

Ельников. Простите, если бы вы предупредили меня, о чем мы будем говорить...

Заинька. То вы бы меня не приняли. Я потому и не предупредила. Вы сердитесь? Вы очень сердитесь, что я пришла? Александр Андреич, миленький, ну хотите, ну — я стану на коленки... Александр Андреич, почему вы отказываетесь?

Ельников. Я затрудняюсь отвечать.

Заинька. Нет, отвечайте!

Ельников. Моя скрипка в...

Заинька. В публичном доме? Господи! Но ведь это же не на самом деле. Это же искусство. Вы действительно не понимаете разницы или только делаете вид?

Ельников. Все равно. Нет. Дом разврата — и в нем моя скрипка — невозможно!

Заинька. Александр Андреич, а я в этом фильме играю девушку из вот этого самого дома. Посмотрите на меня хорошенько — ну, разве я похожа на такую девушку? У меня там такое ужасное, глупое имя, вроде Клотильды, а на самом деле меня все зовут Заинька, и правда же, я не похожа?..

Ельников. Совершенная правда!

Заинька. И я тоже не актриса, а певица... Подумайте, ну сколько человек вмещается в зрительный зал? Тысяча? Две тысячи? Пускай две тысячи. А с экрана нас услышат миллионы.

Ельников. Не думаю, чтобы это имело большое значение. По радио нас тоже слушают миллионы.

Заинька. Ах, это совсем не то! По радио только слышат. А на экране они увидят наши лица! И запомнят навсегда... Наши глаза, наши голоса... Не отказывайтесь, Александр Андреич!

Ельников. К сожалению, приходится огорчить вас...

Заинька. Я вижу вас на экране. У вас чудесное лицо для экрана. Подумайте, такие глаза и такая музыка — где? в этом страшном болоте! Все будут плакать. И ваша рука со смычком... И мой голос!

Молчание.

Ельников. Вы красноречивы.

Заинька. Александр Андреич, не говорите «нет». Александр Андреич... *(Подходит к Ельникову.)* Александр Андреич, милый!

Ельников. Уверяю вас, мне очень жаль разочаровывать...

Заинька. Так не разочаровывайте. Не нужно разочаровывать... Голубчик! Пожалуйста...

Ельников. Ну зачем вы так просите. Не надо...

Заинька. Почему не надо? Ну почему? Я ничего не понимаю. Почему вы отказываетесь от успеха, от славы, от больших денег, наконец?

Ельников. Потому что есть вещи дороже успеха и денег.

Заинька. И славы?

Ельников. И славы.

Заинька. Скрипка?

Ельников. Скрипка. Музыка. Не надо их в такое нехорошее место.

Заинька. Даже на экране?

Ельников. Даже. Ведь экран — наш?

Заинька *(садится, грустно молчит)*. А мне что? Брать мне роль или нет?

Ельников. Подождите, пока подвернется другая.

Заинька. Мне не так легко ждать, как вам. Это большой шанс для меня.

Ельников. У вас будут другие шансы.

Заинька. Когда они будут!

Ельников. Не стоит торопиться.

Заинька. Ух, как вы это сказали! Как старый-старый старик. Нет, я не такая терпеливая. Я не согласна долго ждать. Я, Александр Андреич, буду играть эту Клотильду.

Ельников. Напрасно.

Заинька. Ничего не напрасно. Вот увидите. *(Встает.)* А вы пойдете посмотреть меня в кино?

Ельников. С удовольствием.

Заинька. А то пошли бы смотреть себя... смотреть и слушать.

Ельников. Нельзя!

Заинька. Я так мечтала — с вами!..

Ельников. Ну-ну-ну. Просто вас попросили — пойти и попытаться уговорить меня.

Заинька. Нет, честное слово! Это я сама. Набралась храбрости и пошла... Ужасно глупо. До свиданья, Александр Андреич.

Ельников. Я провожу вас...

Заинька *(Надежде)*. Прощайте. *(Уходит. Ельников провожает ее и возвращается.)*

Надежда. Саша!

Ельников. Что?

Надежда. Я бы хотела отдать переплести эти ноты.

Ельников. Что отдать? Ах, переплести...

Надежда. Брамса. В одну папку.

Ельников. Да, пожалуй. Да, конечно, очень хорошо в одну папку...

Входит Родион.

Родион. Свиньи!

Надежда. Что случилось?

Родион. Пришла девочка, которую зовут Заинька,— одно имя чего стоит! — а эти черти надутые даже пальто не предложили снять.

Надежда. Она сказала, что она на пять минут.

Родион. Стула не предложили. Скандал! Успей я побриться,— обязательно пошел бы провожать, загладить ваш приемчик... Как фамилия — Горячева?

Надежда. Не помню.

Ельников. Зинаида Александровна Горячева.

Надежда. Ты куда, Родя?

Родион. В адресный стол. Все равно разыщу.

Ельников. Можно справиться в консерватории или на кинофабрике, это проще.

Надежда. Какой ты, оказывается, практичный.

Ельников. Я же для Роди стараюсь. *(Смеется.)* Ужасно забавная. Похожа на медвежонка в этой шубке. *(Берет скрипку, настраивает.)* Все-таки безобразие. Какая она Клотильда? С такими глазами — Клотильда? Детскими такими глазами...

Надежда. Родя, подожди немного, сейчас обедать будем.

Родион. Не хочу!

Надежда. Чего ты разозлился?

Родион. Надо быть людьми!

Надежда. Родька, не фокусничай!

Родион. А ты не действуй мне на нервы! Ненавижу хамство, а особенно когда хамят знаменитости. *(Уходит.)*

Надежда. Такой же сумасшедший, как прежде.

Ельников. Он прав; мы были не очень любезны.

Надежда. Почему — мы? Это твоя была гостья.

Ельников *(кладет скрипку)*. Не выношу этот тон у тебя. Тяжелый ты человек, извини. Я ни играть, ничего не могу, когда у тебя такой тон. *(Хочет уйти.)*

Надежда. Саша!

Ельников. Ну? Ну?.. *(Обнимает ее.)* Ведь глупости, глупости, противно говорить...

Надежда. Не говори!

Ельников. Что мне с тобой делать? Почему ты бываешь такая?..

Надежда. Давай, Саша, обедать.

Ельников. Нет, погоди с обедом! Ты скажи: разве ты не видишь, я даже представить себе не могу, что кто-то другой рядом, не ты... Ты со мной всегда и везде... Не хочешь поцеловать?

Надежда. Я тебя люблю.

Ельников. Вот и хорошо, люби. Только не мучай, ради бога,— я тебя тоже люблю!

Надежда. Я — больше, чем ты.

Ельников. Любовь — не складчина по пятерке. У кого сколько есть, тот столько и дает. Лишь бы отдал все, ничего не утаивая.

Надежда. Все рассмотрел: и глаза, и что на медвежонка похожа...

Ельников. Пойдем обедать!

Надежда. «Мне очень жаль разочаровывать...» Тон! Тон!

Ельников. Самый обыкновенный вежливый тон.

Надежда. Если бы она была рябая и горбатая, ты бы не говорил таким тоном.

Ельников. Не знаю. Думаю — точно так же говорил бы. Попробуй. Окружи меня рябыми, горбатыми, уродливыми... *(Жестко.)* Ты соображаешь, что ты делаешь? Я не могу играть после таких сцен! Ты приземляешь меня! Я хочу жить в музыке, думать музыкой; и ты принуждаешь меня думать черт знает о чем! Ты ремесленница, ты можешь открыть ноты и отбарабанить что угодно и когда угодно. Я не могу; и потрудись с этим считаться! *(Уходит, закрывает за собой дверь.)*

Надежда одна. Она подходит к двери, пытается отворить ее; дверь не отворяется. Надежда стучится; ответа нет.

Надежда. Саша. Саша. Отвори, я что-то скажу. Саша! Не сердись! Родной мой, любимый, ну прости меня, дуру! Я не буду больше, Саша! Я не буду приземлять тебя... Саша, все как хочешь, только люби меня!

СЦЕНА ПЯТАЯ

В доме Михаила Михайловича Баскакова. Ряд комнат в перспективе. Много гостей.

Худая старуха *(в кружевном платье)*. Нынче — что за колоратура! Где вы найдете чистую колоратуру! Вот у Агнии Васильевны была колоратура.

Толстая старуха. А я, сказать по чистой совести, не выношу эту самую колоратуру. Как начнет она выводить свои рулады, у меня, батюшки мои, мурашки по спине...

Гость. От Агнии Васильевны — мурашки? Ну, я вам скажу...

Гул возмущения.

Толстая старуха. Я не лично про Агнию Васильевну, а вообще.

Баскаков. Катенька, не вульгарничай! Сегодня я тебе покажу Зинаиду Александровну Горячеву, тогда посмотрю, что ты скажешь...

Общее оживление.

Худая старуха. Что ж Горячева. Слыхала я ее.

Баскаков. Не понравилось?

Худая старуха. Мишенька, ну куда же ей против Агнии Васильевны? Ты певец, сам должен понимать. Выезжает на драматическом исполнении.

Баскаков. Я, милая, певец. И все-таки я не знаю и знать не хочу, на чем она там выезжает. Я только знаю, что ангелы божьи ликуют и завидуют, когда она поет. И у меня, старого дурака, слезы текут...

Худая старуха. У тебя, Миша, вроде коллекционерской страсти. Каждый год, как еду к тебе на именины, так уж заранее знаю, что будешь угощать какой-нибудь молодой знаменитостью.

Баскаков. Нынче — двумя.

Худая старуха. Горячева, а еще кто?

Баскаков. Ельников, скрипач.

Толстая старуха. Ну, этим не больно угостишь. Он, я слыхала, в частных домах не играет.

Баскаков. А вы его расшевелите, вдохновите, взволнуйте, чтоб ему захотелось играть!

Худая старуха. Нынешних расшевелишь!.. Это мы, Миша, никогда ничего не жалели от щедрот своих, играли и пели, и танцевали простодушно на всяких именинах и свадьбах, а ведь нынешние — боги!.. Им нужно, чтобы их тысячи слушали! Спрашиваю одного такого мокрогубого: ты чего у меня отказался петь? У меня, говорю, и Федор Иваныч пел, и Агния Васильевна... А он говорит: прошу прощенья, но у вас, говорит, слишком много мягкой мебели, не тот резонанс, это во-первых, а во-вторых, говорит, у меня голос звучит только перед массовой аудиторией.

Гость. Невежа.

Толстая старуха. Подумайте, какой Цицерон.

Худая старуха. Хорошо, говорю, дружок. Это все так, но Федор Иваныч и Агния Васильевна не гнушались моим резонансом, а похлеще тебя были певцы...

Горничная *(входит)*. Михал Михалыч, Ельниковы!

Входят Ельников и Надежда.

Баскаков. Поздненько, поздненько... С работы?

Надежда. Поздравляю, Михаил Михайлович...

Баскаков. Позвольте... *(Знакомит.)* Прошу вас... *(Уводит Ельникова и Надежду в задние комнаты.)*

Худая старуха. Всегда при нем, как тень.

Толстая старуха. Караулит.

Худая старуха. Не укараулит.

Толстая старуха. Пять лет прожили...
Худая старуха. Бросит. Соблазнов много.

За сценой играют на рояле.

Толстая старуха. Это кто играет?
Худая старуха. Тот безусый, в чужом фраке.
Толстая старуха. Люблю бывать у Миши. У него наслушаешься способной молодежи.

Входят Баскаков, Ельников и Надежда.

Баскаков *(уговаривает)*. Ну, хоть бокал шампанского!
Надежда. Он не пьет...
Баскаков. Даже шампанского?
Ельников. Я пью. За ваше здоровье... За здоровье народного певца Михаила Михайловича Баскакова! Здравствовать вам и петь сто лет, Михаил Михайлович!
Баскаков. Спасибо... Спасибо, родной... Примите мою ответную здравицу: многая лета волшебному таланту вашему, Александр Андреич! Живите, здравствуйте, потрясайте наши души...
Горничная *(входит)*. Михал Михалыч!

Баскаков уходит.

Надежда. Не пей больше, Саша.
Ельников. Почему?
Надежда. Завтра не сможешь играть.
Ельников. Откуда ты знаешь?
Надежда. Не пей...
Ельников. Ты запрещаешь?
Баскаков *(входит)*. Зинаида Александровна Горячева! Владимир Ипполитович Крамин!

Входят Заинька и Крамин. Крамин малого роста, горбун; блестящая голая голова его лежит на плечах, как на блюде. Он передвигается на костылях, волоча ноги. Церемония приветствий и знакомства.

Баскаков. Александр Андреич Ельников...
Ельников. Мы встречались.
Заинька. Здравствуйте, скрипач, бежавший от публичного дома.
Баскаков. Как?
Ельников. Вы меня смущаете...
Надежда. Мы тоже встречались. Я — сестра Родиона.
Заинька. Сестра Родиона?

Крамин *(подходит)*. Крамин.
Заинька. Мой муж.
Ельников. Ельников...
Баскаков. Ну, теперь все в сборе! Милости прошу к столу. Вы, Заинька, самая поздняя птичка...
Заинька. Я прямо с концерта, Михаил Михайлович.
Баскаков. Чувствую, понимаю, благодарю... Можно надеяться или устало горлышко у соловушки?
Заинька. Для вас у меня всегда свежее горло.
Баскаков. Милости прошу к столу.

Уходят все. Заинька и Надежда остаются.

Заинька. Сестра Родиона?
Надежда. Да.
Заинька. Вы меня проклинаете?
Надежда. Мне жаль брата.
Заинька. Что же я могу?.. Мне тоже жаль. Но я заскучала с ним через две недели.
Надежда. Этого я не понимаю.
Заинька. Да, не понимаете?.. А когда я скучаю, я не могу петь. Этого вы, конечно, тоже не понимаете. Где Родион, на Дальнем Востоке?
Надежда. Да.
Заинька. Неужели не женился?
Надежда. Нет. Ждет вас. Вы обещали приехать.
Заинька. Да, обещала. Я уже укладывала чемодан... В последнюю минуту у меня не хватило духу. Неужели ждет?
Надежда. Он уверен, что вы оцените его привязанность и вернетесь.
Заинька. Трогательный человек... Он очень примитивный человек, ваш брат.
Надежда. Он честный, любящий... как вы могли променять его на вашего теперешнего мужа? Родион такой интересный...
Заинька. Вы хорошо знаете моего мужа?
Надежда. Нет, но...
Заинька. Мой муж интереснее вашего брата и, возможно, вашего мужа, хотя вам этого и не понять. Простите, ваше имя...
Надежда. Надежда Петровна.
Заинька. Надежда Петровна, давайте не дуться друг на друга, хотя бы сегодняшний вечер.
Надежда. Вам-то на меня за что дуться?
Заинька. О, вы считаете, что не за что?.. А вы

помните, Надежда Петровна, как я к вам приходила? Я помню. Ах, глупая была девчонка, девчонку за глупость наказали презрением, девчонка ушла, как оплеванная... Но сегодня давайте не дуться — ради милого хозяина... Идемте!

Уходят. В задних комнатах расставлены столики под разноцветными лампами. Музыка. Танцуют пары. Танцуя, входят Ельников и Заинька.

Заинька *(смеется)*. Вы разорвали мне платье.. *(Сажает Ельникова в кресло.)* Все время наступаете на подол... Лучше посидим. У вас кружится голова?

Ельников. Немножко...

Заинька. Это хорошо, когда кружится голова. И чем сильнее, тем лучше. Выпейте еще. *(Наливает ему бокал.)*

Ельников. Пожалуй, больше не стоит...

Заинька. За глупую девочку, похожую на медвежонка.

Ельников. Откуда вы знаете, что я назвал вас медвежонком?

Заинька. До сих пор похожа?

Ельников. Нет.

Заинька. А когда была лучше — тогда или сейчас?

Ельников. Не знаю. Тогда мне хотелось улыбаться, глядя на вас, и потрогать вас кончиками пальцев.

Заинька. А сейчас?

Ельников. А сейчас мне хочется сказать вам дерзость.

Заинька. Скажите.

Ельников. Ужасную дерзость. Неслыханную.

Заинька. Все равно.

Ельников. Не скажу.

Заинька. А после того, как я ушла... тогда... медвежонок ни разу вам не снился?

Ельников. Снился много раз.

Заинька. Медвежонок был смешной. Но он знал, когда уходил, что будет сниться сухому человеку, который смотрел на него сверху вниз... Почему вы ни разу не пришли ко мне?

Ельников. Вы же молниеносно вышли замуж за Родиона! Потом так же молниеносно разошлись с ним, не успев сделать визита родственникам... А теперь вы замужем за этим человеком... Сказать дерзость?

Заинька. Да.

Ельников. Не могу представить себе вас с мужем.

Заинька *(отходит от Ельникова)*. Тем лучше для вас.

Ельников. Но хотел бы быть на его месте.

Заинька. Тем хуже для вас.

Ельников. И знаете что? Я сказал дерзость — и мне не хочется просить прощенья.

Баскаков *(входит)*. Заинька, Заюшка, деточка, не любезничайте с ним задаром, сей муж прославлен добродетелью... Ждем, матушка, просим, умоляем, изнемогли от нетерпения...

Уводит Заиньку. Ельников один. Заинька поет за сценой. Входит Надежда.

Надежда. Саша, поедем домой.

Ельников. Тише!

Надежда. Поедем, Саша. Мне нездоровится.

Ельников. Поезжай.

Надежда. Одна?

Ельников. Да, поезжай одна. Мне нельзя сейчас.

Надежда. Почему тебе нельзя?

Ельников. Я должен просить прощенья.

Надежда. Саша, я тебя прошу, как никогда в жизни не просила,— уйдем!

Ельников. Сцены, сцены, заклинанья, мольбы — одно и то же пять лет, как надоело! Как я устал от тебя... *(Встает.)* Уезжай!

Уходит. Надежда одна. За сценой аплодисменты. Входит Заинька, за ней Баскаков.

Баскаков *(в умилении)*. Заинька! Деточка! «Соловья»! Голубушка!

Заинька. Не могу... Потом...

Баскаков. Скупая, Заинька, скупая... Ну, спасибо, солнышко! За талантище семь грехов тебе прощаю... Дай тебе бог, Заинька, дай тебе бог!

Гость *(входит)*. Михаил! Ельников будет играть...

Надежда встает.

Худая старуха. Нет уж, дорогая, дайте-ка сегодня я ему поаккомпанирую...

Толстая старуха. Эк тебе, Михайла, в день ангела привалило...

Все уходят. Ельников играет за сценой. Заинька стоит в дверях, слушает. Надежда сидит, сжав руки. Входит Крамин, садится.

Заинька *(обернувшись)*. Ты здесь... *(Подсаживается к Крамину.)* Ты понимаешь, что он играет?

Крамин *(ласково)*. Нет, не особенно. Расскажи.

Заинька. Он просит прощенья. Он говорит: я не плохой, я хороший, я сам не понимаю, что со мной было, как я посмел так говорить с тобой... Он говорит: послушай, сколько во мне нежности, сколько ласки — слышишь, сколько ласки, милая, прости меня! Я тебя люблю, я мечтал о тебе, горячей волной я залью твое сердце...

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Кабинет Крамина. Книги, карты, модели. Крамин и Седов.

Седов. Одним словом, плашка — никуда. Вы скажите вашим молодым людям, чтоб рассчитывали точно.

Крамин. Кто дал заказ?

Седов. Этот новенький, как его? Петрищев?

Крамин. Петринцев?

Седов. Петринцев, да.

Крамин *(в телефон)*. Техническое бюро. Петринцева. Товарищ Петринцев, я вызвал вас, чтобы предупредить, что вы уволены. Вы дали неправильный расчет диаметра плашки и заставили слесаря Седова даром работать всю ночь. Как угодно, жалуйтесь; но мы с вами больше не работаем. *(Вешает трубку.)*

Седов. Круто, Владимир Ипполитович...

Крамин. Посидите. Ведь вам не скучно со мной?

Седов. Как может быть скучно!.. Мне только показалось, что супруге вашей желательно, чтобы я скорее ушел.

Крамин. Ничего, посидите.

Седов. Она меня спросила, надолго ли я; я сказал — на минутку.

Крамин. А я вас задержу.

Седов. Она сказала, что желает поговорить с вами, а посетители не дают.

Крамин. Все это бредни. Послушайте, давайте лучше рассказывать сказки. Сказки с «если бы».

Седов. Новая сказка?

Крамин. Разве мы с вами когда-нибудь возвращаемся к старым сказкам?

Седов. Нет, Владимир Ипполитович, никогда не возвращаемся!

Крамин. Новая сказка с «если бы». *(Подходит к карте.)* Смотрите: вот здесь наша нефть, основные наши разработки нефти. Вот артерии, по которым кровь разбегается по телу: железные дороги и нефтепроводы. И вот Каспий. Срединное море. Теперь представьте себе, что некий агрессор напал на наш Советский Союз и перерезал вот эти артерии.

Седов. На этот раз, Владимир Ипполитович, как хотите, не могу себе ничего подобного представить.

Крамин. Почему?

Седов. Какой агрессор осмелится к нам полезть?

Крамин. Самый хищный из агрессоров, самый крупный и самый дерзкий.

Седов. Германия?

Крамин. Да. В компании с мелкими проходимцами.

Седов. Они не такие сумасшедшие. Они знают, чем это для них кончится.

Крамин. Нет, Иван Иваныч, они сумасшедшие. Именно сумасшедшие, а не фантасты. Фантасты — это я и вы. Я не пророк, не волхвую, я просто говорю: что было бы, если бы немцы прорвались вот сюда, заняли бы все это и перерезали бы пути нашей нефти?

Седов. Вы хотите сказать, что они займут Украину, Дон, Кавказ?.. Ну, Владимир Ипполитович!

Крамин. Я говорю: если бы. Как мы повезли бы тогда нашу нефть из Баку?

Седов. Нефтепроводы перерезаны?

Крамин. Нефтепроводы ведут в глубь территории, захваченной агрессором.

Пауза.

Седов. Если уж представлять себе такие невероятные вещи, что они у нас оттяпают вона какую территорию, так фантазируйте дальше: а что было бы, если бы они забрали и Баку?

Крамин. Можно и так. Но это тема уже для другой страшной сказки. Пока остановимся на первой: мы не подпустили немцев к нефти; Баку — наш; нам надо везти нефтепродукты — как можно быстрее и больше — на фронты и оборонные предприятия. Цистерн много, но железная дорога перерезана. Цистерн много...

Седов. Что ж мы, по воздуху, что ли, пустим цистерны?

Крамин. Это было бы замечательно, но, к сожале-

нию, в ближайшие несколько лет неосуществимо. Другого выхода не предложите?

Седов. Пока не вижу...

Крамин. Что может делать цистерна? Она может катиться по рельсам.

Седов. И больше она ничего не умеет, ей-богу.

Крамин. Она может летать, если мы дадим ей крылья; но пока у нас нет таких крыльев... А вы представляете себе: летят цистерны... Тысячи крылатых цистерн. Закрыли солнце! Небо во мраке. Бензиновый ветер. Для каждой цистерны потребуется летный экипаж, это нерационально. Затем цистерна может плавать.

Седов. Может. Тогда она называется не цистерна, а нефтеналивное судно, и построить в короткое время столько нефтеналивных судов, чтобы заменить ими железнодорожные цистерны, почти так же трудно, как заставить цистерну летать без управления.

Крамин. Нет, не нефтеналивное судно, а именно цистерна, такая, как она есть. Если вы нальете в консервную банку керосина и запаяете банку и спустите ее на воду — поплывет банка?

Седов *(заинтересован)*. Смотря сколько налить керосина.

Крамин. Ах, вот видите — смотря сколько керосина.

Седов. В соответствии с законом Архимеда.

Крамин. Совершенно верно. Так давайте цистерну наполним по закону Архимеда, чтобы она, черт побери, держалась на воде, и спихнем ее в Каспий с колесами и со всем, что у нее есть, чтобы долго не возиться!

Седов. Буксир?

Крамин. Любой паршивый каспийский пароходишка.

Седов *(подумав)*. Абсолютно реально.

Крамин. И проходимцы останутся на бобах! Сказочка кончена, приступим к расчетам. Вы говорили о Баку. Если допустить, что агрессор захватит Баку... Это сложнее. Останется наша уральская нефть...

Входит Заинька.

Заинька. Иван Иваныч, у вас очень длинная минутка!

Седов. Да вот, задержался по делу, уж извините...

Заинька *(Крамину)*. Мне надо поговорить с тобой.

Крамин. Я занят.

Заинька. И долго будешь занят?

Крамин. Боюсь, что долго.

Заинька. Ну, сколько?

Крамин. Пока мы с Иван Иванычем не решим, как мы с ним будем обходиться временно без бакинской нефти.

Заинька. Не верю!

Крамин. Чему не верите, Зинаида Александровна?

Заинька. Что ты занят.

Крамин. Я всегда занят, вы не заметили?

Заинька. Что тебе непременно сегодня, непременно сейчас надо решать вопрос о нефти?

Крамин. У вас, кажется, сегодня репетиция?

Заинька. Я и хотела до репетиции... поговорить.

Крамин. Разговор неизбежен? Нельзя обойтись без него?

Заинька. Ты считаешь, что можно обойтись?

Крамин. Я предпочел бы.

Заинька. А если я не могу?

Крамин. Ну, что же, придется немного подождать.

Заинька *(сдерживаясь)*. Хорошо. Еще немного я подожду. *(Уходит.)*

Седов. Владимир Ипполитович, пошел бы я, право...

Крамин. Зинаида Александровна покидает мой кров. Сегодня, до репетиции. Ей хочется попрощаться со мной. Вы не очень спешите? У вас есть какие-нибудь личные срочные дела?

Седов. Особенно такого срочного ничего...

Крамин. Тогда побудьте здесь.

Молчание.

Седов. Я правильно понял? Вы разводитесь с женой?

Крамин. Жена разводится со мной. *(Молчание.)* Скажите — я вас не очень эксплуатирую?

Седов. Как это?

Крамин. Вы перерабатываете, работая по моим заданиям.

Седов. Я всегда перерабатывал. Никогда не умел работать от гудка до гудка.

Крамин. У вас остается мало времени для личной жизни. Нормальному человеку, вероятно, требуется много времени для личной жизни?

Седов. Ничего, мне хватает. Девчонки растут...

Крамин. Я попрошу вас побыть здесь, пока Зинаида Александровна дома.

Седов. Хорошо.

Молчание.

Крамин. Ваша жена ведь давно умерла?

Седов. Давно, одиннадцатый год. Зинка, меньшая, ее и не помнит.

Крамин. И вы больше не женились?

Седов. Нет, как-то не собрался.

Крамин. А если я как-нибудь приглашу вас съездить со мной на Луну — в ракете — поедете?

Седов. С вами хоть на полюс.

Крамин. Полюс — это домашнее дело, соседняя комната, только хуже отопленная... Нет, на Луну.

Седов. С удовольствием, как только девчонки станут самостоятельные.

Крамин. Они успеют стать самостоятельными, пока мы с вами закончим сборы. *(Помолчав.)* Все делается очень медленно. Удручающе медленно.

Седов. Действительно, возьмите хоть наше чертежное бюро, сколько приходится напоминать, звонить...

Крамин. Я не о том. Первоклассные вещи лежат недоделанными, только потому, что нам некогда. Возьмите хотя бы ракету Циолковского. Мы принуждены заниматься станками, пушками, цистернами, а ракета стоит в хвосте очереди. Но мы все-таки смотаемся на Луну, как говорят школьники.

Седов. Я думал насчет Луны. Страшновато, Владимир Ипполитович!

Крамин. Не рискнете?

Седов. Рискнуть-то я рискну, если с вами...

Крамин. Пугает полет?

Седов. Меня то пугает — вдруг мы обратно не улетим? Ну — машина испортилась, или тамошние условия не позволяют... тогда что?

Крамин. Тогда — смерть. Не все ли равно здесь или там?

Седов. Это вы сегодня говорите, что все равно, а в другой день ни за что не скажете, нет, нет, Владимир Ипполитович, не скажете!

Крамин. Вы уверены, что не скажу?

Седов. Совершенно уверен, Владимир Ипполитович. Какая к черту Луна! Вы, дорогой человек, с нами, людьми; вас интересует заставить цистерну плавать, вас интересует выдумывать, приказывать, писать — жить, одним словом... И вам надо, извините, чтобы от вас приходили в восторг.

Входит Заинька.

Заинька. Покончено с нефтью?

Крамин. С нефтью — да. Но у нас еще другие дела.

Заинька. Ты хочешь, чтобы я закрыла за собой эту дверь, не сказав ни слова...

Крамин. Разве не все слова сказаны? Что вы можете добавить?

Заинька. Я хотела бы, по крайней мере... Если ты ни за что не хочешь отпустить Ивана Иваныча...

Крамин. Иван Иваныч будет здесь. Он мне нужен.

Заинька. Хорошо; я буду говорить при нем.

Крамин. Пожалуйста.

Заинька. Ты смотришь на меня, как судья. Со своей высоты ты презираешь мою слабость. Ты должен понять: если мое сердце не живет во всю свою силу — я не могу петь! Пойми это и прости меня.

Молчание.

Крамин *(с одобрением)*. Вполне литературно и сказано весьма мелодичным голосом.

Заинька. Как ты смеешь так разговаривать со мной!..

Седов *(встает)*. Воля ваша, Владимир Ипполитович...

Заинька. Я любила тебя... Я — любила — тебя! Ты должен благословлять меня...

Крамин. Минуточку... *(Седову.)* Иван Иваныч, побудьте пока в соседней комнате. Я вас позову. *(Седов уходит.)* Ну-с? Продолжайте.

Заинька. Столько злобы! Столько злобы — против меня...

Крамин. Вам мало того, что вы сделали. Вы не хотите даже уйти без шума. Вам нужно наговорить на прощание кучу слов, принять трогательную позу, чтобы запечатлеть навеки свой образ в моей душе, выражаясь вашим лексиконом... Чтобы я, как ваш Родион, ваш первый муж, тащился мысленно за вами, куда бы вы ни отправились... Чтобы я тащился за вами всю жизнь, не нужный вам больше... чтобы я терзался, когда вы будете счастливы! Вот что вам нужно, Зинаида Александровна, вот весь смысл того, что вы делаете, вот для чего

вы дышите, краситесь и поете. Без этого вам хоть повеситься. Вы ничего не знаете, ничего не любите, ничем не заинтересованы, кроме самой себя... Как можно уйти, не привесив к поясу мой скальп?.. А я не хочу быть скальпированным. Я не Родион. Вы находите, что это доказательство моей злобы. Мы не поймем друг друга.

Заинька. Раньше понимали...

Крамин. Когда человека, особенно такого непривычного, как я, гладит женская рука, человек невольно развешивает уши и слушает. И многое принимает на веру. А потом стукнут болвана палкой, и он начинает понемножку приходить в себя. Я пришел в себя. Продолжайте, если хотите. Но предупреждаю, что уши у меня заложены ватой, и ваш яд в них не просочится... Вы, кажется, хотите стать на колени? Подождите, я подложу подушку...

Заинька. Прощайте, Владимир Ипполитович.

Крамин. Прощайте, дорогая. Вот, давно бы так. Наилучшие пожелания. *(Целует руку.)*

Заинька. Скажите мне на прощание одну вещь.

Крамин. Все, что вам угодно.

Заинька. Зачем вы позвали Ельникова?

Крамин. Ах, вам все-таки стало известно, что я его позвал!

Заинька. Он сейчас у меня. Он пришел и сказал, что вы хотите видеть его. Он сказал, что если я не хочу, то он не пойдет к вам.

Крамин. Степень подчинения этого человека довольно велика. Поздравляю вас. Говорят, на него охотились многие женщины, но безуспешно.

Заинька. Вы не хотите, чтобы я была при вашем разговоре?

Крамин. Нет, дорогая, это не совпадает с моими планами.

Заинька. Хорошо. Все равно, что бы вы ему ни сказали, он не откажется от меня.

Крамин. Я в этом совершенно убежден.

Заинька. Я ухожу. Прощайте. *(Уходит.)*

Седов *(в дверях)*. Теперь мне можно идти?

Крамин. Да. Благодарю вас.

Седов. За что, Владимир Ипполитович!

Крамин. Не понимаете?

Седов. Нет.

Крамин. Я цеплялся за вашу руку изо всей силы. До свиданья. Завтра вам протелефонируют точный диаметр плашки.

Седов. До свиданья. *(Уходит, столкнувшись с Ельниковым. Пауза.)*

Крамин. Прошу садиться. *(Ельников садится. Молчание.)* Курите?

Ельников. Благодарю, нет. Вы пожелали говорить со мной?

Крамин. Странно: скромный изобретатель, отшельник, совершенно неимпозантная фигура, приглашает к себе знаменитого музыканта, удачника, баловня счастья — сказочного принца. И принц спешит на зов и спрашивает смиренно: вы пожелали говорить со мной?.. Потому что у принца нечистая совесть... Да, я пожелал говорить с вами. У вас прекрасные глаза, Зинаида Александровна права. У вас очень человеческие глаза. Рассказать вам, что вы думаете? Вы думаете: вот сидит бедняк, у которого я, богатый человек, отнял последнее достояние... Нет, не возражайте!

Ельников. Я возражаю только против излишней чувствительности в нашем объяснении.

Крамин. Не бойтесь: чувствительности не будет. Но ведь вы действительно смотрите на меня как на нищего, у которого вы отняли последнюю копейку.

Ельников. Отказываюсь продолжать разговор в таком стиле.

Крамин. Как на нищего. И думаете, что вы богаты. Это заблуждение. Богат — я. А вы бедны, как принц, лишенный престола. Мне не хочется, чтобы вы чувствовали себя мелким грабителем.

Ельников. Я не чувствую себя мелким грабителем.

Крамин. Нет, чувствуете. *(Молчание.)* Вы разрушили свой очаг. Оставили женщину у погасшего огня. А другого очага вы не создадите.

Ельников. Создам...

Крамин. Ничего не создадите, кроме кучи хлопот и неприятностей. Заниматься делом придется урывками: она возьмет все ваше время; потребует напряжения всех душевных сил. Вы будете бессмысленно утомляться и дисквалифицироваться. Отныне вы будете обслуживать бесконечно чуждый вам интеллект, мелкий, хищный и самодовольный.

Ельников. Вы не дисквалифицировались.

Крамин. Я — другое дело. У меня есть панцирь,

которого нет у вас. Но и у меня был период рассеянья и утомления, пока я не понял, в чем дело. Сегодня с вами играют в девичью чистоту, завтра в развращенность. Что преподнесут послезавтра, гадаете вы,— и ни за что не угадаете. Я — и то не угадывал... Думаете, что игра красок от широты страстей? Ничего нет — ни красок, ни страстей. Череп, костяк, дряблые мускулы, расстроенные нервы и кожа, надушенная духами.

Ельников. Человек мелкий и самодовольный не может так петь.

Крамин. Может. Не знаю, как это получается, но может. Не судите по себе... И через два года вас бросят, как изношенную сорочку. Может быть, раньше. Родиона Петровича — это, кажется, родственник ваш?— бросили через две недели. Вот какое достояние вы получили.

Ельников. Для чего вы мне это говорите?

Крамин. Мне нравятся ваши человеческие глаза. Вам мало жизни, окружающей вас? Вам мало жизни внутри вас? Прекрасна живая жизнь! Для чего вы возитесь с мертвецом? Для чего сделали несчастной живую женщину у очага?

Ельников. Я люблю...

Крамин. Человек — Прометей, а не Дафнис.

Ельников *(усмехнулся)*. Видимо, я Дафнис.

Крамин. А я — Прометей. Согласитесь, я богаче вас. *(Ельников встает.)* Гоните прочь мертвеца. Идите своей прекрасной дорогой. Я знаю, что вы сейчас от меня пойдете к ней и будете проделывать все, что полагается Дафнису. Но я предупредил вас по-братски.

Ельников. Вы очень откровенны. Позвольте и мне быть откровенным. Я ничего не понял из вашего разговора. И особенно мне непонятно — по-прежнему — для чего вы пригласили меня на разговор.

Крамин. Для того, чтобы вы не жалели меня, нищий принц.

Ельников кланяется, уходит. Крамин один. Звонит телефон на столе, звонит долго и настойчиво. Крамин неподвижен.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Год 1944-й

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Огромное окно на площадке лестницы, в четвертом этаже. Слева и справа — лестничные марши. Весенний день. Зина с книгой на подоконнике.

Зина. Ток, сила которого не зависит от разности потенциалов, называется током насыщения... Насыщения? Ток, сила которого... *(Вскочив, кричит в разбитую форточку.)* Валька!

Голос Вальки. Я иду в магазин!

Зина. Иди сюда!

Голос Вальки. Я иду в магазин!!

Зина. Я ничего не слышу!

Голос Вальки. Я иду в магазин!!!

Зина. Дурак. *(Садится.)*

Манечка поднимается по лестнице.

Манечка. Кто дурак?

Зина. Валька.

Манечка. Почему дурак? Поцелуй меня.

Зина *(целует)*. Поцеловала.

Манечка. Еще раз.

Зина. Еще письмо от Николая?

Манечка. Еще. Зинка, еду к нему, еду, еду...

Зина. Как едешь?

Манечка. Еду к Николаю.

Зина. Он не на фронте?

Манечка. Переведен в тыл.

Зина. Почему?

Манечка. Не пишет. Только пишет, что там можно жить и чтобы я ехала.

Зина. Инвалид?

Манечка. Ничего не знаю. Еду.

Зина. Если служит, хотя бы в тылу, значит, ничего страшного...

Манечка. Конечно. Зинка, а если бы даже без рук, без ног?..

Зина. Ну, ясно. *(Молчит.)* Когда едешь?

Манечка. Вот, постираю все, возьму расчет и двинусь...

Зина. С Колькой?

Манечка. С Колькой.

З и н а. Ольге Ивановне не оставишь? Эх, Манечка, совсем недавно была девчонка, а сейчас — большая, семейная... Куда-то такое едет от нас... И останемся мы с папой вдвоем...

М а н е ч к а. Зина. Ты не рассердишься?

З и н а. Нет...

М а н е ч к а. Не обидишься?

З и н а. Ну?

М а н е ч к а. Врешь, обидишься.

З и н а. Ладно, говори...

М а н е ч к а. Честное слово, Зинуша, он старый. Не годами, а какой-то он потрепанный... Неврастеник.

З и н а. Ты бы тоже стала неврастеником, если бы тебе такое.

М а н е ч к а. Может быть. Я ничего не говорю. Он, конечно, несчастный...

З и н а. Нет, он не несчастный!

М а н е ч к а. Как же не несчастный? Все его жалеют.

З и н а. Пускай не жалеют. Не их дело.

М а н е ч к а. Так ведь и ты жалеешь.

З и н а. Пускай [redacted] одна жалею. Я знаю, как надо жалеть.

М а н е ч к а. Зинка, Зинка... *(Молчат.)* Две жены у него было.

З и н а. Хоть двадцать.

М а н е ч к а. И обе его бросили.

З и н а. Обе. Какой ужас — обе бросили! Ни одна, ни одна не приняла... Ты подумай: [redacted] славе, в счастье — любили... А сейчас...

М а н е ч к а. Это он тебе рассказывал?

З и н а. Нет, Ольга Ивановна папе рассказывала.

М а н е ч к а. Тебе молоденького надо, ясного, веселого...

З и н а. Никого мне не надо. И хватит, вообще...

М а н е ч к а. Ты похудела. Он с тобой обращается, как со своей ученицей. Поедем со мной!

З и н а. Манечка... Разве это может быть, чтобы он мимо прошел и не оглянулся? Когда каждая моя жилочка ему кричит: остановись!..

М а н е ч к а. Бывает, что проходят. Ты возьми романы...

З и н а. Иди ты с романами!

М а н е ч к а. Вот [redacted] рассердилась.

З и н а. Я с тобой говорю серьезно, а ты про романы. Ты вон Васе голову крутишь — для чего это?

М а н е ч к а. Ничего [redacted] не кручу.

З и н а. Нет, крутишь. Цветы берешь от него. Это нечестно. Раз едешь [redacted] Николаю, зачем брать цветы?

М а н е ч к а. Я не прошу, он сам носит. И цветы там, подумаешь! Один раз принес подснежники...

З и н а. Хоть полраза.

М а н е ч к а. Тише. Идет. *(По лестнице поднимается Вася.)* Уже пообедали, Вася?

В а с я. Я не обедал. Я вас поискал, думаю, где вы? И решил тоже пообедать дома.

М а н е ч к а. Да дома-то у вас, небось, одна морковка?

В а с я. Нет, еще что-то есть. Селедка должна быть, кажется.

М а н е ч к а. Ну пойдемте, я вас покормлю...

В а с я *(подает пучок фиалок)*. Поставьте в воду. Иду, вижу — продают; я и купил, просто так.

М а н е ч к а. Спасибо... Вася, [redacted] почему они такие мятые? Вы их, должно быть, несли в кармане?

В а с я. Ну, в кармане. Не на виду же нести.

З и н а. Вася! Манечка уезжает к мужу.

В а с я. Как — к мужу? На фронт?

З и н а. Он [redacted] тылу уже.

В а с я. Как, совсем уезжаете?

З и н а. Да. С Колькой, совсем. На днях, скоро. Постирает белье и поедет. И вообще, вы цветов не носите. Что она наряжаться стала и губы красить, это просто для своего хорошего настроения, потому что Николай нашелся. И все. *(Углубляется в учебник.)*

В а с я. Марья Ивановна. Нет, вы, правда, уезжаете?

М а н е ч к а. Да, Вася, милый. Нужно ехать.

В а с я. Да, конечно, нужно...

М а н е ч к а. Он там один...

В а с я. Один, да... Я тоже один.

М а н е ч к а. Это нельзя равнять. Вы человек холостой, найдете хорошую девушку, женитесь...

В а с я. Найду, конечно. И женюсь, безусловно... Но это будет не то.

М а н е ч к а. То, Вася, то самое!

В а с я. Нет. Не то самое. Конец, значит...

М а н е ч к а. Какой же конец, когда и начала не было...

В а с я. Конец дурацким фантазиям... Марья Ивановна! Вы мне поверите, если я что-то скажу? Марья Ивановна! Я все-таки очень, очень рад, что ваш муж нашелся, и что вы рады, и что вы будете вместе. Верите мне?

М а н е ч к а. Верю, Вася.

Вася. И если бы между нами получилось что-нибудь такое... я бы вас тогда меньше уважал. Верите мне?

Манечка. Верю. *(Молчат.)* Пойдемте обедать, а то не успеем.

Зина. Вася! Вы, Вася, по-моему, хороший человек. Извините, что я с вами грубо говорила.

Вася. Ничего... *(Уходит с Манечкой вверх по лестнице.)*

Зина. И здесь не дают заниматься. Ток, сила которого не зависит от разности потенциалов... *(Вскакивает.)* Валька!

Голос Вальки. Я уже иду!

Зина. Я не слышу!

Голос Вальки. Я идууу!

Зина. Орет, как сумасшедший. *(Садится. Входит Валька с плетеной сумкой.)* Почему ты сразу не явился, когда я тебя звала?

Валька. Я шел в магазин.

Зина. Ты, кажется, помешался на магазине.

Валька. А я хотел взять печенки, себе и вам. А ее уже нет. *(Опрокидывает сумку.)* Пусто!

Зина. Была печенка?

Валька. Была с утра.

Зина. Я не знала... Почему ты всегда возишься то с мозгами, то с печенкой? Ты, наверно, плохо учишься.

Валька. Нет, ничего. Меня хотят послать в консерваторию.

Зина. Так ты хорошо играешь?

Валька. Говорят...

Зина. И можешь сыграть какие угодно ноты?

Валька. Какие угодно.

Зина. Вот так, положить их перед тобой — и сыграешь?

Валька. Сыграю.

Зина. А ты не врешь? Ну, хорошо. А нотную бумагу ты мне достал?

Валька. Опять нотную бумагу?

Зина. Мне нужно.

Валька. Что вы с ней делаете, мне интересно.

Зина. Тебе что — трудно сбегать на толкучку?

Валька. Сбегать! За шесть километров... Достаю, достаю...

Зина. И еще надо достать. Обязательно, Валечка, надо.

Валька. А если опять не будет на толкучке?

Зина. Другой раз сбегаешь.

Валька. Ладно. *(Смотрит в окно.)* У вас тут хороший вид. Знаете, сколько на солнце? Двадцать градусов.

Зина. В Москве больше. В Москве уже трава зеленая. Мы, наверно, не будем жить в Москве.

Валька. Вам жалко?

Зина. Не очень. Здесь тоже хорошо.

Валька. А я поеду учиться в Москву. В московскую консерваторию. А вы куда пойдете учиться?

Зина. А я пойду... Вон по той дороге я пойду. Туда за Волгу, в лес. Ах, солнце разморило, до чего заниматься не хочется!

На площадку поднимается Ельников.

Валька. Здравствуйте...

Ельников. Что это вы здесь?..

Зина. Я тут готовлюсь к экзаменам.

Ельников. Здесь сыро. Простудитесь.

Зина. Ничего не сыро, вон как солнце нагрело...

Ельников. И грязно.

Зина. Это просто паутина. В комнатах хуже: пеленки, примус.

Ельников. Это что — физика?.. А вы, Валя, почему не были сегодня в школе? Я думал, вы больны.

Валька. Александр Андреич, скажу по совести, не интересует меня ваш предмет. Я хочу играть, а теории эти разные...

Зина. А посмотрите, Александр Андреич, как хорошо из окна. Какая земля большая, сколько дорог — и туда, и туда... А Волга!.. Можно по дорогам пойти, можно по Волге поплыть, далеко далеко... *(Молчат.)* Манечка уезжает к мужу. *(Молчат.)* Война кончится, попрошу папу, чтобы поехать на пароходе по Волге, так хочется...

Валька. Я ездил, когда был маленький.

Зина. Маленькому не так интересно... Валька, вон твоя мама. Она тебя ищет. Определенно. Она тебе машет.

Валька. Ничего подобного, это не она.

Зина. Определенно она! Иди! *(Кричит вслед.)* Не забудь про бумагу! *(Валя уезжает вниз по перилам.)* Вы не спали опять. У вас больное лицо.

Ельников. Заинька, раз и навсегда прошу не говорить об этом, надоело, наконец... *(Уходит вверх по лестнице.)*

З и н а *(одна, тихо)*. Сердитесь. Вам нужно на кого-нибудь сердиться. Сердитесь на меня. *(Целует свою руку.)* Я вас люблю.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

До поднятия занавеса слышится Третья баллада Шопена в исполнении фортепьяно. Занавес поднимается над уголком парка на берегу реки. Весна. Сумерки. Радиорепродуктор укреплен на дереве; передача Шопеновой баллады заканчивается. Е л ь н и к о в и З и н а.

Е л ь н и к о в. Нравится?
З и н а. Не особенно.
Е л ь н и к о в. Почему не особенно?
З и н а. По-моему, как-то слащаво.
Е л ь н и к о в. Слащаво?
З и н а. По-моему, да.
Е л ь н и к о в. Ни черта вы, девочка, не понимаете.
З и н а. Честное слово, по-моему, после Прокофьева и Шостаковича...
Е л ь н и к о в. Ах, после Прокофьева и Шостаковича! А что именно вам нравится у Прокофьева и Шостаковича? Ну? Назовите. Ну, что вы слышали Прокофьева?
З и н а. Вы, Александр Андреич, обращаетесь со мной, как будто я какая-то маленькая.
Е л ь н и к о в. Я спрашиваю: что вам нравится у Прокофьева и Шостаковича?
З и н а. Все нравится.
Е л ь н и к о в. Краем уха вы их слышали. И слышали, что их нужно уважать, потому что это передовая музыка.
З и н а. А вы их разве не уважаете?
Е л ь н и к о в. Та музыка, которую уважают,— плохая музыка. Хорошая — та, которую любят. Я многое у них люблю. Но Шопена, представьте себе, люблю больше. А вы о Шопене знаете только то, что он любил Жорж Санд.
З и н а. Ничего подобного!
Е л ь н и к о в. И так как вам еще не успели сказать, что Шопена тоже нужно уважать, то эта баллада кажется вам подозрительной. Еще бы! *(Насвистывает тему баллады.)* Слышите, сколько нежности — милая, я люблю тебя, слышишь, как я тебя люблю, горячей волной я залью твое сердце... Мда, для вас слащаво.

З и н а. Почему для меня? Вы меня какой-то такой себе представляете... *(Молчат.)* Александр Андреич, посидим тут немножко на лавочке, хорошо? *(Садятся.)* Чувствуете, какой воздух весенний? Я эти дни все хожу и слушаю; по-моему, если прислушаться хорошенько-хорошенько, то услышишь, как почки раскрываются... О чем вы думаете?
Е л ь н и к о в. Я тоже слушаю.
З и н а. Все о чем-то думаете...
Е л ь н и к о в. Свойство человека. Пока живет — дышит и думает, даже во сне.
З и н а. Я во сне ничего не думаю.
Е л ь н и к о в. Ну! Может быть, вам это только кажется?
З и н а. Нет, честное слово. Вам не холодно, Александр Андреич?
Е л ь н и к о в. Нет, а вам?
З и н а. Ну, мне!.. Вы потуже кашне накрутите. Красивое кашне у вас какое...
Е л ь н и к о в. Вам нравится?
З и н а. Ужасно!
Е л ь н и к о в. Кашне нравится, а Шопен не нравится. Ну, не обижайтесь, Заинька. Мне скучно, когда вы обижаетесь.
З и н а. Я вовсе не обижаюсь. И никакая я не Заинька, а Зина.
Е л ь н и к о в. Заинька — лучше.
З и н а. Вы считаете, что мне идет?
Е л ь н и к о в. Вам — больше, чем кому бы то ни было.
З и н а. Заинька... Представляется что-то такое мягкое, теплое... *(Молчат.)* Александр Андреич...
Е л ь н и к о в. Что?
З и н а. Вы по-прежнему слышите музыку, когда не спите? Скажите мне.
Е л ь н и к о в. Слышу.
З и н а. Вы ее записываете на этой нотной бумаге. Я знаю. Музыку записывают, как слова. Как это странно, что музыку записывают, как слова... Как ужасно, что вы не можете сами сыграть свою музыку. Не можете сказать вслух слова, которые написали... Какие это должны быть слова!
Е л ь н и к о в. А может быть, это лучше, Заинька?
З и н а. Вот! Вот! Это меня и вас больше всего пугает... Больше всего не нравится. Вы как будто решили, что вы

уже только учитель, и больше ничего, на вечные веки... Какие-то рояли настраиваете... И шутите, а сами все думаете и не спите... Ведь другие могут сыграть вашу музыку, и вы услышите, и все услышат...

Ельников. А вдруг слова, которые я записал, косноязычны? И не потрясут никого, даже меня самого? Я вам уже говорил, что это, может быть, просто галлюцинации.

Зина. Это не может быть!

Ельников. Ну, а вдруг?

Зина. Тогда останетесь на вечные веки учителем.

Ельников. Только и всего?

Зина. Подумаешь, какое несчастье! Тысячи учителей живут, и ничего... Даже были бы очень довольны, если бы ребята не так их мучили.

Ельников. Маленькая моя девочка, я боюсь... мне страшно... Лучше я буду немым.

Зина. Лучше знать правду. И тогда выбирать что-нибудь. По-моему, какая бы это ни была правда, вы первым долгом положите голову на подушку и заснете спокойно суток на трое.

Ельников. Какая бы это ни была правда, я буду не спать и слышать музыку. *(Насвистывает.)*

Зина. Посвистите еще. Вы очень хорошо свистите. *(Ельников хохочет.)* Почему вы смеетесь? Что с вами? Зачем вы смеетесь?

Ельников *(со смехом)*. Заинька, я не над вами! Честное слово, не над вами! Просто, забавно вышло. Раньше мне говорили: вы хорошо играете... А теперь говорят: вы хорошо свистите... *(Хохочет.)*

Зина. Александр Андреич, не надо так смеяться, я вас люблю!

Молчание.

Ельников. Вы уходите?

Зина. Да...

Ельников. Не уходите. Сядьте.

Зина. Зачем?

Ельников. Вы пришли сюда веселая, а уходите грустная,— я не хочу.

Зина. По-моему, это вам безразлично.

Ельников. Сядьте! *(Зина садится.)* Знаете что?

Зина. Что?

Ельников. Давайте немного помолчим.

Зина. Хорошо. *(Молчание.)*

Ельников. Полагается говорить всякие вещи... Например, что вы наверное ошибаетесь... что вы это просто придумали, чтобы еще интереснее было жить... Ведь вам интересно жить?

Зина. Да!

Ельников. Ну, а так еще интереснее, правда?

Зина. Да...

Ельников. Вот... И еще многое можно сказать... Что я вдвое старше вас... Что я — вы знаете... Не хочу говорить. Пройдет некоторое время, вы сами все это скажете себе. А я только скажу, что благодарен вам от всего сердца. *(Зина встает.)* Уходите?

Зина. Да.

Ельников. Но я же не хочу, чтобы вы ушли грустная и оскорбленная!

Зина. Я не оскорбленная. Вы ничего не понимаете, Александр Андреич. Вы ничего не понимаете! Я думала, вы понимаете все на свете... Ну, да о чем мы говорим, просто смешно... Нет и нет. Ведь нет?

Ельников. Нет.

Зина. Ну вот. По-честному. Я ужасная дура. *(С новым выраженьем.)* Александр Андреич! Когда вы будете понимать разные вещи, кроме музыки, вы меня как-нибудь известите; я за вас порадуюсь. *(Идет и возвращается.)* И если вам когда-нибудь захочется сказать «да» — вы скажите; я никогда не отвечу «нет»!

Уходит. Ельников один. Почти совсем стемнело. Входят Седов и Крамин.

Ельников. Владимир Ипполитович!?

Крамин *(останавливается)*. А!..

Ельников. Вот встреча...

Крамин. Мир очень тесен.

Ельников. Я не знал, что вы здесь.

Крамин. А я знал, что вы здесь.

Молчание.

Ельников. Жизнь так же хороша, как была?

Крамин. Лучше.

Ельников. Лучше?

Крамин. Послушайте... *(Садится на скамью.)* Вы сказочник?

Ельников. В каком смысле?

Крамин. В самом обычном смысле. Конечно, вы сказочник, потому что вы музыкант. Нет ничего более

волнующего, чем столкновение злой силы с доброй; все сказки на свете сложены об этом. В детстве я волновался: кто победит? Потом принял мудрость, что побеждает обязательно Добро. Нам с вами повезло фантастически: как раз в тот отрезок вечности, когда мы с вами имеем честь осмысленно существовать, Добро и Зло схлестнулись в битве, выходящей за пределы человеческого опыта; и сейчас мы участники в торжественнейшем апофеозе Добра, какой когда-либо видела история. Мы с вами помогли очистить мир от мракобесия и крови, чтобы живым людям легче было дышать и работать. Согласитесь, что такая удача выпадает на долю не каждого существования.

Молчание.

Ельников. Итак, мы удачники?
Крамин. Несомненно.

Молчание.

Ельников. Вы надолго?
Крамин. Нет, в командировку.
Ельников. Мы встретимся?
Крамин. Завтра я уезжаю.
Ельников. Жаль, что мы встретились только сегодня. Почему Иван Иваныч не сказал мне?
Крамин. Он не был уверен, что встреча со мной доставит вам удовольствие.
Ельников. Жаль...

Молчание.

Крамин. Потеря аппетита, бессонница,— или все уже в порядке?
Ельников. Бессонница.
Крамин. А больше всего удручает милосердие окружающих, не правда ли? Девушки предлагают любовь.
Ельников *(усмехнувшись)*. Девушки предлагают любовь.
Крамин. Вы счастливее меня: вас не переводят через улицу. Когда переводят через улицу — это ужасно. Что вы делаете?
Ельников. Учу детей теории музыки.
Крамин. И успешно?
Ельников. Представьте — да.
Крамин. Хорошо; у нас маловато теории при обширной практике всякого рода... И все?

Ельников. Настройщик фортепьяно.
Крамин. Хорошо. *(Встает.)* Мне пора. Вам не интересно узнать, где сейчас Зинаида Александровна?
Ельников. В Москве, надо полагать.
Крамин. Нет, в пути — едет сюда. Я видел свежую афишу. Даст здесь два концерта. В гостинице сбились с ног — готовят номер для знаменитости. Пойдете к ней?
Ельников. Вряд ли.
Крамин. Непременно пойдите.
Ельников. Зачем?
Крамин. Из милосердия. Неужели вы лишите ее эффектного положения? Послушайте, это же для нее клад, она развернулась бы во всем блеске... Не будьте эгоистом, пойдите. Впрочем, она сама к вам придет.
Ельников. Она не знает, что я тут.
Крамин. Знает. О вас писали в печати. До свиданья. *(Ельников подает ему руку. Левую. Прощаются.)* Послушайте, ведь я был прав тогда? Она прошла, как скарлатина? Или еще шелушится?
Ельников. Затрудняюсь ответить...
Крамин. Просто по привычке кажется. Шелуха облетела, кожа чистая, а все представляется, что зудит... За эти годы вся шелуха с нас облетела... Желаю вам счастья! *(Уходит с Седовым.)*
Ельников *(один, после молчания)*. Счастья?..

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Декорация первого действия. Весенний день. Ольга Ивановна хозяйничает в кухне. Входит Вася.

Ольга Ивановна. А кто там?
Вася. Я. *(Заглядывает в кухню.)* Телеграммы нет?
Ольга Ивановна. Нет. Нет еще, Вася. Рано еще быть телеграмме.
Вася. Думаете — еще не доехала?
Ольга Ивановна. Доехать-то она доехала, откровенно говоря, да знаешь, Вася, пока они в себя немножко придут, пока насмотрятся друг на дружку, то да се,— тогда она вспомнит и даст телеграмму; не раньше.
Вася *(после молчания)*. Пусто стало. Без Кольки.
Ольга Ивановна. Вася ты, Вася... Да, пусто. Уехал мой внучонок... Я вот тоже, мечтала внуков иметь.

Надя не захотела. У нее свету в очах не было, кроме Саши,— не захотела детей, и все... Я считаю, что это ошибка с ее стороны. *(Длинный капризный звонок.)* Это Зина. *(Отворяет, впускает Зину.)* Ну что?

Зина. Ну ничего.

Ольга Ивановна. Сдала?

Зина. Ну конечно, сдала. Ко мне никто не приходил?

Ольга Ивановна. Нет. Ты что такая?..

Зина. Есть хочу.

Ольга Ивановна. Иди, ешь.

Зина. Не хочу. *(Уходит в свою комнату.)*

Ольга Ивановна *(Васе)*. Видел?

Вася. Куксится девчонка.

Ольга Ивановна. Да... Хорошее дело — детишки в доме. Будь у меня внуки, я бы не тучнела. И поясницу бы так не чувствовала... Самые счастливые мои годы, Вася, откровенно говоря, это когда Саша был маленький. *(Помолчав.)* Его и тогда все любили. *(Входит Зина, ищет что-то.)* Занятный был такой...

Зина. Это же ужас, что такое... Ну скажите, люди добрые, куда я ее положила?.. Александр Андреич еще не приходил?

Ольга Ивановна. Нет. А тебе он зачем, Зинуша?

Зина. Я хочу, чтобы он пришел в половине второго.

Ольга Ивановна. Он и придет в половине второго. Он всегда приходит в половине второго... *(Васе.)* Помню, как научился букву «ры» выговаривать, так везде ее на место «лы» совал: не скажет лапа, а рапа; не лошадь, а рошадь...

Зина. Рошадь... Рошадь, а у рошади четыре рапы... Вот как сейчас помню — держала в руках, а куда положила?.. Вот тут я стояла и держала в руках...

Ольга Ивановна. Ты что потеряла?

Зина. Заколку для волос. Ну, как я буду — так?.. *(Встряхивает головой так, что прядь волос падает на лицо.)* Ольга Ивановна! Ну, как я буду?.. *(Обнимает Ольгу Ивановну, горько плачет.)*

Ольга Ивановна. Зина ты, Зина...

Зина *(громко сморкается)*. Это я просто так... Не обращайте внимания... Просто зашла в комнату, Колькина кроватка стоит пустая, Манечкина пудреница, мне стало грустно... *(Вася уходит в свою комнату.)* Папа едет в Москву, и я должна ехать...

Ольга Ивановна. Вот твоя заколка, Зинуша Под полотенцем.

Зина. Спасибо... Который час?

Ольга Ивановна. Да уж второй, должно быть... Зинуша, милая ты моя...

Зина. Я не хочу уезжать. Папа не понимает, говорит — в Москве жить — счастье... Почем он знает, где мое счастье? Кроме меня, ни один человек не может это знать, правда?

Ольга Ивановна. Правда, Зинуша, правда... Ты же есть хотела, садись тут со мной, я тебе налью горяченького... *(Звонок.)* Я отворю.

Зина. Нет, я. Это ко мне. *(Открывает дверь и впускает Вальку. Валька приодет, в руке у него футляр со скрипкой.)*

Валька. Здравствуйте.

Зина. Ты пришел. Клади фуражку вот сюда и иди сюда. *(Вводит Вальку в комнату Ельниковых.)* Садись. Я ужасно боялась, что тебе не передадут записку, или что ты забудешь скрипку, или что-нибудь помешает...

Валька. Да, у нас экзамены, но в общем я пришел.

Зина. У меня дело к тебе. *(Из папки на столе достает рукопись Ельникова.)* Ты можешь сыграть вот это?

Валька. Сейчас?

Зина. Да, сейчас!

Валька. Сразу видно, что это написано не специалистом.

Зина. Что ты этим хочешь сказать?

Валька. Неразборчиво. Это что, триоли?

Зина. А я почем знаю?

Валька. Это фа или соль?

Зина. Ты уж прямо скажи, что не можешь сыграть!

Валька. Я могу сыграть. Но я не буду играть, если вы будете так разговаривать со мной!

Зина. Подумаешь!.. Миленький, ну сыграй, я тебя прошу!

Валька. Вот. Так со мной надо разговаривать. Так и быть, я сыграю.

Зина. Постой! Который час?

Валька. Половина второго.

Зина. Играй!

Валька играет. Ольга Ивановна выходит в переднюю, слушает. Вася отворяет дверь, слушает. Ельников входит, останавлнвается у двери, слушает. К голосу скрипки, за сценой, присоединяется оркестр. Валька опускает смычок. Молчание.

Валька. Кто это написал?

Зина *(надменно)*. Это написал знаменитый скрипач Александр Ельников, герой Отечественной войны.

Она видит Ельникова и протягивает ему руку. Открывается незапертая дверь, входят Заинька и Родион. Молчание. Зина, Валька и Ольга Ивановна уходят.

Родион. Здравствуй, Александр.

Ельников. Здравствуй, Родя.

Родион. Каков, Заинька?.. Ты выглядишь, брат, отлично. Лучше, чем бывало, верно, Заинька? Во всяком случае, не желтый... Только ты как будто немножко того... Как я, бывало, в холостяцкие годы, когда закачусь, бывало, в Москву, как после Хасана... Он как встрепанный, Заинька. Выпил немножко или только что проснулся?

Ельников. Только что проснулся. *(Неловкое молчание.)* Сядем.

Родион *(садится)*. Мы ненадолго. Я — вообще на пять минут. Я проездом, только чтоб подцепить ее, ну и тебя повидать, конечно. Я сам давно наметил такой план — непременно как-нибудь повидать тебя, пожать руку... Ты знаешь за что. Я тебя раньше считал не очень мужчиной, ну, а ты... Можно мне пожать твою руку? *(Не отпуская руки Ельникова.)* Слушай, Саша. Я не красноречив, конечно, но я ей-богу порядочный человек, что б ты там не думал... Видишь, мы опять с нею. Я по-честному. Не думай, что я скотина, отнимаю и так далее. Я скажу то, что в думаю. При ней. По сути дела, я один ее люблю, по-настоящему, по-хорошему, ты понимаешь. Я ее полюбил еще в те времена, когда у нее за душой ничего не было, ни славы, ни настоящего уменья, ни проклятой этой повадки, которой она вам, дошлым мужикам, головы крутит... Была себе студенточка со способностями, и больше ничего. Вполне подходящая пара для такого простака армейского, каким я был... Не было у меня силы направить, удержать... А баба — у-у!.. Так ведь я из нее человека сделаю. Честное слово, сделаю. Напрыгалась — хватит! Детей мне будет рожать и кашу варить. Не смейся — будешь! Я теперь знаю, как это делается. Спуску поменьше давать, да своевременно принимать меры против разных фиглей-миглей, вот и все. Вся нехитрая наука... Она ведь неплохой человек. Уж если по всей совести, так это она меня надоумила вместе к тебе прийти. Давай, говорит, зайдем вместе, поговорим по-хорошему, объяснимся, все-таки, говорит, как-то так... Даже сказала — попросим прощенья. Ну, я не считаю, что ты в этом нуждаешься, но все-таки, конечно... Саша, я ухожу. *(Встает.)* Видел в Москве Надежду, велела передать, что, одним словом,— привет, одним словом, велела передать. Ну, ладно, мне что, я передаю, что мне велено...

Ельников. Надя не простила меня.

Родион. Такие, брат, не прощают.

Ельников. Нет, иногда прощают. Я слишком обидел ее.

Родион. Может быть, тут даже не в обиде дело. Ты пойми ее все-таки: замуж она выскочила, конечно, в пику тебе, сгоряча, от обиды. Теперь ты ее зовешь... Ну а человека-то, того человека, так ей и бросить, как тряпку, за ненадобностью?.. Прикажешь бросить?

Ельников. Запутался я, Родион...

Родион. Да. И ее запутал. Не запутывай еще больше; оставь ее так, как есть... Жалко ее. Мне всех баб вообще жалко, которые мыкаются в жизни вздорно. Я и ее жалею, вот ее, ее... *(Указывает на Заиньку.)* Черт ее душу разберет, чего ей надо, чего она шатается от мужика к мужику... Я, вот, к одной прибился, к студенточке пустяковой, на медвежонка похожей,— с тех пор никого мне не надо, хочешь — верь, хочешь — нет... *(Заиньке.)* Ты что смотришь так?

Заинька. Смотрю...

Родион. Изучаешь?

Заинька. Изучаю...

Родион. Сравниваешь?

Заинька. Сравниваю...

Родион. Саша, ухожу. Будь здоров, не поминай лихом, не приходи в отчаяние. Что, брат, делать, я вот тоже, например, не тем занимаюсь... Я ведь просился в свое время в летчики — не приняли! Не с твоим, говорят, ростом и весом летать; ходи по земле. А я, понимаешь, с детства видел себя в воздухе!! Хожу, ничего. Сперва страдал, потом привык. Дай тебе бог, как говорится, Саша... *(Заиньке.)* Я тебя подожду на улице.

Заинька. Хорошо.

Родион. Не забудь, пожалуйста, мне еще на вокзал.

Заинька. Я недолго. *(Родион уходит.)* Сядь около меня. Не хочешь? Все равно... Ты веришь, что мне все равно?

Ельников. Не знаю.

Заинька. Ты похудел, постарел... Ты стал еще красивее! Он грубый и плоский, как булыжник, правда?

Ельников. Нет.

Заинька. Все-таки я, вероятно, останусь с ним.

Ельников. Это очень хорошо.

Заинька. Тебе нравится?

Ельников. Я считаю, что для тебя это самое надежное убежище.

Заинька. Все мы хлебнули славы. А его слава — самая простая и самая прочная.

Ельников. Я не о том. Сердце у него — самое простое и прочное.

Заинька. Ты уже привык ходить по земле?

Ельников. Нет. Я никогда не привыкну.

Заинька. Он говорит — можно привыкнуть.

Ельников. Можно. Можно! Но я никогда не буду ходить по земле.

Заинька. Будешь летать?

Ельников. Буду летать.

Заинька. С подбитым крылом?

Ельников. Крамин летает.

Заинька. То — Крамин!..

Ельников. А это — Ельников.

Заинька. Как же ты будешь летать, мой чудесный?

Ельников. Не все ли тебе равно.

Заинька. Не скажешь?

Ельников. Нет.

Молчание.

Заинька. А мне говорили, что ты учишь детей в школе.

Ельников. Совершенно верно, учу.

Заинька. Ты учишь детей в школе.

Ельников. Да. Это очень приятно — летать и учить детей.

Заинька. Может быть... может быть... Ты гораздо, гораздо красивее стал!

Ельников. Очень рад.

Молчание.

Заинька. Почему я так бессильна? Почему я не могу сказать: возьмите мой голос, только оставьте ему его руки... руки мастера, руки творца... Как я молилась, когда узнала... Я не могла ответить на твое письмо, я могла только молиться... Я стала молиться с тех пор, можешь себе это представить?.. Эта дверь — на балкон?

Ельников. Да, на балкон.

Заинька. Балкон — на улицу?

Ельников. Да.

Заинька. Саша, хочешь, я выйду на балкон и брошу ему записку, чтобы он уходил? Саша... *(Целует руки Ельникова.)* Боже мой, боже мой...

Ельников. Я был на войне. Она меня научила понимать простые вещи: смерть — небо — хлеб — любовь... Я вот этого всего не понимаю больше. Извини.

Заинька *(встает, тихо)*. Прости, что я цела и здорова, прости, что мой голос со мной! *(Целует Ельникова. Входит Зина.)* Прощай! *(Уходит. Молчание.)*

Ельников. Девочка моя...

Зина. Ничего не говорите. Ничего я не видела, ничего не спрашиваю, ничего знать не знаю... Сяду с вами рядышком. И положу вашу голову вот так... Усните! Вам музыка приснится, чудесная-чудесная, ни на что не похожая,— ваша. Ее будут играть, и вы будете слушать и радоваться-радоваться. Спокойно-спокойно усните. Я буду с вами. Ни к кому не отпущу, никому не отдам вечно, милый мой, богатство мое, счастье мое...

Занавес

1945

ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нинка.
Жанна.
Тамара.
Кира.
Зина.
Костя.
Виктор.
Валерик.
Герман.
Рэм.
Махровый.
Бессловесный спутник Махрового.
Мать Валерика.
Следователь.
Продавщица цветов.
Продавец шаров.
Официантка.

Молодежь в парке, прохожие на улице, люди, пришедшие с обыском, люди в поезде.

Луч прожектора бродит по залу, нащупывает, ищет... Высоко под крышей какого-то ленинградского дома он высветил простенькую комнату.

В комнате девушка Нинка. Она собирается в путь. Укладывает в рюкзак последние мелочи — мыльницу, книгу. Чемодан уже уложен и стянут ремнем.

Лампа горит неярко. Белая ночь смотрит в окно поверх крыш с антеннами и трубами. Нинка закончила сборы, прилегла на оттоманку. Усталая, потянулась, свернулась клубочком и уснула вмиг. Уснула так крепко, что ее не может разбудить телефон, заливающийся за дверью.

Кто-то стучит в дверь: «Нинка!» Спит Нинка. Стучат и зовут громче: «Нинка!» Это как зов судьбы. Но не слышит Нинка. Стучат изо всех сил: «Нинка!! К телефону!!!»

Нинка проснулась. Вскочила, выбежала за дверь, где на стене телефон.

Нинка. Я слушаю.— А кто это?— Кто?— Ой! Да не может быть! Жанночка! Здравствуй, Жанночка! Наконец-то появилась! Жива-здорова? А мы думаем, думаем — где ты есть, почему исчезла, никому даже не сказала... Ой, ну надо же, чтоб именно сегодня ты позвонила! Вот совпадение!— Потому что я уезжаю.— Утром.— Да вот ночь пройдет, и уеду.— Нет, не в дом отдыха, нет, не по туристской путевке, нет, не в отпуск...— Ой, даже не знаю, Жанночка, на сколько. Надолго! Может быть — навсегда, неизвестно. *(Напевает.)* «Прощай, дорогая, вернусь ли, не знаю...» — Никакая не шутка, правда.— Далеко, в город Рудный.— Руд-ный. Не слышала? А его еще строят, этот город. При Соколовско-Сарбайском комбинате.— Как тебе объяснить? Это почти на границе Казахской ССР и Зауралья. Тургайская степь. Да, Жанночка, такие дела. Поезд отходит *(смотрит на часы)* через десять часов. К половине восьмого собираемся на Московском вокзале. Целым эшелоном едем, всё комсомольцы. Организации будут провожать, с музыкой, торжественно... Но ты расскажи о себе.

Из будки телефона-автомата отвечает Жанна: стильно одетая девушка со слегка отвислой губой, многозначительная, без юмора. Иногда она теряет свою многозначительность и вескость и становится простушкой, сбитой с толку неудачными жизненными обстоятельствами.

Жанна. Обо мне по телефону не расскажешь.
Нинка. Где ты пропадала?
Жанна. Это целая эпопея.
Нинка. Сумасшедшая. Взяла и исчезла, надо же.
Жанна. Я хотела выиграть сто тысяч по трамвайному билету.
Нинка. Что ты говоришь, я не поняла.
Жанна. Неважно. В общем, не выиграла. А заплатила за билет дорого. Того и не стоит билет, что я за него заплатила.
Нинка. Жанка, бедная, я чувствую, с тобой нехорошее что-то случилось!
Жанна. В общем, конечно, хорошего мало.
Нинка. Приходи ко мне! Ты далеко?
Жанна. Порядочно.
Нинка. Все равно приходи. Сейчас же! Садись на что-нибудь и приезжай.
Жанна. Не могу, Ниночка.
Нинка. Я одна, Кости дома нет, славненько поговорим с тобой...

Жанна. Нинка, знаешь что? Пойдем на бал.
Нинка. Куда?
Жанна. На бал, в Це-пе-ка-о. Ты что, на афиши не смотришь? Сегодня проводы белых ночей.
Нинка. Ах, верно, проводы белых ночей.
Жанна. Пошли!
Нинка. Ну что ты, Жанночка.
Жанна. Почему?
Нинка. Я же утром уезжаю.
Жанна. До утра еще далеко.
Нинка. Платья упакованы...
Жанна. Что, трудно распаковать?
Нинка. Смялись в чемодане...
Жанна. Трудно прогладить?
Нинка. Да ну тебя, Жанна. Я эти дни замоталась.
Жанна. А если друг тебя просит?
Нинка. Ну не хочется мне.
Жанна. Нинка, в минуту жизни трудную — протяни руку. Не поленись ради человека прогладить платье.
Нинка. Как ты ставишь вопрос.
Жанна. Отнесись чутко.
Нинка. Неужели так важно, чтобы я пошла?
Жанна. Исключительно.
Нинка. Пришла бы ко мне, поговорили бы... Ты кого-то хочешь увидеть в Це-пе-ка-о?
Жанна. Всё при встрече.
Нинка. Тебе необходимо?
Жанна. Последний акт чудовищной драмы.
Нинка. Жанка, ты ужасная.
Жанна. Я буду ждать на остановке двенадцатого номера.
Нинка. Ужас, ужас. Ты пойми, я все-все в Ленинграде покончила. Целый список был разных дел — все до одного покончила. Сижу на чемоданах.
Жанна. Смешно. Как будто я тебя на какую-нибудь скуку тащу. Исключительный бал. Подумаешь, веселье — десять часов сидеть на чемоданах. В Рудном есть белые ночи?
Нинка. Я не знаю...
Жанна. Наверно, нет.
Нинка. Возможно, нет.
Жанна. Вот видишь.
Нинка. Ну, что-нибудь другое там есть, чего нет у нас.

Жанна. Но не белые ночи и не проводы белых ночей. Слушай, мне пришло в голову — если у тебя, может быть, нет подходящего платья, я с удовольствием...
Нинка. У меня есть очень даже подходящее платье, я к Первому маю сшила, ты не видела... Ладно, уговорила. Ладно, сейчас одеваюсь и еду.
Жанна. Молодчина. Ты всегда была настоящий человек. Последняя остановка двенадцатого, на кольце.

Она выходит из телефонной будки. Парами, стайками, толпами спешит молодежь к мосту, ведущему с Крестовского острова в Центральный парк культуры и отдыха.
Музыка доносится из парка. Фонари не горят, все налито прозрачным обесцвечивающим светом белой ночи.
У моста пожилой человек продает воздушные шары.

Продавец шаров. Покупайте, ребята, покупайте! Купите, девочки, по шарику, будете еще симпатичней!

У себя в комнате Нинка переоделась для бала. Стоит раскрытый чемодан. На гладильной доске утюг.

Нинка (*смотрится в зеркало, веселая, сна уже ни в одном глазу*). Ничего себе? Ничего себе!

Уже готова уйти, но входит Костя, ее брат. Он двумя годами старше Нинки. В его фигуре, в манере держаться — уверенность и основательность. Он нагружен покупками.

Костя (*ставит авоську на стул*). Разгружай! Это на дорогу.
Нинка. Косточка, да ты что?
Костя. Тут уже что-то потекло. Надо уложить получше. Дай какую-нибудь баночку. Ничего страшного, это мед.
Нинка (*помогает ему*). С ума сойти! Ты соображаешь?!
Костя. Перехватил, думаешь?
Нинка. Я за всю жизнь столько не съем.
Костя. Ребята помогут. Ехать долго. Колбасу тоже надо завернуть как следует. А это ешь сейчас. (*Достает коробочку.*)
Нинка. Эклер!.. Ой, Косточка, вспомнил, что я обожаю больше всего на свете!
Костя. Ешь.
Нинка (*ест*). Свежий какой! Я тебе сварила борщ, целую кастрюлю, у Катерины Ивановны в холодильнике. Все-таки хоть первые дни — придешь домой, поешь домашнего. Катерина Ивановна будет пускать тебя в свой холодильник, я договорилась.

Костя. Да, перед заводом выставили портреты. Тех, кто едет.

Нинка. И мой?

Костя. Твой лучше всех получился. Прямо — живая. А ты чего нарядилась, идешь куда?

Нинка. На бал. Проводы белых ночей.

Костя. А сто́ит на ночь глядя, перед самым отъездом — на бал?

Нинка. Балы, Косточка, всегда бывают на ночь глядя, днем не бывают. А портреты выставлены на проспекте или в сквере?

Костя. Ну да, еще на проспекте захотела. В сквере, около клумбы с этими большими цветами, как их?

Нинка. Пионы.

Костя. С кем ты идешь?

Нинка. С Жанной. Помнишь Жанну, на втором конвейере работала?

Костя. Зачем тебе эта Жанна?

Нинка. Разве она плохая? Жанна хорошая девочка.

Костя. Пустоголовая, по-моему.

Нинка. Ну, разве? Косточка, я ключ беру, так что ты ложись, спи себе.

Костя. И тебе бы выспаться перед дорогой.

Нинка. Я в дороге высплюсь. Заберусь на верхнюю полку и ка-ак высплюсь! А проснусь — подумай — уже кто его знает где! Совсем другие места за окошком! Паровоз гудит, ребята песни поют...

Костя. Молодец ты, Нинка.

Нинка. Тебе приятно было, когда ты увидел мой портрет? Около клумбы с пионами. Около клумбы с белыми пионами.

Костя. Ладно, хватит задаваться. Ладно, потанцуй беги.

Нинка. Ну пока, Косточка!

Она сбегает по маршам высокой лестницы. Ей навстречу взлетают огни фейерверка. В белой ночи они неярки, жемчужны. Бледные их отражения рассыпаются в прудах Центрального парка культуры и отдыха. Музыка. По аллеям парка гуляет молодежь. Появляются и уходят танцующие пары.

В ларьке женщина продает цветы. Проходит продавец шаров. Три молодых человека — Виктор, Валерик и Герман — купили себе по шару и, поигрывая ими, сидят на скамейке.

Виктор. Что привлекательно? Привлекательна легкость, с которой к этому относятся. Мудрая, человечная легкость. Легкость призыва, легкость расставанья. Люди дали друг другу красивые минуты...

Валерик. И никто по этому поводу не поднимает шума.

Виктор. И расстаются благодарные.

Герман (*он слегка заикается*). К-кому благодарные?

Виктор. Друг другу, конечно.

Валерик. И судьбе, которая о них позаботилась.

Герман. А!

Виктор. Ни малейшего ханжества. Школьница, совсем девчонка, с портфельчиком идет, а губы и ресницы накрашены.

Герман. З-зачем?

Виктор. Что зачем?

Герман. Зачем она накрасилась, школьница?

Валерик. Ну, у них так принято. Не притворяйся, Герман.

Герман. Я не притворяюсь. Я правда подумал: з-зачем?

Валерик. Вообще-то — приятней свежее личико, ничем не испачканное.

Виктор. Зависит от общего стиля. Знаешь, какой бывает грим — с ног сшибает.

Валерик. У нас не умеют.

Виктор. Но где еще непринужденней — это в Париже. По улице идут обнявшись.

Герман. И у нас. Я часто вижу — идут обнявшись. Честное слово.

Виктор. Прощаются — целуются.

Герман. И это видел. Честное слово.

Валерик. Но у нас это вызывает косые взгляды, когда целуются на улице.

Герман. Почем ты знаешь, м-может, и там вызывает чьи-нибудь косые взгляды.

Виктор. Вот ослиный скептицизм, что ни расскажешь — он все подвергает сомнению.

Герман. Нет, п-почему же. Я просто хочу в каждом случае разобраться как следует. Продолжай, Виктор, пожалуйста. Мне очень нравится, как ты к-компетентно рисуешь развернутую картину европейских нравов.

Рэм (*подходит*). Кто рисует развернутую картину европейских нравов? Здравствуйте, ребята.

Герман. Здравствуй, Рэм. Вот он рисует.

Рэм (*подсаживается*). Ты ходок по европейским нравам, Витя?

Герман. Да, он ходок. Он был в Европе в общей сложности почти месяц.

Виктор. Рэм, где твой шар?

Рэм. Я тоже, возможно, скоро поеду за границу. У нас предвидится целая серия научных командировок, и так как я в нашем институте не из последних...

Виктор. Рэм, купи шар.

Рэм. Хотелось бы в Англию. Там по нашей части интереснейшие...

Виктор. Рэм, купи шар.

Рэм. Это что, обязательно?

Виктор. Если хочешь с нами сидеть — обязательно.

Герман. Так задумано. Видишь, мне тоже велели купить. Видишь, мы так выглядим гораздо п-привлекательней.

Виктор. Тебе что, рубля жалко?

Рэм. Господи, Витя, пожалуйста, если это нужно для твоего самочувствия...

Виктор. Жизнь, друзья, надо украшать.

Валерик. По возможности, чем бог послал.

Рэм покупает шар и возвращается.

Виктор. Жизнь надо разнообразить. Не пренебрегая и том числе и малостями. По всей жизни расставить вехи: большие вехи, маленькие вешки... чтоб было что вспоминать. Что я видел? Ну, что я видел? А ты что видел? А ты?.. А отгрохали уже по четверть века.

Валерик. Ну, почему ты так уж...

Рэм. Лично я надеюсь повидать еще порядочно.

Валерик. Я тоже.

Виктор. Страшное дело, как подумаешь... Вот, вчера хоронили Елену Артемьевну...

Рэм. Кто такая Елена Артемьевна?

Виктор. Это была когда-то у нас с Германом классная воспитательница, она же преподавала математику. Вчера похоронили — с венками, речами...

Герман. Ты был на похоронах?

Виктор. Представь.

Герман. П-почему я тебя не видел?

Виктор. Я спрятался за чьим-то памятником. Не переношу похорон, брр!

Валерик. Я тоже, абсолютно. Не понимаю, зачем люди ходят на похороны.

Виктор. Черт его знает, вдруг взял и пошел. Она в нашем доме жила. Вдруг вспомнилось, как я приходил

в школу... таким умытым, старательным мальчишкой. И она всегда была уже там. Бежит из учительской со своим портфелем... Худенькая, не старая еще... Всех наизусть знала — кто что собой представляет... А как она сердилась, если мы не понимали, помнишь, Герман? Учила нас, обормотов, учила...

Рэм (*вежливо удивляясь*). Вот уж от кого не ожидал таких чувствований, это от Вити.

Виктор. Что, друзья, ужасно. Нет, вы скажите: так жить, как она жила,— ведь ничего, кроме хорошего, не сделал человек,— и все равно, пожалуйте...

Герман. А ты что п-предлагаешь?

Рэм. Ты хочешь для праведных высшей награды — чтобы они жили вечно?

Виктор. Над чем иронизируете? Элементарное свинство: безразлично — праведник ты или скотина...

Рэм. Награду, какая нам причитается, мы только до тех пор получаем, пока нам не скажут «пожалуйте».

Валерик. Или не получаем.

Рэм. Бывает и так.

Валерик. Сплошь и рядом.

Рэм. Что поделаешь,— поскольку мир устроен еще не совершенно...

Виктор. А тогда, если вдуматься,— какого черта?.. Раз все равно скажут «пожалуйте».

Валерик. Именно, какого черта ты завел эту пластинку? Ты считаешь — ты этой проблематикой украшаешь жизнь?

Герман. Это он п-подводит базу под свою теорию украшения жизни. Не мешай ему.

Валерик. Можно подумать — что-нибудь изменится, если мы начнем эти вопросы обсуждать. Глупо, как не знаю что.

Рэм. В самом деле, ребята, замяли. Темочка, прямо сказать, старомодная и бесплодная.

Валерик. Я и говорю. Какой смысл трепаться о вещах, которые от нас не зависят?

Рэм. Ты где сейчас, Валерик?

Валерик. То есть как — где? Здесь.

Рэм. В отпуску или в командировке?

Валерик. Почему? Я живу в Ленинграде постоянно.

Рэм. Я слышал — ты уехал по распределению на Сахалин.

Валерик. Я был на Сахалине.

Рэм. А теперь?

Валерик. Вот, в Ленинграде.

Рэм. Я в смысле работы.

Валерик. Видимо, буду работать в редакции «Смены».

Рэм. Ты отделение журналистики окончил?

Валерик. Журналистики.

Рэм. Интересная профессия.

Валерик. Не особенно. Что, собственно, интересного? Гонять за материалом? В университете я не думал, что это так однообразно. На практике не очень загружали — не успел заметить, какая все это, в сущности, серятина.

Рэм. Работа есть работа, я тебе скажу. Элемент повторности, единообразия есть везде. Триста рабочих дней в году: как они могут капитально друг от друга отличаться, что ни возьми — редакцию, или лабораторию, или завод? У нас то же самое. Разница в точке зрения. Мне, наоборот, нравится, что когда я утром иду в лабораторию — я твердо знаю, что я там найду и где что стоит. Я взыскиваю с лаборантов, если что-нибудь окажется не на месте. Уверяю тебя, в том, что ты называешь серятиной, есть своя прелесть. Прелесть положительности. Прелесть прочности бытия, я бы сказал.

Герман. Я люблю устойчивость вещей. В п-прошлом году наш дом присоединили к теплоцентрали. Как я огорчился! Я понимаю, что так дешевле, удобней, чище, все что хотите. Но я привык, чтобы дрова трещали в печке.

Рэм. Это было мило. Но экономически невыгодно. И пожаров было больше.

Герман. Но это было мило, ты с-согласен. Не люблю, когда уходит милота.

Виктор. Какая может быть милота, когда в мире существует водородная бомба и так далее.

Герман. Нет, Виктор. Все равно может быть милота. Вот и сюда пришел — п-почему я пришел? Потому что это мило, проводы белых ночей. Милая чья-то выдумка. Милая ленинградская традиция. Да здравствуют милые человеческие традиции, п-плюющие на водородную бомбу.

Рэм. Да, если бы так просто было на все наплевать...

Валерик. А не потанцевать ли нам? А? Не потанцевать ли, говорю? Вон, кажется, ничего девочки.

Герман. Вот з-завидная неугомонность, честное слово.

Валерик. Пошли, а? Виктор, пошли? Чур, мне беленькая.

Виктор. А ну их, беленьких, черненьких.

Герман. Виктор делает вид, что у него беленькие и черненькие уже сидят в п-печенках.

Рэм. Как ты терпишь, Витя, этого разоблачителя?

Виктор. А пусть разоблачает на здоровье. Мы к разоблачениям привычные.

Валерик. Ну обратите же внимание: сколько девочек жаждет с нами танцевать. Ведь как готовились. Стояли в очереди на завивку. Мечтали с нами познакомиться. Мечтали нас полюбить.

Рэм. Ты поэт, Валерик, оказывается.

Герман. Да, бывают минуты, когда он п-поэт.

Валерик. Не будьте снобами. Надо входить в положение. Крутятся друг с другом, бедные мотыльки. Сердчишки замирают — неужели не будет ничего? Ночь пройдет, и ничего? Неужели зря стояла в очереди на завивку? А мы сидим не при деле, просто негуманно.

Рэм. Браво, Валерик!.. Я прощаюсь, ребята. Мы приехали компанией, я вас увидел — отстал от своих. Меня ждут в ресторанчике. До свиданья. Всех благ. *(Пожимает руки и уходит.)*

Валерик. Ну — и я нырнул в эту стихию! Пока! *(Подхватывает одну из двух чинно топтавшихся в паре девушек и удаляется с нею, танцуя.)*

Виктор *(вслед лениво)*. Желаю успеха!

Девушка, оставленная подругой *(кричит вслед)*. Оля! Я тебя тут подожду на лавочке!

Она садится на свободный конец скамьи, поглядывая на Виктора и Германа. Но тем надоело сидеть, и это знакомство не входит в их планы. Они встают и уходят. Огорченная девушка достает из сумочки пудреницу и пудрит нос.

Продавщица цветов *(продавцу шаров)*. Ваш товар идет хорошо. Которую связку начали?

Продавец шаров. Уже пятую. Народ любит шары.

Продавщица цветов. Вот, понимаете, а цветы неважно идут. На Невском идут хорошо, а здесь неважно. Нет того воспитания, чтоб девушке букетик подарить. Ведь вот пион, либо гвоздичка, они ведь больше, я думаю, украшают женщину, чем эти цацки на ушах.

Продавец шаров. Видите, они шарик напетляют на пуговицу, или на браслетку, у них руки слободны, и танцуют. А букет, куда его? При танцах руки заняты.

Продавщица цветов. В цветке зато поэзия. Цветок зато природой пахнет, не то что ваш шар.

Продавец шаров *(проходящей паре)*. Шарик для барышни, товарищ лейтенант.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в *(потрясая букетом)*. Товарищ лейтенант, букетик возьмите, свежий букет, замечательный букет!

Лейтенант покупает шар. Пара проходит. Входят Н и н к а и Ж а н н а.

Н и н к а. Вот свободная скамеечка. Посидим немножко. Ты уверена, что он здесь?

Ж а н н а. Мне сказали, он определенно собирается быть здесь.

Н и н к а. Ну посидим. Не обязательно мы с ним встретимся, если будем бегать по всему парку. Вдруг он как раз по этой аллее пройдет. *(Садятся.)* Рассказывай, Жанночка, дальше. И ты, значит, за ним поехала?

Ж а н н а. Я за ним поехала.

Н и н к а. Как же ты поехала?

Ж а н н а. Очень просто. Села в поезд и поехала.

Н и н к а. Он тебе говорил, приглашал тебя?

Ж а н н а. Жить без него не могу. *(Заплакала.)*

Н и н к а. Где это Красная Поляна?

Ж а н н а. На Кавказе. Жутко красиво.

Н и н к а. И, наверное, жутко дорого стоило?

Ж а н н а *(сморкается)*. Не говори. Одна дорога сколько.

Н и н к а. Как же тебе хватило?

Ж а н н а. Когда я увольнялась, мне отпускные дали, раз. Потом — у меня на пальто куплено было, такое, знаешь, вроде букле, — отнесла в скупочный.

Н и н к а. Жанка ты, Жанка.

Ж а н н а. Конечно, не хватило, где там хватить. Обратно ехала — даже на хлеб не было, в вагоне студенты какие-то кормили. Да и там... почти что на одном хлебе, последнее время черешни иногда покупала, черешня недорогая была *(сморкается)*, два рубля кило.

Н и н к а. И сколько ты там пробыла?

Ж а н н а. Почти полтора месяца, пока шли съемки.

Н и н к а. Он артист?

Ж а н н а. Еще нет. Еще он учится на артиста. Но уже несколько раз снимался в кино. Жутко талантливый.

Н и н к а. Как фамилия?

Ж а н н а. Фамилия ничего не скажет. Он пока еще не в самых ведущих ролях снимается.

Н и н к а. Жанночка, сумасшедшая. И что теперь?

Ж а н н а. Почем я знаю?

Н и н к а. На завод не вернулась.

Ж а н н а. Я бы вернулась. Так мое место занято, а в разнорабочие — спасибо. Сейчас знаешь как трудно устроиться на хороший завод. С десятиклассным образованием поприходили... Я пока приткнулась на одну тут фабричку, панамки шить.

Н и н к а. Что шить?

Ж а н н а. Ну, эти шапочки. Дети носят и старые бабки. Мы их шьем кошмарное количество. Фабрика там, три окна на улицу... Одна я молодая, а то всё старухи. Про поликлинику разговаривают, про болезни. У кого почки, у кого что. Что ни наденешь, всё обсуждают, все им не нравится.

Н и н к а. Что-то надо придумать. Чего ради тебе там сидеть? После такого коллектива, как наш! Ты зря боишься в разнорабочие. При нашей технике — ничего страшного. Даже маникюр не испортишь: рукавицы.

Ж а н н а. Не много наработаешь в рукавицах.

Н и н к а. Ну и попортишь руки — беда небольшая. Зато свой завод. Поработаешь разнорабочей, потом что-нибудь подвернется более подходящее. Досада, что позвонила ты, когда мне уезжать, я уже ничего не смогу сделать.

Ж а н н а. Что ты вообще могла?

Н и н к а. Я бы пошла в комитет комсомола.

Ж а н н а. Я не комсомолка.

Н и н к а. Неважно. Я бы объяснила... Слушай! Ты зайди к Косте.

Ж а н н а. Он ко мне относится не особенно.

Н и н к а. Ничего не значит. Костя не тот человек, чтобы из-за личного отношения не помочь товарищу. Я ему скажу. Непременно придешь к нему, слышишь? Вернешься, успокоишься, и будет эта твоя Красная Поляна — как сон. И все заживет понемножку.

Ж а н н а. Ты понимаешь: я из больницы записку послала — хоть бы две строчки ответил... Я, честное слово, Нинка, не жадная; но хоть бы яблочко, шоколадку, — просто как внимание. Все, ну все в палате записки получали, передачи; я одна ничего. *(Сморкается.)*

Н и н к а *(тоже сморкается)*. Ты ресницы размазала, вытри... И после всего этого ты еще за ним бегаешь! Надо же! Сама жалуется, и сама бегает! Да я бы видеть его не могла! И врешь ты, что последний акт драмы! Ничего не последний! Прибежала посмотреть на него! И будешь бегать, хоть бы что! Потому что у тебя ни капельки самолюбия!

Жанна. Что ты знаешь об этих вещах?

Нинка. Должна быть женская гордость!

Жанна. Это в художественной литературе.

Нинка. Художественная литература отражает жизнь. Возьми какой угодно положительный образ — все имеют женскую гордость!

Жанна. Не знаю. Когда он меня поцеловал — ну, всё... Ты не поймешь.

Нинка. Ладно, Жанка, хватит. На нас уже смотрят. Поплакали и хватит. *(Показывает на продавщицу цветов.)* Вон тетенька смотрит.

Жанна. Расскажи теперь о себе.

Нинка. А у меня что. Я тебе по телефону все рассказала. Со мной ничего такого не было. Еду в Рудный строить семилетку.

Жанна. Я все-таки не понимаю, как это бросить Ленинград и уехать в какой-то Рудный. Неужели не жалко?

Нинка *(весело)*. Что ты. Конечно, жалко. Уезжать, наверно, всегда жалко. Я из деревни уезжала, когда на картошку, помнишь, посылали,— и то было жалко. А Ленинград!.. Ты права, что этого уже нигде не будет. Где еще такие дома? Столько речек, каналов? Где еще бывают белые ночи? Где их провожают?

Каскады фейерверка.

Знаешь, куда мне понравилось ходить? В филармонию. Мы с Клавой стали ходить в филармонию. Клавка на все хорошие концерты доставала билеты. Стоячие. На хорах стоим и слушаем. Ты когда-нибудь была в филармонии?

Жанна. Это на Бродского? Нет, не была.

Нинка. Ах, Жанка, ты сходи! Какой зал! Весь белый, сияет, весь такой *(приподняла руки)* — не могу объяснить, какой! Он сам как музыка. Стоишь наверху и слушаешь, [redacted] такое счастье!.. Это нас тетя Маня, из завкома, надоумила — сходили бы, говорит, девочки. Она очень культурная.

Жанна. А мне говорили — там можно подохнуть от скуки.

Нинка. Ничего подобного. *(Полна желания приобщить подругу к своим радостям.)* Ты попробуй сходи, Жанночка! Вдруг тебе тоже...

Валерик с девушкой возвращаются, танцуя.

Жанна *(метнулась)*. Валерик!

Валерик. А, Жанночка, привет...

Жанна. А где Витя? *(Идет за ним.)* Валерик, где Витя?

Валерик *(продолжает танцевать, пытаясь избежать разговора с Жанной; партнерше)*. Темп, темп, деточка!

Жанна *(останавливает его)*. Постой... Витя здесь?

Валерик. Жанночка, ты же видишь, что здесь его нет.

Жанна *(держит его за локоть)*. Он [redacted] Це-пе-ка-о.

Валерик. По-моему, нет.

Жанна. Мне сказали, что он будет [redacted] Це-пе-ка-о. Не ври.

Валерик. Может, и будет, я не знаю...

Нинка *(зовет)*. Жанна!

Жанна. Не ври! Он где-то здесь! Раз ты тут — он тоже где-то здесь!

Валерик. Жанночка, ну смешно. Ну только давай не психовать. Ну успокойся. Ей-богу, пора понять, что отношения выяснены окончательно.

Жанна. А тебе что? Твое какое дело?

Валерик. Просто жалею тебя. Ну к чему эта трепка нервов?

Жанна. Это ты на него влияешь, что он от меня прячется!

Нинка. Жанна! Жанна! Жанка, иди сюда!

Жанна. Он ко мне хорошо относился, [redacted] ты на него повлиял! Все из-за тебя!

Валерик. Бедная деточка, ну ей-богу, ну что мне, действительно?

Жанна. Это ты ему сказал, что [redacted] примитив!

Валерик. Только не кричи! Я тебя умоляю!

Нинка. Жанна! Иди сюда! Жанна!

Жанна. Это ты ему сказал!

Валерик *(рассердился)*. Клянусь, он лучше меня в этом разбирается. Ну вот клянусь — он до этого дошел своим умом. Без моего влияния.

Кругом приостановилось несколько пар. Вскочила и стоит в растерянности Нинка. Испуганная отчаянным видом Жанны, покинула Валерика его партнерша, к ней присоединилась ожидавшая ее подруга, и они торопливо удалились.

Нинка *(подходит к Жанне и берет ее за руку)*. Жанка! Пойдем! Правда же, не нужно... Правда же, ужасно как-то нехорошо...

Но Жанна разом стихла и оцепенела — она увидела Виктора, который приближается вместе с Германом, поигрывая воздушным шаром.

Жанна. Витя...

Виктор *(остановился)*. Боже мой.

Жанна *(робко)*. Здравствуй, Витя.

Виктор. Привет.

Жанна. Вот совпадение — и ты, оказывается, тут. А мы с подругой тоже решили пойти потанцевать немножко... Знакомьтесь: моя подруга Нина. Виктор. Валерик. А это не знаю...

Герман *(здоровается)*. Герман.

Всеобщая скованность.

Жанна. Ну, как ты живешь, Витя?

Виктор. Спасибо, нормально.

Валерик. Пошли, Жанночка, — вальс.

Жанна *(Виктору)*. У тебя загар уже немножко сошел.

Валерик. Алло, Жанна! Ты слышала?

Жанна. Ты был — прямо как бронза. А сейчас уже посветлей.

Валерик. Жанна! Я тебя приглашаю на вальс!

Жанна. Не хочу, Валерик. Мы с Нинкой уже танцевали, танцевали. *(Упирается.)* Не хочу.

Валерик. Что значит «не хочу», на бал пришла и «не хочу».

Жанна. Витя, слушай, мне с тобой нужно поговорить.

Валерик. Если не хочешь танцевать со мной — вот, Герман тоже тебя приглашает.

Герман. П-простите, Жанна, нет. Очень прошу меня извинить, но я не приглашаю. Он шутит. Я не танцую. Не умею. И мне вообще пора. Я должен п-прощаться.

Виктор. Какого черта! Почему тебе пора?

Герман. Спать пора. Меня мама приучила рано ложиться спать. До свиданья.

Валерик *(тихо)*. Слушай, не будь ренегатом, нельзя же бросить Витьку в беде.

Герман. Мне неизвестно, кто тут в беде. Есть вещи, которых я — ну, не п-переношу. Органически. Будьте здоровы, Нина.

Нинка. До свиданья...

Герман уходит.

Виктор. Нам тоже пора. Уже давным-давно.

Валерик *(кричит)*. Герман, подожди, мы с тобой!

Герман не оборачивается.

Жанна *(Виктору)*. Обожди. Минуточку. Не уходи. Мне обязательно надо сказать одну вещь!

Виктор. Еще не все сказано?

Жанна. Просто пару слов.

Виктор. Я слушаю.

Жанна. Нет. Не при всех. Пройдемся немножко.

Валерик *(Виктору)*. Слушай, в самом деле. Поговори еще раз. Попытайся объяснить.

Виктор. Да, объясни попробуй.

Валерик. Но как-то все же, я не знаю. А заявления вздумает писать — лучше тебе будет? Зачем до этого доводить? Надо успокоить...

Виктор *(с яростной выдержкой)*. Да, Жанна. Слушаю тебя.

Они уходят. Нинка и Валерик остаются вдвоем.

Нинка *(ей мучительно неловко)*. Вот попала я... Надо же! Я и не хотела идти. Я утром уезжаю. Совсем не хотела идти.

Валерик *(небрежно-ласково)*. Ничего. Что ж делать.

Нинка. Даже не сказала — ждать ее?..

Валерик. Подождем.

Нинка. Я думаю, мне кажется — она скоро придет.

Валерик. Придет!

Нинка. Какая-то ерунда получилась. Жди ее теперь.

Валерик. А, деточка. Все ждут.

Нинка. Кто ждет?

Валерик. Все. Видите *(показывает)*: он ждет, она ждет. Вы ждете, я жду. Все, все ждут. Всю жизнь.

Нинка. Чего ждут?

Валерик. Кого-то. Чего-то. Чего-нибудь. Всю жизнь ждут, а вам десять минут трудно подождать.

Нинка *(улыбнулась, взглянула на него)*. Я не сразу поняла... А верно — все всю жизнь чего-нибудь ждут.

Валерик. Сейчас они еще раз выяснят отношения, и она придет. Потанцуем пока, хотите?

Нинка. Лучше походим тут. *(Скамья уже занята, и присесть негде.)* А то вдруг мы с ней потеряем друг друга. Совсем чепуха получится.

Валерик. Если ее долго не будет, я вас провожу домой. Вы далеко живете?

Нинка *(торопливо)*. Да! Далеко! Спасибо! Нет, я подожду Жанну.

Они удаляются.

Продавщица цветов *(продавцу шаров, который распродал свой товар и считает выручку)*. Не могу и на этих девчонок смотреть! Так вот наблюдаешь — сколько их мучается!

Продавец шаров сосредоточенно рассовывает деньги по карманам.

Он ей говорит: «Неужели не все сказано», а она его умоляет — «еще пару слов». Поможет твоя пара слов, как мертвому припарки. Несчастные дуры. Ведь она чего за ним бегает? Ей хочется с ним гнездо вить. Поскольку природа ее сделала женщиной — ей надо вить гнездо.

Продавец шаров. У него на вывеске всеми буквами написано, что с ним гнезда не совьешь. Просто есть девицы, которые много себе позволяют. *(Уходит.)*

Продавщица цветов *(скороговоркой ему вслед, ей хочется поговорить и не с кем)*. Эх, скажу я вам, кроме разных соображений есть еще девичья любовь, увлечение, куда ж вы это денете! А мы себе в молодости не позволяли? Еще как позволяли! *(Одна.)* Как люди свою молодость скоро забывают!

Проходят Нинка и Валерик.

Валерик. Он мировой парень. Зверски способный. Думающий. Зря ваша эта Жанна его мучает. Вы бы ей сказали.

Нинка. Вы думаете — она о нем плохо отзывается? Она о нем очень хорошо отзывается. Что он талантливый...

Валерик. Тем более — зачем мучить? Талант надо щадить, оберегать.

Нинка. Она себя мучает в тысячу раз больше.

Валерик. Есть же, ей-богу, люди, которые из самых прекрасных вещей способны сделать каторгу. Деточка! Любовь должна быть радостью, нежностью, сиянием, музыкой... праздником, балом! — или пусть ее совсем не будет. А в принудительном порядке — ну, знаете!

Нинка *(робко)*. Я тоже считаю, что любовь должна быть праздником, но разве не бывает в жизни, что...

Прошли.

Сцена заполняется танцующими. Громче музыка. Бродят и скрещиваются разноцветные прожектора. Время от времени через сцену проходят Нинка и Валерик.

Валерик. Я люблю Ленинград! Я одно время жил на Сахалине, и забавно — ни разу мне Сахалин не приснился, пока я там жил. Всегда снился Ленинград.

Нинка. Вот, должно быть, и мне будет сниться.

Валерик. Хорош красавец, ничего не скажешь. Где еще у нас такие архитектурные ансамбли? А набережные, а эти драгоценные решетки... с копьями, лилиями, русалками...

Нинка. Где русалки?

Валерик. На Литейном мосту.

Нинка. Что вы говорите, я не заметила.

Валерик. А где еще такие белые ночи? Посмотрите на это небо! А где еще бывают проводы белых ночей?

Нинка *(поражена словно чудом)*. Вы подумайте, я только что, ну вот только что — это самое, ну в точности то же самое сказала Жанне!

Валерик *(снисходительно)*. Да?

Прошли и возвращаются снова.

Нинка. А вы бываете в филармонии?

Валерик. В филармонии? Ну как же, конечно. Конечно, бываю в филармонии.

Нинка *(смущена)*. Что вы смотрите?..

Валерик. Смотрю — какая вы тоненькая, горящая... как цветочек на стебельке. Вот так должен нарисовать вас художник: как вы идете, вся озаренная.

Нинка *(слабо пытается отразить пугающие ее похвалы)*. Действительно,— нечего, что ли, им рисовать, художникам, что за меня возьмутся...

Валерик. Пускай отложат все и рисуют тебя! Давай на «ты», хорошо?

Нинка *(послушно)*. Хорошо.

Валерик. Нарисуют, будь уверена. Я устрою. У меня знакомых художников полон Ленинград. Я тебя познакомлю.

Нинка. Я же утром уезжаю.

Прошли.

Продавщица цветов *(подошедшему к ларьку покупателю)*. Нет, вы посмотрите, что делается! Что делается!

Покупатель *(оглядывается)*. Что делается?
Продавщица цветов. Прямо хоть криком кричи. Они уже на «ты», понимаете?

Нинка и Валерик вернулись.

Валерик. Куда-нибудь, где нет толкотни. Куда-нибудь под Рощино, например. Или можно в Ушково, там у одного нашего парня дача, родители уехали, он полным хозяином. Волшебный можно провести денек.
Нинка. Но я же утром уезжаю! Вы все время забываете.
Валерик. Деточка, не порти мне настроение, брось эти выдумки.
Нинка. Какие выдумки? Сегодня утром, в Рудный.
Валерик. Ну-ну, брось.
Нинка. Я же вам сто раз сказала!
Валерик. Нет, [redacted] самом деле?
Нинка. Конечно.
Валерик. Зачем же мы тогда друг друга узнали, а? Скажи. Ты не знаешь, зачем? Ужасно странно, а?.. Значит — все? Не встретимся больше?
Нинка. Вы разве хотите?
Валерик. А ты не знаешь? Нет, ты скажи,— ты не почувствовала? Тебе слова нужны, да? Слова?.. Слушай, поедем в Ушково!

Прошли и вернулись. Держатся за руки.

Нинка. Вы же сами сказали: все ждут, правда? Я напишу вам из Рудного, хорошо? Пришлю адрес... И вы мне напишете, хорошо?
Валерик *(показывает на небо)*. Вот и утро.

Заря розовеет.

Нинка. Да. Утро. *(Взглянула на ручные часы, завела их привычным движением.)* Подарите мне на память какой-нибудь цветок.

Подошли к цветочному ларьку.

Валерик. Выбирай. Какой хочешь?
Продавщица цветов. Возьмите вот свеженький букет, молодой человек.
Нинка. Нет, нет! Один цветок! *(Взяла из кувшина.)* Вот этот... Спасибо. Вложу в книгу, он засушится. Увезу с собой на память... о проводах белых ночей.

Прошли. Входит Жанна.

Жанна *(зовет)*. Нинка!

Ее окружили танцующие. Затертая среди них, озираясь, медленно проходит Жанна через сцену, выкликая беспомощно: «Нинка! Ты где? Нинка! Нинка!..»

2

Нинка ждет в проходной завода. Она то ходит — мечется по обширной проходной, то останавливается, делая вид, что читает газету на стене. Стучится в окошечко дежурного.

Нинка. Василий Иваныч! Это я... Будьте добры, позвоните еще разочек.
Дежурный. Я вам сказал — он выйдет.
Нинка. Да где ж он? Скоро перерыв кончится.
Дежурный. Говорил с ним лично, он пообещал, будет ему послободней — выйдет.
Нинка. Василий Иваныч, ну пожалуйста, позвоните еще! Последний раз!
Дежурный. Сказал — выйдет. Вот, ей-богу. Дома не наговорились? *(Звонит по телефону.)* Механический? Веретенников там далеко? Напомните ему — сестра дожидается. Да, та самая... *(Нинке.)* Нету его. Обедает.

Но она уже увидела входящего Костю и бросилась к нему.

Нинка. Косточка! В чем дело, [redacted] не понимаю.
Костя. А что такое?
Нинка. Они со мной даже разговаривать не хотят. Даже не дали разового пропуска [redacted] цех.
Костя. Правильно, какой пропуск? Ты здесь не работаешь.
Нинка. Но я же работала!
Костя. Но в данное время не работаешь. Зачем пропуск? Что тебе делать в цехе?
Нинка. Я хотела повидать... поговорить с ребятами. С бригадиром...
Костя. О чем поговорить?
Нинка. Чтобы меня оформили обратно... Чтобы мне вернуться на работу.
Костя. Оформляет отдел кадров.
Нинка. Они говорят — набора нет, все укомплектовано.

Костя. Наверно, так. Кого-то ведь взяли на твое место, когда ты собралась уезжать.

Нинка. Лизу Коничеву взяли.

Костя. Так что же, прикажешь теперь уволить Лизу Коничеву?

Нинка. Лиза Коничева согласна вернуться опять на конвейер. Она сказала.

Костя. Но на Лизином месте на конвейере тоже поставлен другой человек! Ты что — маленькая, не смыслишь? Тебе же сказали — все укомплектовано. Ты будешь прыгать туда-сюда, а людей гонять из-за твоих фокусов?

Нинка. Косточка, это не фокусы, вот чем хочешь тебе клянусь!

Костя. Не хочу слушать! Иди объясняйся в комитет комсомола.

Нинка. Я ходила... Костя, ведь я же неплохо работала, даже в многотиражке писали... А они даже не хотят разговаривать!

Через проходную проходят рабочие.

Костя. Пошли на улицу.

Они вышли в сквер перед заводом. Огромный щит высится над сквером, на щите портреты — молодые лица, над ними надпись: «Они поехали на новостройки коммунизма». Один из портретов снят, черный квадрат зияет на его месте.

А ты рассчитывала, что можешь безнаказанно проделывать такие штуки? Что тебя, после всего, примут с распростертыми объятиями?

Нинка. Ничего я не рассчитывала.

Костя. Хорошенькое дело — дать обязательство и сбежать. Тебе это игрушки?

Нинка. Косточка, я знаю, это ужас, ужас, что я сделала! Просто невыносимо думать!

Костя. Теперь невыносимо? А тогда почему не подумала?

Нинка. А что я могла сделать? Если бы ты полюбил очень сильно, ты бы поверил, что я ничего не могла сделать! *(Схватившись за голову.)* Как я только не умерла в тот час, когда уходил эшелон!

Костя. Когда уходил эшелон... Я приволок твои вещи на вокзал. Загулялась, думаю; примчится из Це-пека-о прямо к поезду. Все глаза проглядел — ждал. И не один я... Ребята ходили звонить в милицию — решили, несчастный случай. А я ничего даже не слышал, не видел, что делалось... Поезд ушел — я все стою, как идиот, на перроне. Ребята уговорили — едем домой, может, она там... Где мы не были! По всем больницам ездили. С милицией разругались, что плохо работает — не знает, куда ты девалась... Пока не пришло твое письмо из этого, из Ушкова. *(Долго закуривает.)* Не в том дело, что о тебе писали в многотиражке, и не в том дело, что была ты на этой доске, а в том дело, что была перед тобой жизнь ясная и прямая... а сейчас и не разберешь, что ты с собой наделала.

Нинка *(печально и кротко)*. Я догадалась, что здесь был мой портрет.

Костя. Нетрудно догадаться.

Нинка. Почему ты не приходишь домой? Я пришла, Катерина Ивановна говорит — он в общежитии ночует, только за бельем заходил. Катерина Ивановна говорит — я тебя выжила.

Костя. Я приду... когда мне будет не так неприятно видеть тебя... находиться с тобой в одной комнате.

Нинка *(вдруг посветлев)*. Вот разница между тобой и Валериком: Валерик рад, что я не поехала. А ты сердишься — родной брат! *(Счастливо улыбнулась.)* И опять разница между тобой и Валериком: Валерику на меня смотреть приятно.

Костя. Я ничего не желаю слышать об этом прохвосте!

Нинка. Почему он прохвост?

Костя. Шпана!

Нинка. Что ты о нем знаешь, чтобы так называть его?!

Костя. Потому что хороший парень не будет так сбивать с пути другого человека, как он тебя сбил!

Нинка. Он полюбил меня. Он захотел, чтобы я была с ним. Почему это нехорошо?

Костя. Когда он успел полюбить? С первого взгляда?

Нинка. Разве не бывает с первого взгляда? Ах, ты смеешься! Зачем ты смеешься? Мало понимаешь в этих вещах, вот и смеешься. Если бы ты его видел! Даже не верится, что такой, такой — и полюбил — меня... И что еще удивительно: он высококультурный, а я ведь не очень культурная, я среднекультурная, я считаю,— но сколько у нас, ты бы знал, общих интересов, и вкусов, и мыслей, и слов...

Костя. Ну и ехал бы вслед за тобой, на здоровье, а зачем же твою жизнь ломать, это любовь называется?

Н и н к а. Как же он поедет, если он здесь на работу устраивается? Он будет работать в редакции «Смены» Он любит Ленинград. Что, у него нет права жить в Ленинграде?

К о с т я. Пускай пожертвует Ленинградом, когда такое дело. Если человек любит, он связывает свою жизнь с жизнью другого человека. Сплошь и рядом чем-то жертвуя, да. Так [redacted] привык считать.

Н и н к а. Я тоже так привыкла считать. Но почему ты ставишь вопрос однобоко? А моя судьба — не привязана к его судьбе? Я не должна, что ли, быть с ним, когда он этого хочет и я хочу?

К о с т я. Ты мне скажи: ты замуж за него выходишь? Он тебе это предлагал или так обойдетесь?

Н и н к а. Просто у нас еще не было об этом разговора. Мы поженимся. Не волнуйся.

К о с т я. В голове не укладывается... Это ты или не ты? Какая была... как стеклышко чистая! Как к тебе люди относились,— а ты, оказывается, вот что такое! Под спудом где-то, значит, таилось — и вот оно, обнаружилось.. Любовь! Какая к черту любовь! Познакомились, станцевали там что-то в обнимку...

Н и н к а. Мы не танцевали!

К о с т я. ...и вот вам любовь. И все пустить по ветру — честь, долг... Что ты о нем знаешь? Тебе есть за что его уважать? Распущенность это, а не любовь!

Н и н к а. Ты все это говоришь напрасно. Это неправда. Я не обижаюсь: ты за меня переживаешь, потому и говоришь. Познакомишься с Валериком и увидишь, что нечего тебе переживать. Где угодно [redacted] могу сказать о нашей любви и буду гордиться.

Костя делает движение уйти.

Постой! Костя! Значит, ты считаешь — меня не примут обратно на завод?

К о с т я. Смеешься? Я первый буду против.

Н и н к а. Что же мне делать?

К о с т я. Найдешь какую-нибудь работу.

Н и н к а. Мне хочется на наш завод!

К о с т я. Тебя кто-нибудь за язык тянул, когда ты давала обязательство? Кто-нибудь тебя специально агитировал? Я уговаривал — подумай хорошенько! Обдумай все! Не торопись! Нет, выскочила, целую речь на собрании сказала... как та синица, что хвалилась море сжечь. Так было или не так?

Н и н к а *(тихо)*. Я не хвалилась. Я искренно... Но ведь, Косточка, что-то [redacted] жизни меняется, и планы у человека меняются...

К о с т я. Планы могут меняться. Но изменить человек не имеет права. И нам не нужны дезертиры.

Н и н к а. Никогда! Ни к кому ты не был таким безжалостным! А я ведь сестра тебе!

К о с т я. Да? Ты считаешь, мне легче, когда нашу фамилию склоняют по всему заводу?

Н и н к а *(опять схватывается за голову)*. Не говори!

К о с т я. Ты вот тут мне вкручивала разное. А ведь нет, чтоб подумать — как это загладить.

Н и н к а. Косточка, [redacted] что хочешь сделаю, ты скажи — что!

К о с т я. В два счета все можно исправить. Побеседуют с тобой по душам, и утрясется. Мало чего бывает: заболела, не могла выехать со всеми... Укладывай чемодан, хватит валять дурака.

Н и н к а. Это — чтоб [redacted] ехала?

К о с т я. А как иначе?

Н и н к а. Но мне нельзя. Я ведь тебе объяснила. Я хочу обратно на завод. Сначала, конечно, ужасно будет трудно: будут возмущаться, спрашивать... Но это недолго. Вот увидишь, недолго. Люди не злые, и у каждого своих забот хватает, не станут они долго сердиться. Поймут, что [redacted] не трудностей побоялась или там чего-то; что просто мне никак, ну никак не уехать... от счастья.

К о с т я. Твое так называемое счастье — для тебя единственно важное. Выше нашей цели, выше всего, чем живет народ.

Н и н к а. Что ты! Зачем ты это ставишь рядом! Наша цель такая громадная,— а мое счастье даже не заметно никому. Я постараюсь как можно, как можно лучше работать! — чтобы вы скорей забыли... Мне не хочется на другой завод... Косточка! Здесь я всех знаю, и так мне было легко со всеми. Пускай здесь на меня и посердятся, ничего не поделаешь, заработала... Помоги мне вернуться! Я согласна хоть не на станок, я согласна разнорабочей...

К о с т я. Чего ради мы будем принимать людей, которых мы же сами исключили из комсомола?

Н и н к а. Меня исключили из комсомола?

К о с т я. В ближайшие дни исключим, если не одумаешься. *(Уходит.)*

Н и н к а. Костя! Подожди! Костя! Ну подумай, как же я могу...

3

Сентябрь, вечер, туман. Ленинградские улицы: скрещение Невского и канала Грибоедова. Огни светофора сквозь туман. Давно кончились белые ночи.

Вдоль канала идет Валерик. Его окликает Махровый: «Валерочка!»

Валерик вздрогнул. Приостановился было, но сейчас же сделал вид, что не слышал, что торопится, что крайне чем-то озабочен... Тихо, без суеты Махровый преграждает ему дорогу: «Здравствуй, Валерочка!»

Валерик останавливается. «А! — говорит он приветливо, словно не удирал только что от Махрового, как заяц.— Добрый вечер».— И пожимает Махровому руку.

Махровый обладает счастливой наружностью, внушающей людям доверие и симпатию. На его худощавом, правильном, уже немолодом лице с мужественными морщинами вдоль щек — выражение открытости и спокойствия. У него такая выправка, будто он всю жизнь занимался главным образом тем, что воевал; будто дисциплина и организованность вошли ему в плоть и кровь. Эта выправка подчеркнута костюмом: на Махровом высокие ладные сапоги и серый, аккуратно застегнутый плащ. Голова ничем не покрыта. У него приятный, мягкий и в то же время мужественный баритон. Он добродушен, Махровый,— что бы он ни говорил, добродушное спокойствие ему не изменяет. И зорко поблескивают холодные, ко всему готовые глаза.

Махровый. Куда бежишь, Валерочка?

Валерик. Да по делу тут одному.

Махровый. Да ну? По делу? И как, в гору идут делишки?

Валерик. Да так себе...

Махровый. Я тебя поздравляю.

Валерик. С чем это?

Махровый. Статейку твою читал в «Смене». Твоя ведь была статейка?

Валерик. Моя, увы.

Махровый. Почему же увы? Нормальная статейка. Бывают лучше — ну, впоследствии достигнешь... Ты что, постоянно там устроился? В штате?

Валерик. Да нет еще пока...

Махровый. Как вообще жизнь молодая?..

Валерик. Понемножку.

Махровый. Течет?

Валерик. Течет.

Махровый. Упиваешься блаженством после Сахалина?

Валерик. Ну, насчет того, чтобы упиваться блаженством...

Махровый. А что? Я бы с твоими данными только и делал, что упивался блаженством.

Валерик. Чтобы упиваться блаженством, Алексей Аркадьич, кроме этих данных нужны еще другие данные.

Махровый. Это какие же?

Валерик. Ну, как будто вы не знаете.

Махровый. Деньги, что ли? Да ну? Это материализм. Это даже, по-моему, называется — вульгарный материализм?

Валерик *(его слегка передернуло)*. Не слышал, чтобы это так называлось.

Махровый *(не обратил внимания на его слова)*. С чего это ты такой вульгарный материалист? В твоем возрасте еще рано. В твоем возрасте я был, как говорится, гол и бос, и морда не такая была, как у тебя, и тем не менее, однако, неплохо проводил время... Да, гол и бос, ни туфелек таких, ни плащика, ничего не было... *(Щупает плащ на Валерике.)* Где достал?

Валерик *(небрежно)*. Не помню, кто-то из ребят купил у иностранца, уступил мне.

Махровый. Фе-ер-ге. Западная Германия.

Валерик. Возможно.

Махровый. Фе-ер-ге, точно. А сколько дал, не помнишь?

Валерик. Ерунду какую-то...

Махровый. Оно все ерунда. Туда ерунда, сюда ерунда, а рублишек расшвыриваешь порядочно, а, Валерочка? Прожиточный-то минимум твой — на культурном уровне все же?

Валерик. Алексей Аркадьич, я вам буквально завтра-послезавтра, скорей всего даже завтра, вы не беспокойтесь...

Махровый. Это ты о чем?

Валерик. Отдам вам еще часть долга.

Махровый. Верно, ты же мне должен что-то, я и забыл. Где-то у меня и расписка твоя лежит, верно?

Валерик *(нервничая)*. Очевидно, где-то лежит.

Махровый. Да-да-да. Должна где-то лежать.

Валерик. Я вам уже два раза вносил. Вы... помните?

Махровый. Да-да-да. Вспоминаю. Только не помню, какие суммы. Незначительные как будто были суммы?

Валерик. Алексей Аркадьич, в этот раз я постараюсь...

Махровый. Ты отмечай где-нибудь, сколько вносишь. На мою память особенно не полагайся. Дырявая стала память: вот знаю ведь, что где-то должна быть твоя расписка, а где — хоть убей... А в общем пустяки, Вале-

рочка. Пускай это тебя не беспокоит. Я могу подождать. Это ведь не бюджетные мои деньги. Это — я тебе говорил, кажется,— жена в прошлом году домик продала.

Валерик. Да, вы говорили...

Махровый *(словоохотливо)*. От тестя в наследство домик остался в Орлине — так, незавидный, хибарка просто. Думали мы, думали — оно бы и неплохо в летнее время в сельской местности свой домик; но — и от Ленинграда все же далековато,— далековато, верно?

Валерик. Далековато.

Махровый. И от железной дороги не близко,— и решили продать... на твое счастье.

Валерик. Алексей Аркадьич, я чувствую себя отвратительно, что я...

Махровый. А ты не чувствуй себя отвратительно. Ты чувствуй себя как следует. Как следует. Человек человеку должен помогать, верно? На том свет стоит. Все равно мы другого домика не присмотрели, так что я уж и остаток этих дачных деньжат, откровенно говоря, спустил — посмотри, какую оторвал штучку.

Он вынимает левую руку из кармана и протягивает перед собой, и в свете фонаря с руки срывается, как огонь, сверкание крупного брильянта.

Видал когда-нибудь такое, Валерочка?

Валерик. Это что, настоящее?

Махровый. А ты думал? Это не то что те побрякушки, что девчата носят. Печатает по Невскому средь бела дня в босоножках, в ситчике, а на шее брильянтовое колье, понимаешь... стоимостью в пятнадцать рублей. Это колечко настоящее, старина-матушка, камушек четыре карата, чистейшей воды.

Валерик. Я в этом совсем не разбираюсь.

Махровый. Да, твое поколение не разбирается. Но уж поверь мне, что это вещь.

Валерик. И сколько же это может стоить?

Махровый. Видишь, цены на подобные штучки в наше время, в нашем государстве — условные. Колеблются в зависимости от многоразличных причин. Я заплатил дешево... сравнительно с валютной ценностью. Большие-то деньги у меня откуда?

Идет прохожий. Махровый опустил руку в карман и ждет, пока прохожий отойдет подальше.

Подвернулось случайно, по средствам,— а, говорю жене, была не была! Что у нас там на книжке,— двинем на хорошую вещь. *(Опять вынул руку из кармана, полюбовался кольцом.)* А насчет долга не спеши, экстренности нет. Даже могу еще немножко подкинуть, если у тебя это самое...

Валерик. Спасибо...

Махровый. Сотняшки две-три.

Валерик. Нет, сейчас мне...

Махровый. Не нужно денег? Да ну? Неужели за статью так дорого заплатили?

Валерик. Я бы все-таки предпочел...

Махровый. Все как ты хочешь, Валерочка.

Валерик. Я бы предпочел поскорей расплатиться с долгом.

Махровый. Давай так. Тоже неплохо.

Валерик. Вы мне разрешите зайти завтра, самое позднее — послезавтра...

Махровый. Заходи, когда тебе удобно. Так хорош камушек?

Валерик *(напряженно)*. Хорош камушек.

Махровый. Стоило хибарку променять на камушек?

Валерик. Вероятно...

Махровый. Ну, бывай! *(Помахал на прощание рукой. Разошлись.)*

Идут, разговаривая, Герман и Рэм.

Рэм. Ты прав, безусловно.

Герман. П-понимаешь: там и сразу — личность. А здесь минимум до тридцати лет буду ходить хвостиком за каким-нибудь п-профессором.

Рэм. В нашем деле иначе нельзя.

Герман. Понимаю. А в нашем можно. И я хочу в-воспользоваться этой возможностью.

Рэм. Я за моим академиком буду ходить минимум до сорока, это в лучшем случае. И все, что я сделаю в лаборатории, будет приписано ему. Пока у меня не вырастет вот такая седая борода — только тогда поверят, что я тоже что-то могу самостоятельно.

Герман. В-видишь, у вас это так. Потому что вне института, без всей этой черт его знает какой головоломной техники тебе действительно никак. А мне что надо: маленькую больницу. Чтобы я мог ее п-поставить как мне хочется. Я еще на первом курсе спланировал, как я ее миленько поставлю. Кто мне в Ленинграде даст больницу? Именно — жди до седой бороды, да и то еще б-бабушка надвое гадала...

Рэм. Ты прав, прав! Будь у меня другая профессия — я бы тоже начинал оттуда.... с окраины к центру!

Герман. Ты честолюбец, тебе непременно п-подавай центр, хотя бы к финишу. А мне не обязательно. Я просто считаю — если что-то делать в жизни, так делать без дураков, всерьез, иначе скучно. Кретин Валерик, что удрал с Сахалина. Черта с два он чего-нибудь стоящего добьется в Ленинграде. Здесь т-такими Валериками пруд пруди, а там его держали за высшую интеллигенцию.

Рэм. Ты говоришь, я честолюбец. Неужели лучше без честолюбия — как Валерик?

Герман. Нет, с-совсем без честолюбия — ничего не получится.

Рэм. Ничего не получится! *(Прошли.)*

Идут Нинка и Жанна.

Нинка. Ничего не получится! Можешь не стараться!

Жанна. Но я узнала точно.

Нинка. Очередная ваша клевета!

Жанна. Увидишь.

Нинка. Он бы мне давно сказал.

Жанна. Скажет он, как же.

Нинка. Вы все ненормальные.

Жанна. Ты от правды отмахиваешься.

Они приостановились возле витрины Дома книги. На выступе оконной амбразуры сидит продавщица цветов с корзиной лохматых осенних астр.

Лучше обсудим давай, как тебе реагировать.

Нинка. Ненормальные. Непременно ищете в человеке плохое. Как можно больше плохого! Хорошее видеть не хотите, только плохое вам подавай! Как вы такие на свете живете? Вы же несчастные!

Жанна. Я больше тебя знаю жизнь.

Нинка. Ты знаешь жизнь? Ты испугалась жизни! Один человек с тобой нехорошо поступил — ты сразу перепугалась. И все у тебя стали плохие. Это называется знать жизнь? Мне не надо такого знания! И оставь меня, пожалуйста!

Жанна. Я тебя предупредила по-товарищески. Поскольку я узнала такую вещь, я чувствую ответственность...

Нинка. Я сама за себя отвечаю!

Жанна. Ты стала чересчур гордая.

Нинка. За все отвечаю. И хватит. И дальше не ходи за мной. И вот что я тебе скажу на твои сплетни: мы с Валериком женимся! *(Уходит. Остановилась в красном свете светофора.)*

Продавщица цветов. И всего-то он ей купил один цветочек.

Жанна. Вы ее что, знаете?

Продавщица цветов. Я и вас вспомнила. Вы шьете панамки.

Жанна. Панамки мы уже все пошили. Миллион. Теперь шьем бюстгальтеры. С лямками и без. Она тоже. Она теперь работает у нас.

Продавщица цветов. Всего, знаете, один цветочек купил. Она, правда, так и попросила: подарите мне, говорит, один цветочек.

На перекрестке зажегся зеленый глаз. Нинка ушла. Она встречается с Валериком у колоннады Казанского собора. Нет никого вблизи, и она бросается Валерику на шею отчаянно и самозабвенно.

Валерик *(смущен этим взрывом)*. Ну-ну, Ниночка. Ну-ну-ну.

Нинка. Сто лет тебя не видела.

Валерик. Деточка. Еще суток нет, как мы расстались.

Нинка. Меньше. Я с тобой рассталась только утром. Ты мне снился всю ночь.

Валерик. Вот видишь. А говоришь — мы мало бываем вместе.

Нинка. Во сне — много.

Валерик. Зачем такая горечь? Мы же видимся каждый день?

Нинка. Приблизительно.

Садятся на ступенях. Нинка прижимается к его плечу.

Валерик. Странно все-таки.

Нинка. Что странно?

Валерик. Когда человек так вот маниакально думает о другом человеке. Хочет с ним быть, видит его во сне...

Нинка. Как мы с тобой, да?

Валерик. Странно! Почему, отчего, в чем смысл?

Нинка. В чем смысл? Не знаю. Но это хорошо. И хочется это сохранить... навсегда. Тебе тоже хочется сохранить навсегда?

Валерик. А это бывает?

Нинка. Конечно. Сколько угодно.

Валерик. Ты думаешь?

Нинка. Просто надо это беречь. Желать, чтобы это сохранилось... не разрушалось.

Валерик. Если бы одних желаний было достаточно для свершения!

Нинка. Я не поняла, что ты сказал.

Валерик. Я сказал: если бы достаточно было только захотеть чего-нибудь, чтобы это исполнилось, понимаешь? Как в сказке: «Столик, накройся» — и пожалуйста, перед тобой накрытый столик... пять звездочек, закуска, любовь до гроба...

Нинка. Ты шутишь. А [redacted] серьезно. Да, «столик, накройся». Почему же нет? Разве не все зависит от нас самих? И разве можно хотеть, чтобы это кончилось?

Валерик. Ну не будем хотеть, не будем. *(Обнимает ее крепче.)* Не холодно тебе?

Нинка. Нет...

Валерик. В этом плаще ты похожа на серебряную рыбку. Маленькая серебряная рыбка. Скажи, тебе удалось?..

Нинка. Я принесла. *(Достает деньги.)* Валерик, только тут немножко меньше, чем тебе нужно. Понимаешь, никак не могла достать больше. Тут моя получка, [redacted] в кассе взаимопомощи взяла.

Валерик *(бегло сосчитал бумажки)*. Не могла, говоришь? Ну... что ж делать. Откровенно говоря — это, конечно, мало устраивает. Надо бы отдать этому фрукту побольше. Как можно, как можно скорей с ним развязаться... Ну ничего. Не огорчайся. Сколько достала, столько достала. *(Прячет деньги.)* Спасибо. Ты моя отзывчивая рыбка. Я, конечно, переоценил твои возможности: откуда тебе, собственно?.. Попробую еще занять у Виктора, он должен был получить за съемки. Ну не расстраивайся! Если у Витьки есть, он меня выручит. Испытано и проверено. Вот если у него нет, тогда хуже. Так или иначе, завтра [redacted] этому жулику, этому хамлу хоть сколько-нибудь суну в глотку. *(Встает.)* Ну, куда пойдем? Хочешь [redacted] кино?

Нинка. Валерик. Ты не можешь мне сказать, что это за долг такой, что так тебя мучает?

Валерик. Деточка! Я же просил — не спрашивай! Я осел. Сделал однажды колоссальную глупость, теперь выпутываюсь. Мне совестно рассказывать, так это глупо. Что всего гаже, прямо тошнит,— что эта бескультурная

сволочь, ни [redacted] чем ни уха ни рыла, кроме своих махинаций,— и лезет, понимаешь ли, поучать, научные словечки вставляет. Вульгарный материализм... Идем в кино!

Нинка. Послушай. У меня серьезный разговор.

Валерик. У тебя всегда серьезные разговоры.

Нинка. Правда, очень серьезный. Я ни разу не ставила этот вопрос. Но теперь я должна его поставить. Обязана.

Валерик. Непременно сейчас должна? Сию минуту?

Нинка. Я больше не могу откладывать.

Валерик. Что за вопрос?

Нинка. Когда мы поженимся?

Валерик. Что от этого изменится?

Нинка. Мы будем — муж и жена...

Валерик. Ты меня заставляешь говорить о пошлых вещах. Зачем ты меня заставляешь говорить об этих вещах? Ни у тебя, ни у меня нет даже своей комнаты.

Нинка. У меня есть.

Валерик. Да, общая, твоя и брата! Такая и у меня есть: моя и мамина.

Нинка. У вас же, ты говорил, разгороженная?

Валерик. Слава богу! Разгороженная! Ты бы видела! Повернуться негде!

Нинка. Если [redacted] попрошу, Костя перейдет [redacted] общежитие. Я знаю. Он это сделает. Он на меня смотреть не хочет — только потому, что он за меня беспокоится. Когда наша мама умерла в блокаду и нас по детским домам разобрали, он два раза из своего детдома убегал, чтобы меня повидать. Шел пешком через весь Ленинград — голодный, маленький, представляешь,— чтобы убедиться, что я жива. Он сейчас так беспокоится, что просто из себя выходит. Стоит мне сказать, что [redacted] вышла замуж,— уйдет сейчас же.

Валерик. Тебе мало живого, свободного чувства, ты хочешь его запихать [redacted] клетку, привязать узлами.

Нинка. Мне это было не так уж важно. Я ждала, когда ты сам заговоришь.

Валерик. А сейчас что — стало важно?

Нинка. Сейчас это необходимо.

Валерик. Почему необходимо?

Нинка. Потому что у нас будет ребенок.

Валерик. Боже мой. Как будто это неизбежность.

Нинка. Какой ты мальчик. Ясно — неизбежность.

Валерик. Извини, но тысячи женщин от этого избавляются.

Нинка. Это их дело.

Валерик. Деточка. Мне за тебя, честное слово, страшно. Ты хочешь натворить что-то безумное. Зачем это, помилуй! Пожалей себя!

Нинка. По-моему, ничего не безумное, наоборот — очень даже правильное.

Валерик. Ты не соображаешь, что ты затеяла. Ужасно! Рыбка! Что ты с собой делаешь? Вместо того чтобы стараться сделать жизнь приятной — себе же в первую очередь! — ты нагромождаешь трудности, проблемы...

Нинка. Что я затеяла? Что тут необыкновенного? Выйти замуж, иметь ребенка?

Валерик. Я не хотел тебя огорчать. Но ты вынуждаешь... Деточка, я ни на ком не могу жениться. Я женат, уже женат, давно женат. И жена не даст мне развода.

Нинка. Ты женат?

Валерик. Вот, представь.

Нинка. Ты правда женат?

Валерик. Могу предъявить отметку в паспорте.

Нинка. Мне говорили. Но я не верила.

Валерик. Почему не верила? *(Пародируя.)* Что тут необыкновенного?

Нинка. Почему ты раньше не сказал?

Валерик. А ты спрашивала?

Нинка. Я была уверена, что ты бы сказал. Ты боялся, что я от тебя откажусь, да?

Валерик. Я же говорю: не хотел причинять тебе боль.

Нинка. И она не дает развода? Ты просил ее, да?

Валерик. В общем, она когда вдруг исчезла ни с того ни с сего...

Нинка. Она тебя бросила?

Валерик. Она меня бросила. Была тихая девочка, вроде тебя, и вдруг проявила инициативу. Оставила записку, и, между прочим, написала, чтоб я на развод не рассчитывал.

Нинка. Почему же, раз она ушла сама?

Валерик. Не знаю, у нее это сложно. Вообще трудный была человек. Тихая, тихая, а характер — железо.

Нинка. У вас был ребенок?

Валерик. Ну что ты.

Нинка. Если ты захочешь развестись, то ведь, кажется, можно без ее согласия?

Валерик. Нет, на это я не пойду, знаешь. Тащить наши с ней отношения в суд — без ее согласия... Я не могу так поступить с женщиной.

Нинка. Где она теперь?

Валерик. Скорей всего в экспедиции. Она геодезист, или топограф, или что-то в этом роде, не скажу точно. Всегда в разъездах. Даже завидно, до чего приспособленный к жизни человек.

Нинка. Как называется учреждение, где она работает?

Валерик. Откуда мне знать? Уже три года, как мы расстались.

Нинка. Такими молодыми поженились?

Валерик. Молодость, глупость...

Нинка. Как ее зовут?

Валерик. Кира.

Нинка. Она красивая?

Валерик. Не знаю, как теперь. Была — чудная девочка.

Нинка. Покажешь карточку?

Валерик. Покажу как-нибудь, если тебе интересно.

Нинка. Ты ее любил больше, чем меня? Она была твоя первая любовь! *(Вдруг заплакала.)*

Валерик. Нет! Больше я не согласен! Как угодно! Прошу тебя! Если это может тебя утешить,— не была она моей первой любовью, не была, слышишь? Ни первой, ни последней. Ну, хватит, рыбка, хватит! *(Вытирает ей глаза.)*

Нинка. Не сердись. Я уже не плачу.

Валерик. И не о чем. Абсолютно! Все это такие условности. Дурацкие слова, стыдно произносить. Женат, не женат, чепуха же это. Вставай-ка, пошли где теплей. Успеем на последний сеанс.

Нинка. Валерик, только у меня нет денег на билеты.

Валерик. Как, у тебя ничего не осталось?

Нинка. Я думала занять у Жанны, а потом мы с ней поспорили по одному вопросу, я не захотела у нее занимать.

Валерик *(великодушно)*. Да ладно, есть же деньги. Я возьму билеты.

Идут.

Все-таки нельзя же тебе совсем без копейки, а?

Нинка. Я достану. Может быть, дадут еще немножко в кассе взаимопомощи.

Валерик. А если не дадут?
Нинка. Вообще-то могут и не дать.
Валерик. А у брата?..
Нинка. У Кости — нет.
Валерик. Что ж, он не выручит сестренку?
Нинка. Он спросит,— а где твоя получка.
Валерик. Знаешь, возьми себе из этих денег, а?
Нинка. А ты? Тебе и так не хватает.
Валерик. Ну, немного. Ну двадцать пять рублей возьми. Нет, бери! Бери, бери, слышишь!
Нинка *(берет)*. Спасибо, Валерик.
Валерик. Главное, запомни: жить надо легче. Сегодня не хватает, завтра хватает. Сегодня плохо, завтра хорошо. Послезавтра, может быть, опять плохо,— и так все время: вверх, вниз. Качели! Качайся и не унывай. Абсолютное идиотство, в сущности. Так стоит слезы тратить, ну скажи мне?

Уходят.

4

Уголок кафе. Утро. Официантка убирает на столике. За соседний столик садится Кира.

Кира. Накормите, девушка?
Официантка. А, кого я вижу. Да уж придется накормить. С приездом.
Кира. Здравствуйте.
Официантка. Давно вас не было видно.
Кира. Почти восемь месяцев.
Официантка *(подает карточку)*. Где побывали, опять на юге?
Кира. На этот раз на востоке.
Официантка. А загорели — вроде из Сочи приехали.
Кира. Там, где я была, солнце жарче, чем в Сочи.
Официантка. Это какое место?
Кира. Возле Темир-Тау. Казахстан.
Официантка. Тоже какое-нибудь грандиозное строительство?
Кира. Металлургический комбинат. Самые большие домны в Советском Союзе.
Официантка. Меня один старший лейтенант звал в Казахстан.

Кира. Что ж не поехали?
Официантка. Думаете — мне бы там понравилось?
Кира. И вам бы там понравилось, и вы бы там понравились.
Официантка. Думаете? Но мне не особенно понравился этот старший лейтенант.
Кира. Ах, так.
Официантка. Уж очень легкомысленно: что такое, раза два всего зашел к нам покушать, и сразу — будьте моей женой. Я признаю только проверенное чувство. Надо присмотреться, узнать... а не выскакивать за первого встречного. В старину говорили, что пуд соли нужно съесть с человеком; это правильно! Конечно, сейчас другое время, старые люди во многом отстали от жизни, но кое к чему все-таки стоит прислушаться... Что кушать будем? Очень красиво загорели. Воображаю вас в летнем платье без рукавов.
Кира. Да, это было неплохо. Будем кушать сосиски с горошком.
Официантка. Возьмите шницель. Сосиски сегодня жестковатые.
Кира. Хорошо, пусть шницель. И омлет. И кофе.
Официантка. Что к кофе?
Кира. Что-нибудь. По вашему выбору.

Оставшись одна, разворачивает журнал. К столику подходит Нинка.

Нинка. Здравствуйте. Мне нужно с вами поговорить.
Кира. Вы не ошиблись, девушка? По-моему, мы незнакомы.
Нинка. Если вы жена Валерика, то я не ошиблась.
Кира. Его до сих пор зовут Валерик?
Нинка. Конечно, а почему же...
Кира. И он откликается?
Нинка. Я не понимаю.
Кира. Валерик, Валерик. Мальчик, которого надо водить за ручку. Постареет, облысеет — а все будет Валерик, Валерочка.
Нинка *(держась за спинку стула, тихо)*. Просто все его так зовут. Он не просит, чтобы его так звали.
Кира. Человек получает имя, какое заработал.
Нинка. Разве это всегда так? Будьте справедливы: не всегда бывает так.
Кира. В данном случае это так.
Нинка. Легче всего — обвинять.
Кира. Он вас прислал? Что ему нужно?

Нинка. Он не прислал. Я сама вас искала. Он не хотел, чтобы [redacted] искала. Отговаривал.

Кира. Сядьте, девушка. Тоже попалась в эту паутину, бедная мушка.

Нинка. Вы шутите... Я считаю — об этих вещах надо говорить серьезными словами. И красивыми.

Кира. Согласна. Безусловно: серьезными и красивыми. Только так! А если мальчики Валерики учат нас говорить несерьезно и некрасиво?

Нинка. Валерик говорит как поэт! Вы же знаете. Вы не могли забыть.

Кира. Ну сядьте! Вы славный ребенок. Мне вас жаль. Совершенно серьезно жаль.

Нинка *(села)*. Вообще не думаю, чтобы Валерик мог вас учить. Вы такая самостоятельная, с характером,— как он мог на вас влиять?

Кира. Откуда вам известно, что я самостоятельная и с характером?

Нинка. От Валерика.

Является официантка с подносом.

Кира. Еще один такой же завтрак, будьте добры.

Нинка. Для меня? Спасибо. Я не хочу есть.

Кира. А может быть?..

Нинка. Спасибо, нет. Я завтракала.

Кира. Тогда — кофе на двоих.

Официантка уходит.

А я хочу есть. Вы не обидитесь?.. *(Ест с аппетитом.)* И что же ему, Валерику, нравится моя самостоятельность или не нравится?

Нинка. Он вас очень уважает. Он завидует вам. Бывает ведь и хорошая зависть. Он не говорит, но ему конечно бы хотелось быть таким, как вы.

Кира. За чем же дело стало? Что ему мешает?

Нинка. У него не хватает силы воли.

Кира. Какая особенная нужна сила воли, чтобы найти себе занятие по душе, что это — подвиг, что ли?.. Почему он ничем не занимается?

Нинка. Занимается.

Кира. Чем?

Нинка. Английским языком.

Кира. Прекрасно. А еще?

Нинка. Вы думаете — ему работать не хочется?

Кира. Почему он уехал с Сахалина?

Нинка. К нему там было неважное отношение.

Кира. А что он сделал, чтоб хорошее было отношение?

Нинка. Он говорит — ничего не мог сделать. Ему очень трудно было в непривычной обстановке. И климат для него тяжелый, он говорит.

Кира. Он говорит, он говорит... Слушайте! Три года назад [redacted] взяла и — рраз! — вычеркнула из моей жизни всю эту муть. Вышла из дому с таким вот чемоданчиком, в кармане рубль сорок копеек... Вздохнула вольно — и вы не поверите: так радостно, светло мне стало, что всего-навсего рубль сорок и что чемоданчик не весит ничего! Не верите.

Нинка. Верю.

Кира. Вы это понимаете?

Нинка. Понимаю. Что ничего-ничего с собой не унесли. Что все впереди. Что все в ваших собственных руках.

Кира. Как свести концы с концами: понимаете такое, и любите этого Валерку.

Нинка. Вы тоже его любили.

Кира. Мне было двадцать лет.

Нинка. Мне двадцать лет.

Кира. Мне было двадцать лет, когда [redacted] с этим уже разделалась.

Нинка. А я не хочу разделываться, только в этом между нами разница.

Кира. Это большая получается разница, если вы не хотите разделаться. Не хотите выпутаться из паутины.

Нинка. Вы вышли от него налегке и обрадовались, что вам легко. А его вы бросили с тяжестью.

Кира. Какая у него тяжесть?

Нинка. Какая тяжесть? А его неустройство? А что он ни к чему не умеет прилепиться душой?

Кира. Ничего этого он не переживает. Вы за него переживаете, а он живет себе посвистывая, как ему нравится.

Нинка. Нет, нет! Он мучается! И ему еще страшно не везет. Он просто иной раз в отчаянии от своего невезенья. За что, говорит, ни возьмусь, ничего не получается, ну ничего! Почти совсем уже устроился в «Смену» внештатным сотрудником. И, понимаете, написал корреспонденцию, и кто-то там чего-то не проверил, что-то, в общем, получилось не так, и ему теперь больше не дают заданий... Обещал один товарищ устроить на работу, и куда же устроил — в кино администратором, разве может Валерик администратором... Хотел уж поступить корректо-

ром, было место,— взяли женщину, какую-то со стажем... Просто он неудачник.

Кира. Отвратительно.

Нинка. Отвратительно?

Кира. Слушайте, что может быть противнее, чем неудачник!

Нинка. Вы, значит, любите удачников.

Кира. Деятельных людей люблю. Которые знают, чего хотят. И добиваются своего. А не плывут по течению, как щепки.

Нинка. Вы правы в том смысле, что Валерик действительно не очень знает, чего ему надо... То хотел в «Смену», а теперь хочет в «Интурист», а куда захочет дальше, я даже не знаю.

Кира. Вы так говорите, будто это очень хорошо и для Валерика, и для общества.

Нинка. Нет, я согласна с вами, что это плохо и для Валерика, и для общества. Но в общем вы страшно неправы. Бесчеловечно неправы. Это ужасно!

Кира. Что ужасно?

Нинка. Вы их вычеркиваете из жизни.

Кира. Кого?

Нинка. Неудачников.

Кира. Вычеркиваю? Я говорю, что лично я их терпеть не могу.

Нинка. Вычеркиваете. Рраз! — и готово... отвернулись и пошли своей дорогой... налегке! А кто вам дал право вычеркивать? Почему вы беретесь выносить приговоры? Вы сами разве совершенство, чтобы судить других?

Кира. Вы, ребенок, кажется, хамить начинаете. Давайте будем взаимно вежливы.

Нинка. Я не признаю за вами права судить Валерика. Все ваши слова, все поступки — эгоизм, больше ничего. Вам хорошо, и вы довольны, и считаете, что вы замечательная.

Кира. Он вам карточку мою показывал?

Нинка. Да.

Кира. Похожа я?

Нинка. Вы, по-моему, очень повзрослели.

Кира. Еще бы. Фотография старая. Я была дурочка, ничего не соображающая. С первого взгляда врезалась, и тоже мне казалось, что он о любви говорит, как Пушкин.

Нинка. Как вы могли его бросить!

Кира. Вот тебе на. Человек оскорбляет вас на каждом шагу, врет, обманывает, разрушает вашу веру в людей, веру в чувство человеческое...

Нинка. А вы ей не позволяйте разрушаться. Будьте сильней этого.

Кира. Отравляет вас горечью. Заставляет с утра до вечера думать черт знает о чем. Делает вашу жизнь бесплодной, мелкой, презренной, никому, кроме вас, не нужной, и после этого упрекать женщину: ты его бросила,— нет, оставьте! Я больше не могла видеть его, слышать его, идти с ним куда-то, думать о нем,— ничего больше не могла!

Нинка. Вы, должно быть, к нему предъявляли очень большие требования.

Кира. Я хотела жизни чистой и разумной. Это непосильные требования?

Нинка. А если человек не знает, если он еще не успел себе уяснить, что значит жить разумно?

Кира. До какого же возраста человек себе это уясняет?

Нинка. Это же у всех по-разному. Иногда совсем уже старик, и то не знает, как надо жить. Почему вы со старого не спрашиваете, а с молодого спрашиваете?

Кира. Его же учат, этого молодого! В университете учили, на хорошую работу послали, поле деятельности дали настоящее!.. Ничего не хочет понимать, болтается без толку,— да пусть пропадает в конце концов, кому он нужен, обойдется без него, противно только!

Нинка. Никому не нужен?

Кира. Ничтожество!

Нинка. А если, например, война? Тогда не скажете — ничтожество, без тебя обойдется. Тогда скажете — иди, будь храбрый, умри за родину! Ведь родина-то у него есть, родину у него не отнимете, не можете отнять?! А раз есть у него родина — значит, он нужен родине! И ей не все равно, пропадет он или нет!.. Я вообще не могу понять, как это: чтобы человек — такой красивый, такой прекрасный — такая молодая жизнь — только-только начинается,— ничтожество?! Никогда не поверю!

Кира. По-вашему, я должна была нянькой сидеть около него?

Нинка. Как я могу учить, что вы должны, чего не должны? Не знаю!

Кира. Слушайте. Что я вам расскажу. Вы ленинградка?

Н и н к а. Да.

К и р а. Куда выезжали из Ленинграда?

Н и н к а. В разные места. В Парголово. В Зеленогорск. В Петергоф...

К и р а. Это все пригородными поездами. Горы видела, ребенок? Степь видела?

Н и н к а. В кино.

К и р а. Вот слушай. Рано-рано утром выходишь из палатки — прямо в огромную-огромную степь... под огромное-огромное небо! Так и охватит тебя всю эта воля... Солнце на краю неба. Ветер прилетел откуда-то из-за тридевяти земель... Встают люди в палатках, человеческие голоса звучат. И ты с этими людьми, не зря сюда пришла. Цель у тебя есть, место есть на земном шаре — не по блату место, по заслугам.

Н и н к а. Вы всегда где-то там. Я вас насилу дождалась.

К и р а. Да, большую часть года мы в экспедициях.

Н и н к а. Вы геолог?

К и р а. Изыскатель-топограф. Когда я ушла тогда... с чемоданчиком, налегке! — до того не захотелось [redacted] университет возвращаться! Захотелось, чтобы все по-другому! Куда-то ехать, видеть другие лица, существовать не на стипендию, а на зарплату,— словом, выйти из приготовительного состояния, действовать. И чтобы зарплата была как следует, чтобы существовать, что называется, на высоте!

Н и н к а. Доказать.

К и р а. Доказать, если хочешь. Не кому-то, а себе доказать... Ну — подготовилась. Мои два курса геологического помогли до некоторой степени. И хорошие люди помогли. Теперь я сама себе хозяйка и госпожа.

О ф и ц и а н т к а подает кофе.

Чего и тебе желаю. Давай кофе пить.

Официантка уходит.

А жена я была неплохая. Старалась на него плодотворно воздействовать... пока терпение не лопнуло. Ведь [redacted] человек, как ты думаешь? И моя жизнь тогда только-только начиналась. Если он о моей жизни не беспокоился, должна же была хоть я сама побеспокоиться. И ты о себе побеспокойся, пока не поздно.

Н и н к а. А о нем кто побеспокоится?

К и р а. Не знаю, как сейчас, [redacted] мое время — вполне достаточно было дур, которые только о нем и думали. Не пропадет, не волнуйся.

Н и н к а. Но это же совсем другое. Это, я думаю, не помогает человеку, [redacted] мешает. И как вы ничего ему не прощаете! Даже этих, как вы говорите, дур. Он же не виноват, если о нем думают. И они не виноваты. Идет по улице — изо всех выделяется... как же девочкам о нем не думать, они же не слепые... Я что-то хотела сказать. Да, вот что [redacted] хотела сказать: он не просто так занимается английским языком, от нечего делать,— он совершенствуется, чтобы поступить на курсы «Интуриста». Он будет гидом-переводчиком. Будет водить иностранцев по городу. Мне кажется, это интереснее, чем администратором в кино.

К и р а. Возможно, не знаю.

Н и н к а. Жаль — эта работа сезонная. Не на весь год.

К и р а. Ничего. Он больше одного сезона все равно не вытянет. Да еще и курсы одолеет ли.

Н и н к а. Вы на него совсем махнули рукой.

К и р а. Ему с детства внушили, что он — цветок жизни, что все блага будут ему поднесены в готовом виде, на блюдечке с голубой каемочкой. А вырос — говорят: то нужно, другое нужно, изволь трудиться, поезжай туда-то. А он не хочет! Он может только получать в готовом виде.

Н и н к а. А зачем ему внушили?

К и р а. Только тех будем винить, кто внушал? А своя-то голова должна быть на плечах?

Н и н к а. Вы сказали: постареет, облысеет... Я как-то подумала: а что, если он так-таки ничего для себя [redacted] не найдет? Для ума своего, для рук... Станет старым... [redacted] среди ночи вдруг проснется... как от разрыва бомбы: что же, спросит, получилось из моей жизни? И уже времени нет исправить... *(Быстро.)* Глупая моя фантазия. Все будет хорошо.

К и р а *(хмурясь)*. Пей, ребенок. Остыло.

Н и н к а *(глотнув из чашки)*. Почему вы не даете ему развода?

К и р а. А он не просит.

Н и н к а. А если попросит?

К и р а. Попросит, думаешь?

Н и н к а. Ну, если.

К и р а. А зачем разводиться?

Н и н к а. Вы написали, чтобы он не рассчитывал на развод,— просто назло ему, да?

Кира. Чтобы других спасти от союза с ним. Акт женской солидарности. Вообразила по наивности, что это поможет.

Нинка. А сейчас?

Кира. Сейчас — не воображаю.

Нинка. Значит, вы согласитесь на развод?

Кира. Да к чему развод-то?

Нинка. Вам разве не тяжело, что вы связаны? С человеком, который вам не нужен.

Кира. Я не чувствую себя связанной.

Нинка. А вдруг вы захотите выйти замуж.

Кира. О, для этого много нужно, чтобы я опять захотела замуж.

Нинка. Ну, а вдруг.

Кира. Тогда и будем говорить. А сейчас, по правде сказать, мне развод даже невыгоден. Женщина в моем положении чувствует себя уверенней, если может сказать: я замужняя.

Официантка *(она возникала поблизости время от времени, прислушиваясь к разговору, и на этот раз не выдержала — вмешалась)*. Совершенно верно! По крайней мере, если ты улыбнулась на чью-нибудь шутку, он не будет воображать, что ты ему сию минуту повесишься на шею! И кое-кто подумает, прежде чем любезничать... когда ты не просишь, чтобы он любезничал! *(Удаляется.)*

Нинка. А если ему нужен развод?

Кира. Для чего? Ну, для чего? На тебе жениться? Не женится. А женится, не дай бог — тебе же хуже. Сейчас у тебя хоть какие-то иллюзии... Вы с ним врозь? Под разными крышами?

Нинка. Да.

Кира. И ты хочешь под одну?

Нинка. Я хочу, чтобы мы были — одно сердце. Одна жизнь.

Кира. Там сердце — камень, лед.

Нинка. Неправда, неправда! Но если бы даже это была правда — вы разве не верите, что любовь может растопить лед? Вы никогда не будете счастливой, если не верите.

Кира. Слушай. Вскоре после того, как мы поженились, ему понадобились деньги. Не хотел сказать, зачем. Твердил — очень нужно. Так метался, так искал этих денег, как в голод хлеба ищут. Я тогда тоже... хотела, чтоб одно сердце. Пошла, сдала кровь. Кровь, для больных, понимаешь? Принесла ему триста рублей. Вечером принес проигрыватель. Жаловался — на пластинки не хватило. Это тебе как?

Нинка. Он не посылал вас сдавать кровь. Вы это сами придумали. Здорово придумали. Мне в голову не приходило...

Кира. Слушай. А когда я перестала быть для него предметом первой необходимости,— он стал меня знакомить с разными типами, своими приятелями. Нарочно знакомить. Ты понимаешь?! Чтобы самому быть посвободней. Ничего ты не понимаешь, бедная рыбка на удочке!

Нинка *(просияла)*. Валерик меня тоже зовет — рыбка.

Кира. А ну тебя. Не дам развод. Спасайся, пока жива. Ты ведь тоже можешь... как ты сказала,— вдруг проснуться, как от разрыва бомбы... Хочешь, в экспедицию устрою? Поедем с тобой далеко. На простор.

Нинка. Я никуда от него не уеду.

Кира. Найдется другой: хороший, верный.

Нинка *(встает)*. Он любит меня. Вы на него наговариваете разные ужасы... Он все время обо мне думает. Хочет быть со мной. Видит меня во сне... Он дарит мне цветы! Делится со мной последними деньгами! У нас будет ребенок.

Кира *(после молчания)*. Что ж. Пусть так. Пусть подает о разводе. Я подпишу, что там надо. Передай ему.

Нинка. Хорошо.

Кира. Только потом не проклинай меня.

Нинка. Спасибо вам.

Кира. Прощай. Как тебя зовут?

Нинка. Нина.

Кира. Прощай, Нина.

Нинка. От нас обоих спасибо!

Она уходит. Приближается официантка.

Кира. Сколько с меня?

Официантка *(подает счет)*. Славненькая девушка, и какая молоденькая, и уже любовные неполадки, извините, я краем уха слышала. И никто ее, бедняжечку, не предостерег.

Кира *(расплачивается)*. А, собственно, как предостеречь? Лекции читать насчет пуда соли?.. Стариковский опыт здесь не помогает.

Официантка. Да, что поделаешь. Каждая, волей-неволей, действует на свой страх и риск. Тянет свой лотерейный билет. Проходит курс самостоятельно. Кто же в таких случаях будет слушать стариков!

5

Звонит телефон. Кто-то терпелнво и настойчиво призывает кого-то. Потом звонок прекращается, и слышен недоумевающий голос Нинки: «Алё! Алё! Что такое? Алё!»

Ниика у себя в комнате. Стоит с трубкой возле уха, притворив дверь (аппарат за дверью, в передней), и выкликивает: «Да что такое? Алё!» — и дует в трубку.

В другой малеиькой передней — тесной передней крошечной квартирки, построенной с помощью фанеры в недрах старого, доживающего свой век дома,— у телефонного аппарата Виктор и Валерик. Сняв трубку и зажав ее рукой, Виктор спрашивает: «Ну, если она — что говорить?»

Валерик *(вполголоса)*. Скажи — дома нет.

Нинка *(взывает)*. Алё! Алё!

Виктор *(в трубку)*. Да.

Нинка *(обрадовалась)*. Мне, будьте добры, пожалуйста, Валерика.

Виктор. Его нет дома.

Нинка. А когда он будет?

Виктор. Не могу вам сказать.

Нинка. Это не Витя?

Виктор. Витя.

Нинка. Здравствуйте, Витя. Это Нина говорит.

Виктор. Привет.

Нинка. Витя, а вы знаете, что сегодня день его рождения?

Виктор. Да, я вот зашел поздравить, а его нет. Я думал, он у вас.

Нинка *(простодушно)*. Нет. У меня его нет.

Виктор. Думаю все же, что он пошел к вам.

Нинка. Почему вы думаете?

Виктор. Ну, а где ему быть? Я пришел — именинника нет, в доме никаких праздничных приготовлений... Матушка его нездорова... в лежачем состоянии... гриппует. Это она мне, собственно, сказала, что он, вероятней всего, к вам пошел.

Нинка. Он ей сказал, что будет у меня?

Виктор. Не то чтобы сказал определенно, но такое у нее предположение.

Нинка *(в раздумье)*. Почему, интересно, она так решила... Витя, вы его будете ждать или уйдете?

Виктор. Да подожду немного, надо бы поздравить старика, я тут коньячку захватил...

Нинка *(счастливо)*. А я ему купила галстук. Очень абстрактный. Как вы с ним любите.

Виктор. Роскошно. У меня к вам просьба: если он придет, велите ему позвонить мне сюда, чтобы я даром не ждал, ладно?

Нинка. Ладно! А если он придет домой, вы ему скажите, пожалуйста, что я давно уже с работы пришла и жду его звонка. Чтобы позвонил сейчас же! Пожалуйста!

Виктор. Есть, Ниночка. Будет сделано. *(Вешает трубку.)* Уф!

Валерик. Ты гений. Что значит артист. Здорово сработано! Теперь — порядок: не нагрянет. Будет сидеть и ждать. Но в своей гениальности ты пересолил. Дело в том, что у нее дома я не бываю. Там этот братец, и во всех отношениях незачем мне там отсвечивать... Она удивилась, когда ты сказал, что я приду?

Виктор. Не очень.

Валерик. Хотя они редко удивляются. То, что с ними произошло, кажется им таким великим чудом, что уж больше ничто их не поражает.

Виктор. Она тебе приготовила подарок.

Валерик. Фу, черт.

Виктор. Абстрактный галстук.

Валерик. Бедняжка.

Они перешли из передней в комнату. На небольшом столе приготовлены фрукты, выпивка, рюмки.

Виктор. Если хочешь знать мое мнение — время нам с тобой эту бодягу кончать. Поболтались, и хватит.

Валерик. Если ты говоришь о Нинке...

Виктор. Вообще говорю. Хочу жизни строгой, собранной, целеустремленной.

Валерик. Интонации Германа.

Виктор. Хочу быть настоящим актером. Хочу, чтоб уважали хорошие люди. Откровенно говоря, после вот такого телефонного разговора чувствуешь себя пакостно.

Валерик. Ну, Витька! Я тебя тоже выручал!

Виктор. И я тебя выручил. И оба мы с тобой — сволочи первой марки.

Валерик. Герман, Герман! Слова Германа, музыка Германа! Он и сегодня будет нас воспитывать... Ну почему мы сволочи? Спроси хоть у Нинки: была она со мной счастлива? Да она тебе скажет, что для нее солнце взо-

шло, когда мы встретились!.. Напрасно ты его позвал. Кого бы нибудь повеселей.

Виктор. Ничего. Это полезно, чтобы совесть иногда беспокоилась.

Валерик. Слушай, только не напускай на себя. Не выношу, когда ты на себя напускаешь. То про похороны, то про совесть. Даже Рэм говорит, что это старомодно. *(Насвистывает весело и возбужденно.)* Рэма я не позвал. Меньше поучений, меньше наставлений.

Виктор *(оглядывая стол)*. А четвертый прибор для кого?

Валерик. Увидишь, увидишь, увидишь.

Виктор *(лениво)*. Секрет?

Валерик. Сюрприз, сюрприз, сюрприз.

Звонок в дверь.

(Самодовольно.) Вот!.. *(Идет отворять.)*

Входит Махровый и еще какой-то человек. Они одеты в поношенные полушубки, ушанки, неуклюжие подшитые валенки. На шапках и плечах у них снег. У Махрового в руке маленький старый чемоданчик. Человек, вошедший следом, безмолвен и невыразителен. Махровый пошаркал подошвами о половик у порога, и человек пошаркал. Как тень, держится он за плечом Махрового.

Махровый. Здравствуй, Валерочка.

Валерик. Здравствуйте...

Махровый. Не ожидал?

Валерик. Заходите, Алексей Аркадьич. Рад вас видеть.

Махровый. Давно не видались.

Валерик. Я все собираюсь.

Махровый. Прособирался, Валерочка.

Валерик. Заходите, пожалуйста.

Махровый. Да я на минутку.

Валерик. Да вы зайдите.

Махровый. Не зайду, не уговаривай! Я именно на одну минутку. И по пустяковому делу. *(Понизил голос.)* Ты подумал — и насчет тех денег? Нет!

Валерик. Тише...

Махровый. Кто там — мамаша?

Валерик. Товарищ один.

Махровый *(громко)*. Пустяковое дело. *(Тихо.)* Сунь эту штуку куда-нибудь. *(Громко.)* Мы тут с приятелем были в бане, а теперь спешим в приличное одно место, куда, понимаешь, с грязным бельем.. *(Тихо.)* Получше куда-нибудь засунь. Головой отвечаешь, помни. Дней через несколько — либо я сам зайду, либо он. *(Громко.)* Я, конечно, извиняюсь за такую интимную просьбу.

Валерик *(отступает)*. Я не хочу.

Махровый. А деньги — хотел?

Валерик *(отстраняет чемоданчик)*. Не хочу!

Махровый *(тихо, безмятежно)*. Деньги брал?

Его спутник молча придвигается к Валерику.

Валерик. Я же отдам!

Махровый. Тонуть будем вместе. Как камень на дно пойдешь. Быстро убирай, ну?! А слегавишь — жизни рад не будешь. Смерти запросишь — не дадим. Ясно?

Он уходит, и его спутник за ним. На мгновение спутник оглянулся на Валерика. Дверь негромко хлопнула. Валерик стоит с чемоданчиком в руке... Возвращается в комнату.

Виктор *(около проигрывателя перебирает пластинки)*. Где же гости? Это не гости?

Валерик. Не гости. Это маму спрашивали. По ее каким-то делам...

Виктор. У тебя нет этой пластинки, знаешь — из фильма «Мост через Квай»?

Валерик *(бормочет)*. Через Квай?

Виктор. Ну помнишь — марш?

Валерик. Марш?.. *(Он нашел наконец место для чемоданчика — на платяном шкафу; забросил его туда и почувствовал облегчение. Дар речи вернулся к нему.)* Конечно, помню. Марш английских солдат. *(Насвистывает.)* У меня нет, к сожалению. А это ты знаешь? *(Ставит пластинку.)*

Звонок в дверь.

(Слабея.) О черт! *(Идет отворять.)* Кто там?

Тамара *(за дверью)*. Боже, какие предосторожности! *(Входит с тортом.)* Поздравляю тебя! Поздравляю! Чего тебе пожелать? Расти большой? Ты уже вырос большой. Будь красивым и умным? Ты уже красивый и умный. Желаю тебе того, чего ты сам себе желаешь. *(Сделала ему томные глаза.)* Это тебе торт. Я не спросила — ты ешь торт? Лично я предпочитаю перец и уксус. Но мужчины любят сладкое, мужчины — сладкоежки... Помоги же мне раздеться!

Валерик *(бросается снимать с нее пальто)*. Деточка, я засмотрелся на тебя. Ты сегодня страшно красивая.

Тамара. Больше, чем обычно?

Валерик. Еще больше, чем обычно.
Тамара. Слушай, не ври. Меня сегодня стриг другой парикмахер и все испортил.
Валерик. Ничего он не испортил, наоборот. Не клевещи на человека.
Тамара. Я специально стриглась ради твоего рождения,— ты оценил?
Валерик. Еще бы...

Объятие.

Тамара. Ну, идем.
Валерик. Идем, я тебя познакомлю с моим лучшим другом, тем самым Виктором, будущей знаменитостью.
Тамара. Торт, торт, забирай торт! Я требую, чтобы все будущие знаменитости ели мой торт!

В своей тихой комнате Нинка шьет детскую распашонку и разговаривает с Жанной, зашедшей ее навестить.

Жанна. Может, еще придет. Еще рано.
Нинка *(взглянула на часы)*. Уже не рано.
Жанна. Ну, знаешь их. Вечно у них тысяча дел. Пока до тебя дойдет, в двадцать мест забежит. Вот и Костя где-то загулял.
Нинка. Костя теперь по вечерам у девчат сидит в общежитии.
Жанна. Да ну.
Нинка. Домой только ночевать приходит. Кто-то там ему нравится. Бриться стал каждое утро. В Дом культуры ходят вместе.
Жанна. Это все не так много значит.
Нинка. Она ему рубашки починяет.
Жанна. Вот это уже что-то, что можно принять во внимание. Основательно, значит, поставили дело. Женятся, как считаешь?
Нинка. Не знаю. Он мне ничего не говорит. От посторонних узнаю.

Телефонный звонок. Нинка кинулась к аппарату.

Я слушаю!.. Кого?.. *(Горько.)* Сейчас. *(Зовет.)* Катерина Ивановна, вас к телефону! *(Вернулась к своему шитью.)*
Жанна *(вздыхая)*. Ты не волнуйся. Тебе волноваться нельзя. *(Рассматривает Нинкино рукоделие. Грустно.)* Чудные какие получаются вещички...

Сидят молча. Звонок в дверь. Нинка бежит отворять.

Нинка *(дрожащим голосом)*. Катерина Ивановна, к вам! *(Решительно звонит по телефону.)*

У Валерика музыка. Виктор ставит пластинки. Валерик и Тамара танцуют. На столе пустые бутылки. Очень прямо сидит Герман, он выпил и настроен воинственно. В музыку врываются телефонные звонки.

Валерик *(продолжая танцевать, многозначительно)*. Виктор!
Виктор *(выходит в переднюю, берет трубку)*. Да.
Нинка. Это Витя?
Виктор. Да.
Нинка. Это Нина говорит. Не приходил Валерик?
Виктор. Нет.
Нинка. И не звонил?
Виктор. Нет.
Нинка. Вы тоже его всё ждете?
Виктор. Да.
Нинка. Вы странно как-то говорите... Может быть, с ним что-нибудь случилось?
Виктор. Что могло случиться?
Нинка. Вдруг что-нибудь.
Виктор. Не думаю.
Нинка. Нет, правда, Витя. Ничего не случилось?
Виктор. Ровным счетом ничего, насколько мне известно.
Нинка. Вы еще будете ждать?
Виктор. Не знаю. Может быть.
Нинка. Если дождетесь — пожалуйста, обязательно ему скажите... Как мы с вами договорились.
Виктор. Хорошо. *(Вешает трубку.)*
Нинка *(Жанне)*. И дома его нет.
Жанна *(не выдержала умиротворяющего тона, взорвалась)*. И ты им веришь! Этому Витьке ты веришь! Это не знаю кем надо быть, чтобы им верить!..

Валерик продолжает танцевать с Тамарой.

Герман *(громко)*. Виктор, п-послушай!
Виктор. Слушаю.
Герман. Виктор, я чего-то недопонимаю.
Виктор. Чего ты недопонимаешь?
Герман. Я привык лицезреть ваш развратец. Ваш п-проклятый маленький гаденький развратец. Который вы обставляете разными красивыми вольнодумными словами. Вы меня приучили лицезреть. Вы меня даже

приучили относиться либерально. Но этого я не п-понимаю.

Виктор. Чего?

Герман. Почему я относился либерально? К тебе, в частности. По одной причине. Потому что вы не столько развратники, сколько п-притворяетесь развратниками. Вам кажется, что это вас украшает. Что вы от этого привлекательней... *(Показывает на танцующую пару.)* Думаешь, они друг без друга не могут обойтись? Великолепным образом могут. А притворяются, что не могут. Думаешь, они развратники? Д-дураки они, а не развратники. Вот почему, Виктор, я отношусь либерально. Но этого все-таки не могу понять, нет.

Виктор. Да чего, чего?

Герман. Где девочка?

Виктор. Какую тебе девочку? Вон девочка.

Герман. Это не девочка, а знаешь кто? Сказать тебе?

Виктор. Лучше не говори.

Герман. Где Нина? Где девочка, которую заманили, сбили с дороги, душевно ограбили и т-теперь заменяют какой-то...

Виктор. Тише, тише.

Герман. Тебе известно, что она из-за него работу потеряла?

Виктор. Ну, работает где-то.

Герман. А тебе известно, что она ребенка ждет? Я на днях ее встретил...

Виктор. Слушай, что ты ко мне пристал? При чем тут я? *(Меняет пластинку.)*

Герман. Вот, вот. «При чем тут я». Вот это самый ваш с-сволочизм. Ненавижу. Не-на-ви-жу. Ответственность друг за друга должна быть, или как? На все начхать, кроме своих собственных дел? Человек будет задыхаться у вас на глазах, а вы на этом человеке отплясывать будете со своими?..

Виктор. Герман, ты надрался, давай помолчим немного.

Герман. И не п-подумаю молчать.

Виктор. Слушай музыку.

Герман. И не п-подумаю слушать вашу музыку.

Тамара *(со смехом падает на тахту)*. Не могу больше! Валерик, не могу! Голова кружится! Ты меня перепоил, Валерик! Зачем ты меня перепоил? Я пьяная, пьяная, пьяная! *(Протягивает руку к Герману.)* Сигарету!

Так как Герман на этот приказ не реагирует, сигарету и спички, суетясь, подносит ей Валерик.

(Закурила полулежа.) А зря ты ругал свою квартирку, Валерик. У тебя симпатично.

Валерик. Смеешься. Вся квартира сделана из одной комнаты.

Тамара. Ну что ж. И очень симпатично сделана. Такие миленькие коробочки.

Валерик. Именно коробочки, особенно по сравнению с вашей квартирой.

Тамара. У нас квартира ничего. Хотя, конечно, бывают лучше. Я больше всего люблю нашу ванную. Папа дивно оборудовал нашу ванную. Я начинаю день с ванны и кончаю день ванной. *(У нее слегка заплетается язык. Она похлопала рукой по тахте.)* Сядь сюда... Потухло, дай спичку... Валерик, я пьяная...

Герман *(преувеличенно громко)*. Валерик!

Валерик. А?

Герман. А где т-твоя невеста? Нина где? Почему нет Нины?

Валерик. Герман, брось трепаться.

Герман. Она здорова? Как она себя чувствует? А? Валерик?

Валерик. Да брось, ну что ты на самом деле.

Герман. Я читал в вечерке твое объявление о разводе — вы, значит, с Ниной скоро п-поженитесь официально?

Валерик *(Виктору)*. Что я тебе говорил? Я тебе говорил, что он будет портить настроение? Говорил я тебе?

Виктор отворачивается.

Тамара *(села на тахте — трезвая, деловая)*. С кем поженишься? Какая невеста?

А на улице зима, снег идет. Под снегом у дома, где живет Валерик, стоит человек. Белая эмалевая дощечка с номером мирно освещена... Другие люди приближаются, и все один за другим входят в подъезд.

Что за номера, Валерик?

Валерик. Тамарочка, деточка, это же чистый треп!

Тамара. Валерик,— нет, не треп. Отвечай: какая такая Нина?

Валерик. Да нет же, господи помилуй, никакой Нины!

Тамара. Валерик, ты врешь. Отвечай. Нет, ты молчанкой не отделаешься. Ты ответишь. Имей в виду.

Валерик. Деточка! Ну какими тебе клясться клятвами? Радость моя! Это же известный трепач! И розыгрыш-то самый банальный, ну как не стыдно верить, ну ты же умница! Никакой Нины не существует в природе! Пошли танцевать!

Тамара. Нет, правда?

Валерик. Третий раз тебе говорю: никогда не знал никакой Нины! Слышишь, никогда!

Долгий громкий звонок. Виктор отворяет. Входят две степенные закутанные дворничихи, за ними милиционер, за ним двое штатских.

Один из штатских *(Виктору)*. Вы тут хозяин будете?

Виктор. Валерик! Тебя спрашивают.

Валерик выходит, встрепаный.

Штатский. Синицын, Валерий Николаевич?

Валерик. Да...

Штатский *(показывает раскрытую книжечку)*. Уголовный розыск. С обыском к вам. Ознакомьтесь с ордером, пожалуйста.

Валерик знакомится.

Распишитесь, что ознакомились.

Валерик расписывается.

В первую очередь попрошу предъявить чемодан, который вам оставили на хранение сегодня вечером.

6

В кабинете у следователя рыдает мать Валерика.

Мать Валерика. Товарищ следователь, товарищ следователь, да вы посмотрите на него! Вы же его видели! Ну посмотрите на него хорошенько! Чтобы с таким лицом — преступник?! Господи! Слепые вы... безумные, ох!.. Чтобы мой Валерик — преступник!

Следователь молча перелистывает бумаги.

Такой мальчик! Только что двадцать пять лет исполнилось. День рождения справляли... Товарищ следователь, я вас убедительно прошу, посмотрите на него как следует, в глаза ему посмотрите, это же не может быть!

Следователь. Чего не может быть?

Мать Валерика. Чтобы он в чем-нибудь был виноват. Он ни в чем не может быть виноват!

Следователь. Успокойтесь, и продолжим наш разговор разумно. У вас какая профессия?

Мать Валерика. Медицинский работник Медсестра.

Следователь. Где работаете?

Мать Валерика. В больнице Эрисмана. Папочку нашего мобилизовали, и на курсы сестер пошла. Всю войну в тылу по госпиталям, а после реэвакуации у Эрисмана. Скоро юбилей могу отмечать.

Следователь. Муж когда убит?

Мать Валерика. В феврале сорок третьего пришла похоронная, семнадцатого числа. А когда его не стало, нашего папочки, мы не знаем.

Следователь. Сами, значит, сына поднимали.

Мать Валерика. Сама, товарищ следователь! Своими руками!

Следователь. Образование дали хорошее.

Мать Валерика *(с гордостью)*. Да уж, кажется, ничего не упустила. И сейчас он... перед этим несчастьем... английские уроки брал, моя деточка. *(Горько заплакала.)*

Следователь. Частные уроки?

Мать Валерика. С самой первоклассной учительницей занимался. У нее произношение самое замечательное, он говорит.

Следователь. И не работал.

Мать Валерика. Товарищ следователь, он собирался работать! Он английским переводчиком собирался работать!

Следователь. А ведь это, наверно, дороговато — частные уроки, да еще у первоклассной учительницы, как вы ухитрялись из своей зарплаты?

Мать Валерика. Товарищ следователь, я с вами буду вполне откровенна. Наше медсестринское дело такое, что мы можем иметь приработок. У кого, конечно, настоящая квалификация. Меня, например, уважают в некоторых профессорских семьях. И даже один член-корреспондент. Если нужно укол, или банки, или подежурить около больного, они никаких сестер не признают, только меня. А почему, потому что у меня рука легкая. Я не болезненно

делаю, приятно. И сильная: мне помогать не надо, какого хотите больного сама поверну, переложу как ему удобно.

Следователь. В тот вечер, когда справлялся день рождения, вы были в больнице?

Мать Валерика. Нет, я не была в больнице.

Следователь. Дежурили у какого-нибудь больного?

Мать Валерика. Нет.

Следователь. А где вы были, вы можете сказать?

Мать Валерика. Конечно, могу, в этом ничего нет такого. Я сначала была в кино. В «Титане». Потом пошла к знакомой и у нее осталась ночевать. Я вам адрес дам, она подтвердит.

Следователь. Почему же вы ушли из дому, когда праздновался день рождения сына? Поссорились с ним, что ли?

Мать Валерика. Что вы, разве я когда-нибудь ссорилась с Валериком. Просто, когда у него собирается молодежь, я ухожу. Квартирка у нас тесная. Что я там буду торчать, мешать им.

Следователь. Это сын вас просил уходить?

Мать Валерика. Да я бы и сама догадалась. Люди молодые, у них свои интересы... И не так часто у него собираются. А мне совершенно не трудно где-нибудь переночевать. Я на работе вообще привыкла, свободно могу не поспать одну, другую ночь.

Следователь. Вы слышали когда-нибудь такую фамилию — Махровый?

Мать Валерика. Никогда не слышала.

Следователь. Не упоминал ваш сын эту фамилию?

Мать Валерика. Никогда не упоминал.

Следователь. А не замечали, чтобы он интересовался валютными ценностями?

Мать Валерика. Господи,— ценности, да еще валютные! Он их и не знает.

Следователь. Брильянтами.

Мать Валерика. Чем?

Следователь. Брильянтами.

Мать Валерика. Извиняюсь, мне даже странно. Мы с ним о брильянтах только в романах читали, как и вы, я думаю; чего ради он заинтересуется?

Следователь. А за что он получил от Махрового десять тысяч рублей?

Мать Валерика. Десять тысяч, это я не знаю.

Я знаю четыре тысячи, это он занял, в долг взял. И не у Махрового, а у какого-то своего знакомого. Фамилию не скажу, знаю только имя-отчество.

Следователь. Какое же имя-отчество?

Мать Валерика. Алексей Аркадьич. Это когда Валерик приехал с Сахалина и у нас трудное было время — я болела, а его в дороге обворовали, и ему одеться надо было,— вот он приходит один раз и говорит — меня, говорит, мой знакомый выручает, Алексей Аркадьич, дает в долг четыре тысячи.

Следователь. Десять.

Мать Валерика. Валерик сказал — четыре.

Следователь. В расписке написано — десять.

Мать Валерика. В какой расписке?

Следователь. Которую нашли у Махрового.

Мать Валерика. У Махрового?.. *(Вдруг что-то поняла, ослабела.)* Товарищ следователь, во что его путают?

Следователь. Сам запутался.

Мать Валерика. Господи, куда?! Он не может быть преступником, что вы говорите?! Он по натуре своей не способен ни на что дурное! По своей прекрасной душе!.. Его, возможно, обманули какие-нибудь негодяи... Он такой, мой Валерик, доверчивый! Его каждый может обвести вокруг пальца!..

На набережной Невы, любуясь туманной панорамой города, стоят Герман и Виктор.

Герман. Из вопросов следователя я сделал з-заключение, что это крупные зубры, скупщики валюты,— дело явно очень д-дрянное, антигосударственное.

Виктор. Я не верю, чтобы он в этом принимал участие!

Герман. Да, я тоже не д-думаю. Думаю, что тут одно легкомыслие. Одно ваше кретинское — тра-ля-ля, давайте жить легко.

Виктор. Ты мне всю жизнь будешь этим колоть глаза?

Герман. Всю жизнь не выйдет, я ведь уезжаю.

Виктор. Представь — мне жаль.

Герман. Да что ты.

Виктор. Вот представь, мы с тобой пререкаемся с детства, и ты не даешь мне проходу, и вообще ты отвратительный педант, но мне почему-то не хочется, чтобы ты уезжал.

Герман. Спасибо, Витя. Видишь ли, Витя, у меня очень большая жизненная п-программа. Мне нужны просторы.

Виктор. Этих просторов тебе мало?

Герман. Мало!

Идет Рэм.

А, Рэм, з-здорово, Рэм!

Рэм. Здравствуйте, ребята.

Виктор. Привет.

Рэм. Герман, ну как — распределился?

Герман. Распределился.

Рэм. И куда?

Герман. Красноярский край.

Рэм. Не далековато?

Герман. В самый раз.

Рэм. И когда же?

Герман. Сразу п-после выпуска.

Рэм. А что с Валериком, ребята? Прояснилось что-нибудь?

Виктор. Еще проясняется.

Рэм. Вот бедняга, как это его угораздило?

В кабинете следователя сидит Тамара.

Тамара. Десять тысяч? Я у него десять рублей ни разу не видела. Если хотите знать, я все билеты за свои деньги покупала, и в кино, и в театр, и на эту аргентинскую певицу, как ее... Можете поверить. И за себя платила, и за него. Сигареты, и те покупались на мои деньги. Кстати, я бы хотела закурить.

Следователь. Пожалуйста. Но десять тысяч он получил. Он сам это признает.

Тамара *(закурила)*. Подумаешь. Ну, получил, допустим. Получил и истратил. Оделся прилично, и опять без гроша. Когда мы познакомились, я же вам говорю,— он был абсолютно без гроша.

Следователь. Но за что он получил?

Тамара. Да ни за что. Просто в долг взял. Мне папа добавляет к стипендии очень прилично, и то бывает, случается — стреляешь у кого-нибудь десятку, а то и трешку.

Следователь. Как он мог взять в долг такие деньги, когда он не работал? На что он рассчитывал?

Тамара. Ну... я не знаю. Выплатил бы когда-нибудь... Какое это имеет значение?

Следователь. Вы считаете, это моральный поступок — брать в долг, не предвидя реальной возможности вернуть взятое?

Тамара. Гражданин следователь, я вас попрошу — не учите меня, что морально, что аморально. Я сама в этом как-нибудь разберусь. Очевидно, те, кто дал ему эти деньги, и не предполагали, что он их вернет завтра-послезавтра.

Следователь. Очевидно. Поэтому и встает вопрос: за что ему дали такую сумму при столь туманных перспективах?

Тамара. Я же вам говорю: он эту сумму занял. А уж на что рассчитывал, это его личное дело. Не понимаю, почему это вас заботит — когда бы он вернул долг этим подонкам. Почему вы требуете, чтобы Валерик беспокоился о подонках как о порядочных людях.

Следователь. Вам не кажется, что в этой истории все — подонки?

Тамара. Потрудитесь его не оскорблять. Вы не имеете права. Учтите, если дойдет до суда — его будет защищать самый лучший защитник. Я говорила с папой, и папа мне обещал. Вам не удастся закатать Валерика вместе с какими-то уголовниками.

Следователь. Мы не стараемся закатать Валерика. Мы стараемся выяснить истину.

Тамара. Истина заключается в том, что бедного воробышка просто оболванили.

Следователь. Спорить с вами не буду. Может быть и так.

Тамара. Увидите, что так, а не иначе!

..И вот опять набережная. Сияющий весенний вечер. Тамара прогуливается с Валериком.

Валерик. Ну где еще у нас увидишь такие набережные, такие ансамбли?

Тамара. Даже не подозревала, что это такое счастье, воробышек,— слышать твой голос. Я боялась, что не скоро его услышу.

Валерик. Что такое? Это теперь всегда будет, что ли? Даже злодея, ей-богу, не обрекают на то, чтобы на каждом шагу...

Тамара. Что, что, что ты?

Валерик. Опять ты напоминаешь! Зачем ты мне напоминаешь! Надо же быть хоть немножко чуткой, деточка!

Тамара. Ну извини, извини!

Валерик. Ненавижу вспоминать неприятности! Мало ли кто каких не делает глупостей! Неужели тебе нравится...

Тамара. Не буду, не буду, не буду!

Валерик *(после небольшого молчания, прежним лирическим тоном)*. Ты знаешь — забавно,— когда я жил на Сахалине, ни разу мне Сахалин не приснился, всегда снился Ленинград.

Тамара *(прижавшись к нему)*. Скоро опять будут белые ночи...

Валерик. Да,— ты только посмотри на это небо...

7

Светлый вечер смотрит поверх крыш с антеннами и трубами в окно Нинкиной комнаты.

Нинка *(над детской кроваткой)*. Ты мой маленький. Ты мой маленький. Ты мой такой смешной. Ты мой такой похожий на папу... Ну что, маленький? Ну что? Ну что?.. С понедельника в ясли с тобой пойдем. В ясли. Маленький в ясли, а мама на работу. Хватит маме гулять. Хватит, нагулялась. Иди, мама, лифчики шить. С лямками и без лямок. А маленькому в яслях будет хорошо. Спать на балконе будет маленький, на воздухе. Витамины будут маленькому давать. На весах взвешивать. Нянечки там хорошие... И дядю Костю меньше будем обременять. Разгрузим тебя, дядя Костя, бедненький. Дадим тебе отдохнуть. А то Катерина Ивановна говорит, что мы у тебя как две гири на ногах. Две гири... Ты на нас не сердись, дядя Костя. Мы больше не будем. Спасибо тебе за все. Теперь мы уже сами. Понемножку. Трудно — это ничего. Маленький мой не почувствует...

Входит Костя.

Костя *(тихим голосом)*. Ко мне никто не приходил?

Нинка. Нет.

Костя. И не звонил?

Нинка. Нет.

Костя. Спит племянник?

Нинка. Засыпает. Ничего, Косточка, говори громко. Он заснет.

Костя *(заглянул в кроватку)*. Все в порядке у племянника?

Нинка. Все в порядке. С понедельника в ясли несу.

Костя. Нинка. Мне с тобой нужно поговорить.

Нинка. Я давно жду, Косточка, чтоб ты со мной поговорил.

Костя. Зина обижается, что я чуть не полгода тяну,— это я специально и исключительно ради тебя тянул, имей в виду.

Нинка. Я знаю.

Костя. Даю тебе слово, если б твоя история закончилась иначе, я бы переехал в общежитие, я бы еще столько ждал...

Нинка. Я знаю, знаю!

Костя. ...лишь бы у тебя наладилось. Но вчера я узнал, что этот мерзавец...

Нинка. Не надо!

Костя. ...который даже ни разу не счел нужным зайти взглянуть на своего ребенка... Что он женился. Тебе это известно, я думаю.

Нинка. Да.

Костя. Во Дворце бракосочетаний, скотина, регистрировался. Я как узнал — в глазах потемнело...

Нинка. Не надо, Косточка.

Костя. Действительно, после драки — что ж махать кулаками. В свое бы время я должен вмешаться, Зина права. Воздействовать как-то... Ведь чувствовал, что этим кончится. Сбила ты меня тогда: заступалась очень... Да, я, собственно, вот о чем. Сейчас-то уж никакого смысла нам с Зиной дальше тянуть, ты согласна?

Нинка. Никакого смысла.

Костя. Можно эту комнату перегородить, как ты считаешь?

Нинка. Конечно.

Костя. Если вот так поставить перегородку.

Нинка. Можно и так. Нам с маленьким лишь бы какой-нибудь уголочек.

Костя. Зачем это. Почему вам с маленьким уголочек. Поровну будем делить, по справедливости. Зина человек очень справедливый. И, знаешь, открытый такой, прямой. Хороший человек... Причем я хочу тебя обрадовать, что вся эта заводиловка с перегородками — это ненадолго, месяца на четыре, самое большее на пять. К годовщине Октября нам квартирку обещают в новом доме.

Н и н к а. Как хорошо, Косточка!

К о с т я. А эта комната останется вам с племянником. Ты ничего не имеешь против, если Зина начнет перебираться сегодня вечером?

Н и н к а. Что и могу иметь против. Я за тебя рада, Косточка.

К о с т я. Да, понимаешь, прекрасный человек! Она, собственно, сегодня только зайдет посмотреть — что у нас есть, и чего нет, и что нужно купить. А завтра мы с ней все купим, и я ее перевезу. Что-то она задержалась.

Звонок.

Ага, вот и мы! *(Идет отворять.)*

Входит Ж а н н а.

Н и н к а. Это ты, Жанночка?

Ж а н н а. До чего у Кости ко мне антипатия. Открыл дверь,— прямо фыркнул на меня: «здрасте!» — как будто я не знаю кто такая. Во всяком случае, не человек. Я тебе принесла пивные дрожжи.

Н и н к а. Что принесла?

Ж а н н а. Пивные дрожжи.

Н и н к а. Зачем?

Ж а н н а. Наши бабки на фабрике все в один голос — чтоб ты пила пивные дрожжи. Пей.

Н и н к а. Это полезно маленькому?

Ж а н н а. Вот я не спросила, как маленькому, а тебе, они говорят, очень полезно.

Н и н к а. Я спрошу в консультации.

Ж а н н а. Слушай, пей! Уж наши бабки в этих вещах разбираются. Пей, пожалуйста! Я за этими дрожжами целый час стояла в очереди со сплошными алкоголиками.

Н и н к а. Почему с алкоголиками?

Ж а н н а. Так дрожжи ведь пивные. Алкоголики их пьют вместо пива. Жутко дешево: пятьдесят копеек литр. Он за полтинник так охмелеет, будь здорова. Некоторые вот с такими бидонами стоят. Пей!

Н и н к а. Нет, Жанночка, нет. Я сначала узнаю в консультации.

Звонок.

(Тихо.) Жанка, ты знаешь — Костя женится.

Ж а н н а. Да ну. На той самой?

Н и н к а. Той самой. Комнату будем перегораживать.

Ж а н н а. Новости...

Костя вносит сумки с кастрюлями и разной утварью, за ним входит З и н а.

З и н а. Здравствуйте.

Н и н к а. Здравствуйте...

К о с т я. Вот это Нина, знакомься.

З и н а. Здравствуй, Нина. А это, значит, племянник.

К о с т я. Это племянник.

З и н а *(покровительственно)*. Хорошенький ребеночек. Носик какой симпатичный... Это, значит, ваша комната. Знаешь, Костя, что будем покупать первым делом? Первым делом придется покупать гардероб. Без гардероба очень портится одежда. Как ты ее там ни прикрывай, а на стенке одежда портится. Гардероб поищем хороший, но без зеркала, с зеркалом сейчас не модно. С остальной мебелью, мое мнение, подождем до новой квартиры. Кухонный шкафчик есть, ты говорил?

К о с т я. Есть.

З и н а. Покажи, что за шкафчик. *(Вслед за Костей плавно выходит из комнаты.)*

Н и н к а. Красивая...

Ж а н н а. Как себя держит, прямо министр.

Н и н к а. К работе приступлю — опять мало буду дома бывать.

Ж а н н а. Все же больше придется, чем прежде. Домато бывать. Купать будем сегодня?

Н и н к а. Попозже.

Ж а н н а. Я, может, воды пока нагрею?

Слышен голос Зины: «Ну хоть шаром покати! А хвалился, хвалился!..»

Н и н к а. Подожди. Попозже нагреем... Жанка, они расписывались во Дворце бракосочетаний?

Ж а н н а. Валерик с Тамаркой? Во Дворце. Я тогда не досказала, потому что ты была как сумасшедшая... А живут у Тамаркиного отца. Сейчас, кажется, на дачу уехали. В Ушкове у них дача. Слушай, только больше не сходи с ума, ладно? Думай о маленьком и не сходи.

Н и н к а. Жанка, наша любовь началась в Ушкове.

Ж а н н а. Думай о маленьком.

Н и н к а. «Любовь должна быть радостью, сияньем, праздником, балом...» И он может ходить по Ушкову и не думать обо мне.

Возвращается З и н а.

З и н а. Посмотрела ваше хозяйство — ничего у вас нет, пустой шкафчик. Ни круп, ни муки. Соли, и то на донышке. Чаю щепотки нет — заварить.

Нинка. Я утром пойду гулять с маленьким, куплю чаю.

Зина. А Костя хвалился — там сестренка у меня, говорит, борщи мне, говорит, варит. А у сестренки и луковицы [redacted] хозяйстве нет. Ни на что не похоже.

Нинка. Это я раньше, правда, варила...

Жанна. Она варила!

Нинка. А сейчас как-то...

Зина *(твердо)*. Ни на что не похоже. Сразу давай-ка договоримся: забота пополам. Нас тут две женщины, значит обе должны заботиться. Я смотрю за хозяйством, и ты смотришь. И не как-нибудь — спустя рукава, а толково. У тебя ребенок, я сознаю, сочувствую, [redacted] у меня, дорогая, бригада на руках, тоже ответственность, особенно не погуляешь. Так что давай — чтоб было у нас с тобой на высоте. *(Достает из принесенных сумок кухонную посуду.)* Какая симпатичная ваша соседка, Катерина Ивановна, до чего хозяйственная женщина и опрятная, вот на кого удовольствие смотреть. *(Ушла.)*

Жанна *(вздохнув)*. Хочешь, [redacted] сбегаю, куплю чаю. И чего там, соли?

Весело смеясь, входит Костя.

Костя. Да, теперь забегаем. Осрамились мы с тобой, Нинка. Всыпала нам Зина за наше цыганское житье. Почему, говорит, варенье не варили.

Зина *(входит за ним)*. О холодильнике тоже думать надо, по чужим холодильникам тыкаться — одни слезы.

Костя. Ну, не все сразу, Зинуша, не все сразу!

Зина. Я не говорю — все сразу. Я говорю — думать надо. Сходи-ка, Костя, в продуктовый магазин. Чем сидеть сложа руки. Ты возьми эту сумку... Когда человек сидит сложа руки, он, между прочим, только хуже размагничивается... А себе [redacted] эту возьму. И авоську... Человек должен быть как гвоздик прямой и бодрый... Пошли, Костя, купим каких надо продуктов, ликвидируем, так сказать, этот прорыв.

Большая [redacted] решительная, она энергично движется по комнате, комната заполнена ее движением, ее властным голосом. Затихшие, сидят Нинка и Жанна, и вздыхают облегченно, когда Зина уходит с Костей, сказав на прощание: «Ну, мы скоро!»
Нинка и Жанна вдвоем. Некоторое время молчат.

Нинка. Он может ходить по тем местам и не думать обо мне. А я ничего не могу. Хочу и не могу. Иду по тем улицам, где мы вместе ходили,— и не могу... Все во мне горит, горит, жжет,— уже силы нет, [redacted] оно никак не сгорит... Если бы не маленький, я не знаю, что бы [redacted] сделала... Куда мне деваться, Жанка? Ни на что [redacted] стала не годная. Как я буду жить?

Она с трудом выговаривает эти слова, и опять они молчат с Жанной. А тем временем посмуглело окно, и тускловатые лампочки экономно осветили лестницу, ведущую в квартиру. Какой-то человек поднимается по лестнице. Смотрит на номера на дверях. Дошел до самого верха... Звонок. Слышно, как отворили дверь. Потом голос из передней зовет: «Нинка! К тебе пришли! Нинка!»

Нинка *(вяло)*. Кто там?

Входит Герман.

Герман. З-здравствуйте, Нина. Здравствуйте, Жанна.

Жанна *(вздрогнула, вспыхнула)*. Здравствуйте.

А Нинка только перевела дыхание.

Герман. Это ничего, Нина, что я зашел вас навестить?

Нинка *(неловко)*. Садитесь, пожалуйста.

Жанна. Садитесь, пожалуйста! *(Подает стул.)*

Герман. Благодарю вас, не беспокойтесь. *(Заглянул в кроватку.)* Мальчик?

Нинка. Мальчик.

Герман. Красавец. И здоровенький?

Нинка. Ничего.

Герман. При рождении сколько весил?

Нинка. Три девятьсот. Даже три девятьсот двадцать.

Жанна. В больнице сказали — очень хороший вес. Вообще сказали — редко бывают такие крупные и красивые дети.

Герман. Я очень рад и поздравляю вас от души с великолепным сыном! Как з-зовут?

Нинка *(срывающимся голосом)*. Его зовут... так же, как отца. Но мы просто зовем — маленький.

Герман. Скажите, [redacted] д-доктор вам не нужен? Я к вашим услугам.

Жанна *(она не в силах сдержать широкой, простодушно-радостной, совсем не стильной улыбки)*. Вы уже доктор?

Герман. Да, уже доктор. Но пользуйтесь мной, как доктором, поскорей, прошу вас. Я скоро уезжаю.

Жанна *(потускнела)*. Далеко?

Герман. П-порядочно. В Красноярский край. А вы, Нина, работаете?

Нинка. Мне продлили отпуск... На днях начинаю работать.

Герман. Все там же?

Нинка. Там же. Год назад [redacted] тоже собиралась уезжать... далеко. Интересно, где бы я сейчас была? Что бы [redacted] была такое? Как бы все сложилось?

Герман. Уехать никогда не поздно.

Нинка. Иногда — поздно.

Герман. В ваши годы еще ничего не поздно.

Нинка. Разве?..

Герман. О чем разговор? Ничто еще д-даже не начато. Вы себя ни в чем не п-попробовали.

Нинка *(обвела взглядом комнату)*. И я могу отсюда уехать?

Герман. Конечно. Хотите, поедем со мной?

Нинка. С вами?

Герман. Я буду п-почтительнейшим образом сопровождать вас и маленького, если вы разрешите. И обязуюсь вас устроить — [redacted] меру моих возможностей, разумеется. Скажем — вначале это будет должность санитарки. Работа тяжелая.

Нинка. Я не боюсь!

Герман. Да вы и без меня там отлично устроитесь! И у вас же впереди пятьдесят лет деятельности, полвека, чего только не п-произойдет с вами за полвека!

Нинка. Вы... не шутите?

Герман. В таких случаях обычно не шучу.

Нинка *(лихорадочно)*. И вы скоро едете?

Герман. Дней через десять. П-подумайте. Посоветуйтесь с вашими близкими. Может быть, не стоит вам здесь и приступать к работе? Ведь нужно успеть собраться в дорогу.

Нинка *(стиснув руки)*. Да неужели это правда, что [redacted] могу уехать?

Жанна *(Герману)*. Так ли я вас поняла? Я поняла так, что вы ей делаете предложение?

Герман *(возмутившись)*. Нет! Вы совершенно не так п-поняли! Вы ничего не поняли. Слышите, Нина? Я вам не делал предложения... руки и сердца! И не сделаю! Если хотите знать, вы совершенно не мой ид-деал!.. Почему, черт побери, вам везде непременно мерещится это самое?.. Неужели мы с вами только женихи и невесты?! Неужели мы не люди прежде всего?! Люди, черт побери!! *(Спохватился.)* Виноват.

Нинка. Неужели, неужели [redacted] отсюда уеду?..

И все исчезает, сцена погружается [redacted] настоящую, глубокую звездную ночь [redacted] в грохот колес. Из ночи и грохота выступает розовое утро и уголок вагона с людьми, с грудами багажа на верхних полках. Кто-то пьет чай. Причесывается пожилая женщина. Нинка спит, обхватив ребенка рукой. За перегородкой молодые голоса поют песню.

Проводник *(проходит)*. Кто еще желает чаю?

Герман. Сюда два стакана, пожалуйста.

Нинка проснулась, вскочила.

Нинка. Ой, заспалась, кажется.

Герман. А спите на з-здоровье. Отдыхайте.

Нинка *(смотрит в окно)*. Далеко отъехали?

Герман. Калинин проехали. Теперь уже Москва близко. Пересядем с вами, и дальше, дальше, дальше!

Нинка. Знаете, [redacted] ни разу в жизни Москву не видела.

Герман. Вы вообще ничего не видели. Т-теперь все увидите. Пейте чай.

Нинка. Я еще не умытая.

Герман. Ничего, глотните теплого, полезно.

Пожилая женщина. Я думала — супруги, [redacted] они на «вы».

Герман. Да, мы на «вы». Мы не супруги.

Женщина. Подумайте. Так дружно едут, такой вы к ней заботливый, я решила — супруги.

Герман. Мы просто товарищи. П-попутчики.

Женщина *(не очень убеждена)*. А ребеночек какой тихий. Девочка?

Нинка. Мальчик.

Женщина. Очень тихий. Спит себе да спит, умничек.

Нинка. Да, он спокойный. Его и не слышно.

Женщина. Нисколько ночью не мешал.

Ребенок кричит.

Нинка. Ему кушать пора.

Герман. Валяйте. *(Выходит, захватив папиросы.)*

Женщина. Я вам подам. *(Подносит Нинке ребенка.)* Чшш, чшш, агунюшки, агунюшки, сейчас, хорошенький, сейчас.

Нинка *(вполоборота к зрителям, накинув косынку на плечи)*. Проголодался маленький. Ну что, маленький? Ну что? Ну что?..

За перегородкой молодые голоса поют песню.

1960

КАК ПОЖИВАЕШЬ, ПАРЕНЬ?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евгений Заботкин.
Его мать.
Оля.
Старый мастер Иван Ильич.
Заинька.
Сима.
Строгий парень.
Пылкий парень.
Голубоокий парень.
Ехидный парень.
Авторитетный парень.
Девушка на заводском дворе.
Полина.
Мишка.
Раиса.
Человек у табачного ларька.
Шофер Толик.
Шофер дядя Вася.
Шофер Алексей Иваныч.
Другие шоферы.
Ажогин.
Медсестра.
Телефонистка.
Директор электростанции.
Женщина без имени.
Ее муж.

1

Мать снаряжает сына в дорогу... Раннее вьюжное зимнее утро. Еще не рассвело, но уже светятся окошки изб и вьется дым из труб.

Звучит простенькая, простодушно-мечтательная мелодия. Она начинается, и обрывается, и начинается вновь, словно кто-то не очень умелый учится наигрывать ее на скрипке.

Сквозь летящий снег мы видим сельскую улицу, затопившую печи и засветившую огни для нового дня; и видим, как в одной избе мать снаряжает сына в дорогу.

— Здоровье свое береги,— говорит мать.— Здоровому человеку какое хочешь переживание вдвое легче.

Она говорит это, доставая из печи пироги, хлебы, жареных гусей.

— Когда холодно, свитер поддевай, не поддевши не выходи.

Заботкин сидит на лавке и пьет молоко, заедая пирогом. Блюдо с пирогами перед ним на столе и большой глиняный кувшин, он пьет не спеша кружку за кружкой и думает свое.

Мысли Заботкина. Сейчас вот переступлю порог — и вот я самостоятельный, пожалуйста. Сам себе голова! Захочу — туда поеду, захочу — сюда...

Мать. К людям будь уважительный. Если видишь, что неплохой человек,— покажи ему свое уважение! Он тогда еще лучше будет. А особенно будь сочувственный к старым людям.

Мысли Заботкина. Сколько дорог! Закружиться можно... Какие города я увижу? Какие моря? Какие горы?

Мать. Старый человек, пока он жизнь прожил,—гору на своих плечах переволок! Это надо чувствовать.

Мысли Заботкина. Какая будет у меня любовь? Где она меня ждет? Где мне ее глаза заблестят?..

Мать. Ты у меня парень ничего. И старательный, и честный — и всегда, Женя, будь честным! Живем один раз, если, случится, испортим свою судьбу, изломаем,— это не трактор ремонтировать, собственные дорогие годы приходится загонять на ремонт. А годов не так много отпущено человеку.

Мысли Заботкина. Уж любовь у меня будет такая, такая... Самая, самая... Про которую стихотворения пишут и поэмы...

Мать. Я бы за тебя спокойна была на все сто процентов...

Мысли Заботкина. Я какой попало любви не допущу, нет...

Мать. ...На все сто процентов была бы за тебя спокойна, если бы не чересчур мягкий твой характер.

Мысли Заботкина. Жалко, что ничего нет во мне выдающегося. Жалко. Очень. Был бы я талант; вот бы здорово!.. А вдруг и талант какой-нибудь окажется, все еще может оказаться, жизнь ведь длинная, длинная.. У других оказывался, почему у меня не может?

Бодро звучит простенькая мелодия.

Важно — что? Важно работать над собой. Ломоносов работал над собой. Лев Толстой работал над собой. Все великие революционеры работали над собой...

Мать. Я по личному опыту знаю, как вредно чересчур мягкий характер иметь. Вон Василий Петрович: золотой ведь был человек! А через мягкость характера водку пить повадился, и на что он теперь похож?

Заботкин *(медленно отрываясь от своих мыслей)*. Какой же это ваш личный опыт, мама? Это Василия Петровича опыт, а не ваш.

Мать. Так я же Василия Петровича лично знаю!.. Женичка, слышишь, к водке не приучайся! Которые ребята выпивают — ты от них подальше! Они тебя агитировать начнут, а ты сторонкой, сторонкой! Не приучайся, слышишь?

Заботкин. Да чего б я к ней приучался. Я ее не люблю. Она невкусная.

Мать. Дрянь просто, ну ее! Еще, Женя, что хочу сказать. *(Подсела к столу.)* Есть девчата до того бедовые, и не моргнешь, как женят на себе...

Заботкин. Да ну, мама. Хватит вам.

Мать. Верно говорю. Ты еще и не знаешь, какие девчата в больших городах. Какие у них юбочки, какие прически, будь здоров!

Простенькая мелодия звучит ликующе.

И не моргнешь!

Заботкин *(встал)*. Уже, наверно, пора мне двигаться. Можно, я это уложу?

Мать. Я сама! *(Укладывает в чемодан что напекла и нажарила.)*

Чемодан большой, самодельный, снаружи выкрашен в зеленую краску, внутри оклеен обоями.

И дядя Саша пишет в письме — остереги его, пишет, чтоб он там не женился скоропостижно. Дядя Саша-то женился молоденьким — что вышло хорошего? Ничего не вышло хорошего.

Заботкин. Вы не бойтесь, мама. У меня не так все будет, как у дяди Саши.

Мать. Ох, Женичка, до чего же хочу я, чтоб все у тебя было хорошо!

Заботкин. Все, мама, будет хорошо.

Мать *(гладит его волосы)*. Чтоб все у тебя было — ну просто как нельзя лучше!

Заботкин. Все так и будет. Как нельзя лучше.

Мать. Дай бог. *(Утерла глаза.)* И не кури, Женя. Очень вредно для здоровья. Смотри-ка, Игнатий Михалыч до чего докурился — порок сердца доктора признали!

Заботкин. Игнатию Михалычу, мама, шестьдесят лет. Там от чего хотите порок сердца мог образоваться, а не только от куренья.

Мать. Нет, ты со мной не спорь. Доктора сказали — от куренья.

Заботкин. Все ребята курят, ни у кого порока сердца нет.

Мать. Вот все курят, а ты не кури. Вот у них нет порока сердца, а у тебя может быть. До сих пор не курил, и незачем тебе.

Заботкин. Вы, значит, считаете, чего я до сих пор не делал, того и вперед не буду делать, да?

Мать. А вот и не делай. Зачем?

Она уложила чемодан. Она так его набила, что вдвоем с Заботкиным они его закрыли еле-еле. Новенькой, чистой веревкой мать обвязала чемодан. Заботкин оделся. На нем стеганая куртка и валенки. Аккуратно застегнулся. Проверил — в кармане ли рукавицы.

Мать. А Олю не подождешь?

Заботкин. А чего ждать? Я со всеми вчера простился.

Мать. Хотела зайти проститься еще раз. Уж больно хотелось ей...

Заботкин. На что это? И так уж дразнятся — жених и невеста.

Мать. Присесть надо, Женя.

Заботкин. Мы ж сидели.

Мать. На дорогу полагается.

Присели. Мать поднялась первая.

Ну, в добрый час, Женя! *(Обнимает его.)* Родной ты мой. Голубчик мой единственный. Ты ж приедешь?

Заботкин. А как же. Как может быть иначе. Конечно, приеду. Как отпуск будет мне, так и приеду.

Мать. Когда еще будет тот отпуск... Смотри пиши почаще, обо всем подряд пиши!

Заботкин. Спасибо вам, мама, за все! И вы пишите тоже! Будьте здоровы!

Целуются.

Мать *(в слезах)*. В добрый час! В добрый час! Счастливо тебе.

Заботкин поднял чемодан, взвесил в руке, богатырски вскинул на плечо.

Тяжело?

Заботкин. Что вы! Совсем легонький.

Он вышел на крыльцо. Мать за ним, набросив платок. За метелью проклюнулась заря, розово окрашены дымки и снег на крышах.

Мать *(плача, кричит Заботкину вслед)*. В баню ходи каждую неделю! *(Постояла, вспомнила.)* И в парикмахерскую!

Заботкин оглянулся в последний раз. Помахал рукой и исчез за поворотом улицы. Мать вернулась в дом. Всхлипывая, принялась за уборку. На табуретке брошена старая ковбойка — мать взяла ее, прижала к лицу. Стук в окно. Это Оля.

Оля *(прильнув к стеклу)*. Тетя Нюра! Тетя Нюра! Уехал?

Мать *(в форточку)*. Уехал, Олюшка.

Оля. Ой! Давно?

Мать. Да нет, вот только что.

Оля. Его кто повез?

Мать. Никто. Попутную будет ловить.

Оля. Ой! Догоню, думаете?

Мать. Может, и догонишь, если бегом.

Оля. Ой!

Она бежит, вскидывая ноги в валенках. Беспечная, резвая девочка. Улица ушла. Открылись снежные поля. За метелью шагает Заботкин с чемоданом на плече. В такт его шагам звучат его мысли — или он к своим мыслям пригоняет шаг.

Мысли Заботкина. Все будет очень хорошо! Все будет замечательно! Все будет первый сорт!

Голос Оли *(зовет издалека)*. Женя! Женя-а-а-а!

Он не слышит или не хочет слышать. В летящей кисее перед ним — во весь горизонт — встают, тая, рушась и сменяясь, как облака, розовые здания, трубы до небес, гигантские мосты. Радостью и надеждой звучит простенькая мелодия, учащаясь в ритме, как биение сердца. И в этот ритм пытаются попасть мысли Заботкина, претворяясь в сбивчивую, но торжествующую песнь.

Мысли Заботкина.

Меня подвезет кто хочешь!
Меня подвезут куда хочешь!
Меня подвезут с удовольствием!
Меня подвезут с восторгом.

Голос Оли. Женя-а-а-а!

Блеснули в метели автомобильные фары, слышно фырканье мотора — Заботкин вскинул руку, побежал...

Вышла Оля, остановилась, смотрит вслед.

2

И вот Заботкин в новеньком костюме, по-новому причесанный проходит через ярко освещенное фойе городского клуба.

Мимо афиш с кричащими буквами, мимо стендов с портретами и полотнищ с лозунгами, мимо объявлений о занятиях разных кружков.

Гремит танцевальная музыка.

Большое зеркало. Заботкин осмотрел себя с простодушным удовольствием. Одернул пиджак, поправил галстук.

Мысли Заботкина. Вид ничего. Для такого вида самое бы подходящее дело — потанцевать.

Вход в танцевальный зал. Освещаемые то оранжевым, то лунно-голубым светом, кружатся пары.

Но здесь не так танцуют, как у нас в районе. Я и там танцевал неважно, девчата смеялись. А здесь и не сунешься.

Заботкин остановился; сложив руки на груди, внимательно смотрит на ноги танцующих.

Никто не танцует как у нас. Смотри-ка, что он делает. А этот, ай-ай-ай... Это почему же, интересно, такой разнобой — в районном центре так, а в областном совсем иначе, это неправильно... В общем, поучиться надо. Упущение с моей стороны... Какие девчата!.. Ладно, все по порядку! Сразу все не освоишь.

Он идет дальше. Входит в шахматную комнату. Здесь тихо, музыка доносится еле слышно. За несколькими столиками играют, а кругом сидят и стоят болельщики.
Это все мужчины, пожилые, солидные — и Заботкин входит солидно, с достоинством. Увидел, что тут курят,— достал папиросы, закурил.

Старый мастер. Заботкин? Женя?
Заботкин (*рад*). Здравствуйте, Иван Ильич!
Мастер. Смотри, каким франтом, а и не узнал было! (*Протягивает руку.*) Ну здравствуй, парень, как поживаешь?
Заботкин (*со скромной гордостью*). Спасибо, Иван Ильич, хорошо.
Мастер. Да видно, что неплохо. Ты где сейчас?
Заботкин. Там же, Иван Ильич, на «Красном инструментальщике».
Мастер. Да-да, на «Инструментальщике». Кто это мне недавно про тебя рассказывал...
Заботкин. Я так вам благодарен, что вы меня здорово так обучили, спасибо вам большое!
Мастер. Да-да. Многих я, брат, обучил.
Заботкин. Я уже пятый разряд имею.

Мастер. Да что ты. Молодец. Вот-вот, кто-то мне про твой разряд рассказывал. И еще про что-то такое.
Заботкин. Комнату мне дали.
Мастер. Вот-вот, и про комнату говорили. Что же, и мебелишку успел приобрести, обставился?
Заботкин. Да постепенно. Кровать, стол... Одну очень удобную штуку по случаю купил — старинную качалку.
Мастер. Так-так.
Заботкин. Очень удобная, читать в ней приятно. Возьмешь книгу...
Мастер. И что-то еще про тебя рассказывали, не помню что.
Заботкин. Думаю поступать в заочный техникум. С будущей осени.
Мастер. Ей-богу, по всем статьям молодчина.
Заботкин. Стараюсь, Иван Ильич, работать над собой.
Мастер. Работай, работай. Гладко все у тебя идет. Радостно слышать.
Заботкин. Спасибо. (*Кивнув на свободный столик.*) Играете?
Мастер. А ты?
Заботкин. Играю.
Мастер. Хорошо играешь?
Заботкин. Да нет, еще не особенно.
Мастер. Скромничаешь?

Заботкин мнется.

Ну что ж, сыграем?
Заботкин (*обрадовался*). Давайте!

Они садятся, конаются, расставляют шахматы.

Мастер. Черный ферзь на черном поле.
Заботкин. Ах да. Забыл. (*Смотрит на доску.*) Это вы пошли так, как в учебнике указано. Я читал книгу о дебютах, там и другие хода есть.
Мастер. Ходи по-другому, дело хозяйское.

Играют.

Конь, Женя, так не ходит. Конь ходит либо так, либо вот так.
Заботкин. Правильно! Я забыл. Спасибо, Иван Ильич, за указание. Тогда я лучше пешкой схожу.
Мастер. Шах.

Заботкин. Где?
Мастер. Вот.
Заботкин. Ну-ну-ну! *(Делает ход.)*
Мастер. Мат.
Заботкин. Уже?.. А если так?
Мастер. Все одно, тут же слон.
Заботкин. А так?
Мастер. Кругом мат. Это, Женя, называется киндермат — детский мат.
Заботкин. Давайте еще одну.
Мастер. Ладно, давай еще одну.
Заботкин. Теперь я белыми.
Мастер. Ясно.
Заботкин. Белыми — совсем другое дело, чем черными. Верно?
Мастер. Святая правда, Женя!

Играют.

Заботкин. Если, значит, я так конем — будет правильно?
Мастер. Правильно, Женя, правильно! Шах.
Заботкин. Ну-ну-ну! А я рокируюсь.
Мастер. Под шахом рокироваться нельзя.
Заботкин. Тогда я так. Или нет! Можно, я иначе схожу?
Мастер. Ну, можно.
Заботкин. Я вот так.
Мастер. Мат.
Заботкин. Уже!
Мастер. Да ты давно играешь ли?
Заботкин. Недавно.
Мастер. Когда научился-то?
Заботкин. Ну недавно, в общем.
Мастер. Тренироваться нужно.
Заботкин. Сыграем еще?
Мастер. Да нет, брат, не сыграем.
Заботкин. Одну. Последнюю.
Мастер. Да неинтересно — не обижайся! — что ты все проигрываешь. Тебе кого-нибудь надо найти, чтобы так же, как ты играл, на твоем уровне. И тренируйтесь на пару, с богом... Да! Вспомнил! Ты чего ж молчишь-то, главную свою новость не выкладываешь, тебя же поздравить нужно?! Как это я такую вещь не сразу вспомнил, ты уж извини. Поздравляю!
Заботкин. С чем, Иван Ильич?

Мастер. Как — с чем? Ты же, говорят, женился!
Заботкин *(искренно)*. Нет.
Мастер. А мне сказали.
Заботкин. Нет, Иван Ильич, не женился. Я ж еще молодой. Еще даже невесты нет.
Мастер. Что ж мне вкручивали — якобы ты в загсе расписался...
Заботкин *(небрежно)*. А, это...
Мастер. С такой якобы красоткой...
Заботкин. Она ничего, верно. Даже очень ничего.
Мастер. Так она есть все-таки? Существует в природе?
Заботкин. Она, ну да, она существует, конечно... в природе.
Мастер *(сурово)*. Но ты не считаешь нужным с ней регистрироваться, так, что ли?
Заботкин. Нет, я зарегистрировался. Но я не женат, Иван Ильич.
Мастер. Как то есть? Она существует, ты с ней зарегистрировался, и ты не женат?
Заботкин. Честное слово, не женат.
Мастер. Развелись, успели?
Заботкин. Пока еще нет. Не развелись.
Мастер. Что же ты тогда называешь быть женатым?
Заботкин. Да ну. Я ее, Иван Ильич, и не люблю совершенно. То есть я к ней отношусь до известной степени с теплотой — просто как к товарищу, понимаете?
Мастер. Гм. *(Пытается уяснить положение.)* А она к тебе?
Заботкин. А я ее не спрашивал, для чего мне?.. Возможно, в глубине души она ко мне тоже чувствует теплоту — почему бы нет? — но в обращении незаметно...
Мастер. Так какого же черта вы ходили в загс, скажи на милость?!

Заботкин отвел глаза, молчит.

Не понимаю. *(Вдруг осенен догадкой.)* Чужой грех покрыл, что ли?
Заботкин. Что — покрыл?
Мастер. Чужой грех, как в старину говорили.

Заботкин смотрит на него.

Ну, бывает... Какой-нибудь там проходимец, скотина, бросит, это самое, девушку... с ребенком... случается...

Заботкин. Фу, Иван Ильич! Зачем вы так про нее думаете! Она сама, можно сказать, ребенок. Ее и зовут как ребенка — Заинька.

Мастер. Как?

Заботкин. Заинька.

Мастер. Это что же, от какого имени?

Заботкин. Кажется — Зоя.

Мастер. Кажется?

Заботкин. Или Зинаида.

Мастер. Да ты что, и имени не знаешь?

Заботкин. Как не знаю — я же вам сказал: или Зоя, или в крайнем случае Зинаида. Одно из двух. Если вам интересно, я у нее спрошу, когда встречусь.

Мастер. А вы не часто и встречаетесь?

Заботкин. Нет, изредка.

Мастер. Не вместе живете?

Заботкин. Нет, врозь.

Мастер. Ничего не понимаю. И скажу откровенно — заинтригован. Объяснишь, может, все-таки?

Заботкин встал, прохаживается. На лице у него выражение кроткого упорства.

Между прочим, что ты молодой — это, Женя, не страшно. Со мной, я знаю, не согласны многие, но лично я ничего не имею против ранних браков, и почему? Видишь ли, мы с моей Анной Ивановной когда поженились, нам было по девятнадцать, и прожили жизнь, надо сказать, отличнейшим образом. Отличнейшим! Так что я это, из личного опыта исходя, говорю.

Заботкин слушает и задумчиво кивает головой.

Мысли Заботкина. Из личного опыта. Все, все учат, исходя из личного опыта. Он ничего не имеет против ранних браков. Потому что у него это получилось удачно. А у дяди Саши получилось неудачно, он против. А жениться — мне...

Мастер. А познакомились мы с ней не на танцульках где-нибудь, познакомились мы с ней на субботнике.

Мысли Заботкина. А может же быть и не на субботнике, и не на танцульках — может же?!

Мастер. Помню, кончили работу, огляделись — а на дворе роскошная лунная ночь!

Мысли Заботкина. А если день, и не роскошный, а наоборот — дождливый?

Начинает накрапывать дождь.

Мастер. И завершилось дело любовью и загсом, вот, брат, какие дела.

Мысли Заботкина. Как все расписано: если девочка славненькая — обязательно парень в нее влюблен. Если кто сходил в загс — обязательно он женатый. Ах, Иван Ильич, многоуважаемый Иван Ильич, не всё вы с дядей Сашей охватили своим опытом, может и у меня быть опыт...

Дождь сильнее.

Мастер *(загляделся в свои воспоминания)*. Хорошо, хорошо прожили! Каждому желаю так прожить, как мы с Анной Ивановной!

Мысли Заботкина. Ну почему каждому! Так-таки каждому!

Мастер. Не знаю, что у тебя там произошло. Но я тебе, Женя, как старший друг говорю: ищи девушку хорошую! Чтобы была, главное дело, трудовой человек, ясно тебе? Ясно, спрашиваю?!

Заботкин *(вяло)*. Ясно, Иван Ильич...

Мастер. Тогда будет твоя семейная жизнь правильная. Трудовой человек — уж он не подведет, уж его качества никуда не денутся.

Заботкин. Да я же вам сказал, я еще и не думаю о семейной жизни!

Мастер *(сердито)*. А загсом не играйся, загс не игрушка, это вещь серьезная, это вещь знаешь какая серьезная...

Мысли Заботкина. Вот ведь — мало ему, что он меня ремеслу научил.... и что я ему за это всю жизнь буду благодарен как хорошему моему учителю... Нет, ему бы за ручки меня вести. Чтобы я либо так ходил, либо так; и не иначе, как шахматный конь! А если я, как ферзь, рраз — и через всю доску! Рраз — и по диагонали!..

Дождь как из ведра. За дождем ушла, исчезла клубная комната, погасли вечерние огни, открылся дневной пригородный вид: шоссе и скамья под навесом на автобусной остановке. Подняв воротник пиджака, прыгая через лужи, Заботкин мчится к навесу.

3

Он мчится к навесу, [redacted] с другой стороны туда же с визгом бегут Заинька и Сима, вдвоем под одним зонтиком. Сима несет зонтик, а Заинька маленький чемоданчик.
Почти одновременно с Заботкиным они добежали до навеса.

Сима *(опуская зонтик)*. Вот ливень, чтоб он сдох!
Заинька *(Заботкину)*. Как вы ужасно вымокли! Сима, ты посмотри, как молодой человек вымок!
Заботкин *(улыбаясь и отряхиваясь)*. Ничего. Бывает хуже.
Заинька. Как грустно, такой хороший костюм! Придется отдавать в утюжку.
Заботкин *(выжимает брюки)*. Ничего, я сам. Приеду домой, попрошу у соседки утюг, проглажу как следует — все будет в порядке.
Заинька. Домой! Счастливый! У вас есть дом! Ты слышишь, Сима, у этого счастливца есть дом!
Сима *(мрачно)*. А где ваш дом?
Заботкин. На улице Серго Орджоникидзе.
Сима. Это где новые дома?
Заботкин. Ага.
Сима *(так же мрачно)*. Ничего дома...
Заинька. Сима, у меня ноги насквозь промокли. В туфлях хлюпает...
Сима. Разувайся живо!
Заинька. Думаешь — лучше?
Сима. Конечно, лучше босиком, чем [redacted] мокрых туфлях.
Заинька. А туфли не скорежатся?
Сима. А мы их вытрем. У тебя в чемодане бумаги нет?
Заинька. Есть, кажется, газета.
Сима. Протрем и чего-нибудь внутрь напихаем. Разувайся.
Заинька. Молодой человек, отвернитесь, пожалуйста.
Сима. Отвернитесь, ну-ка!

Заботкин отворачивается.

Заинька *(разувается)*. Хоть бы он скорей пришел, автобус.
Сима. Жди! Только что ушел, перед самым носом.

Заинька. Да что ты. Как все грустно!.. Молодой человек, вы на нас не смотрите? Молодой человек!
Заботкин *(обернулся на зов.)* Вы мне говорите?
Заинька. Ой! Не смотрите, не смотрите! Ай! Не смотрите, мы же вас просили!
Заботкин *(в панике)*. Да я не смотрю! Вы позвали...
Заинька *(Симе)*. Симпатичный?
Сима. Все они симпатичные, чтоб они сдохли.
Заинька. По-моему — порядочный.
Сима. А шут его знает.

Разулись и вытерли туфли газетой.

Заинька. Можете теперь смотреть, молодой человек. Молодой человек, вы слышите? На нас можно смотреть.

Заботкин поворачивается.

Сима *(разглядывая его подозрительно)*. Здорово вас угораздило промокнуть. Утюжить будете?
Заботкин. Придется.
Сима. Утюг, значит, у соседки возьмете.
Заботкин. Ага.
Сима. Не женаты, значит?
Заботкин. Почему вы угадали?
Сима. Была бы жена, был бы и утюг... Снимаете комнату?
Заботкин. Почему — снимаю? У меня своя. По ордеру.
Заинька. Идет! Идет!
Заботкин. Это не автобус. Грузовик.
Заинька. А мы проголосуем!
Заботкин. Свернул...
Сима. Нечего было сюда ездить, вот что.
Заинька. Кто же знал!
Сима. Кто знал, кто знал. Очень хорошо знали, что тут то же самое.
Заинька *(кротко)*. Не расстраивай меня. Я уж и так расстроена, что больше некуда. *(Печально улыбнулась Заботкину.)* Молодой человек смотрит и думает: чем это она расстроена. Мне не повезло ужасно, ужасно. Абсолютный крах всех надежд. Вам случалось пережить крах всех надежд?
Заботкин *(смущен)*. Нет, я как-то...
Заинька. Ваше счастье. А я такая молодая — и уже... Если бы моя мама видела, как [redacted] измучилась.

и негде даже отдохнуть... негде даже просушить туфли... Ни за что ей не напишу.

Заботкин. Я своей маме о неприятностях тоже не пишу. Зачем лишние волнения причинять.

Заинька. Ну и правильно!

Заботкин. Только о приятностях пишу.

Заинька. У меня приятностей нет никаких. Так что я уж совсем писать не буду.

Заботкин. Матерям тяжело, когда дети совсем не пишут.

Заинька. Мамочка моя бедная... А мне, думаете, легко?

Заботкин. А что такое, почему у вас так?

Заинька. Ну, боже мой. Ну, попала в заколдованный круг. Я приезжая, понимаете? Ехала, думала — устроюсь на работу, сама себе буду голова, стану учиться, все будет великолепно...

Заботкин кивнул понимающе и участливо. Как бы издалека прозвучала та простенькая мечтательная мелодия, что сопровождала его отъезд из дому.

И вот — пожалуйста...

Заботкин. Неужели работы не нашли?

Заинька. Работы сколько угодно.

Заботкин. И подходящая?

Заинька. И подходящая есть.

Заботкин. С общежитием?

Заинька. И в общежитие можно устроиться.

Заботкин. Так в чем же дело?

Заинька. В заколдованном круге.

Заботкин. То есть?

Сима. Что вы дурачком прикидываетесь? Чтобы поступить на работу, надо иметь постоянную прописку здесь в городе. А чтоб получить постоянную прописку, надо иметь справку с места работы. Он не знает, действительно!

Заботкин. У нас на заводе, например, я знаю точно: если нужен человек, оформляют и тут же прописывают!

Сима. Какой это ваш завод?

Заботкин. «Красный инструментальщик».

Сима. А вы считаете, она очень нужна на «Красном инструментальщике»?

Заботкин *(Заиньке)*. У вас есть какая-нибудь специальность?

Заинька. Ничего у меня нет, кроме этого чемоданчика с тряпочками...

Сима. Какая у нее может быть специальность? Не видно сразу, да, что у нее нет никакой специальности?! И вообще она на заводе не может. Она там погибнет в два счета.

Заботкин. Ну почему и два счета...

Сима. Ну, не в два, так в три! Она слабая! У нее силенки совсем нет! Куда ей к станку!

Заинька. Боюсь, что на производстве не смогу принести большой пользы.

Сима. И, между прочим, ей предлагают очень подходящее место. И с общежитием.

Заинька. Чудное общежитие! Цветы, занавесочки. И всего по три девочки в комнате. Девочки такие милые, аккуратные. Около кроватей коврики. В каждой комнате зеркальный шкаф... Ах, как мне было грустно оттуда уходить! Прямо легла бы на коврик и сказала — вот что хотите делайте, а я не уйду!

Заботкин. Где же выход?

Заинька. Откуда я знаю!

Заботкин. И как же вы живете?

Заинька всхлипывает в платочек.

Сима. То у одних добрых людей переночует, то у других. Днем по городу болтается, работу ищет. Вот и сейчас были тут в одном месте. И тоже первый вопрос: а прописка есть?.. Я бы ее пока у себя в общежитии подержала — нельзя, не разрешают! У кого, конечно, и работа, и комната, тот разве поймет...

Заботкин. Ну почему не поймет...

Заинька *(всхлипывает)*. Только тот поймет, кто на себе испытал. Не знаешь даже, где сегодня ночевать придется.

Заботкин. Вы откуда приехали?

Заинька. Из Алфимьевска. Не слышали? «На карте генеральной кружком означен не всегда...» Есть такой городок маленький.

Заботкин. Там у вас близкие?

Заинька. Мама. Отчим. Сестренки.

Заботкин. Может, есть смысл вернуться?

Заинька. Ни за что!

Заботкин. Родной дом...

Заинька. Родной, да... Я там была вроде Золушки.

Заботкин. Но у вас ведь не мачеха, родная мать?

Заинька. Да! Родная! Но и родная, между нами говоря, может недостаточно любить своего ребенка! Когда папа погиб на войне, [illegible] у нее была единственный ребенок. При этом болезненный... хрупкий... А мама думала совсем о другом. Пяти лет не прошло после папиной смерти — вышла замуж... даже не спросила: а как ты смотришь, Заинька, может, тебе будет неприятно... Ну, пока [illegible] была маленькая, все еще было туда-сюда, будем считать — нормально. А потом началось! Туда не иди, поздно не возвращайся, зачем челку сделала, почему маме не помогаешь... Как им не стыдно, неужели я не помогала? Сколько только могла, помогала, сколько мне позволяли силы!.. В общем, никакого просвета, я не просто чахла там, умирала!.. Вы считаете — неправильно, что [illegible] уехала? Необдуманно, да? Но мне так хотелось самостоятельности! Повидать другие какие-то места. Попробовать, что я могу, на что способна...

И опять та мелодия прозвучала и оборвалась.

Заботкин. Нет, почему неправильно. Это каждому хочется: повидать... попробовать... Я думаю, что тут можно сделать. Если, например, я пойду в милицию, объясню...
Сима. Можете не беспокоиться. Ходили уже. Притом люди с весом. Один крупный директор.
Заинька *(вытирает глаза)*. Симпатичный дядечка. Ему хотелось, чтоб [illegible] у него секретарем работала.
Сима. Лично ездил к начальнику милиции.
Заботкин. И ничего не вышло?
Сима. Ни черта.
Заботкин. Директор?.. Пожалуй, и у меня ничего не выйдет.
Сима *(после молчания)*. Есть выход.
Заботкин. Какой?
Сима. Железно. Не подкопаешься. Фиктивное замужество.
Заботкин. Какое замужество?
Сима. Фиктивное.
Заботкин. Как это?
Сима. Регистрируется в загсе и прописывается на площади мужа, и все.
Заботкин. Ну, это ведь дело канительное.
Сима. Почему канительное?
Заботкин. Не сразу делается. *(Рассуждает наставительно.)* Пока встретишь человека по душе. Пока там он ухаживает, делает предложение. А вдруг он еще и не ответит взаимностью?
Сима. Фиктивное все — вы что, не понимаете? Не на самом деле, [illegible] понарошку.
Заботкин. Прописывается понарошку?
Сима. Нет, прописывается на самом деле.
Заботкин. Регистрируется понарошку?
Сима. Нет, и регистрируется на самом деле, а только мужем и женой они просто считаются, фактически она у него даже и не живет.
Заинька. Зачем мне у него жить! Я бы жила в том чудном общежитии с ковриками. Мне ведь только устроиться на работу, стать независимой!
Сима. А то вы, наверно, что-то такое уже подумали.
Заинька. Не думайте, не думайте!
Заботкин. Я ничего не подумал! Честное слово!
Заинька. Я по-настоящему о замужестве и слышать не хочу. Я никогда не выйду замуж.
Сима. Только фиктивно если.
Заинька. Только фиктивно если.
Сима. Так что за свою жилплощадь тот гражданин может быть спокоен.
Заинька. Абсолютно может быть спокоен.
Заботкин. А разрешат вам жить в общежитии, если вы будете прописаны в другом месте?
Заинька. Это как-нибудь, я думаю, устроится. Это мелочь.
Сима. Директор устроит.
Заинька. Я думаю, устроит. Добродушный такой дядечка. Я могу сказать, что у меня с мужем нелады.
Сима. Можно сказать, что с ним жить невозможно, потому что он пьяница.
Заинька. Ну, зачем пьяница. Что-нибудь другое можно сказать.
Заботкин. А обратно, значит, не хотите уехать?
Заинька. С какой стати? Так вот сразу, не борясь, отступить перед трудностями? Да [illegible] себя всю жизнь буду презирать, если уеду обратно!

Молчание.

Сима. Конечно, черствый эгоист, разве он на то пойдет, чтобы бескорыстно помочь девушке.
Заинька. Не все черствые эгоисты, Сима. Есть чудные люди, светлые.

Сима. Получит комнату — и трясется над своими квадратными метрами, а на других ему плевать с седьмого этажа.

Заинька. Не все трясутся! Не надо наговаривать зря! *(Заботкину.)* Вы знаете, я вижу вокруг себя столько чутких, отзывчивых людей! Хотя бы вот она, Симочка...

Сима. Да иди ты!

Заинька. Как она со мной возится! Как старается мне помочь! Ну не спорь! Ведь правда же! *(Заботкину, улыбаясь сквозь слезы.)* Мы с ней когда-то вместе учились в школе... там, в Алфимьевске... *(Целует Симу.)* Чем я тебя отблагодарю, золотая моя подружка!.. А сегодня заночевала в одной семье, ее знакомые устроили меня к своим знакомым,— так, вы подумайте, они мне уступили свое кресло-кровать, а сами легли на полу!

Молчание.

Заботкин. Как называется брак? Фи...

Заинька и Сима *(в один голос)*. ...ктивный.

Заботкин. Фиктивный?

Заинька. Абсолютно фиктивный! Чтоб этот гражданин вот столько даже не вздумал забрать себе в голову!

Заботкин. Он в голову не забирает, ну и если, допустим... *(Задумался.)*

Сима. Ну? Чего «допустим»?

Заботкин. Вдруг он захочет пожениться — с другой, по-настоящему?

Сима. А развод на что?

Заботкин. Они, значит, тогда разведутся? Она, то есть, и... этот парень?

Заинька. Какой может быть разговор! Не тогда, а гораздо раньше. Как только она получит постоянную прописку — пожалуйста, в любой день и час!

Сима. Никто за него цепляться не станет, за этого парня, будьте уверены!

Долгое молчание. Заботкин мучается. Заинька и Сима потихоньку запели песенку. Заинька поет тонким голоском, притопывая босой ножкой; Сима поет угрожающим контральто.

Заинька *(смотрит вдаль)*. Он придет или нет? Может, с ним что-нибудь случилось?

Сима. Дождь перестает. Пошли! Ну его к дьяволу, этот автобус!

Заинька. Босиком?

Сима. Подумаешь. Хуже простудимся — сидеть тут два часа.

Заинька. Молодой человек, пошли вместе.

Заботкин. Да я не знаю...

Заинька. Пристраивайтесь под наш зонтик. Мы с вами поделимся.

Заботкин. Да я так. Дождь уже маленький.

Заинька. Сима, пусть и он с нами под зонтиком.

Сима. Да ладно, шут с ним.

Заинька. Обожди ругаться. Пошли!

Уходят все — Заинька и Сима под зонтиком, Заботкин за ними, задумавшись.

4

Комната Заботкина. Она обставлена очень скромно: узкая опрятная кровать, простой стол, пара стульев, полка с книгами. Выглаженный парадный костюм Заботкина висит в углу на плечиках. Посреди комнаты качалка. В качалке покачивается Заинька. На одном из стульев брошено ее пальто. На полу, друг на друге, два нераспакованных чемодана: один большой, новый, другой уже знакомый нам маленький Заинькин чемоданчик.

Время перед вечером. Весна. В дверь стучат.

Заинька. Войдите!

Входит Оля с авоськой.

Оля. Здравствуйте...

Заинька. Здравствуйте.

Оля. Ой, кажется, не туда попала.

Заинька. А кто вам нужен?

Оля. Женя Заботкин.

Заинька. Вы попали туда. Только Заботкина дома нет.

Оля. А скоро придет?

Заинька *(качается)*. Надеюсь — скоро. Я тоже его жду. Садитесь, подождите.

Оля садится.

Пора бы ему быть. Может, зашел куда-нибудь с работы или собрание какое-нибудь?.. Вы бы сняли пальто, здесь тепло.

Оля (*снимает пальто*). Хорошая комнатка.

Заинька. Ничего. Могла бы быть попросторней.

Оля. По-моему, очень хорошая. Это, наверно, Женин костюм висит.

Заинька. Конечно, [redacted] то чей же.

Оля (*щупает*). Приличный материал. (*Просматривает книги на полке.*) И даже самоучитель английского языка! Вот, значит, как теперь Женя живет.

Заинька. Вы, видимо, его хорошая знакомая?

Оля. Всю жизнь. С детства. Мы выросли вместе. Я его землячка.

Заинька. Ах так...

Оля. Посылку ему привезла от его мамы. И письмо.

Заинька. Надолго приехали?

Оля. Насовсем. Работать здесь буду. Как Женя.

Заинька. А с жильем устроились?

Оля. Пока буду жить у тети. У меня здесь родная тетя. Стеснила я их, правда,— ну, зато все-таки [redacted] свободное время помогу по хозяйству, у них семья большая...

Заинька. В общежитиях, конечно, тоже не рай. Но все-таки легче, чем в большой семье. Я, например, довольно долго прожила [redacted] общежитии, так у нас очень толково все было организовано. Всю грязную уборку делала уборщица, мы ничего этого не знали. Столовая, домовая кухня — все было рядом. Удобно. А здесь у Заботкина только продуктовый магазин. И телефона в квартире еще нет, подстанция не построена для этих новых домов, тоже большой минус. Ну ничего, что ж делать, что есть, то и есть.

Оля (*смотрит на чемоданы*). Я извиняюсь, а вы кто Жене будете?

Заинька. Я его жена.

Молчание.

Оля. Как же? Такое... событие. Такой важный шаг... И давно он... давно вы поженились?

Заинька. Да уже порядочно. Летом будет год.

Оля. Ни одного слова не написал!

Заинька. Уверяю вас, и не стоило писать. Мы расходимся.

Оля. Расходитесь?

Заинька. Да. История, как говорится, себя изжила.

Оля. Никогда не думала, что он такой.

Заинька. Какой?

Оля. Бессовестный!

Заинька. Почему бессовестный?

Оля. Непостоянный. Изменчивый. Подумать, года нет — и уже разводится.

Заинька. Вы как-то не так себе представляете. Заботкин еще даже не знает, что [redacted] с ним развожусь.

Оля. Вы его бросаете?

Заинька. Ну как сказать — бросаю...

Оля. Бросаете Женю?!

Заинька. Ну, боже мой. Ну, полюбила человека. Вы еще, должно быть, не испытали, что такое чувство?.. Я полюбила. Киньте [redacted] меня за это камень. (*Качается с закрытыми глазами.*) Киньте... киньте...

Оля. А Женю?

Заинька. Что — Женю?

Оля (*всплеснула руками*). Разлюбили!

Заинька (*со смешком*). А Женю, выходит, разлюбила. Что вы на меня смотрите, как на какого-то тигра? Я его никогда вот столечко не любила, если хотите знать.

Оля. Никогда не любили? Женю?

Заинька. Ни одной секунды!

Оля. И не любя замуж пошли? Да как же?

Заинька (*с тем же смешком*). Вот — представьте...

Оля. Бедный Женя!

Заинька. Оставьте. Ничего он не бедный.

Оля. Как же не бедный, когда вы на его любовь так ответили?

Заинька смеется.

Лучше б совсем ему отказали, чем так. По крайней мере он бы не обманывался. Правду легче перенести, чем обман.

Заинька заливается веселым смехом.

(*В негодовании.*) Ой, ну я не могу! Просто не могу это видеть! Ну как можно! Как не совестно! Ну, не любите — ваше дело; [redacted] издеваться зачем же!

Заинька (*с трудом сдерживая смех.*) Ах, ну [redacted] тоже не могу! У вас неправильное понятие обо всей этой истории. Ей-богу, правда,— вот спросите у Заботкина.

Оля. Как [redacted] стану спрашивать! Вы бы стали в таком деле расспрашивать? Когда он даже родной матери не написал — притаился... Предчувствовал, должно быть, чем кончится! Ах, Женя! Ну, Женя!.. (*Взгляд ее опять*

упал на чемоданы.) Надо же! Это, значит, я сюда раскатилась в самый тот день, когда вы от него уезжаете! И он еще не знает!

З а и н ь к а. Уезжаю? Наоборот: я к нему приехала. Он об этом еще не знает.

О л я. Так вы передумали, значит? Не будете разводиться?

З а и н ь к а. Для того и приехала, чтоб развестись.

О л я. Я извиняюсь, мне не очень понятно...

З а и н ь к а. Это сложно объяснить. Верно, верно — для развода мне необходимо к нему переехать, мне юрист сказал. Неприятно, конечно, в одной комнате с молодым человеком... который, правда, симпатичный, но ровно ничего не говорит ни уму, ни сердцу. Но что ж — надо постараться просуществовать мирно и культурно, пока будут длиться все эти процедуры. Какая масса всяких процедур в нашей жизни — это что-то ужасное! Понимаете — у любимого моего человека нет площади. Нам с Заботкиным придется разменять эту комнату на две.

О л я *(слушавшая внимательно и скорбно)*. Это, наверно, очень трудно?

З а и н ь к а. Трудно, но возможно. Бывает, что молодожены хотят съехаться, у нее комната в одном месте, у него — в другом; ну вот, на такой случай я и рассчитываю. Конечно, невозможно надеяться, что это будут великолепные комнаты, наверно даже будет дрянь какая-нибудь, но вы знаете, когда любишь — это не имеет никакого значения. Дрянь так дрянь, мне абсолютно все равно! Когда любишь, перестаешь обращать внимание на мелочи.

О л я *(медленно оглядывает комнату)*. Значит, в этой комнате я Женю не увижу. *(Еще раз подходит к полке с книгами, словно ищет на ней чего-то. Надевает пальто.)*

З а и н ь к а *(покровительственно)*. Уходите? Не хотите подождать? Он, наверно, вот-вот.

О л я *(покачав головой)*. Пойду. Не думаю я, чтобы он в такую минуту рад был кого-нибудь видеть. Ни до кого ему будет... кроме вас. Вот только письмо *(достает)* и эту посылку — будьте добры, передайте, это ему от мамы его.

З а и н ь к а. Хорошо. Я передам.

О л я. А от меня, пожалуйста, ему привет.

З а и н ь к а. Как сказать, от кого привет?

О л я. От Оли. Скажите — большой привет. И вот... *(Пишет.)* Это тоже передайте. Это адрес моей тети. На случай — вдруг надумает зайти... Ну, до свиданья.

З а и н ь к а. До свиданья.

Оля уходит. Выйдя из комнаты и закрыв за собой дверь, прислонилась плечом к коридорной стене и зажала рукой глаза. Но тут же скрепилась и пошла дальше ровным шагом.

Заинька встает, зажигает настольную лампу, прохаживается напевая. Из большого чемодана достает халат и домашние туфельки, переодевается. Достает свое зеркальце и другие вещи и начинает устраиваться в комнате так же уверенно, сообразительно и хищно, как она устраивается в жизни.

5

Весна в разгаре. В обеденный перерыв пятеро молодых парней курят на солнышке во дворе завода «Красный инструментальщик». З а б о т к и н и еще четверо.

С т р о г и й п а р е н ь. И что теперь?

З а б о т к и н. Теперь она хочет, чтобы я обменом занимался: разменивал комнату. Маклера ходят...

С т р о г и й. И ты пускаешь?

З а б о т к и н. Пускаю. Только я разговаривать с ними не могу. Она сама разговаривает.

П ы л к и й п а р е н ь. Слушай, чего ты на нее смотришь! Да гони ты ее в шею!

Г о л у б о о к и й п а р е н ь. Сказанул: как это он ее выгонит?

П ы л к и й. Очень просто. Вынес бы ее вещички на лестницу и сказал: иди откуда пришла.

Е х и д н ы й п а р е н ь. А она не пойдет.

П ы л к и й. А я милицию вызову.

Г о л у б о о к и й. Ну да, будет тебе милиция насильно жену от мужа выселять.

П ы л к и й. Да какой он ей муж!

С т р о г и й. Такой, что она по паспорту Заботкина. Заявит на него, что ее вещи выбросил,— его по головке не погладят.

Е х и д н ы й. Еще мы же и судить будем Женьку. Ты, Женька, будь с ней бдительным.

С т р о г и й. Уже поздно. Раньше надо было думать о бдительности.

Пылкий. А я бы ни на какие уступки не шел. Подумаешь, судить. Не разберемся мы, что ли. Я бы выпер!.. Вот, черт его знает. Жил себе парень, жил, и вдруг такое ему на голову. Как ястреб на цыпленка.

Ехидный. Что вы из него кретина делаете. Цыпленок! Посмотрел небось, что девочка хорошенькая...

Заботкин. Иди ты к черту.

Ехидный. Так чего ради ты эту кашу заварил?

Заботкин. Балда. Я помочь ей хотел.

Ехидный. Помочь! Всем, брат, не напомогаешься.

Строгий. Смотреть надо — кому помогаешь. Хоть бы посоветовался.

Заботкин. С кем?

Строгий. А с нами. С товарищами. Самолюбие?.. Пришел бы и посоветовался, прежде чем крючок глотать.

Заботкин. Какой крючок?

Строгий. Ты ж как рыбка на крючок попался, ам — и проглотил.

Заботкин. Почему это, когда хочешь человеку хорошее сделать, надо сначала идти советоваться?

Строгий. И я скажу так. Кто нарушает закон, обязательно рано или поздно поплатится. Ты что сделал? Нарушил закон? Ну и платись.

Заботкин. Это не закон. Милицейское правило.

Строгий. Правило — тот же закон.

Заботкин. Нет, правило не закон. Правила сегодня одни, завтра другие. Я хотел, чтоб она устроилась.

Ехидный. Вот она и устроилась.

Пылкий. Я бы выпер. Это было бы логично. И педагогично. Раз бы навсегда проучить: если с тобой по-хорошему — ты тоже, гадюка, будь человеком.

Идет Авторитетный парень.

Ехидный. Петро, а Петро! Ты в курсе, что у Заботкина стряслось?

Авторитетный парень. А что такое? А, с женой...

Пылкий. Да она ему не жена!

Авторитетный. Ну как не жена, смеетесь. Конечно, жена.

Пылкий. Он же из чистого донкихотства! Брак-то фиктивный.

Авторитетный. Ничего не знаю. И мысли не допускаю, чтобы хороший комсомолец пустился в противозаконные дела.

Пылкий. Да ты послушай!

Авторитетный. И слушать не хочу. Ради самого Заботкина не хочу слушать, понятно? *(Ушел.)*

Строгий. Вот что говорят авторитетные люди. Я вам то же самое сказал.

Пылкий. Вы, авторитетные,— законники...

Строгий. В общем, этот разговор надо было провести до того, как ты жениться отправился...

Ехидный. ...с букетом и надушившись духами!

Заботкин. Я не ходил с букетом. И духами не душился... *(Строгому.)* Ты, наверно, прав. Наверно, не надо делать нарушения, даже небольшие, даже от которых никому вреда нет, даже если цель гуманная. Но я думаю, ребята, если бы я с вами в самом начале посоветовался и девочку эту показал,— вы бы меня, может, и не отговаривали. Вы бы тоже ее пожалели.

Ехидный. В загс бы не побежали, будь уверен.

Заботкин. Может быть. Но меня-то вряд ли бы отговаривали так уж активно. И что вы все — загс, загс! Как будто это что-то такое особенное. Это вроде отдела кадров. Чего-то у нас спросили, взяли паспорта, записали в книгу... Потом поздравили — так и отделе кадров меня тоже начальник поздравил, когда я на завод поступил...

Строгий. Потому что ты не на самом деле женился, вот тебе загс и показался отделом кадров.

Заботкин. Может быть. Потом *(Пылкому)*, когда ты, например, говоришь — гадюка,— это ты все-таки не прав.

Пылкий. Не гадюка, скажешь?! Тогда что же...

Голубоокий *(заступаясь за Заботкина)*. Ну дайте ему говорить!

Заботкин. Не гадюка. Она чуть не год в общежитии жила, как условились. Раза два только, кажется, зашла на минутку, когда ей какие-то справки из домохозяйства требовались. А теперь она замуж выходит! Она полюбила! Тоже надо и в ее положение войти. Что ей делать?

Пылкий. Да уж, во всяком случае, понимаешь, не за твой счет свое счастье устраивать!

Строгий. Как она в глаза тебе смотрит? Удивляюсь этим людям.

Заботкин. Она, ребята, мне иногда кажется, в самом деле, немножко себя чувствует передо мной виноватой. Вчера, например, яичницу мне жарила. Хотите, говорит, я вам сделаю яичницу?

Пылкий. Ой-ой-ой-ой-ой! Ой, аферистка! Женичка! Ну, я тебя прошу, я тебя умоляю, ну, вытури ты ее! Пусть куда хочет заявляет, все-таки не так будет противно!

Заботкин. Конечно, с другой-то стороны, противно. У этих маклеров такие морды — вы бы видели.

Пылкий. Ну посмотри: ты ей добро — она тебе пакость. Ты ей устройство — а она тебе эти морды.

Заботкин. Она мне пакость. Хорошо. Значит, так: она мне пакость — и я ей за это пакость, и обратно она мне пакость — и обратно же я ей пакость, ты так предлагаешь? И это называется — коммунистические отношения?

Пылкий. Да ну при чем тут, при чем тут...

Голубоокий. Да ну дайте же ему сказать!

Заботкин. А вот при том. При этом самом. Это, ребята, получится самая настоящая мещанская свалка.

Голубоокий. Правильно, Женька!

Заботкин. Грязная свалка из-за собственности, и больше ничего.

Голубоокий. Молодец, Женька!

Заботкин. Из-за нескольких метров... Ты вот ее гадюкой называешь — тогда и меня назови гадюкой, если я сделаю, как ты советуешь.

Ехидный. Коммунистические отношения! Будет коммунизм — будут и коммунистические отношения.

Заботкин. Сами собой придут? По-моему, мы их должны устанавливать. Сейчас устанавливать должны, здесь, а не где-то там...

Пылкий. Да постой ты!

Ехидный. Ну чего размахался? Если каждую ерунду поднимать на принципиальную высоту...

Заботкин. Да, и ерунду надо поднимать на принципиальную высоту, тогда меньше станет ерунды! И это не ерунда, потому что тут можно человека испортить. Сделать недобрым... хитрым... подозрнтельным...

Ехидный. Кого боится испортить.

Пылкий. Да Женичка, да спроси ты у кого хочешь, у любого человека спроси...

Заботкин. Зачем мне спрашивать у любого человека? Не хочу спрашивать у любого человека. Хочу спрашивать у своей совести.

Голубоокий. Ну, а что? Он не прав разве?

Строгий. Нет, это непоследовательно!

Ехидный. Дурость просто.

Строгий. Мы обязаны бороться с такими Заиньками, а не оправдывать их!

Заботкин *(Строгому)*. Ты сам непоследователен! Ты сам непоследователен!

Девушка *(кричит, подходя)*. Ребята, вы чего там рассиживаетесь, перерыв кончился!

Парни поднимаются. Они в задумчивости.

Пылкий. И все равно я бы выгнал. Уж больно охота.

Строгий. Так тоже ведь нельзя: чтобы Заиньки торжествовали. На что будет похоже.

Голубоокий. А ну их, Заинек. Пусть, главное дело, совесть торжествует.

Расходятся.

6

Пассажирский зал на большой узловой станции в глубинах страны.

Здесь скрещиваются пути и происходят пересадки, и зал полон людьми, ожидающими поездов. Люди сидят на скамьях и на своем багаже. Некоторые спят. Сонный женский голос убаюкивает ребенка: «Баиньки, баиньки. Бай-бай...»

Ночь. Горит электричество, но большая часть зала освещена скупо. В полумраке вспыхивают огоньки папирос.

На своем деревенском чемодане сидит Заботкин. Против него, тоже на чемоданах, Молодая женщина. Они курят и разговаривают. Голоса ночные, негромкие.

Заботкин. Посмотрел я — а ну ее, думаю.

Женщина *(задушевно)*. Вы правы. Чем тратить нервы...

Заботкин. Ну, нервы у меня здоровые. Жизнь растрачивать жалко черт-те на что.

Женщина. Жизнь, да. Жизнь — вещь дорогая.

Заботкин. Моя мама то же самое говорила.

Женщина. Да, эта истина — общая для всех поколений... И неужели вы на нее даже не сердитесь, на эту нехорошую девочку?

Заботкин. Вы знаете, нет. Скорее я ей благодарен.

Женщина. Даже благодарны! За что?

Заботкин. Сейчас вам объясню. Я когда уезжал из

дому, я о чем мёчтал? Я мечтал и туда поехать, и сюда. Думал — весь Советский Союз повидаю, а там, может, и весь мир, почему бы нет?

Он замолчал — услышал тогдашний свой голос, говорящий: «Сколько дорог! Закружиться можно... Какие города я увижу? Какие моря? Какие горы?..»

А вместо того проторчал в одном городе почти три года. Мебель завел, посуду. Отчасти, безусловно, и потому так фундаментально расположился, что мне завод нравился, ребята... Но главным образом жилплощадь меня к месту прилепила. Так бы я, возможно, сидел там и сидел, только за город выезжал по выходным...

Женщина. Да, прилепляемся больше чем надо, загромождаем душу барахлом...

Заботкин. Вы меня поняли! А как вышибла она у меня эту площадь из-под ног — ай-ай-ай, думаю, я ж еще ничего не повидал, поеду-ка повидаю, в чем дело! Будьте счастливы, говорю, организуйте на здоровье ваш быт, я поехал!.. Одна только ее фраза меня немножко обидела.

Женщина. Какая?

Заботкин. Она сказала: «Как мне надоели ваши махинации». Мои махинации ей надоели.

Женщина смеется, запрокинув голову.

Она, правда, очень в тот день набегалась из-за этих жилищных дел; усталая пришла,— ну, сгоряча...

Женщина. Дайте спичку.

Заботкин дает ей огня. При свете спички он рассматривает ее лицо удивленно и тревожно. Она очень красива, глаза ее блестят.

И что дальше?

Заботкин (*опустил голову, хрустнул в смятении пальцами*). Ну вот, значит, я пошел в райком комсомола. Они, значит, говорят — ну вот и хорошо, говорят, езжай на Металлострой.

Женщина. И вы ее совсем не любили?

Заботкин. Я ее жалел.

Женщина. А любви, любви — ни капли не было?

Заботкин. Я ей хотел всего хорошего.

Женщина. Это не любовь.

Нет, ты мне совсем не дорогая,
Милые такими не бывают.
Сердце от тоски оберегая,
Зубы сжав, их молча забывают...

Заботкин. Что это?

Женщина. Стихи. Вы любите стихи?

Заботкин. Ничего.

Женщина. А помимо нее — была какая-нибудь?..

Мысли Заботкина. Вот уж об этом не надо было спрашивать. Зачем она об этом спрашивает? Вот странная — зачем ей?..

Женщина. Другая. Настоящая.

Мысли Заботкина. Только что познакомилась — и задавать такие вопросы... Не очень-то тактично с ее стороны.

Женщина. Совсем-совсем настоящая.

Заботкин. Почему вы спрашиваете?

Женщина. Просто так. Интересно.

Заботкин. Не было.

Женщина. Никогда не было?

Заботкин. Никогда.

Мысли Заботкина. Зачем я ей говорю? Еще смеяться будет. Соврал бы, что была; накрутил бы красивую историю... Почему я ей вообще все выкладываю, это глупо, наверно: ведь только-только познакомились...

Женщина. Никогда-никогда. Ничего-ничего? Ни встреч... ни расставаний... ни воспоминаний?

И, веселье призраком пугая,
Про тебя скажу, смеясь с другими:
Эта — мне совсем не дорогая.
Милые бывают — не такими.

(*Читает стихи усталым, ровным полушепотом, чуть слышно.*)

Мысли Заботкина. Нет, не будет смеяться. «Милые бывают не такими...» А какими? Ни на кого не похожа, кого я знаю. И все понимает, что ей говоришь. И пахнет от нее, как от букета цветов...

Репродуктор. Внимание! Поезд номер 64 Москва — Владивосток принимается на первый путь. Внимание, повторяю: поезд номер 64 Москва — Владивосток принимается на первый путь. Время стоянки — одна минута.

Заботкин вскакивает и хватается за чемодан.

Женщина. Куда вы? Это не наш.
Заботкин. Не наш? Не шестьсот семнадцатый?
Женщина. Это владивостокский, скорый.

Через зал торопливо проходят пассажиры, штатские и военные. Хлопают двери.

Заботкин *(садится снова)*. Хорошо.
Женщина. Что хорошо?
Заботкин. Что можно еще посидеть.
Женщина. Но вам же хочется ехать, смотреть, исколесить весь мир...

Промчавшись по залу отсветами своих окон, на перроне останавливается поезд.

Заботкин *(смотрит на него)*. Это все будет. А пока — эта станция тоже ведь кусочек мира, правда?

И они смотрят, как трогается поезд и как он уходит, снова пройдя по залу отсветами окон.

А вы дальше Металлостроя или ближе?
Женщина. И не дальше. И не ближе. Я тоже на Металлострой. У меня там муж. Вы кем думаете работать?
Заботкин. Куда поставят...
Женщина. Вообще-то вы — кто?
Заботкин. Вообще-то — слесарь.
Женщина. Жаль.
Заботкин. Почему — жаль? Это неплохая специальность.
Женщина. Муж ищет шофера. Чтоб был грамотный, мог сам съездить куда нужно, толково исполнить поручение... и знал, когда можно выпить чекушку, а когда нельзя. Вы машину водите?
Заботкин. Нет.
Женщина. Не так трудно научиться. Я сама попробую. Попрошу водителя, чтобы научил.
Заботкин. У вас своя машина?
Женщина. Персональная. У мужа, конечно. Мне-то ни персональной не дадут, никакой: я человек маленький.
Заботкин. А ваша какая профессия?
Женщина. Сама не знаю. Была на филологическом, не кончила. На Металлострое одно время работала завклубом.

Заботкин. Там, мне говорили, клуб — дворец.
Женщина. Дворец — это в будущем, дворец только заложен, а пока что — барак. Обыкновенный барак... Я там с полгода поработала, потом отец тяжело заболел, я уехала к нему в Москву, с работы снялась... Сейчас — не знаю, кем придется быть. Может, просто мужней женой.
Заботкин. Ну почему. Уж найдется что-нибудь на таком большом строительстве.
Женщина. Что-нибудь, возможно, найдется. На худой конец мужней женой тоже можно прожить.
Мысли Заботкина. Мужней женой. Она — жена, а там, значит, ждет муж... Наверно, и телеграмму уже дала, чтоб встретил... Как это плохо... Как это отвратительно устроено, что она жена и где-то ждет какой-то муж... Почему отвратительно, твое, собственно, какое дело, Заботкин?..
Женщина. Хоть это и невесело — быть мужней женой. В основном это, знаете, что? Ожидание. Муж ушел на работу — ожидание. Муж уехал в командировку — ожидание. Ожидание обеда. Ожидание, что кто-нибудь придет. Что что-нибудь случится. Ожидание счастья...
Заботкин. Счастья ждут, когда его нет.
Женщина. Вы смелый мальчик... А вы ждете?
Заботкин. Да.
Женщина. Погасла.

Заботкин зажигает ей спичку.

Что вы смотрите? Хотите получше рассмотреть женщину, ожидающую счастья?
Заботкин. Как у вас блестят глаза...
Женщина. От ожидания.
Мысли Заботкина. Смешно думать, что она бы могла быть моей женой. Безумно думать, что она бы могла быть моей женой. Она же и старше и... Но ведь думать можно как угодно безумно, думать можно — всё...
Заботкин. Вы послали телеграмму?
Женщина. Телеграмму?
Заботкин. Что приезжаете.
Женщина *(поняла и улыбается)*. Да. Послала. Как только получила плацкарту. У вас какой вагон?
Заботкин. Десятый, общий. Я без плацкарты.
Женщина. Мы с вами встретимся на Металлострое. Я буду идти по так называемой главной улице, которая только строится, а вы выйдете из так называемо-

го переулка, он тоже только строится, и я вспомню — мы с этим мальчиком вместе ждали пересадки.

Заботкин смотрит на нее, строго сжав губы.

И я спрошу у мальчика — дождался ли он счастья. Нашел ли он у нас на Металлострое свою настоящую.

Заботкин молчит и смотрит.

Можно будет спросить? Или нельзя?

Заботкин. Можно...

Женщина. Вы не любите стихов...

Заботкин. Неправда!

Женщина. Мне показалось.

Заботкин. Я люблю стихи!

Женщина. Ну вот, послушайте.

Весенней ночью думай обо мне,
и летней ночью думай обо мне.
Осенней ночью думай обо мне,
и зимней ночью думай обо мне...

Это называется «Заклинанье».

Я не хочу, чтоб думала ты днем.
Пусть день перевернет все кверху дном,
окурит дымом и зальет вином,
заставит думать о совсем ином.
О чем захочешь можешь думать днем,
а ночью — только обо мне одном.
Молю тебя — в тишайшей тишине,
или под дождь, шумящий в вышине,
или под снег, мерцающий в окне,
уже во сне и все же не во сне,—
весенней ночью думай обо мне,
и летней ночью думай обо мне,
осенней...

Репродуктор. Внимание! Поезд номер 617 принимается на четвертый путь! Внимание, повторяю: поезд номер 617 принимается на четвертый путь!

Женщина *(встает)*. Все.

Движение в зале. Пассажиры устремляются к выходу.

Ну что ж — прощай, ночная станция, кусочек мира! Поехали дальше, мальчик.

Заботкин *(медленно поднимается)*. В разных вагонах!..

Идут к перрону.

Антракт.

7

Перекликаются Оля и мать Заботкина.

Мать. Оля! Ну? Что ж ты молчишь? Оля!.. Молчишь. Еще беда какая? Да Оля же! Оля! Знаешь ты хоть что-нибудь?!

Оля. Он жив, тетя Нюра! Жив!

Мать. Олюшка, радость ты моя! А здоров?

Оля. Здоров, здоров!

Мать. Верно? Не обманываешь? Не успокаиваешь?

Оля. Люди пишут — жив-здоров. Он же крепкий, сильный. Все наладится. Вы не бойтесь.

Мать. Олюшка, ну как не бояться! А ну опять бог знает чего над своей жизнью наделает!

Оля. Его жизнь, тетя Нюра.

Мать. Его? Ты считаешь — его. А мать иначе считает. Кто ему ее дал-то, жизнь? Кому он своей силой обязан? Мне он обязан! Каждой каплей своей силы обязан мне! Так чья же, выходит, его жизнь?.. Оля!.. Оля!.. Ну вот, замолчала. Не молчи! Поговори о нем! Опять его, значит, в новые места занесло.

Оля. Опять в новые.

Мать. И ты не с ним! Хоть бы ты была с ним!

Оля. Как же я буду с ним?

Мать. Олюшка, что он со мной делает. Олюшка, у меня из сердца вся кровь вытекла. Олюшка, он мне на письма не отвечает!

Оля. Мне тоже не ответил.

Мать. Матери не отвечает на письма!

Оля. Может быть, вы его обидели?

Мать. Обидела! Да разве от матери можно обидеться? Обидела! Разве я с ним говорила, как по его поведению следовало? Я с ним и вполовину так строго не говорила, как бы следовало.

Оля. Тетя Нюра, а может, совсем не надо строго?

Мать. Как же без строгости?

Оля. Нельзя, да?

Мать. Конечно, нельзя. Воспитывать надо.
Оля. А может, не строгостью надо воспитывать?
Мать. А чем?
Оля. Верой?
Мать. Верой!.. Я ему верила, так верила!
Оля. А вы и сейчас верьте.
Мать. Не могу, Олюшка.
Оля. Вы же знаете — он хороший, он лучше всех! Верьте!
Мать. Не могу, Олюшка!
Оля *(помолчав)*. Если встречусь... что ему передать?
Мать. Передай, если еще такое с ним случится, я жива не буду. Первый раз осталась жива сама не знаю как; а второй раз не переживу.
Оля. Еще что?
Мать. Еще — чтоб здоровье свое берег хорошенько. Чтоб свитер поддевал, когда холодно, не поддевши не выходил.
Оля. Хорошо.
Мать. Чтобы водку не пил. Чтоб курил поменьше. Натощак чтоб не курил ни в коем случае.
Оля. Хорошо.

Она уходит, и удаляется ее голос.

Мать. Передай ему — Игнатий-то Михалыч курил-курил натощак, да и помер!
Оля *(издали)*. Хорошо...
Мать *(кричит, сложив рупором руки)*. Чтоб плохих поступков никаких не делал, а только одни хорошие делал поступки! Оля! Оля! Слышишь?

Оля не отзывается.

8

Мы в горах. Горы уходят вдаль и ввысь. Недостижимо далеко сияют под солнцем их легкие голубые линии. И где-то позади, надо всем — одна чистейшая снеговая вершина горит и манит.
В горах проложена дорога. Она вьется серой лентой, уходя в высоту, то скрываясь за поворотом, то снова видимая. До крохотности уменьшенная расстоянием, идет по ней вниз грузовая машина.

Вверху производится добыча руды. Время от времени глухой взрыв доносится оттуда, и долго не смолкает горное эхо.
На одном из склонов, как разбросанные кубики, белеют здания нового поселка. Над двумя незаконченными зданиями — стрелы кранов.
Внизу, перед главным подъемом, при дороге построены маленькая станция для обслуживания шоферов: небольшой гараж и дом, где можно переждать непогоду, обогреться, переночевать.
Сейчас погода прекрасная, летняя.
На сцене Заботкин и Полина. Она развесила на веревке одежду: женские пальто, атласное стеганое одеяло, мужские пиджаки разных размеров, яркие платья, вышедшие из моды. Полина — пожилая женщина с крашеными губами и белой наколкой на крашеных волосах.

Полина. Ты кого, Женя, дожидаешь?
Заботкин. Мишка должен завернуть. Заправиться есть?
Полина. По сто грамм.
Заботкин. Ну да, по сто. У вас много.
Полина. Мало чего у меня много. Заправишься, а потом гонишь машину как осатанелый.
Заботкин. Вы откуда знаете?
Полина. Люди жалуются.
Заботкин. А людям что?
Полина. Боятся. Игрушки тебе?
Заботкин. Туда и дорога.
Полина. Какой удалой. Храбришься, на ровном месте сидя. А будешь греметь — небось «мама» закричишь.
Заботкин. Не закричу. Я когда гремлю, то молча.
Полина. А ты уже гремел?
Заботкин. Еще как.
Полина. Расскажи.
Заботкин. Когда-нибудь.
Полина. Где это было?
Заботкин. Было.
Полина. И цел остался.
Заботкин. Ушибом отделался. А закусить чего дадите?
Полина. Есть бычки в томате.
Заботкин. Давайте бычки в томате.

Полина. Еще печенье ассорти привезли.

Заботкин. Плевать, давайте. Чего это вы барахло вытащили?

Полина. Уезжаю, Женя.

Заботкин. Все-таки уезжаете?

Полина. Не сегодня-завтра придет мне замена, кого-то подыскали... Смешно!

Заботкин. Почему — смешно?

Полина. Я — на пенсию! При моей наружности и общем самочувствии. Смешно до слез.

Заботкин. Так не идите. Не гонят же?

Полина. Ах, Женя. Государство дает, надо брать. Такой мой принцип. Совесть замучает, если не взять; спать перестану. Я же эти деньги все до копеечки на книжку. Через десять лет — представляешь, сумма?

Заботкин. А жить на что будете?

Полина. Жить — у дочери. У меня дочь от первого мужа в Москве. За профессором замужем. Отдельная квартира с удобствами. Не то что здесь — туалет за полкилометра. Они, конечно, рассчитывают, что я внуков буду нянчить. *(Принимается выколачивать развешанную одежду палкой.)* Вот уж это я плохо себе представляю, как я их нянчить буду... Дочка у меня тоже ученая, кандидат наук, с утра до вечера дома нет, пишет — ты, мама, будешь полной хозяйкой... Первый мой муж *(выколачивает пиджак)* был русский. Я за него вышла совсем молодой. Как приехала в эти места. При нэпе. Он в кооперации работал, ковры скупал. Надо тебе сказать, я когда приехала — москвичка, одета по последней моде, представляешь,— форменный произвела фурор... А второй мой муж *(выколачивает другой пиджак)* был здешний. В Курган-Тюбе чайханой заведовал. Вот чем ты объяснишь: он от меня по-русски как ведь здорово научился говорить, и песни наши русские пел, и пословицы говорил, а я по-таджикски плохо научилась. Так, несколько слов: занихушру — красавица, мард — просто мужчина, а мардихушру — красивый мужчина. Мужской костюм будет — костюми мардона. А пальто — так и будет пальто... Чем ты, интересно, объяснишь — Женя, а Женя!— что я по-ихнему плохо научилась?

Заботкин *(зевает)*. Может, у вас способностей нет к языкам? Я когда-то английским занимался...

Полина. Были способности?

Заботкин. Говорят — были...

Полина. А как по-английски красавицы?

Заботкин. Не помню. Кажется, бьюти.

Полина. Как?

Заботкин. Бьюти.

Полина. А меня второй муж зовет, бывало: ты где, моя занихушру? В переводе значит: ты где, моя красавица?

Взрыв.

Вчера опять тебя Раиса спрашивала. Прямо психованная: выскочит из машины, вбежит как бешеная — ни здравствуйте, ни до свиданья, подавай ей Заботкина. Ищет тебя день и ночь, как в голод хлеба ищут.

Взрыв.

А Ажогин знай взрывает... Почему это, интересно, я заметила, мужья никогда ни о чем не догадываются?

Заботкин. А ему не о чем догадываться. Бодяга это все.

Полина. Я знаю, что ты на нее ноль внимания. И ты прав. Женщина должна себе цену знать. Тем более — интересная. Она так должна себя поставить, чтобы ее добивались, а не она. Такой мой принцип. И вообще — дуры мы. Ненормальные. Не ценим счастья. Такой у нее муж, а ей не надо, ей подавай, который похуже...

Заботкин *(усмехнулся)*. Который похуже... Верно, Полина. Я — хуже во всех отношениях... А какая разница? Лучше, хуже — не проживу, что ли?

Полина. Мне твой тон не нравится. Я этого тона не признаю. У меня был в жизни момент — форменное отчаянье, больше месяца не завивалась, представляешь? Это когда из Москвы пришлось уехать. А потом посмотрелась как-то в зеркало — кошмар — я или не я?! Сейчас же вымыла волосы ромашкой, завилась и взяла себе за принцип — завиваться при любых обстоятельствах! Ты что думаешь, я на пенсию ухожу — это все? Ничего подобного. Еще посмотрим. Не здесь, так в Москве. Если подходящий человек подвернется — я замуж выйду. Чем внуков нянчить.

Уносит одежду в дом. Заботкин — за нею, помогая.

Идет Оля с саквояжем. Остановилась, смотрит. Полина выходит из дома.

Полина. Вам кого?

Оля *(достает бумажку)*. Вот, меня направили...

П о л и н а *(читает)*. Удивительно.
О л я. Почему — удивительно?
П о л и н а. Кто ж тебя догадался направить?
О л я. Из комбината. Там написано.
П о л и н а. Из комбината! Чья голова сработала — тебя на это место прислать!
О л я. Какое особенное место? Буфетчицей...
П о л и н а. Замужняя?
О л я. Нет.
П о л и н а. Была замужем?
О л я. Нет...
П о л и н а. Ну как же тебе тут? Совершенно для тебя неподходяще. Наша клиентура — кто? Шоферы. Чудный народ, не хлюпики, не жмоты — во! Но ведь и хамло попадается. Феноменальное! Представляешь, зимой, в пургу такое хамло заскочит и пережидает, сидит, сколько придется по стихийным обстоятельствам. Хорошо, если другие тут: он перед коллективом стесняется. А если один — тут и «шумел камыш», и с руками полезет,— с ним же, чертом, надо уметь разговаривать. Есть у нас, например, один молодчик — сколько по району девчонок от него слезами плачет...
О л я. От кого это?
П о л и н а. Да есть такой Мишка. Ни одной молоденькой не пропустит. В Рязани жена, а здесь он холостой.
О л я. А вы не знаете такого — Заботкина, Женю Заботкина? Он в комбинате работает...
П о л и н а. Ты с ним знакома?
О л я. С детства.
П о л и н а. Боже, как тесен мир!
О л я. Вы его знаете!
П о л и н а. Кого я не знаю?
О л я. Как он живет?
П о л и н а. Живет... Иной раз настроение бывает дурацкое. Как бы не загремел.
О л я. Загремел?
П о л и н а. Так лихачит — привычным людям жутко смотреть. Судьбу искушает. Балда. Как будто действительно у него одного в жизни что-то случилось... А в общем, что ж,— зарабатывает хорошо, одет, обут — увидишь сама. *(Зовет.)* Женя! Женя! Иди-ка сюда. Тебя ждет сюрприз.
З а б о т к и н *(выходит)*. Какой сюрприз?
О л я. Здравствуй, Женя.
З а б о т к и н. Здравствуйте...

О л я. Ты меня не узнаешь?
З а б о т к и н. Оля? Ну, здравствуй.

Здороваются за руку.

Ты как здесь очутилась?

Полина, напевая, занялась своими делами.

О л я. Работать буду. Буфетчицей.
З а б о т к и н. Что за муть. Лучше ничего не нашла.
О л я. Вот — не нашла.
З а б о т к и н. Что это ты так неважно собой распорядилась? Даже жалко. У тебя могло быть лучше.
О л я *(улыбается дрожащими губами)*. Ну... как-нибудь. Поработаю, потом, может быть, переведут... что-нибудь найдется другое... Тебя, между прочим, тоже можно не узнать. Очень возмужал.
З а б о т к и н. Да?
О л я. Такой... большой стал. Ну как поживаешь, ничего?
З а б о т к и н. Я? Замечательно поживаю, великолепно. Лучше не может быть.
О л я. Нет, правда?
З а б о т к и н. Правда. Почему думаешь, что неправда?
О л я. Домой не собираешься съездить?
З а б о т к и н. Куда это домой?
О л я. К маме.
З а б о т к и н. Пока не собираюсь.

Звук подъехавшей машины.

О л я. Прежнюю специальность оставил?
З а б о т к и н. А эта хуже?
О л я. Не хуже?.. Не сердись! Я просто спрашиваю...
З а б о т к и н. А тебя этот вопрос с какой точки зрения интересует?

Входит М и ш к а.

О л я. Говорят — очень рисково ездишь.
З а б о т к и н. Да?
О л я. Правда?
З а б о т к и н. А не знаю. Спроси у тех, у кого ты обо мне справки наводила. *(Идет от нее.)*
О л я. Женя!..
З а б о т к и н. Мишка, поворачивай! Поехали куда-нибудь!

Мишка. Почему поехали, почему не здесь?

Заботкин. Потому что и сюда няньки добрались! Бежал, бежал на край света... от нянек, от надзирателей... нет — нашли, добрались... Поехали в город.

Мишка *(упирается)*. Обожди! Это что за симпатичненькая?

Заботкин. Поехали, поехали!

Мишка. Ты с ней знаком?

Заботкин. Был знаком когда-то. Когда был пацаном. Было — сплыло. *(Уходя.)* Было — сплыло, было — сплыло...

Рев отъезжающих машин.

Полина *(выходит из дома)*. Улетели голубчики? И про сто грамм забыли? А я открыла бычки в томате..

Входит Раиса. Она в плаще, в сапожках. Вид вызывающий.

Раиса. Кто приезжал?

Полина. Да много народу.

Раиса. Например?

Полина. Новый вот работник, на мое место прибыла...

Раиса. Кто ее привез?

Полина *(Оле)*. Кто тебя привез?

Оля. Я на автобусе...

Раиса. А Заботкин был?

Полина. И Заботкин был!

Раиса. Давно?

Полина. Да только что уехал, если не ошибаюсь. Я, знаете, не особенно смотрю — кто приехал, кто уехал...

Раиса. Куда он поехал?

Полина. Не могу сказать, не спрашивала. Мне ни к чему, знаете, куда он поехал.

Раиса тяжело смотрит на нее, поворачивается и уходит.

А еще геолог, высшее образование. За шоферюгой бегает. Господи!..

Взрыв. И долго не смолкает — бухает, осыпается горное эхо.

9

На улице города — райцентра — у табачного ларька Заботкин и Мишка покупают папиросы.

Заботкин. Десять пачек «Беломора».

Мишка. А мне двадцать «Авроры».

Подходит человек.

Человек *(в удивлении)*. Заботкин? Заботкин? Заботкин — ты?

Заботкин. Ну, я, допустим.

Человек. Не может быть! На свободе! Как же это?

Заботкин. Да вот так.

Человек. Неужели амнистирован? Повезло! Из какой истории выпутался... А мы-то на Металлострое считаем — ты сидишь крепко. Некоторые жалеют даже, а ты гуляешь, смотри-ка!.. И что же — опять на машине?

Заботкин. Да, на машине.

Человек. Далеко тебя занесло от Металлостроя.

Заботкин. Тебя тоже.

Человек. Ну, я! Я — другой разговор. Мы толкачами сюда приехали, в командировку. А ты, значит, вывернулся, ну и ловкач! Кто ж тебе это самое — знакомство, что ли, очень сильное было или письмо какое-нибудь особенное сочинил в вышестоящие инстанции?.. Ты чего ж уходишь, не хочешь даже спросить ни о чем?

Заботкин. Не хочу.

Человек. А то бы я порассказал тебе, а?

Заботкин. Не надо!

Человек. А ты бы мне рассказал!

Заботкин. Я — ловкач, ты — толкач, о чем нам разговаривать? Привет. *(Уходит с Мишкой.)*

Человек. Вот сволочь, не хочет рассказывать. Из какой воды сухим вышел, вы подумайте! Героем смотрит... Да, удивятся у нас на Металлострое... *(Уходит.)*

10

Шоферы гуляют, провожая Полину, уходящую на пенсию. Это происходит там же, где восьмая сцена, но поздним вечером. Высокий фонарь освещает стол и группы пирующих. Здесь Полина,

Оля, Заботкин, Мишка и другие шоферы. Лица русские и таджикские. По-русски и по-таджикски поют и пляшут. Играют на баяне, на гитаре и местных инструментах — рубобе, сурнае.

Вечер темный, небо беззвездное. Высоко переливаются огоньки поселка. Два огонька бегут сверху вниз, то исчезая, то возникая снова,— по невидимой дороге спускается автомобиль.

Музыка мягко сопутствует разговорам. Голоса приподняты, но не крикливы, празднично-торжественны.

Полина. Всегда говорила: нет на свете ребят лучше шоферов! Толик! Запомни, что я сказала: что нет на свете ребят лучше шоферов, не забудешь?

Толик. Не забуду.

Шоферы. Выпьем еще по этому случаю.

Полина. Выпьем! Пей, Федя! Пей, Аширмад! Алексей Иваныч!.. Не хватит — я угощаю! За свой счет! Вы мои золотые! Помните Полину!

Шоферы. Ура, Полина! За Полину! Будь здорова, Полина! Сто лет жизни, Полина! Отдыхай, Полина!

Полина. Толик, ты же смотри мне, чтоб в газете все подробно было, как меня провожали, слышишь, Толик?

Толик. Слышу.

Полина *(встает)*. Дорогие товарищи! Спасибо вам, дорогие товарищи! Профорганизация и не почесалась, как говорится, чтобы мне устроить проводы, и чего ей чесаться, когда уходит на пенсию простая буфетчица, но для вас, товарищи, буфетчица такой же человек, и вы по своей инициативе исправили эту несправедливость!.. Толик, насчет профорганизации обязательно отметь, не забудешь?

Толик. Да не забуду.

Полина. Ведь как там ни крути, чего б там ни было, а трудовая моя жизнь вот она, никуда не денется, уж государство пенсию зря не присудит, как думаете?

Шоферы. Безусловно.

Полина. Дорогие товарищи, выпьем за наши успехи!

Шоферы. А Полина, оказывается, выпить здорова. А притворялась, что больше стопки ей никак...

Полина. Служебная дисциплина, товарищи, даже за ту стопку могли быть неприятности, слава богу, что не было... Ах, товарищи, было когда-то выпито! И не этой паршивой водки, а шампанского, и не где-нибудь, а в самых первоклассных московских ресторанах... Как я грустила, когда уезжала из Москвы! А что же оказалось — всюду люди, всюду жизнь, и женщина, которая знает себе цену, не пропадет нигде...

Музыка.

Оля *(она выпила, ее голос по-детски звенит)*. И нас когда-нибудь тоже будут провожать. Пенсию дадут, бессрочные паспорта...

Мишка. Увы. По этой причине, Олечка,— за нас! За нашу молодость и за все, что из нее следует. Очень, я считаю, симпатичненько, что у нас еще лет сорок в запасе, есть где развернуться... Между прочим, она правильную мысль выразила. Действительно, шофер — первый человек.

Оля. Конечно, уж и первый!

Мишка. А как же. Везде новые дороги. По горам, сквозь тайгу... И кто первый выезжает на дорогу? Шофер! Он оборудование тянет, он рабочих везет, и что жрать, и на чем спать, и лекарства, и почту, что угодно для души.

Оля. А летчик? А летчик?

Мишка. Руду взрывают, а вывозит ее кто? Шофер!.. Летчик что говорит? Летчик говорит — будьте любезны, а где приземлюсь? А шоферу — никакой посадочной площадки, шофер через пень, и через колоду, и сквозь метель, и сквозь тучи, только держись, чтоб не замечтаться, а то бац — и привет... Особенно зимой, когда заметет все к чертям. Бывает, по двое, по трое суток в кабине отсиживаешься, ни взад, ни вперед, пока снегоочистители не пройдут... Ох, слушай, ездили мы как-то с Женькой Заботкиным в Анархай, урочище Анархай, вон туда за перевал, тамошним чабанам возили продукты. Пурга — дворники не поспевают очищать стекло, дорогу и не разберешь, где она есть под снегом, ветрище — прямо тебя с горы сдувает к богу в рай... На обратном пути заехали сюда. Я — ничего, а у Женьки до того от напряжения руки задубели, веришь — кружку держать не мог. Полина его, как маленького, с блюдечка чаем поила... А то еще аттракцион — покроется дорога ледяной коркой...

Заботкин. Дядя Вася! А как это вы разъезжаете — и не боитесь?

Дядя Вася. Чего?

Заботкин. Вы — здесь, жена — там. А она у вас, говорят, молодая.

Дядя Вася. Не старая, да.

Заботкин. Не боитесь?

Дядя Вася. Чего?

Заботкин. Что надоест ей вас ждать.

Дядя Вася. Ждет...

Заботкин. А как надоест? За что я, скажет, пропадаю? Возьмет и изменит. Они это могут!

Дядя Вася. Нет. У нас в деревне этого не бывает, чтоб изменяли.

Заботкин и Мишка *(в один голос)*. Как — не бывает?

Дядя Вася. Так — не бывает.

Заботкин. Никто, никогда, никому?

Дядя Вася. Никто, никогда и никому.

Заботкин. Такая деревня?

Дядя Вася. Такая деревня.

Заботкин. Ай да деревня!

Мишка. Ну, дядя Вася, не может быть! Это не может быть! А? Дядя Вася, ну вы пошутили...

Дядя Вася. Мальчишки. Вам надо, чтоб я сказал: да, пошутил, да, изменяют! Так вот — не изменяют же! Хоть вы лопните!

Мишка. Но — дядя Вася! Вы сказали: никогда.

Заботкин. Да брось, так он тебе и скажет правду. Он будет свое долбить, хоть ты что.

Оля. А почему вы не верите? Что тут невозможного? Да, не изменяют. Разве это обязательно — изменять?

Песня.

Мишка. Олечка. Деточка. Не слушай их. Слушай меня, солнышко.

Оля. Миша, ну я же слушала, мне надоело слушать, понимаешь? Что ты можешь нового сказать?

Мишка. Неужели я такой уж подонок, что ты на меня смотреть не хочешь?

Оля. Миша, я смотрю, во все глаза смотрю!.. А руку пусти.

Мишка. Тебе противно, что я беру тебя за руку?

Оля. Ну, мне ни к чему, понимаешь?

Мишка. Глупенькая. А ты знаешь, что к чему? Ни черта ведь не знаешь. Дурешка...

Алексей Иваныч. Скажи, Заботкин, хочу тебя спросить.

Заботкин. Да?

Алексей Иваныч. Ты за что сидел-то?

Заботкин. У нас, которые сидели, это считается не очень-то тактично спрашивать.

Алексей Иваныч. А у нас, шоферов, вполне тактично считается. Говори-ка.

Заботкин. Отвык я уже от допросов.

Алексей Иваныч. Не допрос. Разговор по душам.

Заботкин. Сидел — и какая вам разница, за что?

Алексей Иваныч. Хочу разобраться, что ты за человек. Если человек состоит из своей наружности, голоса, глаз — то ты мне нравишься.

Заботкин. Что-то не замечал, чтоб я вам нравился.

Алексей Иваныч. Но человек состоит из своих поступков... Знаешь, если верно о тебе говорят, то лучше бы ты был ворюга, рецидивист... чем то, что о тебе говорят. На мой личный вкус.

Заботкин. На мой — тоже.

Алексей Иваныч. Потому что вор — ну это плохо, конечно, очень плохо, непочтенно, никоим образом не вызывает сочувствия и так далее. Но то, что о тебе говорят... Это ведь, значит, в самой сути человека заложена мерзость, жестокие скажу слова — фашистская, звериная мерзость, нормальный человек от нее шарахается. К вору я подойду с осуждением, конечно, но без этого омерзения, вора и возьмусь перевоспитать...

Заботкин. А говорят обо мне, что с меня судимость снята?

Алексей Иваныч. Хочу разобраться, пойми, кому верить: людям или твоим глазам? Кто ты такой? Представления устраиваешь на дороге. Печорина изображаешь или в самом деле задумал шею себе свернуть? Заноза в тебе сидит или гниль? Что на душе у тебя?

Заботкин. Сейчас, минуточку. Одну минуточку. Передайте мне баранину, будьте так добры. Сейчас поем баранины и выложу вам все, что у меня на душе, все выложу, себе ничего не оставлю, все будет ваше, все, все будет ваше...

Алексей Иваныч. Слушай, я в отцы тебе гожусь...

Заботкин. Лучше выпьем давайте. Под баранину. На брудершафт.

Алексей Иваныч. Иди к черту. Буду я с тобой пить.

Заботкин. Ай-ай-ай, какая жалость. Придется самому выпить.

Мишка *(Оле, которая уходит от него)*. Ну куда ты? Ну ладно, не буду, слышишь? Ну чего тебе нужно?

Оля. Ничего мне не нужно.

Мишка. На вечеруху пришла, и ничего ей не нужно. Ну хоть разговаривать давай!

Оля. Все о том же?

Мишка. Серьезно. Совершенно серьезно. Принца ждешь какого-то необыкновенного? А вдруг не дождешься?

Оля. Похоже, Миша, что и не дождусь.

Мишка. Ну вот, сама понимаешь! И не заметишь, как молодость — фью!— улетучилась неизвестно куда. Я не за себя хлопочу — вот честное! Я за тебя сейчас хлопочу.

Оля. Спасибо.

Мишка. Спохватишься, когда бессрочный паспорт будешь получать.

Оля. Возможно.

Мишка. Да ну, я не понимаю, как это так — жить, жить, и ни разу не побывать счастливой! Неужели не хочется, чтобы кто-то любил, думал, ждал...

Оля. Хочется, Миша!

Мишка. Ясно, хочется. Ведь хорошо же это! Дурешка!

Оля. Хорошо!

Мишка. Прямо тяжело смотреть на тебя, вот честное слово. Все кругом хватают у жизни, кому что достанется. У такого, посмотришь, мурла — и то парень есть, хоть какой... А ты — ты!— одна-одинехонька. Так и озираешься — чтобы за руку тебя не взяли, не поцеловали, не дай бог. Для принца бережешься...

Оля. Не для принца.

Мишка. А для кого?

Оля. Для любви. С большой буквы.

Мишка. Иди ты, пожалуйста. Если каждый раз с большой буквы дожидаться... С маленькой, и то уж слава богу...

Оля. Не хочу побывать счастливой. Хочу быть счастливой.

Мишка. Навечно.

Оля. Хочу навечно. Хочу быть счастливой навечно с единственным моим.

Мишка. Чтоб серебряную свадьбу сыграть по прошествии четверти века. А по прошествии полвека — золотую.

Оля. Хочу и серебряную, и золотую! А вот чего не хочу — без любви играть в любовь.

Мишка. Я же не сказал — совсем без любви...

Оля. Видишь, Миша, любовь, по-моему, бывает только с большой буквы. Только очень большая. А если маленькая, то это, по-моему, не любовь.

Мишка. А что?

Оля. А не знаю, у меня этого не было, не понимаю даже, что это такое может быть — маленькая любовь. Что-нибудь, я думаю, пустяковое... Не знаю!

Мишка. Ты говоришь — серебряная свадьба, золотая... Не ты одна. Процентов девяносто девчат этого хотят. Даже если молчат из самолюбия — все равно хотят... Но поверь ты человеку, который в курсе дела: это выдумки.

Оля. Что выдумки? Золотые и серебряные свадьбы?

Мишка. Свадьбы случаются. И серебряные, и даже золотые. Но не верю я, чтоб, прожив вместе пятьдесят лет, такое уж счастье испытывали,— это вы еще, пожалуйста, докажите... Вот мне, скажу откровенно, жена за один год своими фокусами жизнь испортила!

Оля. Значит, не любил ее.

Мишка. Да нет, сначала вроде любил...

Оля. Если б любил, то и фокусы прощал бы. Все прощал бы! И какие фокусы! Ревновала?

Мишка. Да ну, понимаешь, как, то есть, ревновала — туда не иди, сюда не смотри...

Оля. Если б ты любил, ты бы только радовался, что она тебя бережет!

Мишка. Кто его знает... Я ведь как женился, собственно: познакомились и гуляли, а когда, ты понимаешь, в перспективе обнаружился ребенок...

Оля. У вас ребенок есть?

Мишка. Двое.

Оля. А ну тебя. И ты кругом девчат вьешься.

Мишка. Оля! Да ты знаешь, сколько мне было, когда вторая дочка родилась? Двадцать второй год шел!

Оля. Ах, да ну тебя!

Мишка *(нерешительно)*. Между прочим, ты не думай, я на детей высылаю каждый месяц. Сам, без исполнительного листа.

Оля. Какое достижение! Без исполнительного листа!.. У тебя детских карточек нет?

Мишка. Есть.

Оля. Покажи.

Мишка достает карточку.

Славненькие девочки.

М и ш к а. Ничего?
О л я. Очень! Которая старшая?
М и ш к а. Вот эта.
О л я. Не различишь.
М и ш к а. Погодки. Одна за другой...
О л я. Эта не так на тебя похожа, а эта — вылитая ты. Как их звать?
М и ш к а. Эта — Надя.
О л я. А старшая?
М и ш к а *(неохотно, имя нейдет у него с языка)*. Старшая... Оля.
О л я. Вырастет твоя Оля. Что ты ей порекомендуешь? Хватай у жизни что попало? Не надо большой любви, хватай маленькую, абы счастливой побывать?..

Входит Р а и с а.

Р а и с а *(дерзко и неуверенно)*. Гостей принимаете?
П о л и н а *(с достоинством)*. Присаживайтесь. Пожалуйста.
Р а и с а *(садится возле Заботкина)*. Уже, наверно, много пили за Полину. Я тоже хочу выпить за Полину. Налей мне, Женя...
П о л и н а. Мое имя-отчество — Полина Вячеславна.
Р а и с а. За ваше здоровье, Полина Вячеславна.
П о л и н а. Благодарю вас.
Р а и с а *(Заботкину)*. Я тебя давно не видела. Будет гроза. Ты чувствуешь, Женя, будет гроза?
З а б о т к и н. Кажется...
Р а и с а. Душно. Налей еще... Почему она со мной разговаривает таким тоном? Словно уличает в аморальности... У нее два мужа было и любовников без числа, ее в свое время выслали из Москвы за отъявленное поведение...
З а б о т к и н. Когда это было?
Р а и с а. Да лет тридцать пять назад.
З а б о т к и н. А сколько надо лет, чтоб люди забыли? Триста пятьдесят?
Р а и с а. Да, ты прав, и какое все это, действительно, имеет значение — никакого значения... Мне с тобой надо поговорить.
З а б о т к и н. И мне с тобой.

В музыке тонет разговор. Пляска. Две новые светлые точки появились на дороге, бегут вниз.

Глухой рокот вторгается в музыку — близится гроза, ее дальние вспышки озаряют вершины гор.

Р а и с а. Куда хочешь уедем. У меня никогда в жизни не было ни кола ни двора, я в бараке могу жить, в палатке, в землянке... Ни холода не боюсь, ни жары, есть могу что угодно, могу не есть по два дня... Только без тебя не могу, невозможно... Ты от меня бегаешь — не верю тебе! У тебя же нет никого — неужели никто не нужен?.. Ты меня полюбишь. Увидишь! За него беспокоишься? Совесть?.. Все равно я его переносить не в состоянии, видеть не в состоянии.
З а б о т к и н. Чем же он виноват?
Р а и с а. Серый, деревянный. Тупица. Ничего за душой, кроме службы. Глохнет от взрывов, кричать надо, чтоб услышал. Тридцать лет, а уже плешивый, лысеть начинает...
З а б о т к и н. Зачем ты его продаешь?
Р а и с а. Никому не продавала. Только тебе.
З а б о т к и н. А мне на что?.. Не надо, прошу, пожалуйста!
Р а и с а. Я больше не буду, Женя.
З а б о т к и н. Правильно. Больше не надо.

Гроза ближе.

Я тоже, Рая, хотел сказать. Я, наверно, уйду из комбината. Есть предложение в один совхоз.
Р а и с а. Все равно, пусть совхоз.
З а б о т к и н. Не обижайся, Рая. Я уеду один.
Р а и с а. Уезжай один. Но я за тобой.
З а б о т к и н. Брось, Рая. Это же ты все выдумала. Какая я тебе пара, ну подумай. Да ты через неделю скажешь: на кой мне черт этот шоферюга...
Р а и с а. Я оставила ему письмо. Что не вернусь.
З а б о т к и н. Агрессия в неприкрытом виде. Почему на мою долю сплошные агрессоры? Даже странно. Сколько я читал о нежных женщинах. Тихих, скромных женщинах. Ведь есть же такие — наверняка есть! Даже читать о них хорошо...

Входит А ж о г и н.

А ж о г и н *(присматриваясь к лицам)*. Скажите, здесь нет Раисы Михайловны? Простите, Раиса Михайловна Ажогина здесь не была?

Раиса. Я здесь. *(Идет к нему.)* Только обойдемся, Шура, без публичных сцен.

Ажогин. Что ты говоришь?

Раиса. Говорю — обойдемся без сцен.

Ажогин. Боже сохрани! Какие сцены, зачем сцены...

Раиса. Я все написала.

Ажогин. Не будем этому придавать очень уж большое значение. Тому, что ты написала.

Раиса. Тогда — для чего примчался?

Ажогин. За тобой.

Они разговаривают в стороне.

Раиса. Ты хоть прочел до конца?

Ажогин. А как ты думаешь? Поразительно несерьезно. И намерение, и объект — прости, Рая, несерьезно в высшей степени.

Раиса. Ты — серьезно, а он — несерьезно? Что ты вообще смыслишь!

Ажогин. Рая, ты хотела без сцен.

Полина *(подходит)*. Товарищ Ажогин, прошу вас со мной чокнуться! Последний мой вечер, коллектив устроил мне проводы, и, между прочим, присутствует рабкор, корреспондент нашей многотиражки, Толик, так что все будет освещено в печати, не откажите меня на прощанье поприветствовать, приглашаем вас в нашу компанию...

Ажогин. Спасибо...

Полина. Пожалуйте за стол. Раиса Михайловна, пожалуйте.

Ажогин. Подвинься, Раечка.

Его усаживают рядом с Раисой.

(Полине.) Ваше здоровье.

Шоферы. Ваше, Александр Иваныч! За тех, кто руду выдает!

Ажогин. Спасибо, товарищи...

Хор, пляска. Сквозь хор все ближе гром. Резче озаряются вершины.

Полина. Вот как меня провожают. С блеском и треском!

В этом шуме долго и тщетно звонит где-то телефон. Наконец его услышали, один из шоферов уходит в дом.

Шоферы. Ажогина к телефону! Кого? Ажогина! Товарищ Ажогин, вас к телефону!

Ажогин уходит в дом. Длится пляска. Обходя танцующих, Ажогин возвращается.

Ажогин. Рая! Мне нужно ехать.

Раиса. Поезжай.

Ажогин. Ты приедешь утром.

Раиса. Я не приеду.

Ажогин. Ты приедешь утром, на ближайшие часы дорога будет закрыта. В десять начнем взрывать. Не беру тебя с собой, потому что... потому что сам не знаю, как проскочу. Должны были начать в одиннадцать... Товарищи, кто меня подкинет на рудник?

Шоферы. А на когда назначены взрывы?

Ажогин. Начинаем в десять.

Шоферы. В десять ноль-ноль или с минутами?

Ажогин. Десять ноль-ноль. Успеем проскочить?

Шоферы. Можно успеть, а можно и не успеть. Не успеть, пожалуй.

Мишка. Что значит — не успеть! Успеем замечательным образом. Что угодно для души. Только не замечтаться, а то к богу в рай. Поехали, товарищ Ажогин!

Заботкин *(толкает его на место)*. Ладно, сиди, выдыхайся, куда тебе!

Мишка. Что значит — куда, сквозь метель и сквозь тучи, шофер — первый человек!

Заботкин. Перебрал ты, первый человек, никуда не поедешь. Я довезу, товарищ Ажогин.

Ажогин. Как думаете — проскочим?

Заботкин. Постараемся проскочить.

Раиса. Женя, не смей, Женя! Я не хочу!

Заботкин. А чего хочешь? Чтоб он сам выкручивался как знает, а мы бы тут с тобой его продавали? Он же из-за твоего письма с места сорвался! *(Уходит за Ажогиным.)*

Шум отъехавшего грузовика.

Мишка *(разом отрезвев, порывается за ними)*. Дубина. Идиот. Ну не проскочит же! Ну не успеть же! Зараза проклятая, пропадет же за здорово живешь!..

Шоферы *(не пускают его)*. Сиди. Сиди. Нельзя

тебе. И незачем. Заботкин — он, может, и проскочит. Может, и успеет. А что, может быть.

По дороге вверх движется красный огонек — ЯАЗ Заботкина поднимается в горы.

11

В кабине ЯАЗа. З а б о т к и н и А ж о г и н.

А ж о г и н. Проскочим?
З а б о т к и н. Проскочим.

Вспышки молний озаряют их лица, погромыхивает — идет гроза.

А ж о г и н. Это гром.
З а б о т к и н. Гром, конечно.
А ж о г и н. Взрывать начнут в десять ноль-ноль.
З а б о т к и н. Я знаю.

И оба смотрят на часы.

Махай, старайся...
А ж о г и н. Что вы говорите?
З а б о т к и н. Флажком машет...
А ж о г и н. Лишь бы проскочить...

Машину сильно тряхнуло.

Ого!
З а б о т к и н. Вам же надо проскочить.
А ж о г и н. Да-да. Обязательно.
З а б о т к и н. На эту бы дорогу пару гаишников — плакали бы мои права...
А ж о г и н. Скучаете по гаишникам?
З а б о т к и н. Гаишники по мне скучают... Я дороги люблю, которые без гаишников. Чтобы на мое шоферское усмотрение... Сейчас вот тоже неплохое предлагают место — в совхозе.
А ж о г и н. Что вы говорите?
З а б о т к и н. Говорю — в совхоз перехожу, договорился.
А ж о г и н. Из комбината, значит, уходите?
З а б о т к и н. Значит. В совхозе условия лучше.
А ж о г и н. И далеко совхоз?
З а б о т к и н. Далеко. Туда, за перевал...

На безумной скорости идет машина.

А ж о г и н *(с уважением)*. Смелый вы человек. Кажется, проскочим.
З а б о т к и н. Должны проскочить. Это тоже гром?
А ж о г и н. Это еще гром.

Резкая молния, громовой удар, за ним взрыв. Темнота.

12

Ночь. Белый неосвещенный коридор больницы. Лестница. Большие черные окна. В них еще подергиваются молнии уходящей грозы. Молоденькая м е д с е с т р а со свечой в руке спускается по лестнице. Ставит свечу на столик, звонит по телефону: «Электростанцию!»
Златоволосая, вся, как новогодняя елка, в блестящих цацках, молоденькая т е л е ф о н и с т к а за пультом (здесь вместо электричества горит керосиновая лампа) отзывается ночным, усталым голосом: «У них авария. Провода сорвало». «Хорошенькое дело,— говорит медсестра.— Нашли время. Дай-ка мне их, Катя».
С электростанции угрюмо отзывается молодой д и р е к т о р: «Слушаю».

М е д с е с т р а. Говорит райбольница. Что вы думаете, электростанция? Когда будет свет?
Д и р е к т о р. Утром.
М е д с е с т р а. Что значит утром? У нас экстренная операция. Мы до утра не можем ждать. Алло! Вы меня слышите?
Д и р е к т о р. Да, я вас слушаю.
М е д с е с т р а. Я сказала. Нам нужен свет. Не утром, а сейчас.
Д и р е к т о р. Потерпите до утра.
М е д с е с т р а. Нет, не потерпим. Не вашего ума дело, электростанция. Мы вызвали профессора Ладыгина, он уже летит. Сию минуту чтоб дали свет.
Д и р е к т о р. А где я вам сию минуту возьму рабочих для ремонта? Они еще в пять часов разошлись, где я буду в потемках по горам лазить, их собирать?
М е д с е с т р а. Очень жаль, что у вас так отвратительно организовано.

Директор. А это уж пускай мое будет дело, как у меня организовано.

Медсестра. Нет, это наше общее дело, электростанция, и я буду ставить вопрос! Это наше общее дело, если из-за вашей неорганизованности погибает человек!

Директор. Вы в прошлый раз грозились, что кто-то погибнет, а потом оказалось — ничего не было страшного!

Медсестра. Уж, наверно, профессор Ладыгин не полетел бы из Душанбе, если б ничего не было страшного!

Директор. Слушайте. Ну, мы пойдем собирать людей, хорошо — когда мы их соберем? Опять же к утру, вам понятно? Так утром они сами придут.

Телефонистка. Ваня, а Ваня! Я тебе за час соберу, давай-ка! На дробильную фабрику если позвонить... Где еще работают в ночную?

Медсестра. Ночные смены, возможно, порасходились из-за света. Если попробовать общежитие техникума...

Телефонистка. Техникум, правильно! Ваня, я обзвоню! Кликну ребят — смотаются, Ваня, приведут, кого тебе надо! Давай адреса, быстренько!

Медсестра. Шевелись, Катюша. Профессор уже, наверно, подлетает. *(Идет обратно.)*

Свеча осветила неподвижную фигуру. Это Раиса.

Вы что, гражданка? К кому?

Раиса *(с трудом)*. К Заботкину.

Медсестра. Вы его жена?

Раиса. Нет.

Медсестра. Родственница?

Раиса. Нет.

Медсестра. Невеста, быть может?

Раиса. Нет.

Медсестра. Вас коллектив направил?

Раиса. Нет.

Медсестра. К Заботкину нельзя.

Раиса. Я помочь... ходить за ним. Быть при нем...

Медсестра. Вряд ли врач разрешит. Поскольку вы ему никем не являетесь и вас не направил коллектив...

Раиса делает шаг за ней.

Гражданка, без халата наверх не разрешается!

У подножия лестницы стоят Оля и Мишка.

Мишка. Разрешите обратиться. Мы насчет Заботкина. Что с ним будет?

Медсестра. Сейчас трудно сказать.

Мишка. Будет жить?

Медсестра. Мы вызвали профессора Ладыгина. *(Хочет идти.)*

Мишка. Сестрица, я извиняюсь! Разрешите проведать.

Медсестра. Он без сознания.

Мишка. А может, увидит своих — придет в сознание?

Медсестра. Вы ему кто?

Мишка. Товарищ.

Оля. Сестра.

Медсестра *(осветила свечой ее лицо, мягко)*. Спрошу врача. Подождите здесь. *(Уходит.)*

Входит Ажогин, с фонариком. Рука на перевязи.

Ажогин. Рая...

Раиса. Ты понимаешь, что я сейчас не могу тебя видеть?

Ажогин. Что ты говоришь?

Раиса. Ну что ты меня мучаешь! Ну для чего ты здесь?!

Ажогин. Рая, только чтоб узнать, как там... и побыть с тобой.

Раиса. Как там!.. Он умрет, он умрет! Он умрет!

Ажогин *(осторожно гладит ее)*. Рая, Рая, Рая... Может, еще выкрутится. Может, проскочит.

Раиса *(поднимает голову, мертвым голосом)*. У тебя рука?

Ажогин. Пустяки, чепуховый перелом.

Раиса *(мертво)*. Чепуховый перелом... Все-таки — положили в гипс?

Ажогин. Нормально. Пустое дело.

Раиса. Больно?

Ажогин. Уже не больно.

Раиса. Уже не больно... уже не больно... Ему тоже скоро будет уже ие больно...

Вверху на лестничной площадке — высокая белая дверь. Она раздвигается, за нею палата: койка, тумбочка, черное окно. Все это висит над темнотой. На койке бредит Заботкин.

Заботкин. Эй! Скорей! Бросьте мне! Что-нибудь! Как это называется... как это называется... Что-нибудь! А то сейчас... больше не могу... вот сейчас... Держись, дурак, слякоть, костей не соберут... Эй! Да скорей же! Что-нибудь! Кто-нибудь!

Из темноты идет женщина.

Это кто? Кто тут? *(Поднялся на локте, смотрит.)* Это ты?

Женщина. Я.

Заботкин. Пришла все-таки?

Она молчит.

Долго не приходила.

Женщина. Я не могла, Женичка.

Заботкин. Все могла, только прийти не могла?

Женщина опускает голову.

Женщина *(робко)*. Можно сесть около тебя?

Заботкин. Хочешь — садись. Только осторожно: больно мне.

Женщина. Можно задать вопрос?

Заботкин. Задавай...

Женщина. Ты меня любишь?

Заботкин. Чудачка. Ах, чудачка. Какое может быть «любишь»? Какое тут «любишь»?

Нет, ты мне совсем не дорогая,
Милые такими не бывают...

Я тебя даже не успел спросить: зачем же ты меня учила любить стихи, слушать музыку?.. Мы так расстались, что я даже ни о чем не успел тебя спросить... Мне было бы легче, если бы ты меня не учила любить стихи...

Женщина. Ненавидишь меня?

Заботкин. Не знаю. Я думал — ты раньше придешь. Думал — поговорим. Как ты не поняла... Стихи понимаешь, музыку понимаешь, [illegible] не поняла, что нельзя расставаться, как мы расстались. Не имеют права люди так расставаться!

Женщина. Ты кого-нибудь полюбил — другую? *(И она со страхом ждет ответа.)*

Заботкин. Нет, кого же я полюблю?

Женщина *(ревниво)*. А та?

Заботкин. Какая?

Женщина. В сапогах?

Заботкин. В каких сапогах?.. Я, правда, думал — ты раньше придешь. Не сможешь все-таки просто так... отшвырнуть, не сказав ни слова... Ведь те слова ты для него говорила, не для меня... Ты подумай. Ну ты подумай. Как надо верить друг другу, чтоб сблизиться, как мы сблизились. Громадное доверие надо иметь! Таким своим надо почувствовать человека! Без этого — разве может что-нибудь быть?.. Я тебе страшно поверил! Что ты меня любишь, поверил. Что ты моя, своя, родная, поверил. Я так тебе поверил, что верю до сих пор! После всего! Это не ты меня продала. Твой страх меня продал, твой стыд перед ним. Он-то ведь тоже тебе верил... Мы перед ним очень были виноваты! Надо было прийти по-честному, болван я, что не настоял, тебя послушался... прийти и сказать — мы виноваты...

Женщина *(радостно)*. А помнишь, как мы с тобой встречались в балочке!

Заботкин. Да, да, да!

Женщина. Везде было изрыто, глина, песок, земля вывернута наизнанку, [illegible] в балочке трава зеленая-зеленая! И столько цветов! И пчелы над цветами!.. Едем в нашу балочку!

Заботкин. Едем!

Он кладет на баранку руки, женщина, сидя рядом, прижимается к нему плечом, и ветер треплет их волосы.

Женщина. Быстрей. Еще быстрей. Еще.

Заботкин. Больше нельзя.

Простор летит мимо них.

Женщина. Дай мне поправить.

Заботкин. Научись сначала.

Женщина. Я же умею!

Заботкин. Не дури!

Женщина. Немножко!

Заботкин. Угробишь и себя, [illegible] меня.

Она обнимает его, они уже не в автомобиле.

Слышишь — пчелы гудят?

Женщина. Закрой глаза. Я их поцелую.

Заботкин. Там он нас и застал, [illegible] нашей балочке. Я говорил — надо было прийти и сказать. Я говорил!

Он встает с отчаянной решимостью, а у тумбочки сидит муж женщины, и женщина прокрадывается и становится за спиной своего мужа.

Муж. Жена мне рассказала, так что с вами разговор короткий... Вы шантажист, вор, насильник, вы запугивали мою жену письмами, которые она якобы вам писала,— письма в стихах, смешно!— эти письма вы украли у меня, они были когда-то адресованы мне! *(Женщине.)* Скажи при нем.

Женщина. Да, они были адресованы тебе.

Муж. И он их украл.

Женщина. Он их украл.

Муж. Из моего стола.

Женщина. Твоего стола.

Муж. И шантажировал тебя, принуждая к свиданиям.

Женщина. Принуждая.

Муж. К свиданиям.

Женщина. К свиданиям...

Муж. Дайте сюда письма. *(Женщине.)* Скажи ему.

Женщина. Отдайте...

Заботкин кладет на тумбочку письма.

Муж. Об остальном будете говорить со следователем. *(Уходит.)*

Заботкин. С тех пор, ты знаешь, я так и хожу с этим клеймом. И даже не могу закричать: я не шантажист, я не насильник! — потому что это значит, это значит — обвинить тебя...

Женщина. Но с тебя ведь сняли судимость.

Заботкин. Да, прокурор такой попался, прокурору обвинять полагается, а этот подал на пересмотр... А люди говорят — я ловкач, вылез сухим из воды. Люди хотят, чтобы я им в популярной форме все рассказывал и доказывал...

Женщина. Не вини его так уж. Мы с тобой такие неосторожные были. Такие глупые. Слишком много народу на Металлострое про нас знало. И шофер, который его к нашей балочке вез. И другие. А он ведь крупный был начальник. Он свою честь спасал, Женичка. Ведь человеку честь дорога.

На черном окне возникает рисунок решетки.

Заботкин. Честь... Еще бы!

Женщина. Но он так потом мучился!

Заботкин. Мучился? Я бы на его месте пулю в лоб...

Женщина. Женичка. Да.

Заботкин. Что — да?

Женщина. Он пустил себе пулю в лоб. Он убил себя, Женичка. Он не вынес.

Заботкин. Лжешь?

Женщина. Лгу.

Заботкин. Для чего?

Женщина. Я думала — тебе будет приятно.

Заботкин. Слушай, говорят — где-то есть деревня. Только я не спросил, в какой области, какого района... Ты знаешь, в этой деревне не изменяют. Совсем. Никогда. Никого не продают, понимаешь? Такая деревня есть.

Молчание.

Я все-таки думал — ты раньше придешь. Я и в тюрьме тебя все время ждал.

Она закрывает лицо руками.

Думал — сообразишь... выпросить свиданье. Ждал, ждал... Как-то в обед только сели за стол, кричат — Заботкин, на свиданье, к тебе приехали! Я вскочил как сумасшедший...

Женщина. Кто же это был?

Заботкин. Мама.

Женщина горько плачет.

Теперь плачешь? А как же тогда?.. Как ты смогла... это сделать? Разве можно так? Ну разве можно так? Ведь нельзя же...

Появляются четыре парня: Пылкий, Строгий, Ехидный и Голубоокий. Они совершенно такие же, какими Заботкин и зритель запомнили их во дворе завода «Красный инструментальщик».

Пылкий. Он с ней еще разговаривает! Какого черта ты с ней разговариваешь?! *(Женщине.)* Уходите отсюда. Быстро!

Строгий *(приближается, как судья)*. Что ты делаешь, Заботкин! Какое ты имеешь право губить себя и выгораживать эту?.. Что ты, Заботкин!

З а б о т к и н. Я ее любил.

П ы л к и й. Да она твою любовь ногами растоптала! Письма свои объявила украденными... Письма, которые ты наизусть знал, над которыми ты смеялся от радости... Поцелуи свои объявила украденными... Твою жизнь в жертву кинула — за что? За мужний автомобиль, за тряпки... за то, чтоб и дальше развлекаться с такими дураками...

З а б о т к и н. Я ее любил.

Е х и д н ы й *(без ехидства, с сожалением)*. Псих. Ну просто псих.

С т р о г и й. Послушай. Ведь это черт знает что будет твориться на свете, если восторжествует ложь.

П ы л к и й. Ложь и трусость! И подлость!

С т р о г и й. Это обыкновенно все бывает сразу — ложь, трусость, подлость, так вместе и живут. Ты не имеешь права этому потворствовать.

Г о л у б о о к и й. Он ее любил.

С т р о г и й. Но это же низкая душа.

Г о л у б о о к и й. Но он ей говорил — ты моя единственная, ты мне дороже всех!

П ы л к и й. Но она его посадила за решетку!

Г о л у б о о к и й. Но он не может после тех слов сказать — низкая душа. У него не поворачивается язык.

П ы л к и й. Ах, будьте спокойны! Уж я бы ее вывел на чистую воду!

Г о л у б о о к и й. Ну как ты не понимаешь — он ее любил!

Е х и д н ы й. Вы всё о любви. А ум на что? Голову-то надо иметь на плечах?

С т р о г и й. Человек не должен допускать себя до чрезмерных чувств. Все хорошо в разумных пределах.

Г о л у б о о к и й. А почему, когда вы смотрите «Ромео и Джульетту», вы восторгаетесь? Почему не говорите: зачем они не держались в разумных пределах?

С т р о г и й. Сравнил. То Ромео и Джульетта.

Е х и д н ы й. Да ну, просто он псих. Всегда его вокруг пальца обводили. Помните, как та девчонка — как ее звали?— комнату у него оттяпала.

Г о л у б о о к и й. Вы дураки. Если он той девчонке, чтоб она счастлива была, все отдал, не моргнув,— а ведь она для него ровно ничего не значила... то для этой, ясно — жизнь отдаст.

П ы л к и й. Нет! Не согласен! Такая подлость — выше моих сил!

С т р о г и й. И я не согласен! Ни за что!

Обмахиваясь веткой сирени, проходит А в т о р и т е т н ы й п а р е н ь.

Петро, а Петро! А твое как мнение?

А в т о р и т е т н ы й *(задумчиво)*. О чем?

С т р о г и й. Да вот об этой истории.

А в т о р и т е т н ы й. Не знаю.

С т р о г и й. Как — не знаешь?

Е х и д н ы й. Ты не знаешь — ты, Авторитетный?..

П ы л к и й. Это ты брось!

А в т о р и т е т н ы й *(проходя, рассеянно)*. Честное слово, не знаю.

С т р о г и й. Постой! Петро! Ответь на вопрос. Обязана любовь держаться в рамках разума или не обязана?

А в т о р и т е т н ы й. Я, ребята, подумаю над этим вопросом. Подумаю, и скажу вам. Я женюсь, ребята. *(Уходит.)*

М а т ь *(входит)*. Здравствуй, Женя.

И все исчезают — парни и женщина.

З а б о т к и н. Здравствуйте, мама.

М а т ь. Вот уж где не думала встретиться... Здоров ты хоть?

З а б о т к и н. Здоров.

М а т ь. На воздух выпускают?

З а б о т к и н. Выпускают, мама.

М а т ь. Питание сколько раз в день?

З а б о т к и н. Три раза.

М а т ь. Покажись. Посмотри в глаза... Женя, скажи ты мне одно только слово — что ты не виноват! Что оклеветала она тебя! Да я свет переверну, и эти стены в порошок разобью, и ее, распутницу...

З а б о т к и н. Тише.

М а т ь. Проклятую клеветницу, проклятую...

З а б о т к и н. Тише, тише. Здесь громко не разрешается.

М а т ь. Скажи одно только слово!

З а б о т к и н. Без слов не верите?

М а т ь. Да ты ж подписал! Признался! Заставили тебя?

З а б о т к и н. Нет.

М а т ь. Не заставляли?

З а б о т к и н. Нет.

М а т ь. Признался по правде?

Заботкин. По правде.

Мать. Вот ты, значит, куда пришел. Шел, шел и пришел... Женя, Женя, я ведь тебя только хорошему учила.

Входит Оля в белом халате. Исчезает решетка на окне, и удаляется мать, твердя: «Женя, я ведь тебя только хорошему учила!»

Заботкин. Кто здесь?

Оля *(тихо)*. Это я.

Заботкин. Кто?

Оля. Оля.

Заботкин. Оля? Почему ты здесь?

Оля. Просто побыть с тобой. У них тут санитарок мало. Просто подежурю, пока тебе неважно.

Заботкин. Я кричал?

Оля. Разговаривал немножко. Во сне.

Заботкин. Мне показалось, тут мама моя.

Оля. Не очень тебе больно?

Заботкин. Ничего...

Оля. Сестра сказала: если очень будет больно, она опять сделает укол. Ты тогда скажи. Не терпи.

Заботкин *(послушно)*. Хорошо.

Оля. Попить не хочешь?

Заботкин. Да. *(Пьет.)* А Ажогин?

Оля. Он тут. Внизу.

Заботкин. Не лжешь?

Оля. Внизу с женой. Руку в гипс положили.

Заботкин. Не лжешь?

Оля. Разве про такое лгут?.. Между прочим, я сказала, что я тебе сестра. Чтоб пустили. А то не пускают. Ты меня не выдай смотри. Не проговорись, ладно?

Заботкин *(помолчав)*. Оля. Скажи мне.

Оля. Что?

Заботкин. Здесь темно?

Оля. Темно.

Заботкин. И тебе тоже темно?

Оля. Темно, темно! И мне! Ты подумал — у тебя с глазами?..

Заботкин. Я вдруг увидел, что темно. Вдруг.

Оля. Просто — нигде не горит. Из-за грозы. Вихрь как налетел...

Заботкин. Я хочу жить, но не слепым. Слепым не хочу.

Где-то ходьба, стук дверей, неясные голоса.

Мне кажется или правда шум какой-то?

Оля. Наверно, профессор приехал.

Заботкин. Резать будут?

Оля. Я не знаю.

Заботкин. Боль — подлость... зверство... Хоть бы не резали, ну их к черту.

Оля. Ну что ты прямо как малограмотный! Прямо — серость! Разве теперь режут с болью? Теперь режут без всякой боли! Ты ничего даже не почувствуешь! Уснешь — и ничего не почувствуешь.

Лампы начинают наливаться светом.

Заботкин. Свет?

Оля. Видишь, вот и свет! Было темно, а теперь свет!

Лампы горят ярче.

Заботкин. Знаешь?

Оля. Что?

Заботкин. Это хорошо. Что ты тут. Если мое дело дрянь...

Оля. И не думай об этом! Доктор говорит...

Заботкин. Ты сама напишешь моей маме, ладно? Вот что напиши: он перед вами только в одном был виноват — что не приехал повидаться, обещал и не приехал. Мотало его где надо и где не надо, не выбрал времени приехать... хотя под конец и понял, что любил вас крепче всех... И больше он ни в чем перед вами не был виноват. Не сердитесь на него. Напишешь?

Оля. Напишу.

Заботкин. А если ничего себе будут дела...

Все ярче горят лампы. Неуверенно, срываясь, начинает звучать мелодия, под которую когда-то Заботкин уходил из материнского дома, и в сбивчивом ее звучании — робкая надежда...

13

Она разрастается и переходит в симфонию. Мы снова видим горы, но с другой точки — они отдалились, затуманились, и только одна снеговая вершина, сияющая под солнцем, по-прежнему горит и манит.

У въезда в селение, возле магазина, стоит грузовик. Подъехал другой — из кабины вышел дядя Вася, идет в магазин, на ходу доставая деньги. Ему навстречу Заботкин и Мишка с покупками.

Дядя Вася. Заботкин!

Заботкин и Мишка. Здравствуйте.

Дядя Вася. Как поживаешь, парень?

Заботкин. Спасибо, хорошо.

Дядя Вася. С выздоровлением тебя. От души рад, понимаешь... Все, значит, в порядке?

Заботкин. Как будто.

Дядя Вася. Куда едешь?

Заботкин. Мишка подвезет до железной дороги, а там поездом... В свои места еду, на поправку послали.

Дядя Вася. Кто же у тебя там есть?

Заботкин. Мать.

Дядя Вася. Мать... А после поправки — обратно к нам в комбинат?

Заботкин. В комбинат, в совхоз — видно будет.

А в мыслях договаривает:

Мысли Заботкина. Мир большой, дорог много... Какие города я еще увижу? Какие моря?

Вслух он говорит, улыбнувшись:

Заботкин. А может, поеду искать ту вашу деревню. Где никто, никогда... Ведь есть такая деревня?

Дядя Вася. А как же. Без такой деревни плоховато было бы людям, Заботкин.

Заботкин. И я так думаю.

Оля *(из кабины)*. Женя, ты где, поехали, на поезд опоздаем... Здравствуйте, дядя Вася!

Дядя Вася. И до свиданья!

Оля. И до свиданья!

Заботкин вскочил в кузов. Грузовик покатил.
Музыка.

1962

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Константин Олесов.
Галина Олесова.
Ася Олесова, 17 лет.
Толя Олесов, 16 лет.
Калерия.
Иванов, не главный начальник.
Николаев, главный начальник.
Секретарша.
Рожков.
Тетя Шура.
Софа.
Асхаб.
Сидоркин.
Сидоркина.
Горенко.
Сулейман, муж Асхаб.
Брюнет из «Гастронома».
Разные люди в строящемся городе.

1

Очень плохо одетый, понурый и неприкаянный, Константин Олесов появляется на фоне могучей строительной панорамы: буровые вышки, стрелы кранов, законченные и незаконченные здания. Он идет походкой человека, которому предстоит пренеприятное дело, и так как это дело к тому же скорей всего не выгорит, то спешить нечего. Но если оно не выгорит, то будет вообще черт знает что. И потому не идти нельзя. Он приходит к двери, обитой кожей. Это дверь начальника строительства. Перед дверью секретарша, строгая, с машинкой и телефонами.

Олесов. Здравствуйте.

Секретарша. Здравствуйте.

Олесов. Я опять к вам.

Секретарша. Я вижу.

Олесов. Кажется, уже пятый раз. Или шестой.

Звонит телефон.

Секретарша. Слушаю вас. Совещание в одиннадцать. Да. Да. Макет доставят к одиннадцати. *(Вешает трубку.)*

Олесов. Как сегодня? Можно будет?

Секретарша. Не думаю. *(Телефон.)* Слушаю вас. Да! Соединяю. *(В другой аппарат.)* Александр Владимирович, возьмите трубку — министерство.

Олесов. Если попозже?

Секретарша *(разбирает бумаги)*. Попозже — совещание.

Олесов отходит и возвращается.

Олесов. А после совещания?

Секретарша. После совещания Александр Владимирович поедет обедать.

Олесов *(отходит и возвращается)*. А нельзя записаться на прием? На завтра, послезавтра, когда возможно... Ведь у меня вы знаете какое положение.

Секретарша *(терпеливо)*. Я понимаю. По вашему делу я не могу записать на прием. По этим делам Александр Владимирович лично не принимает.

Олесов. Он мне помогал.

Секретарша. Правильно. А на этот раз вернул ваше заявление без всякой резолюции. Как же я вас запишу на прием? Совершенно исключительный случай, чтобы он вернул бумагу без резолюции.

Олесов отходит и стоит в раздумье.

Я вам советовала обратиться в профсоюз, обращались?

Олесов *(со слабой вспышкой раздражения)*. Вы советовали!.. *(Сейчас же испугался своей вспышки)*. Куда я не обращался, вы спросите.

Секретарша *(игнорирует его вспышку)*. Я бы на вашем месте на них нажимала. Здесь вам сколько раз уже протягивали руку. В чем дело! Пусть теперь они что-нибудь придумают. А с женой у вас — по-старому? То есть, я хотела сказать — по-новому? То есть, я имела в виду...

Входит Иванов.

Иванов *(кивнув на дверь)*. Кто есть?

Секретарша. Пока никого. Александр Владимирович разговаривает с Москвой.

Иванов. А, товарищ Олесов! Ну что, как жизнь?

Олесов. Какая моя жизнь... У вас папиросочка не найдется, товарищ Иванов?

Иванов. Я ж бросил. Уже два месяца. Что-нибудь образуется?

Олесов. Ничего не образуется.

Иванов. Да. Трудно. Прямо не соображу, ей-богу, как с вами быть. Где то место, куда можно без ущерба... И надо же — как раз мы объявили месячник борьбы.

Олесов. Но где-то я должен быть, что-то я должен делать?

Иванов. Да. Безусловно, иначе как же? Надо что-то для вас подобрать. Никак, понимаешь, не могу подобрать...

Секретарша. Я ему советую нажать на профсоюз. Член профсоюза очутился в безвоздушном пространстве — что-то они обязаны?..

Иванов. Да что ж его туда-сюда кидать, понимаешь. Профсоюз — он всемогущий, что ли? То же самое, будут смотреть ребята и разводить руками. И они-то в основном и призваны проводить месячник, вот ведь история.

Олесов. Товарищ Иванов, если б мне поверили... Последний раз! Клянусь!

Иванов. А, ей-богу. Вспомните, вы жизнью детей клялись. Куда больше.

Олесов. Теперь — уж самый последний! Поверьте!

Иванов *(страдает за него)*. Голубчик, ведь ты говоришь, и в глубине души сам знаешь, верно, что опять будет то же самое, верно?

Олесов. Нет! Не будет! До конца дней урок!

Иванов. Скажу откровенно, что́ тебе окончательно повредило, это история с женой. Чтоб женщина выставила мужа из дому, прожив с ним чуть ли не двадцать лет, и в здоровом коллективе чтоб сочувствовали ей, а не мужу,— не часто бывает, верно?

Олесов. Я кругом все разрушил, я во всем виноват, но в последний, последний раз поверьте, товарищ Иванов!

Иванов. Сколько их было, последних?

Олесов. Чем вам поклясться?

Иванов. Ох, да не надо. Сдержал бы так, без клятв. Ведь вот сейчас — чистенький, верно? Почему не можешь всегда быть чистеньким? Немножко усилий, ну! Немножко

побольше доброй воли! Я ж вот курить бросил? Нелегко было, не скажу, что легко, и сейчас тянет, по ночам даже снится,— но бросил же, когда доктора велели!.. Да. Но без разрешения Николаева я не могу. Он сказал: ожесточимся!

Олесов. Я хотел с ним поговорить. Он меня много раз выручал. Может, не станет так уж ожесточаться.

Иванов. Что ж, может быть. Он с головой мужик. Ладно, давай вместе поговорим. Ты сейчас хороший. Почему не поговорить?

Олесов. Так не пускают.

Иванов. Что значит не пускают. У него же никого нет?

Секретарша. Александр Владимирович разговаривает с Москвой!

Иванов. Ладно! Обожди меня! *(Уходит в кабинет Николаева.)*

Входит Рожков.

Рожков. Я видел, как ты сюда пошел... Ну как? Ну как?

Олесов. Да никак пока.

Рожков. С самим говорил? Говорил?

Олесов. Дай папиросу.

Рожков. Нету, брат, сам бы стрельнул у кого-нибудь... А с Ивановым говорил?

Олесов. Говорил.

Рожков. Ну что, ну что?

Олесов. Ну ничего пока.

Рожков. Где ж он, Иванов? У самого? А Галину ты видал? Видал Галину?

Олесов. И что тебе, Рожков, всё интересно...

Рожков. Я ее видел и сказал твои новости — ну, брат, поражаюсь этой женщине! Ни сочувствия, ничего! Ни-че-го! Только губы поджала — этого, говорит, давно надо было ожидать. И больше ни сло-ва! Как-то я даже огорошен был: и к ней специально бегу, два раза никого не застаю дома, а она...

Олесов. Тебе что, своих неприятностей не хватает, что чужими занимаешься?

Рожков. В конторе целое обсуждение: что будешь делать, если тебя не восстановят. Кассирша сказала — в разнорабочие возьмут. У других мнение — не возьмут в разнорабочие. И что, говорят, за профессия для работника умственного труда. И что ты по состоянию здоровья не осилишь. А бухгалтерша кричит — выслать тебя как тунеядца, вот старая сволочь, а? Вообще давали тебе жизни, давали. Слушай, правда, если не восстановят? Знаешь, что бы и на твоем месте? Я бы на твоем месте...

Олесов. Можно подумать, тебе на своем делать нечего.

Рожков. Чудак, чего ты сердишься?

Олесов. Я не хочу это слушать! Я не хочу слушать!

Рожков. Я тебе хочу морально помочь!

Олесов *(погас)*. Папиросу бы лучше достал.

Иванов *(в дверях)*. Зайди, товарищ Олесов.

Олесов уходит в кабинет.

Рожков. Вот чудило, и за него болею, а он обижается. Должен бы спасибо сказать...

В кабинете: Николаев, Иванов, Олесов.

Николаев *(дав Олесову приблизиться к столу)*. Олесов?

Олесов. Олесов...

Николаев *(он монументален, слова на вес золота)*. Я не ответил на ваше последнее обращение — почему? Потому что мы сделали все, что могли. Мы вас посылали на курсы счетных работников. Мы вас лечили. Мы помогали вашей семье. Мы вас спасали от отсидки за мелкое хулиганство.

Олесов. Это было один раз. И это не я. Это другой. То есть — хулиганство другой, а приписали мне. Я не бил эти стекла, я не могу бить стекла, не в моей натуре...

Николаев. Я прямо-таки привык находить на столе ваши заявления. *(Иванову.)* Верите — я уже его почерк узнаю! Я считаю, Олесов, наши обязательства и отношении вас исчерпаны полностью. Не потому, что месячник. Я считаю — это пустяковая затея, все эти месячники. Как будто можно за месяц исправить то, что сложилось веками. Но мы решили положить этому конец на строительстве. И положим.

Олесов. Товарищ Николаев...

Николаев. Мы строим город, каких еще не было в истории человечества, а вы себе позволяете, вы и вам подобные! Позор! Раздаются голоса, чтоб с вами поступить как с тунеядцем — но и против. Ради вашей семьи и против. Потому что вам как с гуся вода, а для них травма. Мы тут посоветовались с товарищем Ивановым, и вот что мы вам предлагаем. Сейчас требуются люди на две

большие стройки: Салехард и Мадьюган. Мы вам помогаем оформиться, скажете — куда. Получаете расчет, садитесь в поезд и едете. Вот так.

Иванов. Я б на твоем месте поехал. Ей-богу! В других краях и жизнь, возможно, сложится по-другому. Новая обстановка — вдруг и приведешь там себя в порядок.

Олесов. Сплавляете?

Иванов *(рассердился)*. «Сплавляете»! А что с тобой делать? Научи, ну, с какого еще боку за тебя браться?

Николаев. Дальнейшее зависит от вас. Мы человеки, не боги. Не можем пересоздать вас заново.

Олесов. Но я бы не хотел уезжать. Я бы все-таки просил — остаться здесь... если можно.

Николаев отрицательно качает головой.

А это где, эти стройки?

Иванов. Салехард — на Оби.

Николаев. Богатейшая река, грандиозные перспективы.

Секретарша *(заглядывает)*. Александр Владимирович. Макет принесли.

Люди в комбинезонах, куртках и пиджаках вносят части макета нового города. Они расставляют дома, деревья, мачты высоковольтной передачи, стелют газоны, автострады, реку с мостами и электростанцией — сначала в кабинете Николаева, потом, так как несут еще и еще и места в кабинете не хватает,— по всей сцене.

Николаев. И стадион успели?

Принесшие макет. Всё успели, Александр Владимирович.

Пускают машины по улицам.

С поселками-спутниками город будет связан электричкой.

Пускают электричку.

Николаев *(взволнованно)*. А театр где?

Вылезает из-за стола и, переступая через дома, отправляется осматривать макет. Они двигаются в этом красивом городе и склоняются над ним, как осторожные заботливые Гулливеры.

Иванов. Озеленения маловато.

Принесшие макет. Сейчас, сейчас.

Расставляют парки.

Николаев *(объясняет)*. Это краеведческий музей. Это театр.

Принесшие макет. На полторы тысячи мест.

Начинают бить фонтаны. Общее веселое оживление.

Николаев *(вспомнил, оглянулся на Олесова)*. Так мы договорились. Завтра утром скажете, чтó вас больше устраивает — Салехард, Мадьюган,— вам сделают. *(Иванову.)* Распорядитесь, чтоб ему всё сделали. А этот фонтанчик почему не бьет?

Макет разрастается, заполняет сцену. Высоко поднимая ноги, Олесов смиренно и виновато выбирается из прекрасного города.

2

Коридор общежития. Ряд дверей с номерами. Олесов стучится в первую дверь.

Голос тети Шуры. Да!

Олесов *(приоткрывает дверь)*. Добрый день, тетя Шура! Семен дома?

Тетя Шура *(выходит, решительная, и загораживает вход)*. Нету Семена.

Олесов. Мне показалось, он домой прошел.

Тетя Шура. Нету.

Олесов. А вот же его ботинки стоят...

Тетя Шура. Хотя б и не ботинки, а сам бы Семен тут стоял, сказано — нет его, и все.

Олесов. Мне, значит, показалось... *(С мучительной развязностью.)* Тетя Шура, я завтра расчет получаю, вы меня, по старой памяти, не выручите?

Тетя Шура. Я думала, ты прежний долг принес.

Олесов. Завтра получу расчет, тогда прежние, новые — все...

Тетя Шура. Константин, со мной эти штуки брось. Сколько тебе Семен передавал? И всё до завтра. *(Затворяет дверь.)*

Олесов стучится в другую.

Голос Софы *(жизнерадостно)*. Да!

Олесов. Софочка, можно вас на минуточку?

Софа *(выходит)*. Ох, Константин Николаич, это опять вы... На этот раз я ничего не могу, честное слово...

Олесов. Софочка, я завтра получаю расчет и уезжаю, совсем,— клянусь, вам в первую очередь отдам, всё до копейки!

Софа *(беспомощно)*. Вот видите, Константин Николаич, вы еще и уезжаете... Мне Миша категорически не позволил вам больше давать!

Олесов. Софочка, у вас же свои деньги, что вам Миша... Я четыре дня капли в рот не брал! Ваш Миша — человечек жесткий, а вы добрая, вы же всегда меня жалели!

Софа. Константин Николаич, я ничего не говорю, может быть, действительно надо жалеть, что вы четыре дня в рот не брали, но у нас ведь ребенок, и квартирку нам дают, обставиться надо, мы действительно, честное слово, не имеем права, и вы Мишу, пожалуйста, так не называйте — человечек!

Олесов. Софочка,— на маленькую!

Софа *(чуть не плачет)*. Константин Николаич, ну это ужасно! У нас же совершенно нечего поставить в квартирку! Честное слово! Ну что я могу!.. *(Закрывает дверь, расстроенная.)*

Олесов стучится в третью.

Асхаб *(отворяет и становится на пороге)*. Здравствуй.

Олесов *(заметил, что тетя Шура смотрит из своей двери)*. Можно к тебе зайти?

Асхаб *(стоит на пороге)*. Я пришла с работы, убрала так чисто, теперь мою пол. Не сердись.

Олесов. Это самое, Асхаб. Я уволился, завтра получаю расчет — одолжи трешку.

Асхаб *(улыбаясь)*. Я деньги дома не стала держать. Я их храню в сберегательной кассе. А то всё забираете, или ты, или Сидоркин. А Сулейман обижается. Нам надо родным посылать. Они нас учили, выучили, теперь мы должны им помогать.

Олесов. На маленькую!

Асхаб *(улыбается)*. По нашему закону — совсем запрещается пить.

Олесов *(вдруг рассердился)*. Вранье! Ваши тоже пьют! Даже попы ваши пьют! Вам не велят, а сами пьют!

Асхаб *(серьезно)*. Ты пил с нашими попами, да?

Олесов *(сник)*. Говорил мне кто-то... Асхаб,— ну на сто грамм...

Асхаб. Нам из дому прислали такие хорошие персики. Скушай персик. *(Протягивает.)*

Олесов. Куда мне персик.

Асхаб. Это вкусно. Скушай. А деньги на книжке. Правду тебе говорю.

Олесов стучится в четвертую дверь.

Голос Сидоркиной. Опять этот паразит ломится! Когда этому конец! Опять за ним потащишься! Не смей отворять!

Голос Сидоркина. Ну-ну-ну. Без скандалов давай.

Голос Сидоркиной. Не смей, слышишь?!

Голос Сидоркина. Ну-ну-ну. Уйми свой боевой дух. Он мне товарищ!

Шум борьбы.

Сидоркина. По вытрезвиловке он тебе товарищ!

Сидоркин. Он культурный человек!

Сидоркина. Оба культурные, больше нельзя! Так же тебя отсюда вытряхну, как Галина его вытряхнула!

Сидоркин *(гудит)*. Кто кого вытряхнет!

Сидоркина. Не смей толкать женщину! Хам!

Сидоркин *(отворяет)*. Костя, заходи.

Сидоркина *(вырывается вперед)*. У него хватит совести зайти, когда его не хотят, когда не знают, куда от него деваться, и до каких пор коллектив обязан вас терпеть, вы позорное явление, вы клеймо на обществе, вы нашу действительность поганите, еще отец семейства называется, волос седой!

Маленький мальчик, подъехавший на самокате, с любопытством и страхом наблюдает эту сцену.

Мы как два голубя жили, он и вкуса ее не понимал, пока вы его не взяли в обучение! На что вы похожи, посмотрелись бы в зеркало, в зеркало!

Из пятой двери смех. Высовывается чья-то голова. Олесов поворачивается и спешит уйти.

Асхаб *(в своей двери)*. Ну не надо. Ну довольно. Ну пожалуйста, довольно. Он же несчастный человек.

Сидоркина. Дорогая моя, мы работаем, мы устаем, мы приходим домой,— имеем мы право посидеть в покое?! Смотрите, как улепетывает! Не любит критику! Смотрите, смотрите! Что за фигура!

Олесов бежит. И все громче — кажется ему — смех вдогонку, и целый хор — кажется ему — гремит: «Что за фигура, смотрите, что за фигура!»

3

Еще одна дверь перед Олесовым.
Он не сразу решается ее открыть, дважды поднимает и опускает руку, прежде чем решиться.
Комната почти пустая. В пустоте бросается в глаза новая занавеска на одном из окон. Второе окно голо, приготовленная для него дешевая тюлевая ткань лежит на подоконнике.
Ася готовит уроки. На столе учебники и чернильница-невыливайка.

Ася. Папа! *(Пристально смотрит на него.)* Здравствуй, папа!

Олесов. Здравствуй. Я тебе вот что принес.

Ася *(берет персик)*. Какой красивый. Откуда?

Олесов. Татарочка эта угостила, Асхаб. Съешь.

Ася *(кладет персик на стол)*. Мы потом с мамой и Толей съедим по кусочку.

Олесов. Как вы тут?

Ася. Ничего... Мама и Толя на работе, я одна.

Олесов. Толя на работе?

Ася. Его в гараж взяли. Машины мыть.

Олесов. Машины мыть?

Ася. Сперва помоет, потом водить научится. Обещали взять на шоферские курсы, когда возраст позволит.

Олесов *(присел к столу)*. А школа?

Ася. В школе буду учиться я. Так мы решили. Потому что я более способная. От его ученья много ждать не приходилось.

Олесов. Новые занавески купили.

Ася. Не купили. Подарил кто-то.

Олесов. Кто же это?

Ася. Ты, наверно, есть хочешь.

Олесов. Нет.

Ася. У меня суп сварен.

Олесов *(с отвращением)*. Нет!.. Я, Ася, уезжаю.

Ася *(немного затуманившись)*. Да? Ну что ж, правильно. Куда?

Олесов. Предлагают на выбор — Салехард или Мадьюган.

Ася. Это где-то далеко.

Олесов. Салехард — на Оби где-то. Река Обь. Богатейшая! А Мадьюган — тоже, кажется, в Сибири. Перспективные, говорят, места, и условия ничего.

Ася. Что ж ты выбрал?

Олесов. Еще не решил окончательно. К завтрашнему утру просили решить. Завтра получу расчет — и на новые места! Придешь проводить?

Ася. А как ты думаешь!.. Ну что ж. Может, повезет тебе на новом месте.

Олесов. Да. Как-то я здесь увяз. Увяз — и не подняться никак. А на новом месте... Кто его знает, может — даже смогу вернуться к инструменту.

Ася. Думаешь?

Олесов. В принципе — почему нет? Сколько угодно таких случаев, пожалуйста. Лишь бы ясность в голове.

Ася. Я не знаю. Мне кажется — это не очень просто. Ты столько лет не подходил к инструменту.

Олесов *(с горячностью)*. Ну и что? А я уверен — мне только сесть, и я возьму с листа... А моторную память ты ни во что не ставишь?! Ничего нет невозможного! Немножко доброй воли... Знаешь, я уже пятые сутки — ни в одном глазу.

Ася. Папка, ох, папка... Я как увидела, что ты входишь такой хороший... Если б ты мог совсем бросить! Чтоб никогда этого не было! Даже представить трудно, что бывает так хорошо у людей!

Олесов. Вот увидишь! На новом месте брошу!

Ася. Брось, папка! Посмотри, какой ты красивый становишься, когда не пьешь хоть несколько дней: совсем другой человек! Еще бы тебе одеться как следует, прямо все бы внимание обращали, так бы на тебя и оглядывались на улице, такой ты красивый! Знаешь, если б я была красивая, я бы этим страшно дорожила. Никогда бы себе не позволяла быть некрасивой, неприятной, правда! Вот подожди, кончу школу, кончу институт, и первым, первым долгом, как только начну прилично зарабатывать, я тебя одену! Костюм купим в универмаге, ботинки, шляпу... Ты еще не совсем старый будешь. Еще мы с тобой поживем, как все люди.

Олесов *(тронут, но сопротивляется)*. Не всегда, Ася, хорошо жить, как все люди. В человеческих привычках много стадности.

Ася. Чего?

Олесов. Стадности. Один что-нибудь похвалит, и другие хвалят. Один повесит занавески или там абажур, и другой вешает, чтобы не отстать. Один идет в кино, и все бегут.

Ася. Это стадность?

Олесов. Это стадность.

Ася *(сдержав гнев)*. А чем плохо — сходить в кино? Не понимаю. Чем плохо, когда висит абажур? В абажуре — стадность? Человек идет домой, у него, например, голубой абажур, он издали видит — вон его голубое окно... А в голубой комнате собралась семья, все спокойные, довольные... Если это стадность — и за стадность!

Олесов. Просто у тебя ничего этого нет, бедная моя девочка, вот тебе и хочется...

Ася. А у тебя было?

Олесов. Ты же знаешь, что было. Немного, но было.

Ася. Голубой абажур?

Олесов. Да, голубой абажур, говоря фигурально. И ты будешь думать, что я с отчаянья говорю, что ли,— потому что растерял, расшвырял мои голубые абажуры,— но когда-нибудь ты мои слова вспомнишь: все-таки — не в голубом абажуре счастье.

Ася. Ну, настолько-то я и сейчас взрослая, папка, чтоб это понимать. Но нельзя обзывать людей стадом — за что? — за то, что они хотят немножко, совсем немножко каких-то жизненных удобств... и уверенности.

Олесов. Слушай. Ася. *(Прошелся по комнате.)* У тебя есть деньги? *(Остановился перед ней.)* Есть у тебя деньги?

Ася. Уже?

Олесов. Есть у тебя деньги?

Ася. Четырнадцать копеек. Мама на хлеб оставила.

Олесов. Дай.

Ася. Не дам!

Олесов. Дай!

Ася. На что тебе четырнадцать копеек? Что ты можешь на четырнадцать копеек?

Олесов. Дай!!

Ася. Один глоток?

Олесов. Глоток!

Ася. Ты же только что... был человеком!

Олесов. Дай!!!

Ася дает ему деньги.

Ты четырнадцать, еще кто-нибудь четырнадцать... Уж четырнадцать копеек каждый даст, стыдно не дать, что такое четырнадцать копеек, даже тетя Шура даст четырнадцать копеек. Четырнадцать да четырнадцать — это, чтоб ты знала, пятьдесят грамм.

Ася молчит.

Завтра принесу. Выручила, дочка. Завтра со мной полный расчет произведут, не беспокойся. Там и отпускных за сколько-то дней... В общем, набежит... К утру просили принять решение...

Ася молчит. Он топчется между ней и дверью, словно пляшет нелепый танец, не в силах уйти, не в силах подойти к дочери, держа деньги в вытянутой руке.

Смотри же, проводить придешь, обещала... *(Вдруг швыряет медяки на стол и бросается к двери.)*

Входят Олесова и Толя.

Олесова *(с порога)*. Ну конечно, так я и знала. Как услышала, что уволили, так уж и знала, что он тут как тут. Нет, и не надейся. Чтоб ребенок на тебя работал, этого нет, не будет. Через мой труп.

Толя *(матери)*. Ты, главное, не порти себе печенку. Спокойно.

Олесова. Ты что ж думаешь, ты детей кругом обобрал, и они тебя теперь содержать должны? И так все вынес из дома, что мыслимо. Ни лечь, ни сесть не на что. Корыто, и то у людей брать приходится...

Толя. Ладно, закрутила свою пластинку! Погоди немного, отдохнешь и ты! Будет тебе новое корыто!

Олесова. Тебя небось не так растили. Пылинки с тебя сдували. А ты, а ты что своим детям дал? Дети, вы имели возможность расти в прекрасной обстановке, высокоинтеллигентной. Этот жалкий человек имел талант, имел образование, все имел, чтоб сделать свою семью счастливой. Когда я его увидела впервые, он был в ореоле известности, все концертные бюро нарасхват его рвали...

Толя. Да ну, слышали уже!

Олесова. Толик, ты не представляешь! Он сидел высоко на эстраде, сияли люстры, звуки так и лились, волшебные звуки! У меня была своя дорога, прямо сказать — неплохая, в нашей областной самодеятельности я была очень заметна! Меня звали в профессиональный театр, звали сниматься в кино, но ради него я все бросила, всем пожертвовала — своим успехом, искусством, пошла за ним очертя голову на край света... и вот награда!

Толя *(видит монеты на столе)*. Что за деньги? Ну ясно, Аська уже снабдила.

Олесова. Ясно, Аська снабдила. А он рад отобрать последнее.

Ася. Он не взял!

Толя. А ты бы рада стараться.

Олесова. Она бы рада стараться. Несчастные материнские копейки... Не взял, спасибо ему. Великая благодарность. Будьте уверены, если б не копейки, а рубли,—взял бы.

Толя. Будьте уверены!

Ася *(Толе)*. Ты уж молчи, пожалуйста. Никто, имей в виду, на тебя ие обращает внимания. Что бы ты тут ни говорил.

Толя. Ладно! Посмотрю я, как вы на меня не обратите внимания!

Олесова. Жизнью детей заклинаю. Забудь к нам дорогу. За глаза хватает одного имени твоего. Не будь я Олесова, меня бы в дом для приезжающих заведующей поставили. Иванов сказал. Вы, говорит, интеллигентный человек, могли бы все устроить со вкусом. Так ведь к вам, говорит, муж будет приходить не в своем виде, вечные неприятности, заявления...

Олесов. Галя, я уезжаю.

Олесова. И даже в буфетчицы не ставят! Сиди билетершей в кино! А я, может, заслуженной уже была бы... даже, может быть, народной... если бы не ты! Ты, ты, ты, все ты! И за что — за то, что все тебе отдала, от всего отказалась, работала на тебя и на них как про́клятая...

Ася. Мама, он попрощаться пришел.

Олесова. А спроси у них, у детей спроси, каково им слушать, что об отце говорят? Спроси вот у ребенка, как тебя рисуют, какими красками... как ему это выносить...

Толя. Ну, я-то вынесу. Это-то как раз... Наплевать мне с высокой колокольни. Я сам по себе. И сколько можно говорить? *(Олесову.)* Ясная же картина — ни тебе от нас, ни нам от тебя...

Олесова. И не воображай, что я буду сидеть как какая-нибудь Пенелопа, пока ты там будешь допиваться до конца! Ты меня гнул, гнул, ты меня убивал, злодей, но ты меня не убил, не убил! Еще есть люди, знай, для которых я страстно любимая женщина, для которых, которые...

Ася. Он пришел попрощаться. Он уезжает. Завтра получит расчет и уезжает. Пускай поест с нами. Я схожу за хлебом...

Олесова. Как же, уедет он. Расчет. В два дня пропьет, что́ получит, не знаю я?

Олесов. Галя, я уеду.

Олесова. Не знаю я?

Ася. Толька, сбегай за хлебом!

Олесов. Я уеду.

Олесова. Пропьешь все, еще и сюда явишься просить — опохмелиться! Но будь уверен, больше тебя не допустят пить мою кровь, и ребенок не допустит, и другие найдутся люди...

Толя выступает на середину комнаты и закуривает папиросу.

И у меня еще будет счастье, слышишь, у меня будет счастье, будет счастье!

Олесов уходит. И эта дверь закрылась за ним.

4

Ночью Олесов и Сидоркин сидят на улице. В черных окнах слепо отсвечивает фонарь. Сидоркин сидит на сложенных строительных блоках, Олесов на чемодане. Из обоих медленно и тяжело выходит хмельное возбуждение. Обоим хочется разговаривать.

Сидоркин. Они все считают, что пожертвовали для нас всем на свете. Все как одна в жертву себя принесли. Почему они думают, что мужчина ничем не жертвует, когда женится? Твоя хоть, говоришь, самодеятельность бросила,— ну, это еще так. А моей что было бросать? Ровным счетом нечего. Так чем попрекает: я, говорит, тебе свою чистоту отдала. Самое, говорит, мое святое.

Олесов. Вид я им порчу, вот в чем дело. Уезжай, говорят, в Салехард, ты нам здесь вид портишь.

Сидоркин. У каждого, конечно, свое понятие о святости.

Олесов *(смотрит на фонарь)*. Луна какая.

Сидоркин. Это, Костя, не луна.

Олесов. А что?

Сидоркин. Это фонарь. Зажгли фона́рь, потому что темно. Когда темно, зажигают фонари, Костя. Чтоб видно было на улице. В старину такой был Диоген, так он и днем с фонарем ходил. Его спрашивают — ты чего днем с огнем ходишь? А он отвечает: ищу человека! Человека искал. С большой буквы. А она мне говорит: я тебе все мое святое...

Олесов. Он в бочке сидел!

Сидоркин. Точно. Сидел в бочке. Приятно с тобой говорить, все знаешь.

Олесов. И каждый дает совет. Каждый говорит — «я бы на вашем месте». Рожкову — и тому известно, что бы он делал на моем месте.

Сидоркин. Уедешь — плохо мне будет без тебя. Мало, Костя, душевности во взаимоотношениях людей.

Олесов. У самого семь бед, ларек у него отобрали, под следствием ходит, что́ еще с ним решат,— а он чьими хочешь занят делами, только не своими... А вот возьму и не поеду! Ни в Салехард, ни в Мадьюган! Что вы мне сделаете?

Сидоркин. Костя, ты мне веришь? Будь я холостой, свободный как ветер — сейчас бы взял тебя за руку и повел к себе! Свою бы кровать тебе отдал, сам бы на полу лег, ты мне веришь? Будь я свободный как ветер. Но она же нам, Костя, такой фестиваль устроит на все общежитие!

Олесов *(запел)*. То было раннею весной, трава едва всходила, текли ручьи, не парил зной...

Идет Горенко.

Горенко *(остановился)*. Виноват. Я не ошибаюсь?

Сидоркин. Чего вам, гражданин?

Олесов. И зелень рощ сквозила! Труба пастушья поутру...

Горенко. Костя! Я не обознался?

Олесов. Обознались.

Горенко. Да не может быть. Обманулся сходством. Очень большое сходство. У меня был товарищ военных лет, Олесов Костя.

Олесов. Нет здесь никакого Олесова Кости.

Горенко. Конечно, двадцать лет прошло... А моя фамилия Горенко, Владимир Горенко, ничего вам не говорит?

Олесов. Ничего не говорит.

Горенко. Я извиняюсь. Бывают ошибки.

Сидоркин. Бывают...

Горенко уходит.

Олесов. Вот скажи ты мне: допустим, человек кругом всем должен.

Сидоркин. Ну.

Олесов. Не в денежном смысле. Я в высшем говорю смысле.

Сидоркин. Ну.

Олесов. И никакой надежды расплатиться... В этом случае, скажи мне,— смерть должника есть ли достаточная расплата?

Сидоркин. Смерть?

Олесов. Самосмерть, скажем так. В смысле — признаю свою вину и казню себя сам. Достаточно? Квит?

Сидоркин. Костя, ты мне веришь? Вот слово друга, Костя,— я б этого не сделал ни за что и никогда!

С гитарой и негромкой песней проходит группа молодежи.

Олесов. Что, ребята, выпили?

Проходящие. Сам ты, дядя, выпил.

Олесов. Зря приучаетесь. Приучитесь — пропадете. Ничего от нее не бывает, кроме несчастья.

Проходящие.

— Это мне нравится.

— Ты смотри, он дает указания.

— Даже трогательно.

— О тебе вон, дядя, плакаты понавешаны.

— Тебя не проводить куда надо?

Сидоркин. По-вашему, если кто совершил в своей жизни ошибку, то уже и указать не имеет права?

Проходящие. Может, и имеет, по Конституции, да кто слушать будет? *(Прошли.)*

Сидоркин. Щенки. Вот именно, у кого личный опыт, тот и других может учить. А если нет опыта, почем же ты знаешь, что́ хорошо, что́ плохо? Слушай, а если домой тебе. К Галине.

Олесов. У Галины занавески новые. Нельзя к Галине.

Сидоркин. Причем занавески? Муж вернулся домой. Муж! Отец! Вот именно святые слова. Вы ж не разведены.

Олесов. Галина счастья хочет. Ваня, больно мне за них. С ними больно и за них больно.

Сидоркин. Ясно, больно. Как же не больно. Я тебя провожу. Я сам ей скажу. Не на улице же тебе ночевать. Опять патруль заметет...

Входит Рожков.

Рожков. Вот он, фу ты! Нашел-таки. Так я и знал. Так и чувствовал, что сидишь ты где-то между небом и землей. Забегаю в общежитие — выписался, говорят, еще до обеда, и вот уже другой на его койке. Забежал к твоим — дочка твоя говорит — к поезду ходила тебя

провожать, поезд ушел, а ты не пришел,— само собой, говорю, иначе и быть не могло, не мог он уехать, получив расчет, хотел, всей душой хотел, но не мог... А сейчас встречаю Пономарева,— как же, говорит, сидел, говорит, в ресторане до закрытия, пока лампочки не потушили...

Олесов. Отвяжись, Рожков, от меня...

Рожков. Неужели всё в ресторане оставил? Неужели всё?

Олесов. ...ради бога.

Рожков *(Сидоркину)*. Всё небось до копейки, всё до копейки?

Сидоркин. А тебе что? Ты ему дашь ту копейку?

Рожков. Как же он теперь уедет? Как он уедет?

Сидоркин. Уедет, если ему понадобится.

Рожков. Неладно сделали. Умные люди у руководства, и не додумали. Надо было деньги семье отдать. Или присмотреть: когда шел за расчетом — под ручку хап и уж не выпускать до той минуты, когда поезд тронется. Неладно сделали! Константин, а у Галины-то новости?

Олесов. Иди, я же прошу!

Рожков. Ты разве знаешь? *(Сидоркину.)* Ну, баба! Я поразился. Ведь уж не первой молодости, и нельзя сказать, чтоб так уж наружностью,— надеть-то нечего! И можете себе представить, кто у нее? Брюнет из «Гастронома», ну как его!

Сидоркин. Да ну!

Рожков. Я поразился! Если б какая-нибудь образина пожилых лет, а то красавец этот, с усиками, из колбасного отдела, да ну как его, да вы знаете! Если б я не видал его там собственными глазами...

Олесов. Да ты человек или кто!

Рожков. Чудак, опять обижаешься! Почем я знал, что ты уже знаешь? *(Сидоркину.)* А если б он не знал, разве я не обязан ему сказать? Неужели более морально — скрыть такую вещь?

Сидоркин. Знаешь что. Иди ты, действительно. Морально, возможно, обязан, но человеку неприятно. Ты лучше иди.

Рожков. Да, я пошел. Надо сообщнть его семье.

Сидоркин. Что сообщить?

Рожков. Вообще всё.

Сидоркин. Зачем?

Рожков. Ну как же? Как же? Странно: как можно скрывать? Пропил всё до копейки, переночевать негде, уехать не на что,— как же не сообщить семье? *(Уходит.)*

Олесов *(встает)*. Пошли! *(Поднял чемодан и уронил.)* Скорей пошли!

Сидоркин. А куда?

Олесов. Он приведет Асю. Может, и Галину. А может, и...

Сидоркин. Из «Гастронома» который? Не придет, ему чего тут...

Олесов. Да нет. Толю. Сына.

Идут по поселку. Олесов ослабел, еле передвигает ноги. Сидоркин несет чемодан.

Из своей квартиры выходит Калерия. Кряхтя и охая, запирает снаружи дверь.

Калерия. Вы уезжаете, товарищ Сидоркин, или вы кого-нибудь ограбили?

Сидоркин. Нет, Калерия Ивановна, просто так, гуляем с товарищем.

Калерия. Вы любите гулять с чемоданом или вы не можете расстаться с пустыми бутылками? Товарищ тоже известная личность, оказывается. Что давно вас не видно, когда опять к нам собираетесь лечь полечиться?

Сидоркин. А вы чего, Калерия Ивановна, стонете, зубы болят?

Калерия. «Зубы». Зубами я вас обоих перекушу и съем. Радикулит проклятый. Старость не радость.

Сидоркин. Куда ж вы на ночь глядя, вам бы горячий утюг на поясницу.

Калерия. А у нас, как у вас,— что день, что ночь. Срочная операция, заворот кишок.

Сидоркин. Какие ужасные бывают болезни!

Калерия. Да уж.

Сидоркин. Калерия Ивановна, а что такое цирроз печени?

Калерия. Тоже хорошая вещь. Ну пока.

Сидоркин. Калерия Ивановна, один момент! Вы, наверно, до утра уходите?

Калерия. А что?

Сидоркин. И ваша квартира пуста? Пустехонька?

Калерия. Сидоркин, вы меня пугаете.

Сидоркин. Один момент! Вы знаете, что с ним произошло?

Калерия. Догадываюсь.

Сидоркин. Его уволили окончательно и бесповоротно, и он завербовался в Салехард.

Калерия. Господи, только его и ждут в Салехарде.

Сидоркин. Но в данный момент он не может, Калерия Ивановна, ехать в Салехард, потому что он не при деньгах.

Калерия. Ясно.

Сидоркин. И он не может, Калерия Ивановна, переночевать нигде, вы отдаете отчет — нигде нет крыши для его бедной головы, куда б ей притулиться! Кроме разве заметут дружинники, а как раз это очень сейчас нежелательно в смысле психики. Вы меня поняли? Речь шла уже о самосмерти, вы меня поняли?

Калерия. Поняла все. А вы отдаете себе отчет, что он наделает в моем жилье, если его впустить? Во всех смыслах.

Сидоркин. Калерия Ивановна, иголка у вас не пропадет, я вам ручаюсь. Только, конечно, если что-нибудь есть спирто-водочное, заприте в шкаф. Калерия Ивановна, на одну ночь!

Калерия. Ну вас к черту, слушайте. У меня не ночлежка для пьяниц. *(Удаляется, держась за поясницу.)*

Показался патруль — два мерно шагающих молодых человека в нарукавных повязках.

(Вернулась.) Ничего, говорите, не тронет?

Сидоркин. Только водочку заприте.

Калерия. Водки у меня нет. У меня есть очень хорошая вязаная кофта. *(Отпирает дверь, ожесточенно гремя ключами.)* Вечная дура, вечная! Пусть идет.

Сидоркин. Иди, Костя. Переночуешь у Калерии Ивановны. Скажи спасибо, Костя.

Калерия. Отберите у него спички. *(Заходит в дом, чтобы зажечь электричество.)*

Сидоркин *(обыскивает карманы Олесова)*. Дай, Костя, спички. А дальше обмозгуем, как и что. Утро вечера мудреней. Чемодан держи... Гора с плеч. Нельзя человеку, Калерия Ивановна, без крыши над головой.

Калерия *(запирает дверь)*. А вы что, под окном будете околачиваться? У вас-то пока еще есть крыша над головой?

Сидоркин *(почтительно)*. Спокойной ночи, Калерия Ивановна.

Голос Аси *(зовет)*. Папа! Папа!

Калерия. Спокойной ночи.

Расходятся.

Голос Аси. Папа!

Шагают дружинники.

Здесь снова проходит молодежь с гитарой и песней. Гитара звучит мягко. Поют вполголоса о своем, молодом, занимающем их в эту теплую июньскую ночь.

5

На следующий день.

Калерия вернулась из больницы и входит в свою квартиру. Огляделась, потушила электричество. Удостоверилась, что вязаная кофта на месте.

Квартира Калерии — четвертая часть стандартного коттеджа; состоит из комнаты, кухоньки и сеней.

Калерия устала, и радикулит продолжает ее мучить. Олесов спит, лежа на тахте, рука свесилась.

Калерия *(ворчливо)*. Эй, гражданин хороший! Вставать не пора ли? Давай-давай, подымайся, выспался. Олесов! А Олесов! *(Подняла его руку, послушала пульс.)* Вставай, голубчик, вставай, надо и честь знать, хозяйка пришла. Хозяйка, конечно, идиотка, каких поискать, но и ей отдохнуть не мешает. *(Достает из сумки покупки, в том числе четвертинку водки, ставит чайник на керогаз, заглянула в кастрюли.)* И ничего не поел, бедняга. Придется тебя покормить. Бедняга ты, бедняга, глупый ты, глупый человек! Что это ты с собой делаешь? Смотреть на тебя тошно. *(Долго смотрит на Олесова. Закурила папиросу.)* Очень миленько: вы будете нежиться, а мне куда деваться? Олесов! Олесов! *(Повысив голос.)* Товарищ Олесов, вставайте, водка на столе!

Олесов *(просыпается)*. Где я?

Калерия. Образец четкого рефлекса.

Олесов *(видит ее)*. Это больница?

Калерия. Это моя квартира. Вы тут ночевали. Вы тут ночевали целую ночь и почти целый день. Достаточно, как на ваш взгляд?

Олесов. А где Сидоркин?

Калерия. Вот уж чего не знаю. Приходите в себя поскорей, будьте любезны, и давайте попьем чаю и расстанемся, потому что я тоже человек, и плюс к тому с дежурства, и плюс к тому мне нездоровится.

Олесов *(встает с трудом)*. Ничего не пойму. Вы Калерия Ивановна?

Калерия. Я Калерия Ивановна.

Олесов. Как же я очутился... Совершенно не помню. *(Со стыдом.)* Простите меня!

Калерия. Умыться бы вам, а?

Олесов. Я, вероятно...

Калерия. Хорошенько — лицо, руки. Зубы вычистите. У вас зубная щетка в чемодане?

Олесов. Зубная щетка?..

Калерия. Или хоть так прополощите рот, и вам дам теплой воды, сразу мир покажется светлее. Постойте! Прежде всего примите это. *(Наливает ему водки.)*

Олесов *(выпив, благодарно)*. Вы знаете, что́ нужно прежде всего. Насмотрелись, наверно, на нашего брата.

Калерия. Насмотрелась наша сестра на вашего брата. Теперь идите мойтесь. Туда.

Олесов уходит в кухню. Калерия готовит чай.

Готовы? Садитесь. Хотите картошки с огурчиком? Котлету хотите?

Олесов. Спасибо...

Он отвык от нормальной обстановки, стесняется своего несоответствия этой домашности и чистоте, но горячий чай, еда и спокойствие Калерии бодрят его и успокаивают, и к нему возвращается естественный тон.

Калерия. Знаете, что я вам скажу? Вы не безнадежны. Это я говорю точно, можете не сомневаться. Кто безнадежный, тому край рюмки дай лизнуть, да что лизнуть — только понюхать дай, и он уже готов. А вы выпили рюмку и взбодрились, и больше ничего. Вам много надо, чтобы напиться.

Олесов. Не очень много, но порядочно, вы правы.

Калерия. Ну вот. И значит — еще не вечер, как говорится. Вы это учтите.

Олесов. Что учесть?

Калерия. Что вы не безнадежны. Вдруг вам когда-нибудь захочется вернуть, что было.

Олесов. Что вернуть?

Калерия. То, от чего вы отказались. Чего вы сами себя нелепо и безумно лишили. Я ведь вашу историю знаю, наслышана. Так вот не забывайте — еще не вечер.

Олесов. Наслышаны — о чем?

Калерия. Был у вас большой талант, большая будущность...

Олесов. А, это. Ерунда, Калерия Ивановна, не было большого таланта, да и маленький был ли.

Калерия. Зачем скромничать? Ваша жена говорила...

Олесов. Жена говорила. Она для чего это говорит? Мечтой себя тешит, себя и детей. Как бы могло быть прекрасно, если бы не... Какой человек был бы, если бы не... Она эти волшебные картины рисует себе, и детям, и всем, кто согласен слушать, и ей приятно, и детям приятно, какой у них папа блестящий... хотя бы в далеком прошлом. Во всяком случае — дочери приятно, я знаю. Согласитесь, лучше папа в ореоле, хотя бы померкшем, чем папа без ореола. Легче жить. Так я всегда понимал ее ложь. Да и не ложь это, а так, фантазия женская.

Калерия. Вы не были пианистом? Кем же вы были?

Олесов. Я был пианистом. Но не первоклассным, как ей рисуется, ни даже второклассным. В общем, величина небольшая. И, поверьте, всегда знал свой шесток. Никогда не претендовал на гениальность.

Калерия. Оттого и запивать стали?

Олесов. Отчего?

Калерия. Я такие случаи встречала. Обидится человек, что он не гениальный,— вроде чего-то ему недодано,— и пойдет себя крушить, неизвестно кому назло.

Олесов. Нет, я не обижался. На кого?.. Я музыку любил... очень. Инструмент любил... очень. Когда пришлось продать рояль,— будто умер кто-то. Будто мать и отец вторично умерли...

Калерия. Все люди с этой привычкой говорят, что стали пить от обиды или от горя.

Олесов. А вы не очень слушайте. С радости не пьют, что ли? Счастливчики не пьют? Какой-нибудь,— вдруг у него, например, талант признали, радуются на него, ему бы жить да жить,— а он, нате вам, завьется всем на удивление, и талант, глядишь, пропил,— с горя, что ли?

Калерия. Отчего же пьют?

Олесов. Да ну вот так. От хорошего настроения. От плохого. От игры воображения. От любопытства.

Калерия. Любопытства!

Олесов. Не сочтите за пьяный бред. Я начал из любопытства. Захотелось изведать иное состояние души.

Калерия. Какое?

Олесов. Иное. Жил я, жил с моей душой много лет, и в общем, при всем многоразличии чувств и оттенков, дух мой пребывал на одном и том же уро́вне, совершенно мной изученном, до мелочей мне известном, вам моя мысль ясна?

Калерия. Говорите.

Олесов. И я захотел сбить себя с привычного уровня, чтоб все иначе, чтоб стало непривычно, необыкновенно, я понятно говорю?

Калерия. И попробовали. И понравилось.

Олесов. Не понравилось. Но опять попробовал — думаю, на первый раз не раскусил это новое состояние, дай-ка еще. А в конце концов понравилось. Так я это понимаю, когда пытаюсь разобраться. Вы видели, как дом горит?

Калерия. Конечно. Сколько раз. В войну.

Олесов. Заманчиво?

Калерия. Горько!

Олесов. Согласен, горько, но ведь глаз не оторвешь, да? Как пламя его пожирает, да? Как искры столбом. Как рушится балка за балкой...

Калерия. Отвратительно! Люди его строили, старались, отделывали... музыке учили! А он — искры столбом. А ты смотри.

Они кончили есть и закурили.

Все это, вот именно, игра воображения. Красивые слова. Попытка подвести интересную базу под скотскую привычку. А на деле что? Бесхарактерность — раз. Отсутствие больших чувств — два. Оттенков было много, а размеры чувств, видно, не ахти какие. Иначе, голубчик, вы бы не рушились балка за балкой. Соблюдали бы себя.

Олесов. Не знаю. Не было чувств титанических, возможно. Мне вообще не свойственно титаническое, как вы могли догадаться. Но — любил же я. И люблю.

Калерия. Жену любите?

Олесов. У меня очень хорошая дочь, Калерия Ивановна.

Калерия. У вас она не одна, кажется?

Олесов. Да, еще сын.

Калерия. Бывает же везенье. И дочь, и сын. А у меня так сложилось, что — никого.

Сидят, курят.

Куда это вы собрались ехать, Сидоркин говорил?

Олесов. В Салехард.

Калерия. Поедете?

Олесов. Да надо...

Калерия. А хочется?

Олесов. Нет.

Калерия. Почему?

Олесов. А что я Салехарду? Здесь хоть кто-то есть. Хоть кто-нибудь переночевать пустит. Вот вы пустили. А в Салехард приеду — кому я там нужен такой?

Калерия. Так какого же черта вы поедете, что за человек! Да вы о своей жизни хоть немного думаете? Что она одна-единственная, что есть у вас и разум, и облик человеческий,— такое вот самое простое думаете иногда?

Сидят, курят.

В какие переплеты попадают люди — и вырываются, а вас несет как щепку, вы даже не барахтаетесь. Вам хочется сказать «нет», а вы говорите «да»...

Олесов. С другой стороны, есть обстоятельства, в силу которых мне действительно следовало бы уехать. Еще бы лучше — исчезнуть совсем. С лица земли, так сказать. Но для этого, видимо, нужно что-то иметь, чего у меня нет.

Калерия. Опять слова. «С лица земли». Барахтаться надо, дорогой товарищ, барахтаться и думать головой, а с лица земли исчезнуть успеем, и вы, и я, никуда это от нас не денется, будьте спокойны...

6

Калерия неузнаваема. Она причесана в парикмахерской, на ней яркая кофточка и модные туфли, она держится прямо и бегает легко на высоких каблуках.
С риском сломать их, она пробирается между навалами блоков и сталкивается с Ивановым, идущим навстречу.

Калерия. Фу ты господи. Вот он где. Ищу его по всей стройке.

Иванов. Меня искала? Серьезное что?

Калерия. Стану я, голубчик, бегать из-за чепухи.

Иванов. Срочное? У меня, понимаешь, через двадцать минут бюро.

Калерия. Мне двадцать минут — за глаза.

Иванов. Что-то ты хворала, говорили?

Калерия. Чем я хворала? Ничем я не хворала.

Иванов. Какая-то ты такая.

Калерия. Какая?

Иванов. День рождения или что?

Калерия. Просто вспомнила, что я еще молодая. Что еще не вечер.

Иванов. Чего ж, мы с тобой еще не старые, конечно. Скажи пожалуйста, волосы завила.

Калерия. Это теперь называется не завила, а уложила.

Иванов. Ей-богу, никогда тебя такой не видал.

Калерия. Ты всегда меня видел в трудные мои времена.

Иванов. Значит, сейчас тебе легко? Я рад.

Калерия. Да нет. Сейчас тоже трудно. Очень, дорогой, трудно.

Иванов. Что такое? Чего стряслось? *(Подождал ответа.)* Ну ладно. От меня что требуется?

Калерия. От тебя что требуется. Ты ведь знаешь такого Олесова, Константина Николаича.

Иванов. Что значит знаю — я о нем больше слышать не могу.

Калерия. А послушай еще разок. Он должен был уехать и не уехал.

Иванов. Ох, да знаю, это же — ну я не нахожу слов, как этого Олесова квалифицировать.

Калерия. В общем — устроить человека надо.

Иванов. Куда? Кто его возьмет? Ехать ему не с чем? Ну давайте купим ему харчей на дорогу, папирос, и с богом.

Калерия. Я нашла ему место. У нас в больнице вечный недобор санитаров — мужчин. Его возьмут, я говорила. Только ты скажи, чтоб разрешили ему не уезжать.

Иванов. Какой из него санитар? Это носилки таскать? У него и силенки не хватит. Не говоря о прочем.

Калерия. Ничего. Поменьше выпивать будет — найдется силенка.

Иванов. Уж тогда на стройку, что ли, и подсобные рабочие. Что-нибудь если поискать не чересчур пыльное.

Калерия. Нет. Он должен быть недалеко от меня. Под моим присмотром.

Иванов. Калерия, да ты знаешь все его обстоятельства? У него с женой разрыв, она там вроде замуж вышла, и в общежитие ему, как хочешь, возврата нет. Нам о ценных работниках нужно думать, люди едут...

Калерия. У меня будет жить.

Иванов. Ты в уме?

Калерия. Он живет у меня. И будет жить, сколько захочет. Только ты скажи, чтоб его прописали на моей площади.

Иванов. Калерия...

Калерия. Не всё еще. Попроси завклубом, пожалуйста, чтоб разрешили ему в клубе играть на рояле. Когда он у них свободен, рояль.

Иванов. Кому играть на рояле?

Калерия. Олесову.

Иванов. Калерия, Калерия... Я тебя всегда знал такой прекрасной женщиной. До сих пор тебя вижу, понимаешь, перед собой, такую молоденькую, боевую.

Калерия. При чем тут это?

Иванов. Как ты себя держала на фронте. Как ты людей спасала, как ты им помогала. Как замечательно перенесла личное свое несчастье, когда Федю твоего убили...

Калерия. А теперь что, не надо людям помогать? К чему ты говоришь, я не пойму.

Иванов. Для меня ты была — идеал. Одно время даже думал — серьезно,— что жить без тебя не смогу.

Калерия. А я всегда знала, что великолепно сможешь.

Иванов. Да, ты моему чувству поблажки не дала.

Калерия. Хоть бы поблагодарил за это, ну право. Зато друзьями остались, и семья цела.

Иванов. Просто не было у тебя ко мне чувства. Если б было — не очень бы ты на мою семью посмотрела. Так и думаю... И чтоб такому, как Олесов!..

Калерия. Душа моя. Ты что думаешь — он мне любовник? Угловой жилец он у меня. Будет зарплату получать — за койку возьму, по таксе.

Иванов. Спасать затеяла? Пропащее дело. Ничего там спасти нельзя. Пробовано-перепробовано.

Калерия. Да как пробовали-то? В таких вопросах к каждому человеку приходится ключик подбирать особо.

Иванов. Где ж, понимаешь, набрать столько ключей.

Калерия. Ясно — не просто. Месячником не отделаешься.

Иванов. Вот уж это, Калерия, политическое недомыслие — попрекать нас месячником. Мероприятия наши громадные, территория громадная, народонаселение громадное. На энтузиастах-одиночках выехать не можем ни в одном вопросе.

Калерия. Но когда к тебе приходит энтузиаст-одиночка, не прогоняй его.

Иванов. Разве я могу тебя прогнать? Но мне жутко и мне противно, что ты ради подонка завила, или уложи-

ла, свои волосы. От души бы желал, чтоб ты это делала для кого-нибудь другого.

Калерия. Я для себя делаю.

Иванов. Рассказывай. А глаза чего блестят?

Калерия. Еще не вечер, понимаешь?

Иванов. Угловой жилец — чего ж глазам блестеть?

Калерия. И он не подонок. Он умный и хороший человек. Ему надо вернуть достоинство.

Иванов. Какое у него может быть достоинство! Разве так поступает, кто имеет понятие о достоинстве!

Калерия. Он обо всем имеет понятие не хуже нас с тобой. Перестаньте его цукать, как собачонку!

Иванов. Кто цукает?

Калерия. Все! Нет никого, кто б не цукал! Мужики, бабы, собственные дети!

Иванов. Позволь. Никто к нему, насколько я знаю, не набивается. Ни мужики, ни бабы. Он сам к ним идет, плачется — помогите.

Калерия. Вот ведь вошло в плоть и кровь! Не можем просто помочь, если нас просят. Обязательно должны еще повертеть человеком по своему усмотрению. Чтоб самим себе доказать свое превосходство!

Иванов. Бог знает что ты говоришь.

Калерия. Так получается!

Иванов (*помолчав*). Хорошо, Калерия. Пусть он будет хороший и умный, не возражаю. Пусть мы все самодовольные бездушные чурбаны, кто не за страх, а за совесть старался его вытянуть...

Калерия. Я, может, перехватила сгоряча, не сердись.

Иванов. ...но ты же должна сознавать — он же тебя несчастной сделает, он тебе в душу наплюет!

Калерия. Я, дорогой, не девочка.

Иванов. Потому и подобает строже относиться к себе самой. Ну, мне время. Пока.

Калерия. Постой! Ты же там скажешь, что я просила?

Иванов. Подумай.

Калерия. Думала.

Иванов. Не похоже. Ну, Калерия, ей-богу. Ну, дружески: возьми свои просьбы обратно!

Калерия. Не возьму. Четверть века меня знаешь.

Иванов (*уходя*). На твою ответственность. Чтоб

потом не говорила, что я помогал твою жизнь изуродовать.

Калерия. Не скажу, голубчик, не скажу, никогда не скажу, спасибо тебе!

7

Резко просигналив, в больничный двор въехала санитарная машина. Захлопали дверцы. Два санитара пронесли носилки в здание больницы. Один из санитаров — Олесов. Почти тотчас же он снова выходит во двор — покурить. Сидящий на лавочке Толя встает и идет к нему.

Толя. Не сразу тебя и узнал.

Олесов. Здравствуй.

Толя. Здравствуй. Правда, не узнать в этом халате. (*Усмехнулся.*) Работяга.

Олесов. Что дома делается?

Толя. У тебя какие сигареты? А, тэнк ю вери мач. Папирос не курю. Перешел на сигареты. Что может делаться? Я живу своей жизнью, Аська — своей, мать — своей. Ничего, сыты. Жратвы хватает в «Гастрономе».

Олесов. Ты где, в гараже?

Толя. В гараже пока.

Олесов. В школу не надумал вернуться?

Толя. А смысл? Хороший шофер зарабатывает лучше среднего инженера. Уж на что я — на мойке,— и то перепадает сверх зарплаты. Я, впрочем, не держусь за гараж. Продавец в колбасном отделе имеет значительно больше. В общем, есть ряд вариантов. Я по делу, собственно. Мать на старости совершенно спятила. Оба вы хороши, но у тебя хоть оправдание есть: куда-то тебе, в самом деле, причалить надо было.

Олесов. Ты что хочешь сказать?

Толя. А, давай не углубляться. Суду и так все ясно. В общем, тебе простительно. Но мать: прыгала-прыгала вокруг меня, «ребенок», «ребенок», смешно даже, и нате, отколола номер!

Олесов. Анатолий! О матери! Как можно!..

Толя. А почему нельзя? Где написано, что нельзя? Невзирая на лица!..

Олесов. Ты ее жизнь видел. Я не сделал ее счастливой.

Толя. Это ваши личные дела. Мне осточертело копаться в ваших ранах. Воспоминания, переживания... Нечего было этого типа приводить в дом! Крутила бы свой

вальс на стороне! Договорились, кажется: выкарабкаемся! Аське учиться, мне работать, матери работать. Хорошо! И является этот... А у меня вы спросили? Вы меня машины мыть поставили, и мнение мое — до лампочки?! А если мне взбредет привести в дом? Аське взбредет? Как будет называться дом?.. Не смотри так, смешно! Мне через полтора года восемнадцать! Захочу — и приведу, и тоже ни у кого не спрошусь, с какой стати?! И колбасой меня не купите! Уж на колбасу я себе заработаю!

Олесов. Мальчик мой. Не надо так озлобляться. Оба мы виноваты перед вами, главным образом я, конечно... Но все-таки подумай о ней.

Толя. Пускай она обо мне думает!

Олесов. Попробуй понять ее одиночество.

Толя. У нее есть я! И Аська. Какое она имеет право с этим не считаться!

Олесов. Она тебя любит без памяти.

Толя. Она все без памяти делает! Немножко б сюда чего-нибудь! *(Ударяет себя в лоб.)*

Олесов. Не могу, когда ты так о матери...

Толя. Пустила жить, так обязана считаться!

Олесов. А с ней считаться надо, или так уж ее со всякого счета списать?

Толя. Какой ты исключительно гуманный, когда тебя не касается. Даже, может быть, очень рад так просто отделаться... Ты-то очень считался!.. Я когда вижу — идет какой-нибудь отец с мальчиком... Когда у меня будут дети... Чтоб я их когда-нибудь, чем-нибудь... Можешь смеяться! Мне через полтора года восемнадцать! Я об этом думал, если хочешь знать, когда мне четырнадцать было! Смейся! Пожалуйста! Плиз, сэр!

Олесов. Господи, разве я смеюсь!

Проходит санитарка. На несколько мгновений разговор прекратился.

Толя. Я зачем пришел. Она на развод подает. Прижгло ей — регистрироваться с колбасником в загсе. Так чтоб ты развода ни в коем случае не давал.

Олесов. Извини, это уж ты с ума сошел. Как я могу, при этих отношениях, не дать развода? Да суд бы и не принял во внимание. Десятки людей станут на ее сторону.

Толя. Так ведь он не пойдет в загс. Ну что с ней делать? Он не пойдет в загс! И я его убью!

Олесов *(беспомощно)*. А может, пойдет. Откуда ты знаешь? Может, и пойдет.

Толя. Он моложе. И вообще не пойдет. *(Думает.)* А если б — а если б ты вернулся? Колбасника к чертям, а ты бы вернулся. Пап! А?

Олесов. Родной мальчик, ты не понимаешь, что говоришь.

Толя. Вернись, пап. А колбасника выгоним.

Олесов. Каким неуважением к матери это было бы. И к себе...

Толя. Не хочешь?

Олесов. Не могу.

Толя. Да? Может, ты и прав. Не разберусь я в ваших делах. Вы меня запутали. Только я смотрю на это ее счастье, которым она перед всеми хвастается,— я смотрю, и я хочу его убить.

Олесов. Бред!.. Допустим — разойдутся. Что ж такого? Она пожила с иллюзией, что... Мне трудно говорить, потому что... *(С бледной улыбкой.)* Если уж кого-нибудь убивать, то меня.

Толя. Я не шутки шучу. Я меньше всего шучу шутки.

Олесов. Ты как-то сказал, что тебе наплевать на нас с высокой колокольни.

Толя. Да?

Олесов. Я рад, что тебе не наплевать.

Толя. Не знаю, из чего ты вывел. И чему тут радоваться. Вы эгоисты, вот что. Вы бы должны сказать — не обращайте на нас внимания, забудьте нас совсем, как будто нас и не было, вот вы что должны сказать. Еще радуются... *(Идет прочь, у него дрожат губы.)*

Олесов. Толя!.. До свиданья, Толя!

Толя уходит, не оглянувшись. Идет Калерия.

Калерия. Константин Николаич, вы не забыли?

Олесов. О чем?

Калерия. Сегодня вечером.

Олесов. А, да. Да, я помню. Напрасно вы.

Калерия *(приостановившись)*. Может быть, сделаем так? Может быть, вам не отказываться от ваших вечерних занятий? Как думаете?

Олесов. Хорошо.

Калерия. Вы считаете — не стоит пропускать?

Олесов. Да.

Калерия. Но потом сразу придете?

Олесов. Столько хлопот вам — зачем?

Калерия. Если вам неприятно, можно отменить.

Олесов. Отменять — еще бо́льшие, должно быть, хлопоты.

Калерия. Это неважно.

Олесов. Я приду вовремя. Спасибо вам.

Калерия. Ну вот! *(Ушла.)*

Олесов один. Присел на крыльцо, ведущее в застекленную галерею. Осенний день теплый, солнечный, настежь открыты широкие окна галереи, где в очереди на прием сидят тетя Шура и Сидоркина.

Тетя Шура. Варенье варить — это старина. При варке убиваются витамины. И большой расход сахара. Я теперь все консервирую в свежем виде. Землянику консервирую, смороду консервирую, бруснику — все консервирую. Сахара идет пустяк, и витамины все при мне.

По галерее проходит Калерия.

Сидоркина. Похудела Калерия Ивановна.

Тетя Шура. Ей идет.

Сидоркина. Похудеешь от такой обузы.

Тетя Шура. Женщине без обузы не живется. Женщина обузу ищет.

Сидоркина. Могла бы найти получше. Убила бобра.

Тетя Шура. Конечно, по ее заслугам ей бы не пьяницу. Вот сколько я хожу лечиться, а внимательней Калерии никого здесь не вижу.

Сидоркина. Это верно. И сколько, посмотрите, врачей уже сменилось, а она как приехала, так и работает.

Тетя Шура. Что ей врачи. Она сама может за врача. Только что диплома не имеет. На фронт ушла — институт не кончила. Я ее уважаю.

Сидоркина. Потому и жаль. Сколько она может получать?

Тетя Шура. Она получает прилично.

Сидоркина. Вчера в магазине ее встретила: водку покупает. А прокормить его?

Тетя Шура. Да, мужчина кушает будь здоров.

Сидоркина. Ну скажите, зачем так устроено, что полезный член общества достается такому типу? Она ему отдает все свое святое, а он ее попирает ногами!

Гудок санитарной машины.

Тетя Шура. Затем, что какой она ни член общества, а женщине нужен спутник жизни. Возьмите Первое мая. Выйти ли погулять, или на вечер — везде требуется спутник. Плохо без спутника, особенно если уже не молоденькая. Мы с Семеном на все вечера ходим вдвоем. Я могу ее понять.

Сидоркина. Он-то, воображаю, на седьмом небе. После того как побирался по квартирам...

Гудки санитарной машины.

Тетя Шура. Что мужику надо? Содержат его, обстирывают, ублажают,— от добра кто откажется? Им только подавай таких одиночек отзывчивых.

Сидоркина. Пристроился.

Санитар *(зовет Олесова)*. Эй! Ты где? Не слышишь, что ли? Поехали!

Олесов встает и уходит.

Тетя Шура. С другой стороны. Не сам небось свою кандидатуру выдвинул. Пороху не нашлось бы. Калерия его ухватила: бедовая. Не побоялась, значит, что ей с ним мучиться. А мучиться безусловно, тут сомнений быть не может. Бедняга Калерия.

Сидоркина. Бедненькая Калерия Ивановна!

8

Калерия у себя дома. Раздвинутый стол убран празднично. Напевая, Калерия утюжит на доске мужские брюки. Пиджак уже выглажен и повешен на плечики.

Некоторые немногочисленные, но существенные предметы, появившиеся в квартире, показывают, что здесь теперь живут двое. В кухне стоит сложенная раскладушка. Около нее — чемодан Олесова и новые мужские домашние туфли. На полочке бритвенный прибор.

Стучат в дверь. Калерия отворяет. На пороге Ася. Они пристально смотрят друг на друга.

Ася. Константин Николаич здесь живет?

Калерия. Здесь. Заходите.

Ася входит.

Вы его дочка?

Ася. Да, я его дочка. Он дома?

Калерия. Вы сядьте. Он скоро придет.

Ася. Он на работе?

Калерия. Сейчас на занятиях. Сегодня у него занятия.

Ася. Играет?

Калерия. Нет. Учится на курсах Красного Креста у нас при больнице.

Ася. Зачем?

Калерия. Зачем учится? Захотелось ему, вот и учится.

Ася. Странно.

Калерия. Ты сядь. Он скоро.

Ася *(села)*. То счетоводству учился, то теперь Красный Крест. В общем — все дальше и дальше от своего призвания.

Калерия. Ну что ж, девочка, так он пожелал, он собой распоряжаться волен, правда?

Ася. Не всякий человек волен собой распоряжаться. Некоторым людям полезно сказать — поступай не так, а вот так.

Калерия. Но если говорить слишком часто — может быть, перестает действовать? Как с лекарствами: если одно и то же давать без передышки — организм привыкает.

Ася. Мне сказали — он ходит в клуб играть на рояле. Я думала...

Калерия. Да, иногда он заходит в клуб, и ему разрешают играть, но ты же знаешь, какой он нервный, как его все ранит. Что пальцы не те, что звук не тот... Ему кажется, что над ним подсмеиваются, а как-то несколько ребятишек обступили его и попросили сыграть какую-то песню, он стал им играть, и у него не вышло, так он, можешь себе представить, захлопнул крышку и убежал!

Ася. Я так и знала, что будет трудно вернуться... после всего. Но, по-моему, одаренный человек обязан идти на трудности грудью. Бороться за свой талант! За возможность служить своим талантом народу! Раз не вышло, два не вышло, сто раз не вышло — на сто первый должно выйти. Тут, по-моему, уж и нервы по боку, и что посмеется какой-то дурак... Ну, что ж делать. Не может, значит.

Калерия. Или не хочет. Его право.

Ася. Я, собственно, зашла на минуту. Вспомнила, что сегодня день его рождения.

Калерия. Очень хорошо сделала, что зашла. Сейчас он придет, и гости к нему придут, и ты с ним чокнешься, он будет рад.

Ася. Гости?

Калерия. Да, один его приятель и одна милая молодая пара. Он так рад будет, что ты вспомнила. Он просил испечь пирог, я хотела сделать со свечами, знаешь, зажигают свечи по числу лет,— да нет в магазинах. Не завозят к нам свечи. *(Кончила гладить, убрала доску и поставила на стол еще один прибор.)*

Ася *(смотрит на стол)*. А мне сказали, будто он не пьет.

Калерия. Перед едой выпивает рюмочку. Многие мужчины это любят, уж такой они народ. Знаешь, если немножко, то для здоровья даже полезно. Зря ты брата не привела. Отец бы вошел и увидел вас обоих.

Ася *(сдержанно)*. Брат занят. Я его сегодня даже не видела.

Стук в дверь. Калерия отворяет. Входит Сидоркин.

Сидоркин. Мое почтение, Калерия Ивановна! *(Ставит на стол пол-литра.)* А где ж именинник?

Калерия. Вот-вот придет. А вот это, Сидоркин, я вам запретила, забыли?

Сидоркин. Так ведь как же в день рождения — с пустыми руками!

Калерия. Я это прячу. Здесь на столе более чем достаточно.

Сидоркин. Ваша воля, Калерия Ивановна, ваша власть. А, и Ася пришла, молодец Ася. Ну, как дела?.. Учишься?

Ася. Учусь.

Сидоркин *(ободряюще)*. Ничего в общем?

Ася. Да. Спасибо.

Сидоркин. Ну-ну. Ты мне вот что скажи — сколько ж это отцу сегодня стукнуло?

Ася. Сорок пять, по-моему.

Калерия. Константину Николаичу исполнилось сорок четыре года.

Стук. Это пришли Асхаб и Сулейман. Они приеслн большой кулек из газетной бумаги.

Асхаб. Здравствуйте. *(Церемонно здороваются.)* Где же тот, в честь кого мы пришли?

Калерия. Что-то задержался. Но он будет с минуты на минуту...

Асхаб. Нам из дому прислали такие хорошие яблоки. Разрешите? *(Выкладывает из кулька.)* Вот как теперь живет Константин Николаич. Ты посмотри, Сулейман.

Стук.

Сидоркин. Ну вот и Костя!

Калерия. Нет, не он. Не его стук. *(Идет отворять.)*

Асхаб. Посмотри, Сулейман: раскладушка. Он спит на раскладушке. Посмотри, Сулейман: ночные туфли!

Придерживая дверь, Калерия ведет переговоры с Рожковым.

Калерия. Не понимаю, Рожков, что вам здесь нужно. Какую еще воду вы явились мутить.

Рожков. Почему, почему мутить воду? Мне Сидоркин сказал — день рождения. Поскольку я тоже старый приятель...

Калерия. Знаю, какой вы приятель.

Рожков. Неоднократно, вот спросите у Сидоркина, оказывал моральную помощь...

Калерия. Только сплетни разносить!

Рожков. И поскольку завтра суд, так что я, может быть, последний день хожу свободным человеком... Суд завтра, Калерия Ивановна, дома траур, жена плачет, теща ругается, дети из угла смотрят...

Калерия. Входите. Но не смейте говорить ваши гадости. У вас что ни слово, то жаба изо рта.

Рожков. Какая жаба, Калерия Ивановна, бог с вами, какая жаба? *(Входит.)* Добрый вечер!

Асхаб, Сулейман, Сидоркин. Добрый вечер!

Калерия ставит на стол еще один прибор.

Рожков. Кого я вижу, Ася! Ну, как жизнь, Ася?

Ася. Спасибо.

Рожков *(подсаживается к ней)*. Как там мама поживает, здорова?

Ася. Спасибо.

Рожков. Что ты все спасибо да спасибо. Ты мне расскажи, поделись. А этот, отчим-то? Не обижает вас с Толей? А? Не обижает? Чудачка, почему не хочешь сказать? Обижает, наверно. Или нет?

Сидоркин. Слушай, ну что ты к девочке пристал? Не хочет она на эту тему.

Рожков. Но почему, почему не хочет? Почему ей не хотеть? Это, Ася, нехорошо — скрытничать. Это антиобщественно. А вы его папой зовете, или как?

Калерия. Что же он запаздывает? Пора бы ему...

Асхаб *(осторожно)*. Может быть, Константин Николаич куда-нибудь зашел?

Рожков *(Асе)*. Человек живет в коллективе, в контакте с другими мыслящими существами. У него должна быть потребность с ними контактировать. Если он не

контактирует, это ненормально. Что-то у него, значит, неладно с психикой. А особенно если молодое существо.

Калерия. Знаете что? Сядем пока без него. А он подойдет. А то пирог стынет, и что ж так сидеть... Милости прошу к столу. Иди сюда, Ася. *(Сажает ее рядом с собой. Все рассаживаются.)* Налейте кто-нибудь.

Сидоркин *(наполняет рюмки)*. Предлагаю выпить за хозяйку.

Калерия. Нет. Сегодня полагается за Константина Николаича.

Асхаб. Да, да, прежде всего за Константина Николаича!

Сидоркин. Ну, так за его здоровье и благополучие!

Асхаб. Что за слово — благополучие? За его счастье! Пусть он будет счастлив!

Чокаются.

Рожков. Да, благополучие, счастье. А у меня завтра суд. Всё откладывали, откладывали, больше не хотят. В десять ноль-ноль. Сейчас с вами закусываю, как полноправный гражданин, а завтра скажут — нате вам меру пресечения, и готово дело. И о чем разговор, спрашивается? О паре накладных! Бумажки! Из-за бумажек судьба человеческая рушится.

Калерия. На что жалуетесь? Сами разрушили. Бережливей бы обходились со своей судьбой, ничего бы не было.

Рожков. Каждый, Калерия Ивановна, каждый сам рушит, мало кому, Калерия Ивановна, бережливость дается. *(Асе.)* Так ты согласна контактировать или ты будешь дальше гиуть свою антиобщественную линию? С хозяйством у вас как, например: деньги общие, или же он только свою долю вносит?

Асхаб *(нежно)*. Вы не будете возражать, если я включу музыку? Приятнее, не правда ли, с музыкой?

Она включает радио. Женский голос поет романс Чайковского «То было раннею весной...»

...Тот же романс — из радиорупора на улице, по которой бесцельно шагает Олесов, засунув руки в карманы.

Он проходит мимо чьих-то освещенных окон. И оттуда приглушенно доносится тот же романс.

Навстречу идет Гореико. Останавливается.

Горенко. Второй раз вас встречаю, и второй раз мне кажется, что я не ошибся.

Олесов. Ошиблись.

Г о р е н к о. Допустим, глаза ошибаются. Сходство голоса — случайность, тоже допускаю. Тем более, ваш голос глуше... Но этот мотив! Как вспомню вас, сейчас же, бывало, в ушах эта песня.

О л е с о в. Романс.

Г о р е н к о. Вот-вот, и эта поправка, так ее и слышу от Кости Олесова! Именно этим тоном! Хотя голос, конечно, гораздо глуше, и что касается нашей наружности — тоже, конечно, приходится делать поправку на двадцать лет.

Ликующим «О лес, о жизнь, о солнца свет, о свежий дух березы!» заканчивает невидимая певица.

Многие за двадцать лет так меняются, что прежнее лицо из нынешнего еле проступает.

О л е с о в. Хорошо, если проступает.

Г о р е н к о. Приходилось наблюдать жестокие перемены в этом смысле. Я бы сказал — ты еще не очень изменился. Я на тебя смотрю и вижу того Костю, с которым мы в соседних окопчиках лежали. А помнишь, как мы в Австрии заночевали в том имении и ты нам играл на рояле? Мы слушали и спать не хотели, так ты прекрасно играл. Где ты, что ты теперь, Костя?

О л е с о в. Кости Олесова нет.

Г о р е н к о. Ну не надо. Ну брось ты это. Расскажи о себе. Если что-нибудь,— я как брату...

О л е с о в. А вы, и ты что и где?

Г о р е н к о. Да ну, что я. В совнархозе кручусь, все своим чередом — и неприятности, и достижения бывают, ну, об этих делах в газетах пишут. Вот с тобой что происходит, почему от себя отрекаешься?

О л е с о в. В лесу имение было?

Г о р е н к о. В лесу.

О л е с о в. Рояль коричневый?

Г о р е н к о. Кажется.

О л е с о в. А я считал — мне приснилось. Имение в лесу, коричневый рояль, ночь, я играю, солдаты слушают.

Г о р е н к о. И я, считаешь, тебе приснился?

О л е с о в. Может быть, даже ты. Не терзай меня, Володя, прошу, дай мне сначала коснуться земли ногами.

Г о р е н к о. Как это?

О л е с о в. Меня болтает в воздухе, как шар на нитке, вот что со мной происходит...

Они медленно идут по улице. А в квартире Калерии уже все съедено и выпито, и гости поют что-то хором, даже Ася подпевает, подперев кулачками щеки, и только Калерия сидит напряженная, прислушивающаяся, не разжимая губ.

О л е с о в. Все как будто снится. Дома́, лица — сон. Болтаюсь на нитке и хочу проснуться, стукнуться подошвами о землю, собрать, склеить что возможно...

Г о р е н к о. Чем можно помочь, слушай? Что я могу? Я всё...

О л е с о в. Нет. Она права. Кроме меня самого, никто тут не поможет.

Уходят по улице. Электрические часы на темном здании показывают поздний час. Калерия провожает гостей.

А с х а б. До свиданья, спасибо. Очень было приятно, только жалко, что не повидали Константина Николаича. Передайте привет от Сулеймана и от меня.

К а л е р и я. Спасибо, с удовольствием передам.

С и д о р к и н. Где-то Костя загулял крепко.

К а л е р и я. Вот большое дело, подумаешь,— в день своего рождения загулял человек. На здоровье, пусть погуляет.

А с х а б. Конечно. И мы тут погуляли в его честь. Всё хорошо.

В с е. До свиданья! До свиданья!

Р о ж к о в. Вот оно и наступило, завтра-то. Всего ничего осталось до десяти ноль-ноль. Прощайте, Калерия Ивановна.

К а л е р и я. Бодритесь, Рожков. Умей ответ держать, как говорится.

Р о ж к о в. Очень это портит жизнь, что за все приходится отвечать. *(Ушел.)*

А с я. А вдруг с ним случилось что-нибудь?

К а л е р и я. Ничего не случилось, глупости. Погуляет и придет. Товарищи, кто ее проводит?

А с х а б. Нам всем по дороге.

К а л е р и я *(Асе)*. Ну, спокойной ночи. Не думай ничего плохого.

В с е. Спокойной ночи!

Калерия одна. Постояла на крыльце, вернулась в комнату. Не от кого больше скрывать беспокойство и муку ожидания. Ни за одно дело не может взяться, руки опускаются. Что-то ей померещилось в тишине,— вздрогнула, высунулась в окно,— никого нет. Не выдержав, набрасывает пальто и косынку, чтобы идти на поиски, но в это время входит Олесов, открыв дверь своим ключом.

О л е с о в. Ушли уже?

К а л е р и я. Давно. Жалели очень, что вас не было.

Олесов. Зря, говорил я, устроили вы себе хлопоты. Вместо благодарности — бродяга одичалый даже не смог себя заставить явиться на этот пир.

Калерия. Ничего страшного. Правильно сделали, что не насиловали себя. Не захотелось — и не пришли. Мы тут славно посидели, выпили за вас. Ася была.

Олесов. Ася? У них ничего не случилось?

Калерия. Просто поздравить хотела.

Олесов. Я не мог заставить себя прийти. Хамство, конечно. Но вы не знаете... или знаете, но вам, с вашим характером, все равно?.. Вы на дежурство?

Калерия. К соседке ходила. Относила противень. *(Снимает пальто.)* Чего я не знаю, Константин Николаич?

Олесов. Посоветуйте — кто бы мне сдал угол?

Калерия. Сдал вам угол?

Олесов. Койку.

Калерия. Что это значит?

Олесов. Я не должен у вас жить.

Калерия. Вам здесь плохо?

Олесов. Вы знаете, что хорошо. Но я не могу допустить!..

Калерия. Чего? Пересудов? Да наплюйте вы.

Олесов. Значит, знаете?

Калерия. Трогательный вы человек. Конечно! Да как может быть иначе?.. Бабенок хлебом не корми, а подай им такую ситуацию. Уж они нафантазируют! И из-за этой ерунды вы бродили невесть где до поздней ночи?

Олесов. И вас не оскорбляет, что ваше имя связывают с моим? С таким уж непочтенным, неуважаемым именем. Уж лучше жить где-нибудь, где опять не будет места притулиться, опять со мной будут обращаться как с собакой, но это нельзя — чтоб ваше имя трепали по моей милости!

Калерия. Ох, до чего интеллигентно. А если проще? Сами говорите — хорошо вам: зачем же рыпаться... *(Отвернулась и улыбнулась, чтобы скрыть слезы.)*

Олесов. Родная моя, удивительная женщина, знаете, что́ вы для меня? Я не настолько все-таки опустился, чтобы... Не обижайтесь, я ведь вижу всю вашу воспитательную тактику, все эти педагогические кружева, которые вы плетете с таким терпением,— но почему-то мне не унизительно, даже радостно ходить по вашей подсказке... И ваша бережность, ваша забота,— о ком, обо мне! — ваш голос, всегда добрый, эта затея с днем рождения, который бог знает сколько лет никем не празднуется, мной в том числе,— все это меня сегодня ужаснуло. Да, я ужаснулся, услышав эти разговоры! Как я смею, что я такое, о чем я думал, когда принимал... И в довершение, в награду — чтоб вам мазали дегтем ворота!

Калерия. За меня ужаснулись, за мою дамскую честь, или за свою мужскую щепетильность?

Олесов. Это не ваш вопрос. Мы слишком друг другу доверяем, чтобы задавать такие вопросы.

Калерия. Почему не имеете права? Вот приучили вас к самочувствию, что вы такой-сякой. Вы не такой и не сякой, имеете право на все, что делает людей людьми.

Олесов. Ко мне заходил сынишка. У них плохо. Что-то я должен с ними решать.

Калерия. Они издерганы. Хорошо бы их извлечь из этой обстановки.

Олесов. Как я извлеку? Легко сказать.

Калерия. Они ведь не маленькие, им носы вытирать не надо. Общими усилиями, держась друг за друга...

Олесов. Они уже один раз составили такой план: общими усилиями, держась друг за друга,— выкарабкаться. Теперь их союз развалился... из-за Галиного второго брака. Видимо, это должно быть запрещено — имея детей такого возраста, бросать их ради...

Калерия. Но она же не бросила.

Олесов. Фактически — только живут под одной крышей, и внимание переключено... Видите, Калерия Ивановна, с кем вы имеете дело. Хочу вас облегчить, и вместо того новые и новые свои тяготы вам подкидываю.

Калерия. Подкидывайте. Я не боюсь.

Олесов. На другую квартиру перейду, и все равно буду к вам являться со своей канителью, привык.

Калерия. Не надо переходить на другую квартиру.

Олесов. Нельзя! Бесконечно вам обязан, но вы меня уже кое-чему научили. Я больше не хочу быть таким-сяким. Именно поэтому, вы должны понять, я ухожу от вашей доброты.

Калерия. Не уходите.

Олесов. Нельзя!

Калерия. Скоро зима. Морозы. Вьюги. Подождите хоть до весны.

Олесов. Нельзя!

Калерия. Раз вы так хотите... ваша воля.

Олесов. Вы мне поможете, правда, найти угол?

Калерия. Помогу вам найти угол.

Олесов. И разрешите... заходить к вам?

Калерия. И разрешу заходить.

Олесов. Вы сразу почувствуете, какую козу вывели из дома. Я у вас отнимаю покой и отдых — и много ли его?

Калерия. Отдых... Вы сейчас все у меня отняли — и не заметили... Запрещено, значит? Все та же проклятая привычка к самоуничижению... Ненавижу эту привычку! Почему вы на себя смотрите как на утиль? С какой стати на меня смотрите как на утиль!

Олесов. На вас — как на утиль?!

Калерия. Все время! Какого черта вы вообразили, что я забочусь о вас, думаю о вас, в глаза вам смотрю — по доброте! До такого слюнявого идиотизма доброта не доходит. Я в глаза вам смотрела, потому что любила! Я с моей любовью вставала утром, шла на работу, домой возвращалась! На крыльцо всходила, к двери подходила — золотая стала эта дверь, и за ней — радость... И чтобы это мне было запрещено? И чтоб я слушала — кто там, что там о моей любви?.. Вот так-то, Константин Николаич. А вы думали: благотворительная натура, самоотверженно направляет заблудшую душу на путь истинный. Ну, так напоследок правду узнайте: я для себя все делала. Моим счастьем это было. Вы мне ничем не обязаны, я вам обязана. И давайте сейчас распрощаемся, когда такое дело. *(Надевает пальто.)*

Олесов. Куда вы?

Калерия. Найду куда, не беспокойтесь.

Олесов. Это невозможно. Уйду я.

Калерия. Не трудитесь, все равно не останусь, хоть вы и уйдете. Не хочу сейчас видеть это жилье.

Олесов. Калерия Ивановна!

Калерия. А угол вам подыщем. Пока. *(Уходит, кивнув.)*

9

Летит снег, за метелью еле виден строящийся город. Калерия, жмурясь, идет против ветра и останавливается от радостного возгласа Иванова.

Иванов. Калерия, ты! Давно тебя не видел, покажись. Цветешь, как роза. Ну что, как жизнь? Я, впрочем, все знаю. Слухом земля полнится.

Калерия. Все знаешь?

Иванов. Все.

Калерия. Я не так удачлива. Не все знаю.

Иванов. Молодчина: одолела вражью силу, вернула человека и человеческое существование. Хвала и честь, как говорится. Я не думал, скажу откровенно, что это получится. Могло и не получиться.

Калерия. У меня была надежда... вера... что, если снять с человека нравственный гнет, если он не будет ходить вечно заушаемый,— он сам потянется к человеческому существованию.

Иванов. Возможно, ты права. Но ведь это индивидуально. А другой не потянется, верно?

Калерия. Все на свете индивидуально.

Иванов. Возьмет и не потянется, и пропали твои старания... И что значит — вечно заушаемый? Какое ты в это слово вкладываешь содержание? Оно не противоречит понятию критики?

Калерия. Нет, дорогой, не противоречит, только дополняет.

Иванов. Я сам, как тебе известно, иногда слишком даже мягок, но без критики как же?

Он заботливо заслонил ее собой от ветра. Она хочет закурить, не может зажечь спичку,— он берет коробок у нее из рук и подносит ей горящую спичку в ладонях.

Плохо, что летает он у тебя с работы на работу. Хотя в стройконторе как-то более место мужчины, чем в санитарах.

Калерия. Он уже и в стройконторе томится. Возмездие!

Иванов. Что говоришь?

Калерия. Возмездие, говорю,— за то, что отбился от профессии, зарыл в землю талант.

Иванов. А был талант?

Калерия. Был.

Иванов. А он говорит — не было.

Калерия. Потому что ему подумать страшно, что он с собой сделал, вот и говорит — не было... Мне его фронтовой товарищ сказал, в молодости его знавший, что очень он был талантливый. Они его все за талант любили... берегли... Ну, а если не талант, а просто человек, просто заблудившийся человек,— то что?

Иванов. Да ничего. Взвилась! Ты мне главное скажи...

Калерия. По музыке тоскует, вот и мыкается. Может, и найдет еще себя.

Иванов. Еще не вечер?

Калерия. Именно.

Иванов. Главное скажи: ты счастлива? Ценит он тебя? Сознает, что́ ты для него?

Калерия. О да, очень ценит, чересчур ценит...

Иванов. Чересчур тут не может быть.

Калерия. В том-то и дело,— не знаю я: благодарность его держит возле меня, преданность от благодарности? От робкого сердца, от боязни причинить боль?.. Не знаю ничего.

Иванов. По крайней мере, он к тебе внимателен, он может тебе в трудный час послужить опорой?

Калерия. Что мне опора? Сама, чуть не с детства, всегда чьей-нибудь опорой была.

Иванов. Гордячка, надо же. До чего вы гордые, бабы наши хорошие. Сама для всех опора, смотри ты. А самим, значит, ничего не надо? Врешь, надо! И опору тебе надо, и счастья надо, и вот так мне это, понимаешь, что счастья нет у тебя!

Калерия. Да кто тебе сказал, что нет? Сам же видишь — цвету, как роза. Значит, хорошо мне. А то бы не цвела. Ох, заболталась, опаздываю!

Иванов. Постой. Калерия. Если что понадобится...

Калерия. Ну ясно, к тебе приду, к кому же? И ты мою беду руками разведешь. Будь здоров, дорогой.

Расходятся в метели.

10

К крыльцу Калерии в снегу проложена дорожка. Из окна видно, как люди идут по этой дорожке.
Калерия пришла домой и хозяйничает.
Стук в дверь: Сидоркин.

Сидоркин. А Кости нет еще?

Калерия. Не приходил.

Сидоркин. Можно обождать?

Калерия. Обождите.

Сидоркин. Вы не сердитесь, что я повадился? Около вас тихо, я тишину люблю. Удивительно, что на работе вы боевая, а дома вы тихая.

Калерия. Дома должно быть тихо, на то дом. Дома человек отдыхает.

Сидоркин. Не все это осознают. Некоторые, наоборот, на работе выдержанные, а домой идут специально заводиться и других заводить. Я у вас дышу тишиной.

Калерия. Ну посидите, подышите тишиной.

Сидоркин. Вы, Калерия Ивановна, уважаете человека. Человеку это дорого. *(Разворачивает газету.)* Да. Дела в мире... Я счастлив за Костю, вы мне верите? — что вы ему, бесприютному, создали очаг. Чего, вам как будто нездоровится?

Калерия. Устала. Дежурство трудное было.

Сидоркин. Великое дело очаг, может быть — самое главное как для самочувствия, так и для поднятия производительности труда. Вот сейчас многие получают квартиры в новых домах, с отоплением и с ванной, но если в новой квартире они не сумеют создать очаг, то не поможет и ванна. Всё равно будут чувствовать себя как на базаре, хоть две ванны поставь им. Кто-то к вам идет, Калерия Ивановна.

Калерия. Откройте, пожалуйста.

Проходит мимо окна и входит в дом Брюнет из «Гастронома».

Брюнет. Олесов мне нужен.

Сидоркин. Нету его.

Брюнет. А она дома?

Сидоркин. Ну, дома...

Брюнет. Разрешите. *(Бойко вытирает ноги о половик.)*

Сидоркин *(в комнату, мрачно)*. Калерия Ивановна, вот это кто.

Брюнет *(входит в комнату)*. Мое почтение, Калерия Ивановна, очень рад. Мы с вами, можно сказать, давно знакомы, много раз виделись, даже беседовали, ха-ха, мы, работники торговли, со всеми беседуем в процессе работы — «получите ваши сто», «получите ваши двести», «ваш чек» и тому подобное. И нас все знают в лицо, и вообще в этом поселке все друг друга знают, всё друг о друге знают, с ума сойти можно, задохнуться можно, лично я уже задохнулся, искренно говорю! Почему это в больших городах совершенно другая атмосфера, почему там дышится легко, Калерия Ивановна, как ваше мнение? Потому что когда вы там идете по улице, то кругом незнакомые, вас никто не знает и вы никого не знаете, им на вас плевать и вам на них плевать! Разрешите, я сяду. *(Садится.)* Это, между нами, удача, это мне повезло, что Константина Николаича нет дома, с ним я, искренно

говорю, чувствовал бы себя не очень,— хотя, казалось бы, почему бы, ведь они уже де-факто были врозь, когда, [redacted] так далее,— это уж моя щекотливость, исключительно моя щекотливость, но мне несравненно легче говорить об этих тяжелых вещах не с Константином Николаичем, [redacted] с другим лицом, тем более с таким лицом... Калерия Ивановна,— неприятное происшествие. Вчера вечером этот негодяй Толька смылся в неизвестном направлении. Вы понимаете, до чего доходит это своеволие, эта разнузданность?! Мальчишка смеет диктовать матери! Калерия Ивановна, вы не поверите, он ей ультиматумы ставил: или я, или он! Можете себе представить?! Я был вне себя! Искренно говорю! А с ней что делалось!.. И если б я его когда-нибудь хоть пальцем... Хоть прикрикнул бы как следует... Так нет же! Никогда! Исключительно доброе они от меня видели, исключительно подарки и заигрыванья, то на билет [redacted] кино, то безразмерные носки, я же их застал в такой заброшенности, что...

Калерия. Вчера вечером?

Брюнет. Вернее сказать, уже ночью. Мы думали — он в кино, спохватились утром.

Калерия. Почему — смылся? У товарища мог заночевать.

Брюнет. Записка — уезжаю, не ищите. Сел чаю стакан выпить, смотрю — записка под сахарницей.

Калерия. Не доказательство. Может, пугает просто. Выяснить надо.

Брюнет. Я выяснял, Калерия Ивановна, как же, сразу кинулся в гараж — он в гараже работал, вы знаете или нет... Никто не в курсе. Не вышел на работу, и все. Вы бы видели несчастную мать. Буквально сходит с ума. Я ей говорю — наплюй, пусть как хочет, тебе же легче, он же тебя в грош не ставил! Еще хуже психует. А я? Мне надо это все, как ваше мнение?

Калерия. А сестра не знает?

Брюнет. И сестра не знает. У него и с ней было врозь. Малосимпатичные дети, искренно говорю.

Калерия. И никакого намека, указания?

Брюнет. Из этой дыры один-единственный ходит поезд до станции Кучкино,— поехал на Южный берег Крыма или на Северный Полюс, все равно этим кучкинским поездом, которым, к слову сказать, [redacted] я уезжаю сегодня вечером. И надо мне всю эту мороку, когда самому уезжать и от хлопот голова опухла?

Сидоркин. В командировку?

Брюнет. Не совсем. Направление получил — учиться. [redacted] наше время нельзя быть полезным, не повышая уровень. Хоть будь твой уровень не ниже какого-нибудь инженера или профессора, [redacted] ты его еще повышай. Как вы полагаете, Калерия Ивановна, сколько мне лет?

Калерия. Не имею никакого понятия.

Брюнет. Не совсем уже мальчик, ха-ха, но еще в том возрасте, когда самоуспокаиваться нельзя, преступно, перед собой [redacted] перед обществом преступно! Я чувствую, Калерия Ивановна, что я уже созрел для ответственной деятельности, [redacted] мне говорят — [redacted] багаж твой? Ну что ж, годы позволяют, в мозгах, ха-ха, недостачи нет, чуть-чуть поучиться в большом городе, [redacted] столице одной из наших республик, и я — директор магазина, а здесь я что? Мое это дело — отпускать колбасу?

Калерия. Галина Михайловна едет с вами?

Брюнет (*Сидоркину*). Что значит женщина. Ставит вопрос на попа и глазом не моргнет. Неважно ей, какие у человека обстоятельства, что ему, например, в общежитии придется жить, как студенту...

Калерия. Поняла. Не едет. Вы об этом тоже хотели говорить с Константином Николаичем?

Брюнет. Калерия Ивановна, [redacted] с кем еще? С ним и с вами, с вами и с ним! Вы же ей единственные близкие люди, кто ее поддержит, если не вы? Можете себе представить, она отравиться обещает, ну что такое! Конечно, как правило, это просто так говорится, несерьезно,— а вдруг?! Чем черт не шутит, пылкая женщина, читает художественную литературу,— я сам, впрочем, любитель,— вдруг возьмет да преподнесет... Вы бы ее видели сегодня утром, когда я нашел записку этого мерзавца!

Калерия. Не трогайте мальчика, хватит. Вообще хватит. Все ясно на сто процентов. Прощайте.

Брюнет. Нет, Калерия Ивановна, вам не все ясно. Еще пара слов, тогда уже прощайте. Вы напрасно на меня смотрите, как будто я плевок какой-нибудь под вашими ногами, и из квартиры выставляете. Давайте-ка разберемся по справедливости, вот тогда будет ясно, кто плевок, [redacted] кто, наоборот, хороший человек. Я к ним пришел, когда они были кинуты на произвол судьбы, и я ее одел, я их кормил деликатесами, я на них большую часть моей зарплаты тратил, душу им отдавал — искренно говорю! — потому что, Калерия Ивановна, я обожал эту женщину! Некоторые мои товарищи считали, что она не стоит такого обожания,— их дело! Я — обожал! А стоила она или не

стоила, я не думал! Ни о чем не думал, дал свободу чувству, живем один раз, пока чувствуется — надо чувствовать, уверен, что и вы такого же мнения, как человек передовых взглядов! Теперь, конечно, вижу, что о многом следовало подумать, детей узнать, характер ее узнать, прислушаться к самому себе — прочно ли? надолго ли? — каюсь, надо было! Надо! Каюсь — увлекся!.. Но с другой стороны: ведь мы, люди передовых взглядов, за свободное чувство, Калерия Ивановна,— когда сердце говорит «да», и я говорю «да». А если сердце вдруг само, по своему усмотрению, без всякого моего нажима, вдруг оно скажет «нет», тогда что мне прикажете говорить? «Да» — когда оно говорит «нет»? А кому польза? Мне? Ей? Это как же, без всякой, значит, поэзии, в порядке, пардон, принудиловки? Лгать женщине, которую я обожал? Искренно говорю: допускаю, что много воли давал моему сердцу,— но что это значит? Что мне еще не встретилась на жизненном пути та, которая... Может, это и не бывает в молодости? Может, я еще не созрел для постоянства? Созрею в более солидных годах?..

Сидоркин. Вот что. Мне уходить — пошли вместе. Пошли, пошли!

Брюнет. Да вот, собственно, и всё. Вот теперь прощайте, Калерия Ивановна. Вы же, так я понял, за ней присмотрите, побеспокоитесь, не бросите одну? Так я вас понял. Искренно благодарен. И вам, и Константину Николаичу. Уезжаю с меньшей тяжестью на душе. Жаль ее, бедную. Еще раз — мое почтение, наилучшие пожелания! *(Выходит с Сидоркиным в сени.)* Учтите, товарищ Сидоркин, вы свидетель.

Сидоркин. Чего свидетель?

Брюнет. Я их предупредил. Насчет Галины. Насчет ее угроз.

Сидоркин. Перестраховался, гад? *(Толчком выбрасывает Брюнета за порог и возвращается к Калерии.)* Опять за поясницу держитесь, заболела?

Калерия. А, черт его возьми, радикулит проклятый, я уж думала, он от меня отвязался... Вот, Сидоркин, век живи — век учись. Мыслишь и чувствуешь вроде широко, благородно, а придет сукин сын и повторит твои слова, и не знаешь, куда деваться от отвращения. Он же, в общем, насчет сердца правильно говорил, почему же отвращение?

Сидоркин. Наверно, не только в том дело, какие слова, а и в том, кто их скажет. Другому хорошие сло-

ва, Калерия Ивановна, и не к рылу. До чего ж немилосердна к Косте жизнь, ай-ай-ай. Крутит его и крутит, что ты скажешь.

На улице плачет Олесова.

Олесова. Так они со мной поступили. Это черствые эгоисты. Друг друга выживали. Не столько и счастья того было, как друг друга выживали. Обо мне ни один не думал, что у меня нервы вконец измотаны.

Олесов. Мы его, Галя, найдем. Человек не иголка, не может пропасть.

Олесова. Нет! Ничего уже не будет!

Олесов. Может, не сразу, но найдем, увидишь. Да и он не каменный же. Не выдержит, заскучает по тебе, пришлет весточку, а то и сам прилетит. Он тебя любит, как ты не поняла?

Олесова. О ком ты говоришь?

Олесов. О Толе.

Олесова. Не вынесу, не вынесу! Я тебя тут ждала, чтобы сказать: не вынесу, слышишь? Ребенок уехал... Ты живешь с этой фельдшерицей... Убийцы вы все!

Олесов. Не делай меня виноватым больше, чем я есть.

Олесова. Костя, ты вернешься, правда? Забудем, что было. Я одна, Костя!.. Ты вернешься, слышишь? Ты обязан! Ты не смеешь! Ты муж, не имеешь права жену бросать на позор! Я твоя жена, а не она!

Олесов. Что ты говоришь, зачем я тебе, ты же на развод подала!

Олесова. Ну так что, что подала. Подала и обратно возьму, а ты не имеешь права...

Олесов. Галя, не играй мной.

Олесова. Это вы играете! Смотрите — доиграетесь! Смотрите!.. Когда, значит, ты пьяный, ты, значит, с семьей... А трезвый — с фельдшерицей...

Олесов идет прочь.

А до семьи дела нет. Что ребенок сбежал — ему все равно. Что жена руки на себя наложит...

Олесов пришел домой. Его ждут Калерия и Ася — она отчужденно стоит у окна, в пальто и шапочке, всячески подчеркивая, что пришла по делу. В кухне курит Сидоркин. Все молчат.

Ася *(звонко и холодно)*. Вот и папа. Здравствуй, папа.

Олесов. Ася...

Ася. Я с известиями. Нехорошими.

Олесов. Я уже знаю. Мы найдем его, Ася. Я и маме сказал. Встретил ее сейчас на улице. Обязательно найдем, не военное время, как это не разыскать.

Ася. Я тоже считаю, что найдем. Но сейчас не в нем дело. Ему без нас не хуже, а лучше. Он парень грубый и псих немножко, но он неплохой. Не пропадет... Папа, маме очень плохо. *(Молчание.)* Ты не думай, она меня не посылала, я по своей инициативе пришла. *(Молчание.)* Ты вторую новость, не про Толю, тоже знаешь?

Олесов. Знаю все новости.

Ася. И что же дальше?

Олесов. А ты чего от меня ждешь? Что я, по-твоему, должен делать дальше?

Ася. Удивляюсь. Надо подсказывать? Ну, конечно, ты должен быть около нее. Единственное, что может поднять ее дух.

Олесов. Что поднять?

Ася. Ее достоинство.

Олесов. Ее достоинство — в том, чтобы я был около нее?

Ася. Так она говорит.

Олесов. В бреду говорит. В бреду, понимаешь? Она больна!

Ася. Тем более. Значит, нужно ее лечить. В такое время нельзя, извини меня, ограничиваться алиментами и утешениями издалека. Да и тебе, папка, тоже будет с нами отчасти лучше.

Олесов. Ты считаешь?

Ася. А помнишь, как ты планы строил — как ты вернешься к инструменту, про моторную память еще говорил, помнишь? И что же? Даже не пытаешься вернуться. Попробовал и бросил, эх ты. Чем угодно занимаешься, только не тем, чем надо.

Олесов. Я зарабатываю на кусок хлеба и на то, что ты называешь алиментами.

Ася. Я не виновата, что это так называется. Не понимаю, что обидного в этом названии. Я хочу сказать, у тебя такой характер — тебе полезно, чтобы напоминали о главном. Но сейчас даже это не главное! Даже твоя музыка! Главное — мама! Это преступление — оставить ее сейчас одну! Я говорю при Калерии Ивановне, потому что не хочу говорить исподтишка, у нее за спиной. Я говорю то, что могу сказать всему свету! Если вы настоящий человек, Калерия Ивановна, вы ему то же самое скажете. Прошлый раз вы мне показались настоящим человеком. Я к вам почувствовала такое уважение. Так в вас поверила. Не может быть, чтобы вы ему сказали — не иди к ней, пусть она одна...

Олесов. Сделай одолжение, обращайся ко мне, а не к Калерии Ивановне.

Сидоркин *(вдруг выходит из кухни)*. Да ты что? Ты что делаешь, ты понимаешь, на что ты замахнулась? Замахнулась, разрушить хочет! Не разобравшись, не поняв ничего своим умишком школьным! Ух, мастера замахиваться! *(Уходит, хлопнув дверью.)*

Ася *(нервно)*. Вот уж при чем тут Сидоркин, совершенно не понимаю.

Олесов. Сидоркин ни при чем. Что еще, Асенька?

Ася. Ты ее видел: ты видел, сколько у нее седых волос? *(Молчание.)* Ты всегда говорил, что виноват перед ней.

Олесов. Человек не может жить в ярме своей вины. Виноватому тоже нужно и покоя, и радости, хоть иногда. Иначе он перестает быть человеком.

Ася. Да?.. Тогда что ж... *(Застегивает пальто.)* Понимаешь, папа, сейчас не тот момент, чтобы сводить счеты. Если ты на нее сердишься...

Олесов. Господи, я свожу счеты!

Ася. До свиданья.

Олесов. Я буду приходить. Часто буду приходить.

Ася. Насколько я понимаю, эти визиты будут ее только раздражать.

Олесов. Я привычный — выдержу.

Ася. Очень великодушно с твоей стороны. Желаю тебе покоя и радости... безоблачной, без всякого ярма! *(Убегает.)*

Олесов *(после молчания)*. Она всегда за того, кому плохо. За меня точно так же сражалась.

Калерия. В конце концов — она там осталась одна за всех.

Олесов. Я каждый день у них буду бывать. Она окончит школу, уедет учиться, большая жизнь начнется, не на нас, старых грешниках, для нее свет сошелся клином.

Калерия. Но вот сейчас она придет домой, и какой там мрак. Когда люди друг друга мучают, не надо добавлять им мучений.

Олесов. Себе добавлять?

Калерия. Мы с тобой — сильнее.

Олесов. Гонишь меня во мрак?

Калерия. Девочка права.

Олесов. Нет!

Калерия. Когда жизнь немилосердна — мы должны быть милосердными.

Олесов. Какие-то не твои слова. Странно слушать.

Калерия. Разве я говорю — расстаться совсем? Я же не говорю, что совсем. *(Невольно вскрикнула и сжалась от боли, но тут же выпрямилась.)* А ко мне будешь приходить. Когда захочешь. Каждый день.

Олесов. В гости.

Калерия. Какая разница, по какому адресу числиться. Захочется — и придешь, и мне всегда будет праздник.

Олесов. А ты будешь загадывать, приду я или нет, и посматривать в окошечко.

Калерия *(дрожащими губами)*. И посматривать в окошечко.

Олесов. Отдохни, моя родная. Не принуждай себя. Я же вижу — больно, да? Ляг, поохай, легче будет. Ты что думаешь — не так дорога мне станешь, если поохаешь? Всегда дорогая. Навсегда. Ни к кому я не уйду. Распорядилась без хозяина. Ты же не хочешь, чтоб я — во мрак. Зачем же так, через силу? Не надо ничего через силу.

Сели рядом.

Ведь наше «навсегда» не такое бесконечное, как в юности. Не так уж много нам осталось этого «навсегда». Тем дороже...

Калерия. Тем дороже...

Олесов. Ну вот. А ты говоришь. Давай условимся. Что бы еще ни случилось...

Калерия. Хорошо.

Олесов. Как бы ни было муторно. Как бы эти сложности нас ни путали и ни пугали... да? Вместе, да? Жена моя. Любовь моя.

1964

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бакченин.
Шеметова.
Нюша, Алена — дочери Шеметовой.
Бабушка.
Дедушка.
Колосёнок.
Линевский.
Люся, официантка.
Иван Гаврилович, продавец книг и газет.
Славик, муж Люси.
Начальник аэропорта.
Тамара, служащая аэропорта.
Старушка в очках.
Начальник Линевского.
Арефьев.
Офицеры.
Мужчины и женщины, летящие в разные места.

1

На сцене здание аэровокзала, показанное в разрезе. Мы видим часть нижнего этажа и часть верхнего — выход на посадку, лестницу, пассажирский зал, газетно-книжный ларек, угол ресторана, закрытые двери служебных кабинетов с табличками и без табличек. На стенах щиты расписаний.

За громадными окнами кружит метель. Сплошное снежное кипение. Здание наполнено людьми. Они снуют от справочного к почтовому отделению, стоят в очереди в кабине телефона-автомата, сидят на скамьях и в креслах, собираются тревожно-озабоченными кучками. Среди пассажиров с отчужденным спокойствием проходят время от времени летчики и элегантные, подтянутые стюардессы.

Еще не смеркается, но горит электричество. Без него в здании было бы темно.

Радио. Внимание! Вылет самолета ИЛ-18, следующего рейсом шестьдесят два до Ташкента, задерживается. О времени отправки будет объявлено.

Старушка в очках. Поздравляю вас: еще один задерживается.

Люся *(сбегает по лестнице, заглядывает в кабинет Тамары)*. Тамаронька, детонька, дай мне позвонить по твоему телефону!

Тамара. Еще чего.

Люся. Золотко, мне одну минуточку, домой, Славику...

Тамара. Две копейки есть? Иди на автомат.

Люся. Там очередь жуткая.

Звонит телефон на столе.

Тамара. У телефона. Да, без перемен. Не могу сказать, обратитесь в справочное. Не могу сказать. Ну вы же видите, в конце концов, или вы не видите! *(Бросает трубку, и сейчас же новый звонок.)* У телефона.

Люся. Ой, господи! *(Бежит к автомату.)*

Радио. Внимание! Вылет самолета ИЛ-18, следующего рейсом тридцать два тридцать шесть по маршруту Свердловск — Пермь — Москва, задерживается. О времени отправки будет объявлено.

Старушка в очках. Поздравляю вас!

Люся. Ой, граждане, разрешите мне без очереди! Будьте так добры! Мне очень нужно! Пожалуйста!

В очереди.

— Можно подумать — нам не нужно.

— Если б нам не было нужно, мы бы не стояли, как вы думаете?

Люся. Я здесь работаю, вы можете понять? Я свое рабочее место бросила.

В очереди.

— Все, девушка, где-нибудь работают.

— Раз вы здесь работаете, у вас должен быть служебный телефон.

Люся. Ой, господи! *(Становится в конце хвоста.)*

Линевский *(в кабине)*. Это я. Ну как? Опять звонил? И что он сказал?

Женщина в очереди. Знала бы — дома бы лучше сидела, чем тут околачиваться неизвестно сколько.

Мужчина. Ну, знаете, это тоже рискованно. Вы будете сидеть дома, а он возьмет и улетит.

Женщина. Так вот же не улетает ничего.

Линевский *(в трубку)*. Ты ему скажи, что я слышать ни о чем не желаю! Скажи — никаких материалов! Ну и пусть увольняет, пусть со скандалом, пусть что хочет! Нет, еще не отправляют — ничего не говорят — ну да, сижу, а что мне делать?.. Ты ему скажи, слышишь, пусть катится, если бы не он, я бы еще утром был в Одессе!

Нарастающий грохот мотора.

В очереди.

— Еще один пришел.

— Приходить-то они приходят.

За метелью пронесся силуэт самолета, идущего на посадку.

Радио. Внимание! Прибыл самолет ТУ-104, следующий рейсом четыреста семьдесят пятым по маршруту Москва — Новосибирск.

В очереди.

— Москва — Новосибирск... Москва — Новосибирск...

Проходит начальник аэропорта.

— Начальник аэропорта! Начальник аэропорта!

— Товарищ начальник! Товарищ начальник!

Бросаются к нему.

Мужчина. Что там слышно, товарищ начальник?

Начальник *(бодро улыбаясь)*. Пока ничего не слышно.

Женщина. Скоро это кончится?

Начальник. Ведь недавно только началось.

Женщина. Это длится уже третий час! Если ие четвертый!

Начальник. Собственно, снегопад начался с ночи. Мы имели неблагоприятный прогноз. Но чтобы разразилась такая метель, служба погоды не предвидела.

Женщина. Они никогда ничего не предвидят! Или предвидят наоборот!

Начальник *(с полным самообладанием)*. Почему же, гражданка, наоборот. Осадки, повторяю, были предвидены. Не предвидено только количество. И не так уж вам здесь неуютно, верно? Мы, во всяком случае, приложим все старания, чтоб вам было уютно.

Женщина. Нам нужен не ваш уют, а нам нужно лететь!

Мужчина. Вот именно. У каждого свои дела.

Бакченин *(подходит, солидно)*. У меня, например, завтра утром доклад на коллегии министерства.

Начальник. Полетите, товарищи, все полетите.

Голоса. Но когда, когда?

Начальник. Когда будет можно.

Женщина. А если это продлится сутки?!

Начальник *(уходя)*. Стихийное бедствие, товарищи. Метель небывалая во всем мире. На обоих полушариях. *(Ушел.)*

Голоса.

— Что он сказал?

— Во всем мире, говорит, такое же.

— На обоих полушариях.

Линевский *(подбегает)*. А восемьдесят четвертый когда отправят, на Одессу,— не сказал?

Люся, воспользовавшись тем, что очередь рассыпалась, вошла в кабину.

Люся. Будьте так добры Славика. Ага, разбудите, пожалуйста. Славик? Славик, ты меня слышишь? Славик, я тебя разбудила, не сердись, потому что... Ну да, ты видишь... Славик, и насчет Виталика. Прогноз сообщили, что кончится неизвестно когда, может быть не скоро. Я до восьми, но когда домой доберусь, прямо не знаю, автобус, говорят, с трудом проходит... Когда Виталика заберешь, имей в виду, там между рамами бутылочка — это свежее, поставь бутылочку в теплую воду, ну ты знаешь, и покорми.

Радио. Внимание! Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу. Повторяю. Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу.

Мужчина. Какой-то Колосёнок потерял документы.

Женщина. Тут голову потеряешь, а не то что документы.

Очередь возвращается и выстраивается в прежнем порядке.

Люся. Попробуешь на язык, слышишь, чтоб разогрелось как следует. *(Кричит в трубку, прикрывшись ладонью.)* Ты меня хорошо слышишь? Холодное не давай. И горячее тоже. Да. Да. В шкафу на средней полке. И на веревке в коридоре. Славик, а ты как себя чувствуешь? Выспался? Не выспался? Ну ложись, спи дальше. Слава богу, что отдежурил, такая погода, ужас... Ну ладно, Славик, здесь народа много. Народа много! Ну хорошо. Ну пока. *(Выходит из кабины.)*

Женщина. Смотрите пожалуйста, она все-таки прорвалась без очереди!

Входят, отряхиваясь от снега, пассажиры только что прибывшего самолета Москва — Новосибирск. Среди них выделяется семья Шеметовых: моложавая мать, две дочери — двадцати четырех и восемнадцати лет, бабушка и дедушка. Их общая очень привлекательная черта — спокойствие, отсутствие суетливости, доброжелательная мягкость; от них как бы исходит тишина. Исключение представляет только Алена, младшая, но и в ней, при всей броскости ее полумальчишеского костюма и независимости поведения, отсутствует грубая шумность, и выходки ее благодаря врожденному обаянию воспринимаются с симпатией.

Алена. Ого! Довольно людно...

Бабушка. Хорошо бы присесть.

Нюша. Может быть, наверху свободней, я посмотрю.

Алена. Сейчас, бабушка, мы с Нюшей наверх смотаемся.

Бабушка. Мы все пойдем наверх. Здесь дует от двери.

Поднимаются на второй этаж. Дедушка останавливается на лестничной площадке у газетно-книжного ларька.

Дедушка. Все центральные, пожалуйста, и местную.

Иван Гаврилович *(подает газеты)*. Двадцать две копейки, товарищ академик.

Дедушка. Вы полагаете?..

Иван Гаврилович. В самом крайнем случае — член-корреспондент. Уж тут ошибки не будет.

Дедушка *(приподняв шапку)*. Желаю доброго здоровья.

Иван Гаврилович. Вам того же.

Семья вошла в верхний зал.

Шеметова. Разденьтесь, девочки, жарко.

Снимают пальто.

Интересно, сколько это может продлиться.

Бабушка *(садится в одно из двух свободных кресел у входа)*. Ничего не поделаешь, запасемся терпением. А где у нас пироги?

Шеметова. Нюша, пироги где?

Нюша. В багаже.

Бабушка. Ты их сдала в багаж?

Нюша. У нас все сдано в багаж.

Алена. Мы — голые люди на голой земле.

Бабушка. Садись, Оля, что ты стоишь?

Шеметова. Пусть дедушка с вами. Вон там еще свободно.

Она идет, садится в освободившееся кресло рядом с Бакчениным, читающим газету, и достает из сумки книгу. Внизу Линевский рвется в телефонную будку.

Линевский. Я не могу ждать! Мне необходимо!

В очереди.

— Безобразие! Бог знает что себе позволяет!

— Вы же только что говорили!

— Он три раза говорил!

— Я стою уже двадцать пять минут!

Линевский. У меня вопрос жизни и смерти!

В очереди. Может быть, у всех жизни и смерти, почем вы знаете!

Линевский. У меня в буквальном смысле слова! *(Дрожащими пальцами сует монету в автомат.)* Это я. Это я! Я! Ну что? Он звонил? Ты ему сказала? Громче! Не слышу! Громче!

Дедушка *(сел рядом с бабушкой и развернул газету)*. Если бы мои дамы прислушались к моему совету, мы бы ехали сейчас и ехали.

Бабушка. Ехали бы и ехали сорок восемь часов.

Дедушка. Но мои эмансипированные дамы, по обыкновению, не прислушались.

Бабушка. Наверняка на железной дороге то же самое. Наверняка заносы. Уж лучше тут посидеть, в тепле и цивилизации, чем гудеть в чистом поле.

Алена. Вообрази, дедушка, как это грустно — гудеть в чистом поле.

Дедушка. Зато из поезда видишь страну, а не только облачную вату.

Бабушка. А я слышать не могу о поездах, когда существуют ИЛы и ТУ. Когда я трясусь в поезде, а кто-то летит со скоростью тысяча километров в час, я себя чувствую скифом.

Алена. Вот видишь, дедушка. Каково бабушке чувствовать себя скифом.

Бабушка. Пошла отсюда!.. *(Дедушке.)* Поездом надо было выезжать в воскресенье, чтобы успеть. А ты только вчера в обед сказал, что освободился и можешь ехать. Будь элементарно справедлив, дорогой.

Алена. Пошли, Нюша. Купим книжек, посмотрим, кто тут есть...

Радио. Внимание! Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу. Повторяю. Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу.

Колосёнок, пивший в ресторане пиво, схватывается за карманы и выбегает.

Дедушка. Колосёнок. Белорусская фамилия.

Бабушка. В нашей молодости мы не знали такого сервиса. Теряешь документы, и тут же их тебе возвращают.

Дедушка *(занялся газетой)*. Да, это удобно.

Алена *(идя с Нюшей)*. Ни одного лица, которое захотелось бы взять с собой на другую планету.

Останавливаются у ларька с книгами.

Поэзия есть?

Иван Гаврилович. Чего-чего, а поэзии сколько угодно. Вам кого?

Алена *(пресыщенно)*. Да не знаю...

Иван Гаврилович. Вот новый имеется, только что вышел — Елистратов. Сабинина Ариадна. Саломатов. Самых модных у нас не бывает, не дают нам.

Появляется радостно взбудораженный Колосёнок.

Алена. Бог с ними, с модными. Надоели. Я беру Ариадну и Елистратова с Саломатовым.

Колосёнок. Почитать чего-нибудь дайте... Вообразите: потерял документы и даже не знал! Сижу в ресторане, пью пиво... Вдруг слышу! Хватаюсь за карман — ничего! Ни паспорта, ни служебного удостоверения, ни командировочного! Один посадочный талон! Хорош бы я был, полетел безо всего...

Алена. Ну, лететь вам, видимо, не так скоро.

Иван Гаврилович. Вы гражданин Колосёнок? Вас тут целый час по радио выкликали.

Колосёнок. Да вот, говорят! А я сижу пью пиво! Замечтался! А кругом ведь не знает никто, что я Колосёнок! Пока наконец дошло до сознания! Смотрю — ни паспорта, ни служебного, ни командировочного...

Алена. Милая фамилия Колосёнок, правда, Нюша?

Нюша отвернулась, перебирает книги.

Колосёнок. Находите — ничего фамилия?

Алена. Очень! Если б, например, она была напечатана на этой обложке: восемьдесят процентов успеха! «Вы читали стихи Колосёнка?» Прелесть! А то — Елистратов. Тоска.

Колосёнок. Стихов я, к сожалению, не пишу.

Алена. Но — любите?

Колосёнок. Кто же в наши дни их не любит?

Алена. И умеете читать? Вслух.

Колосёнок. Вот не пробовал. Ну в школе, ясно. Когда задавали. Меня в прошлом году приглашали в самодеятельность, там рольку одну сыграть, но я...

Алена. Я купила стихи какой-то Ариадны. Имя демоническое. Посмотрим, что она сочинила. Вам нравится Иннокентий Анненский?

Колосёнок. Кто это?

Алена. Был такой поэт на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий.

Колосёнок. А!

Алена. Он был директор гимназии, между прочим.

Колосёнок. Да?

Алена. Странное сочетание, правда? Директор гимназии — и вдруг поэт. Я вам прочту его стихи, если хотите. А пока почитаем эту Ариадну. Нюша, ты скоро?

Нюша *(тихо)*. Неужели хоть тут нельзя!..

Алена. Нюшечка, ты посмотри, какой он приличный, милый... И мы же обречены ждать, ждать...

Нюша. Хотя бы ради стариков.

Алена. Да старикам до лампочки. Это ты у нас чувствительная ко всякой ерунде. Ну не надо дуться. Ну я тебя прошу. Ну ты моя радость. *(Колосёнку, с улыбкой.)* Пошли!

Колосёнок тащится за нею.

Люся *(выходит из ресторана)*. Ой, Иван Гаврилыч, что творится...

Иван Гаврилович. Метель как метель.

Люся. Я таких метелей и не помню.

Иван Гаврилович. Я еще хуже помню. Пометет и перестанет.

Люся. У нас уже яиц не осталось на омлеты. И сосиски кончаются.

Иван Гаврилович. Газеты тоже расхватали. Журналы — вот, все. Уже «Науку и религию» берут.

Люся. Говорят, автобусы почти не ходят. Как я домой доберусь? И смена, возможно, не придет нам.

Иван Гаврилович. Пойдут автобусы.

Люся. Когда, вопрос. Вам, Иван Гаврилыч, все равно. Вас никто не ждет.

Иван Гаврилович. Почему? Старуха ждет.

Люся. Жена — это разница. Прямо я работаю, и прямо руки не свои, боюсь поднос уронить. Оставила бутылочку между рамами и так спокойно из дому поехала, и в мыслях не было... Если автобус станет, я пешком пойду.

Иван Гаврилович. Ну и дура. Пешком она пойдет. И заметет тебя, дуру, а ребенка сиротой пустишь?

Линевский *(садится возле дедушки)*. Ужасно! *(Раскачивается, взявшись за голову.)*

Дедушка. Позвольте спросить, может быть, я чем-нибудь...

Линевский *(смутно)*. Что?

Дедушка. Могу быть полезным?

Линевский. Вы можете сделать, чтобы эта проклятая метель утихла? Сегодня в пять часов в Одессе опускают в могилу мою мать. Я лечу, рискуя быть уволенным с работы, потому что этот дуб ни перед чем не остановится, когда дело касается его амбиции,— в сущности, можете уже считать меня уволенным,— я лечу, и вместо того, чтоб быть в Одессе, я сижу тут — зачем? почему? что за бред? — в пятнадцати километрах от моей работы, от моей квартиры, и ни туда, ни сюда!

Дедушка. Я не хочу вас расстраивать еще больше, но если реально смотреть на вещи — возможно, вам и не удастся к пяти часам попасть в Одессу.

Линевский. К пяти? В пять погребение. Мне надо быть в Одессе в половине четвертого, чтобы поспеть на кладбище, максимум в четыре, брат сидит там на аэродроме с машиной и ждет меня! Он сидит там, я сижу тут, и в пять ее похоронят без нас!

Дедушка. Вот почему я сторонник железной дороги.

Линевский. Я хотел поездом! Хотел! Хотел!! У меня уже билет был!! Но он же волынил, давил мне на психику, не разрешал, пока я не дам ему материал для доклада! Материал! Для доклада!! Когда умер отец, нас у нее осталось шесть душ, представляете, вот такие, один за другим, как диаграмма... Всех воспитала, всю кровь нам отдала... Я спорил с ним, умолял, действовал через общественность,— вижу, наконец, остается один-единственный

самолет... Главное, что невыносимо,— вы думаете, это такая срочность, этот материал? Вы думаете, он сам, болван, не мучается от своего упрямства?! Он ждал бы хладнокровно еще пять дней... неделю! — но он сболтнул, и теперь ему вожжа под хвост... Он мучается, я мучаюсь, общественность мучается... это жизнь?!

Дедушка. Принимая во внимание, как сложились обстоятельства,— в Одессу, боюсь, нечего и думать успеть к четырем,— может быть, вам есть смысл вернуться? Возобновить нормальные отношения. Вылить, так сказать, масло на бушующие волны. Горе есть горе, еще бы! Но если вы все равно опоздали? Очень трудно, вы знаете, работать, когда...

Линевский. Нет, этого он не дождется! Чтобы в час ее похорон я к нему притащился с повинной?! Не выйдет!! Я ему покажу, что я тоже... мне тоже... И почему вы уверены, что не успеть? Вдруг сейчас объявят, что мы летим? Ведь каждую минуту могут объявить. Каждую минуту!

Дедушка (*почти виновато*). Но метель метет...

Бабушка. Вы правы. Вот-вот могут объявить.

Линевский. Вы тоже думаете?.. Знаете, какой самый большой парадокс? Мы с ним учились вместе. Со студенческих лет на «ты». Был парень как парень, даже душевный. И вдруг что-то с ним сделалось. Как подменили!

Бабушка. Уволить вас он не может, пустые угрозы. Нет такого закона.

Линевский. Вы не знаете, что это за тип! Для него законы не писаны!

Бабушка. Ну, как это так. Для всех писаны. И гражданские законы, и законы совести писаны для всех.

Линевский. А, черт с ним. Уволит, не уволит. Мне лишь бы в Одессу к четырем.

Алена (*рассказывает Колосёнку, устроившись на подоконнике; неподалеку Нюша с журналом*). Мы летим к нашему папе. У нас папа чудный, воплощение изящного ума и изящной иронии, я его обожаю! Он в Новосибирске, в академгородке, вы, наверно, слышали. Он то там, то в Москве, а мы к нему летаем, то мама, то я, то сестра, главным образом мама, конечно; и в каникулы, и просто так иногда, вечно кто-нибудь улетает или прилетает, даже его любимый пирог с капустой возим ему из Москвы по воздуху. Когда кончу университет, тоже поеду в Новосибирск работать, восхитительно будем существовать там с папой.

Колосёнок. А родные ваши ничего не будут иметь против?

Алена. У нас не принято друг друга угнетать. У нас каждый живет как хочет.

Колосёнок. И скоро вы кончите университет?

Алена. Мне нравятся те места. Сочетание традиции и первозданности. Ощущение размаха, свистит в ушах! А сейчас мы летим всем колхозом, с бабушкой и дедушкой, по особому случаю...

Бабушка (*Линевскому*). Ну, наш случай скромный. Сегодня день рождения нашего сына, он работает сейчас в Новосибирске. Мы привыкли быть с ним в этот день, и мы, и его жена, и обе их девочки, теперь уже взрослые...

Дедушка. Человек в таком состоянии. Он тебя даже не слышит.

Бабушка. Он слышит голос, обращенный к нему. Это лучше, чем оставлять его одного в таком состоянии. (*Линевскому*). У нас он, к сожалению, единственный. Все было сосредоточено на нем — привязанность, надежды... Сейчас я могла бы спокойно закрыть глаза, он окружен любящей, дружной семьей. Семья — великое дело. Видишь воочию, как жизнь передается из поколения в поколение...

Старушка в очках (*подходя, зловеще*). Поздравляю вас: автобус уже не ходит.

Линевский (*вскочил*). Я пойду позвоню домой...

Кружит метель. Смеркается.

Алена (*Колосёнку*). Мы летели над облаками, там было такое голубое, голубое солнце, прямо необыкновенно голубое, мы и не подозревали, что делается на земле. Как вдруг объявляют посадку в совершенно неожиданном месте. Пробиваем облака, и вдруг мрак кругом, и что-то клубится серое, серое...

Колосёнок. А не точнее ли будет сказать, что голубое было небо, а солнце было обыкновенное, солнце как солнце, и метель не серая, а обыкновенная белая?

Алена. Честное слово, солнце голубое, а метель серая,— клянусь! (*Показывает на окно, за которым заметно стемнело.*) Ну разве не серая?.. А Анатолий — я вас не могу называть. Чудовищно торжественно. Что-то древнеримское. Вроде — Капитолий.

Колосёнок. Называйте — Толя. Мне очень приятно.

Алена. Толя, Толечка... Вы в самом деле, Толечка, ни одного стихотворения не знаете?

Колосёнок. Ей-богу. Исключительно басни Крылова. Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться. Однажды лебедь, рак да щука. Какой-то повар-грамотей с поварни забежал своей...

Алена. Я буду читать стихи. Вам известно, что стихи, как и музыку, нельзя перебивать?

Колосёнок. Я ни за что не буду перебивать!

Алена. Вот:

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
Хуже томительной боли,
Хуже, чем белые ночи,
Кожу они искололи,
Кости мои измололи,
Выжгли без пламени очи...

Бакченин видит Шеметову.

Бакченин. Оля?

Шеметова вздрагивает и смотрит на него.

Алена.

Снами, где я расставанья
Даже подобья не знаю...

Бакченин. Оля, ты?

Алена.

Снами, где я расставанье
С жизнью порой начинаю...

Шеметова. Здравствуйте, Сергей Георгиевич.

Бакченин. Боже мой, Оля! Сколько лет, сколько зим! Смотришь... Старый хрен, да?

Шеметова. Это сильно сказано. Разумеется, постарели оба.

Бакченин. Ты-то молодая, красивая. Даже еще лучше стала. Правда! Я ведь тебя никогда не видел так одетой. Всегда видел в гимнастерке. Молодая, вся новая,— это прекрасно! Ты всегда была прекрасной!

Шеметова. Будем на «вы», пожалуйста. Что касается молодости, то моей старшей дочери двадцать четыре года. У меня могли бы уже быть внуки.

Бакченин. Вы говорите — старшая, значит...

Шеметова. Есть и младшая. Две их у меня. У вас есть дети?

Бакченин. Да как сказать. И есть они, и нет. Двум бывшим женам на двух детишек плачу алименты.

Шеметова. Вы разошлись с первой... с Ниной?

Бакченин. Нет. Нина — Нина умерла.

Шеметова. Давно?

Бакченин. Давно. В общем, нескладно у меня в личном отношении получилось. Потери, разлуки, разочарования... Дети растут на стороне — по сути дела чужие; нет у меня с ними душевной спайки, кто-то другой им ближе и родней. Живу бобылем...

Шеметова. Ну, это дело поправимое, я думаю.

Бакченин. Понимаешь — уже не так просто.

Шеметова. На «вы».

Бакченин. Устал, не хочется даже думать, что опять появится в доме ненужный какой-то человек и что-то будет говорить, требовать внимания к себе. В молодости туда-сюда, и когда старость подходит... Уж лучше бобылем. А ты?

Шеметова. У меня семья.

Бакченин. Все та же?

Шеметова. Да.

Бакченин. Так и не развелась?

Шеметова. Нет.

Бакченин. И что же, счастлива?

Шеметова. Да.

Бакченин. А старики живы?

Шеметова. Вон они сидят. Вон — у входа пожилая чета. И дочки здесь где-то.

Бакченин. Полный кворум?

Шеметова. Кроме мужа. Мы летим к нему на день рождения.

Бакченин. Ты прочно обосновалась.

Шеметова. «Вы». «Вы».

Бакченин. Вы обосновались прочно. А я прихожу домой — поздно вечером,— отпираю дверь ключом — ни души. Дворничиха чего-нибудь в холодильнике оставила, что ей заблагорассудилось, колбасы какой-нибудь,—ставлю чайник, сажусь один чай пить...

Шеметова *(с мимолетной улыбкой)*. Когда-то вы любили шашлык.

Бакченин. Шашлыки есть в ресторане... Вот так сижу, радио слушаю, и голоса вокруг меня только из эфира, да по телефону позвонит кто-нибудь...

Шеметова. Слушайте, но это же мужской рай! Воображаю, сколько мужчин вам завидует.

Бакченин. А что ты думаешь, завидуют некоторые. Я марку держу: бедные вы, говорю, вот я живу — как бог! Но тебе скажу откровенно: нехорошо так жить. Не по-человечески. Холодно... Это не твои дочки — там, у окна?

Шеметова. Мои.

Бакченин. Видишь, я угадал. Очень видно, что твои.

Шеметова. Кто же вы теперь, Сергей Георгиевич, чем заняты в жизни?

Бакченин. Я занят наукой, хорошей наукой, химией, на одном из крупнейших наших химических предприятий заведую лабораторией, в будущем году буду защищать докторскую. А ты?

Шеметова. Преподаю на курсах иностранных языков.

Алена *(Колосёнку)*. Ну как вам Анненский?

Колосёнок. Он был директор гимназии?

Алена. А что?

Колосёнок. Понятно, почему в начале века гимназисты стрелялись. Если сами директора писали такие стихи...

Алена. Смерть — это тема, которая всегда волновала поэтов. Особенно с тех пор, как человек перестал веровать в свое личное бессмертие.

Колосёнок. Я считал, что их больше волнует любовь.

Алена. Это же взаимосвязано: любовь, бессмертие... Омара Хайяма тоже не знаете?

Колосёнок. Кто это?

Алена. Математик, астроном, философ и удивительный поэт.

Колосёнок. Он жив?

Алена. Умер восемьсот пятьдесят лет назад.

Ты опьянел — и радуйся, Хайям.
Ты полюбил — и радуйся, Хайям.
Придет Ничто, прикончит эти бредни,
Еще ты жив — и радуйся, Хайям.

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили,
И в темный ящик сунут на покой.

Дедушка. Как тихо. Словно мы не на аэродроме, а в аквариуме.

Бабушка. Никого не отправляют и не принимают. Наш самолет был последний.

Дедушка. Странное ощущение — парализованности.

Бабушка. Пассивности.

Дедушка. Какого-то незаконного отпуска. Словно тебя ни с того ни с сего вынули из жизни.

Бабушка. Читай газетку.

Дедушка. Оля беседует очень серьезно. Кажется, это не новое знакомство.

Бабушка. Меня интересует Алена. У нее знакомство несомненно новое. *(Делает знаки, подзывая Нюшу.)*

Алена.

Не станет нас. А миру хоть бы что.
Исчезнет след. А миру хоть бы что.
Нас не было, а он сиял и будет.
Исчезнем мы. А миру хоть бы что.

Каких я только губ не целовал,
Каких я только радостей не знал!
И все ушло. Какой-то сон бесплотный
Все то, что я так жадно целовал.

Нюша подходит к бабушке.

Бабушка. Нюша, кто там с Аленой?

Нюша. Колосёнок.

Бабушка. Это который потерял документы?.. Она ему стихи читает?

Нюша. О смерти. Подряд. Он сначала протестовал, а сейчас уже не трепыхается.

Бабушка. Не стоило бы так бросаться в глаза. На нее смотрят... Я тебя позвала зачем: если мы застрянем до завтра, не мешает хоть чокнуться за папу.

Нюша. Ну что ж. В ресторанчике. Шампанское?

Бабушка. Если оно тут есть. Узнай. На всякий случай. Конечно, мы еще двадцать раз можем улететь...

Нюша. Я узнаю. *(Уходит.)*

Алена.

Из края в край мы держим к смерти путь,
Из края смерти нам не повернуть.
Смотри же, в здешнем караван-сарае
Своей любви случайной не забудь.

Люся *(выбегает из ресторана)*. Слышали, Иван Гав-

рилыч, автобус не ходит! *(Сбегает по лестнице; к Тамаре:)* Тамара, автобус стал! Я позвоню!

Тамара. На автомат!

Люся. Почему ты такая вредная! Ну почему в тебе столько зла!

Тамара. На автомат!

Люся. Почему ты не можешь быть к людям милосердной, когда стихийное бедствие? Как мы теперь с Виталиком?

Тамара. Виталик, Виталик! Не помрет твой Виталик! Покричит, подумаешь... *(Плачет.)* Меня... меня на сегодняшний вечер в театр пригласили!

Люся. Тамарка!.. Кто пригласил?

Тамара. Лейтенант один.

Люся. Гриша?

Тамара. Нет, ты не знаешь. С Гришей — все.

Люся. Ты подумай...

Тамара. Теперь с другим с кем-нибудь по этим билетам пойдет. И не звонит. Хоть бы позвонил, сожаление выразил.

Люся. Надо же!

Тамара *(сморкается)*. Такое мое везенье. Всю жизнь так. А Гришка подонок оказался первой марки... Звони.

Люся *(поднимает трубку)*. Чего-то гудка нет.

Тамара. Ну да?

Люся. Тамара, он не работает.

Линевский *(в телефонной кабине старается оживить отказавший автомат)*. А, черт! Алло! *(Дует в трубку.)* Алло! Алло! *(Выходит из кабины.)* Не работает. *(Идет вдоль очереди.)* Не работает. Не работает.

Люся *(поднялась наверх)*. И телефон не работает. Вот оно, Иван Гаврилыч. Вот теперь как знаешь.

Иван Гаврилович. Ну, а что телефон? По телефону ты его не накормишь.

Люся. Все-таки легче, когда связь. А сейчас как будто между мной и ими такое расстояние, как до луны.

Иван Гаврилович. Ты ж какое-то там питание обеспечила.

Люся. На вечер. А ночью?

Иван Гаврилович. До ночи далеко. В самом крайнем случае, ну — сварит ему твой Славик какую-нибудь кашу.

Люся. Вы не понимаете, что вы говорите.

Иван Гаврилович. Очень даже понимаю. Сам варил.

Люся. С ума сойти, и только.

Нюша *(Люсе)*. Будьте добры. У вас есть шампанское?

Люся. Какое смотря. Сладкое?

Нюша. Полусухое.

Люся. Насчет полусухого спрошу. *(Уходит в ресторан.)*

Линевский *(поднялся наверх)*. Не работает.

Иван Гаврилович. Кто?

Линевский *(сомнамбулически)*. Телефон. *(Уходит в зал.)*

Иван Гаврилович. Все расстраиваются. Женщина о ребенке беспокоится, ребенок в городе, она тут, ничего такого особенного, чтоб так уж беспокоиться, перетерпит мальчонка, но, знаете, кормящая мать.

Нюша. А далеко до города?

Иван Гаврилович. Докуда считать. До центра пятнадцать километров.

Нюша. А мы тут с шампанским.

Иван Гаврилович. Ну, это что ж. Это ее служба.

Люся *(возвращается)*. Вам одну бутылку полусухого?

Нюша. Две. И фрукты.

Люся. На сколько персон накрывать?

Нюша. На пятерых, будьте добры. Только мы не сейчас хотели бы, попозже.

Люся. Так и скажите.

Нюша. А сейчас — коктейль какой-нибудь я могу выпить?

Люся. Коктейлей у нас не бывает. Фруктовая вода.

Нюша. Ну, фруктовой воды. *(Присела к столику.)*

Люся приносит воду.

Кто же у вас дома с ребенком?

Люся. В данное время он в яслях. *(Отходит и возвращается.)* Потом муж его заберет. *(Отходит и возвращается снова — тема ее увлекает.)* Мы по очереди забираем, или муж, или я. Если уж оба на работе — тогда сосед, в одной квартире живем, пенсионер, отзывчивый старичок.

Нюша. Трудно.

Люся. То есть!.. Я так вам скажу: если б не ясли, во-первых, и сочувственные люди, во-вторых,— могли бы мы воспитывать Виталика? Никоим образом! Поженились молодыми, неустроенными, по общежитиям жили,— спасибо, комнату дали. Удачно вышло — пока в роддоме

была, муж ордер получил, так что мы с Виталиком из роддома прямо на новую квартиру поехали, а там уж и кроватка приготовлена, и ванночка, муж позаботился... Если б не так мне далеко от работы!

Нюша. Надо сменить работу.

Люся. Ну, это я себе не могу позволить, такую хорошую работу бросить. Меня сюда двоюродный брат устроил, летчик-испытатель. Да я уже привыкла к этим расстояниям. Это сегодня погода сумасшедшая. Хоть бы к ночи утихло, господи! Как подумаю — как он будет кричать! А добраться пешком, все говорят, и думать нечего...

Нюша. Вы счастливая женщина.

Люся. Вообще, знаете, несмотря на трудности...

Нюша. Вас такие серьезные, важные вещи окружают. Основоположные... Ребенок. Ванночка. Кроватка. Хороший муж... хороший?

Люся. Да ничего!

В верхнем зале. Бакченин и Шеметова.

Бакченин. Ваша дочь мне улыбается.

Шеметова. Не вам. Своему собеседнику.

Бакченин. Она смотрит на меня.

Шеметова. А улыбается ему. Через час объявит, что выходит за него замуж. Через два часа забудет об его существовании. Но пока что она занята только им.

Бакченин. Красивые у вас дочери.

Шеметова. Которая лучше?

Бакченин. Даже не скажешь. Обе. Но вы красивее. И двадцать лет назад были красивее, и теперь.

Шеметова. Как выяснилось на опыте, само по себе это ничего не приносит.

Бакченин. Прошлого не вернешь? Да, конечно. Но не знаю, как вы, а я согреваюсь, вспоминая. Озябну — и греться. У тебя, вероятно, настоящий домашний очаг...

Шеметова. Знаете, когда двое детей, и двое стариков, и работа, и очень занятой муж, которому надо помогать жить,— просто времени нет зябнуть. День начинается заботами и кончается заботами.

Бакченин. А у меня...

Шеметова. Да и у вас забот хватает, хоть вы и один.

Бакченин. У меня это рядом существует. Заботы, дела — а рядом ты. Стоишь тихо, смотришь своими глазами. В гимнастерочке... Родная моя! Я тебя всю жизнь пронес в гимнастерочке. Ты ее выбросила?

Шеметова. Не помню.

Бакченин. Если разобраться — никого никогда больше и не было.

Шеметова. Сергей Георгиевич!

Бакченин. Нельзя? Ни к чему, да?

Шеметова. Вот именно. Бессмысленно.

Они разговаривают, как и до сих пор, не повышая голоса, на ровной интонации, без жестов.

Бакченин. А если необходимо сказать?

Шеметова. Уж так-таки. Мы зрелые люди.

Бакченин. Что значит — зрелые люди? Все в них, что ли, пришло к завершению и далее уже не может изменяться? Тогда это мертвецы. Я не хочу думать, что мы с тобой умерли.

Шеметова. Я серьезно прошу, говорите мне «вы».

Бакченин. Я стараюсь, стараюсь... Но я двадцать лет обращался к вам на «ты» — за час не переучишься... А вы в эти двадцать лет — почти двадцать, около девятнадцати мы в разлуке, да? — вы все-таки иногда со мной в мыслях разговаривали?

Шеметова. В первые годы.

Бакченин. А потом?

Шеметова. Потом вы отдалились. Ушли.

Бакченин. Совсем?

Шеметова. Да.

Бакченин. А вы ко мне, наоборот, приблизились. Вначале, после войны, засуетился я как-то... А сейчас, когда за полдень перевалило — давненько уже — и потребность чувствуешь оглядеться, оглянуться, осознать... Неужели тебе безразлично то, что было?

Шеметова. Ничего не было.

Бакченин. Даже так.

Шеметова. Твердо усвойте: не было ничего.

Бакченин. Что ты, Оля? Чего ты испугалась?

Шеметова. Прекратим.

Бакченин. Ничего не было? Так-таки ничего? В крематории сжигают — и то горсть пепла остается... Не помнишь наши первые встречи? Нашу последнюю встречу?

Шеметова. Фронтовой эпизод. Мало ли что случается с нашей сестрой. Да еще в войну.

Бакченин. Наши вечера не помнишь? И как я к тебе убегал из госпиталя? Не помнишь наше счастье? Наше отчаянье?..

Кружит метель.

2

Голос Бакченина. Неужели не помнишь?

Нет здания аэровокзала, сцена пуста и темина.
...Топится печурка. Это печурка в комнате, где живет Шеметова, в прифронтовом городке. Глухо доносится артиллерийская стрельба. Шепчет приглушеный репродуктор.
У печурки — молодая Шеметова в гимнастерке, в лейтенантских погонах, и молодой офицер Бакченин.

Бакченин. Никогда бы не подумал.

Шеметова. Вот, представьте.

Бакченин. Чтоб у такой женщины, как вы,— и не было счастья!.. Но вы его любили, да? Раньше. Сначала.

Шеметова. Да, конечно. Да, вероятно,— иначе как бы я шла за него? Он так все красиво обставил... Он это умеет, вся их семья умеет. Они знают, когда какой букет надо поднести, и какой праздник как праздновать, и когда что сказать, и кого как принять... Вообще, знают, как надо жить. А мне с ними почему-то — так сонно... чуждо...

Бакченин. А я считал, и другие считают, что вас где-то ждет очень дорогой человек.

Шеметова. Почему вы считали?

Бакченин. Ну — вы часто получаете письма.

Шеметова. Главным образом от родителей мужа. Сводки о здоровье моей дочки. Правда, муж тоже пишет аккуратно.

Бакченин. Он где, вы говорили?

Шеметова. Пока еще в Казани. Видимо, вот-вот они вернутся в Москву.

Бакченин. На фронте не был?

Шеметова. Он ученый, у него бронь. Не усмехайтесь, пожалуйста, он действительно большой ученый, его под пули не пустят.

Бакченин. А вас пустили.

Шеметова. Ну, меня!.. Мне знаете что помогло — знание немецкого. Так по штабам с сорок третьего года...

Бакченин. И он не возражал?

Шеметова. Ну еще бы. Но если человек что-нибудь решил крепко... И у нас не принято давить друг на друга. Бурь, во всяком случае, не бывает. Даже ссоримся вполголоса, добропорядочно.

Бакченин. А дочка как же?

Шеметова. Она маленькая. Ей с бабушкой и дедушкой неплохо.

Бакченин. Скучаете все-таки?

Шеметова. Ну, господи!..

Бакченин. Дедушка и бабушка — это родители...

Шеметова. Мужа. Мои — умерли. Еще до войны... Удивительно!

Бакченин. Что вас удивляет?

Шеметова. Чуть не каждую ночь ходите смерть дразнить, и еще есть время и охота замечать, кто сколько получает писем...

Бакченин. А вы ничего такого не замечаете?

Шеметова. Я не хожу смерть дразнить. Вы языка доставляете, я перевожу — мое дело маленькое.

Бакченин. Эх, Ольга Васильевна, живой живое думает. Пока живы — что нам смерть?

Шеметова. Ненавижу вашу бесшабашность. Ненавижу! Эту отчаянность оголтелую... лихачество сверх всякой меры...

Бакченин. Сплошь да рядом, чтоб вы знали, выигрывает отчаянный, а осторожный пропадает. Не подразнив даже, как вы выражаетесь, в полное свое удовольствие.

Шеметова. Лезете к черту в зубы — из-за чего: из-за паршивого барана!

Бакченин. Ах, это нехорошо! Этого я от вас не ожидал! Вы забыли, какой был шашлык? Сплошная нежность была, не барашек, а неземное существо, косточки во рту таяли, вы же сами хвалили, а теперь говорите — паршивый баран, ай-ай-ай!

Шеметова. Из-за шашлыка врываться на вражью полосу под огонь...

Бакченин. Уж и огонь там. Построчил кто-то из автомата. Всё вам наврали.

Шеметова. Но я же серьезно. Это уже не храбрость, Сережа! Нелепость, безумие — так играть своей жизнью, когда конец завиднелся!

Бакченин. Какой конец?

Шеметова. Войне конец.

Бакченин. Когда ей конец, по-вашему?

Шеметова. Ну, может, полгода еще, от силы год.

Бакченин. Мы с вами можем знать, да? Когда началось, многие тоже говорили — от силы год. Я лично так считал... И что такое год? Величина в высшей степени относительная. И полгода относительная. И день.

И минута. Одна длина у мирного года, у военного другая, верно? Одна длина у минуты в Казани, другая — у разведчика на вражьей полосе... Так что «скоро конец» — это смотря для кого... А в общем, ерунда. Суждено так суждено. Чему быть, того не миновать. В нашем деле хочешь не хочешь — фаталистом становишься.

Шеметова. Глупо.

Бакченин. Совсем не так глупо и очень помогает. И как не быть фаталистом, вы подумайте. Жена меня в сорок первом провожала — я на нее рассердился даже: что ты, говорю, меня как мертвого оплакиваешь, я еще живой, слава богу! Да и вся семья чересчур как-то убивалась... И вот, пожалуйста: я до сих пор цел, а уж в каких переплетах приходится бывать, вы знаете,— а они, гражданские люди, которых я оставил в нормальной обстановке, в нормальной квартире в центре Ленинграда,— в первый же год! Все до одного!.. Кто это шутит, интересно? Почему не меня, бойца, призванного отдать жизнь? Почему их — непризванных... уж таких не бойцов, таких смирных людей... *(Помолчав.)* По справедливости — не должен я уцелеть. Иначе что же...

Шеметова. Как ее звали?

Бакченин. Нина.

Шеметова. Долго были вместе?

Бакченин. Год. Третий курс окончил — женился... Какая-то она была невезучая. То на гололедице упадет, расшибется, то у нее деньги в трамвае вытащат... Детство нескладное, без ласки, без красоты... С легкими неважно было, вообще никуда здоровье... Она говорила, что только со мной ей жизнь улыбнулась.

Шеметова. Ребенок был?

Бакченин. Нет, слава богу. Куда бы еще ребенок в блокаде. Хватит взрослых.

Шеметова. Как вы узнали?

Бакченин. Написали чужие люди. Вынули мои письма из ящика и написали, чтоб больше не писал — некому... Это к вопросу о том, что фатализм — глупость... что лихачить — нелепо... Эх! Все эти слова благоразумные!.. *(Смотрит на часы.)* Ну вот. Поболтали мы с вами. *(Встает.)*

Шеметова. Так рано?

Бакченин. Велено быть.

Шеметова. Разве и сегодня?

Бакченин. Явиться всем в двадцать ноль-ноль. А там на кого, как говорится, падет жребий...

Шеметова. Сережа!

В репродукторе позывные.

Бакченин. Приказ. *(Увеличивает громкость.)*

Они с Шеметовой ждут молча. Радио передает приказ Верховного главнокомандующего.

(Уменьшает громкость.) Вот так-то! А вы говорите! *(Надевает шинель.)*

Шеметова. Сережа. Все-таки. Я прошу.

Бакченин. Быть благоразумным? До свиданья, Ольга Васильевна. Спасибо.

Шеметова. До свиданья.

Бакченин *(у двери)*. Завтра можно прийти?

Шеметова. А как вы думаете?

Бакченин. В эту дверь войти, да, и сесть на эту табуретку, к этому огню, да?.. До свиданья.

Шеметова. Сережа!.. Сережа, я забыла сказать, я не успела дочитать ваш журнал, я вам отдам завтра...

Бакченин. До завтра. *(Уходит.)*

Шеметова стоит в открытой двери, смотрит вслед. Синяя лампочка горит на улице. Гремят в отдалении орудия. По радио опять звучат позывные, предваряющие новый приказ.

Голос Бакченина. Неужели не помнишь?

...Сцена пуста и светла, и из ее глубины идет Бакченин в госпитальном халате, широко раскинув руки, в которых он держит костыли.

Бакченин. Не обращай внимания, прошу тебя! Никаких костылей нет, одна видимость! Вот, пожалуйста! *(Бодро шагает, прихрамывая.)*

Шеметова *(бежит ему навстречу)*. Ну-ну-ну, не форси! Осторожно!

Бакченин. Я боялся, ты понимаешь, что без них буду идти к тебе чересчур медленно!

Шеметова. Да что за мальчишество, кому это нужно!

Бакченин. Мне нужно. Мне! Чтоб рядом с тобой быть изящным.

Шеметова. Дурачок... Ну покажись, какой ты. Сто лет не видела.

Бакченин. Этот старый черт такие завел порядки! По воскресеньям — и всё! Хоть ты сдохни перед ним!

Шеметова. Ты похудел.

Бакченин. Похудеешь. Экий жлоб! Я на него орал, пока мы не охрипли оба.

Шеметова. С ума сошел! На профессора! На генерала!

Бакченин. И ни в какую: «Только по воскресеньям!» А сегодня еще только среда!

Шеметова. Ты получил мою записку?

Бакченин. Да. Ты умница. А ты мою получила?

Шеметова. Ну ясно, раз я здесь!

Бакченин. Вы, говорит, курорт развели в прифронтовом госпитале... А кому вред, что ты ко мне ходила?! Я благодаря этому раньше времени на ноги стал! Какой он профессор, если не понимает!..

Шеметова. Ну не волнуйся. Ну не волнуйся. Ну бог с ним. Увиделись же.

Бакченин. Да, но не виделись трое суток — с какой стати, спрашивается?!

Шеметова. Самовольно небось удрал или отпустили?

Бакченин. Они отпустят, жди. Ничего, ограда пустяковая. Арефьев помог, я ему на спину стал. А потом он мне перебросил... *(Показывает на костыли.)*

Шеметова. Никто не видел?

Бакченин. Какие-то солдаты проходили. Будь здоров, говорят, желаем удачи.

Шеметова. Сережка. Тебя разоблачат и отправят в тыл. Что тогда будем делать?

Бакченин. Разоблачат, тогда и будем думать — что делать.

Шеметова. Тогда уже поздно. Нет, правда: ты не очень с ним задирайся. Я не могу, чтоб тебя отправили.

Бакченин. Не отправят. Мне уже выписываться на днях.

Шеметова. Как я без тебя? Я эти трое суток умирала... *(Плачет.)*

Бакченин. Вот, ей-богу. Сводка хорошая, погода хорошая, так я славно сорганизовал наше свидание, а ты... Вот он я, вот она ты, чего же плакать, ну?

Шеметова. И сама не знаю. От счастья. И теперь ведь тебя не смогут, правда, посылать в разведку? Не смогут, не смогут! И мы не будем каждый вечер прощаться навсегда!

Бакченин. Ненаглядная моя... Теперь я дорожку проложил. Через все заборы, через всех профессоров и генералов. Теперь жди меня к себе. Придешь из штаба, откроешь дверь,— а я тут как тут! *(Поцелуй.)* Если в тыл, Оля,— это уже по демобилизации.

Шеметова. Не говори о демобилизации.

Бакченин. Говорить не говорить — уже недалеко.

Шеметова. Когда я слышу это слово, мне гора представляется. Гора всяких сложностей. У, горища!

Бакченин. Опять-таки незачем переживать заранее.

Шеметова. Если б можно так: просто чтоб мы вместе и не надо разлучаться... и никому чтоб от этого не было боли...

Бакченин. Кому? Почему я обязан об этом беспокоиться? Я о нас с тобой хочу беспокоиться! А я не перенес боли? Дай бог, сколько мне ее выпало... И откуда известно, что ему так уж будет больно? Может, и не так уж!

Шеметова. Ты не знаешь, что такое для него ребенок. Он считает — семья должна существовать ради ребенка. Что бы ни было. У ребенка должны быть отец и мать, он говорит. Ну, и он... хорошо ко мне относится.

Бакченин. Ты ему написала?

Шеметова. Нет. Это прежде был разговор.

Бакченин. Вероятно, он не захочет отдавать ребенка.

Шеметова. На это я не пойду. Но когда представлю себе, как я буду забирать у них Нюшу!.. И теперь ведь разводиться через суд. Эти процедуры! Говорить о нем, о тебе...

Бакченин. Так нельзя, моя радость. Не желаю видеть твои самоистязания. Подумаешь, суд! Это же проформа. Ну, неприятная, согласен. А что поделаешь, если нам приходится прорываться друг к другу через колючки. Важно одно: чтоб ты меня любила. Я хочу, чтоб сегодня же вечером, когда ты придешь домой и откроешь свою дверь...

Голоса. Горько! Горько!

Горит огонь в камине. У камина Шеметова, Бакченин в новом кителе, Арефьев, еще несколько офицеров с кружками в руках.

Арефьев *(подняв кружку)*. Ну горько же людям!

Бакченин. Понимаешь, Оля, им горько. Надо их пожалеть. *(Целует Шеметову.)*

Офицеры. Ура!

Шеметова. Идиотизм! Какое горько?! Хотя бы вы, Арефьев, не поддавали тут жару. Еще когда [redacted] разведусь!

Бакченин. Тихо, тихо. Им нельзя ждать, пока ты разведешься. Кто-нибудь может не дождаться.

Дальние орудийные залпы.

Офицеры.
— Опять мы заговорили.
— Шагаем...
— А в Москве сейчас салют гремит [redacted] вашу честь.
— Почему не пьет молодая?

Шеметова. Да ведь гадость.

Офицеры.
— Ну как же это.
— Немножко.
— Спирт ничего.
— Глоточек.

Бакченин. Выпей. За нас.

Шеметова пьет.

Офицеры. Ура!

Гитара, песня.

Бакченин. Постойте. Постойте. Мои дорогие. Я хочу сказать слово. Маленькую речь. Можно, Оля, да? *(Вдруг задумался.)* Да, так [redacted] чем будет моя речь?

Офицеры.
— О любви! О любви!
— Ну чего ж ты, мы слушаем.
— Подсказать начало? Ну, давай. «Дорогие товарищи, боевые друзья!»

Арефьев. Ничего, Сережа. Это у тебя немота от переживаний. Ну — храбро.

Бакченин. Дорогие товарищи, да, я буду говорить о любви.

Офицеры. То-то. Правильно.

Бакченин. Но сначала хочу вам напомнить беспощадные черные ночи, ночи без любви, без надежды, без звезд, когда мы с вами идем дразнить смерть, [redacted] смерть выходит играть с нами [redacted] жмурки...

Один из офицеров. Стихами говорит...

Арефьев. Пусть говорит как хочет. У него счастье.

Другой офицер. А почему без надежды?

Третий. И звезды тоже видны, как правило...

Бакченин. Ночи, когда мы забываем, что есть на свете женская тишина, женская нежность... женская благословенная ласка... и что есть на это все наше святое человеческое право!.. Но вот настает утро, оно настает наперекор всему. Всходит солнце. И уползает смерть [redacted] свои траншеи. И мы идем домой, уцелевшие, и что же мы видим — над кровавой, вытоптанной землей утренний цветок раскрылся, такой свежий, такой новенький, что больно становится сердцу, и над этой крошечной чашечкой пчела дрожит, прилетела за медом, [redacted] в чашечке ей мед приготовлен! Я не знаю, как для вас. А для меня это всегда чудо, всегда. Я останавливаюсь, как дурак, над цветком [redacted] над пчелой, и [redacted] плачу. Дорогие друзья, я пью за цветок, за пчелу, за чудо жизни, за Олины глаза...

Шеметова берет его руку и целует.

Офицеры. Горько!

Гитара.

Голос Шеметовой. А это вы помните?

...Шеметова и Бакченин сидят на садовой скамье.

Шеметова. Значит, так.

Бакченин. Значит, так.

Шеметова. Даже не верится, что вместе поедем, вместе приедем, вместе по улицам, вместе [redacted] твой дом! Я уже устала от этих разных квартир, что я одна, ты с Арефьевым, видимся урывками, как будто мы тайные любовники... Теперь твой дом — и мой тоже. Мой дом меня ждет в Ленинграде. Мой родной дом...

Бакченин. Немножко беспокоюсь, как будет с пропиской. Пока мы не зарегистрированы официально.

Шеметова. А, господи. Сходим в милицию, объясним положение.

Бакченин. Могут и не прислушаться к нашим объяснениям.

Шеметова. Ну, не прислушаются, тогда и будем думать, что делать. Видишь, ты меня уже перевоспитал. Не хочу заранее переживать всякую ерунду. Подумаешь, прописка.

Бакченин. Не такая ерунда, как кажется. Это не армия, где все тебе по аттестату положено. Натопаемся по начальничкам.

Шеметова. Договорюсь о работе, оформлюсь, приберу комнату,— она, наверно, [redacted] кошмарном виде...

Бакченин. Да уж, могу себе представить. Начиная с того, что стекла выбиты, и достать — проблема.

Шеметова. Откуда ты знаешь, что выбиты?

Бакченин. По всему Ленинграду выбиты.

Шеметова. Ничего, достанем... И поеду за Нюшей. Чтобы сразу там все покончить, одним ударом. Меньше встреч — меньше тяжелых разговоров.

Бакченин. Ты ему так и не написала?

Шеметова. Нет. По почте — по-моему, знаешь, не очень порядочно. Вроде — из-за угла. Раз уж я все равно должна туда поехать. Лучше сказать. Лицом к лицу... И потом, они так трудно в Москву возвращались, свекор болел, свекровь замучилась, а тут бы еще это письмо мое...

Бакченин. Что ж, мудро.

Шеметова. Ты пойми правильно.

Бакченин. Я понимаю.

Шеметова. Ты правда не сердишься?

Бакченин. Правда не сержусь.

Шеметова. Знаешь, я думаю, мне удастся из Москвы привезти. Стекла. Без стекол Нюше никак нельзя, конечно.

Бакченин. Я бы сказал, что и нам не рекомендуется. Без стекол.

Шеметова. Мы-то пока уж как-нибудь...

Арефьев (*подходит*). Вы, счастливчики! Строите лучезарные планы?

Шеметова (*улыбается ему*). Мы, счастливчики, строим лучезарные планы.

Арефьев. Молодцы, ей-богу. А мне трубить. В Германию вроде бы прочат.

Бакченин. А что, интересно.

Арефьев. Может, оно и интересно. Но очень уж тянет до дому, до хаты. К своим. Как-то наладить, что война разладила.

Бакченин. И то верно.

Арефьев. Какие-то у меня последнее время желания сугубо штатские. До тоски. Выйти, например, рано утром на свое крылечко, кликнуть сынишку, дровишек с ним напилить...

Шеметова. Милые вы мои, милые. Мне совестно, страшно быть эгоисткой...

Арефьев. Но? Вы хотели сказать «но».

Шеметова. У меня война ничего не разладила. Мне она дала все на свете. Бывает же! Сережу дала.

Это ужасно, да, что́ я говорю? Имея в виду, что́ этому сопутствовало.

Арефьев. Почему ужасно? Вы же ни в чем не виноваты, в том, что́ сопутствовало. И в том, что у вас так сложилось. Вы ему явились, как награда и утешение... и будьте счастливы! Мой вам наказ.

Шеметова. А когда вы отслужите в Германии, вы к нам в гости выберетесь, да?

Арефьев. Спасибо.

Шеметова. Нет, правда. Мы вам всегда будем рады, да, Сережа? Нам будет что повспоминать с ним, верно?

Арефьев. А знаете, Оля, вы стали говорить похоже на него. (*Имитирует.*) «В гости выберетесь, да? Будет что повспоминать, верно?» Как Сережка, точно!

Шеметова. А что тут странного? Кто-то мне говорил, что, когда муж и жена очень долго живут вместе, они даже наружностью становятся похожи.

Арефьев (*тихо поет*). Ехал казак на вийноньку, сказал: прощай, дивчинонька! Прощай, дивчина, карие очи! Еду в чужую сторону́...

Шеметова. Ох! Не надо грустного. Я вас очень прошу. Всю войну грустное, грустное... Радоваться пришло время! Смеяться! Никаких больше «прощай», только «здравствуй», запомните, слышите?!

Голос Шеметовой. Это-то, уж конечно, помните. Не могли забыть.

...Бакченин ждет Шеметову у нее иа квартире. Он в состоянии иесвойственного ему угрюмого напряжеиия. Шеметова входит.

Шеметова. Сереженька! Ну, вот и все. На все четыре стороны. Цивильная гражданка. Теперь только забрать сухой паек на дорожку. Ты давно меня ждешь? (*Замечает его состояние.*) Что случилось?

Бакченин помогает ей снять портупею.

Неприятность?

Бакченин. Не знаю, как назвать.

Шеметова. Какая? Что такое? Не отпускают? Ну что? Что?

Бакченин. Оля...

Шеметова. Несчастье!

Бакченин. Не знаю, Оля.

Шеметова. Какое?

Бакченин. Я не вправе сказать — несчастье...

Шеметова. А что ж это?

Бакченин. У кого бы язык повернулся? Грешно, верно, сказать живому человеку — иди обратно в могилу?

Шеметова. Какому человеку?.. *(Садится.)* Скорей!

Бакченин. Письмо получил.

Шеметова. От Нины!

Бакченин. Она в Свердловске. По госпиталям два года с лишним. После бомбежки. Восстановили. Протез. Рука.

Шеметова сидит неподвижно.

Два года сплошных операций... И прежде-то была не ахти какого здоровья. Что-то находили с легкими. Я тебе говорил... Теперь инвалид. А остальные погибли. Все по очереди. Друг за другом. От голода. Вот почему, должно быть, мне написали, что она тоже... А ее вывезли в состоянии беспамятства, с тяжелыми увечьями. На улице бомба накрыла...

Стук в дверь.

Да!

Арефьев *(входит)*. Добрый вечер. Что, Оля, поздравить можно? Ауфвидерзеен? Цу хаузе, нах Ленинград? Поздравляю от души... Чего у вас — случилось что-нибудь? Поругались? Неужели уже поругались?

Бакченин. Арефьев. Погуляй иди. У нас тут...

Арефьев. Это никуда не годится, если с этих пор начнете ругаться. Нет уж, на это вам моего благословения нет. Сережа, ты за почтой заходил? Там тебе заказное было. Из Свердловска. Я хотел взять, она говорит — пусть сам придет, распишется. Ты зайди.

Бакченин. Я заходил, заходил.

Арефьев. Ну ладно, ребятишки. Приду, когда помиритесь. Ты мне только не обижай Олю. Смотри, какая она сидит. Не давайтесь ему, Оля, в обиду. Хорошенько его! Да вы крепкая, не дадитесь.

Бакченин. Слушай, да иди ты!!

Арефьев уходит. Молчание. Оно разрешается криком Шеметовой. Шеметова рыдает, упав головой в руки.

Голос Шеметовой. И вернулась я в Москву. В дом, с которым мысленно уже распрощалась.

...Шеметова с чемоданом, с шинелью через руку, в гимнастерке без погон, звонит у двери. Время позднее, ночь.

Бабушка *(из-за двери)*. Кто там?

Шеметова. Откройте, пожалуйста.

Бабушка *(смотрит через цепочку)*. Вам кого угодно?

Шеметова. Бабушка, это я.

Бабушка. Оля! *(Торопливо снимает цепочку.)* Оля, деточка! *(Схватывает, целует.)* Голубушка родная! Не узнала в этой форме... Как же ты, как же ты телеграмму не дала, мы и не встретили... Совсем? Или в отпуск?

Шеметова. Покажите Нюшу.

Бабушка. Сейчас, сейчас. Дай повешу. *(Берет шинель.)* Спит Нюша, лучше ей, слава богу. Теперь уж на поправку дело идет. А та неделя, по правде говоря, очень была тревожная. Хорошо — Мите удалось достать пенициллин. Сейчас все, все в порядке, не волнуйся.

Шеметова. Что было?

Бабушка. Ах, милая. Такую грозу пронесло. Двустороннее воспаление легких. Дура нянька вывела после гриппа без шарфика. Я отовариться поехала, а она, вообрази, без шарфика ее повела — такого ребенка слабого, который прямо на лету хватает болезни! Мало того — даже пальтишко не застегнула как следует!

Шеметова. Вы не писали, что она слабая.

Бабушка. Зачем же, Оля, мы будем писать. Когда ты ни приехать, ни помочь не в состоянии. Просто глупо терзать человека понапрасну. Хотя, если б Митя не достал пенициллина, я бы телеграфировала. Предел есть такой, за которым скрывать нельзя. Теперь могу тебе сказать, она за эти годы чем только не переболела. Без докторов и лекарств просто дня не живем.

Шеметова. Где она?

Бабушка. Ты, наверно, хочешь руки помыть с дороги.

Шеметова моет руки.

(Приносит чистое полотенце.) Когда я писала, что дедушка болен, это никакой не дедушка, это она болела. Скарлатиной. Из-за этой скарлатины мы лишних два месяца просидели в Казани. Дедушка у нас молодцом. А Нюша вся в Митю, он тоже маленький вечно болел, и вырос — и ничего, как ты знаешь. Он в командировке сейчас. Дня через три будет. Вчера звонил, справлялся о Нюше и нет ли от тебя чего-нибудь... Ну, пойдем. Я ее к себе забрала. А дедушка пока в вашей комнате, полный кавардак. Он несколько ночей около нее со мной дежурил. Не знаю, как бы я без него. Чужому в таких случаях не доверишь.

Стоят у Нюшиного изголовья.

Выросла?

Шеметова. Длинненькая... косточки мои...

Бабушка. Что худенькая, это ничего. Терпеть не могу жирных детей. Ты без этих, без погон,— значит, совсем, слава богу... Хочешь, сию же минуту эвакуирую дедушку из твоей комнаты? Затоплю тебе ванну, выкупаешься, ляжешь как принцесса. Все твои вещи в шкафу, в порядке, сама разбирала, ждут тебя, из моды только, конечно, все повыходило. Хотя большинство пока одевается, знаешь,— кто во что горазд...

Шеметова. А можно, я тут где-нибудь лягу? Около нее.

Бабушка. Где ты хочешь, родная. Главное, что вернулась совсем. Господи, дождались! И Гитлера разбила в пух и прах, и сама с руками и с ногами, и Нюше к твоему возвращению легче, вот как хорошо все. Ну, тебе покушать надо, я чайник поставлю и ванну затоплю.

Шеметова. Я сама, не хлопочите, ради бога...

Бабушка. А у Мити, он писал тебе или нет,— такое сейчас положение, так его ценят... Предлагали директорство. Он, конечно, отказался,— к чему ему, действительно, административная канитель...

Шеметова молчит. Бабушка ушла. Вернулась.

Олечка.

Шеметова. Да?

Бабушка. Бывают вещи, которые скрывать можно и нужно. Обязательно нужно! Ты меня поняла? Это ерунда, голубчик, будто все друг перед другом должны изливаться, всю свою подноготную выкладывать, и тогда будет гармония. Никакая это не гармония, а мещанская распущенность и нечистоплотность. Человек обязан в обществе вести себя опрятно. Если он уважает себя и других. Если он хочет укреплять жизнь, [illegible] не расшатывать. Оля, ты меня слышишь?

Шеметова. Да...

Бабушка. Поняла меня?

Шеметова. Да.

Голос Шеметовой. А о том разговоре, что был у вас после моего отъезда, о разговоре с Арефьевым,— не хотите напомнить? Ну да, мне ведь о нем знать не полагается...

..Бакченин готов к отъезду: уложил чемодан, перебирает старые письма. Арефьев смотрит на него.

Бакченин. Вот и конец. Странно...

Арефьев. Что странно?

Бакченин. В частности — что мне двадцать семь. Я на днях сообразил. Еще не много, верно?

Арефьев. Смотря для чего.

Бакченин. Еще все можно наверстать при желании. Одно время мне казалось, что [illegible] уже лет сто живу-живу, из них девяносто девять воюю. *(Напевает.)* «Все, что было задумано, все исполнится в срок»... Да, вот так.

Арефьев. Что у тебя было задумано?

Бакченин. Жизнь у меня была задумана. Жизнь!.. Вопрос: на какой курс подавать, на пятый или четвертый?

Арефьев. Ты же четвертый кончил?

Бакченин. А что я помню? Через это решето все вылилось... На четвертый, на четвертый, Сергей Георгиевич! Только так! Затягивай, студент, пояс потуже.

Арефьев. Слушай, Сережа...

Бакченин. Если откровенно — не надеялся. Абсолютно! Считал — крышка. Кто-то выкрутился, [illegible] с вами, товарищ Бакченин, всё.

Арефьев. Неужели совсем не надеялся?

Бакченин. Веришь — совсем.

Арефьев. Как же воевал? Чувствуя себя смертником? Вот бы никогда, на тебя глядя... И давно?

Бакченин. С самого начала. Когда первый раз услышал, как мяукает мина.

Арефьев. Да что ты.

Бакченин. О, мерзкий звук! Так и хочется крикнуть — ну на, жри!

Арефьев. А это не от страха?

Бакченин. Ну, знаешь! Пойди кому-нибудь скажи, что Бакченин трус! Пойди! Не веря вот настолько, что уцелею,— лез в самую кашу, к черту на рога, скажешь нет?

Арефьев. Ну да, нервы тянули — надо, не надо — к черту на рога.

Бакченин. Что ж, человек цивилизованный обладает повышенной реактивностью, это известно.

Арефьев. Слушай, цивилизованный человек, зачем ты соврал Оле?

Бакченин. Прошу тебя!

Арефьев. Ну-ну, скажи: зачем?

Бакченин. Ты что, письмо прочел?

Арефьев. Нехорошо!

Б а к ч е н и н. А письма чужие читать хорошо?

А р е ф ь е в. А ты не расшвыривай, это раз. А во-вторых, письмо было от мужчины, не от женщины. А в-третьих, я чувствовал, вот чувствовал, что ты врешь, и хотел проверить. А в-четвертых, ты на вопрос отвечай: почему не сказал прямо? Чтоб она держала тебя за порядочного? Не обозвала прохвостом? И как это, я не понимаю,— получить подтверждение, что жена умерла, что ее уже четвертый год на свете нет, и врать, не моргнув глазом, что она жива, наплести сказки про бомбу, про операции, чего ты еще там навертел... Уже одно это кощунство — покойницу поднять из могилы, чтоб она, понимаешь, в амурных твоих спекуляциях участвовала... Дух ее оскорбить...

Б а к ч е н и н. Дух... ты что, в бога веруешь?

А р е ф ь е в. Тут не в боге дело, а в людях. В уважении к живым и мертвым. Я ведь трезво мыслю, без сантиментов. Раз ты так поступил, раз ты смог так с ней поступить,— я о живой говорю,— какой ты ей спутник, что у вас могло получиться лучезарного? И с этой точки зрения даже неплохо, что вы расстались сейчас, не потом,— но меня форма возмущает, ложь твоя возмущает!

Б а к ч е н и н. Поверь мне: солгать было лучше. Поверь.

А р е ф ь е в. Никогда лгать не бывает лучше!

Б а к ч е н и н. Ну положим... Ты учти характер. Гордость. Решительность. Тут правдой такого можно наделать... Именно уважая, да, уважая ее и щадя,— я солгал, да. Я и ей тоже — не только себе! — создал позицию для отступления.

А р е ф ь е в. Я понимаю, что ты ее не любишь и что она тебе сейчас лишняя.

Б а к ч е н и н. Не надо. Тут все слова не те, не то. Не люблю? На веки вечные это будет самое святое воспоминание!

А р е ф ь е в. Что ж ты делаешь, спрашивается! Лети, догоняй, проси прощенья! Она простит, она в твоей путанице разберется! Сережа, такой человек полюбил тебя, идиота, по-настоящему, и ты этим швыряешься, для тебя пустячки?

Б а к ч е н и н. По-настоящему... С ненастоящей, чтоб ты знал,— легче. Настоящая — это такая...

А р е ф ь е в. Обуза?

Б а к ч е н и н. Ответственность.

А р е ф ь е в. Мужчина принимает ответственность как должное. За себя и за женщину.

Б а к ч е н и н. Ты меня только прописями не долбай. Прописные истины — не для моего положения. Мне на голом месте начинать. Я должен быть свободен, чтоб заставить себя заниматься, заставить сидеть над книгами в Публичке, вообще переключиться с этой жизни на ту, не машины же мы, чтоб переключаться нажатием кнопки! Я должен иметь право существовать на стипендию — впроголодь, уже нет тех рук, что меня когда-то поддерживали. А учиться и работать — это значит ни то ни другое... До́ма — одни стены, и эту свою шинель года три таскать буду и укрываться ею буду, а она с девочкой приедет, представляешь — смотрят на тебя две пары глаз — муж! отчим! — а у тебя на яблоко нет ребенку... Девочка хорошо жить привыкла, у них там ученые все, и Оля привыкла, хоть и фантазирует, что ей, видишь ли, стекол не нужно, без стекол обойдется... И ее отношение к нашим отношениям. Она уже не разбирала, где ее рука, где моя. Где был, куда идешь, что прочел, что подумал... Ничего не имей за душой, все на стол, как деньги из карманов... Рабство!

А р е ф ь е в. Противоречишь себе. То ответственность, а то рабство.

Б а к ч е н и н. А это звенья одной и той же цепи!

А р е ф ь е в. Подойди к этому всему с крупной меркой. Как она подходила.

Б а к ч е н и н. Я — с крупной. Или она и всё, что с ней и от нее. Любовное служение. Или — я чем-то стану сто́ящим. А двум господам служить не умею.

А р е ф ь е в. Не любишь. Себя, во всяком случае, любишь больше.

Б а к ч е н и н. Жизнь мою, чудом сохраненную, больше люблю. Это преступление? *(Закрывает чемодан.)* Ну, так. Что ж, поцелуемся?

А р е ф ь е в *(целует его)*. Жалко мне тебя. Больше, чем ее. Гораздо больше. Может, полетишь все-таки? Попросишь прощенья?

Б а к ч е н и н. Ты бы мог сообразить — в таких вещах не сознаются. Ах, боже мой, ухожу — а сколько за спиной остается, боже мой... Ну, еще раз. Прощай, дорогой. Не поминай лихом.

А р е ф ь е в. Прощай, Сережа.

3

Перед занавесом проходит н а ч а л ь н и к   а э р о п о р т а, окруженный п а с с а ж и р а м и.

Н а ч а л ь н и к   а э р о п о р т а *(он притомился, но продолжает держаться молодцом)*. Я все, товарищи, понимаю. Но я же не бог, так? — чтоб по моему мановению переменилась погода.

П а с с а ж и р. Я летаю регулярно уже четверть века, сколько раз приходилось летать в метель, и ничего.

Н а ч а л ь н и к   а э р о п о р т а. Летали в метель, совершенно верно, когда она не сопровождалась грозовыми явлениями. Речь идет о вашей жизни, товарищи. И мы уж вам натопили, кажется. И ресторан к вашим услугам, хотя смена и не пришла и работники, что называется, выдохлись. И кресла у нас покойные. И для товарищей преклонного возраста персонал уступил свои помещения. Покушайте, товарищи, я вам советую, и вздремните. Утро вечера мудреней.

Прошли.

Декорация первого действия. Б а к ч е н и н и Ш е м е т о в а на лестничной площадке у окна. Вечер, пассажиры угомонились. Закрыт книжный ларек. За окнами в метели бродит прожектор.

Ш е м е т о в а. Вот так-то.

Б а к ч е н и н. Не выдержал, продал? Гуманист, глубокая совесть... И ты ему написала «спасибо»?

Ш е м е т о в а. За то, что нанес последний удар?

Б а к ч е н и н. Я говорил!.. Воображает, что сделал благородное дело!

Ш е м е т о в а. Он хотел по-честному... Конечно, нелегко было, когда уехала. Так душно, так горько,— но и гордость была, что свое счастье отдаю обездоленной. И одинокой себя не чувствовала, и тебя не чувствовала чужим,— вокруг нашей жертвы свет был, я голос твой издалека слышала... Потом приходит это письмо от Арефьева. И оказывается: никакой моей жертвы нет, твоей тем более, жертвовать-то некому... Я принесена в жертву, одна я.

Б а к ч е н и н. Что я скажу?

Ш е м е т о в а. Теперь что говорить. Одну вы тогда допустили ошибочку. Испугались, что обузой вам буду. А я уж, поверьте, что-что, а обузой никогда никому не была, в высшей степени это умею — не быть обузой.

Б а к ч е н и н. Ты очень несчастлива?

Ш е м е т о в а. Это выкиньте из головы. С тех пор как заставила замолчать посторонние голоса, все у меня прекрасно. Люди рядом тактичные, внимательные. Живем на основах взаимного уважения. Дай бог другим женщинам жить, как я живу.

Б а к ч е н и н. Разреши сказать — ты тоже сгоряча вела себя не очень правильно. Если сколько-нибудь мной дорожила, должна была бороться. Вразумить дурака.

Ш е м е т о в а. Бороться? Против безрукой, беспомощной, вставшей из могилы?

За колонной, стараясь не шуметь, танцуют А л е н а и К о л о с ё н о к. Колосёнок держит ее одной рукой, в другой транзистор, звучащий чуть слышно.

А л е н а. Вы хорошо танцуете. Практика?

К о л о с ё н о к. Угу.

А л е н а. По дворцам культуры?

К о л о с ё н о к. Главным образом.

А л е н а. Мне нравится, что вы хорошо танцуете.

Колосёнок старается изо всех сил.

А какая у вас специальность? Не очень, как видно, пыльная, если вы главным образом по дворцам культуры.

К о л о с ё н о к. Вот именно пыльная. Я инженер-строитель.

А л е н а. Строите дома?

К о л о с ё н о к. Мосты.

А л е н а. Я строителей мостов не такими представляла.

К о л о с ё н о к. А какими?

А л е н а. Суровыми и могучими.

К о л о с ё н о к. Я по утрам упражняюсь с гантелями. А на работе я достаточно суровый.

А л е н а. Нет-нет, вам не надо суровости! Мне как раз нравится, что вы такой несуровый строитель мостов. Что это за музычка, я ее не знаю.

К о л о с ё н о к. Что-то такое из-за океана.

А л е н а. Говорят, на обоих полушариях метель. Вообразите метель над океаном. Громадные, громадные, бесконечные волны, и над ними снег несется, и эта музыка, и все кружится... и мы с вами кружимся, как снег...

У окна. Бакченин и Шеметова.

Бакченин. Обе были чужие. Я когда женился, думал: что ж, сейчас чужая, потом своей станет. Не стала ни одна! Кто вкусил, говорят, сладкого, не захочет горького. Я знал такое, что не перешибить ничем. Заслужил, не заслужил, но подарили мне однажды такое. Вот в чем дело. И уже никто твое место занять не мог. Возмездие мое в этом, должно быть. Говорю себе — есть же другие области, где я и хорош, и нужен, не сошелся свет клином на сердечных делах, на семейных! А старость передо мной стоит и говорит: все равно ты пустоцвет, все равно подохнешь — никто не заплачет...

Шеметова. Иной раз, если вдруг нарушится привычный ход вещей... вроде вот сегодняшней вынужденной посадки... Словно шел-шел, и вдруг стоп, и смотришь... и дико станет — что это мной так распорядились?.. Но это на минутку, не думай. Знаете, как бывает — заснешь, увидишь страшное и велишь себе проснуться.

Бакченин. Милая моя! До чего мне все близко, что ты говоришь. И про страшные сны. И про остановки, когда оглянешься и думаешь — зачем я, что мне разум затмило, да я ли то был? Чтоб я предал эти руки родные, эти глаза? Вся ты родная, все в тебе мое кровное, до ужаса кровное!

Шеметова. Что ты сделал!

Алена и Колосёнок танцуют.

Алена. Сказать, что мне в вас не нравится?

Колосёнок. Скажите, если не очень обидное.

Алена. Что в смысле поэзии у вас ничего за душой. Не обиделись?

Колосёнок. На правильную критику чего ж обижаться. Но, может быть,— каждому свое? У вас стихи, можно сказать, тоннами, а у меня зато вот этот маленький транзистор — сознайтесь, он веселей ваших стихов.

Алена. Транзистор ерунда, у каждого может быть. Хотя мне понравилось, как вы его кстати достали из чемоданчика — как раз когда мне захотелось танцевать.

Колосёнок. Я многое делаю кстати.

Алена. А что-нибудь еще у вас в чемоданчике есть развлекательное?

Колосёнок. Теперь придется завести. Мы ведь не навсегда расстанемся? Я буду приезжать в Москву.

Алена. Как мы летаем в Новосибирск! Даже чаще! Каждую неделю!

Колосёнок. Каждую неделю — затруднительно.

Алена. Ну, каждый месяц.

Колосёнок. Месяц — тоже не выйдет.

Алена. Я буду вас встречать на аэродроме и махать цветами! Вы по цветам издали увидите, что я тут!

Колосёнок. Я тоже хочу вам что-то сказать. *(Волнуется.)* У меня первый раз в жизни такая встреча. Вы верите в любовь с первого взгляда?

Алена. Конечно.

Колосёнок. А вы считаете меня человеком, который может дать счастье?

Алена. А какое счастье вы можете предложить?

Колосёнок. Могу, например, выучить наизусть все стишки этого, как его, который умер восемьсот лет назад.

Алена. Прекратите эти шутки. Что за серость, в конце концов. Для меня нет ничего выше искусства, знайте. Самое мое большое горе — что мне не дано таланта. Когда пробую писать, дрянь получается. Но я его все равно обожаю и буду обожать всю жизнь. Знайте!

Колосёнок. Я согласен. Вы будете обожать его, и я вас. Я постараюсь не быть серым.

Алена. Серым — нехорошо.

Колосёнок. Уж куда хуже.

Алена. Я вам скажу, каким должно быть наше счастье. Я терпеть не могу быта.

Колосёнок. В каком смысле?

Алена. В самом прямом. Отягощающем душу. Меня вполне устраивает, как мы живем тут: едим что придется, танцуем где попало...

Колосёнок. Что ж, условие приемлемое. Будем танцевать где придется и есть что попало. А бриться по утрам можно?

Алена. Бриться — да.

Нюша *(проходит)*. Алена, мы идем в ресторан чокнуться за папу. *(Колосёнку.)* Я вас предупреждаю — из этого не получится ровным счетом ничего.

Алена *(танцуя)*. Нюшечка, душечка, не порти мне мой лучший вечер.

Нюша *(Колосёнку)*. Не обольщайтесь. Все только треп от упоения жизнью.

Алена. Нюшечка, все равно моя фамилия будет Колосёнок.

Нюша *(Колосёнку)*. Имейте в виду.

Колосёнок. Я очень благодарен, но простите, это, возможно, самонадеянно, даже неприлично, даже безумно с моей стороны,— но, может быть, вы ошибаетесь?

Нюша. Идешь, Алена?

Алена. Да-да, сейчас.

Нюша уходит.

Толечка, вы понимаете, я не могу пригласить вас на наше узкосемейное торжество. Еще, пожалуй, рано.

Колосёнок. Я понимаю.

Алена. Я только чокнусь.

Колосёнок. Я буду у двери.

Алена. Только чокнусь, и сразу.

В ресторане за столиком собрались бабушка, дедушка, Нюша, Линевский.

Нюша *(Люсе)*. Еще бокал.

Смотрят на дверь. Алена прибегает.

Люся. Открывать?

Нюша. Минутку.

Шеметова входит и садится.

Теперь можно.

Люся откупоривает бутылку. Летит пробка.

Дедушка. Итак — за Митю.

Алена. За папу!

Пьют стоя.

Старушка в очках *(проходя, с приятностью)*. Поздравляю вас.

Ее благодарят поклонами.

Алена. Чудная штука шампанское. Ты опьянел — и радуйся, Хайям... Еще дадут?

Бабушка. Что-то он сейчас делает?

Дедушка. Выпивает и закусывает.

Нюша. За наше здоровье.

Алена. Собрался весь городок, как в прошлом году, и пьют за нас, потому что нас нет, а без нас им гораздо хуже.

Бабушка. Ничего подобного. Он висит на телефоне и звонит на аэродром, а ему отвечают одно и то же: опаздывает...

Алена *(Шеметовой)*. Ма!

Шеметова. Ну?

Алена. Видишь, вон парень.

Шеметова. Давно вижу.

Алена. Ма, он тебе нравится?

Шеметова. То есть — тебе нравится.

Алена. Я думаю, я выйду за него замуж.

Шеметова. Что ж, скатертью дорога, милости просим. Мы давно не чаем, как бы тебя пристроить.

Алена. Он строит мосты.

Шеметова. Еще что?

Алена. Его зовут Колосёнок.

Шеметова. Еще что?

Алена. Он, в общем, славный.

Шеметова. Дурак ты мой маленький...

Бабушка. Ему говорят «опаздывает», и он не знает что думать.

Нюша. Папа всегда знает, что ему думать.

Дедушка. Совершенно верно.

Алена. У шампанского есть одна особенность. Когда наливают — кажется, что через край, и осядет пена — оказывается, всего ничего, на донышке...

Нюша. Не спеши. Подождет.

Бабушка. Налейте. У меня еще тост.

Дедушка наполняет бокалы.

За всех наших прекрасных детей, украшающих нашу старость. *(Хочет чокнуться с Линевским.)*

Линевский *(ставит свой бокал)*. Не обижайтесь, что я не пью. Искренне, искренне хотел присоединиться к вашей радости, но не в силах. Я считаю, мне надо идти. Что ж я тут...

Бабушка. Как, пешком?

Линевский. Не так, в сущности, далеко...

Люся. Что вы! Не дойдете.

Линевский. А, дойду как-нибудь.

Бабушка. Вас заметет.

Линевский. А, не заметет. По крайней мере к утру попаду на работу. Вы правы *(дедушке)*, когда отношения накалены, то как работать? Невозможно...

Алена. Бабушка, почему этот человек плачет?

Бабушка. Он опоздал на похороны матери.

Алена притихает.

Дедушка. Когда я вам это говорил, еще ходили автобусы.

Линевский. А, не так страшен черт... Если только он меня не уволил. Скорей всего уволил. Скорей всего. Не в его характере не уволить. В его характере именно уволить. Так или иначе, я больше не могу сидеть и не знать. Это жизненно важно, вы понимаете?

Дедушка. С одной стороны — безусловно...

Линевский. И жена там изнервничалась... Да. Спасибо за участие, я пошел. От души вам желаю всего хорошего. Долететь благополучно. Вот так вдруг нечаянно встретишь людей... А тут вместе учились, с институтских лет на «ты»... *(Застегивает пальто, опускает наушники, натягивает перчатки, поднимает воротник.)* Еще раз. Всем. От души. *(Уходит.)*

Люся. Сумасшедший! Нельзя пускать.

Шеметова. Как же вы не пустите? Свяжете?

Люся. Не пускать, и все. Когда псих.

Бабушка. Совершенно разумный человек. Мы воззвали к его рассудку. Он предпочел идти. Его воля.

Люся. А если он чего-нибудь себе отморозит?

Бабушка. А если наши настояния будут иметь для него еще более роковые последствия? В серьезных случаях человек собой распоряжается сам.

Алена. Браво, бабусь!

Люся *(сообразила и успокоилась)*. Да он, правда, только нос высунет. Увидит, каково там, и вернется.

Но Линевский спускается по лестнице, идет к выходу, не останавливаясь и не раздумывая. Лишь на миг заколебался — перед дверью; но тотчас открывает ее решительным рывком, вихрь сверкающего снега врывается навстречу, словно предупреждая о том, что ему предстоит,— и Линевский исчезает в вихре.

...Метель кружит — теперь мы вынесены в нее непосредственно, здание аэровокзала, наполненное светом, как громадный фонарь, отдаляется и гаснет в несущейся белой мгле, и через эту мглу, кружась с нею, защищаясь от ее ударов поднятым воротником и руками в толстых перчатках, упорно бредет Линевский, и ему навстречу, так же кружась и защищаясь, бредет другой человек, тоже с поднятым воротником и опущенными наушниками, такой же задыхающийся и упорный — начальник Линевского. И вот они встречаются.

Начальник Линевского. Линевский! Это ты! Линевский!

Линевский. Я не хочу тебя видеть, я не хочу с тобой говорить!

Начальник. Ты домой? *(Берет его за локоть.)*

Линевский. Нет, я на бал! Пусти, слышишь? Не хочу, не желаю!

Начальник. Ну вот видишь, ну как с тобой разговаривать, как? Ты же не можешь по-человечески! Я пробираюсь к тебе в такую погоду черт знает куда... а ты даже сейчас не можешь не дать почувствовать!

Линевский. Что почувствовать, что?

Начальник. Что ты со мной не считаешься ни на копейку.

Линевский. А ты, а ты?

Начальник. Ты мне даешь это чувствовать с первого дня, с первого дня, на каждом шагу. Это стало основным содержанием твоей жизни.

Линевский. А содержание твоей? Оно в чем заключается?

Начальник. Линевский...

Линевский. Ежеминутно напоминать мне, что я тебе подчинен!

Начальник. Линевский...

Линевский. Чтоб я как-нибудь вдруг о себе не возмечтал, вот содержание твоей жизни!

Начальник. Линевский, а что мне остается делать при твоем отношении?

Линевский. Подумать только, что с этим человеком мы когда-то вместе готовились к экзаменам!

Начальник. Линевский, а ведь могло быть так, что я был бы на твоем месте, а ты на моем? Сколько угодно! Ты — моим начальником? Вполне! Ты бы примирился с таким отношением? Ты бы мне прощал эти улыбки? Кому приятно?! Эти шуточки, укольчики при всем честном народе? Эти постоянные нарушения распорядка, направленные на что? — на подрыв моего авторитета!

Линевский. Ты можешь сейчас говорить мне о распорядке? У тебя поворачивается язык?

Начальник. Потому что ты доводишь. Ты думаешь, я бы тебя не отпустил в Одессу? Ты бы еще договорить не успел — я бы отпустил. Если б ты не состроил гримасу. В чем был смысл гримасы? В том, что вот она, насмешка судьбы,— ты, Линевский, такой, как ты есть, у такого, как я, должен просить разрешения на самые естественные, самые даже священные в глазах человечества поступки!

Линевский. Я...

Начальник. Линевский, по всей совести, положа руку на сердце — была гримаса?

Линевский. Если и была — непроизвольная.

Начальник. Тем хуже, тем обидней, неужели ты не понимаешь, а еще интеллигентный человек. Значит, неуважение ко мне вошло тебе в плоть и кровь.

Стоят под метелью.

Линевский. Ее опустили в могилу без меня.

Начальник. Знаю.

Линевский. По твоей милости.

Начальник *(отчаянно)*. Знаю!

Линевский. Ты считаешь, ты этой историей укрепил свой авторитет и повысил мое уважение к тебе?

Начальник. Ты в своем ожесточении... не то говоришь... неподходящее к моменту. Я когда узнал, что ты не улетел, сидишь на аэродроме... Ну что, вот он я перед тобой, полные бурки снега! Сел ужинать — не могу! Лег спать — не могу!.. *(Вытирает глаза.)* Как будто у меня тоже не было матери...

Где-то далеко плач ребенка.

Линевский. Ты меня уволил?

Начальник. Какое это имеет значение. Приказ можно отменить в два счета.

Линевский. Ага, значит, все-таки есть приказ!

Начальник *(сморкается)*. Тем более что местком уже опротестовал. Меня не эта формальная сторона интересует.

Линевский. Ах, тебя она не интересует! Ха-ха-ха-ха, она тебя не интересует!

Начальник. Я хочу договориться. Из-за тебя на меня смотрят, как на крокодила. Из-за тебя я действительно становлюсь крокодилом, ты меня вынуждаешь.

Линевский. Ха-ха-ха-ха, вы слышите? Я его вынуждаю быть крокодилом!

Начальник. Линевский, я тебя прошу как человек человека — обращайся со мной иначе. Хотя бы при людях. А, Линевский? Неужели ты не можешь пойти на уступки?

Линевский. Я не понимаю, чего ты от меня требуешь. *(Идет прочь.)*

Начальник *(идет за ним)*. Наедине, так и быть, давай своим нервам отдушину. Но только наедине, тет-а-тет, а, Линевский?.. Ладно, пусть при людях тоже. Критикуй меня на собраниях, черт с тобой. Но с улыбками покончим раз навсегда. Неужели трудно? С гримасами этими... а, Линевский?

Скрываются в метели.

...В опустевшем ресторане аэровокзала сидят за бутылкой шампанского Нюша, Люся и Тамара.

Тамара. Главное — будь человеком. Ну позвони, скажи хоть два слова. Голос подай. Хоть знать, что не одна переживаешь...

Люся. А вдруг звонил: телефон-то испорчен.

Тамара. Настоящий человек раньше сообразил бы позвонить. Не ждал бы, пока испортится... Так, может, и неглубокое чувство твое. Может, просто тебе с кем-то в театр надо сходить. Но при всем при том — можно же проявить чуткость?

Люся. Я когда выходила за Славика, все говорили: уж выбрала, Люська, при ее, говорят, знакомствах, когда двоюродный брат — летчик-испытатель, могла, говорят, поперспективней мужа найти. А я посмотрела-посмотрела — какие у них намерения, у перспективных? Что ни познакомишься, у него намерения абсолютно несолидные или же вообще женатый. А у Славика с самого начала были серьезные намерения.

Тамара. На укладку и маникюр целый вечер просидела...

Люся. Оставляй на него дом спокойно, все будет в ажуре. Потому, что любит жизнь основательную. Обсади его красавицами со всех сторон, пусть там будут какие хочешь мировые звезды экрана,— он и не посмотрит. Ему без надобности. Ему абы его Люська с ним была.

Нюша. Божественно счастливая женщина. Выпейте капельку.

Люся. Ой, дорогая, мне никак нельзя.

Нюша *(Тамаре)*. Выпьем за ее счастье.

Тамара *(чокается неохотно)*. Чего за него пить, она и так им с утра до вечера хвастается.

Люся. Тамаронька, я не хвастаюсь, честное слово, просто оно само выпирает, я стесняюсь даже.

Нюша. За вас и вашего мужа.

Люся. Ой! За это как не выпить, грешно прямо. *(Чокается.)* Я вас благодарю от нас обоих. *(Отпивает из бокала.)* Как-то они там, мальчики мои золотые. Мы тут кутим, а Виталик мой, бедняга...

Тамара. Хватит уже. Никак не примирится с мыслью. Утром в яслях дадут ему лопать. Трагедия!

Люся *(плачет)*. Я примирилась.

Тамара. Так нечего опять истерики устраивать.

Люся. Но может душа болеть?

Тамара. Нечего твоей душе болеть!

Нюша. Хорошо, когда по такой причине болит душа. Иметь ребенка, быть с ним скованной неразрывно, всем для него жертвовать, дрожать за него — хорошо!

Люся. У вас нет?

Нюша. Нет.

Тамара. Не замужем?

Нюша. Разошлась.

Тамара. Подонок оказался?

Нюша. Не прижился к нашей семье. И я к нему не прижилась.

Люся. Мне ваша семья очень понравилась. Такие все приличные, вежливые.

Нюша. Чужому среди нас трудно. С одной стороны — все ему как будто разрешается. С другой — сделай он что-нибудь, скажи что-нибудь не так, не в нашем духе,—начинает чувствовать себя... на другом берегу. Не объяснишь даже почему. Никто ему не делает замечаний, никто не дуется. Сам чувствует... Чтоб с нами ужиться, надо быть очень нашего поля ягодой... либо уж вовсе толстокожим.

Люся. А на мой характер, лучше откровенно высказать, если что не так. Это даже для здоровья вредно — в себе держать. Уж лучше поругаться. Поругаешься, потом помиришься... *(Прерывает себя.)* Тихо! *(Слушает.)*

Тамара. Чего ты?

Люся. Да нет. Померещилось.

Тамара *(Нюше)*. Дайте сигарету... Я согласна: побывать замужем и развестись. Но мне не везет исключительно...

Люся. Тихо!

Теперь уже все слышат далекий плач ребенка.

Это Виталик!! *(Встает дрожа.)*

Тамара. Спятила. Откуда Виталик? Мало крикунов помимо Виталика...

Внизу открылась дверь, входит Славик, с огромным свертком в руках. И Славик, и сверток занесены снегом. Из глубины свертка несется крик. Спящие на скамьях подняли головы. Славик отряхает снег сперва со свертка, потом с себя, и обнаруживается одеяло, в которое поверх всего закутан ребенок, и милицейская форма Славика.

Славик *(к пассажирам)*. Не скажете, где тут гражданка Сёмина? Сёмина. Она тут работает.

Пассажиры:

— Кого он ищет?

— Какую-то Сёмину.

Славик. В ресторане работает.

Пассажиры. Мы, товарищ, пассажиры. Обратитесь к кому-нибудь из служащих.

Славик. Официанткой.

Ребенок, притихший было, кричит снова. Выходит сонный Иван Гаврилович.

Вы, гражданин, здесь работаете?

Иван Гаврилович *(всматривается)*. Ну.

Славик. Личный состав знаете?

Иван Гаврилович. Ну-ну.

Славик. Не скажете, где находится гражданка Сёмина?

Иван Гаврилович. Люся, зовут!

Славик. Она не ушла домой?

Иван Гаврилович. Не должна бы уйти. Наверх беги, в ресторан. По этой лестнице. Ну-ну! Гора не пришла к Магомету, так Магомет притопал к горе. Молодец!

Стуча сапогами, Славик идет к лестнице. Ему навстречу в смятении чувств сбегает Люся.

Люся. Я сейчас упаду в обморок!

Славик. Получай. Доставил.

Люся *(берет ребенка)*. Маленький мой, маленький, жизнь моя, сейчас, моя звездочка, сейчас, мой цветочек, сейчас, сейчас... *(Ребенок кряхтит и алчно вскрикивает в глубине свертка.)* Пошли, Славик, пошли, я тебя в тепле посажу... Только бы он, не дай бог, не простудился, только бы не простудился...

Славик *(идя за нею наверх)*. Не простудится. Я на него все намотал, что было.

Люся *(входит в ресторан)*. Знакомься, Славик. Шинель вон там на вешалку повесь. Это мой муж Славик. Садись, Славик. Дайте ему выпить с холоду. А мы сейчас с Виталиком. Только бы не простудился!

Славик. Ты скорей. Он голодный.

Люся. Сейчас, сейчас... *(Уносит ребенка.)*

Нюша и Тамара смотрят ей вслед. Ребенок замолчал.

Нюша. Выпейте.

Славик. Спасибо.

Нюша. Замерзли?

Славик. Мы привычные. И мороз не так чтоб большой.

Нюша. Я думала, только матери способны на безумства ради детей.

Славик. Какое ж безумство. Иной раз еще и не в такую погоду стоишь на посту.

Нюша. Ну все-таки. Пятнадцать километров.

Славик. Так мы же не все пешком. Значительную часть расстояния в машине проделали. В скорой помощи. Там ребята в гараже знакомые. Говорю — так и так. Ладно, говорят, выручим. По городу машины проходят кой-как. Мы километров шесть пехом перли, не больше. *(Он держит бокал в большой красной руке и отхлебывает маленькими глотками.)* Орет и орет, что будешь делать. Мы с соседом и так и сяк. И пели ему, и качали,— знать ничего не хочет, требует мать. Закон природы. На улице замолчал сперва, потом опять в крик. Теперь уснет.

Молчание. В молчании мелодия колыбельной.
...Успокаивается метель.
...Ночь идет к концу, спят все: кто откинувшись на спинки кресел, кто подперев голову руками. Алена и Колосёнок — друг против друга в амбразуре окна. Продолжается только разговор Бакченина с Шеметовой.

Бакченин. И нельзя забыть?

Шеметова. Почему. Можно. Нужно.

Бакченин. Простить?

Шеметова. Нет.

Бакченин. А если бы...

Шеметова. Нет.

Бакченин. Поверь, Оля. До конца дней...

Громкий голос радио будит всех.

Радио. Внимание! Объявляется посадка в самолет ИЛ-18, следующий рейсом шестьдесят два до Ташкента. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Радостное оживление в зале. Одни устремляются к выходу, другие к окнам.

Женщина. Наконец-то!

Старушка в очках. Слава тебе, господи!

Алена проснулась и улыбается Колосёнку.

Алена. С добрым утром.

Колосёнок. С добрым утром.

Алена. Какие-то светлые перемены?

Колосёнок. Похоже — полетим.

Алена. Что-то я во сне видела симпатичное...

Бакченин и Шеметова.

Бакченин. Можно иногда писать тебе? Оля! Писать — можно?

Идет Нюша.

Шеметова. Вот что я бы хотела сделать на прощанье — познакомить вас с моими дочками. Нюша!.. *(Представляет.)* Это старшая моя, Анна Дмитриевна Шеметова. Сергей Георгиевич Бакченин.

Бакченин. Та самая Нюша? Которая была маленькая?

Шеметова. Та самая, которая была маленькая. *(Нюше.)* Пошли сюда Алену на минутку.

Радио. Внимание! Объявляется посадка в самолет ИЛ-18, следующий рейсом восемьдесят четыре до Одессы. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Алена идет к Шеметовой.

Шеметова. А это Елена Дмитриевна Шеметова. Аленка, это мой фронтовой товарищ. Вот, посмотрите на нее. Если бы не стремление вечно играть какую-то дурацкую роль, совсем была бы ничего девушка.

Алена здоровается с Бакчениным за руку.

Пожелайте ей набраться ума, Сергей Георгиевич. Пожелайте, пожелайте ей добра, счастья, всего... Пожелайте. Может быть, другого случая не представится.

Бакченин. Можно поцеловать тебя, Леночка?

Алена *(слегка удивлена)*. Пожалуйста...

Бакченин ее целует.

Ма?

Шеметова. Иди.

Алена *(вернулась к Колосёнку)*. Эти прелестные старики. Не знаешь, как реагировать на их выходки. Ну чего ради ему меня целовать? Какой-то мамин знакомый, первый раз друг друга видим...

Колосёнок *(ревнует)*. По человечеству его можно понять.

Алена. Девятнадцатый век. Леночкой меня назвал... Наши дед и баба гораздо современней, несмотря на почтенный возраст...

Радио. Внимание! Объявляется посадка в самолет ТУ-104, следующий рейсом четыреста семьдесят пятым по маршруту Москва — Новосибирск. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Шеметова. Наш.

Бакченин. Постой, Оля!

Шеметова. Прощайте, Сергей Георгиевич.

Бакченин. Вот сейчас... Сейчас объявят мой самолет... И полетим с тобой...

Шеметова. Не с чем нам лететь с вами.

Бакченин. А она?

Шеметова. Она — Елена Дмитриевна Шеметова. Прощайте. Всего вам хорошего. *(Уходит.)*

Алена *(Колосёнку)*. Ну вот. И обратно за облака. В голубое солнце.

Нюша *(подходит)*. Алена — всё. Живо.

Колосёнок. Я провожу!

Алена. Толечка, вы слышали — она сказала: всё. Сейчас она возьмет под руку бабушку, а я возьму дедушку, и мы двинемся чинной семьей. А вы мне отсюда в окошечко помашете. Итак... *(Протягивает руку.)*

Колосёнок. А адрес! Куда писать!

Алена. Да, адрес! Записывайте: Москва... Знаете что? Не надо.

Колосёнок. Как не надо?

Алена. Ну что мы можем друг другу написать? Лучше когда-нибудь где-нибудь встретимся нечаянно — лет через десять, двадцать, обрадуемся, скажем — «сколько лет, сколько зим»,— гораздо ведь интересней.

Нюша *(Колосёнку, дружелюбно)*. Не говорите, что вас не предупреждали, чем этот роман кончится.

Алена. Зато как мы будем наш роман вспоминать! Как мы друг другу читали стихи... и басни, и как нам из метели улыбалось что-то... Ах, это с вашей стороны неталантливо — сердиться! Вы заставляете меня улетать с тяжелым чувством. Улыбнитесь, очень вас прошу, чтоб [redacted] улетела с легким чувством.

Колосёнок улыбается.

И дайте вашу руку.

Колосёнок дает руку.

До свиданья!

Нюша. Алена, опоздаем.

Бабушка. Девочки, вы скоро?

Алена. Бабушка — уже!

Колосёнок *(Нюше)*. До свиданья.

Нюша. Счастливого пути. *(Уходит, пропустив Алену вперед.)*

Алена *(возвращается, таинственно.)* Смотри же, в здешнем караван-сарае своей любви случайной не забудь! *(Уходит.)*

Мы видим, как все члены семьи Шеметовых один за другим спускаются по лестнице [redacted] исчезают за дверью, ведущей на перрон. Колосёнок машет в окно. К другому окну подходит Бакченин, смотрит. Сквозь пепельное утро на востоке проклевывается заря. Силуэт ТУ-104 взмывает [redacted] воздух. Грохот его моторов заглушает все звуки... Бакченин закуривает, набрасывает пальто, берет портфель [redacted] медленно уходит из зала.

1966

НАДЕЖДА МИЛОВАНОВА (ВЕРНОСТЬ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евгений Милованов, старший брат.
Георгий Милованов, младший брат.
Надежда Милованова, сестра.
Ольга Ивановна Милованова, их мачеха.
Серафима, жена Евгения.
Татьяна, жена Георгия.
Туся, дочь Георгия и Татьяны.
Олюня, дочь Надежды.
Фрося, старинная подруга Надежды.
Евсеев.
Вадим Евсеев.
Серпухин.
Соседка.
Фотограф.
Почтальон.
Ведущий во Дворце культуры.
Билетерша.
Гости.

1

Та часть поселка, где живет Евгений Федорович Милованов, состоит из небольших одинаковых домиков с небольшими садиками и одинаковыми заборами.

Это тихая, чинная улица. Есть в поселке и многоэтажные дома, они виднеются на дальнем плане вместе с трубами завода, при котором возник — давно — этот населенный пункт, и с кранами, отмечающими места новых строек.

К поселку ведет дорога, на повороте дороги столбик дощечкой-стрелкой, на дощечке написано: «Миловановка».

В теплый майский день перед вечером девушка-почтальон стучится в миловановский дом. За забором возникает соседка.

Соседка. Их никого, девушка, дома нет. Еще не приходили.

Почтальон. А Ольга Иванна?

Соседка. В магазин побежала. У них день рождения.

Почтальон. Вот их из родственников кто-то поздравляет. Расписаться надо — заказное.

Соседка. Давайте я распишусь.

Почтальон. Не знаю, как. Оно еще с переадресовкой, видите? Не на этот адрес было послано. На Старый поселок.

Входит Серафима с портфелем и покупками.

Ну вот, порядочек. Здравствуйте, Серафима Павловна, распишитесь, пожалуйста, заказное Евгению Федоровичу.

Серафима. Здравствуйте, Нина. Всё в почтальонах бегаешь? Эх, ты.

Почтальон. Так складывается...

Серафима. Выкарабкиваться надо. Стараться приобрести профессию. Сколько раз я тебе говорила. *(Берет карандаш.)* Где?..

Почтальон. Вот здесь, пожалуйста. До свиданья, Серафима Павловна. *(Убегает.)*

Серафима *(рассматривает письмо)*. Странно.

Соседка. Действительно. Восемь лет, как нас сюда переселили, а кто-то вам пишет на Старый поселок.

Серафима. От Миловановой О. Из Тамбова. Кто ж это?..

Входит Ольга Ивановна с покупками.

Вы, мама, наверно, знаете: среди Миловановых есть такая — Милованова О?

Ольга Ивановна. Я Милованова О.

Серафима. Кроме вас.

Входит с Ольгой Ивановной в дом.

Ольга Ивановна. Нет, Симочка, не припомню. Кроме меня, по-моему, нету. Почему спрашиваешь?

Серафима. Жене письмо пришло от какой-то Миловановой О. Из Тамбова. На прежний наш адрес.

Ольга Ивановна. На Старый поселок?

Они переглядываются.

О? Не другая буква?

Серафима. О.

14 * В. Панова, т 4

Ольга Ивановна. Покажи. *(Надевает очки.)* Почерк незнакомый.

Серафима. Много ли она писала-то, чтобы вы так уж почерк запомнили.

Ольга Ивановна. Когда-то писала. С фронта и потом из Самарканда. Когда уехала окончательно с этим своим... И Жене написала, и Гоше, и меня поздравила с Новым годом. Они, не знаю, сберегли или нет. А у меня лежит.

Серафима. Милованова О... Может быть, дочь ее?.. Ах ты господи, Евсеев идет, вот уже не ко времени поторопился...

Входит Евсеев.

Здравствуйте, Андрей Иваныч.

Ольга Ивановна уходит.

Евсеев. Передали мне, что вы зайти велели.

Серафима. Присаживайтесь. Как жизнь?

Евсеев. Нормально, а что?

Серафима. Я вас почему побеспокоила — по поводу вашего сына.

Евсеев. Которого?

Серафима. Все того же.

Евсеев. Опять чего наделал?

Серафима. Как вы спокойно спросили, Андрей Иваныч. Ох, многое начинается с родительского равнодушия.

Они сидят у стола. Письмо Серафима положила перед собой.

Евсеев. Видите, я так скажу. Сыновей у меня было семь душ. Не считая дочерей.

Серафима. Я знаю, вы отец-герой. Но родить — мало...

Евсеев. И вы понимаете, что среди них были — и есть — всякие. Получше и похуже. И с премиями, и с взысканиями. Был даже, вы знаете — посмертно,— Герой Советского Союза... Ну, а Вадим вот... Так что все у нас бывало. Почему я и не лезу на стенку. Так что с Вадимом?

Серафима. Он был моим учеником.

Евсеев. У вас, я думаю, четверть поселка побывала в учениках, если не половина.

Серафима. Я потому напомнила, что собираюсь говорить об очень личных вещах. Речь идет о моей племяннице.

Евсеев. Об этой девочке, Георгия Федоровича дочке?

Серафима. Девочке, да. Только школу кончает... Андрей Иваныч, Вадим себя ведет нехорошо.

Евсеев. С ней?

Серафима. Увы.

Евсеев. Такая девица... воздушная. Неужели она... Вон как. Скажу ему, Серафима Павловна. Конечно, пускай женится по-хорошему, когда такое дело. У меня ребята все молодыми женились, я не возражал.

Серафима. Вадиму рано жениться.

Евсеев. Двадцать четвертый год.

Серафима. Рано.

Евсеев. В армии после того отслужил.

Серафима. В армии за ними присмотр.

Евсеев. Думаете, опять с пути собьется? Пока ничего такого не видать. В заводе отзываются неплохо. Пить не пьет. Так что вроде бы... Грубит немножко — это да, бывает.

Серафима. Нам говорили, он уезжать собирается. В Ленинград, если не ошибаюсь?

Евсеев. Это не в самом Ленинграде, поблизости. То же самое завод и городок. Да, надумал попытать счастья на другом месте. Малый с головой, зарекомендует себя, направят в вуз, такой есть план.

Серафима. А почему Ленинград? Именно Ленинград?

Евсеев. Во-первых, на том заводе мой старший сын начальником цеха, он его и устраивает. Ну, и потом — высококультурный центр, для молодежи имеет прелесть.

Серафима. Нет, не потому, что высококультурный центр. А потому, что моя племянница подает в ленинградский мединститут. Он за ней едет.

Евсеев. Ишь ты. Привязался, значит. Как же вы говорите, что он себя плохо ведет? Другое дело, если б погулял да бросил... Конечно, зарегистрироваться надо, порядок должен быть.

Серафима. Вы меня совершенно не понимаете, Андрей Иваныч. Я же вам сказала: ему жениться рано. Он еще ничем не проявил, не доказал...

Евсеев. А сколько лет, Серафима Павловна, надо доказывать? Уж одно то, что пить бросил. Завязал начисто! Тогда ведь драка эта проклятая отчего произошла? По пьяной лавочке, исключительно.

Серафима. Сегодня не пьет, завтра может запить.

Евсеев. Ну, это про любого жениха сказать можно!

Серафима. Неправда. Есть молодые люди, к которым никогда ничего такого не пристанет. А Вадим, к сожалению, показал...

Евсеев. Серафима Павловна, ему тогда было восемнадцать лет.

Серафима. В восемнадцать лет человек уже полностью отвечает за свои поступки.

Евсеев. Вы чего от меня хотите? Чтоб я ему сказал — не женись? А я-то думал... А если ребенок будет?

Серафима. Что вы, Андрей Иваныч, какой ребенок? Почему ребенок?!

Евсеев. Так они не...

Серафима. Что вы! Да разве наша Туся такая!.. Но будет все, если он за ней поедет. Вдали от семьи, с человеком, который и старше, и опытней... который вокруг нее так и кружит! Мы вас просим, Андрей Иваныч: пусть он едет куда угодно, только не в Ленинград. Незачем ему вообще уезжать, прекрасно может и дальше работать тут, и учиться заочником, если осилит...

Евсеев. А кто это — мы просим? Вы от кого говорите?

Серафима. Мы — Миловановы. Я говорю от всех Миловановых.

Евсеев. А если Георгию Федоровичу, как отцу, поговорить с Вадимом лично?

Серафима. Георгий Федорович хотел говорить, но мы удержали. Зная его характер и характер Вадима. Там бы ничего не вышло, кроме бури. Лучше, если вы повлияете. Если б вы повлияли в свое время...

Евсеев. Да. В свое время не сумел повлиять. Что верно, то верно... Чтоб он, значит, не ехал.

Серафима. Да, Андрей Иваныч.

Евсеев. И племянницу вашу из головы выбросил.

Серафима. Да.

Евсеев. Если он к ней так относится, как вы говорите,— он же меня пошлет к чертовой бабушке. И с какой стати я... Может, тут его судьба хорошая. Зачем же я буду встревать? Ради вашей миловановской фанаберии?

Серафима. Ну что вы говорите, Андрей Иваныч! У нас — фанаберия!

Евсеев. А что ж такое, как не фанаберия?

Серафима. У нас, работяг, всю жизнь отдающих общественному делу!

Евсеев *(встает)*. Видать, мы не работяги. Не отдаем жизнь... если Миловановы гнушаются моего Димку принять в семью! Не говорите, Серафима Павловна, гнушаются! Но, Серафима Павловна, влиять все равно не буду. Не буду своими руками крушить Димкино — может, самое святое, кто ж его знает! Серафима Павловна, они молодые, уедут, поженятся, если захотят, и будут себе существовать от вас в сторонке, и не будет вам унижения перед здешними людьми, что вашей Туси муж в тюрьме сидел,— вот ведь чего вам страшно! А вот он выучится — может, получше будет инженер, чем ваш Георгий Федорович, и поязыкастей вас разговаривать будет, Серафима Павловна, у него ведь всё только начинается, поймите, а вы на нем, смотри-ка, уже крест поставили,— ну, люди!

Входит Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна. Андрей Иваныч, ну не волнуйся ты, а еще хвалился — мол, на стенку не лезу...

Евсеев. Ольга Иванна, да полезешь тут, обидно же, понимаешь!

Ольга Ивановна. Голубчик, ты их прости, единственная ведь, дышали на нее всей семьей. У тебя чуть не дюжина, а тут одна, как цветочек нежный. Ну, хотят посмирней кого, поуважительней, ты ведь тоже своему дитю лучше хочешь, а не хуже.

Евсеев. Не в том обида, Ольга Иванна. В другом обида. *(Идет к двери.)*

Серафима. Так как же вы, Андрей Иваныч, решили?

Евсеев. Я вам сказал.

Серафима. Вы сказали под впечатлением обиды. А когда придете домой и подумаете, то скажете, что обижаться не на что и что Георгий Федорович и все мы совершенно правы. Вот увидите.

Евсеев. Ей-богу, вы уж и со мной говорите как с учеником, Серафима Павловна. *(Уходит.)*

Серафима. Не сумела убедить. Не нашла нужных слов.

Ольга Ивановна. Да, неладно вышло. Оскорбился старик.

Серафима. Придется еще поговорить. *(Берет письмо со стола.)* Знаете, мама, все больше кажется, что оно связано с ней. Может быть, лучше отдать его Жене, когда уже все разойдутся? Чтоб он свой праздничный вечер провел спокойно.

Ольга Ивановна. Это, Симочка, как ты считаешь нужным.

С е р а ф и м а. А то вдруг там неприятность какая-нибудь.

О л ь г а И в а н о в н а. Видишь, если это связано с Надей, то приятности там быть не может. Даже когда с Новым годом,— ну что там, поздравляю, желаю, верно? — и то тяжелая была открытка.

С е р а ф и м а. Почему?

О л ь г а И в а н о в н а. Написала, что не вернется никогда.

Они смотрят на письмо.

Это ужас, как Гоша тогда бушевал. Прямо как, знаешь, [redacted] старину проклинали. А Женя заплакал. Новый год встречали, как будто покойник [redacted] доме... И так всё сгоряча, раз-раз,— [redacted] дороженьки разошлись...

Смотрят на письмо.

Может, сообщают, что ее [redacted] на свете нет?

С е р а ф и м а. Все-таки это нельзя — не сразу ему отдать. Я не имею права.

О л ь г а И в а н о в н а. Сима, да прочтем! Чего мы гадаем? Открывай! Какие у него от тебя секреты? Ну, я открою...

С е р а ф и м а. Вот сейчас он придет и откроет. Давайте, мама, стол накрывать, [redacted] то не управимся, поздно уже.

Принимаются накрывать на стол.

2

Садится солнце.
В а д и м ждет у дороги. Быстро идет Т у с я. Она в нарядном платье, с букетом, завернутым в бумагу.

Т у с я. Что-нибудь случилось?

В а д и м. Не то чтобы случилось — хотел рассказать о событиях. Ты куда это вырядилась?

Т у с я. Да рождение дяди Жени. Что за события?

В а д и м. Не плохие, не пугайся, и не хорошие,— дурацкие. Твоя тетя Сима разговор имела с моим стариком. О нас с тобой.

Т у с я. Тетя Сима? А что она знает о нас с тобой?

В а д и м. Тетя Сима знает все. Она знает, что я тебя погублю.

Т у с я. Почему не папа или мама? Они тоже знают, что ты меня погубишь. При чем тетя Сима?

В а д и м. А она за папу, [redacted] за маму, и за всех Миловановых.

Т у с я. Чего им конкретно надо?

В а д и м. Чтоб ты шла направо, а [redacted] налево. Если ты в Ленинград, то я во Владивосток, [redacted] если ты во Владивосток, то [redacted] в Ленинград.

Т у с я. Удивительно глупо. И тетя Сима, такая умная женщина...

В а д и м. Не так глупо, как на первый взгляд. Совсем даже не глупо. Приедешь ты в большой город. Побежишь по театрам, по музеям. Увидишь парней — не мне чета: пока я дурака валял, они делом занимались... И забудешь обо мне думать, если не буду хоть иногда перед глазами. Правильный расчет. Ты ведь [redacted] сейчас ничего не говоришь определенно.

Т у с я. Димочка, я не знаю. Вот ты мне кинул записку, и [redacted] всеми правдами и неправдами от них вырвалась, чтобы прийти. И когда я тебя долго не вижу, то мне хочется увидеть. А значит это что-нибудь? Или нет?

В а д и м. У меня такого, как к тебе, никогда не было.

Т у с я. А у меня бывало похожее, во всех классах, еще даже [redacted] четвертом — в двоечника одного влюбилась, он на уроках только [redacted] делал, что записки мне писал... А потом проходило. Так что я боюсь тебя обмануть. Димочка, я побежала.

В а д и м (*удерживая ее за руку*). Обмани. Я переживу. Слушай, а вдруг [redacted] у тебя это все-таки немножко более масштабное, чем было с двоечником? Подумай об этом, когда будешь веселиться у тети Симы [redacted] дяди Жени. Там небось веселье — дым коромыслом.

Т у с я. Мне оно боком выйдет, сидеть потом до утра. Нашли время праздновать, когда у человека самая горячка.

В а д и м. А не ходи. Отнесу от тебя букет, и все. Зубрит, скажу, к экзамену, привет передает.

Т у с я. Папа не поверит, что я зубрю. Подумает, что мы с тобой куда-нибудь завеялись. Правильно, в общем, подумает.

В а д и м. Почему они тебе не верят? Ты им, что ли, много врала?

Т у с я. Не больше нормы. Во всяком случае, меньше, чем ты своему старику... Димочка, я опаздываю. До свиданья.

Вадим *(вслед)*. Туся!

Туся *(остановилась)*. Да?

Вадим. Просто хотел, чтобы ты оглянулась.

Расходятся.

Туся. Дима! *(Вадим остановился.)* Просто хотела, чтобы ты оглянулся.

3

Поздний вечеp. В поселке горят фоиари.
Евгений н Серафима провожают гостей. Гости почтенные, учтивые.

Гости.

— Серафима Павловна, спасибо. Евгений Федорович, спасибо.

— Будьте здоровы!

— Так у вас всегда приятно.

— Еще раз, Евгений Федорович, всего вам лучшего.

— Самого лучшего, как вы заслужили.

Евгений и Серафима. Спасибо. Не забывайте нас. Заходите.

Гости.

— И вы к нам, пожалуйста.

— Милости просим. Не откладывая, как говорится, в долгий ящик.

Евгений и Серафима. Спасибо. С удовольствием. Непременно.

Гости расходятся. Остаются, кроме хозяев, Георгий, Татьяна, Туся, Фрося и Серпухин, играющий с Георгием в шахматы.

Евгений. Почему я вас, дорогие, просил остаться — надо нам в своем кругу посоветоваться о семейном деле.

Серпухин. Минутку, Женя, сейчас я у него вырву ничью и смоюсь.

Евгений. Ты свой человек, Ваня. Послушай о наших заботах. Может, тоже подскажешь...

Георгий. Шах.

Фрося. Я пошла.

Ольга Ивановна. Побудь, Фросенька.

Евгений. Сиди, Фрося, сиди. Уж ты, можно сказать, прямое имеешь отношение.

Фрося. А что такое? Ольга Иванна! Почему Женя расстроенный?

Ольга Ивановна. Не расстроенный: немножко сбитый с панталыку.

Туся. Мама, я пойду?

Георгий *(не отрываясь от доски)*. Пойдешь с отцом и матерью.

Туся. Мне еще заниматься.

Татьяна. С другой стороны, Гоша, ребенку действительно заниматься нужно.

Георгий. Успеет. Мы скоро пойдем.

Татьяна. Скоро все пойдем, рыбонька.

Туся *(вскипая)*. Но что же я одна...

Серпухин. Шах. Георгий Федорович! Шах!

Георгий. Не одна, а с родителями.

Серпухин. А если я пожертвую ладьей?

Георгий. Попробуйте.

Евгений. Вот, значит, друзья, какое дело. Сестра Надя весточку прислала.

Ольга Ивановна. Жива-здорова, слава богу.

Евгений. Не очень здорова, но жива и хочет приехать.

Серафима. С дочерью. Дочь в восьмом классе.

Ольга Ивановна. Ольгой назвала в мою честь.

Татьяна. Какие новости...

Георгий. Да уж. Я считал, мы для нее и не существуем.

Евгений. Собственно, письмо девочка написала.

Серафима. Очень толковое письмо.

Фрося. Где ж они?

Ольга Ивановна. В Тамбове сейчас.

Фрося. С мужем разошлась или живут?

Серафима. Хотят без него приехать.

Георгий. В отпуск, что ли?

Евгений. Да нет, видимо совсем. Я так понял.

Георгий. Покажите письмо!

Евгений. Насчет развода прямо не сказано, но поскольку она пишет — приедем с мамой вдвоем, и найдется ли для мамы работа...

Фрося. А как Надя его любила.

Ольга Ивановна. Не говори! Помнишь, как она его сюда привезла, лохматого? Сама куска не съест, всё ему: Витечка, Витечка!

Фрося. Как она на меня кричала: он лучше всех!

Ольга Ивановна. Он в кладовке запрется проявлять свои фото, а она в сенях как на привязи ходит: Витечка, ты скоро? Прямо часу без него не могла.

Фрося. Подумать, что такое проходит. Что все проходит...

Ольга Ивановна. Девочка пишет — живут очень плохо. Всё с места на место, как птицы перелетные. Да с птицами не сравнишь, те гнезда вьют.

Евгений. Пишет — Надя прихварывать стала. Постарела, тяжело уже мыкаться.

Георгий *(дочитал письмо)*. Да, нечего сказать, хорошенькое существование устроила наша сестрица и себе, своей дочери. *(Передает письмо Тусе.)* Вот почитай, поучись жизни. А то вы ничего не цените, что имеете.

Серпухин. А кто ее муж?

Ольга Ивановна. Фотограф!

Георгий. И как ты, Женя, смотришь?

Евгений. Как я могу смотреть? Надя хочет вернуться на родину.

Георгий. Родина, конечно, понятие более широкое, чем Миловановка. Русский город Тамбов — та же родина. Кстати сказать, мы не знаем, чего хочет Надя. Письмо написано не Надей.

Евгений. Ей трудно писать. После того как молчала двадцать лет. После того как мы ее предупреждали! Умоляли! Естественно — поручила дочери.

Серафима. Абсолютно так.

Георгий. А какую ей искать работу? Ее специальность?

Ольга Ивановна. На фронте она была телефонисткой.

Георгий. Когда это было!

Татьяна. В письме сказано — работает где придется.

Георгий. Давайте мыслить реально. Приезжают два взрослых человека и предоставляют вам за них отвечать. За их материальное благополучие, за самочувствие, за все. Скажете — нет? Скажете — она в состоянии сама за себя отвечать. Надежда?

Евгений. Гоша, она едет в отцовский дом. Отцовский и дедовский.

Фрося. Дом, где она выросла.

Георгий. Да где тот дом!

Евгений. Да она-то не знает! Письмо адресовано в Старый поселок.

Георгий. Могла сообразить, что та халупа за двадцать лет двадцать раз сгнила!

Евгений. И не сгнила, не халупа, и Надя в ней имеет свою долю.

Георгий. Это следует спросить у юриста.

Евгений. При чем юрист? Судиться, что ли, с ней будем?

Георгий. Ну хорошо. Мои обстоятельства вы знаете. Нас три человека, и двухкомнатная квартира.

Татьяна. Да, Симочка, прогадали мы тогда. Погнались за комфортом, насколько у нас просторней.

Фрося. Если об этом речь, они вполне могут первое время перебыть у меня. А там что-нибудь сообразится.

Евгений. Спасибо, Фрося, этого не надо.

Серафима. Как можно. Чтоб у Миловановых для родной сестры угла не нашлось?

Евгений. Они будут здесь. Вот только работу... Ты у нас, Фрося, человек влиятельный...

Фрося заплакала.

Ольга Ивановна. Чего ты, Фрося? *(И заплакала тоже.)*

Фрося. Как представила себе, что опять ее увижу. Надюшку сумасшедшую... Какая она? Вдруг такая, что и не узнать. Измученная... седая...

Татьяна. Ну, почему седая! Она ведь моего возраста?

Ольга Ивановна. От такой жизни, Танечка.

Татьяна *(жалостно)*. Ну!.. Может, она красится. Наверно даже красится. Сейчас почти все женщины красятся различные цвета.

4

Дорога. Ночь. Огни поселка вдали.
Светится надпись на столбике: Миловановка.
Идут Надежда и Олюня. Одеты бедно, беден их багаж: заплечные мешки, в руках у Олюни авоська, у Надежды гитара.

Надежда *(подходит к столбику, спускает лямки с плеч)*. На том же месте, ну ты подумай! На том же самом! Только лампочек этих не было... Смотри: вот отсюда, кроме заводских труб, прежде ничего не было видно, весь поселок за бугром лежал. А сейчас вон как!

Дальний рокот мотора.

Слушай!

Красный огонек проплыл в высоте.

Отдохнем капельку. *(Садятся у дороги.)* Правда, эти дома на соты похожи?

Олюня. На что?

Надежда. Пчелиные соты, знаешь, медом налитые. Правда же! Я это еще когда заметила — когда папа в Красноярске новые дома снимал, ты помнишь? Вечером, все насквозь светящиеся... Ну прямо соты золотые! Какой был снимок, все восторгались... Не помнишь?

Олюня. На соты не похоже.

Надежда. А на что?

Олюня. На дома с освещенными окнами.

Надежда. И больше ни на что?

Олюня. Нет.

Надежда *(протестующе)*. Ну, разве?..

Олюня. Значит, наш дом — [redacted] той стороне?

Надежда. Ну да, вон там за бугром. Не разочаруйся: рядом с этими высокими его [redacted] не увидишь. Домик-крошечка [redacted] три окошечка.

Олюня. Мне безразлично. Лишь бы у нас там был свой угол... Неудобно, что ввалимся ночью, всех переполошим. Первое впечатление получится не очень-то.

Надежда. Вот никогда не нужно думать, что будет плохо. Давай думать, как они обрадуются. И бабушка Ольга Иванна, и дядя Женя. И дядя Гоша. Выскочат, закричат: Надя приехала!

Олюня. Вдруг их тут уже нет никого. Что тогда делать, ты себе представляешь?

Надежда. Кто-нибудь да есть. Не может быть Миловановка без Миловановых.

Олюня. Бабушка, наверно, умерла давно.

Надежда. Ой, да ну тебя! Чего ради она умрет?!

Олюня. А сколько ей?

Надежда. Ей сколько? Кажется... Не помню. А какое это имеет значение? Вот я тебя уверяю, что она жива.

Олюня. На письмо не ответили.

Надежда. Не успели. Мы же так скоропалительно поднялись и помчались...

Олюня. Вдруг они на тебя еще сердятся.

Надежда. Кто это может сердиться двадцать лет, господи... Да что с тобой? Сама меня тянула, торопила, [redacted] тут, смотрите-ка, сдрейфила! Это же прекрасные люди, мало ли каких ссор не бывает!

Олюня. Ну, пошли.

5

Семейное совещание продолжается.

Ольга Ивановна. Так я [redacted] знала, что она с ним будет несчастная.

Фрося. И я говорила — ты посмотри, на что он похож, такой весь потасканный.

Ольга Ивановна. И хромой! И женатый!

Евгений. Не нашего толка был человек, не нашей закваски.

Георгий. Бездельник!

Серафима. Какой смысл сейчас об этом говорить? Мы хотели посоветоваться, куда ее устроить.

Евгений. Может, у тебя, Ваня, не хватает какой-нибудь билетерши?

Серпухин. Билетерш хватает.

Серафима. У себя я тоже ничего не вижу. Если б она была квалифицированный педагог...

Евгений. А ты, Гоша?

Георгий. С техническим образованием — с завтрашнего дня возьму.

Евгений. А без технического образования?

Георгий. К станку, пожалуйста. Подучим, будет работать.

Фрося. По-моему, Женя, если у нее нет специальности,— к станку лучше всего. И в отношении заработка, и, как хочешь, почтенней, чем при дверях билетершей.

Ольга Ивановна. Верно, Фросенька, почтенно, благородно. И отец их, и дед у станка здесь работали.

Стук [redacted] окно.

Кого это бог дает?

Евгений *(идя отворять)*. И прадед! Почти уже точно установлено, что прадед тоже работал на нашем заводе! *(В сенях.)* Кто там?

Надежда. Миловановы здесь живут?

Евгений. Боже мой!

Надежда. Женя, это я.

Евгений *(отворяет)*. Надя?

Надежда. Ты получил письмо?

Евгений. Надя!

Целуются.

Надежда. А мы думали, вы спите. А подходим, видим — свет. А это Олюня.

Евгений. Ну, здравствуй, племянница. *(Целует.)*

Олюня. Здравствуйте, дядя Женя.

Евгений. Давай... Давайте... *(Помогает им снять мешки.)* Надюша, вот сюрприз в день моего рождения!

Надежда. Ой! Я и забыла, бессовестная, ты подумай! *(С нежностью.)* Поздравляю, Женичка, будь здоров, голубчик, будь счастлив!.. Так у вас гости.

Евгений. Все свои, свои. Входи. Входите.

Ольга Ивановна *(выбегает)*. Надя!

Фрося *(выбегает)*. Надюшка!

Поцелуи, слезы, говорят все сразу.

Надежда. Ольга Ивановна, миленькая, такая же, как была!

Фрося. А мы сидим, о тебе говорим...

Надежда. Честное слово, такая же, только побелела *(целует [illegible] голову)*, беленькая моя, мягонькая, хорошенькая...

Фрося. Надюша!

Надежда. Фрося!

Ольга Ивановна. А это Оля,— здравствуй, Оленька, здравствуй, деточка, Милованова О!

Евгений. Знакомься, Надя,— моя жена Сима.

Серафима. Здравствуйте, добро пожаловать.

Надежда. Я очень рада. Гоша!..

Георгий. С возвращением, Надя.

Надежда. Гошенька...

Георгий. Моя жена Таня.

Надежда. Здравствуйте, я очень рада.

Георгий. Наша дочь Туся.

Надежда. Сколько новой родни! *(Серпухину.)* А вы...

Серпухин. Серпухин Иван Васильич. Не родня, но очень добрый знакомый.

Серафима *(ставит на стол угощенье)*. Вы, должно быть, хотите умыться с дороги.

Надежда. Мы умывались, только что. В нашем прежнем домике.

Евгений. Ты не знала, что этот дом...

Надежда. Мы пешком шли со станции, пришли, посмотрелись в зеркало,— там люди симпатичные, предложили умыться. А вот поесть — да, спасибо...

Ольга Ивановна [illegible] Фрося. Пешком? Со станции?

Надежда. Да... поезд опоздал, автобус уже ушел... так что мы...

Олюня. Почему не сказать, что у нас не было ни копейки на автобус? От кого это здесь скрывать? Автобус отошел при нас.

Надежда. Да, как-то так получилось... Пообедали вчера в вагоне-ресторане...

Ольга Ивановна. Кушайте. Кушайте.

Евгений. Тебе грустно было, что в нашем домике чужие люди?

Надежда. Почему-то я вас думала увидеть там, в тех комнатках... [illegible] вышли другие. Но ведь все на свете меняется, Женя, должно меняться! У вас тут светло, весело...

Георгий. Та халупа уже разваливалась.

Надежда. Нет, они отремонтировали, домик славный, еще сто лет простоит, наверно. Сирень там как разрослась...

Евгений. Надо было разделиться, понимаешь. У меня семья, у него семья. Нам дали тут, в коттедже, Гоше — в большом доме...

Георгий. А старый дом пора под музей. А то что получается? — поселок назван в честь деда, а в его доме живут частные лица. Ты бы давно мог поставить вопрос.

Евгений. Нам с тобой не совсем удобно проявлять инициативу.

Георгий. Там когда-то был штаб миловановского подполья.

Надежда. Ой! Ну какие вы все хорошие, красивые, нарядные! Прямо удовольствие смотреть! Фрося, душенька, какой костюмчик у тебя интересный...

Ольга Ивановна. Кушай, Надя. Кушай, Олюнечка.

Надежда. А мы непраздничные, всю картину портим.

Евгений. Это все пустяки. Ты с нами, Надя. Вот главное: ты с нами.

Надежда *(показывая на Олюню)*. Уговорила меня.

Олюня. Два года уговаривала.

Надежда. Не хочет больше жить по-цыгански.

Олюня. Цыгане — и те уже оседло живут.

Евгений. Как же это все-таки вышло, как могло выйти, что нет у вас крыши над головой?

Георгий. И не было, как я понял из письма, за все двадцать лет.

Надежда. Очень просто. Ведь свою квартиру в Кустанае Витя оставил семье. Тогда еще.

Серафима. А вы — не семья его? Как же так? Он обязан был где-то устроиться, добиваться площади...

Надежда. Симочка, он не умеет.

Ольга Ивановна. Как же вы жили?

Надежда. Ну, приедем куда-нибудь, наймем комнату, или временно что-нибудь нам дадут, гостиницу... Поживем, потом в другое место едем.

Татьяна. А мебель у вас была?

Надежда. Нет, где ж тут заводить мебель. И зачем?

Татьяна. Ужас...

Фрося. Приедете, наймете комнату, и что дальше?

Надежда. Дальше он свое дело делает — он ведь замечательный стал художник! Замечательный! Вам, конечно, в центральных журналах попадались... *(Обводит всех взглядом. Беспощадное молчание.)* Ну, и я работаю... а Олюня в школу.

Олюня. Вот так я училась все годы. В шести школах училась.

Серафима. Уж хоть бы в интернат поместили девочку. Чтоб она не кочевала с вами.

Надежда. Мы пробовали в интернат. Не выходит у нас ничего такого.

Фрося. А что ты работала, где работала?

Надежда. Спроси лучше — где я не работала. И развалины прибирала — это после войны. И борщи разносила в столовке. И санитаркой была, и капусту солила на заготпункте. Что подвернется. Уж такая разнорабочая — в полном смысле слова.

Георгий. Счастливый характер. И не раскаиваешься.

Надежда. В чем?

Георгий. Вот прошла молодость. Прошла, не обольщайся,— [redacted] в итоге?

Надежда. Я не знаю... Жила, как жилось... Но, между прочим, я много таких встречала, что на месте не сидят. Не я одна. Катят, катят во все края! На целине, например, сколько народу перебывало. А строители, разные там монтажники, высотники... [redacted] геологи...

Георгий. Сравнила! Они главное делают. А ты что построила, что посеяла?

Надежда *(смеется)*. Кто-то же и капусту должен солить. Правда же! Хочешь верь, хочешь не верь,— мы,

которые солили, прямо были на вес золота. Яблоками нас заготпункт прямо закидал.

Георгий. Но должно же быть хозяйское отношение к жизни! Хотя бы [redacted] собственной! Хотя бы!

Надежда. А что, Гоша, [redacted] с удовольствием назад оглядываюсь. Может, я и наломала каких-то дров. Олюне, конечно, трудновато было... Но зато: [redacted] сколько мы с тобой, Олюня, повидали? И Сибирь. И Урал. И Среднюю Азию. И Камчатку. В таких побывали местах, что вы представления не имеете, разве что в кино вам покажут. В вулканы заглядывали, на рыболовных судах плавали, на верблюдах ездили, верно же, Олюня?

Олюня. Да, был случай, попросились сесть на верблюдов, чтоб папа нас снял. Потом этот снимок напечатали где-то... Я не против, чтоб люди путешествовали, но когда человек десять дней трясется в поезде на голой полке, он должен знать, что где-то у него есть дом. Пусть даже этот дом будет — одна комната. С самой плохой мебелью. Но своей! Чтоб если нечаянно поцарапал стол, то не просить прощенья у хозяйки... И не в этом дело, а в том, что тебе говорят — какая ты способная, [redacted] ты не в силах учиться даже на пятьдесят процентов способностей, всё тебя куда-то тащат... И всё перед тобой, как на экране, мелькает, мелькает, все время новые учителя, новые ребята... Ни к кому не успеешь привыкнуть... Ни лица не запомнишь, ни фамилии... Все школы как вокзалы... И что ты рассказываешь. Расскажи, как ты этой весной чуть не умерла! В нетопленной комнате лежала с воспалением легких, пока добрые люди, спасибо им, в больницу не устроили!

Надежда. Кто ж говорит, много было минусов...

Олюня. Дядя Женя и дядя Гоша. И тетя Сима. И бабушка. Я маму уговорила. Папу уговаривать бессмысленно. Он не понимает. И не надо ему ничего, потому и не добивается, что ему ничего не надо. И мама с ним тоже иначе жить не будет. Он с ней совершенно не считается, совершенно!

Надежда. Да что ты, Олюня. Ты вспомни, как он плакал, когда я болела.

Олюня. А какие он сделал выводы? Ты выписалась из больницы, и он перестал плакать, [redacted] топить все равно было нечем... Дядя Женя. Тетя Сима. Бабушка. Мы не для того приехали, чтоб быть иждивенками. Я все, все буду вам делать. Но дайте нам, пожалуйста, тут пожить, пока я окончу школу [redacted] поступлю в университет. Девятый

и десятый класс — большая очень программа. Я и так уже переросток. И маме нельзя так больше... Я хочу, чтобы вы знали всё. Папа иногда уезжает в Кустанай к своей прежней семье, и мама позволяет...

Надежда. Он же ездит проведать сыновей! И внучку. У него внучка, четвертый годик...

Олюня. А почему ты не спишь по ночам, когда он ездит проведать внучку?!

Серафима. На какой факультет ты хочешь?

Олюня. Физмат. И науку хочу.

Евгений. Молодец!

Надежда. Ты неправильно обрисовала. Будто папа как-то не так ко мне относится. Уж до того привязан!

Олюня. Да: свистком тебя подзывает, как собачонку!

Надежда. Почему собачонку?.. *(Объясняет всем.)* Это у нас такой условный сигнал. *(Высвистывает коротенькую мелодию — три такта.)*

Мы в любой толпе друг дружку находим. Как-то на базаре его потеряла. Бегаю, народу тыща, туда, сюда — нет его нигде! Сообразила: возьму да как свистну! *(Свистит.)* И сразу же в ответ. *(Свистит.)* И смотрю — вот он!

Фрося. Как же ты от него уехала?

Надежда. Да все сейчас сложилось одно к одному. Отказали нам от комнаты. Вите разрешили ночевать в редакции, он там с секретарем подружился. Костя такой славный парень... А с семьей в редакции не разрешили, нельзя. Потом я, правда, после болезни никак с силами не соберусь... Ну, и...

Олюня. Я что думаю. Если б мне за лето подготовиться и сдать не только за восьмой класс, но и за девятый. Если б это было возможно. Тогда бы мне только год осталось в школе.

Серафима. Вполне возможно и очень разумно.

Георгий. Я запутался, извините. Ты с ним, выходит, не окончательно порвала?

Надежда. Нет, бог с тобой!

Георгий. Просто здоровье подправить приехала?

Надежда. Если вы ничего не имеете против...

Серафима. Да помилуйте, наоборот!

Евгений. Фу ты, Гоша, я не понимаю...

Георгий. Я к тому, что городить огород с работой и прочее — ни к чему? Скок-скок на Камчатку, скок-скок в Миловановку...

Надежда. Работу я найду. Я всегда нахожу. А сколько придется с вами пожить?.. Не умею загадывать далеко!

Евгений. Я уже сказал, Надя: ты приехала в свою семью. Все, что нужно, чтоб наладить вашу жизнь, подлечить, обеспечить ее будущее... *(Растроганно гладит Надежду по голове.)* Вот так. А, и гитара тут, подруга семиструнная, по-прежнему с гитарой...

Надежда. Нет, Женичка, не по-прежнему, теперь я гораздо лучше и пою, и играю, даже в самодеятельности выступала. Скажи, а есть в Миловановке хороший магазин культтоваров?

Евгений. У нас все магазины хорошие, в том числе и культтоваров.

Надежда. Обещала Вите пленку прислать для цветной фотографии. И рамочки для диапозитивов, знаешь, такие маленькие, из пластмассы, в Тамбове нет.

Серпухин. Так вы, Надежда Федоровна, поете в самодеятельности?

Надежда. Пела несколько раз. Вообще-то я так, для себя.

Серпухин. Очень бы хотелось послушать ваше пение.

Фрося. Спой, Надя, а?

Надежда. Ну, сейчас?

Фрося. Спой.

Надежда. Витя тоже научился петь. У нас с ним дуэты хорошо получаются. *(Берет гитару.)* Гоша, а ты не рассердишься? Ты на меня смотришь очень сердито. *(Поет.)*

Серпухин. Браво, Надежда Федоровна!

Евгений. Ничего, верно? Ай да сестренка!

Татьяна. А приятно, должно быть, петь. И себе удовольствие, и людям...

Георгий. Пой, кто тебе мешает?

Татьяна. Не умею. А то бы пела. Не научилась...

Надежда *(Фросе)*. Как?

Фрося. Удивила ты меня, Надюшка...

Надежда. Он говорит — прошла наша молодость. Ни черта она не прошла! *(Поет.)*

Антракт

6

Перед домом Евгения. Сидят на солнце Надежда, Татьяна, Фрося.

Татьяна. С тех пор как ты приехала, я какая-то стала такая. Какие-то глупости в голову лезут. Например: [illegible] что, если [illegible] вдруг влюблюсь?

Надежда. Очень хорошо, [illegible] влюбляйся на здоровье.

Татьяна. Безумно влюблюсь.

Надежда. Если не безумно, то и не стоит.

Татьяна. А Гоша?

Надежда. А ему будет полезно.

Татьяна. Думаешь?

Надежда. Меньше будет тобой командовать.

Татьяна. Ты его плохо знаешь.

Надежда. И он пускай влюбится.

Татьяна. Совсем не знаешь. Не влюбится. Интересно, [illegible] в меня когда-нибудь был влюблен? Целовались в кино. Часы с браслетом подарил. А любовь — была?

Фрося. Значит, была, если столько прожили.

Татьяна. Когда Надя о своем говорит, у нее все лицо сияет. А у нас с Гошей ничего не сияет.

Фрося. Не обязательно, чтоб сияло. С жиру выдумываете.

Надежда. Влюбись, Таня.

Татьяна. А в кого? Все или на заседание, или с заседания. А если так куда-нибудь, то с женами, жены во все глаза смотрят... Один Серпухин, так он до того ходит обтрепанный, что я не могу. Как не стыдно, не по положению совсем. Ведь зарплата хорошая.

Фрося. Да, скуповат был Ваня бедный.

Татьяна. Это не скупость, это он от успеха у женщин. Говорит — ему как вдовцу ну просто отбою нет. Просто, говорит, нахожусь в кольце осады, даже при таком пиджаке. Что же, говорит, будет, если куплю новый костюм?

Идет почтальон.

Надежда. Почта! *(Бежит к калитке.)*

Почтальон. Журнальчик возьмите.

Надежда. А письма?

Почтальон. Пишут.

Надежда. Посмотрите хорошенько, я вас очень прошу,— должно быть. Для Миловановой Эн Эф.

Почтальон. Нет Миловановым. *(Уходит.)*

Татьяна *(помазалась маслом из флакона)*. Но между нами: не всегда плохо, если муж командует. Во-первых, женщина себя чувствует под крылом. *(Понизив голос.)* Вы посмотрите на Симу: ну, ходит перед ней Женя на цыпочках, ну и что? Какое такое особенное счастье? Все сама решай, все на тебя смотрят, ждут руководящих указаний,— [illegible] когда отдыхать? Когда заняться своим, женским?

Надежда. Сима хорошая.

Татьяна. Но жизнь у нее — как у колхозного бригадира. Нет, под крылом уютней. А у вас кто глава семьи — ты или он?

Надежда. Вот не думала. Наверно, у нас нет главы. Или вот, когда он болеет по месяцу, по два... и все ждем и считаем, сколько я заработала,— тогда, наверно, я глава.

Татьяна. А чем он болеет?

Надежда. Ой! И астма, и печень, и, представь себе, до сих пор осколки, что в ноге, дают себя знать!

Татьяна. Как же вы в эти месяцы выкручиваетесь?

Надежда. Как-то выкручиваемся.

Татьяна. Чего только не выдерживает страстная любовь.

Фрося. Мне на тебя, Татьяна, противно смотреть. Имеет мужа, дочку, нет — еще страстную любовь ей подавай, безумную, видали? А как иная баба до седых волос в одиночку, сама себе и глава, [illegible] крыло, разве что поллитром на вечерок барахло какое-нибудь приманит! А другая с барахлом не может, мутит ее от барахла. И остается — что? Сознание полезности своей, что все же, мол, кому-то нужна, не зря небо коптит? Так мало этого, поймите. Так природа нас сотворила, что мало, мало!

Серафима *(выходит из дома)*. Не так уж мало. Великая вещь — сознание, что не зря коптишь небо.

Фрося. Тебе легко говорить. У тебя всё есть.

Серафима. Кроме детей, Фрося. Кроме детей... Нет, женщины, если что нам дает и силу, [illegible] достоинство — это наше место [illegible] жизни. Наш удельный вес в ней. Недавно был у меня разговор с женой одного алкоголика...

Ф р о с я. Зачем же алкоголика? Ты возьми семью нормальную.

С е р а ф и м а. Я с ней говорила и думала: насколько бы лучше ей быть незамужней, чувствовать себя полезной для общества, быть окруженной уважением...

Ф р о с я. Не агитируй, ради бога. Вот, меня уважают, пожаловаться не могу,— а семью мне это заменяет? И почему обязательно алкоголик, чепуха. Ты плохой агитатор, Сима.

С е р а ф и м а. До сих пор этого не находили.

Ф р о с я. Ты не испытала, что значит прийти домой, а дома — никого. Была мама жива, уж как была плоха последние годы,— хоть аукнуться было с кем. А сейчас до того пусто... Для себя для одной даже чайник поставить неохота.

Т а т ь я н а. А я обожаю приходить домой, когда никого нет. Гоша на заводе, Туся убежит... Приму душ в свое удовольствие, включу телевизор... Он работает, а я в комбине по комнатам хожу и поглядываю, если что интересное...

Ф р о с я. И часто это? Что ты одна по дому гуляешь в комбине?

Т а т ь я н а. Ну, бывает иногда...

Ф р о с я. Иногда. А ты попробуй жить на пару с телевизором.

С улицы входит Е в г е н и й.

Е в г е н и й. Загораете на солнышке?

С е р а ф и м а. Устал?

Е в г е н и й. Затянулось заседание.

С е р а ф и м а. Сейчас чайку попьем. *(Уходит в дом.)*

Е в г е н и й *(Фросе и Татьяне, которые поднялись уходить)*. Загорайте, загорайте...

Т а т ь я н а. Домой пора.

Ф р о с я. Я забегала на Надю взглянуть.

Е в г е н и й. И как вы ее находите?

Т а т ь я н а. Посвежела, такая интересная.

Ф р о с я. Правда, Надюшка, день ото дня расцветаешь.

Н а д е ж д а. А еще бы! Когда все подано-принято, ни за холодную воду не дают взяться.

Е в г е н и й. Отдыхай, девочка.

Т а т ь я н а. Входишь во вкус — что значит быть под крылом.

Н а д е ж д а. Да я никогда не была против! Какой дурак будет против? Просто — лично у меня так не получилось.

Ф р о с я. Ну, пойдем, Таня. Пусть Женя отдыхает.

Попрощавшись, Татьяна и Фрося уходят.

Е в г е н и й. Как я рад, ты бы знала, что ты здесь. Очень меня тяготил наш разрыв.

Н а д е ж д а. Уж чересчур вы его ругали. Больше, чем я могла вынести.

Е в г е н и й. Прямо гора с плеч, что сидишь ты около меня, такая славная... Пытался тебя искать. Да где ж найти, когда ты по всему Советскому Союзу...

Н а д е ж д а. Паршивая вещь разлука.

Е в г е н и й. Отвыкаешь невольно, так уж мы, видимо, устроены. Но вот ты приехала — и опять родная, своя,— и знаешь, что мне радостно,— что ты в своей нелегкой жизни,— прямо сказать, в своей ненормальной жизни — не опустилась, не огрубела, все так же глаза блестят, как будто ты все та же девочка и сейчас мы с тобой на войну пойдем.

Н а д е ж д а. Да, помнишь, как мы шли на войну? Молоденькие, худенькие...

Е в г е н и й. И все нам было трын-трава — бомбы, смерть...

Н а д е ж д а. Я в нее не верила. Не верила, что меня могут убить.

Е в г е н и й. Я заметил: это очень много значит, когда у человека блестят глаза.

Н а д е ж д а. Ну, спасибо, что я тебе нравлюсь.

Входит С е р п у х и н. Он одет со всем великолепием, приемлемым в наши дни.

Е в г е н и й. Мать честная, что делается!

С е р п у х и н *(смущен)*. Я на минутку, к Надежде Федоровне. По делу.

Е в г е н и й. Покажись-покажись. В честь чего такой блеск?

С е р п у х и н. Да вы же меня затравили, что костюм не тот. Ну вот, нате вам новый. Теперь новым костюмом будете травить, знаю я вас. Как самочувствие, Надежда Федоровна?

Е в г е н и й. Сима, а Сима! Иди посмотри на Ваню. Да ты весь новый! Рубашка нейлоновая?

Серпухин. Пошел ты к черту! Хватит! Так вот, Надежда Федоровна: дело у меня к вам.

Ольга Ивановна *(из окна)*. Здравствуйте, Иван Васильич, с обновой!

Соседка *(из-за забора)*. Как в старину желали: из этого да в лучшее!

Серпухин. Спасибо...

Серафима *(выходит на крыльцо)*. Товарищи, сколько вас ждать? Чай перестоится. Здравствуйте, Иван Васильич.

Евгений. Ты видишь? Ты посмотри!

Серафима. Конечно, вижу, только не понимаю, зачем из этого делать событие. Чашку чая, Иван Васильич.

Серпухин. Спасибо, Серафима Павловна, я только два слова по делу Надежде Федоровне, и во Дворец.

Серафима. Женя! *(Уходит с Евгением.)*

Серпухин. У меня к вам, Надежда Федоровна, деловое предложение: выступить у нас во Дворце культуры с исполнением ваших песен.

Надежда. Ну что ж.

Серпухин. Я уверен, вы будете иметь большой успех.

Надежда. Я когда выступала — хлопали, ничего. Хотя ведь самодеятельности всегда хлопают.

Серпухин. Вы будете иметь громадный успех! Что-то такое в вас есть с головы до ног и до мозга костей, такое артистическое, художническое... Если не возражаете, мы вместе подумаем о репертуаре.

Надежда. Ой, я знаю такие песни!

Серпухин. У нас, надо вам сказать, дело поставлено очень серьезно. Ансамбль песни и пляски. Недавно сшили им новые костюмы — потрясающие! Драматический кружок — на первом месте в области. Ставили самые выдающиеся вещи, вплоть до «Грозы» и «Бронепоезда». Имеем премии всесоюзные и республиканские, не говоря уже о грамотах, благодарностях и так далее. В прошлом году создали детскую хореографическую группу, она уже выступает. Теперь вот познакомим наших зрителей с вашим дарованием. Чему я от души рад, Надежда Федоровна, и очень вам благодарен. И знаете, мы вам сможем устроить гонорар. Небольшой, конечно, по нашим возможностям.

Надежда. Да ну? Я никогда не получала гонорар.

Серпухин. А у нас получите.

Надежда. Чу́дно!

Проходит почтальон.

Почта! *(Бросается навстречу.)*

Почтальон. Я же вам сказала: Миловановым нет! *(Проходит.)*

Надежда *(возвращается)*. Да, о чем мы говорили? Да, вы мне, значит, дадите подработать немножко.

Серпухин. Договорились, Надежда Федоровна. И когда мы побеседуем насчет репертуара?

Надежда. А когда хотите. Мне все равно.

Серпухин. Давайте не откладывать надолго.

Надежда. Давайте.

Серпухин. Если завтра?

Надежда. Хорошо.

Серпухин. С утра вам удобно?

Надежда. Давайте с утра.

Серпухин. Так, значит, до завтра, Надежда Федоровна.

Надежда. До свиданья.

Серпухин уходит.

Соседка *(из-за забора)*. Подумайте, все нет и нет вам письма.

Надежда всходит на крыльцо.

Странно!

Надежда уходит в дом.

Серпухин *(удаляясь, мечтательно)*. Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...

7

В квартире Георгия. Туся и Олюня.

Туся *(роется на книжной полке)*. Вот тебе тригонометрия. Физика за девятый. А чего нет — тетя Сима достанет.

Олюня. У нее и так со мной столько хлопот... Не знаю, чем я отблагодарю за такое отношение. Она говорит — как кончатся госэкзамены, она сама со мной будет заниматься. И математичка из ее школы.

Туся. Ох, эти экзамены! Сидишь, сидишь...

Олюня. Я тебе помешала, извини.

Туся. Ничего не помешала, я рада хоть капельку оторваться. Косточки мои бессонные! Понимаешь, всё надо сдать на ура. Если будут тройки, в Ленинград нечего и соваться.

Олюня. Мединституты есть во многих городах.

Туся. Хочу в Ленинград. Ты вот где только не побывала, а я? В пионерлагерях. Да на экскурсию со школой ездила. Но один раз, два года назад, папа ездил в Ленинград, в командировку, каникулы были, лето, и он нас с мамой взял. Мама что-то купить хотела, а я вдруг себя увидела среди такой красоты! Вот как твоя мама говорила, что даже во сне не приснится... Ни в музеи не хотелось, ни в театр,— бродить, бродить по улицам... по набережным... и днем, и в светлые эти ночи... Эти здания — среди воды и неба, воды и неба! Розовая вода в полночь и золотые шпили... Дождь пошел, и ты не поверишь — все еще красивей стало! Да что я рассказываю, ты сама, наверно, видела.

Олюня. Нет, в Ленинграде мы не были.

Туся. И сидит он во мне как заноза. И всего неделю мы там прожили. И к концу недели мне казалось, что я никогда нигде больше не жила и ничего другого не любила. Такой это город.

Олюня. Красота зданий, по-моему, роли не играет.

Туся. Всякая красота играет.

Олюня. Но, конечно, нужно выбирать, где преподавание на самой большой высоте. Где можно набраться настоящей культуры. Я об этом много думала. Я думала вот о чем. Говорят, прадедушка наш, в честь которого Миловановку назвали, малограмотный был. Читал, говорят, еле-еле, а писать не умел вовсе, только фамилию мог подписать. А мы с тобой будем — ты, может быть, знаменитым хирургом, а я — физиком вроде Капицы... или Резерфорда... Если вдуматься — это то самое, за что боролся прадедушка.

Туся. Я не буду знаменитой. Для этого слишком много требуется.

Олюня. Но если очень стремиться! Если все подчинить одной цели!

Туся. Трудно. Хочешь не хочешь — отвлекаешься.

Олюня. Не отвлекаться!

Туся. Практически невозможно.

Олюня. Я сейчас читаю, читаю. Тетя Сима дала мне список, что прочитать в первую очередь. У нее все классики есть: протяни руку и бери.

Туся. А куда девать любовь, если все подчинить одной цели? Ведь любила же ты?

Олюня. Нет.

Туся. Ни разу?

Олюня. Я не успевала. Меня гнали мимо.

Туся. Я бы все-таки успела. Одними классиками жив не будешь.

Олюня. Два раза, нет, три — мне показалось... Но мы сейчас же уехали. И тогда я решила об этом не думать никогда.

Туся. Ты так можешь? Решить — и не думать?

Олюня. Да, я могу.

Туся. Серьезно?

Олюня. Я когда-то решила не думать, что я одета хуже всех в классе. И заставила себя не думать. Совсем! Потом решила не думать о том, что все нас жалеют или смеются над нами. Хорошие жалеют, а сволочи смеются. *(Стиснув руки.)* И не думала!

Туся *(после молчания)*. Возможно, из тебя действительно выйдет Резерфорд. Очень может быть.

Олюня. Ты ничего этого не в силах понять как следует. С твоим детством!.. В сущности, дети должны бы выбирать себе родителей.

Туся. Тогда у некоторых, и даже у многих, не было бы детей.

Олюня. И правильно. Значит, заслужили.

Туся. Выбирать — трудная штука. Вот, например. Человек тебе, в сущности, далекий. Какую-то свою прожил жизнь, которая тебе непонятна. И страшновата даже. И многие от него чего-то страшного ждут. И что-то всегда в глазах от той жизни, какой-то сумрак. И старше тебя на целых пять лет! А есть другие, дурачки веселые, хохочут, острят, все в них как на ладони ясно, вместе учились, вместе на каток... И не нужны, можешь ты понять? Не нужны.

Олюня *(выслушала хмуро и немного свысока)*. Да. Отвлекаешься. Очень.

Туся *(засмеялась)*. Я же тебе говорю.

Олюня. Занимайся. Я пошла.

Туся. А готовальня? Забыли про готовальню!

Олюня. Спасибо. *(Уходит с учебниками и готовальней.)*

Туся. Что понадобится — приходи. Вообще приходи. *(Подходит к открытому окну, смотрит Олюне вслед.)*

Под окном появляется Вадим.

Димочка, ты тут.

Вадим. Я из своего окна два часа смотрел, как ты треплешься с родственницей.

Туся. Мне надо заниматься, Димочка.

Вадим. Как трепаться с родственницей, так занятия побоку.

Туся. Димочка, без свидетельства об окончании школы мне в Ленинграде не быть.

Вадим. А я тебя не дождусь, ты знаешь? Массовые отпуска начались, брат пишет — я должен стать на работу не позже первого, ну — пятого. Так что придется мне ехать раньше.

Туся. А когда я приеду — встретишь?

Вадим. Да ни за что. Какого черта? Когда ты по три часа сидишь с родственницей, а для меня и минуты нет.

Туся. Димочка, Димочка, мне надо заниматься.

Вадим. Иди занимайся.

Туся. Заниматься надо.

Вадим. Иди-иди.

Туся *(не двигаясь)*. Правда, надо.

Вадим *(смотрит на нее снизу)*. Туська, если я когда-нибудь забуду тебя вот такую... Пусть тогда судьба что хочет со мной делает. Пусть насылает на мою голову чуму, холеру, проказу, черную оспу...

Туся. Глупый, откуда она тебе столько возьмет...

Вадим. Полиомиелит! Пусть я ослепну. Пусть у меня отсохнут руки и ноги...

8

Надежда на телефонной станции.

Голос телефонистки. Даю Тамбов. Тамбов, вторая кабина. Говорите с Тамбовом.

Надежда. Алло! Алло! Это редакция? Редакция? Будьте так добры, попросите Костю, ответственного секретаря. Костя, это вы, я не узнала, богатым будете! Да, я, здравствуйте! Очень хорошо поживаю, прямо лучше не бывает, спасибо, а вы? Костя, а Витя не у вас? Ну, а как он вообще? Как он без меня поживает, говорю? Уехал, давно? Куда? В Кустанай?..

Голос телефонистки. Говорите!

Надежда. Костя, а вы не знаете, почему он мне не написал? Да я здесь ни одного письма от него не получила! А мои письма пришли? До востребования пишу, на почтамт, как условились. А посылочку мою он успел получить? Тоже не знаете? Маленькая такая, и ему пленку посылала и рамочки... Если б он сообщил, что едет в Кустанай, я бы прямо в Кустанай и послала, а то вот какая неудача, так, значит, и лежит все... Кустанайский адрес оставить на почтамте? Может, догадался, а может, и забыл, у него память неважная... Костя, а как он себя чувствовал? В смысле здоровья. На печень не жаловался? Не задыхался? Кашлял, да? Очень?.. А из Кустаная он куда, не говорил? Может, кому-нибудь другому сказал, там у вас в редакции? Ну хорошо, Костя, спасибо, вам тоже всего. Конечно, буду ждать, конечно, напишет вот-вот, всего, Костя... *(Выходит из кабины.)*

9

На улице Олюня встречается с соседкой.

Соседка. Олюнечка, все с книжками, умница, бегаешь.

Олюня *(рассеянно)*. Здравствуйте.

Соседка. Постой-ка, Олюня, а Олюня! Иди-ка сюда. Хочу что-то сказать. Важное. Ты вот что. Ты о маме заботишься — так ты позаботься до конца. Она сама не позаботится. Уж я вижу. А ты сумеешь поставить вопрос как следует. И тактично, и так, чтобы прислушались. Да они прислушаются! Потому что мнение коллектива будет за вас, а они с мнением коллектива считаются.

Олюня. Не понимаю, что вы имеете в виду.

Соседка. Я имею в виду ваш старый дом в Старом поселке. Ну как же так? Ведь мама тоже наследница. Все Миловановы наследники, не только Евгений Федорович да Георгий Федорович. Не только! А они что сделали, взяли да разменяли дом на две квартиры, а мама, выходит, сбоку припеку, как же так?

Олюня. Они не знали... Она им не писала.

Соседка. Не писала! Если б ее, не дай бог, к тому времени на свете не было — так ее дети наследники! Ты наследница! Двумя третями могли распорядиться, а третья часть ваша! И по закону, и по совести! На четыре комнаты дом — одна комната и с третью была ваша.

И третья часть приусадебного участка. Полное право имеете требовать. И общественность скажет свое слово. И такие, главное, справедливые люди. Высокой морали... В крайнем случае как должны были сделать? Должны были дом продать и третью часть суммы отложить на книжку. И сейчас бы мама имела с процентами. За столько лет представляешь себе, какие бы набежали проценты. И вы бы имели что-то. А вы ничего не имеете.

Олюня. Папа иногда зарабатывал хорошо. Нам не деньги нужны.

Соседка. Как же это, деточка, может быть, чтоб деньги были не нужны?

Олюня. Вы напрасно их обвиняете. Они ничего плохого не сделали. Мама бросила этот дом. Он ей был не нужен. А им нужен. И пусть они его взяли себе. Правильно.

Соседка. Да спроси кого хочешь...

Олюня. Мне незачем спрашивать. Если кто-то кинул и думать забыл, а другой поднял — ничего нет несправедливого. Тот, кто кинул, он сам на это шел. Он растоптал!.. И пусть все будут такие, как тетя Сима и дядя Женя.

Соседка. Ты это от упрямства или потому, что они тебя пригрели?

Олюня. Извините, пожалуйста, я спешу. *(Уходит.)*

10

Скамья.
Входят и садятся Надежда и Серпухин.

Серпухин. Вот отсюда открывается наш самый прекрасный вид. Изменился он?

Надежда. Как сказать? И изменился, и нет. Вон та дорога — в бабушкину деревню Ветошку. Вы замечали, до чего живучи дороги, которые люди своими ногами проложили? Видит человек протопку и идет, и следующий за ним, и следующий... Заграждение поставь — все равно перелезет и пойдет по хоженому...

Серпухин. Да, уже и шоссе проложено первоклассное, автобусы, павильоны, скульптуры... а народ эту протопку не забывает. Нечто в этом роде, обратите внимание, бывает в искусстве. Скажем — создана изощренная передовая музыка, выдвигаются композиторы один изумительней другого, а наша концертная публика с превеликим удовольствием слушает что? Простые старые песни!

Надежда. Ну и что? И хорошо. Так и должно быть, по-моему: и то и другое.

Серпухин. И я считаю. Как сказал Маяковский про поэзию: больше стихов хороших и разных.

Надежда. Почему это в шоссе нет поэзии? Хоть какие наставь скульптуры, а нет и нет. А эта дорожка — вьется, вьется, моя дорогая, и зовет, и бередит... Бывало, как обижусь на Ольгу Иванну, так хлеба в узелок завяжу — и туда, в Ветошку к бабушке. Иду и воображаю, что я несчастная падчерица, которую злая мачеха из дому выгнала. Нарочно разуюсь, босиком шлепаю, чтоб пожалостней...

Серпухин. Ольга Иванна плохо с вами обращалась?

Надежда. Я с ней обращалась плохо. Представления эти устраивала, чтоб ее наказать. Она с меня правильные вещи требовала. Я, например, ужасно любила пропускать школу. Самая первая моя была забота — как бы утром выспаться, а в школу не пойти.

Серпухин. Бывают такие натуры. Я тоже учился посредственно, прямо из школы — на фронт, а демобилизовался в сорок шестом — женитьба, то, се, в общем, обошелся без высшего образования. Иногда жалею, а иногда думаю — может, оно и не обязательно, может, это современный такой предрассудок, чтобы человек до двадцати пяти, до тридцати лет, в самый расцвет своих сил, ходил в школярах?.. В конце концов, это не мешает мне заниматься любимым делом... В наше время можно многого достигнуть путем самообразования... Я, собственно, пытался, даже числился почти год заочником... но перед первой же сессией пришлось выбыть — отвычка, знаете, от регулярной учебы, семейные обязанности — жена хворала, это требовало, вы понимаете, с моей стороны... Я не могу, Надежда Федоровна, быть невнимательным с женщиной, которая мне доверила свою жизнь. На мой взгляд, это первый долг мужа по отношению к жене. Помните у Лермонтова эту замечательную молитву:

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания...

Надежда *(помолчав)*. Вот вы об Ольге Иванне. Вы подумайте, что она за человек. Ведь когда папа умер, она еще была молодая. И трое нас, в том числе мальчишек

двое. А такая девчонка, как я была, еще трудней мальчишек. Другая бы распихала нас по детским домам да замуж бы вышла, и дело с концом. А она всю себя на нас положила.

Серпухин. Очень приятно слышать, что вы с такой сердечностью всегда отзываетесь о людях. Это очень красивая черта. У женщины особенно.

Надежда. Вообще-то я нормально только в семье и жила, с ней и с братьями. А то все ненормально, Женя прав.

Серпухин. Потому что не было возле вас спутника, который бы...

Надежда. Но вы меня, мне кажется, не очень осуждаете.

Серпухин. За что?

Надежда. За то, что я так жила.

Серпухин. Какое я имею право, это раз. И что осуждать? Если вы кому-нибудь причиняли вред, то только себе, как я понимаю. Жили вы так потому, что вам диктовало чувство. Я очень люблю вашего брата Женю, но мне странно, дико, когда он восстает против вашего чувства, опротестовывает его, возмущается... Как можно опротестовывать чувство? Оно существует — как ну вот земля, как небо, как звезда. Как можно восставать против звезды? Сам такой, в сущности, чувствительный...

Надежда. Они требуют, чтоб чувства были правильные. Но это уже не чувство, правда же! — когда по требованию... Копейка ему тогда цена.

Серпухин. Разрешите задать один вопрос.

Надежда закуривает.

Ах, ну зачем вы курите! С вашим здоровьем! Я после некоторого случая с сердцем — бросил. После звоночка, так сказать. Надежда Федоровна, дорогая, призовите силу воли, бросьте!

Надежда. Ладно. Когда-нибудь.

Серпухин. Вы представляете, что вы делаете со своими легкими? С сосудистой системой? Вы только нарисуйте себе эту картину!

Надежда. Хорошо, хорошо. Брошу, как вы бросили: когда сердце даст звоночек.

Серпухин. Как бы я хотел, чтобы вы это сделали до звоночка!.. Но я решился задать вопрос. Вы действительно вернетесь... к мужу?

Надежда. Как же я не вернусь?

Серпухин. Я вижу, как вы посвежели, расцвели в обстановке ухода... и любви. И опять взвалите на плечи мешок и пойдете — куда? На сплошные лишения! Сплошные скитания! Босиком, и хлеб в узелке!

Надежда. Ну-ну. Теперь я в поездах езжу и в самолетах летаю. И вон у меня какие туфельки.

Серпухин. Не обижайтесь: я помню, какие на вас были туфельки, когда вы пришли.

Надежда. Вы у нас, Иван Васильич, известный франт, вам на глаза не попадайся, если как-нибудь не так одет.

Серпухин. Известный франт, еще бы... Надежда Федоровна, а если бы ваши братья — и расположенные к вам люди — устроили бы вас — и в жилищном отношении, и в прочих — со всей вашей семьей — здесь в Миловановке? Я думаю, острота отношений смягчилась за столько времени между вашими братьями и вашим мужем.

Надежда. Он не будет жить на одном месте. Вы поймите, это название фоторепортер, такое грубое, простецкое, оно совершенно к нему не идет, он артист, творец! Он в Кременчуге устраивал свою выставку, так вы бы видели, что писали посетители в книге отзывов! Один даже написал, что получил больше художественного наслаждения, чем в Третьяковской галерее. Некоторые его этюды — я закрываю глаза и прямо вижу их, они врезаются в память навсегда! И, понятно, он рвется к новым впечатлениям. Обыкновенные фотографы называют это объектами, материалом, но здесь речь идет о творческих стимулах, о вдохновении...

Серпухин. И вы с ним? С вокзала на вокзал?

Надежда. Я не могу без него. Он не может без меня. Мы не можем друг без друга.

Серпухин. Ответ исчерпывающий. Но сейчас вам будет еще трудней.

Надежда. Ну что ж...

Серпухин. Боюсь, что невмоготу.

Надежда. Если невмоготу — приду опять к Жене и Симе проситься: дайте передохнуть.

Серпухин (*после молчания*). Значит, будем петь, и всё.

Надежда. Петь — будем.

Во Дворце культуры. На сцене самодеятельный оркестр. Надежда выходит с гитарой, садится, поет.

Из зала: «Бис! Бис!» *(Аплодисменты.)*

Поклонившись, Надежда убегает за кулисы. Горько плачет, припав к фанерной декорации.

Ведущий *(выходит на сцену)*. Дорогие товарищи! *(Аплодисменты не стихают.)* Дорогие товарищи! Надежда Милованова еще будет сегодня петь! Будет! Это предусмотрено программой! *(Аплодисменты стихают.)* Не всё сразу, товарищи!.. Сейчас наш оркестр под управлением инженера Лисовской исполнит «Музыкальный момент», музыка композитора Шуберта...

За кулисами.

Серпухин *(входит сияющий)*. Надежда Федоровна, с успехом! Я вам предсказывал!.. Надежда Федоровна, что вы...

Надежда. Ничего...

Серпухин. Это от напряжения. Шалят нервочки. Ну, не надо. Не надо...

Надежда. Я не так пела, когда он сидел в публике. Разве я так пела? Я как птица пела...

Серпухин *(в сторону кулис, распорядительно)*. Физкультурный танец выпускайте. Физкультурный танец! Пение будет потом. Все хорошо, Надежда Федоровна. *(В сторону кулис.)* А детей одели? Проверьте, дети одеты или нет? Все хорошо, Надежда Федоровна. *(Вытирает ей слезы.)*

Ведущий *(на сцене)*. Физкультурный танец! Исполняют помощник мастера инструментального цеха Александр Рудых и машинистка заводоуправления Мария Павлова!

Серпухин *(Надежде)*. Вот и проясняется после дождичка, вот и солнышко проглянуло... Мы что сейчас сделаем: мы успокоимся, попудримся и будем петь дальше...

Надежда. Хорошо...

Билетерша *(появляется за кулисами)*. Там девушка какая-то Милованову спрашивает.

Серпухин. Вот уже к вам рвутся за кулисы, Надежда Федоровна. *(Идет с билетершей.)* Что за девушка?

Билетерша. Подойдите, девушка, к директору. *(Уходит.)*

Олюня *(подходит)*. Извините, Иван Васильич. Маме письмо.

Серпухин. Олюня. Она имела очень большой успех. Ей нужно отдохнуть, отвлечься от всего. Чтобы организм вошел в свою колею. Ведь ей еще выступать.

Олюня. Я должна отдать письмо.

Быстро идет Надежда.

Надежда. Олюня? Что, Олюня?

Олюня. Письмо. Я подумала — ты, должно быть, не скоро придешь домой...

Серпухин уходит.

Надежда. От папы!

Олюня. Из Кустаная. Мама, оно не от папы. Из Кустаная, но не от папы.

Надежда. А от кого?.. *(Читает письмо.)*

Олюня. Понимаешь, я почему распечатала — я подумала, вдруг с ним что-нибудь... *(В тоскливой растерянности.)* Собственно — строго говоря — этим должно было кончиться... Может быть, это выход для вас обоих — отдать себя в руки, которые могут...

Надежда. Неужели ты рада? Посмотри на меня.

Олюня. Ты знаешь, как я всегда относилась к этим поездкам в Кустанай. Зачем ты говоришь!

Надежда. Я вдруг испугалась, что ты рада.

Олюня. Если хочешь знать, мне это отвратительно! Чтобы человек так переметывался! Значит, ни любви, ни верности, ни долга, ничего нет на свете!

Надежда. Ты ей веришь?

Олюня. Своя логика во всем этом есть. *(Помолчав.)* Как ни больно, но отчасти, мне кажется, ты должна почувствовать облегчение. Ну, не сию минуту — но через какое-то время...

Входит Серпухин.

Серпухин. Пора петь. Надежда Федоровна. Успокоились немножко?

Ведущий *(на сцене)*. А сейчас — старинные русские романсы в исполнении Надежды Миловановой!

Аплодисменты. Надежда выходит на сцену, начинает петь... Вдруг останавливается, высвистывает свою призывную мелодию:

Надежда. Не слышишь: далеко...

Куда это мы с тобой входили — давно,— тоже в какой-то городок, тоже надпись светилась, и мы остановились и гадали, что нас ждет,— что ж это было такое, уже и не помню, спутались дороги в клубок... Еще ты сказал — черт, не успел побриться, за шпану примут...

И там же — или где? или не там? — мы без прописки жили, и нас предупредили, что милиция придет, и ты ушел и сказал — когда уйдут, чтоб я поставила лампу на окно. А я их уговаривала, а сама прямо все время видела, как ты в темноте где-то стоишь и ждешь, когда я лампу переставлю. Даже выражение твоего лица видела.

Я и сейчас вижу, какое у тебя выражение. Что ж, я ей поверю, что ли, что ты ее любишь? Ерунда какая. Мертвецы не оживают, родной мой. И она не любит, брось, пожалуйста. Это называется любовь? Когда она все ненавидит, к чему у тебя душа лежит. Любовь! Просто чтоб скрутить тебя по-своему. И со мной разлучить. Всю жизнь мечтала.

Так что ж — ты, что ли, к теплому углу потянулся? Будем, что ли, врозь доживать — ты в своем закутке, я в своем? Смешно...

А я перед ней вот нистолечко не виновата, чтоб она знала. Потому что ваша любовь еще тогда-тогда была — мертвец. А наша живая, хоть и полюбили мы на краю могилы, да прямо сказать — в могиле, как вспомнишь ту воронку и как люди кругом падали и не вставали.

И что это ты решил для себя и для меня — прямо я ума не приложу...

Зал не слышал этих слов Надежды. Она про себя их сказала — в воображении. Она заканчивает романс.

Антракт

12

В доме Евгения. Двор. Ольга Ивановна и соседка.

Соседка *(за забором)*. Ольга Иванна. Ольга Иванна! Ну что, можно поздравить?

Ольга Ивановна. С чем это?

Соседка. Пошло дело на лад?

Ольга Ивановна. С чего вы взяли?

Соседка. В поселке сложилось мнение. Ходит, говорят, Иван Васильич счастливый.

Ольга Ивановна. При чем Иван Васильич? Она поедет к мужу.

Соседка. Так ведь он в Кустанай рванул.

Ольга Ивановна. Ну и что?

Соседка. Кустанай!

Ольга Ивановна. Мне этой географией голову заморочили. Я и не знаю, где тот Кустанай. Ну, поехал в Кустанай, и что?

Соседка. К прежней семье.

Ольга Ивановна. Так он их проведывает.

Соседка. Не проведывает: окончательно. Тоже видно, кости не железные, покою захотели. Жена ведь письмо прислала Надежде Федоровне,— уж будто вы не знаете? Пишет — довольно его гонять по земному шару, замучен до полусмерти. Сыновья им путевки купили, в санаторий едут вдвоем — с прежней женой, значит... Да что вы, Ольга Иванна, всё скрываете, от кого — от своих! Которые к вам всей душой... Сильно письмо написано, ничего не скажешь. За сколько лет, говорит, вы не смогли ему устроить человеческую жизнь. Какая-то правда в этом есть, как хотите.

Ольга Ивановна. Скажите пожалуйста. Да разве женщина мужчине должна устраивать жизнь? Он ей должен устраивать!

Соседка. В наше время — кто его знает. Пожалуй, что скорей женщина мужчине. Если женщина не организует, то все, Ольга Иванна, к шуту развалится.

Входит Надежда.

Ольга Ивановна. Надюша. Пришла. *(Идет за ней в дом.)* Где ходила?

Надежда. На репетиции была.

Ольга Ивановна. Бледненькая...

Надежда. Устала.

Ольга Ивановна. Выпей молочка. *(Молчание.)* Не могу я молчать, когда с тобой так поступили. Не могу!

Надежда. А все-таки помолчим лучше.

Ольга Ивановна. Не клином, Надя, свет сошелся.

Надежда. Клином.

Ольга Ивановна. Когда папа ваш умер, как я убивалась. На старый пиджачок его, на карандашик, на зажигалку смотреть не могла, увижу — обмираю... И что ж ты думаешь — переболело и отболело. И даже, не будь вас, маленьких, я бы еще... И не один раз представлялся случай...

Надежда. Не надо, Ольга Иванна...

Ольга Ивановна. А на них наплюй, вот что я тебе скажу. Нечего себя перед ними унижать! Переболит — и поймешь, что это судьба к лучшему повернула. Пожалели тебя там где-то. Ты молодая, поешь, играешь, мужчинам нравишься. Найдешь и дельного, и непьющего, и собой ничего себе. Порядочного, заботливого, чтоб пылинки с тебя сдувал. Плохо ли, когда сдувают пылинки?

Надежда. Великолепно, Ольга Иванна, замечательно, когда сдувают пылинки!

Ольга Ивановна. А с ним бы что? Ну, что? Опять все то же самое. Я, конечно, понимаю — обидно. Еще бы! Ты из-за него, такого, свою жизнь ни на что перевела, а он!.. И она злодейка. Ведь двадцать лет вы с ним прожили. Должна бы уважить, не давать волю своей бабьей злобе. Хорошая женщина не дала бы. И все равно скажи им спасибо. Что освободили тебя. *(Помолчав.)* Иван Васильич Серпухин, Надя. Вот где окончательная твоя станция. Иван Васильич Серпухин!

Надежда. Серпухин?

Ольга Ивановна. Скажешь — плохой человек?

Надежда. А если хороший, так что?

Ольга Ивановна. Ты еще не знаешь, какой он хороший. Не рассмотрела, не подвернулся случай. А мы, Надя, видели. Покойная жена его — откровенно говоря, ничего в ней такого не было особенного, ни наружности, ничего, просто счастливый билет вынула... Болела она много, так веришь ли: на руках носил. Машина придет в поликлинику везти — он в машину ее на руках и из машины на руках. Как-то захожу к ним — он в фартуке, и готовит. Чего-то она вздумала покушать, он ей

готовит. Гоша наш и Женя даже — они тебе наденут фартук?

Надежда. Ольга Иванна, бедненькая моя, смешная...

Ольга Ивановна. Пусть я для тебя смешная, а с ним бы ты царствовала. И мы бы радовались, на тебя глядя. И я бы закрыла глаза, совершенно за тебя довольная.

Входит Евгений.

Я, Женя, говорю Наде, какой человек Иван Васильич.

Евгений. Ваня-то? Золото! Тебе, Надя, конечно, известно, что ты его заарканила? Еще как! Даже имя-отчество твое произносит с трепетом.

Ольга Ивановна *(грустно)*. Франтом заделался. Носочки надел с красными стрелками.

Евгений. Это, конечно, так, шуточки, а за что я люблю Ваню — это, прежде всего, за человеческую его чистоту, за отсутствие всякой пакости в натуре,— вот, знаешь, про таких говорят — я бы его с собой взял в разведку... И эта увлеченность, горенье в работе,— на таких людях страна держится. Ты бы посмотрела, какой вид имел наш Дворец культуры, когда он за него взялся. То есть какая там культура, наоборот...

Входит Туся.

Туся *(нервно смеясь)*. Дядя Женя, скажите папе. Я больше уже не могу.

Ольга Ивановна. Здравствуйте, во-первых. Мы сегодня еще не видались.

Туся. Ну почему мне не ехать, почему? Ведь это же черт знает что! Вы думаете, тетя Надя, он за двадцать лет что-нибудь понял? Каким был, таким и остался. Законсервировался! И мама за него! Дядя Женя, скажите им!

Евгений. Ты знаешь мою точку зрения. Нас с тетей Симой сложившаяся ситуация тоже тревожит.

Туся. Да вы знаете, что он придумал? Забрал все мои документы — свидетельство, паспорт, метрику, всё!— и не отдает. Чтоб я не подавала. Ни в Ленинград, никуда. Чтоб сидела с ними. Дядя Женя, скажите ему!

Евгений. Немножко тише, Туся. Сядь спокойно. Давай рассуждать. Какое я имею право становиться между отцом и дочерью? Он душу вложил в твое воспитание.

Для него никого дороже тебя нет на свете. А я ему буду диктовать?

Туся. Не имеете права?

Евгений. Абсолютно не имею.

Туся. А между тетей Надей и ее мужем — имели право?

Евгений. Детеныш. Ты лучше не суйся туда, где ничего не понимаешь и не знаешь. Жизнь сложна. Лично мне мои поступки всегда диктовало чувство ответственности. И вот сейчас оно не позволяет...

Туся. Удивительно. Как разрушать — ваше чувство позволяет, пожалуйста...

Евгений. Разрушение — понятие диалектическое.

Надежда вдруг засмеялась.

Что ты, Надя?

Надежда не отвечает.

Туся. Не хотите, значит, дядя Женя?

Евгений. Не могу, голубчик.

Туся. Не можете, да? Никак?

Евгений. Никак.

Туся. Из чувства ответственности?

Евгений. Давай не дерзи, детеныш.

Туся. Ну, никак так никак. *(Уходит.)*

Евгений *(нерешительно, после молчания)*. Все-таки Гоша делает глупости.

Надежда. А ты ему скажи.

Евгений. Объяснять тебе сначала? Я скажу,— а из этого проистечет бог знает что?

Надежда. А, что там особенного проистечет.

Евгений. Этот Вадим повидал виды.

Ольга Ивановна. Вот именно.

Надежда. А, ерунда.

Ольга Ивановна. Тебе всё ерунда.

Надежда. Каждый, Ольга Иванна, повидал виды, не те, так другие. Без этого он и не человек.

Ольга Ивановна. Так вот пускай он видает другие виды, а не те, которые Димка повидал. Пил тут и шумел у всех на глазах, и дошумелся. Какая в него может быть вера?

Надежда. Господи ты боже мой, ну как это ставить кресты на всех подряд, на молодых, на старых, это уж кладбище какое-то получается...

Ольга Ивановна. Куда ты?

Надежда. Да что ж она там одна воюет.

Ольга Ивановна. Так тебя Гоша и послушался.

Евгений. Я бы на твоем месте этого не делал.

Ольга Ивановна. Только масла в огонь подольешь.

Надежда. Я с Таней поговорю. Ну невозможно же все-таки, когда девчонка там с ними одна!

Ольга Ивановна. Ради девчонки и стараются. Для ее счастья. Думаешь, им сладость. А ты еще добавь.

Евгений. Не забывай, какая ответственность...

Надежда. Да ладно, Женя. *(Уходит.)*

Ольга Ивановна. Там и мать, и отец. Без нее не разберутся? Знала бы свои дела.

Евгений *(ходит по комнате)*. Мечется, бедняжка. Воображаю, что у нее творится на душе. За все ее отношение...

Ольга Ивановна. От этого фрукта надо было ожидать.

Входят Серафима и Олюня.

Серафима *(веселая)*. Вот и мы. Мы с новыми книжками.

Евгений. А-а, показывайте, показывайте ваши новые книжки.

Серафима. Олюня, это твои. Забирай.

Олюня. Вот, дядя Женя. И вот.

Серафима. Поставь на свою полочку. Еще мы купили юбку. *(Прикладывает к Олюне.)* Ничего?

Ольга Ивановна. Хорошая!

Серафима. Повесь со своими вещичками.

Олюня уходит.

И разную мелочишку. *(Выкладывает из портфеля.)* Погода какая! Мы зашли мороженого поели... *(Вдруг обнимает Евгения и целует в голову. Виновато.)* Женя, мне хорошо.

Евгений *(тоже виновато)*. Я понимаю, Сима, голубчик мой...

Серафима. Я ничего не хочу предрекать, строить прогнозы...

Ольга Ивановна тихо уходит.

Но — ведь бывает, что жизнь вдруг возьмет и сделает подарок!

Евгений. Сложная штука жизнь.

Серафима *(своим обычным голосом)*. А разум для чего у человека, спрашивается? Чтоб бороться со сложностями — и побеждать. *(Вошедшей Олюне.)* Так ведь, Олюня?

13

Георгий у себя дома. Входит Туся.

Туся. Папа!

Георгий. Если на ту же тему — не старайся.

Туся. А на какую еще тему? Это вопрос моей жизни.

Георгий. Твоей фантазии. Почему ты должна быть врачом? Почему врачом? Никогда не проявляла склонности.

Туся. А ты в детстве такую уж проявлял склонность быть инженером? В какой-то день и час каждый делает выбор.

Георгий. И учиться непременно в Ленинграде.

Туся. Да, да, да! Папа, ты сам меня туда возил, зачем ты возил? Чтоб я это увидела, да?

Георгий. Чтобы доставить тебе радость, дуреха!

Туся. А зачем мне видеть то, о чем мне потом запрещают мечтать?.. Папа, отдай мне мое свидетельство. И мой паспорт.

Георгий. Ничего страшного, в конце концов. Поступишь на работу, посидишь дома еще годик-другой, там видно будет. Из двух зол я выбираю меньшее.

Туся. Папа, я взрослая или я октябренок?

Георгий. Недостаточно взрослая, если собралась связать свою судьбу с подонком.

Туся. Он не подонок, неправда!

Георгий. Подонок!

Туся. Я не позволяю! Не позволяю! Не позволяю!

Входит Татьяна.

Мама, это же неправда!

Татьяна. Гоша, опять ты через край. Опять сцены, это немыслимо. Не подонок, не подонок, не волнуйся, рыбонька. Но, рыбонька, и не герой твоего романа, что верно, то верно. Конечно, обидно папе, и мне обидно. После того что мы, как те птицы, ну как их, которые для птенцов у себя из груди перья выщипывают... Ты посмотри на себя в зеркало, какая ты у нас, и что же, приходит совершенно какой-то неотесанный...

Туся. Неправда! Почем ты знаешь! Отесанней вас!

Георгий. Тюрьма обтесала.

Туся. А вы? А вы? А вы — совершенство? Вы с тетей Надей как поступили?

Георгий. Что, что такое?

Туся. Да! С дедушкиным домом! Красиво поступили?

Георгий. Этого не хватало! Она будет нас судить! Уходи отсюда! Твоя тетя Надя от нас отреклась! Наплевала на нас! Тоже ради, ради... черт знает кого!

Туся. Отдай свидетельство. Это мое свидетельство. Я его заработала.

Георгий. Ты еще ничего не заработала. И ничего у тебя нет твоего.

Туся. Лжешь! Есть! Есть!

Татьяна. Эгоисты! Истрепали все нервы! Только о себе думают! Может быть, тут еще есть кто-то, кто хочет жизни! *(Уходит, хлопнув дверью.)*

Туся. На что ты меня толкаешь? Зачем ты меня толкаешь? Я еще ничего не решила, а ты толкаешь!

Георгий *(сдерживаясь)*. Уйди. Уйди, я сказал!

Туся. Хорошо. Я уйду. *(Уходит.)*

Георгий. Таня! Татьяна!

Татьяна *(входит в слезах)*. У меня инфаркт из-за вас будет!

Георгий. Куда она пошла?

Татьяна. Наверно, жаловаться этому своему... Гошечка, он уезжает, уезжает. Уже билет взял.

Георгий. Откуда знаешь?

Татьяна. Старик сказал мне лично.

Входит Надежда.

Надежда. Извините, что так врываюсь... Но, Гоша, милый, это же нелепо!

Георгий. Тебе еще что, Надя?

Надежда. Не выйдет же ничего. По моему примеру знаешь, что ничего не выйдет.

Георгий. Да, твой пример...

Надежда. Как можно живого человека держать как бабочку на булавке, Гоша!

Георгий *(сдерживаясь)*. Я не хочу, чтобы этот тип таскался за ней. Мой жизненный опыт говорит, что он своего добьется. И что она с ним будет несчастна.

Надежда. Гоша, прости, а ты знаешь, что такое счастье?

Георгий. Мой жизненный опыт говорит, и она — ребенок! — должна этот опыт учесть.

Надежда. А если ей свой опыт нужен? Если ей надо свое собственное мнение накопить обо всем?

Георгий. Многие за это слишком дорого платят.

Надежда. А если они иначе не могли?..

Георгий. Я не хочу, чтобы она платила!

Надежда. Ох, Гоша... И все ты сердишься, бьешься, чтоб другие жили, как ты хочешь. Других мучаешь и сам мучаешься, и результат-то получается маленький, а то и совсем не получается никакого результата. Ну брось ты, перестань, тебе же будет легче. Ну посмотри, Таня, до чего себя довел, на нем лица нет!

Входит Евсеев.

Евсеев. Я к вам, Георгий Федорович.

Георгий. Зайдите.

Евсеев. По делу не очень приятному.

Георгий. Слушаю вас.

Евсеев. Хотел бы вдвоем.

Татьяна и Надежда уходят.

Не буду говорить, что́ я о ваших действиях думаю. Воспитывать. Тем более — просить. Я — только факты. Ваша дочка у нас и домой идти отказывается. Ни к вам, ни к Серафиме Павловне. Я, конечно, уговаривал, к чему такое чепе. Все бы можно по-человечески. С уважением друг к другу. Но что говорить... В общем, сказала — вернется, если вы вернете документы. Если я их ей принесу.

Георгий. А если не верну?

Евсеев. Останется у нас.

Георгий. А какое вы право имеете держать ее у себя?

Евсеев. А что ж я ее, выгоню? Невесту моего сына? Хорошенькое дело.

Георгий *(после молчания)*. Так. *(Достает из нагрудного кармана документы, швыряет на пол.)* Нате. Нате. Отдайте невесте вашего сына. Невесте, любовнице, кто она ему там... Еще вот, нате... *(Зовет.)* Таня! Таня!

Вбегает подслушивавшая Татьяна.

Иди. Помоги мне.

Татьяна. Гошечка, милый...

Надежда *(вбегает)*. Ты ляг, Гоша! Ты ляг! Прежде всего надо лечь!

Татьяна. Что с тобой? Что ты чувствуешь?

Георгий *(рвет воротник)*. Нехорошо...

Евсеев *(подбирает документы)*. Уж как тут может быть хорошо. *(Уходит.)*

14

В доме Евгения. Надежда, Олюня, Серафима, Ольга Ивановна.

Надежда. При чем тут все-таки я?

Ольга Ивановна. Тебе видней. Нас там не было.

Серафима. Удивил меня Гоша. Я думала, он крепче в испытаниях.

Ольга Ивановна *(Надежде)*. И чего ты ему наговорила такого?

Серафима. Что это Женя не идет.

Надежда. Симочка, я уехать хочу.

Олюня. Куда, зачем?

Серафима. И кому это нужно?

Надежда. Мне нужно.

Олюня. Тебе это кажется.

Надежда. Только вот не знаю — куда.

Входит Серпухин.

Серпухин. Ну как?

Серафима. Там Женя. Придет — узнаем.

Серпухин. А мне не сходить?

Серафима. Доктор сказал — поменьше тревожить. Возможно, сегодня перевезут в больницу.

Серпухин. Вы не убивайтесь, Надежда Федоровна. В возрасте Георгия Федоровича это сплошь и рядом.

Ольга Ивановна. Довели.

Серпухин. Или сам себя довел, Ольга Иванна, бывает и так.

Ольга Ивановна. Никогда ничем не болел. Зарядку каждое утро делал.

Серпухин. А знаете, никогда не болел — оно не так прекрасно, как на первый взгляд. Сопротивляемость не вырабатывается. Другой, посмотришь, всеми хворобами болел, а на поверку выносливей всякого здоровяка. До девяноста лет прыгает. Закалился болеючи.

Надежда (*оживилась*). А правда!
Олюня. Дядя Женя идет.

Входит Евгений.

Серафима и Ольга Ивановна. Ну что?
Евгений. Вливают камфару. В больницу не перевозят: нельзя трогать с места.
Серафима. Что они вообще говорят?
Евгений. Говорят — ближайшие дни покажут. Тане бюллетень дали, чтоб была при нем.
Ольга Ивановна. А Туся?
Евгений. Там, там. Прибежала сразу.
Ольга Ивановна. Ну слава богу.
Евгений. Таня места себе не находит.
Серафима. Я думаю.
Евгений. Вот так-то, Ваня, живешь-живешь, крутишься, на работе тыща забот, дома тоже... С заботой встаешь, с заботой засыпаешь, и кажется — всегда будешь такой прыткий... И вдруг — извольте...
Серпухин. Звоночек.
Евгений. Звоночек, да. А ты, если разобраться, еще даже не успел подумать толком...
Серпухин. О душе.
Евгений. О многом. Да, небогатые отпущены сроки. Давно ли мы с Гошей мальчишками были...

Входит Татьяна.

Таня!.. Что, Таня?!
Татьяна (*всхлипнув*). Ничего. Уснул. Боже, как я себя проклинаю! Как проклинаю! (*Рыдает.*)
Евгений. За что, помилуй! За что тебе себя проклинать? Примерная жена, преданная...
Татьяна. Не ценила! Он прав! Не ценила! Раздражалась на него... Обязана была за его сердцем смотреть, а я по гостям трали-вали... А он, голубчик, надрывался, ночью вставал, на завод шел — как там ночная смена...
Евгений и Серафима (*успокаивая*). Таня... Танечка...
Татьяна. Еще фантазии всякие строила, идиотка проклятая! Наслушалась советов... от добрых людей... которые не могут видеть, когда кто-то живет как надо! Которые... которые... грибки зловредные в нашем обществе! (*Другим голосом, вытерев глаза.*) Я что пришла. Он кисленького просит, у вас, мама, клюква была заготовлена свежая.

Ольга Ивановна. Есть, есть клюква! (*Торопливо уходит.*)
Татьяна. Только бы жив остался! Только бы остался жив нам на радость! Ничего больше не прошу! Всю себя посвящу!
Ольга Ивановна (*входит с банкой*). Вот, Танюшенька.
Татьяна. Я питье ему сделаю на ночь.
Серафима. Разреши нам, Таня, разделить с тобой ночные дежурства. Ты уже на себя не похожа.
Татьяна. Кому разрешить?
Серафима. Мне в первую очередь. А днем еще кто-нибудь поможет.
Татьяна. Днем мы сами с Тусей, спасибо. А ты, Сима, приходи. (*Уходит.*)
Надежда. Куда мне уехать?
Серпухин. Вы этот вопрос успеете решить, Надежда Федоровна, а пока давайте-ка выйдем с вами, подышим воздушком. (*Решительно уводит Надежду, сажает на крыльце.*) Погодка-то какая стоит великолепная. Дышал бы и дышал.
Надежда. А если нечем?
Серпухин. Ну, как это нечем. Вот уж вам такие слова не к лицу. Как это человек, подобный вам, не найдет чем дышать. Найдете!
Надежда. Я вам честное слово даю: я ему ничего такого не сказала. Можно бы в десять раз больше сказать.
Серпухин. Кому?
Надежда. Гоше! А они на меня смотрят, как будто я виновата!
Серпухин. Я заметил, Надежда Федоровна: когда поднимается такой шум — больной не умирает. Уверяю вас. Он в тишине умирает, как правило. Поговорим о жизни. Если вы хотите переменить квартиру...
Надежда. Я хочу уехать. Некуда!
Серпухин. По-моему, вы подряд уже пятую курите... (*Берет у Надежды папиросу, тушит.*) Послушайте меня: сперва перемените квартиру. Превосходные люди, но не всякий организм с ними может. Ваш не может. Я с того первого вечера понял. Смотрел на вас и думал: неужели братья и сестра?.. А когда вы запели, мне ясно стало, что какой-то у вас вращается дополнительный электрон и, стало быть, все ваше вещество иное, весь ваш состав,—вы немного знакомы с физикой?

Надежда. Ну откуда, вы смеетесь, я ее учила бог знает когда!

Серпухин. Неважно. В общем, с ними вам трудно... Что касается применения сил, то вот ваш путь — на мой взгляд, один из самых высоких. И больше всего вам соответствующих: область культуры... Опять! *(Берет у нее папиросу.)*

Надежда. Культуры, говорите? Нашли культработника, господи. Капусту вам посолить не надо?

Серпухин. Ладно, ладно. Это ничего не значит, что вы забыли физику, я тоже не знаю многого, что каждый школьник знает. Понадобится — какой хотите профессор приедет к нам во Дворец читать лекцию, не в этом дело. Вы взгляните на мир, каким человечество его застало — пустым и диким, а сейчас что делается, как он обставлен трудами творческого духа,— и архитектура, и литература, и рояли, и скрипки, и чувства тончайшие, и чего только нет, можно до утра перечислять, сколько добра накопили! А ведь другой человек, Надежда Федоровна, среди этих богатств живет как нищий, они ему без надобности, ищет только — с кем бы объединиться на троих... Так ведь спихнуть его с этой убогой орбиты, открыть глаза на прекрасное, научить, вы понимаете, чувствовать, восторгаться,— это что? Это сделать его счастливым, не правда ли? Другой мир ему подарить, другое существование. Назовите мне задачу трудней и выше, если можете. Поспорим с вами.

Надежда. Что же спорить. Задача хорошая. Да я-то что могу?

Серпухин. Если ваш этот электрончик перескочит в одного, и в другого, и в третьего — уже великолепно. Уже цель достигнута.

Надежда. А как не перескочит?

Серпухин. Перескочит. Уж поверьте мне.

Надежда *(грустно)*. Так-таки и перескочит.

Серпухин. Перескочит, Надежда Федоровна! Возвращаясь к вопросу о квартире. У меня, конечно, не ахти что, но — вполне пристойно... От всей души... разрешите... предложить вам...

Надежда. Иван Васильич!

Серпухин. Вы только поймите меня правильно. Если пожелаете войти в мой дом как полная госпожа, разделить, как говорится, мою судьбу,— что тут говорить, это мне будет самая высшая награда... неведомо за какие заслуги.

Надежда. Иван Васильич...

Серпухин. Минуточку! Сейчас — я же не слепой — что я, что судьба моя вам ни к чему. Но — а вдруг! Вдруг — со временем — я сумею заслужить симпатию вашу... Минуточку! Ведь кроме бурных чувств, на которые мне претендовать невозможно, существует же человеческая привязанность, уважение, дружба... И еще, вы знаете, вопрос, что дороже... Минуточку! А если вам все это кажется бодягой несусветной,— что ж, оно скорей всего бодяга и есть... тогда примите, убедительно прошу вас, мой кров хотя бы временно, сколько вам понадобится, пока не решите все эти вопросы — ехать, не ехать, куда, что, зачем... И в том, и в другом случае, можете не сомневаться, вы будете бесконечно обожаемым существом... Ну... Что еще?.. Надежда Федоровна, у меня недостатков миллион, но я ей-богу человек порядочный...

Надежда. Как все это трудно!

Серпухин. Никоим образом не хочу вас утруждать. Гораздо лучше даже, если вы обдумаете. Поскольку я заранее принимаю любое ваше решение... Вы просто усвойте себе вот что: у вас есть место, где вы можете жить вольная, спокойная — береженая. Захотите — к вам придут, не захотите — не придут. И в любой момент, когда вам пожелается, вы можете в этом месте укрыться.

Идет Фрося.

Вот так, Надежда Федоровна.

Надежда. Спасибо, Иван Васильич. Спасибо, дорогой. Добрый вы, славный.

Серпухин. Всё вы меня благодарите. Приказали бы что-нибудь.

Надежда. Что ж я прикажу?

Серпухин. Сделайте такую милость: прикажите.

Фрося. Здравствуйте.

Серпухин. Здравствуйте, Ефросинья Михайловна, и до свиданья. Я пошел, Надежда Федоровна.

Фрося. Что, плохо Гоше? Таня ко мне заходила вся в слезах.

Серпухин. Естественное расстройство. Конечно, на второй день после приступа какое может быть состояние? Но вот вам доказательство, что нет ничего страшного,— у меня было в этом самом роде, а я перед вами стою здоровехонек, а почему — потому что бросил курить, и все как рукой сняло, исключительно потому, что бросил курить, медицина ни при чем, и всем советую — бросайте

немедленно!.. До свиданья. Еще раз до свиданья, Ефросинья Михайловна! *(Уходит.)*

Ф р о с я. Чего это он такой? Будто сделал предложение.

Н а д е ж д а. Он сделал. Предложение.

Ф р о с я. Ну да.

Н а д е ж д а. Правда.

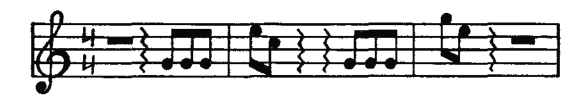
Ф р о с я. Ой, как хорошо! Ой, как я рада! Ну до чего ж хорошо! Ой, Надюшка, если б я была верующая, я б сказала — это тебе бог посылает! За твои мытарства. И за твою обиду. *(Обнимает Надежду.)* Бедняжечка ты моя. Все-таки бог Миловановых любит...

За сценой громкий свист.

Н а д е ж д а. Постой... *(Освобождается из объятий.)*

Ф р о с я. Ты мне, Надя, верь, я людей повидала: это тебе счастье само в руки идет, такого человека верного, положительного...

Свист ближе — призыв в три такта:



Надежда, вскочив, отвечает таким же свистом. Выбегает за калитку. Появляется ф о т о г р а ф. Он уже порядком немолод, много старше Надежды; сед, хром. Но по манере держаться видно, что ощущает себя молодым. Выражение лица правдивого и доброго ребенка, которого никто никогда не обижал. Движется легко, несмотря на хромоту. Говорит тоже легко, редко когда призадумываясь. На нем плащ и берет набекрень. Через плечо на ремешке фотоаппарат, в руке авоська.

Н а д е ж д а. Витечка!!!

Ф о т о г р а ф. Фу ты, господи. Наконец до тебя добрался. Ты же неправильный адрес оставила! Голова!

Н а д е ж д а. Витечка, Витечка, а я думала — она написала — что ты — что ты ко мне не вернешься!

Ф о т о г р а ф. Ерунда какая. Мало кто чего напишет. Фу ты, нога отваливается. Шел, шел...

Н а д е ж д а. Фросенька! Ты что? Не узнаешь?

Ф р о с я. Это вы?

Н а д е ж д а. Неужели так изменился? По-моему, почти совсем не изменился!

Ф р о с я. Да, да. Почти совсем. Просто я не сразу узнала. Двадцать лет не виделись... Я помню темные вроде кудри...

Ф о т о г р а ф. А ну их, кудри, я от них отказался. Ухода требуют. Морока.

Н а д е ж д а. Олюня! Олюня! Смотри, кто приехал!

О л ю н я *(выходит из дома)*. Папа, здравствуй.

Ф о т о г р а ф. Олюнька, здорово! Фу ты, черт, взрослая девица! Надя, она взрослая девица!

О л ю н я. Я давно уже.

Ф о т о г р а ф *(тревожно)*. А почему я не замечал?

Н а д е ж д а. Это от платья.

О л ю н я. От возраста.

Фрося уходит в дом.

Ты выглядишь как всегда.

Ф о т о г р а ф. А почему мне не выглядеть как всегда?

О л ю н я. Писали, что ты болен.

Ф о т о г р а ф. Писали, писали... Вы больше читайте!

О л ю н я. Ну, я рада, что так кончилось.

Ф о т о г р а ф. Дай я тебя поцелую.

О л ю н я. Как-то это, знаешь, укрепляет веру в вечные идеалы.

Н а д е ж д а. А ты о нем думала бог знает что!

О л ю н я. Тебе надо умыться, папочка. И поесть. *(Надежде.)* Я скажу тете Симе?

Н а д е ж д а. Да-да! Скажи, что он приехал! Тете Симе и всем им там! Витечка, ну как же она написала!..

Олюня возвращается в дом, где молча сидят Евгений, Серафима, Ольга Ивановна и Фрося.

О л ю н я *(строго)*. Я вас очень прошу. Я вас никогда ни о чем так не попрошу. Пожалуйста, примите его как маминого мужа. Как моего отца. Он побудет недолго. Они уедут.

Е в г е н и й *(с деланной веселостью)*. Детеныш, ну ясно! Как может быть иначе!.. У нас была еще одна раскладушка?

О л ь г а И в а н о в н а. Надя несчастная! Опять все сначала! *(Уходит в другую комнату, Евгений за нею.)*

Ф р о с я. И всего ничего ей пришлось передохнуть. И какая синяя птица из рук улетела! *(Уходит за ними.)*

С е р а ф и м а *(взволнованно)*. Тебе, я считаю, ехать бессмысленно. Безумно! Так славно пошла у нас учеба. Такие у тебя ясные перспективы...

Олюня. Тетя Сима, зачем вы уговариваете? Если вы меня не прогоните, никуда я не поеду.

Серафима. Им будет больно.

Олюня. Всем нам будет больно. А что делать?

Серафима. Хочешь, я поговорю с ними?

Олюня. Нет. Я сама.

Серафима. Как же ты скажешь?

Олюня. Так и скажу, что же тут крутить. Скажу — мама и папа, простите, что я не могу жить, как вы живете.

Серафима. А если они скажут...

Олюня *(дрожащим голосом)*. Они заплачут и скажут: пиши нам... до востребования.

Во дворе продолжается разговор Надежды и фотографа.

Надежда. Нет, ты скажи мне, прежде всего мне скажи, как она смела написать такое письмо! Ты разрешил?!

Фотограф. Ты лучше спроси, как я вырвался! Чем только не пугали — сдохнешь, говорят, где-нибудь на станции или в грузовике! Лечиться, говорят! В клинику на исследование! Даже малышку научили, плакала малышка: дедушка, не уезжай! *(Счастливо смеется.)* Не уезжай, говорит, дедушка, живи с нами!

Надежда. И ты пообещал!

Фотограф. Ты пойми: аппарат от меня заперли! Что я мог?! Кормят, поят, сигареты покупают... а денег ни копья! Ну что я мог?!

Надежда. Без билета ехал?

Фотограф. Впервой, что ли?

Надежда. Больно далеко. Ссаживали?

Фотограф. Ясно, ссаживали.

Надежда. Доехал все-таки, ненаглядный! А аппарат отдали, тираны, ну тираны!

Фотограф. «Отдали!» Ключ подобрал. Хорошо, у этих модерновых шкафов замки стандартные.

Надежда. Ты удрал потихоньку! Вот номер!

Фотограф. А как бы я вырвался? Они знаешь как насели? Уже на рентген я был записан, и кровь взяли на анализ. У них это скоро! Уже и о путевках договорились, куда, значит, приговорят врачи... Такая деловая постановочка. До того запугали, что вещи почти все бросил, все зимнее там осталось, придется им пересылать... Ну, до зимы далеко!

Надежда *(хохочет)*. Вот номер, пришли домой... а тебя нет, только анализ крови есть... *(Вдруг сообразив.)* А зачем анализ? Тебе было так плохо?

Фотограф. Нашли, что неважно выгляжу.

Надежда. Ну, разве?

Фотограф. Морда серая, говорят, и постарел очень.

Надежда. Почему серая? Ничего она не серая! И ни капельки не постарел, такой же красавец! А как печень?

Фотограф. Жить можно. В дороге первое время на полной диете сидел, так совсем стало хорошо.

Надежда. А задыхаешься определенно меньше. Что они выдумывают! Ты им не верь.

Фотограф. А я и не верю. Зачем я буду верить всяким гадостям. Я верю тебе, что я красавец мужчина.

Надежда. Да, и мои письма! В Тамбов, до востребования. Ты не получил?

Фотограф. Понимаешь: вы уехали. А я перебрался ночевать к Косте в редакцию. А ребята запротестовали: приходим, говорят, на работу, а там ночлежка. Посетители, говорят, заходят, а у секретаря на диване храпит кто-то, неинтеллигентно. А я, ты же знаешь, хоть убей — не могу вскакивать чуть свет. Лучше буду всю ночь работать, сделайте одолжение. Ну, куда деваться? А, думаю, поеду пока что в Кустанай, кстати повидаю малышку. Зашел на почту, ничего вам, говорят, нет...

Надежда. Письма — бог с ними. Чего жалко, это посылочку. Там пленка была, рамочки,— ну ладно. Сходим вместе и купим еще. Здесь в магазине все есть.

Фотограф. Транзисторы есть?

Надежда. Ты хочешь транзистор?

Фотограф. Очень большое удобство.

Надежда. Я не смотрела. Может, и есть. Посмотрим вместе.

Они держатся за руки и сияют.

Витечка, мне прямо не верится!

Фотограф. Что тебе не верится? Почему тебе не верится? Ты что, не знаешь, что мне без тебя никак? Она не знает, действительно! Я же без тебя — что? Я без тебя — не целый, я без тебя — половинка, понимаешь?

Понимаешь? Половинка неприкаянная, никчемная, ни то ни се!

Надежда. Я тоже. Я еще меньше. Я четвертинка. Даже голос куда-то пропадает.

Фотограф. А можно в этом городке заработать?

Надежда. Боюсь, Витечка... Есть, правда, многотиражка.

Фотограф. Что многотиражка!

Надежда. Есть фотоателье. По-моему, его тут на всех хватает.

Фотограф. Ты скажи твоим родственникам и знакомым, что так, как я, их никто не снимет. Запечатлею на века. И обойдется недорого.

Надежда. Братьям будет неприятно.

Фотограф. Почему?

Надежда. Почему-почему. Вот они такие. Чего ты смотришь, а твои сыновья — не такие?

Фотограф. Странно. Странные люди — мои сыновья и твои братья. А? Ничего, не горюй, скоро наши дела в гору пойдут!

Надежда. Серьезно?

Фотограф. Слушай. Затевается монументальнейший фотоальбом — по новостройкам. Москва будет издавать...

Из дома выходит Евгений, за ним Олюня.

Евгений. Здорово, брат. С приездом.

Фотограф. Спасибо.

Евгений. Соскучился по своим?

Фотограф. Погостили — хватит.

Евгений. Опять в дальние странствия?

Фотограф. Профессия, брат, такая. *(Угощает Евгения сигаретой.)*

Евгений. Профессия или предрасположение характера?

Фотограф. А кто его знает. То ли профессия от характера, то ли характер от профессии. Дело путаное, разбираться — времени жалко.

Евгений. Времени — это пожалуй. Времени, верно, у нас не так много.

Фотограф. То-то и оно.

Олюня *(мягко)*. Я тебе поставила раскладушку. Покушаешь и ляжешь отдохнуть.

Фотограф. Правильно, дочка.

Олюня. И тебе нужно побриться.

Фотограф. Правильно, большая дочка! Видишь, как я тебя слушаюсь, видишь? *(Достает из авоськи бритву.)*

Евгений. Сейчас там мои хозяйки стол готовят, как на Первое мая. Чокнемся с тобой...

Фотограф. Чокнемся, чокнемся.

Надежда *(радостно)*. Споем в честь встречи...

Фотограф. Давненько я не пел. А ну, попробуем. *(Запевает вполголоса, дирижируя бритвой.)* «Станет Марусеньку свекор бранити...»

Надежда *(тихонько вторит)*. «Свекор бранити, свекрова корити...»

Оба. «Свекор бранити, свекрова корити — где ж ты, Марусенька, долго гуляла...»

15

Вечер. Туся в своем окне. Осторожно насвистывает Надеждин мотив:

Вадим появляется под окном.

Туся *(тихо)*. Ты догадался, что это я тебя зову?

Вадим. Да.

Туся. Почему ты догадался?

Вадим. Не знаю. Догадался.

Туся. Едешь?

Вадим. Еду.

Туся. Уложился?

Вадим. Долго ли там, рюкзак... А как же ты? Туся?

Туся. По-твоему, я могу сейчас ехать? Когда я его чуть не убила.

Вадим. Как он сегодня?

Туся. Он со мной ночью разговаривал ласково... *(Заплакала.)* Я вспоминаю, как он меня маленькую гулять водил... игрушки покупал... аквариум с рыбками...

Вадим *(терпеливо)*. Сейчас что надо: отправить документы, и все. Пока еще напишут, что ты допущена.

Туся. Ничего такого, что для него — нож в сердце, ничего, ничего!

Вадим. К сожалению, что бы ты ни сделала по своему усмотрению, для него будет нож в сердце. Такое сердце. Признает свободу выбора только для себя. Ты должна понять. Хочешь, я отвезу документы? Он к августу уже поднимется.

Туся. А вдруг еще не поднимется?

Вадим. Во всяком случае, дело будет идти на поправку. Давай документы и заявление. Туся! Ты засядешь возле него на вечные времена?

За сценой — поющие голоса Надежды и фотографа.

Давай их сюда!

Туся. А вдруг!

Вадим. Давай!

Туся. Димочка...

Вадим. Чудачка, ну в конце концов: чем ты рискуешь? Всегда можешь отказаться. И от института... и от Ленинграда... и от меня.

Туся отходит от окна. Вадим ждет.

Туся *(возвращается с пакетом)*. Адрес на конверте.

Вадим *(подставив руки)*. Бросай!

Туся *(бросает пакет, быстро)*. Если я не смогу завтра прийти проводить...

Вадим *(быстро)*. Дашь телеграмму заранее, когда поедешь. Слышишь?

Туся. До свиданья!

Вадим. До свиданья!

Пение за сценой удаляется.

1967

ТРЕДЬЯКОВСКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий Тредьяковский, российский поэт.
Артемий Волынский, кабинет-министр.
Анна Ивановна, императрица Российская.
Анна Леопольдовна, ее племянница.
Иогаин-Эрнст Бирон, герцог Курляндский, фаворит и морганатический супруг Анны Ивановны.
Бенигна Бирон, урожденная Готлиб, его жена.
Петр, Гедвига — их дети.
Антон, принц Брауншвейгский, нареченный жених принцессы Анны Леопольдовны.
Юлиана Менгден, фрейлина и подруга принцессы Анны Леопольдовны.
Бина Менгден, сестра Юлианы.
Варенька Дмитриева, камеристка Анны Леопольдовны.
Антиох Кантемир, князь, посол и поэт.
Василий Кубанец, доверенный человек Волынского.
Шут Волынского.
Живописец Волынского.
Леонтьев, генерал.
Эйхлер, кабинет-секретарь.
Хрущев, Мусин-Пушкин, Еропкин — приятели Волынского.
Марфа Петровна, домашняя хозяйка Тредьяковского.
Девушка с лютней, являющаяся Тредьяковскому.
Ямсков, солдат.
Татищев, камергер.
Царь Петр Великий, Князь Меншиков, Мулла — являющиеся Волынскому.
Ушаков, Румянцев, Яковлев — члены следственной комиссии по делу Волынского.

Цесаревна Елисавета Петровна.
Граф Линар, саксонский посланник. Щеголь, сердцеед.
Князь Голицын, русский аристократ
Калмычка Буженинова
Педрилло, бродяга-итальянец — шуты Анны Ивановны.
Придворные, слуги, народ.

Действие всех сцен, кроме четвертой, происходит в 1740 году в Петербурге.
Четвертая сцена происходит в 1746 году в Холмогорах.

* * *

В этой пьесе автора не занимал сюжет, заданный историей. Автора занимало — в вольной смене событий и лиц отобразить течение жизни в странный век России, где столь неразрывно сочетались слава и произвол, одическая поэзия и плаха.

* * *

Где бы ни происходило действие — в доме ли Волынского, во дворце или на площади перед Адмиралтейством,— на сцене виднее всего портрет Анны Ивановны в пудреном парике и пурпурной на горностаях мантии. Это женщина рослая и дородная. Рука ее, держащая скипетр, большая, мужская. Тяжелые груди выкатываются из выреза платья. В ее облике нет ничего славянского, мягкого, нет также немецки смягченного, как у Бенигны Бирон. В ней скорее дикое, гуннское, аттилово начало.

1

Анфилада комнат в доме Волынского в Петербурге на Мойке. Ближе к рампе — сени, далее — приемная, в глубине сцены — спальня. В сенях — слуги, в приемной — посетители, среди них — Варенька Дмитриева и генерал Леонтьев. Их лица подобны старинным портретам. Будто сам XVIII век в своих париках и мушках воссел тут в ожидании приема. Волынский спит в спальне под стеганым шелковым одеялом. Кубанец и Эйхлер охраняют двери в спальню. С улицы в сени входит, хромая, шут Волынского, очень мрачный, с подвязанной щекой.

Шут *(Кубанцу, тихо)*. Спит?

Кубанец. Спит. С повинной явился?

Шут. Что ему моя повинная? С новыми шутовствами я.

Кубанец. То-то с шутовствами. Выдумал бы раньше новые шутовства, так не разгневал бы барина. Должен бы, кажется, свою выгоду понимать.

Шут. Что, лихо он вчера?..

Кубанец. Да уж было выпито. Теперь вот ежели проснется да опохмелиться не спросит — ох будет тут всем жарко!

Шут. А народу навалило...

Кубанец. К сильному, брат, человеку народ всегда густо валит.

Шут. Ты, мудрец. Ты меня первым впусти, слышь?

Кубанец. А как без опохмёлу встанет? И тогда взойдешь первым?

Шут. Ежели долго прожду, то все шутовства забуду.

Кубанец. А как взойдешь, а он тебе опять зубы выбьет?

Шут. А у меня всего четыре осталось. Что мне четыре зуба? *(Садится.)*

С улицы в сени входит Тредьяковский.

Слуга. Как доложить?

Тредьяковский. По приказу явился пиит Василий Тредьяковский.

Слуга *(Кубанцу)*. Тредьяковский какой-то. Говорит — по приказу.

Эйхлер. По приказу-то оно по приказу; да только еще почивать изволят Артемий Петрович.

Тредьяковский. И как скоро проснутся?

Кубанец. А это спроси у него. Войди да спроси. Ну-ка?

Тредьяковский. Как же мне — ждать?

Кубанец. Возьми место, обожди.

Тредьяковский *(садится на свободный стул возле шута)*. Я пришел в тот час, как велено.

Кубанец. Подумаешь, велика птица. Тут и генералы дожидаются.

Звон колокольчика из спальни. Беготня слуг.

Тредьяковский. Благовестят! Наконец-то!

Леонтьев. А и дерзок ты, Тредьяковский. Как тебя терпят?

Тредьяковский *(указывая на шута)*. А он не дерзок? Дерзит сильнейшим мира сего.

Леонтьев. Так он — шут. Ему дерзить полагается по должности: если не дерзит, так ведь не смешно.

Тредьяковский. Мне тоже по должности полагается, хотя и через иные причины.

Шут. Ишь ведь. Туда же.

Леонтьев. Через какие же причины, Тредьяковский, тебе дерзить полагается?

Тредьяковский. Я — пиит. Я выше всех владык. И вы неправильно произносите мое прозвание: не Тредьяковский, а Тре-ди-а-ковский. Потому что я происхождения духовного.

Волынский *(зовет)*. Васька!

Кубанец. Что, батюшка, прикажете?

Волынский. Кто там есть?

Кубанец. Да полагаю, прежде бы впустить девицу.

Волынский. Что за девица? Не отпетая какая-нибудь?

Кубанец. Весьма благоприличная дева. Сказывает — из благородных, офицерская, дескать, дочь, ее высочества принцессы Анны Леопольдовны камер-фрейлина.

Волынский. Ну давай девицу.

Кубанец вводит Вареньку.

Ее высочеству прислуживать изволите?

Варенька. Так точно.

Волынский. При какой состоите части?

Варенька. При чулках. На ножки надеваю и обратно снимаю, и стирку-штопку отдаю и чулочный ларь стерегу.

Волынский. И что же, жалует вас ее высочество?

Варенька. Ее высочество ко всем служанкам весьма добры и милостивы.

Волынский. В настоящее время, поди, ее высочество к свадьбе готовятся?

Варенька. Как же не готовиться? Такое событие в жизни девицы.

Волынский. Об женихе часто поминать изволит?

Варенька. Поминают.

Волынский. А как именно поминают?

Варенька. Что, мол, хороший человек принц Антон. Почтительный весьма и нежный, ни грубиянства от него, ничего.

Волынский. А любит она его?

Варенька. Как же девице не любить мужчину.

Волынский. Вот ты говоришь, она милостива. А герцог Бирон говорит, что она уничижительна и недоступна.

Варенька. Бог его знает, с чего он так говорит.

Волынский. Вот бы ты выбрала минутку да пересказала ей, что герцог на нее возводит напраслину.

Варенька. Про герцога? Чтоб я пересказала?

Волынский. Почему же бы не ты?

Варенька. Я, барин, человек маленький. Затрещат мои косточки на дыбе за такие пересказы — никто и не услышит, и вы первый не услышите, как они трещат.

Волынский. Я потому тебя попросил, что ее высочество, говоришь, к тебе добра. И еще бы ты ее известила, что есть у нее друзья преданные и верные, такие, что в трудный час за нее в огонь и в воду. Спросит — кто такие? Ты меня назови.

Варенька. Не могу, барин, и не просите.

Волынский. Ей приятно будет. Она тебя наградит. И я награжу.

Варенька. А я после того буду ходить озираючись и ждать, что на меня «Слово и дело» крикнут. Нет, барин, какая я ни есть последняя спица в колеснице, а и мне моя жизнь дорога. И если смею совет вам подать?..

Волынский. Совет? Ты?

Варенька. Не гневайтесь, я ведь только вас жалеючи. Не след бы и вам в подобные дела встревать.

Волынский. Ты что, девка, врешь? В какие такие дела?

Варенька. А вот — меж принцессой и герцогом.

Волынский. Будя врать. Ни во что я не встреваю. А и встрял бы — не твое рабье дело.

Варенька. Конечно, барин, воля ваша.

Волынский. То-то. Я — кабинет-министр. Во все могу вмешаться.
Варенька. Известное дело.
Волынский. Васька!
Кубанец. Чего, батюшка, изволите?
Волынский. Кто еще там жужжит?
Кубанец. Купец Мамыкин сукна принес штуку. Просит принять в презент.
Волынский. Положь в скрыню.
Кубанец. В которую?
Волынский. Где сукна и парчи. А деньги принес?
Кубанец. Две тысячи, как приказано.
Волынский. Положь в шкатулку.
Кубанец. Он, Мамыкин, в деньгах расписку просит.
Волынский. Гони его в шею!
Кубанец. Слушаюсь. Еще генерал-аншеф Леонтьев дожидаются.
Волынский. А, бедолага. Ну, кличь.
Кубанец *(вошел в приемную)*. Ваше превосходительство!
Леонтьев. Господи помилуй. Опохмелиться-то он не просил?
Кубанец. Увы нам, нет!
Леонтьев. Пронеси, многомилостивый. *(Крестясь, входит в спальню.)*
Волынский. Ты что же, ваше превосходительство, отряд свой под разгром подвел, а теперь пардону прибежал просить?
Леонтьев. Наше дело военное: нынче — разгром, завтра — виктория. Как, значит, фортуна рассудит.
Волынский. Фортуна! Фортуна фортуной, а своя голова тоже должна быть на плечах.
Леонтьев. Сами, Артемий Петрович, изволите знать, не в голове нынче дело. Не имел счастья немцем родиться — вот в чем дело.
Волынский. Тебе что — совсем плохо приходится?
Леонтьев. Загрызли, батюшка. Уж и у сына моего отобрали роту, Бенигниному племяннику отдают.
Волынский. Чьему племяннику?
Леонтьев. Герцогини Курляндской.

Леонтьев уходит.

Волынский. Васька!
Кубанец. Чего, батюшка, изволите?
Волынский. Кто есть еще?

Кубанец. Да полная приемная. Может, энтого кликнуть — с бородавкой?
Волынский. Тредьяковского? Покличь.
Тредьяковский *(входит)*. С добрым утром, батюшка Артемий Петрович.
Волынский. Ну, возьми место, садись.

Тредьяковский подсаживается к кровати.

Я тебе велел прийти вот зачем.
Тредьяковский. Слушаю, батюшка.
Волынский. Предстоит в скором времени при дворе великолепная свадьба.
Тредьяковский. Слыхал, батюшка, как же — государыни принцессы с принцем Аитоиом Брауншвейгским.
Волынский. Та еще не так скоро. Сейчас князя Сергея Голицына будем женить.
Тредьяковский. На ком же?
Волынский. На девице Бужениновой.
Тредьяковский. Это на шутихе?
Волынский. Так ведь и он шут.
Тредьяковский. Да она калмычка.
Волынский. Так что ж, что калмычка.
Тредьяковский. А он рюрикович.
Волынский. Так что ж, что рюрикович.
Тредьяковский. Калмычка и шутиха, дурка, а князя Сергея предок без малого не занял русский престол.
Волынский. Так вишь ты, не занял все же.
Тредьяковский. И чем же я в этом случае могу быть полезен, батюшка?
Волынский. Свадьба-то будет небывалая. Ледяной дворец будем строить для молодых.
Тредьяковский. Какой дворец?
Волынский. Изо льда. И самый дворец, и всякий предмет в нем будут изо льда. Вплоть до зеркал и стаканов. И машкерад состоится громадный. Все народы России съедутся на эту свадьбу. А ты оду напишешь в ее честь.
Тредьяковский. Не хотел бы, батюшка.
Волынский. Это почему ты не хотел бы?
Тредьяковский. Непонятио мне, в честь чего тут оду слагать. Что русского князя женят на дурке и в ледяном дворце собираются заморозить? Думается мне — дикие это забавы.

Волынский. Северная держава — и забавы северные. Так ты, Василий, не одобряешь?

Тредьяковский. Что ж одобрять-то тут? Да и не в одобрении суть, а не вдохновительно мне это всё.

Волынский. Государыня ее величество изволила одобрить и машкерадную комиссию назначить, а тебе не вдохновительно? Ой, Василий, не лезь на рожон. Чтоб была ода. Теперь скажи — в чем у тебя нуждишка?

Тредьяковский. У такого, как я, батюшка, кругом нуждишка, не знаешь, которую и называть.

Волынский. Что так? Вот намедни у Кантемира спрашивал, говорит — благоденствует. Ни в чем никакой нужды.

Тредьяковский. Всякому своя доля.

Волынский. Вот, заруби: не будет оды — неважная будет твоя доля. Зарубил?

Тредьяковский. Так точно, зарубил.

Тредьяковский уходит.
В дверь заглядывает шут Волынского.

Волынский. А, пустозвон! Опять опаздываешь на службу?

Шут. Я, барин, в сенях давно. Так не допущал мордастый ваш.

Волынский. Ладно, показывай новые глупости.

Шут обегает спальню на четвереньках, отчего гремят все бубенцы на его одежде.

А дальше что?

Шут. Дальше — всё, чего изволите.

Волынский. Что же — я за тебя буду глупости придумывать? Жалованье берешь, и кроме пустозвонства ничего не можешь.

Шут. Да я уж и не знаю, чем вашу милость распотешить.

Волынский. А коли не знаешь — какой же ты шут? Вот Педрилло — не то цыган, не то итальяшка, и какую отмочил штуку — весь двор животики со смеху надорвал.

Шут. Так ведь чему смеются-то, батюшка? Кощунственной непристойности смеются. Что придумал, бесстыдник, якобы он на козе женат. Да я бы со стыда помер даже слова такие произнесть.

Волынский. А по мне — пущай хошь какое кощунство, какая хошь непристойность, было бы смешно. А что ты помрешь со стыда — да помирай на здоровье, кто об тебе заплачет? А Педрилле от его затеи профит недурен.

Он ведь еще что ущучил — якобы супруга его от бремени разрешилась. И все вельможи и министры, и сама ее величество,— все ходили поздравлять и подарки носили родильнице. Ее величество алмазный перстень со своего пальчика на подушку положила.

Шут. Я же говорю — Педрилкино надругательство и пакость от начала до конца. Ему, конечно, терять нечего: проходимец, шулер, голь перекатная без роду без племени. Тогда как я в своей Васильевской части имею собственный дом и всем известен.

Волынский. Подумаешь! А Педрилло после сих награждений тебя со всеми потрохами и собственным домом может купить и в карман положить. *(Зовет.)* Васька!

Кубанец. Чего, батюшка, изволите?

Волынский. Гони пустозвона. В толчки его, в толчки! Ничего придумать не может, даром хлеб ест. В зубы, в зубы!

Кубанец выталкивает шута из спальни.

Васька! Стой, слышь? Скажи: на чем он приезжал, с бородавкой который?

Кубанец. На извозчичьих санях, известно. Своему выезду откуда быть?

Волынский. А шуба на нем какая?

Кубанец. Самая что ни на есть худая, ношенаязаношенная.

Волынский. На лисах? На хорьках?

Кубанец. Куда! На кошачьем меху.

Волынский. А извозчик у крыльца ждет?

Кубанец. Могу глянуть.

Волынский. Глянь.

Кубанец *(выглянул в окно)*. Так точно, ждет.

Волынский. Возьми мою шубу на медведях и положь ему в сани.

Кубанец. Котору шубу?

Волынский. Сказал: на медведях.

Кубанец. Да котору: мало ли у нас шуб на медведях?

Волынский. А хоть ту, что в прошлом году дорогомиловские купцы презентовали.

Кубанец. Не жирно ли будет, батюшка? К его образине — да медведей?

Волынский. Ложь, ложь, не скредничай.

Кубанец. И фигурой больно плюгав.

Волынский. И образина, и плюгав, да вот ви-

дишь — в хороших домах бывает, у вельмож. И Кантемир про него сказал давеча: этакое рыло, а котелок, говорит, варит. Так что неудобно все же в кóшачьем меху содержать.

Кубанец. А мне что, батюшка, шуба-то не моя, раздарите им хоть все.

Волынский. То-то.

Кубанец. Я-то за многолетнюю верную мою службу на медведях ни разу не снискал.

Волынский. Ты другого много чего снискал. Что тебя жаловать? Ты без жалованья во все скрыни и закоулки, поди, ручищи запущаешь, гребешь без совести.

Кубанец. Батюшка вы мой, да у кого язык повернулся про меня такое сказать? Да [illegible] ваше добро пуще глаза своего берегу. Да я, батюшка... *(Целует [illegible] ногу.)*

Волынский. Ну ладно, Вась, ладно. Я знаю — ты душа преданная, надежная.

Кубанец уходит.

2

Бедная комната Тредьяковского, снимаемая им у чиновничьей вдовы Марфы Петровны, великолепно освещена луной, бело и неподвижно стоящей в оконнице. Марфа Петровна метелкой из куриных перьев сметает пыль с мебели. В углу, поджав ноги под стульчик, сидит девушка с лютней — не очень юная, скорее даже пожилая особа в греческой тунике.

Входит Тредьяковский.

Марфа Петровна. Ох, Василий Кирилыч, испужали. Померещилось — чужой кто-то входит.

Тредьяковский. Это вас моя шуба новая ввела в заблуждение.

Марфа Петровна. И впрямь новая. Да какая отличная. С обновой, Василий Кирилыч. Из этой — да в лучшую. Так моя бабушка, бывало, говорила в таких случаях, проздравляя. Где ж это вы разжилися?

Тредьяковский. Добрый человек подарил, Волынский Артемий Петрович.

Марфа Петровна. Ах он, благодетель. Дай ему бог здоровья.

Тредьяковский. Дай бог. Золотое сердце. Другой бы за дерзость вытолкать приказал, а он вот наградил.

Марфа Петровна. А вы уж и ему надерзить умудрились?

Тредьяковский. К слову пришлось.

Марфа Петровна. А я только-только хотела сказать,— видно, вы, Василий Кирилыч, за ум взялись, коли вам награда воследовала.

Тредьяковский. Не воздержался, нет. Сгрубил.

Марфа Петровна. И что оно такое, что дома вы тихие и безответные, а чуть с вельможами — так бес вас толкает.

Тредьяковский. Истинно, толкает. Дома я — что? Человек есмь среди людей. А как увижу, насколько я этих вельмож выше, так и толкает говорить всё насупротив.

Марфа Петровна. Как же вы можете быть вельмож выше?

Тредьяковский. А вот так, что их много, а я один. Одна-единственная [illegible] такая персона на всю Россию.

Марфа Петровна. А мне, напротив, сдается, что их мало, а таких персон, как вы, не взыщите, в России пруд пруди.

Тредьяковский. Это ваше мнение неправильное, в силу неправильного воспитания.

Марфа Петровна. Мысли ваши зловредные, до добра не доведут.

Девушка с лютней. Нет, он мыслит верно.

Марфа Петровна. Да как это может быть верно? Сколько лет живу — никогда это верным не было.

Тредьяковский. Прежде не было, а ныне стало и впредь пребудет единственно верным.

Девушка с лютней. Он знает.

Марфа Петровна. Да чем же, чем же он выше вельмож?

Тредьяковский. Тем хотя бы, что во всем подлунном мире я один-единственный, Марфа Петровна, думаю о таких предметах, о коих ни кабинет-министры, ни даже коронованные особы самого чутошного понятия не имеют.

Марфа Петровна. К примеру?

Тредьяковский. К примеру: кто, кроме меня, думает о тóническом стихосложении?

Марфа Петровна. Об чем, об чем?

Тредьяковский. Об тóническом стихосложении.

Марфа Петровна. А что оно такое? Дельное что-либо или же вздор?

Девушка с лютней. Дельное, и весьма.

Марфа Петровна. Для кого же оно дельное?

Тредьяковский. Для меня. И других пиитов, кои за мной придут.

Марфа Петровна. А с чего вы взяли, что господа министры, а тем более коронованные особы о менее дельных предметах думают?

Тредьяковский. А это мне Бог открыл.

Девушка с лютней. Точно. Ему Бог открыл.

Марфа Петровна. А державе, Василий Кирилыч, какая-либо есть выгода от этого вашего... как его?

Тредьяковский. То́нического стихосложения? Прямая выгода.

Марфа Петровна. Да что вы!

Тредьяковский. Представьте себе. Ибо оным стихосложением возвеличивается слава отечественной нашей поэзии и просторы откроются отечественным нашим бардам. Нашей речи, Марфа Петровна, классический эксаметр не свойствен, нашему стиху, Марфа Петровна, свойственно своеобразное и прихотливое двухсложных стоп падение, в сладостных иамбах и хореях — сила нашего стиха, что вы бы усвоили, если бы предприняли, как я, глубинное исследование старинной русской песни.

Марфа Петровна. Уж вы скажете. Чего ради мне-то пустяками заниматься.

Тредьяковский. Ан не пустяки. И, верую, услышу себе за свои занятия спасибо от потомков.

Девушка с лютней. Услышишь. Веруй.

Марфа Петровна. Дай вам бог. Жалко мне вас, Василий Кирилыч. Все-то вы беспокоитесь, все-то колотитесь кто его знает о чем.

Девушка с лютней. Пускай беспокоится. В этом его счастье.

Тредьяковский (*девушке с лютней*). А тебя нынче попрошу о поддержке еще более мощной и щедрой, нежели обычно. Предвижу — за эту оду они семь кровей из меня выпустят.

Девушка с лютней. А зачем взялся, коли предвидишь? Слабости своей не одолел?

Тредьяковский. Не одолел.

Девушка с лютней. Все вы дерзкие — на язык. А окажи вам сильный мира сего ласку — уж вы и готовы.

Тредьяковский. Но все же: какими словами славить сих двух брачущихся дураков мне — третьему дураку?

Девушка с лютней. Думай, пиит.

Тредьяковский. Сих двух шутов — мне, третьему шуту.

Девушка с лютней. Думай. Думай.

Тредьяковский. Пожелать им здравствовать после совершения сего постыдного брака?

Девушка с лютней. Конечно. Без пожелания как же?

Тредьяковский. Стало быть, можно начать прямо со слова «Здравствуйте».

Девушка с лютней. Не мало ли? Похоже, будто ты просто здоровкаешься, повстречамшись.

Третьяковский. А я напишу так:

Здравствуйте, женившись.

Девушка с лютней. Уже ближе к сути.

Тредьяковский. И обращение надобно.

Девушка с лютней. И обращение.

Тредьяковский. Коль скоро девка-калмычка, выйдя за князя, княгиней становится, можно обратиться так:

Здравствуйте, женившись, ваши сиятельства.

Девушка с лютней. Ближе к сути. Скажу твоими же словами: сиятельств на свете много, свадеб справляется еще больше. А тут и свадьба одна-единственная на всю историю, и жених с невестой особенные, и обращение одическое требуется из ряда вон. Ты бери предмет в его естестве, а не кружи вокруг да около.

Тредьяковский (*широковещательно, как человек, вдруг решивший труднейшую задачу*). Здравствуйте, женившись, дурак и дура!

Девушка с лютней. Так, пиит, молодец, пиит. Здравствуй, сочинивший первую строку оды. Вот оно, естество предмета.

Тредьяковский. Семь кровей всё одно спустят.

Девушка с лютней. Сколько-то спустят, сколько-то все же оставят. Волков бояться, сочинитель, в лес не ходить. Назвался груздем — полезай в кузов. Можно еще подходящих прибрать пословиц.

Тредьяковский. Довольно, я уже взбодрился.

Девушка с лютней. В твоем сочинительском деле это самое главное: как бы худо ни было — знай повыше задирай голову.

Тредьяковский. А иного ничего и не остается делать. Не то совсем заклюют.

Девушка с лютней. Вот Кантемир всегда так поступает, и смотри-ка,— его и не клюет никто.

Тредьяковский. Кантемиру хорошо. Князь, связи блистательные, воспитание имеет отменное. По посольскому званию жалованье какое получает! Да еще неизвестно за что четыре тысячи крепостных душ от казны получил.

Девушка с лютней. Что-то тебе эти четыре тысячи душ спать не дают, замечаю.

Тредьяковский. Да обидно, сама посуди. За какие заслуги? За нескладные эти сатиры?

Девушка с лютней. Там за что бы ни было,— а стихотворцу об этом думать негоже. Слово-то какое, прислушайся: стихо-творец. Творец стихов, почти что творец стихий. А подушечку слезами орошаешь от зависти — к чему?

Тредьяковский. Не зависть. Обида. Ну почему одним — тысячи душ, а другие вечно гонимы и омерзаемы?

Девушка с лютней. Думаешь, я знаю — почему?

Тредьяковский. Ты знаешь многое.

Девушка с лютней. А вот этого не знаю, Треди-а-ковский.

3

Куртаг в Зимнем дворце. Принцесса Анна Леопольдовна сидит в кресле. Принц Антон стоит у окна.
Проходят придворные господа и дамы.
Проходит Юлиана Менгден.

Антон. Фрейлен Юлиана! Баронесса! Не желаете ли послушать пресмешной анекдот об короле Солнце?

Юлиана. Удивительно: уж сколько лет, как король Солнце скончался, а анекдоты об нем все не иссякают.

Антон. А это необходимая принадлежность славы. Что оставляет после себя человек, увенчанный славой? Подвиги, не так ли? Мудрые изречения, не так ли? И, наконец, забавные истории, то бишь анекдоты, над коими смеются люди. Все сие — атрибуты славы. И, думается мне, анекдоты суть наиболее весомые ее атрибуты. Ибо люди лучше запоминают то, что их смешит. *(Шепчет ей на ухо.)*

Юлиана. И вы, ваша светлость, постараетесь оставить по себе обилие анекдотов?

Антон. Я, баронесса, постараюсь с божьей помощью оставить по себе обильное потомство. Если моя супруга этому не воспротивится.

Юлиана. Вы любите деток?

Антон. Вы угадали. Головенки белокурые, чернокудрые, каштановые — вот что я хотел бы видеть вокруг себя.

Анна Леопольдовна. Юля! Поди сюда! Что тебе нашептывал мой жених принц Браунштейгский?

Юлиана. Ваше высочество, что может нашептывать ваш жених? Убогий анекдот, который я уже слышала тысячу и один раз.

Анна Леопольдовна. Хотя бы при мне ты могла бы отзываться о моем женихе более уважительно.

Юлиана. Впрочем, в заключение его светлость поведал мне свою мечту.

Анна Леопольдовна. Вот как! О чем же он мечтает?

Юлиана. Мечтает иметь от вас множество детей: белокурых, чернокудрых, а также каштановой масти.

Анна Леопольдовна. Хорошо. Коли ему так желательно — у меня будут дети всех мастей.

Юлиана. Нет, кроме шуток, ваше высочество. Я думаю — он будет отменный семьянин.

Анна Леопольдовна. Какое мне дело!

Юлиана. А чье же это дело, ваше высочество?

Анна Леопольдовна. Всё «высочество» да «высочество». Я же тебе разрешила называть меня запросто «Анюта».

Юлиана. Анюточка, ангел мой, и зачем ему уважение такой незначащей особы, как я? Глядите, с ним генерал Леонтьев разговаривает. А давеча сам Миних подходил. Вот чье уважение ему надобно, а не мое.

Анна Леопольдовна. Не скажи, Юля, когда незначащая особа не оказывает уважения, это почему-то обидней вдвое.

Проходит граф Линар.

Вот красавец так красавец. До чего хорош, а, Юля?

Юлиана. До того хорош, что даже ее величество тетушка ваша не раз им любовалась.

Анна Леопольдовна. Вот как! Танта уж и сюда свой глаз запустила? Мало ей ее Иоганна Эрнста?

Юлиана. Анюта, я ни за что на свете не осмелюсь обсуждать поступки и намерения ее величества.

Анна Леопольдовна. А как ты думаешь, верен ли слух, что они с герцогом Курляндским повенчаны?

Юлиана. Ваше высочество, ни слова более об императрице и герцоге.

Анна Леопольдовна. Говорят, будто это верно. И будто герцогские дети произведены на свет моей тантой, а вовсе не Бенигной Курляндской.

Юлиана. Ни слова, я сказала.

Анна Леопольдовна. Ты что-то уж очень командовать мной стала, Юля.

Юлиана. Анюточка, ваше высочество, лишь настолько, насколько мне это разрешает твоя дружба.

Анна Леопольдовна. Ты обиделась?

Юлиана. Ну что ты, нисколько!

Анна Леопольдовна. Ну скажи, что бы я могла тебе сделать приятное?

Юлиана. Ты могла бы сделать нечто весьма приятное и мне и всему моему семейству.

Анна Леопольдовна. Говори.

Юлиана. Моя сестренка Бина окончила свое воспитание в монастырском пансионе, и мы мечтали бы видеть ее фрейлиной вашего высочества.

Анна Леопольдовна. А вы бы обе были около меня.

Юлиана. Мы обе были бы около тебя и служили бы тебе, Анюта.

Анна Леопольдовна. Она так же мила, как ты?

Юлиана. О, спасибо за комплимент. Лицом мы похожи. Только у нее немного невоздержанный характер.

Анна Леопольдовна. Она будет мне грубить?

Юлиана. Ну, до этого я не допущу, будь спокойна.

Анна Леопольдовна. Она не будет выполнять моих приказаний?

Юлиана. Что ты, разве она осмелится? Но если кто-нибудь расскажет ей не вполне пристойный анекдот, она способна вцепиться в лицо рассказчика ногтями.

Анна Леопольдовна. Тогда что мне в ее невоздержанности. Хорошо, Юля, я попрошу танту, чтобы твоя сестренка Бина была назначена фрейлиной к моей персоне.

Юлиана. Анюта, ангел мой, как мне благодарить тебя?

Анна Леопольдовна. Юля, друг мой единственный. Как бы я хотела, чтобы ты была счастливее меня!

Юлиана. Как я могу даже в грезах равнять мою долю с твоей?

Анна Леопольдовна. Впрочем, почем знать? Юля! Может быть, и меня бедную где-нибудь караулит счастье. Ты ведь знаешь, какую будущность уготовила мне моя танта.

Юлиана. Еще бы. Ваша танта любит вас так, как не всякая мать родная могла бы любить.

Анна Леопольдовна. И если сбудется предначертанное ею...

Юлиана. Как же оно может не сбыться? Вы вступите в брак с принцем Антоном.

Анна Леопольдовна. Не напоминай мне об этом.

Юлиана. И дитя, долженствующее родиться от вашего брака, будет ли оно чернокудрое или иной масти, унаследует российский престол.

Анна Леопольдовна. И я буду матерью императора!

Юлиана. И мы будем править всеми делами!

Анна Леопольдовна. Что захотим, то и будем делать. Ведь это приятно, а, Юля?

Юлиана. Еще бы не приятно!

Анна Леопольдовна. Только ли приятно? Мне иногда кажется, что власть — это страшно. И очень большая морока. Хотя мне с колыбели внушали, что лучше власти ничего нет.

Юлиана. А мне с колыбели внушали, что ничего нет лучше богатства. Это потому, что наша страна — маленькая, бедная, скаредная. А что такое ваша Россия, это я поняла, когда переезжала границу. Ты понимаешь, мы ехали по Лифляндии. В окно кареты я видела маленькие домики, и при домиках маленькие цветнички и огородики, как носовые платочки, на земле расстеленные, и среди цветничков беседочки, и лейка стоит, и грабельки какие-нибудь аккуратно к калитке прислонены,— и вдруг смотрю — что такое: простор невозможный, такой, что и ринуться в него страшно, и, насколько глаз хватает, по этому простору ракитник трепыхается листиками, а над нескончаемым этим ракитником — нескончаемое небо, и я во все это мчусь, мчусь! И как-то я тогда враз поняла, что за страна — Россия, и что здесь люди не могут по пфенингу деньги считать, а считают разве что золотыми слитками и пудами жемчуга, а власть должны любить больше своей жизни. И так оно и есть!

Анна Леопольдовна. Ах, Юля, какая ты умная. Как ты говоришь прекрасно! Я возле тебя сама умней становлюсь. Я никогда, никогда с тобой не расстанусь, Юля!

Юлиана. А кому понадобится нас разлучить?

Проходит Бирон.

Анна Леопольдовна. Если бы ты знала, как я боюсь этого человека!

Юлиана. В твоем высоком состоянии тебе даже он не страшен, Анюта.

Проходит Линар.

Анна Леопольдовна. Вот за кого бы я пошла с радостью, вот кто был бы достойным отцом императору! А впрочем, если и впрямь мы всё сможем сделать, чего захотим...

Юлиана. Нет. Если не изменится, даст бог, твое расположение ко мне и доверие, я, раба твоя, паду перед тобой на колени и скажу: Анюта, не свершай сего рокового шага, не приближай к себе этого господина!

Анна Леопольдовна. Но почему, почему?

Юлиана. Потому что тогда все от тебя отшатнутся. Будешь одна как в пустыне. Скажут — новому Бирону отдаешь Россию.

Анна Леопольдовна. Да если Россия будет моя — какое их дело? Кому захочу, тому и отдам. Бирон кровожаден и лют, а у этого взгляни — лик, как у херувима.

Юлиана. По моему наблюдению — русским очень надоели иноземцы. Они хотят со своими делами управляться сами.

Анна Леопольдовна. А как должна быть сладостна любовь такого красавца. А чтобы не было греха, мы с ним могли бы повенчаться, как танта повенчалась с Бироном. По-моему, это очень просто: зовешь священника и приказываешь обвенчать.

Юлиана. Оно-то просто, конечно.

Анна Леопольдовна. И он венчает. Разве он посмеет ослушаться, если я прикажу? И вот нет греха. Да и вообще, я думаю, в любви греха быть не может.

Юлиана. Я тоже так думаю.

Анна Леопольдовна. А может, так оно все и будет, как мне мечтается.

Проходит Волынский.

Юлиана. А по мне, ваше высочество, уж кто подлинно собой хорош — так это Артемий Петрович.

Анна Леопольдовна. Мужик и мужик. Грубый вкус у тебя.

Юлиана. Сила, по крайности, чувствуется. Идет — паркет гнется. У графа-то Линара ножки — что у кузнечика.

Анна Леопольдовна. Даже не понимаю, Юля, откуда у тебя, благородной барышни, баронессы, такие вкусы: паркет гнется. Дикость.

Юлиана. У русских все диковато несколько. Артемий Петрович — плоть от плоти своего отечества. Если бы вы, ваше высочество, захотели...

Анна Леопольдовна. За Волынского тебя выдать?

Юлиана. Ежели снизойдете призреть на судьбу верной своей рабы.

Анна Леопольдовна. Так ведь он женат. И уже другой раз. И дети великовозрастные.

Юлиана. То мне все ничего. Уж больно мужчина видный. Как есть вельможа.

Анна Леопольдовна. Ладно, ладно. Выдам тебя за него. Так ведь это когда будет... Когда еще родится у меня дитя, и когда оно подрастет и станет царствовать... Долго дожидаться.

Юлиана. Я подожду.

Волынский *(подходит)*. Честь имею приветствовать ваше высочество с добрым вечером. Осмелюсь ли спросить, по какой причине лежит облако на пресветлом челе вашего высочества?

Анна Леопольдовна. Это всё вы, министры проклятые, так повели, чтоб мне замуж идти за кого и не гадала и не хотела никогда.

Волынский. Неужто же ваше высочество судьбой своей изволите быть недовольны? Хорошо ли сие, благодарно ли в отношении ее величества?

Анна Леопольдовна. Артемий Петрович, а своих дочерей вы бы выдали за принца Брауншвейгского?

Волынский. Ваше высочество, да мои чернавки и во сне не смеют видеть принцев. Брак ваш — династический. Судьбы державы российской в вашей деснице. О моих дочерях здесь и поминать невместно. Кого вздумали к себе приравнять, ваше высочество.

Юлиана. А мне говорили, Артемий Петрович, что ваш род в родстве с государями российскими издавна состоит.

Волынский. Сие вам говорили справедливо.

Анна Леопольдовна. Так что же вы прибедняетесь? И дочерей своих прибедняете.

Волынский. Предок мой Дмитрий Волынец, от которого мы Волынскими зовемся, бился на Куликовом поле и женат был на родной сестре Дмитрия Донского. Боевой

меч оного Волынца храню я, как святыню. А через Салтыковых состоим мы в родстве с вашей державной бабушкой Прасковьей Федоровной, супругой прадеда вашего Иоанна Алексеевича, брата государя Петра Великого.

Анна Леопольдовна. Како дивно людские судьбы сплетаются. Выходит, мы родичи?

Волынский. Не во гнев вам будь сказано, родичи, ваше высочество, и с вами, и с государыней тетенькой вашей.

Анна Леопольдовна. Почему же во гнев? Мне, напротив, приятно.

Волынский уходит.

Выходит, Юля, и ты в мое родство войдешь.

Юлиана. Все равно, ваше высочество, более любить вас, чем люблю, я и тогда не смогу. Об одном мечтаю — как доказать вам мою преданность. Ищу случая — и не нахожу!

Анна Леопольдовна. Может, еще найдешь. Не тужи. Да и тебе и без доказательств верю.

Проходит цесаревна Елисавета Петровна, одетая с чрезвычайной пышностью. Пажи несут ее шлейф.

А этой ведьмы боюсь еще больше, чем Бирона.

Юлиана. Полно, мой ангел. Что она тебе может сделать?

Анна Леопольдовна. Она — дочь Великого Петра. Тридцать лет по всему миру гром, что она — единственная законная престолонаследница. Если б не Биронова защита — давно бы ее танта в монастыре сгноила.

Юлиана. Да, к Лисавете Петровне наш кровожадный злодей милостив.

Анна Леопольдовна. Он хитрец, Юля. Он предвидит, что раньше либо позже она будет на престоле. Потому и стелет мягко, чтоб, упав, не разбиться.

4

Двор в Холмогорах, где находится в ссылке опальная Брауншвейгская фамилия. Строения и заборы, подобные крепостным стенам, сложены из бревен, тяжелых и черных, как судьба этого злосчастного семейства. Вместо портрета Анны Ивановны на сцене — портрет императрицы Елисаветы Петровны.

Из одного строения выходит принц Антон, окруженный детьми: мальчиками и девочками. Из другого строения выходит Юлиана Менгден.

Юлиана. Ваша светлость, принц!

Антон. Фрейлейн Юлиана?

Юлиана. Не желаете ли пряничка? *(Достав из кармана, оделяет пряниками принца и детей.)*

Анна Леопольдовна *(в окошке)*. Похоже, Юля, что твои карманы не имеют дна.

Юлиана. Я бы хотела, чтобы они не имели дна.

Анна Леопольдовна. Нет, в самом деле, откуда ты берешь все эти лакомства, чтобы прикармливать моих детей и моего бедного мужа?

Юлиана. Просто мой зольдатик Ямсков очень добрый и щедрый зольдатик. С пустыми руками никогда не приходит. Боюсь, что все свое мизерное жалованье он тратит на меня. Он, видишь ли, хочет, чтобы я хоть немножко потолстела. Он находит меня уж чересчур худой. Говорит, что мои кости колются.

Анна Леопольдовна. А знает он, что ты все отдаешь нам?

Юлиана. Он меня об этом не спрашивал. И зачем ему знать?

Анна Леопольдовна. И никому не надо знать. А то еще взыщут с него, бедняги, что он через твое посредство помогает нам, несчастным.

Юлиана. Что ты читаешь?

Анна Леопольдовна. Историю Иова. Ему приходилось еще хуже: бог одного за другим отнимал у него детей.

Юлиана. Слава богу, твои принцы и принцессы растут румяными и крепкими, как яблочки.

Анна Леопольдовна. Да, но какая насмешка рока, что все они рождаются принцами и принцессами, и каждый последующий является престолонаследником на место предыдущего, и всю жизнь они обречены прожить в заточении и лишениях.

Юлиана. Ты читаешь книгу Иова. Он не роптал.

Анна Леопольдовна. А мы разве ропщем? Никого нет безгласней и смиренней нас.

Юлиана. Все так превратно в этом мире. Может быть, будут еще счастливые повороты.

Анна Леопольдовна. Нет, я заметила: повороты от несчастья к счастью куда реже, чем повороты от

счастья к несчастью. В сущности, я всегда ждала этого от нее. *(Указывает на портрет.)*

Юлиана. А помнишь, как ты сама свергла и заточила Бирона?

Анна Леопольдовна. Да! Славный вид он имел в ночной рубахе и ботфортах, когда гвардейцы среди ночи вытащили его из постели.

Юлиана. Это был счастливый поворот, не так ли? Будут и другие!

Анна Леопольдовна. Но ты подумай: сколько людей, рискуя навлечь на себя Лизину немилость, написали мне сюда, в мое скорбное уединение! А от графа Линара — хоть бы слово привета.

Юлиана. Я тебе говорила, что он просто павлин, петух, распушивший хвост и, кроме этого хвоста, ничего за душой не имеющий.

Анна Леопольдовна. Ты всегда была так же умна, как и добра. Ты так верно предрекла мне историю с Линаром. Ведь видит бог, между нами не было даже самого невинного поцелуя. А какая кутерьма поднялась при одном предположении, что поцелуй может быть.

Юлиана. Чтобы это предсказать, не надо было быть Кассандрой.

Анна Леопольдовна. Ну, предреки же мне что-нибудь хорошее. Авось сбудется!

Юлиана. Предрекаю тебе, что в ближайшее время ты получишь подарок.

Анна Леопольдовна. Не пряник ли?

Юлиана. Нет. Вот взгляни, какую ленточку мне принес вчера мой зольдатик. *(Показывает ленточку.)* Возьми и носи. Можно так, и можно так...

Анна Леопольдовна. Куда мне, зачем? Для кого? Отдай лучше Бине.

Юлиана. Бине не следует наряжаться. Она и так привлекает чрезмерно много внимания.

Проходит Бина Менгден. Навстречу ей солдат Ямсков.

Ямсков. Фрейлейн Бина! Ваше благородие!

Бина. Опять ты тут, зольдат. Я тебе сказала, что не желаю видеть твою мужицкую рожу.

Ямсков. А я, барышня, мужик и есть. Мне дворянскую рожу взять неоткуда.

Бина. Ну и пошел вон!

Ямсков. Чересчур вы, барышня, гордые. А я вам сахарцу купил.

Бина *(бьет его по руке)*. Пошел и с сахарцем! Наглец!

Ямсков. Вот характер! Нет, ваша сестрица не в пример обходительней. И сахаром принимает, и другой мелочью. Даже кто хлебца горбушку принесет — и то отказа нет!

Бина. Вон, вон сию минуту! Еще об моей сестре он тут будет рассуждать!

Ямсков. Ой, барышня, оставьте ваш норов! А то на казенных харчах истаете вовсе, как свечка. А барышня ваша, Анна Леопольдовна, никак опять на сносях?

Бина. А тебе что? Ты куда суешь свое рыло?

Ямсков. Вот работáют, так работáют. И, главное дело, всё прынцев родят да прынцесс. А жрать нечего.

Бина. У тебя не просят.

Ямсков. А не грех бы и попросить по-хорошему. Я-то землю пашу, хлебушек ращу, у меня-то хлебушка завсегда запас есть. Мог бы и Леопольдовну вашу прохарчевать, и всех ее сродников.

Бина. Ну, уж это из рук вон! *(Бьет его по голове.)*

Ямсков *(схватив ее за руки)*. Ну, барышня, это вам так не пройдет! Будет о буйстве вашем доложено, и наказание воспоследовать не замедлит.

Бина. А чем они могут меня наказать? Посадить в тюрьму? Так я и без того в тюрьме который год. И отнять у меня нечего. К плетям присудят? Так мне твоя рожа хуже плетей. Не боюсь я, зольдат, наказания ни людского, ни божьего. И вот тебе еще! *(Бьет его.)*

Юлиана *(выбегает из дома)*. Бина, сумасшедшая, перестань сейчас же! Ты хочешь, чтобы их положение еще тяжелей стало?

Ямсков. Вот я это самое им и говорю.

Бина. А ты, сестра, до того захлопоталась, чтоб им тяжесть облегчить, что на тебя уже смотреть тошно.

Юлиана. Мне их жалко.

Бина. И мне жалко. Но я ради них на распятие не пойду.

Юлиана. А я пошла.

Бина. И чего ради? Что она тебе сделала? Только гор золотых насулила, а на деле? Почему она тебя за Волынского не выдала, как обещала?

Юлиана. Значит, воли божьей на то не было.

Бина. Я-то знаю, что ты на этот брак надеялась.

Юлиана. А кто знает, быть может и лучше, что он не состоялся, брак этот. Господь — он ведь все к лучшему делает.

Бина *(обводя жестом окна, в которых видны лица Анны Леопольдовны, принца Антона и детей)*. Да, оно и видно!

Антракт

5

Холостая попойка у Волынского. За столом Волынский, Кубанец, Эйхлер, живописец, шут Волынского и гости: Хрущев, Еропкин, Мусин-Пушкин. Вино, карты. Поодаль незаконченное полотно, изображающее генеалогическое древо рода Волынских.

Мусин-Пушкин *(указывая на живописца)*. Артемий Петрович, а это что за новое лицо?

Волынский. Живописца нанял на службу.

Мусин-Пушкин. Портрет чтоб написать? Изрядная затея.

Волынский. Впоследствии, может статься, и портрет. Пока что вот — пишет мое генеалогическое древо.

Мусин-Пушкин. Тоже дельно. Задумал свой род увековечить? Кто же изображен под видом сего претолстого ствола?

Волынский. Ствол наш — великий князь московский Иоанн. А эта ветвь — его дочь, родная сестра Дмитрия Донского. А другое древо с ними побегами сплетается — это предок мой Волынец, по которому Волынскими зовемся.

Мусин-Пушкин. Что-то много вижу здесь побегов царственных.

Волынский. Так оно и есть. Ты же знаешь: мы через Салтыковых...

Мусин-Пушкин. Очень неглупая мысль — иметь под рукой такое вот древо. Настоящая цена человеку видна. А то в нашей жизни — кто тебе настоящую цену определит?

Волынский. Да уж. Ты делаешь, а другие себе присваивают твои дела. И ходишь как оплеванный. К примеру: у нас в кабинете министров кто что ни сделай — и скажут: граф Остерман сделал. Такова уж сила хитрости в этом человеке. Будто без него никто ничего и смекнуть не может.

Живописец *(ревниво возвращаясь к своему полотну)*. Такому древу приличествует быть увенчану императорским гербом. Я говорил...

Волынский *(отмахивается)*. Не введи мя во искушение...

Живописец. Ну, не императорским гербом — так короной хотя бы...

Волынский. И избави мя от лукавого...

Живописец. Маленькую, Артемий Петрович. Где-нибудь хоть в уголку махонькую коронку — просто как символ. И золотой узорчик кругом... Изрядно вся вещь украсится.

Волынский. Я те дам символ. Под «Слово и дело» хочешь подвести? Еропкин! Как там постройка ваша движется?

Еропкин. Да почти уж готова. Осталось закончить один аппартамент.

Волынский. И всё, как преднамечено?

Еропкин. Всё до капельки. Не отступили ни в чем.

Волынский. И будет к сроку?

Еропкин. Стараемся. Вот, может, слоны задержат.

Волынский. Слоны?

Еропкин. У входа же, помните,— ледяные слоны должны стоять, и у них изо рта меж клыками — пламя. Так вот со слонами, возможно, морока будет.

Волынский. Никакой мороки. Возьми слона, облей его с вечера водой — не далее чем к утру готов будет тебе слон ледяной.

Еропкин. Это-то способ известный. С пламенем повозиться придется. А оду принес твой пиит?

Волынский. Принесет!

Хрущев. Чего-то у меня от этой затеи на сердце мутно.

Волынский. С чего бы? Повеселимся!

Хрущев. Князя Сергея жалко. Ославят его на всю Россию.

Волынский. Когда другой нет славы — хороша и такая.

Еропкин. А проект писать далее будем?

Волынский. А как же? *(Кубанцу.)* Готовь для писания стол!

Слуги вкатывают стол с чернильницами, перьями и бумагой.

Господа мои товарищи, прошу!

Хрущев, Еропкин, Мусин-Пушкин, Эйхлер и Кубанец вместе с Волынским пересаживаются от пиршественного стола к письменному.

Прошлый раз остановились на статье налоговой. *(Эйхлеру.)* Подготовил?

Эйхлер. Так точно, Артемий Петрович!

Волынский. В этой же статье, господа мои товарищи, предлагаю крепко ударить по мздоимству!

Кубанец. Батюшка, как по нем ударишь? Сколько стоит держава — она стоит на мздоимстве. И сколько по нем ни ударяли, ничем его не сокрушишь!

Волынский. Ты еще куда с кувшинным рылом? *(Эйхлеру.)* Примеры подобрал?

Эйхлер. Так точно. Примеров множество, как проклятые немцы в ничтожных даже чинах взятки гребут с православных!

Волынский. Давай сюда примеры! *(Берут у Эйхлера бумаги.)*

У такого же стола сидел Волынский, но это было полвека назад, когда он губернаторствовал в Астрахани. Длинной очередью к нему выстроились башкиры, калмыки и горцы, а впереди всех с кошелем — мулла в чалме, показывающей, что он сподобился побывать у гроба Пророка.

Собрал?

Мулла. Собрал, бачка, как приказано. Куда сыпать?

Волынский. Сюда.

Мулла *(высыпает из кошеля золото на стол)*. Дрожим, бачка!

Волынский. Вы-то чего дрожите?

Мулла. А как до царя дойдет, что мы один налог на него собираем, а другой — на тебя?

Волынский. Да это нешто налог? Это вы по своему желанию... любя меня... Ведь любите?

Мулла. Любим, бачка!

Волынский. Дар любви. А ты — налог...

Мулла. Мы так поняли, бачка, что налог. Потому что ты сказал: от каждого очага — по червонцу.

Волынский. Ежели все любят? Ведь все?

Мулла. Все, бачка, все!

Волынский. Так ежели кого-нибудь обойти, хоть с одного очага не взять — он же обидится. Потому и сказал: с каждого очага! Чтоб никого не обидеть.

Мулла. Никто и не обижен. Из-под подушек, из-под половиц вынимали с радостью — никто не обижен! А смотри!

Мулла показывает пальцем. И видит Волынский, что по ту сторону стола сидит царь Петр I.

Петр. Смотри, Артемка, смотри! Подойди-ка сюда! Ближе! *(Бьет Волынского дубинкой.)*

Волынский. Ваше величество, отец родной!

Петр. Ведь все одно кончишь плохо. Лучше уж я тебя повешу посреди базара и через то в бедном этом народе добрую славу заслужу.

Волынский. Да стоит ли хлопот, ваше величество? Ну, изволишь меня вздернуть, потешишь инородцев. А назавтра придется на мое место — другого губернатора. Думаешь — будет лучше? Лучше, ваше величество, никогда не бывает! Неправда сущая, будто человек красит место. Место красит человека, ваше величество! Обо мне хоть и ты знаешь, и они, что я червонцем довольствуюсь. А другой еще неведомо какие проделки и измены пустится учинять.

Петр. Нет, повешу, повешу! Хапуга несносный, ненасытный! *(Бьет.)*

Волынский. Помилуй!

Петр. Вспомнишь когда-нибудь, что я тебе предлагал — из своих рук повесить. Да поздно будет!

Продолжается разговор у стола с гостями.

Волынский *(передавая бумаги, взятые у Эйхлера, Хрущеву)*. Господа мои товарищи, эти вот славные примеры на подходящих местах вставить в статью о налогах — и статья, почитаю, готова.

Хрущев. Вставлю, затем сделаю общий огляд — готова или нет.

Волынский. Я без огляда разумею — готова. И перейдем к статье об устройстве армейском. Что делается! Давеча генерал Леонтьев ко мне прибегал: у сына, говорит, отбирают роту и отдают,— кому б вы думали?

Мусин-Пушкин. Известно, кому-нибудь из немцев; не русскому!

Волынский. Точно! Бироновой жены племяннику!

Хрущев. А по армии кто приготовит материал?

Волынский. Эйхлер! Скажешь кабинет-секретарям!

Эйхлер. Слушаю.

Волынский. Какую книгу кабинет-секретари мне раздобыли! Мы с Кубанцем давеча до полночи читали. Куда Макиавеллю с его рассуждениями!

Еропкин. Из истории что-либо?

Волынский. История царицы Клеопатры и императрицы Мессалины, баб развратнейших, написана Юстом Липсием. Да так написана — читаешь и мстится, что в нынешнее время все происходит. Инда жутко становится: как терпит всевышний, чтоб у этаких распутниц венец на голове держался.

Хрущев. Поговаривают, Артемий Петрович, будто за нами с тобой присмотр есть.

Волынский. Кто поговаривает?

Хрущев. Да челядь. Мол, интересуются, чего ради мы к тебе по вечерам ходим.

Волынский. Того быть не может. Сходимся мы для дела доброго, государству на пользу, а не во вред. Среди челяди моей наушников нет, народ совестливый. А главное — сужу по людскому обхождению со мной при Дворе и помимо Двора. По утрам просыпаюсь — приемная, верите ли, как улей пчелиный, гудит, всякому человеку я нужен. А государыня со мной пребывает неизменно милостивой. Так что ничего не опасайтесь, господа мои товарищи!

Хрущев. Ну хорошо; кончим мы проект — а далее?

Волынский. Далее — направим проект ее величеству.

Мусин-Пушкин. Как? Ей самой?

Волынский. Не Бирону же!

Мусин-Пушкин. Не боязно тебе?

Волынский. Чего мне бояться? Меня сам Петр Великий хотел посреди базара повесить — и то не повесил!

6

Невская першпектива. Под фонарем встречаются Тредьяковский и Кантемир.

Тредьяковский. Антиоху Дмитричу почтение.

Кантемир. Здоров, брат. Куда бежишь, об чем хлопочешь?

Тредьяковский. Жизнь наша хлопотная. Чего-чего, а хлопот предостаточно, Антиох Дмитрич. Вот сейчас, слышали — князя Сергея Голицына женят на дурке-калмычке Бужениновой.

Кантемир. А тебе что? Не тебя женят.

Тредьяковский. Так ведь еще раз унижение российского дворянства.

Кантемир. А тебе что? Ты дворянин, что ли?

Тредьяковский. И поселяют их, вообразите, в ледяном дворце.

Кантемир. Что ты говоришь!

Тредьяковский. Истинно говорю. Дворец ледяной, постеля ледяная, ночные колпаки ледяные.

Кантемир. Не слишком пылкая будет брачная жизнь.

Тредьяковский. А я на эту дикость пиши оду.

Кантемир. А не пиши.

Тредьяковский. Вам легко, Антиох Дмитрич, говорить. При вашем вельможном положении и титуле. И получивши только что четыре тысячи крепостных душ...

Кантемир. Ну, какое там вельможное. Тоже, знаешь... А четыре тысячи нешто на меня одного: с братом и двумя сестрами велено поделиться. Экая шуба на тебе славная. Никак на медведях?

Тредьяковский. Артемий Петрович Волынский пожаловал со своего плеча.

Кантемир. Значит, дела твои в гору пошли? Рад за тебя.

Тредьяковский. Спасибо на добром слове.

Кантемир. А оду сочинил уже?

Тредьяковский. Увы мне, лишь первые строчки придумал.

Кантемир. Ну что ж. Уже нечто. Иной раз все дело в самой первой строчке: пока ее, окаянную, придумаешь — с места не двинешься. И какая же первая строчка?

Тредьяковский. Так думаю начать: «Здравствуйте, женившись, дурак и дура». Здравствуйте — надо понимать: будьте здоровы и благополучны, а не в виде простого приветствия.

Кантемир. А дальше как?

Тредьяковский.

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
Еще бабина дочка, тота и фигура!
Теперь-то прямо время вам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.

Ну, каково?

Кантемир. Да что, брат? Худо. Неуклюже, коряво.

Тредьяковский. Неужто?

Кантемир. Ни смысла, ни грации. Какой-то ты весь, брат, как взъерошенный терновый куст, в колючках весь. А непристойности зачем тащить в поэзию?

Тредьяковский. Так-таки весь корявый? Непристойности при Дворе любят. А изволите вот это послушать:

Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время,
Умальте, мои очи, слезных потом бремя;
Перестань жаловаться на несчастье, мой глас;
Позабудь и ты, сердце, кручину на мал час.
Знаю, что вы в несчасти, и что чрез жестоту,
Варварской и несклонной судьбины в долготу.
Будьте в малой роскоши, хоть и все постыли,
И помните, что долго вы счастливы были...

Да какой из нынешних поэтов с такой грацией слагает вирши? И мысли сколько, а ведь это, разумеете, лишь утешение другу собрату в несчастьи.

Кантемир. Разумею, разумею. Все, брат, разумею. А шуба-то в самом деле на медведях?

Тредьяковский. Шуба — на медведях.

7

В Зимнем дворце. Покои Бирона. Бирон и его жена Бенигна.

Бирон. Опять, герцогиня, с утра надувшись. Ничем на вашу светлость не угодишь.

Бенигна. Чем же ваша светлость уж так мне угождает?

Бирон. Мне сдается, ни одна дама в Европе так блистательно своего мужа не женила, как ваша светлость.

Бенигна. Да, эти свои заслуги вы ежедневно на вид мне ставите. Но ежели взглянуть беспристрастно: какая мне выгода от вашего блистательного брака? А вашим бедным детям? Хоть один из них устроен ли подобающим образом?

Проходит горбатенькая Гедвига.

Бирон. Поди устрой такую.

Бенигна. Не я ли виновата, что вы с государыней снабдили это несчастное дитя такой внешностью?

Бирон. Зато сыновей, Бенигна, я вознесу как подобает, увидишь.

Бенигна. Сколько лет я слышу эти обещания.

Проходит Петр Бирон.

Вы мне сулили женить Петрушу на принцессе Анне Леопольдовне. А вместо того она выходит за Антона Брауншвейгского.

Бирон. Еще не все потеряно, Бенигна. Принцесса своего жениха терпеть не может.

Бенигна. И вы не теряете надежды?

Бирон. Завтра, Бенигна, буду иметь решительный разговор с государыней об этом предмете.

Бенигна. Ваша светлость, если нога моего сына ступит на ступени трона, можете считать, что вы искупили свои вины передо мной, несчастной.

Бирон. Это вы несчастны, ваша светлость?

Бенигна. А вы, ваша светлость, как полагаете? Мало того, что всю жизнь делю супруга моего с другой женщиной. Да еще с какой!.. Да еще собственных моих детей считают детьми той женщины!

Бирон. Ваша светлость изволит считать одни невыгоды своего положения. А если попытаться счесть выгоды?

Бенигна. И это правда, что принцесса Анна Леопольдовна терпеть не может своего жениха?

Бирон. Такие известия поступают от многих лиц.

Бенигна. Это хорошо. Это укрепляет мои надежды на счастье нашего бедного Петруши. Кстати, ваша светлость, вы бы повлияли на нашего Карлушу.

Бирон. А что такое?

Бенигна. Генерал Барятинский подал на него жалобу.

Бирон. Несносный старик! Что такое?

Бенигна. Якобы на куртаге Карлуша бегал по залу с хлыстиком и его, генерала, хлестнул хлыстиком по ногам!

Бирон. И эта старая курица подняла шум из-за невинной детской проказы?

Бенигна. Вы же знаете, как надменны русские. Генерал Барятинский шумит повсюду, что дети герцога Курляндского безнаказанно оскорбляют заслуженных русских генералов!

Бирон. Ему этот шум не будет на пользу, поверьте, ваша светлость.

Бенигна. Тем не менее было хорошо бы внушить Карлуше, чтоб был посдержанней. Мы слишком на виду! Слишком.

Бирон. Разве это бывает когда-нибудь слишком, ваша светлость? Если наш внук будет императором всероссийским?

Бенигна. О, как я молюсь, чтобы господь помог бедному Петруше!

Бирон. А с Карлушей я поговорю. Пожалуй, в самом деле не надо раздражать русских сверх меры. Они терпеливы, но злопамятны и коварны.

Входит Тредьяковский.

А, поэт! Какая надобность привела тебя ко мне?

Тредьяковский. Защиты прошу, ваша светлость.

Бирон. От кого же?

Тредьяковский. От Волынского Артемия Петровича.

Бирон. А что такое?

Тредьяковский. Заказал он мне оду на бракосочетание князя Голицына с девицей Бужениновой.

Бирон. Моя персона тут при чем?

Тредьяковский. И не успел я, грешный, сочинить ее к сроку. А он, Волынский, прислал ко мне кадета, требуя объяснения. Я с этим кадетом поспорил, а Артемий Петрович, осерчав, призвал меня к себе и велел своим слугам бить меня палками.

Бирон. Да он бешеный. Это же всем известно.

Тредьяковский. Помилуйте, ваша светлость. Ежели еще палками начнут избивать нашего брата поэта...

Бирон. А что, вы какие-нибудь особенные, поэты? Уж вас и ударить нельзя?

Тредьяковский. Да, ваша светлость, мы — особенные.

Бирон. Я вам говорю, эти русские высокомерны непереносимо!

Тредьяковский. Не токмо русские поэты, но и французские, и турецкие, и английские, и все поэты на земле, ваша светлость,— особенные.

Бирон. Ты посмотри, что они об себе возомнили. Не за это ли и наказал тебя Артемий Петрович Волынский?

Тредьяковский. Я полагаю, ваша светлость, как бы человек о себе ни возомнил, палками за это — нельзя!

Бирон. Ты считаешь — нельзя; а он, государственный человек, считает — можно. А я в вашу драку вступать не намерен.

Входит Волынский.

Волынский *(Тредьяковскому)*. Жаловаться пришел, урод?

Тредьяковский *(Бирону)*. Защитите, ваша светлость!

Волынский. Ты сколько палок от меня получил?

Тредьяковский. Кажись, тридцать, если верно сосчитал.

Волынский *(бьет его по лицу)*. А теперь ступай ко мне домой и скажи Ваське Кубанцу, что я велел тебе дать еще семьдесят! Для ровного счету!

Тредьяковский. Ваша светлость, защитите!

Сени в доме Волынского. Слуги, разложив Тредьяковского на ларе, бьют его по спине палками. Кубанец наблюдает за экзекуцией.

Тредьяковский. Я — российский поэт! Я дал жизнь и законы тоническому стихосложению! Я — профессор элоквенции!

Кубанец *(считает)*. Шестьдесят восемь! Шестьдесят девять! Довольно! *(Тредьяковскому, который встает, шатаясь.)* По крайности, ежели была в этих медведях моль,— теперь будь покоен — не осталось, ни порошинки!

Тредьяковский. Я — секретарь Академии наук!

Прибегает шут Волынского, ложится на соседний ларь и передразнивает крики Тредьяковского.

Кубанец *(Тредьяковскому)*. Дал бы лучше на шкалик людям, чем ныть. Нешто они тебя в полную силу били? Они вполсилы били! Я же видел! Они шкалика заслужили!

Тредьяковский дает слугам на шкалик.

А теперь шел бы ты восвояси.

Тредьяковский. Я и иду восвояси.

Кубанец. А то как воротится Артемий Петрович, да увидит твою рожу недобитую — пожалуй, велит и добить.

Тредьяковский. Чего доброго. *(Слугам.)* Уж вы выпейте за здравие бедного поэта.

Кубанец. Выпьют, выпьют. Пошел!

Тредьяковский уходит.

Экие нежные пошли. Он — секретарь, он — профессор, его не трожь! И не таковских наш барин к ногтю прибирал!

8

Площадь между Зимним дворцом и Адмиралтейством. Среди покрытых инеем раскидисто-пушистых деревьев стоит ледяной дворец. Сделанный изо льда и подсвеченный изнутри красным, зеленым и голубым светом, он кажется сложенным из громадных драгоценных камней. У входа в него стоят два ледяных слона, изрыгающих пламя из пастей. По фронтону — ледяные статуи, ледяные купидоны. Вверху — ледяной шпиль.
Дворец окружен стражей. За цепочкой караула теснится простой народ. Появляется свадебное шествие: князь Сергей Голицын об руку с калмычкой Бужениновой, толстой уродливой бабой в кружевной фате и флердоранже. За ними — попарно — представители различных народностей России в ярких национальных костюмах.
Пары идут под музыку в церемонном танце.
Камергер Татищев всходит на ледяное крыльцо.

Татищев. Сударыни и господа! Пиит Тредьяковский имеет прочитать на настоящее торжество оду своего сочинения.

Тредьяковский *(всходит на крыльцо, читает полный текст оды)*.

Здравствуйте, женившись, дурак и дура,
Еще бабина дочка, тота и фигура!
Теперь-то прямо время вам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься;
Квасник дурак и Буженинова лядка
Сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну мордва, ну чуваши, ну самоеды!
Начните веселье, молодые деды,
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки,
Плешницы, волочайки и скверные ляди!
Ах, вижу, как вы теперь ради!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи, весна, свищи, красна!
Не можно вам иметь лучшее время,
Спрягся ханский сын, взял ханское племя:
Ханский сын Квасник, Буженинова ханка,
Кому то не видно, кажет их осанка.
О пара, о нестара!
Не жить они станут, но зоблют сахар;
А как он устанет, то другой будет пахарь,
Ей двоих иметь диковинки нету,
Знает она и десять для привету.
Итак, надлежит новобрачных приветствовать ныне,
Дабы они во все свое время жили в благостыне,
Спалось бы им, да вралось, пилось бы, да елось.
Здравствуйте, женившись, дурак и дурка,
Еще бабина дочка, тота и фигурка.

Громогласное «Ха-ха-ха-ха!».
Это смеется другое шествие, возглавляемое царицей Анной Ивановной, идущей под руку с Бироном. За ними выступают попарно придворные кавалеры и дамы. В том числе леди Рондо с Остерманом, горбатая Гедвига с красавцем Линаром, Педрилло с козой. Век шествует во всем своем блеске и нелепости.

Царица. Славную забаву устроил нам Артемий Петрович Волынский.

Бирон. При чем здесь Волынский, Анхен?

Царица. Ну как же? Он возглавлял машкерадную комиссию.

Бирон. Придумал забаву Татищев. А Татищеву, если хочешь знать, подшепнул я. Строили дворец твои славные архитекторы. При чем Волынский?

Царица. Все же наградим его, Эрнст. Хлопот ему было немало.

Бирон. Наградим, разумеется, если уж так велико твое пристрастие к Волынскому.

Царица. Я хочу быть справедливой, Эрнст.

Бирон. Кто осмелится считать тебя несправедливой? Не было монархини справедливей и добрей тебя.

9

В Зимнем дворце. Покои царицы. Царица и Бирон.

Царица. Что рано нынче, Эрнст?

Бирон. Я к тебе, Анхен, с жалобой.

Царица. Вот как; и у меня к тебе жалоба.

Бирон. На кого же?

Царица. На Волынского. А у тебя?

Бирон. На Волынского.

Царица. Во те на!

Бирон. Что за чудеса? Чем тебя сей бешеный дерзнул?

Царица Он мне престранное прислал письмо.

Бирон. Тебе — письмо? Да как он осмелился? Он, кажется, во дворце себя уже хозяином считает.

Царица. Еще не вполне, но близко к тому, Эрнст!

Бирон. Еще бы не близко! Давеча в моих покоях ни с того ни с сего набросился с побоями на секретаря Академии наук Тредьяковского. В моем присутствии избил до синяков.

Царица. В твоем присутствии, Эрнст?

Бирон. И в личных моих покоях. А наш Карлуша нечаянно хлыстиком дотронулся до сапога генерала Барятинского, так из этого соткали целое преступление против русской нации!

Царица. Ты оскорблен, Эрнст?

Бирон. Да, я оскорблен, когда неотесанный русский медведь в моих покоях, перед моим лицом бьет зашедшего ко мне человека, кто он ни будь!

Царица. У тебя рыцарские чувства, Эрнст.

Бирон. Да, Анхен, у меня рыцарские чувства. И я тебя прошу мою жалобу не оставить без внимания. А об чем же он тебе пишет в письме, если не секрет?

Царица. Престранное письмо, Эрнст. В начале он пишет, что меня обманывают, что я себя окружаю не теми людьми, какими нужно.

Бирон. Меня разумеет.

Царица. Не столько тебя, сколько графа Остермана. Доносит, что Остерман хитер, неискрен, никому ничего откровенно не говорит, заслуги всего кабинета себе одному приписывает.

Бирон. И ты веришь?

Царица. На графа Остермана это похоже. Характер его всем известен. Только тут плохого нет, я полагаю, ежели он об секретных делах никому не говорит. Зря, полагаю, обижается Артемий Петрович!

Бирон. Ты, как всегда, судишь мудро и здраво. Остерман для нас — дорогой человек.

Царица. Я так же, Эрнст, думаю.

Бирон. А не любят его за то же, что и меня. За то, что — немец!

Царица. Я несколько иначе думаю. Похоже, что Артемий Петрович желает напомнить о своих заслугах.

Бирон. В чем его заслуги? В том ли, что из казны деньги берет?

Царица. Что́ ты, Эрнст!

Бирон. Доносил его человек, Василий Кубанец. Из Конюшенного ведомства, Анхен, берутся и деньги, и лошади. От купцов, от чиновников, от архиереев вымогаются подношения. И всегда вымогались. Он сам в компании рассказывал, что еще твой дядя Петр Алексеевич его за мздоимство повесить хотел. Что еще в письме?

Царица. Еще — проект: что надобно сделать, чтоб поправить дела империи.

Бирон. Он знает, что надобно сделать?

Царица. По налогам, судам, по армии, по устройству Сената — обо всем подробные статьи.

Бирон. Он тебе, мудрейшей из цариц, дает советы? Как малолетней?

Царица. Не знаю, он один ли? Так все в подробностях указано, такое во всех статьях проявлено знание, что думаю — не одна его голова над этим трудилась.

Бирон. О прозорливица! Наверно даже! Есть донесения: что́ ни вечер — у него сходбища в доме! Приходят Хрущев, Мусин-Пушкин, архитектор Еропкин — и до рассвета пьют и разглагольствуют. Возможно, на сих сходбищах и сочиняли сообща!

Царица. А нынче вошел в пудре, в брильянтах,— и прямо к ногам на подушку положил письмо!

Бирон. Анхен, а не думаешь ли ты?.. Что он к тебе питает...

Царица. Нет, Эрнст, что ты!

Бирон. Почем знать? Велика дерзость этого человека.

Царица. Он — раб. Я царица. Он не осмелится даже помыслить!

Бирон. А ты — не мыслила, Анхен? Он ведь тебе понравился? В пудре и брильянтах?

Царица. Мое сердце отдано навсегда. Я — твоя жена перед богом.

Бирон. Но не перед людьми, Анхен, скрепи наш союз перед людьми. Сочетай нашего сына Петра с Анной Леопольдовной!

Царица. Как это возможно? Анюта помолвлена с принцем Антоном.

Бирон. Ей принц Антон — что кость в горле!

Царица. Откуда знаешь?

Бирон. Отовсюду молва. А спроси у нее.

Царица. Спрошу!

Бирон звонит в колокольчик. Входит лакей.

Бирон *(вошедшему лакею)*. Ее величество просит к себе ее высочество.

Лакей уходит.

Царица. Ох, как рвешься к престолу, Эрнст!

Бирон. Не для себя, Анхен. Для нашего внука.

Входит Анна Леопольдовна.

Царица. Анюта, поди сюда. Скажи мне чистосердечно: любишь ты принца Антона?

Анна Леопольдовна. О, ваше величество...

Царица. Если любовь слаба и не греет сердце — в твоей власти переиграть игру. Герцог Курляндский просит твоей руки для своего сына Петра.

Анна Леопольдовна. О, тетушка!

Царица. Все в твоей власти, Анюта.

Анна Леопольдовна. Родимая моя тетушка, я помолвлена с принцем Антоном и не возьму свое слово назад.

Царица. Ты сделала выбор.

Анна Леопольдовна. Да!

Бирон. Как жесток ваш отказ, ваше высочество. Не тем ли он вызван, что некто третий пользуется вашим расположением?

Анна Леопольдовна. Он вызван тем, ваша светлость, что я не хочу входить в ваше семейство, столь ненавистное народу, которым будет править когда-нибудь мой сын.

Бирон. Но за что, за что нас ненавидят, ваше высочество?

Анна Леопольдовна. Вы собираете все слухи и шепоты. Неужто об этом вам никто не шепнул?

Царица. Анюта, герцог Курляндский много лет верой и правдой служит нашему престолу. Ты не должна с ним так говорить.

Анна Леопольдовна. Слушаю, тетушка.

Бирон. А по письму Волынского какое же будет решение, ваше величество?

Царица. А какое решение ты счел бы разумным, Эрнст?

Бирон. Должно у него потребовать ответа: как смеет учить вас управлению державой и кого имел в виду, говоря о негодных людях, вас окружающих. Если мы точно не годны, он обязан доказать.

Царица. Так и сделаем. А кому поручим?

Бирон. Кого пожелает ваше величество. Об одном прошу: чтобы к этому следствию были приставлены русские.

Царица. Как ты великодушен, Эрнст!

Бирон. Ибо если хоть одно там мелькнет нерусское имя — Волынского объявят жертвой немцев.

Царица. Ну что же. Полагаю: Румянцев, Ушаков — ему по должности. И Яковлева секретарем.

Бирон. Как ты желаешь, Анхен.

Царица. Да, я так желаю. Только пусть не таскают беднягу в Тайную канцелярию, расспросят на дому.

Бирон. Нет, вижу, Анхен, прельстили-таки тебя его брильянты и пудра.

Царица. О ревнивец! Да разве на дому не то же самое?

Бирон *(слуге)*. Ее величество изволит просить к себе генерала Ушакова.

10

В тайной канцелярии. Ушаков и Кубанец.

Ушаков. И что же они читали по истории?

Кубанец. Да все об царицах да императрицах. Цари и императоры их как бы не интересовали, один лишь женский пол. Про Мессалину читали. Про Клеопатру. Еще про Иоанну Неаполитанскую.

Ушаков. И все, говоришь, как на подбор?

Кубанец. Одна другой поганей, ваше превосходительство. Нет такого непотребства, чтобы эти бабы скверные не совершали.

Ушаков. Ну ты говори-говори, да не заговаривайся. Об коронованных особах имеешь суждение.

Кубанец. Ваше превосходительство, да эти коронованные — хуже самой последней девки.

Ушаков. И кто ж сочинил эту паскудную книгу?

Кубанец. Какой-то Юст Липсий.

Ушаков. Француз, что ли?

Кубанец. А кто его знает.

Ушаков. И что они, прочитав, между собой говорили?

Кубанец. Разное говорили. Что, мол, при женском правлении всегда, мол, безобразия бывают.

Ушаков. Это кто же говорил? Хрущев?

Кубанец. И он тоже.

Ушаков. А Еропкин?

Кубанец. В ту же дуду дудел.

Ушаков. А твой барин, Артемий Петровнч?

Кубанец. Случалось и ему.

Ушаков. Такими словами?

Кубанец. Истинно такими. Очень дерзостно говорил.

Ушаков. Вот ты, Кубанец, своего господина предал. Ты это осознаешь или нет?

Кубанец. Ваше превосходительство сказали: говори, что знаешь,— [redacted] и говорю.

Ушаков. А хорошо ли это, Кубанец? Ведь Артемий Петрович на тебя во всем полагается, говоришь. Ты [redacted] его дому хозяйничал, как [redacted] своем собственном.

Кубанец. Да уж доверял более, чем сыновьям своим.

Ушаков. Вот видишь. А что это будет, Кубанец, если доверенные наши люди предавать нас начнут ни за понюх табаку? Ведь это будет светопреставление, Кубанец.

Кубанец. Ваше превосходительство, а ужасный мой страх вы ни во что не ставите?

Ушаков. Страх — перед чем? Перед кем?

Кубанец. Да с тех пор, как купил меня Артемий Петрович [redacted] Дербенте на невольничьем рынке, и по сей самый час, когда я вашим покровом осенен и спасен,— ни одной малой минуточки, ваше превосходительство, я не прожил без кромешного страха. Ведь человек-то немилосердный, человек безумный, а [redacted] — [redacted] его власти до последней кровинки.

Ушаков. Да что он мог тебе сделать? Прибить? Эка невидаль!

Кубанец. Убить он меня мог, убить насмерть.

Ушаков. Да он бы за это ответил.

Кубанец. А уж это, ваше превосходительство, мне б тогда было без надобности.

Ушаков. Наговорятся, значит, а потом пить.

Кубанец. А потом, ваше превосходительство, пить до изумления.

Ушаков. Что еще говорили?

Кубанец. Да я вам все объявил, что они говорили.

Ушаков. Все объявил? Ничего не утаил?

Кубанец. Ни единого словечка. Желаю жить бесстрашно, безо всякого сомнения, и чтобы сердце мое было вам видно наскрозь, как стеклянное.

Ушаков. Да, это хорошо — так жить.

Кубанец. Ничего не может быть лучше.

Ушаков. Давно б тебе прийти да облегчить сердце. Не догадался?

Кубанец. Я, ваше превосходительство, сразу пришел, как только вы меня кликнули. А сам — да, не догадался умишком своим куцым.

Ушаков. Ну, иди, Василь Кубанец, живи, дыши без страха!

Кубанец. Иду, ваше превосходительство, дышу! *(Уходит.)*

11

В доме Волынского. Волынский [redacted] Кубанец у камина.

Волынский. Подай мне все бумаги, что [redacted] итальянском шкафу.

Кубанец *(подает бумаги)*. Извольте, батюшка.

Волынский бросает бумаги в огонь.

Зачем вы это?

Волынский. А они не нужны мне больше! А книга Юста Липсия где? Разыщи, чтоб сей же час тут была! *(Жжет и книгу.)* Так как, говоришь, кричал?

Кубанец *(передразнивая.)* Я — профессор элоквенции! Я — секретарь Академии! Я то, я се!

Волынский. Негодный урод! Любишь шубы носить — люби и оды сочинять, верно, Вася?

Кубанец. Истинно, батюшка.

Слуга *(докладывая)*. Гости к вашей милости.

Волынский. Кто такие?

Слуга. Генерал Румянцев, коллежский асессор Яковлев и генерал Ушаков.

Волынский. Ушако-ов?!

Слуга. Он, батюшка.

Волынский. Слышь, Вась, а?

Кубанец. Ничего, батюшка. Бог милостив. Главное, что Юста Липсия успели сжечь.

Волынский. Тшшш!

Входят члены следственной комиссии.

Ушаков. Господин кабинет-министр Волынский. По высочайшему повелению объявляется вам арест на дому!

Волынский. Владычица пречистая! В чем же я провинился, ваше превосходительство?

Ушаков. А о том будете по пунктам спрошены и по пунктам же ответите с полным чистосердечием.

Волынский. Прошу брать места, садиться.

Комиссия рассаживается. У двери становится караул.

Это что же — мне и из дому выходить нельзя?

Ушаков. Арест есть арест. Должен также передать вам высочайшее запрещение ездить ко Двору.

Волынский. Ни ко Двору, значит, ни со двора.

Ушаков *(перед генеалогическим древом)*. Это, верно, и есть пресловутая ваша родословная? Кто же вам это присоветовал?

Волынский. Никто не советовал, а видел я такое дерево у покойного фельдмаршала Шереметева, да и себе решил.

Ушаков. А зачем у вас тут ложь?

Волынский. Где у меня тут ложь?

Ушаков. Как же не ложь? Изобразили среди своих предков сестру Дмитрия Донского! А нам известно, что вы не от нее происходите, а от первой жены Волынца, неведомой литвинки.

Волынский. Вы, ваше превосходительство, никак родословную мою лучше меня знаете?

Ушаков. Во главе Тайной канцелярии стою, батюшка, почитай, более двадцати лет. Натурально, лучше многих знаю многое. А сия сабля, которой Волынец якобы на Куликовом поле сражался, не куплена ли вами у татарина в Астрахани?

Волынский. У кого б ни куплена — то, ваше превосходительство, мое дело. Пункты ваши давайте, пункты!

Ушаков. Изволь пункты. Написал ты ее величеству про неких бессовестных людей, льстецов и тунеядцев, и плутов, кои ее величество обманывают для выгоды своей разными потворствами и вымыслами. И будто они, эти бессовестные люди, помрачают добрые дела людей честных и приводят государыню в сомнение, чтоб никому не верила. Безделицы изображают в виде важном, ничего прямо не изъявляют, но все с закрытыми глазами, с минами печальными и ужасными, дабы государыню привесть в беспокойство и выказать свою преданность, чтобы их одних употребляли во всех делах. А от этого якобы прочие преданные люди теряют бодрость и почитают за лучшее молчать там, где должны бы ограждать государственную выгоду. Писал?

Волынский. Писал.

Ушаков. Кто тебе советовал?

Волынский. Никто. Примеры имел исторические.

Ушаков. Кому показывал?

Волынский. Многим показывал.

Ушаков. Это ты не на герцога Бирона тень наводил?

Волынский. Ежели желаете знать, герцогу Бирону я тоже показывал раньше, и герцог не подумал, что я на него тень навожу. А князь Черкасский сказал, прочитав: это же самый портрет графа Остермана. И лекарь Лесток сказал: ежели попадется в руки Остерману,— он тотчас узнает, что писано против него.

Ушаков. Из каких же причин ты вздумал копать против графа Остермана?

Волынский. Нешто я под него копал?

Ушаков. Как же не ты? Уж граф удивляется: за что, говорит, Артемий Петрович на меня столько зла держит, что всех, говорит, мною поставленных чиновников шпынять изволит, а иным даже ссылки требует.

Волынский. Ежели желаете знать, то не я зло держу, а держит зло герцог Бирон. Он про графа Остермана слышать не может, и вот меня на него натравливал все эти годы. А сейчас оба, конечно, сиг в кусты, а я в ответе. Обмишулили меня интриганы-немцы.

Ушаков. Ты отвечай без обиняков, на других не сваливая, какое ты держишь зло против графа Остермана; за что государыне на него писал. А у герцога Бирона мы сами спросим, если нам потребуется.

Волынский. Не зло, а обидно. Кому хотите будет обидно, если его рвения не видят и не ценят, и я живу яко нищий, а немец Остерман в преизбытке живет и в чести. Пуще же всего обидно, что он от нас, русских, все в тайне держит. Что знает, даже жене своей не скажет, не то что нам.

Ушаков. В каких делах граф Остерман обращается, про то его жене и слушать невместно. Не маленький, кажется, можете сами понимать. Далее вот какой пункт: очень вы к людям немилосердны, так что всякую меру превышаете.

Волынский. А где и кем, ваше превосходительство, установлена мера немилосердия?

Ушаков. За неснимание шапки полицейскими служителями, проходившими мимо ваших окон, изволили их кошками наказывать. Было?

Волынский. Врут полицейские служители.

Ушаков. Мичмана князя Мещерского на деревянную кобылу сажал и псов ему к ногам привязывал и по спицам босиком бегать принуждал — было?

Волынский. Врет Мещерский.

Ушаков. Секретаря Академии наук Тредьяковского в покоях герцога Бирона бил?

Волынский. А что, нельзя?

Ушаков. Если в чем-либо провинился Тредьяковский, следовало объявить куда надо, а не истязать без суда.

Волынский. Да уж теперь говори что угодно, а я свое взял — потешился.

Ушаков. Еще пункт. Как смел ты проект свой дерзостный подать государыне?

Волынский. Кому же было подавать? Она государством правит, а проект — об улучшении управления.

Ушаков. Да как смел ты ее величество тревожить, когда она войной обеспокоена! И как смел столь премудрую и опытную владычицу поучать, как какую-нибудь малолетнюю? И кто с тобой в этом соучаствовал?

Волынский. Никто. Сам писал.

Ушаков. Единолично-с?

Волынский. Единолично-с.

Ушаков. Напрасно запираетесь. Нам известны имена всех соучастников.

Волынский. Изволите говорить так, будто я преступление совершил.

Ушаков. А ты чаял — подвиг? Чаял — пользу отечеству приносишь?

Волынский. Если б от моего проекта последовали улучшения, понятно, пользу.

Ушаков. В герои мостишься?! То-то ты всякие истории читаешь.

Волынский. Я извинения приношу, что ее величество своим донесением потревожил.

Ушаков. А что ты, забыв святость палат государевых, в герцогских покоях Тредьяковского избивал, в том извинения не приносишь?

Волынский *(становится на колени)*. Приношу и в том. Вспыльчивость проклятая!

Ушаков. А что в делах управления государыню дерзнул наставлять?

Волынский. То ж я без злого умысла. Гордыня моя меня попутала. Бес гордыни, знать, под руку толкал. Думал — хорошо сие будет. Какие там еще пункты? Пожалуйста, кончайте поскорей.

Румянцев. Мы заседанию своему и без тебя время знаем. Тебе надобно совесть свою очистить и отвечать с изъяснением, обстоятельно, а посторонних предметов не касаться и не учить нас.

Волынский. Где же я касался постороннего? Я отвечаю, что спрашиваете.

Ушаков. Нет, не отвечаешь. Про графа Остермана так и не ответил: чем можешь доказать приписываемые ему поступки?

Волынский. Зачем мне доказывать? Пущай он доказывает, что поступков не совершал.

Ушаков. Это уж ни с чем не сообразное говоришь.

Румянцев. Не хочет сказать прямо.

Ушаков. Изволь говорить прямо: можешь доказать или не можешь?

Волынский. Не могу.

Румянцев. Как же так?

Волынский. Память слаба стала. Не вспомню ничего.

Ушаков. Так зачем писал?

Волынский. Зачем-зачем? Писал и писал. Писал, думал — складно получится.

Ушаков. А что доказывать придется — и не подумал?

Волынский. Думал — поверят мне. Забыл, что нынче верят немецким выскочкам, а не русским вельможам.

Румянцев. Не уклоняйся от пунктов, не плоди излишнего. Мы все тут русские.

Волынский. Увы, и на это прискорбно смотреть.

Ушаков. Тебе все прискорбно. На какую высоту вознесла тебя государыня, а ты все со своими недовольствиями. Всем в письме порицание сделал, кроме себя.

Волынский. Писал от горячести своей и высокоумия, а ныне усмотрел в том свое вранье.

Ушаков. То-то — высокоумия! Неблагодарно себя держишь. И неоткровенно. Книгу Юста Липсия читал?

Волынский. Читал.

Ушаков. Что в женское правление никогда в державе порядка не бывает,— говорил?

Волынский. Нет.

Ушаков. Говорил.

Волынский. Я больше читал книгу «Политического счастия ковач».

Румянцев. Эта книга всем известна. Нет, ты Юста Липсия читал и неподобающие всякие намеки делал. А девицу Варвару Дмитриеву чему учил?

Волынский. Никаких я девиц не знаю!

Ушаков. Варвару Дмитриеву, камеристку принцес-

сы Анны Леопольдовны, учил интриговать против герцога Курляндского. Всех-то ты учишь! А говорил ты такие слова, что «собаке лучше житье, нежели нам!»?

Волынский. Почем я помню, какие слова ■ когда говорил!

Ушаков. Вот твоя благодарность за все милости!

Волынский. Может, и говорил, сравнивая свою юдоль с житием графа Остермана.

Ушаков. Опять Остерман! Сократи ненависть свою. А из Провиантской и Комиссариатской части какие суммы себе присвоил в турецкую войну? А из Конюшенного ведомства?

Волынский. Прошу милости: хоть ■ ■ под арестом, дозволить мне иметь при себе лекаря и священника.

Члены комиссии шепчутся.

Румянцев. Лекаря, пожалуй. А священника тебе на что? Исповедаться в грехах желаешь?

Волынский. Для раздачи милостыни бедным.

Ушаков. Милостыню раздавать можешь через караульного офицера. Господа, пропозиции по приговору!

Волынский *(на коленях)*. Виноват — во всем! Каюсь — во всем! Прошу милости вашей! Тоже ведь деток имеете. Умирать-то все будем. Ежели ее величество меня помилует — преданность свою всей остальной жизнью докажу.

12

Та же комната. Ночь. Волынский спит на полу на рогожах. Глубина сцены воспроизводит знаменитую картину Сурикова «Меншиков в Березове»: черная изба, свеча на столе, у стола — Меншиков и его дочь Марья.

Волынский просыпается и, шаркая босыми ногами, распоясанный, взлохмаченный, идет в глубину сцены.

Волынский. Здоров, Александр Данилыч! Проститься пришел.

Меншиков. И ты, брат! И что такое, Артемий Петрович, что так мы все солоно кончаем? Начинаем хорошо, а кончаем вишь как.

Волынский. Ты себя, Александр Данилыч, со мной не равняй. Ты в Березове в ссылке своей смертью помер.

Меншиков. Вот ты говоришь — ■ ссылке своей смертью помер. А что это значит? Та же мука, что твоя, только на множество дней поделенная.

Волынский. Все же: без страданий телесных.

Меншиков. Телесных... А колокольчик зазвенел на дороге — покуда звенит, ты уже все страдания принял, думая: вот по твою душу прикатили — пытать, казнить...

Волынский. Колокольчик тот мог быть и к помилованию.

Меншиков. К помилованию! Так вот Ванька Долгорукий все помилования ждал, колокольчика слушал. Дождался. Прозвонил ему колокольчик. Уже в какой глухомани, в какой нищете жил человек — нет, и к этой жизни приревновал кто-то; не поленились ■ ту глухомань за ним послать, заарканить, запытать, четвертовать... Дождался Ванька колокольчика... И ты, Артемий Петрович, тоже к этому руку приложил.

Волынский. Ванька был преступник государственный! А меня... Нет! Не может быть! Как вора, на плахе, на народе... О! Не посмеет Бирон!

Меншиков. Все посмеет, как и ты, Петрович, смел.

Волынский. Ивановна не посмеет.

Меншиков. Посмеет и Ивановна. Долгоруких посмела, а тебя почему не посмеет? Гвардией заслонясь, кому хошь головы рубай безопасно.

Появляется царь Петр Великий.

Петр. Ну, Артемка, допрыгался? Я тебя упреждал, что допрыгаешься?

Волынский. Так ведь, ваше величество...

Петр. Еще когда упреждал: когда ты в Астрахани, сукин сын, вздумал семь шкур с инородцев драть. Уже и тогда чесались руки башку твою дурацкую тебе оттяпать. И после, когда ты с Вилькой Монсом компанию водил. Давненько по тебе топор плачет.

13

■ Петербурге. Окрестности Сытного рынка, где совершена была казнь над Волынским ■ его товарищами.

Народ валит с рынка. Бредет Тредьяковский.

В народе. Мать честная, ну и страхота!

— Как он ее, голову-то, за волосы, да кажет. А из шеи кровь вот такой струей!

— Не дай бог!

— Я все ждал: вот сейчас прискачет гонец, объявит помилование.

— Да нешто так бывает?
— В старину, говорят, бывало!
— Как же! Помилуют они! Держи карман!

Тредьяковский. Нет. О боже правый, нет и нет. Лучше век быть гонимым и омерзаемым, и оды слагать на бракосочетание шутов, нежели жить и кончать, как живут и кончают они. О, подальше, молю тебя, боже, от сих свирепых и кровавых, что столь ужасно друг друга истязают и губят. О, пусть умру в тишине, и Марфа Петровна исхлопочет в Академии малую толику на нищенское мое погребение, и в приходской церкви отпоют меня и успокоюсь смиренно в безымянной могиле, и не надобно мне, о боже мой, ни власти, ни богатства, ни палат каменных, только от их адской участи избави, боже. И упокой, милосердный, душу убиенного раба твоего Артемия, и отпусти ему грехи его, а я, ты видишь, зла и капли в сердце моем на него не держу, и за все его немилосердие ко мне одного хочу — да будет ему земля пухом...

В народе. А большой был боярин!
— Перед палачом, брат, ни больших нет, ни малых.
— Ежели с боярами так, то с нашим братом и подавно!
— И подавно!

Звонит похороиный колокол.

Тредьяковский. Господи, господи, упокой душу раба твоего Артемия... Господи, господи, спаси меня грешного... Спаси от вражды, от клеветы, от сих кровожаждущих, свирепствующих, друг друга и людей губящих бессмысленно... Господи, оставь мне смиренный мой удел, бедные рифмы мои мне оставь и труды мои в поисках слова, да ночное светило в окне моем, да заботу Марфиньки моей, а больше ничего мне, ни о чем не прошу. Ибо каков ни есть мой удел, но настолько же ихний — страшнее, господи! Только одной заботой исполнены их дни — как бы ненависть свою утолить, и ни одного-то меж ними нет счастливого. Упокой, господи, душу раба твоего Артемия...

Конец

1968

СВАДЬБА КАК СВАДЬБА

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Невеста.
Жених.
Мать Невесты.
Отец Невесты.
Тетя Капитолина, тетка Невесты.
Рита, ее дочь, двоюродная сестра Невесты.
Эдька, Рнтин молодой человек.
Тетя Ариадна, другая тетка Невесты.
Дядя Вася, дядя Невесты.
Дедушка Жениха.
Бабушка Жениха.
Метрдотель ресторана.
Сима,
Женя — официантки.
Завсегдатай ресторана.
Старый музыкант.
Первый молодой музыкант.
Второй молодой музыкант.
Гости на свадьбе, главным образом молодые, и чем больше, тем лучше.
Сотрудница загса.
Свидетель Жениха.
Свидетельница Невесты.
Приятель Жениха.
Бабушкин Папа.
Красавец, на которого заглядывается Бабушка.
Продавщица цветов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене нет единой декорации, но предусмотрены площадки для представления событий, происходящих в разное время в разных местах. Есть на сцене [redacted] балкон того дома, где поселятся молодожены, [redacted] комната, где праздновали свою свадьбу родители Невесты, и домик, где была свадьба Дедушки [redacted] Бабушки, и часть улицы перед входом [redacted] ресторан: на улице лотки с разными товарами, в том числе с цветами, [redacted] автобусная остановка. На остановке две очереди, одна [redacted] задней дверце автобуса, другая, состоящая из стариков и женщин с грудными младенцами,— к передней дверце. Есть и часть другой улицы, по которой пройдет Жених, направляясь в загс. Улицы должны быть конкретные, реальные, чтобы зритель их узнавал. Скажем, для Ленинграда это может быть часть Невского и часть Садовой.

Центральное место на сцене занимает зал большого ресторана. Справа в зале — выход на лестницу, ведущую в гардероб и на улицу, слева — эстрада для музыкантов. В открытых окнах голубой весенний вечер.

1

Зал ресторана. Музыка. Под музыку официанты [redacted] официантки, руководимые Метрдотелем, сдвигают стоящие вдоль зала столики [redacted] составляют из них один длинный пиршественный стол. Расставляют лампы, посуду, вазы с фруктами и цветами, ведерки с бутылками шампанского. Развешивают картонные таблички: «Этот зал занят», «Вход только для гостей».

Метрдотель *(похаживает вдоль стола)*. Немножко цветов на тот край, Женя. А то там пустовато.

Женя. Эти, белые, я поставлю невесте.

2

По улице идет Жених. На нем новехонький плащ и новехонькие ботинки. Встречается с Приятелем.

Приятель. Саш, здоров! Что это ты разрядился, как жених?

Жених. А я, брат, жених и есть. Иду расписываться.

Приятель. С Лелькой, конечно.

Жених. А то с кем же.

Приятель. Добился своего.

Жених. Приходи [redacted] ресторан «Нева» [1] часов в восемь.

Приятель. Да не знаю...

Жених. А что?

---

[1] Название ресторана для других городов, кроме Ленинграда, должно быть указано местное

Приятель. Да подарка не припас, не предупредил ты меня. Не по-товарищески, это, Саш.

Жених. Не надо подарка. Просто чокнемся, чтоб было у нас с ней все хорошо. Придешь?

Приятель. Ну, спасибо.

Жених. Если не хочешь без подарка, вот цветочков купи каких-нибудь. Кстати, и я куплю.

Покупает цветы.

Продавщица. Жениху, молодой человек, лучше всего взять розы. Самый богатый и интересный цветок.

Жених. А вы почему узнали, что жених — я?

Продавщица. У нас глаз наметанный. Жених — он издали блестит, как новая денежка. Десяточек розочек, молодой человек.

Жених. Два десятка. Давайте. *(Заворачивает розы в газету.)* Пошли на автобус. Она, наверно, уже в загсе.

Приятель. Давай с передней площадки. С этим свертком — вполне.

Становятся [redacted] очередь. Подходит автобус.

Приятель. Саш, ты чего ребенка в газету завернул? Еще простудится.

Жених. Ничего, пускай закаляется.

3

Зал ресторана.

Метрдотель. А к этим столикам приставим кресла и торшеры. Можно посидеть, побеседовать интимно, покурить. Пепельницы, пожалуйста. Создадим уют для людей. Не каждый день гуляют на свадьбах.

Женя. Иван Иваныч. Завсегдатай идет, чего делать?

Метрдотель. А что же мы, по-вашему, можем сделать?

Женя. Он — хороший клиент.

Метрдотель. Все клиенты хорошие.

Женя. Ну уж это нет.

Метрдотель. Правила для всех одинаковые.

Женя. Каждый вечер пьет и ни разу не напился пьяным, надо же.

Метрдотель. Изучил человек свои возможности, знает свою границу.

Женя. Самые дорогие блюда заказывает.

Метрдотель. Он вас, видно, избаловал чаевыми.

Женя. Зачем вы, Иван Иваныч, так говорите? С тех пор как мы приняли обязательство, я и десять копеек чаевых ни от кого не взяла. Просто он хороший человек.

Входит Завсегдатай.

Завсегдатай. Мое почтение.

Женя. Добрый вечер.

Метрдотель. Здравствуйте.

Завсегдатай. Что такое происходит?

Метрдотель. На сегодня этот зал занят. В соседний милости просим. Или в кабинете прикажете накрыть?

Завсегдатай. Юбилей?

Метрдотель. Свадьба. Сейчас прибудут.

Завсегдатай. Знаете, на вашем месте я бы так не поступил. Четвертый год я вон там у окна каждый вечер. Как же можно?

Метрдотель. Видите ли, они выбрали этот зал.

Завсегдатай. А мой столик где?

Метрдотель. Завтра же будет на месте.

Завсегдатай. Ужасно!

Метрдотель. Они, видите ли, хотят потанцевать.

Завсегдатай. Может, я тоже захочу, кто его знает?

Метрдотель. Я полагаю, если вы подойдете деликатным образом и пригласите какую-либо из дам, они возражать не будут.

Завсегдатай. И я привык, чтобы меня обслуживала Женя своими золотыми ручками.

Женя. Я же вам изменяю всего на один вечер.

Завсегдатай. На один вечер? А вдруг именно в этот вечер пробьет мой двенадцатый инфаркт и никакого другого вечера у меня уже нет, кто знает? Разве вы господь бог, чтоб знать такие вещи?

Женя. Уж так-таки непременно инфаркт!

Завсегдатай. У меня их было одиннадцать штук.

Метрдотель. Так вы к ним, наверно, привыкли, для вас это все равно что конфетку съесть.

Завсегдатай. Привык, да. Но двенадцатый — это будет последний.

Метрдотель. Я вам вот что скажу по личному опыту: не предсказывайте себе неприятностей. Как предскажешь какую-нибудь гадость — непременно она сбывается. Предсказывайте себе исключительно приятные вещи.

Завсегдатай. А они сбываются?

Метрдотель. Почему же. Сплошь и рядом.

Входят тетка Капитолина и Рита.

Рита. Какое мещанство. Кто это распорядился?

Капитолина. Я просила сделать все, как полагается.

Рита. С ума сойти — додуматься до этих ваз!

Капитолина. Чем тебе мешают вазы?

Рита. И музыку тоже заказала?

Капитолина. Я заказала трио музыкантов. А что они играют, это их дело.

Рита. Додуматься — трио музыкантов по такому поводу!

Капитолина. В конце концов, свадьба бывает только раз в жизни.

Рита. Ну, положим, у кого как.

Капитолина. Когда ты, бог даст, выйдешь за своего молодого человека...

Рита. Уж мы, бог даст, обойдемся без этой чепухи... И что ты его так называешь? У него имя есть.

Капитолина. Ну, за этого твоего патлатого Эдьку...

Рита. Эдуарда.

Капитолина. Ах, извините, Эдуарда. Ты с ним запишешься в конце концов?

Рита. В конце концов, может быть.

Капитолина. Ты мне обещала.

Рита. При чем здесь ты? Здесь только мы с ним при чем. И никому никакого дела нет.

Капитолина. Ну, матери-то есть дело.

Рита. Меньше всего.

Капитолина. Не смей мне так говорить!

Рита. Что хочу, то и буду говорить!

Капитолина. А если так, попробуй его еще хоть раз привести в дом.

Рита. И приведу. У тебя не спрошусь.

Капитолина. У кого же ты спросишься?

Рита. У себя.

Капитолина. Вот заявлю я на тебя в жэк...

Рита. И дальше что?

Капитолина. Пускай-ка устроят над тобой общественный суд...

Рита. Боялась я. Общественный суд. Десяток пенсионеров.

Капитолина. Да, пенсионеров, почтенных людей.

Рита. Таких же, как ты, выживших из ума. По всей Европе и Америке уже давно с этой мещанской чепухой покончили, а вы с ней носитесь! Чтоб я жила по вашим протухшим законам!

Капитолина. Без отца тебя растила, вот в чем горе! Будь отец, он бы тебе, дуре, прописал Европу с Америкой!

Рита. Еще не известно, кто бы кому прописал!

Капитолина. Замолчи! Нас люди слушают!

Рита. Пускай на здоровье слушают. Я ничего плохого не говорю. Это ты ерунду мелешь.

Капитолина. Уж ты, конечно, всегда права!

Рита. Да, мама, молодые всегда правы, пора бы тебе понять! Потому что им принадлежит будущее. А старые просто из зависти клохчут.

Капитолина. Кто тебе позавидует? Находка какая твой Эдуард, подумаешь. Дрянь паршивая, глядеть не на что!

Рита. Это мое дело.

Капитолина. Твое, твое, пожалуйста! Только как бросит тебя с ребенком, куда ты пойдешь? Ко мне же пойдешь!

Рита. Конечно. А вы не примете, что ли? Еще мать называется! Обязаны принять и внука воспитывать, на то вы и существуете. Прошли времена, когда зловредные родители детей мучили!

Капитолина. Что же это, мы, значит, все обязаны, а вы во всем правы?

Рита. Почему, и мы обязаны. Если, не дай бог, ты не сможешь больше работать, то я тебе обязана платить алименты!

Капитолина. Дождусь я от тебя алиментов, как же!

Рита. Нарсуд присудит, и буду как миленькая платить по исполнительному листу!

Метрдотель. Я извиняюсь, гражданка...

Рита. Пожалуйста...

Метрдотель. Это вы невеста будете?

Рита. Я похожа на невесту?

Метрдотель. То-то что нет. Я вас послушал и подумал: не может быть.

Рита. Вы правильно подумали. Я тоже буду справлять свадьбу, но попозже.

Метрдотель. У нас в ресторане последнее время очень много справляется свадеб.

Рита. Ну что ж, может быть, мы тоже выберем этот ваш ресторан.

Метрдотель. У нас очень хорошие фирменные блюда.

Рита. Очень приятно. Немножко только у вас устарелый стиль.

Метрдотель. Да ведь кому что нравится, гражданочка. Можно при желании обставить помодерновей.

Рита. Да, уж нам, пожалуйста, помодерновей. Ни ваз этих, пожалуйста, ни люстр...

Метрдотель. Да уж как время приспеет, тогда и сговоримся.

Капитолина. Было бы о чем сговариваться.

Рита. А не будет о чем, думаешь, я заплачу?

Капитолина. Как миленькая заплачешь.

Рита. Дуры плачут.

Капитолина. Не дуры — тоже. Еще как! В три ручья!

Метрдотель. А я вам скажу, гражданочка, в вашем возрасте очень даже полезно иной раз послушаться мамочку...

Рита. А я вам скажу, что ваше дело — тарелки расставлять, а не путаться, куда вас не просят.

Метрдотель. Вот бедовая какая гражданочка.

Капитолина. Не говорите. Несчастье мое.

Метрдотель. Удивительно, до чего бедовая.

4

В загсе. Ожидающие пары — женихи в черном, невесты в белом. Распущенные воздушные вуали, разнообразные белые платья.

Жених *(отдает букет Невесте)*. Бери! Тебе здорово идет!

Невеста. Это мне?

Жених. А кому же? Успела все-таки дошить.

Невеста. Всю ночь сидела.

Жених. Я думал, не успеешь. И все сама?

Невеста. Только кружево Рита приколола.

Жених. Никогда еще ты не была такая красивая.

Невеста. Я тебе нравлюсь?

Жених. Кому ты не нравишься?

Невеста. Другим — мне все равно. Я тебе хочу нравиться. Какие розы! На рынке достал?

Жених. Нет. Государственные розы. На улице продают, здесь недалеко.

Невеста. Это тебе повезло.

Жених. До чего они тебе идут, ты бы видела.

По радио тем временем передают беседу о том, какие полезные для хозяйства предметы можно сделать из древесных опилок.

Невеста. Жалко, зеркала здесь нет, я бы посмотрела. Правда, мне идут розы?

Жених. Необыкновенно. А что это такое передают?

Невеста. Что-то про опилки.

Сотрудница загса. Сто случаев применения древесных опилок в домашнем хозяйстве.

Жених. А зачем это?

Сотрудница. Как зачем? Может пригодиться в семейной жизни. Мы стараемся давать полезные сведения.

Невеста. Чем про опилки, лучше бы вы зеркало повесили. А то не посмотреться даже.

Сотрудница. Смотреться в зеркало, гражданка, можете у себя дома. Здесь — учреждение.

Жених. Опилки! Тут у людей такой день жизни!

Сотрудница. Вот именно, странно, граждане, такой у вас торжественный день жизни, [redacted] вы занимаетесь критикой. И то вам не так, и другое... Чем поблагодарить, вы все отрицаете — и зачем лекция, и зеркала, видите ли, вам не обеспечили. Форменный нигилизм... Ваша фамилия, гражданин?

Идет запись [redacted] книгу сначала сведений Жениха, потом Невесты, потом их свидетелей.

Вы, значит, утверждаете, что он никогда не был женат?

Свидетель Жениха. Я подтверждаю, что до сего дня он не был женат.

Сотрудница. А вы давно его знаете?

Свидетель Жениха. Школьная скамья нас познакомила.

Сотрудница. Как это понимать?

Свидетель Жениха. В одной школе учились, в одном классе.

Сотрудница. Укажите номер школы. Район. Укажите годы. С какого по какой. *(К свидетельнице Невесты.)* Вы, значит, утверждаете, что она не была замужем. А вы давно ее знаете?

Свидетельница Невесты. С колясочки.

Сотрудница. А это как понимать?

Свидетельница Невесты. Мы с ней на одной улице жили, когда нас еще в колясочках возили.

Сотрудница. Укажите улицу. Укажите годы, когда вы и она там проживали.

Жених. Справки не нужно предъявлять?

Сотрудница. Вы все свое. О вас же заботятся. А если завтра окажется, что у нее уже есть муж?

Жених. Не окажется.

Сотрудница. Или что у него уже есть жена?

Невеста. У него есть жена: я!

Жених. Молодец, Лелечка!

Сотрудница. Так вы, значит, принимаете его фамилию?

Жених. Мы же сказали.

Сотрудница. Так: он — Чернышев, она — Чернышева. Кто следующий, граждане?

Жених, Невеста и их свидетели отходят. Подходит другая пара.

Жених. Поторопимся немножко. Там гости небось собрались и есть хотят. *(Приятелю.)* Пошли с нами.

5

Зал ресторана. Музыка.

Рита. Что они заладили какую-то муть?

Метрдотель. Это, я извиняюсь, не муть. Это знаменитый полонез Огинского.

Рита. Не знаю никакого Огинского.

Метрдотель. Мало ли чего вы не знаете, гражданочка. Во времена борьбы Польши за независимость польские офицеры застреливались под этот полонез.

Рита. Мы же сюда не стреляться пришли.

Метрдотель *(музыкантам)*. Просят повеселей чего-нибудь.

Залихватская музыка.

Рита. Вот это — дело другое!

Входит Эдька [redacted] сразу бросается танцевать с Ритой.

Капитолина. Даже не подождете, пока гости соберутся, сейчас же друг за дружку хватаетесь.

Эдька. Зачем же с этим ждать, чтоб гости собрались.

Рита. Не слушай ее, Эдуард, она просто извелась от зависти.
Эдька. Сочувствую, но ничем помочь не могу.
Капитолина. И хамло же вы, зятек.
Рита. Не обращай внимания, Эдуард.
Эдька. Да я и не обращаю. Очень мне нужно.
Метрдотель. Я вам тоже, мадам, выражаю искреннее сочувствие. Не сумели вы воспитать дочку подобающим образом.
Капитолина. Да если б были рецепты, как воспитывать. А ведь плаваешь в тумане... В газетах бы, что ли, печатали или лекции такие читали...
Метрдотель. Как же другие обходятся без лекций?
Капитолина. А кто их знает, мне какое дело? Обходятся и обходятся, их счастье. Рита, по-моему, ты распечатала четвертую пачку сигарет.
Рита. Восьмую, мама.
Капитолина. Разве это мыслимо?
Рита. А почему же немыслимо?
Капитолина. Во-первых, вред для здоровья. Во-вторых, некрасиво. В-третьих, опять-таки некрасиво.
Рита. В-четвертых, опять-таки вред для здоровья. И те де и те пе. Не надоест тебе долбить одно и то же. Я курю четырнадцать лет, и все время она талдычит одно и то же.
Метрдотель. Невежливо, гражданочка, говорить «она» в присутствии лица, о котором идет речь.
Капитолина. Нашли кого учить вежливости.
Рита. А ты меня учила вежливости?
Капитолина. Я тебя учила тому, чему учили меня. А чему меня не учили, как я могла тебя учить?
Метрдотель. Не лишено логики. Но грустные напрашиваются выводы.
Рита. Где же молодые? Что они там застряли?! Десять раз можно было успеть расписаться. Ты, наверно, хочешь есть, Эдуард?
Эдька. До дьявола. Селедки, что ли, рубануть? Где селедка, там водка, верно?
Метрдотель. Такого непреложного закона, собственно, нет, но если вам так уж желательно...
Эдька. Так уж.
Завсегдатай. Налейте ему. Я угощаю.
Рита. А мне? *(Чокается с Эдькой.)* Я пью, Эдуард, ты знаешь за что.
Эдька. Я пью — ты тоже знаешь за что.

Завсегдатай. Эта молодая пара мне нравится. По-моему, они отлично друг другу подходят. Хотел бы я видеть, что получится, если желания девушки сбудутся и она станет законной спутницей этого пещерного человека.
Женя. А я бы совсем не хотела этого видеть. Несчастная мать. Она, конечно, виновата, но все-таки наказание уж очень страшное. Может, и правда надо лекции читать?
Завсегдатай. А кто будет читать? Где эти мудрецы, которые могут предусмотреть каждый возможный случай?
Метрдотель. Ну, не скажите. При желании любое дело можно поставить строго научно. Тут что главное — разработать самые первейшие, самые элементарные правила человеческого общежития. Немного правил, но железные, вы понимаете? И чтоб каждый их знал наизусть.
Завсегдатай. Уже были, дорогой мой, разработаны такие железные правила. И заучивали их наизусть. Но что-то не наблюдалось от этого большого толка.
Метрдотель. Значит, надо, чтоб правила были еще железней.
Завсегдатай. А главное, чтоб они выполнялись не по исполнительному листу. Сердце воспитывать нужно.
Метрдотель. Нужно, нужно. Все знают, что нужно. Да как сделать-то? Ведь бедная мамаша права, рецептов нет.

Входят тетя Ариадна и дядя Вася.

Дядя Вася. Здесь, я вижу, уже выпивают и закусывают. *(Присоединяется.)*
Рита. Вы вошли, я подумала — это молодые.
Дядя Вася. А мы молодые. Разве нет?
Рита. Куда они делись?
Дядя Вася. Придут.
Капитолина. Как прошла церемония?
Дядя Вася. Законно. Племянница моя — прямо тебе голубка белая. Счастливчик Сашка, что такую оторвал.
Рита. У него был большой выбор, по моим наблюдениям.
Дядя Вася. Долго выбирал, зато здорово выбрал.
Капитолина. Это мы скажем, когда посмотрим, как сложится их жизнь в браке. Счастливые семьи — такая редкость.
Рита. Тебя, мама, вроде и тут завидки разбирают?

Капитолина. За тебя! Мне бы тебя так устроить, я бы умерла спокойно.

Рита. За меня не волнуйтесь, я сама устроюсь как нельзя лучше. Вы мне только обеспечьте на это лето путевочку хоть на паршивенький какой курорт — я устроюсь.

Завсегдатай. Скажите, девушка, вам когда-нибудь рассказывали такую сказку, как одна девица была наказана тем, что у нее при каждом слове изо рта выскакивали жабы?

Рита. Это вы по моему адресу? Очень любезно.

Завсегдатай. Не знаю, вдруг почему-то мне эта сказка вспомнилась.

Рита. Вот нахал!

Капитолина. В самом деле, гражданин, по какому праву вы моей дочери замечания делаете?

Завсегдатай. Не знаю по какому. Должно быть, по праву круговой человеческой поруки.

Капитолина. В ваших указаниях никто не нуждается.

Завсегдатай. Виноват. Мне показалось, что нуждаются.

Капитолина. Какой-то я не знаю кто, и лезет, где его совершенно не спрашивают. Какой-то пьяный...

Женя. Он не пьяный! Он никогда не бывает пьяным!

Капитолина. А вы еще тут при чем?

Женя. Мадам, да неужели вы не понимаете, что мы за вас заступаемся! Ведь они же вас съедят, эти двое...

Капитолина. А это наше личное дело! Вы кто такие? Не ваше дело, и все!

Входит длинная процессия. Впереди Невеста с Женихом, позади — Бабушка с Дедушкой.

Дедушка Жениха. Вася уже выпивает.

Дядя Вася. Честное слово, этот бал открыл не я.

Метрдотель. Прошу садиться.

Все рассаживаются.

Дядя Вася. За здоровье молодых!

Чокаются, пьют. Крики «горько!».

Рита. Эдька, передай мне ту рыбу. И пригладься немножко, какой-то ты сегодня, в самом деле, как пещерный человек. *(Протягивает расческу.)*

Жених *(Невесте)*. Ты никогда не будешь называть меня Сашкой.

Невеста. Ты же знаешь. Конечно.

Жених. Не при всех — пожалуйста.

Невеста. Не при всех — тоже. Никогда, Саша, я не назову тебя Сашкой.

Жених. Критиковать меня будешь при закрытых дверях.

Невеста. Если когда-нибудь обнаружу, за что тебя критиковать.

Жених. Обнаружишь!

Невеста. Не верю.

Шумное пирование. Музыка, хлопанье пробок.

О чем ты думаешь?

Жених. Я думаю — скорей бы все это кончилось. И пошли бы мы к себе домой. Вышли бы на балкон. Смотрели бы на Ленинград. Тихо, без галдежа. Устала от галдежа?

Невеста. Но все-таки правильно, что отпраздновали.

6

Они отходят к окну, смотрят на Ленинград. В серебряных тучках — месяц.
Все про них как будто забыли — заняты своими разговорами.

Невеста. Во всей литературе читаешь, читаешь, как он разлюбил.

Жених. То литература.

Невеста. А в жизни? Разве мало примеров.

Жених. Не те берешь примеры. Будь жив твой папа, он бы разлюбил твою маму?

Невеста. Они друг друга ужасно любили.

Жених. Мы любим не менее ужасно. А мои дедушка и бабушка? Шестой десяток вместе. Больше полвека. Шуточки?

Невеста. Чудные старички.

Жених. Мы с тобой тоже когда-нибудь будем такими.

Невеста. Думаешь, такими же будем чудными?

Жених. А почему нет? От нас зависит. Я бы, знаешь, хотел, чтоб у нас все было — первый сорт.

Невеста. Ну что ж? Поскольку, говоришь, от нас зависит...

Жених. А от кого же?..

Невеста. Саша, я сегодня прямо ужасно счастлива.

Жених. Да, ничего. Как-то я этой свадьбы боялся. Как-то, знаешь, вылезать перед всеми со своими переживаниями... Оказывается — нет, ничего. Что мы будем делать с этой кучей подарков?

Невеста. А что... Всему найдем применение. Там ничего нет ненужного.

Жених. Сразу обарахлились.

Невеста. Нам не мешает. Ведь у нас ничего, Саша, нет.

Жених. Хорошенькое дело. Одних чашек натаскали штук тридцать.

Невеста. Пригодятся чашки. Придут твои родные, придут мои, по крайней мере можем чаем угостить. Зато рюмок — одна штука.

Жених. Для дяди Васи. Он чай не очень-то.

Невеста. Мама говорит, у них с папой тоже ничего не было. Еще меньше, чем у нас. Мама говорит, у нее всего одна рубашка была. И ту папа для нее по ордеру получил.

Жених. О чем поменьше давай думать — это о барахле.

Невеста. Ты к моим родным будешь хорошо относиться?

Жених. К кому как. Твоя мама мне нравится. А кто не нравится — ты знаешь.

Невеста. Не понимаю почему. Такая она видная девушка.

Жених. Чересчур видная.

Невеста. Такая интересная. Всегда маникюр хороший и волосы уложены.

Жених. Это ее не делает более приятной.

Невеста. И она, знаешь, очень серьезная. Ее, наверное, скоро [redacted] завмаги выдвинут. Она исключительную способность имеет запоминать все цены [redacted] рублях и копейках.

Жених. Тоже не ахти какая привлекательная черта.

Невеста. Чего это ты ее так не полюбил? Она — моя двоюродная сестра.

Жених. И чересчур от нее духами пахнет. Как-то особенно. Как будто их пролила на раскаленную плиту. И эти кофты обтянутые.

Невеста. Она будет у нас бывать.

Жених. Пожалуйста. Чашек хватит.

Крики «горько!». Жених [redacted] Невеста целуются.

Хорошо, что мы с тобой [redacted] первый раз поцеловались два месяца назад. Иначе в каком бы мы сегодня были положении! Первый поцелуй по заказу!

Невеста. Это же просто обычай.

Жених. Идиотский обычай.

Невеста. Они обидятся, если мы не будем целоваться.

Жених. Я понимаю. Я никого не хочу обижать. Но я хочу целовать тебя, когда никто не глазеет и не орет.

Невеста. Я тебя люблю. Скажи правду: тебе не надоело слушать эти слова?

Жених. От тебя? Как это может мне надоесть?

Невеста. Я так боюсь, что тебе надоест.

Жених. А ты не бойся. Ты знаешь, что такое для меня ты?

Невеста. Что?

Жених. Даже не знаю, как это сказать. Вот смотрю на цветы — это ты. Эти как цветы называются?

Невеста. Хризантемы. А эти — гортензии.

Жених. Все равно. И то и другое — это ты. Музыка играет — это ты. Прошлой ночью смотрю с балкона на улицу. Внизу трамвай прошел, на дуге зеленая звезда зажглась. Даже, знаешь, не зажглась, [redacted] расцвела, вроде как хризантема. И это опять была — ты. И месяц [redacted] тучках — ты. И моя рука вот эта — ты. И весь я — ты. А ты боишься, что мне эти слова могут надоесть.

Как бы издалека летят без конца крики «горько», [redacted] без конца молодые целуются — застенчиво и нежно.

7

В ресторане. Музыка.

Ариадна (*Матери Невесты*). Большой день у тебя сегодня.

Мать Невесты. Да, Ариадна. Так у меня хорошо на душе.

Ариадна. Понятно.

Мать Невесты. Если бы Ваня был жив. Если б он мог ее видеть, нашу девочку. Какая она красивая, какая хорошая.

Ариадна. Не по-христиански мыслишь, сестра. Он все видит оттуда.

Мать Невесты. Если б я могла верить, как веришь ты!

Ариадна. И все это сделала ты, сестра, собственными руками. Ничьей помощи не просила.

Мать Невесты. Мне предлагали помощь. Но я боялась оскорбить память Вани.

Ариадна. Пожалуй, ты слишком была щепетильна. Неплохие тебе попадались люди.

Мать Невесты. Были и неплохие. Но как подумаю, бывало, как мой Ваня где-то в окопе жизнь кончил, а я-то думаю...

Ариадна. Ну, теперь ты через нее за все вознаграждена.

Мать Невесты. Как думаешь, ведь он ничего человек?

Ариадна. Первый сорт парень. Ты знаешь, я ведь побывала в его комсомольской организации.

Мать Невесты. Да что ты?

Ариадна. Дай, думаю, съезжу, спрошу. Мало он чего про себя заливает, надо узнать точно, дело серьезное. Села в трамвай и съездила.

Мать Невесты. Спасибо тебе за хлопоты.

Ариадна. Ну, какие же хлопоты. За час смоталась туда и обратно.

Мать Невесты. И что?

Ариадна. Очень нахвалили. Послушать их — такого золота свет не видал.

Мать Невесты. Спасибо тебе, Ариадна.

Ариадна. За что спасибо? Разве ты не сделала бы того же для моей дочери, если б она у меня была? Или для Риты?

Мать Невесты. Бедная Рита.

Ариадна. Чего бедная? Сама виновата.

Мать Невесты. Не виноваты они ни в чем. Как жизнь складывается, так и живут. И мы так же жили, как складывалось. Ты одна осталась у нас бездетная... и тоже от своей щепетильности, можешь мне не говорить...

Ариадна. Да, и теперь иной раз жалею. Когда смотрю на тебя. А посмотрю на нашу Капу несчастную — нет, думаю, может, и к лучшему, что я бездетная.

Мать Невесты. Да уж теперь поздно говорить. Наверно, надо нам было раньше вмешаться, по-родственному.

Ариадна. Не во все, сестра, вмешаешься.

Мать Невесты. Бедная Капа.

Ариадна. Будь она человек, сама бы должна соображать головой. Ты соображала, когда не захотела второй раз замуж идти.

Мать Невесты. Я ведь только ради Лели. Боялась, обижать будет отчим. Ну, и ради Ваниной памяти.

Ариадна. Должна бы Ритка о матери подумать, каково Капе это все терпеть у себя на глазах.

Мать Невесты. Странно мне, что ты такая верующая — и осуждаешь. Не надо осуждать!

Ариадна. Мне Капу жалко. Какие у нее ни есть мозги цыплячьи, а все жалко.

Мать Невесты. Ну почему цыплячьи? Капа неглупа.

Ариадна. Как же неглупа, когда дала этак девчонке свихнуться? Выходит — глупа.

Мать Невесты. Что же ей было делать?

Ариадна. Ты со своей что делала?

Мать Невесты. А ничего. Просто жили мы с ней тихо и дружно, старались друг друга жалеть, вместе делили и хорошее и плохое, и сама не знаю как, а получилось хорошо.

Ариадна. Ну, а Капа, видать, что-то прошляпила, и вот оно что получилось. Ты бы с Капитолиной поменялась дочками? Ох, наплачется еще Капа от этой Ритки и этого Эдика.

Мать Невесты. Надо быть готовыми ее поддержать, сестра, в трудную минуту.

Ариадна. Я всегда готова, сестра, поддержать своих родных.

Мать Невесты. И надо отдать ей должное, она все *(оглядывает зал)* устроила как нельзя лучше.

Ариадна. Только танцы какие-то диковатые.

Мать Невесты. Ну уж тут-то Капа не виновата. У всякого времени свои танцы. Помню, на нашей с Ваней свадьбе танцевали почти исключительно танго и фокстрот и больше ничего.

8

И сейчас же на соответствующей площадке мы видим эту свадьбу, происходившую во время войны, эту свадьбу без цветов, без светлых нарядов, почти без огней — комната освещена коптилками, на столе черные хлебы и блюдо вареного картофеля и рядом с бутылкой водки — флаконы с тройным одеколоном. Несколько пар топчутся под звуки патефона.

Светлей и нарядней других одета Мать Невесты, ибо на этом бедном празднике она сама — невеста. Но весь ее облик овеян печалью, и в голосе отчаянье, когда она обращается к своему Жениху, одетому в солдатскую форму.

Мать Невесты. Ваня, я знаешь что подумала?

Отец Невесты. Что ты подумала?

Мать Невесты. Разве нельзя узнать, где сейчас находится ваш генерал?

Отец Невесты. Если и узнаем, что от этого переменится?

Мать Невесты. Я сама к нему пойду.

Отец Невесты. Ты хочешь, чтоб меня расстреляли как дезертира?

Мать Невесты. Если ты сам не вернешься, тогда, конечно, ты дезертир. А если разрешит генерал?

Отец Невесты. Не разрешит он.

Мать Невесты. Вдруг разрешит. Я на колени стану.

Отец Невесты. Не разрешит, Таня.

Мать Невесты. Ваня, а вдруг.

Отец Невесты. С какими глазами ты его будешь просить?

Мать Невесты. Как с какими, Ваня? Вот с этими. *(Становится на колени.)* Человек же он.

Отец Невесты. Война, Таня, ты забываешь.

Патефон играет песню «Смело мы в бой пойдем».

Мать Невесты. Я об этой войне даже во сне ни на минуту забыть не могу. Если б не война, я бы простилась спокойно — до свиданья, и все. А поскольку война...

Отец Невесты. А я вот чувствую, что вернусь! Честное слово!

Мать Невесты. Не могу я сейчас с тобой расстаться. Так и скажу твоему генералу: не могу расстаться — и все.

Отец Невесты. Не будет генерал эти глупости слушать.

Мать Невесты. Какие же глупости? Это самое важное в жизни.

Отец Невесты. Для нас с тобой.

Мать Невесты. А мы с тобой, что же, никакой роли не играем?

Отец Невесты. С нашей точки зрения — играем.

Мать Невесты. По-моему, со всех точек зрения.

Отец Невесты. А возьми такую точку зрения: старший брат пошел. Средний брат пошел. А я, младший брат, скажу — не пойду, останусь с женой. Можно это? С какими глазами я к матери приду после этого?

Мать Невесты. Мать поймет.

Отец Невесты. Не сможет она понять, когда оба старших ушли.

Мать Невесты. Она тебя любит.

Отец Невесты. Даже любимым, Таня, не все прощают.

Мать Невесты. Стану на колени,— подумайте, скажу, это все мое счастье, вы ведь тоже молодыми были.

Отец Невесты. И сразу погорела: он до сих пор себя считает молодым.

Мать Невесты. Еще лучше. Вы и сейчас, скажу, молодой, можете понять наши чувства.

Отец Невесты. А он тебе скажет: не имею права,—а ты ему что на это?

Мать Невесты. А я ему на это так скажу: права сегодня нет, завтра оно есть, а любовь на всю жизнь дается, учтите, пожалуйста, и сделайте наше счастье, как добрый человек.

Отец Невесты. Почем мы знаем, добрый он или нет?

Мать Невесты. Если генерал, то должен быть добрый.

Отец Невесты. Маленькая ты у меня. Глупенькая.

Мать Невесты. Ты только узнай, где мне его найти. А я уж сама все соображу и скажу.

Отец Невесты. Где же я узнаю?

Мать Невесты. А ты расстарайся, Ваня. Какие вы, мужчины, ленивые.

Отец Невесты. Я не ленивый. Я правда не знаю, где надо узнавать.

Мать Невесты. Ну как это может быть, чтобы взрослый человек, самостоятельный, и не знал такую вещь. Ищи, как хлеба ищут. Это нам маленьким мама говорила, когда мы, бывало, чего-нибудь ищем и найти не можем. «Ищите,— говорила,— как хлеба ищут».

Отец Невесты. Маленькая, глупенькая.

Мать Невесты. А вот посмотрим. Мне лишь бы дойти до него.

Отец Невесты. Да как дойти-то?

Ариадна *(подходит)*. До бога и то доходят.

Мать невесты. Вот правда, Ариадна.

Отец Невесты. Бог не генерал, генерал — не бог.

Мать Невесты. Ты говоришь к делу не относящееся и не думаешь, что я тебя люблю.

Отец Невесты. Я думаю, что я тебя люблю.

Мать Невесты. Если бы любил, нашел бы генерала.

Ариадна. Да что ты, сестра, пристала к нему. Где он, на самом деле, возьмет тебе генерала. Лучше помолись.

Мать Невесты. Думаешь, не молилась? Уж так молилась, так молилась, чтоб не брали его,— нет, взяли!

Ариадна. Плохо, значит, молилась.

Мать Невесты. Как умела. И словами, и в уме, и на колени тоже становилась.

Отец Невесты. Маленькая...

Мать Невесты. Какая есть.

Гостья. Вы, чем пререкаться без толку, потанцевали бы хоть разок. Хоть будет потом что вспомнить, дескать, мы с ним танцевали на нашей свадьбе.

Мать и Отец Невесты танцуют фокстрот. Патефон переходит на румбу.

Отец Невесты. Ты что делаешь? Это уже румба.

Мать Невесты. Не хочу румбу. Неприличный танец. К генералу хочу.

Отец Невесты. Вот как ты со мной с первого же дня разговариваешь. Ты не должна вмешиваться в мою мужскую жизнь.

Мать Невесты. Тебя же хочу уберечь, шальная голова моя, бритая. *(Гладит его по голове.)*

Отец Невесты. Сейчас, Таня, у всех мужиков головы бритые и шальные. Это у вас, женщин, только любовь на уме.

Мать Невесты. По-моему, вы нам за это спасибо должны сказать.

Отец Невесты. Мы и говорим.

Мать Невесты. Что-то не слышу твоего «спасибо». Одно только слышу: «маленькая» да «глупенькая».

Отец Невесты. А скажешь — большая, умная?

Мать Невесты. И не большая, и не умная, но дай тебе бог, Ваня, чтоб кто-нибудь еще тебя так любил, как я люблю.

Патефон опять перешел на фокстрот. Они танцуют.

Ариадна. У Анны Семеновны муж как был болен, доктора совсем уж отказались, [redacted] она помолилась, и смотри ты — жив-здоров.

Мать Невесты. Как же она так особенно молилась?

Ариадна. Не знаю. Нашла, значит, такие слова. Ты же нашла для генерала.

Мать Невесты. Слова-то я нашла, да вот генерала от меня скрывают.

Отец Невесты. А вот я не хочу, чтоб ты на коленях валялась. Хоть перед генералом, хоть перед кем. Должен человек блюсти свою гордость.

Мать Невесты. Какая уж тут, Ваня, может быть гордость, когда в самую свадьбу разлучают тебя с дорогим человеком.

Отец Невесты. Война, Таня.

Мать Невесты. Вот заладили это слово и все думаете этим словом оправдать.

Отец Невесты. Вот увидишь, вернусь. И сколько еще раз мы с тобой станцуем.

Ариадна. Ты, сестра, надейся, как он надеется.

Мать Невесты. Я буду надеяться. А что мне еще делать, как не надеяться?

Ариадна. Вот Анна Семеновна надеялась, верила — бог ей мужа вернул.

Мать Невесты. Хорошо, хорошо, Ариадна. Я тоже постараюсь, как Анна Семеновна.

Ариадна. Старайся, бедная. А ты бы, Ваня, шел. А то чем дольше тянуть, тем трудней.

Отец Невесты. Давай, Таня, прощаться.

Мать Невесты. Уже! И до утра не побудешь!

Отец Невесты. Она права. Чем дольше, тем потом трудней. Будь здорова, Танечка, держись молодцом.

Мать Невесты. Куда мне, глупенькой, держаться молодцом.

Отец Невесты. А ты постарайся.

Мать Невесты. Хорошо, Ваня, постараюсь.

Отец Невесты. Верно говоришь?

Мать Невесты. Верно, Ваня, изо всех сил постараюсь, честное слово.

Прощание.

Отец Невесты. Думай о том, как [redacted] один прекрасный день я постучусь [redacted] окошко и ты мне откроешь. Ни о чем страшном не думай, только об этом думай.

Мать Невесты. Ах, как я побегу тебе открывать.

Отец Невесты. Вот, вот. *(Уходит.)*

Вслед ему гремит патефон. Гости танцуют.

9

Зал ресторана. Музыка. Танцы.

Бабушка Жениха. А на нашей свадьбе танцевали «шимми» — вы такого названия и не слышали — и цыганочку под гармошку.

Дедушка Жениха. И все девчата на нашей свадьбе были в юбках до колена и с короткой стрижкой, и все как одна без бюста — бюсты были не в моде.

Рита. То есть как это не в моде?

Дедушка Жениха. Очень просто: было модно, чтоб платье болталось на плечах, как на вешалке,— при наличии бюста это не достигалось.

Бабушка Жениха. Тогда казалось — красиво. Помню, сделала я себе платьице с голубыми каемочками.

Рита. Старина-матушка. Ведь некрасиво.

Дедушка Жениха. Я помню это платье. Ты его в первый раз на демонстрацию надела.

Бабушка Жениха. И ты сказал: всегда носи светлое.

Дедушка Жениха. И я купил тебе фиалки.

Бабушка Жениха. И все девчата завидовали. Тогда редкостью было, если парень девушке цветочки поднесет. Теперь-то это не в диковинку. Образовались. Вон у Лели какой букет.

Дедушка Жениха. В те времена такой букет нашему брату, рабочему, был не по средствам. Там, бывало, фиалочки, подснежники — это еще возможно.

Бабушка Жениха. На нашу свадьбу кто-то принес целую корзину подснежников, и у каждого гостя около тарелки лежал букетик.

Дедушка Жениха. Это я придумал.

Бабушка Жениха. Нет, я.

Дедушка Жениха. Забыла, девочка. Склероз у тебя. Я придумал.

Бабушка Жениха. У тебя склероз. Как же ты, когда я сказала: давай всем положим по букетику.

Дедушка Жениха. Это я сказал, девочка.

Бабушка Жениха. Может, ты и букетики делал и нитками перевязывал?

Дедушка Жениха. Нет, нитками перевязывала ты. А идея исходила от меня.

Бабушка Жениха. И идея от меня.

Дедушка Жениха. Тебе лишь бы поспорить. Ладно уж, и идея от тебя. Пользуйся моей покладистостью.

Бабушка Жениха. А парни были все как один в белых шелковых кавказских рубашках с пуговками сверху донизу, и в брюках бутылочками, и в туфлях «шимми», такие были туфли, ими здорово хорошо было выбивать чечетку. А без чечетки мы тогда танцев не мыслили.

Дедушка Жениха. Что говорить, хорошая была наша молодость.

Бабушка Жениха. А гармошек было — целых четыре штуки.

Дедушка Жениха. Очень шикарная свадьба была. Только что без шампанского — этого буржуйского баловства мы не знали.

Бабушка Жениха. Зато браги наварили и самогона сколько, пей — не хочу!

Дедушка Жениха. Не только. И мадера была, и кавказские вина, и цимлянское.

Бабушка Жениха. Да что уж, весь поселок три дня гулял!

10

И эту свадьбу видим мы, свадебную пирушку времени конца нэпа в маленьком домике рабочего поселка, где парни в белых кавказских рубашках под гармонь выбивают чечетку, где пироги подаются со двора в открытые окошки с геранями, где вокруг стола тучные лавочники и барыни старорежимного вида с птицами на шляпах, где Дедушка — жених, а Бабушка — невеста. Среди гостей — Красавец, на которого заглядывается Бабушка.

Бабушка. Ты себе не представляешь, как я сегодня счастлива.

Дедушка. То-то. А ты на Гришку засматривалась.

Бабушка. Это же несерьезно было.

Дедушка. Еще бы. Уж одно то, из какого я тебя вывожу положения. Кто ты есть? И кем становишься через меня.

Бабушкин Папа. А тебе через ее происхождение не может быть неприятностей ни по какой линии?

Дедушка. Любовь, папаша, об этом не думает. Ну, будут неприятности — переживу.

Бабушкин Папа. Слышишь, что он говорит. Ценить должна. И не зыркать глазами на Гришку.

Бабушка. Я не зыркаю, они сами к нему поворачиваются.

Бабушкин Папа. Нашли ■ кому поворачиваться. Дочь торговца и сын дьякона, хорошенькая была бы парочка, нечего сказать, загляденье.

Бабушка. А красота роли не играет?

Бабушкин Папа. В наше время мало играет.

Бабушка. Для вас — может быть.

Бабушкин Папа. Что с ней делать, с красотой?

Дедушка. Нет, это не скажите. Я, например, очень даже горжусь, что она красивая. Мне приятно.

Бабушкин Папа. Слушай и цени!

Бабушка. Да ценю я, ценю!

Гости поют песни тех времен: «Кирпичики» и «Стаканчики граненые».

11

Зал ресторана. Музыка.

Дедушка Жениха. Ну и что? Скажешь, плохо прожили?

Бабушка Жениха. Нет. Хорошо прожили. *(Плачет.)*

Дедушка Жениха. Прошли путь без сучка без задоринки. И внука такого прекрасного вырастили своими стариковскими силами, а выйди ты тогда за своего Гришку, сплошные бы тебе были сучки и задоринки.

Бабушка Жениха. Теперь могу тебе сознаться, я его любила прямо адски.

Дедушка Жениха. Я знал. Да ведь сейчас это все равно.

Бабушка Жениха. Сейчас — все равно.

Они покорно трясут седыми головами. Музыка. Танцы. Входит Метрдотель.

Метрдотель *(Матери Невесты)*. Я извиняюсь.

Мать Невесты. Пожалуйста.

Метрдотель. Там один гражданин к вам в гости просится.

Мать Невесты. Как просится? Что за гражданин? Приглашенный?

Метрдотель. Нет, говорит, неприглашенный и даже, говорит, вам незнакомый, но мы его очень хорошо знаем и можем рекомендовать.

Мать Невесты. Да кто такой? Чего ему надо?

Метрдотель. Посмотрел, говорит, через дверь на танцы и у самого возникло желание покрутиться. Приличный вполне человек.

Мать Невесты. Ну, если приличный, пусть зайдет, угостим его. Поскольку вы гарантируете, что ничего не произойдет неприятного.

Метрдотель. Я гарантирую. Каждый вечер у нас бывает и никогда вот столько себе не позволил.

Мать Невесты. Ты не посмотришь, Ариадна?

Ариадна. Я посмотрю. *(Уходит за Метрдотелем.)*

Дядя Вася. И я посмотрю. *(Уходит.)*

Мать Невесты. Как-то странно все-таки — самому проситься ■ гости к незнакомым людям.

Бабушка Жениха. Ничего особенного. К нам на свадьбу кто хочешь шел. Слышат музыку и идут. В наше время проще было.

Входит Ариадна.

Мать Невесты. Ну что? Не пьяный?

Ариадна. Нет.

Мать Невесты. Что собой представляет?

Ариадна. Кажется, интеллигентный. А что там у него внутри, разве скажешь по наружности?

Дядя Вася *(входит)*. Наружность приличная. Можно впустить.

Мать Невесты. Ну, впустите.

Дядя Вася вводит Завсегдатая.

Завсегдатай. Добрый вечер. Вы меня извините, пожалуйста.

Мать Невесты. Пожалуйста, милости просим.

Завсегдатай. Разрешите вас пригласить.

Мать Невесты. Вы лучше другого кого-нибудь. Я плохо танцую.

Завсегдатай. А что так?

Мать Невесты. Как-то, знаете, судьба сложилась, что не до танцев было.

Завсегдатай. Никогда не поздно наверстать. Попробуем.

Танцуют.

Мать Невесты. Нет уж, видно, не наверстать.

Завсегдатай. Напрасно думаете. Вы танцуете легко, только старайтесь держаться в такт музыке.

Невеста. Никогда не видела, чтоб мама танцевала!

Жених. Вы с ней похожи, как две сестры.

Невеста. По-моему, она гораздо красивее!

Жених. Может быть, в ее возрасте ты такая же будешь красивая. Там что-то дядя Вася очень к рюмочке припадает. Не пришлось бы его под ручки домой доставлять.

Невеста. Ну и доставим, что тут такого? Ты под одну ручку, я под другую. Доставим в два счета. Он живет недалеко.

Жених. Все-таки надо бы его отвлечь, пока не поздно.

Невеста. Дядя Вася, не надо больше. *(Накрывает рукой его рюмку.)*

Дядя Вася. Заботишься?

Невеста. Разрешите. *(Убирает рюмку.)* Не обиделись?

Дядя Вася. Ну вот еще.

Невеста. Дядя Вася, пойдемте потанцуем.

Дядя Вася. Помоложе кого найди, племянница.

Невеста. А мне с вами хочется. Кто этот человек?

Танцуют.

Дядя Вася. А кто его знает. Из другого зала забрел.

Невеста. Мамочка моя бедная хоть немножко повеселится.

Дядя Вася. Ты бы ее поучила вашим танцам, ей бы приятно было.

Невеста. Где ей танцевать? Она никуда не ходит.

Дядя Вася. А вот случится куда выйти, как сегодня, ей бы и приятно, что умеет не хуже вас.

Невеста. Правда, дядя Вася. Я поучу.

Дядя Вася. Поучи, Лелечка. Нам, старикам, знаешь какое утешение, когда молодые о нас заботятся.

Невеста. Красивая у меня мама, правда?

Дядя Вася. Будь жив бедняга Ваня, порадовался бы на вас обеих. *(Подсаживается к Матери Невесты и Завсегдатаю, между которыми идет тихий разговор.)*

Завсегдатай. Скажите, а как вы относитесь к театру?

Мать Невесты. Бываем с дочкой. Она билеты достанет — идем.

Завсегдатай. А как она их достает?

Мать Невесты. Обыкновенно как. В кассе.

Завсегдатай. Стоит в очереди?

Мать Невесты. По большей части. Без очереди редко на что можно достать.

Завсегдатай. Вы знаете, я бываю почти на всех премьерах.

Мать Невесты. Вы артист?

Завсегдатай. Нет, у меня знакомые почти во всех театрах. Я, вы знаете, пишу.

Мать Невесты. Пьесы?

Завсегдатай. Не совсем. Скажите, а как вы относитесь к цирку?

Мать Невесты. Когда-то обожала!

Завсегдатай. А теперь?

Мать Невесты. И теперь люблю, если не действует на нервы. А страшные аттракционы не могу смотреть. А вы почему спросили? Вы разве в цирке работаете?

Завсегдатай. Не совсем. Но я делаю репризы.

Мать Невесты. Что такое — репризы?

Завсегдатай. А вот выходит клоун, шутит с публикой. Вы думаете, он сам с ходу эти шутки сочиняет? Я сочиняю, а он заучивает.

Дядя Вася. И вам платят за это?

Завсегдатай. А как же? Ведь это работа. Да еще какая! Иную маленькую репризу трудней сочинить, чем большую пьесу. Уверяю вас.

Дядя Вася. И прилично?

Завсегдатай. Что прилично?

Дядя Вася. Прилично платят?

Завсегдатай. Жить можно. Квартирку вот построил себе — правда, однокомнатную, но славную.

Дядя Вася. Я извиняюсь, и пенсия бывает после такой работы?

Завсегдатай. А как же. И пенсия, и бюллетень по болезни, все бывает. *(К Матери Невесты.)* Вам тоже моя работа не нравится?

Мать Невесты. Что вы, почему ж бы она мне не нравилась?

Завсегдатай. Конечно, бывают минуты не очень приятные. Один артист, вы знаете, работает, например, с дрессированной говорящей собачкой. Все сценарии ему сочиняю я. Вот мне как-то говорит один тип: «Вы,—говорит,— вашу творческую энергию на собачку тратите». Ну, мне, конечно, стало не по себе. Но потом подумал: во всякой работе бывают неприятности и обиды.

Мать Невесты. Правда. Мало кто чего брякнет!

Завсегдатай. Зато работа верная, всегда на нее есть спрос: от цирка, эстрады и прочего такого. Самодеятельность тоже моими работами широко пользуется.

Дядя Вася. А в каком районе построили квартирку?

Завсегдатай. В районе парка Победы.

Дядя Вася. Далековато.

Завсегдатай. Это с первого взгляда кажется. С тех пор как провели метро, я с этой далью вполне освоился. Пятнадцать минут, и я в центре.

Дядя Вася. А в отношении магазинов, рынка и так далее?

Завсегдатай. На рынок Кузнечный езжу в метро. А магазины у нас на Московском проспекте какие хотите. От великолепного мебельного магазина до пирожковой. Хотя лично я, грешник, предпочитаю пирожок домашний, с пылу с жару к утреннему кофейку. С капустой, например.

Дядя Вася. А то с яичком и зеленым луком — еще лучше. И приличные забегаловки есть?

Завсегдатай. Есть, но я ими не пользуюсь. Я этот вот ресторанчик облюбовал. Хожу по вечерам. Вон у того окна мой столик стоит, только на сегодняшний вечер его утащили, включили в этот ваш великолепный стол.

Дядя Вася. Ты, невестушка, широко размахнулась на радостях.

Мать Невесты. А что особенного, Вася. Свадьба как свадьба. Зато на всю жизнь ей запомнится. А то мне вот и вспоминать нечего.

Дядя Вася. Ну, у вас с Ваней мы тоже, помню, хорошо погуляли. *(Завсегдатаю.)* Так что вы, значит, роскошно поживаете в новой квартирке.

Завсегдатай. Роскоши не имею, кроме телевизора да «Спидолы», да и живу, по правде сказать, неустроенно, какое может быть устройство у бессемейного человека, имевшего уже одиннадцать инфарктов? Придешь вечером домой, и думается: случись припадок, даже горчичник поставить некому.

Дядя Вася. А «Спидола» хорошо ловит?

Завсегдатай. Какую хотите волну.

Дядя Вася. Я, впрочем, больше уважаю газеты.

Завсегдатай. Газеты — своим чередом.

Мать Невесты. Вот никогда понять не могла. Покойный Ваня тоже, бывало, все с газетами. А мне кажется, что в них интересного?

Завсегдатай. Как что интересного? И про негров в Африке, и про негров в Америке.

Дядя Вася. И кто убил Кеннеди, и какую соблюдать диету в нашем возрасте — масса интересного!

Мать Невесты. Я, верно, отсталая. Мне уже и дети говорят... Саша, зять мой, тоже обожает газеты читать.

Дядя Вася. Ты смотри за собой. Не читая газет, и опуститься недолго.

Мать Невесты. Не повезло мне в жизни, Вася, вот я и стала индифферентная. Теперь веселей будет, внуков буду нянчить.

Завсегдатай. Как-то не идет вам быть бабушкой.

Мать Невесты. Очень даже идет. Я хорошая бабушка буду. Сама их купать буду, в колясочке возить.

Завсегдатай. Я могу вам предложить посещать цирк, когда только пожелаете, не откажетесь?

Дядя Вася. Если она откажется, я с удовольствием не откажусь.

Завсегдатай. Может быть, и вашей дочери как-нибудь захочется. И на любую театральную премьеру — пожалуйста. Без всяких очередей и без билетов.

Мать Невесты. Как же впустят без билетов?

Завсегдатай. Со мной впустят, не беспокойтесь. Я вам запишу мой телефон, вы, как надумаете на что-нибудь пойти, позвоните, пожалуйста, без стеснения...

Мать Невесты. Да как же я буду вас беспокоить?

Дядя Вася. Она ни за что не будет беспокоить. Очень стеснительная.

Завсегдатай. Но я же сам предлагаю! Я прошу убедительно.

Дядя Вася. Ни за что! Не тот человек!

Завсегдатай. Но что же тут такого?

Дядя Вася. Я ее знаю. Ни за что не позвонит!

Завсегдатай. Тогда я сам позвоню, можно?

Мать Невесты. У нас нет телефона.

Завсегдатай. Как же вы живете без телефона?

Дядя Вася. Ничего, живут.

Завсегдатай. А у меня телефон как живое существо в квартире: когда не звонит, мне скучно.

Дядя Вася. Тоже, знаете, осатанеть можно, когда целый день звонит. У нас в квартире одной дамочке звонят с утра до вечера, так все жильцы ходят осатаневши.

Завсегдатай. Тоже верно. А все-таки скучно без него.

Дядя Вася. Привыкли мы к технике, не мыслим уже себе простой жизни. Отнимите у нас телефон, «Спидолу», телевизор...

Завсегдатай. Да зачем отнимать? Пусть всему будет свое место.

Мать Невесты. А по мне, пусть лучше детишки орут в доме, чем радио.

Дядя Вася. Опускаешься. Прямо на глазах опускаешься.

Мать Невесты. А что делать?

Дядя Вася. Радио слушать. Газеты читать. Известно что.

Мать Невесты. Ты, значит, помнишь, Вася, нашу свадьбу с Ваней? Ему тогда отпуск дали после госпиталя.

Дядя Вася. Еще бы, мы у всех знакомых талоны на водку собирали. А тетка Дуся брагу привезла. У них в деревне мастера брагу делать.

Мать Невесты. Я тогда прямо ахнула, как она ввалилась,— два ведра на коромысле.

Дядя Вася. И поставили мы их в передней, и два ковша повесили, и, верите,— всю свадьбу все только брагу пили, до водки почти что не касались. Да, правда: как выхлебаешь браги полный ковш — вроде и интереса нет из такусенькой рюмочки что-то такое пить...

Завсегдатай. Интересную вы мысль высказали. Может быть, в этом секрет борьбы с алкоголизмом?

Дядя Вася. А кто его знает? Если бы попробовать в крупных масштабах...

Завсегдатай. Если тетя Дуся осилит производство браги на такой опыт.

Дядя Вася. Наша тетя Дуся что хочешь осилит. Только предложь ей да хоть сколько-нибудь заинтересуй.

Завсегдатай. А пока, до опыта, выпьем по такусенькой?

Пьют.

Я что думаю... Мое существование совершенно, конечно, неустроенное... Было время, вы знаете, жизнь меня баловала женской заботой. Сперва мама, потом жена обо мне заботилась.

Дядя Вася. Жена умерла или развелись?

Завсегдатай. Скончалась, вот уже второй год...

Дядя Вася (*Матери Невесты*). Ты слушай. Для тебя говорится.

Мать Невесты. Да ты, Вася, что?

Дядя Вася. Ты слушай! Человек с головой и с душой. Ты слушай! Я тебе всегда хорошего хотел!

Мать Невесты. Я не сошла с ума! В мои годы...

Дядя Вася. Что такое твои годы. Была б здорова! За твое здоровье!

12

Зал ресторана, музыка, танцы. Все перемешалось, много новых гостей, Метрдотель дирижирует, палочкой ему служит вилка, официантки танцуют с посетителями, зашедшими поужинать. Завсегдатай, повязавшись салфеткой, как передником, принимает у посетителей заказы.

Капитолина (*падая на стул*). Фу, не могу больше!

Метрдотель. Подавляющее большинство натанцевалось, я вижу, до полного удовлетворения. Отлично! Теперь, если позволите, я бы дал вам совет. Я бы рекомендовал немножко выйти пройтись. Подышать, вы знаете, воздухом. Пока мы вам тут приготовим десерт.

Гости. Очень правильно!

— А то ноги не держат!

Дядя Вася. Я говорю, надо пить только чистую. А то на коньяк шампанское, на шампанское коньяк — чьи это ноги выдержат?

Метрдотель (*отворяет окно*). Погода божественная. Отнюдь не ленинградская, скорее, какая-нибудь ялтинская.

Доносятся уличные шумы, ветерок взвивает занавеску.

Гости. Пошли! (*Выходят в правую дверь.*)

Антракт

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

13

На улице у входа в ресторан. Гости выходят из ресторана, прохаживаются.

Завсегдатай (*Продавщице цветов*). Дайте мне это.

Продавщица начинает отбирать цветы.

Я имел в виду — все это.

Продавщица. Вы хотите весь товар?

Завсегдатай. Так точно.

Продавщица. Должна предупредить — это вам вскочит в копеечку.

Завсегдатай. Что поделаешь! *(С цветами возвращается в ресторан.)*

14

Зал ресторана. Музыканты и Метрдотель.

Метрдотель. Считайте, две трети отбарабанили.

Первый молодой музыкант. А не половину?

Метрдотель. Две трети. Проверено. Пошли дышать воздухом, значит, уже ненадолго их хватит.

Второй молодой музыкант. Может, выдать им чего-нибудь из классики?

Метрдотель. Не слушают на свадьбах классику. Проверено.

Подходит Дедушка Жениха с бутылкой.

Дедушка Жениха. Считаю, все присутствующие обязаны выпить за счастье моего внука. *(Жене.)* Желательно бы, хозяюшка, чистые рюмки, четыре штуки. Спасибо. И приборы, попрошу вас. *(Разливает вино в рюмки.)* Пусть мальчику будет хорошо в этом симпатичном браке. Мы, старики, знаем, что такое семейное счастье.

Молодые музыканты. А что оно такое? Поделитесь с нами.

Дедушка Жениха. Я вам отвечу маленькой притчей. Допустим, вы отправляетесь в дальнее путешествие. И вы воображаете себе, что все на вашем пути будет великолепно — и дороги, и гостиницы, и погода все время первый сорт. Ну, сами понимаете, с первых же дней сплошные разочарования.

Первый молодой музыкант. Вы хотите сказать, надо жениться, не ожидая от этого ничего хорошего?

Дедушка Жениха. Зачем же уж так — совсем ничего. Тогда проще не жениться. Я хочу сказать: если вы с самого начала готовы, что будут и дожди, и вьюги, и гостиницы не ахти какие, и с дорогой кое-где придется, возможно, помучиться, если вы ко всему этому, как настоящий мужчина, готовы, то каждый солнечный день вы

примете как замечательный подарок! И за новое шоссе, и за удобную полочку в вагоне, и за каждое ласковое слово вашей спутницы будете благодарны, будете нос задирать, что на вашу долю такое выпало. Вот это и есть, молодые люди, семейное счастье. Теперь я хочу выпить за ваше искусство.

Молодые музыканты. Спасибо.

Метрдотель *(официанткам)*. Женя, Сима, давайте скоренько.

Женя и Сима убирают со стола.

Дедушка Жениха *(Метрдотелю)*. Извиняюсь. Я не понял, извиняюсь. Вы кто будете?

Метрдотель. Метрдотель. Вам что-нибудь угодно?

Дедушка Жениха. Просто я не понял, спасибо. Вы ими командовали, как заправский дирижер.

Метрдотель. А я, вы знаете, дирижирую самодеятельным оркестром.

Дедушка Жениха. А, понятно.

Метрдотель. Так сказать, мое хобби. Еще со времен службы в армии.

15

Гости возвращаются с прогулки. Музыканты сопровождают их возвращение шутливо-торжественным маршем.

Завсегдатай *(с корзиной цветов подходит к Матери Невесты)*. Выбирайте, прошу вас, что вам нравится.

Мать Невесты. Я вас не поняла.

Завсегдатай. Что вам тут нравится?

Мать Невесты. Все.

Завсегдатай. Так прошу вас принять все.

Мать Невесты. Как это?

Завсегдатай. Это все — ваше.

Мать Невесты. Да как же?..

Дядя Вася. Бери, Татьяна, не валяй дурака.

Мать Невесты. Спасибо.

Завсегдатай. Как вам идут цветы. Пройдемся еще?

Танцуют.

Мать Невесты. Откуда вы взялись, такой необыкновенный?

З а в с е г д а т а й. Ошибаетесь. Самый обыкновенный, обыкновеннее не бывает. В молодости это было предметом тяжких страданий.

М а т ь Н е в е с т ы. Неужели из-за этого можно страдать?

З а в с е г д а т а й. Представьте себе. Молодой, дурак был — страдал. Хотелось что-нибудь сделать необыкновенное, всем на удивление, а вместо этого стал писать репризы для клоунов и дрессировщиков.

М а т ь Н е в е с т ы. Что же, я так поняла, что это тоже умственный труд.

З а в с е г д а т а й. Умственный-то он умственный, но большинство считает — малопочтенный.

М а т ь Н е в е с т ы. А пусть их считает. Мне тоже одна дура сказала: что вы о себе воображаете, будто вы работник умственного труда, подумаешь, какая-то бухгалтер...

З а в с е г д а т а й. Простите великодушно, но по-моему, нельзя сказать по-русски «какая-то бухгалтер», надо: «какой-то бухгалтер».

Д я д я В а с я. Так это же не она сказала, а та дура.

З а в с е г д а т а й. Ах да, простите великодушно.

М а т ь Н е в е с т ы. Пожалуйста, поправляйте. У меня образование неважное, могу выразиться иногда неправильно. Нас три девчонки росло у мамы, и смогла она нам дать только среднее образование, и то трудно ей было нас тянуть — всех одень, обуй. У меня к вам просьба.

З а в с е г д а т а й. Пожалуйста, рад служить.

М а т ь Н е в е с т ы. Вон там сидит одна моя сестра, вон там другая. Поделите, очень вас прошу, эти цветы на три части и им подарите тоже.

З а в с е г д а т а й. С радостью, сию минуту. *(С цветами подходит к Капитолине.)* Извините, пожалуйста, это просила вам передать ваша сестра.

К а п и т о л и н а. Которая? Ариадна или Таня?

З а в с е г д а т а й. Я слышал, что ее называли Таней.

К а п и т о л и н а. Передайте ей мое мерси.

З а в с е г д а т а й *(Ариадне)*. Извините, пожалуйста, это вам от вашей сестры.

А р и а д н а. От которой? От Капы или Тани?

З а в с е г д а т а й. От Тани.

А р и а д н а. Скажите ей спасибо.

З а в с е г д а т а й. С удовольствием. *(К Матери Невесты.)* Сестрицы просили передать вам их благодарность. Вы, видать, живете дружно между собой.

М а т ь Н е в е с т ы. Как же можно сестрам жить иначе?

З а в с е г д а т а й. Да ведь все случается. Иной раз видишь — живут иначе.

М а т ь Н е в е с т ы. Нас мама приучила, даже одевала нас одинаково, всем трем одинаковые платья шила. Если, бывало, новые ленты покупались для кос, то обязательно всем, чтоб ни одной завидно не было. Мама говорила, хуже зависти ничего нет.

З а в с е г д а т а й. Мудро.

М а т ь Н е в е с т ы. Никто, говорила, так не мучается, как завистливый человек.

З а в с е г д а т а й. Одна беда, трудно уберечься от этого мучения.

М а т ь Н е в е с т ы. Неужели и такие люди завидуют, как вы?

З а в с е г д а т а й. Жесточайшим образом и очень часто.

М а т ь Н е в е с т ы. Да не может быть. Кому же вы завидуете?

З а в с е г д а т а й. О, многим.

М а т ь н е в е с т ы. Ну, например?

З а в с е г д а т а й. Ну, например, Вильяму Шекспиру, был такой, знаете?

М а т ь Н е в е с т ы. Конечно, знаю. А еще кому?

З а в с е г д а т а й. Бернарду Шоу.

М а т ь Н е в е с т ы. А это кто?

З а в с е г д а т а й. Тоже была знаменитость, вроде Шекспира, только рангом пониже.

М а т ь Н е в е с т ы. Так вы хотите быть знаменитым?

З а в с е г д а т а й. В молодости хотел больше всего на свете.

М а т ь Н е в е с т ы. А теперь?

З а в с е г д а т а й. И теперь бы не отказался, но уже, знаете, нет того стремления, нет той мечты. Старость к мечтам не располагает. Да и понял с годами, что быть знаменитостью — хлопотливая вещь.

М а т ь Н е в е с т ы. Может быть. Я-то об этом не думала как-то. Не приходилось. А вы, видать, думали.

З а в с е г д а т а й. Очень много.

М а т ь Н е в е с т ы. Так что это хорошо, что вы не стали знаменитостью?

З а в с е г д а т а й. Безусловно, имеет свои преимущества. Будь я знаменитостью, разве я мог бы так спокойно коротать в этом ресторанчике свои одинокие вечера?

Мать Невесты. Да, пожалуй, к вам бы все приставали.

Завсегдатай. Будь я тот же Вильям Шекспир, или Аркадий Райкин, или Валентина Терешкова, да меня бы в клочья рвали. А сейчас приду себе и сижу тихо, никто мне не мешает, никому я не мешаю, выпью свою рюмку, съем свою котлетку и в спокойном состоянии духа — домой!

Мать Невесты. Какая все-таки разница между мужчиной и женщиной. Женщина в таком положении несчастлива, а мужчина счастлив.

Завсегдатай. Тоже, знаете, не сахар.

Мать Невесты. Ну, во всяком случае, нет этого безысходного одиночества.

Завсегдатай. Вот будем с вами в цирк ходить..

Мать Невесты. Спасибо. И там артисты будут говорить то, что вы сочинили?

Завсегдатай. Не сплошь. Иногда и то, что сочинили другие.

Мать Невесты. Ну хоть и не сплошь.

Завсегдатай. Прошу только учесть заранее, что это далеко не Вильям Шекспир и не Бернард Шоу. Далеко, далеко не Шекспир и не Шоу.

Мать Невесты. Я знаю. Это — вы. Так я и хочу послушать, что вы сочинили, а не Шекспир. А скажите, сочинять очень трудно?.. Это самое...

Завсегдатай. Репризы? Как когда. Иногда очень, иногда полегче.

Дядя Вася. Я даже представить себе не могу, как это люди сочиняют из головы. Как это вы делаете?

Завсегдатай. Сажусь к столу, беру перо, зажигаю лампу.

Дядя Вася. И что?

Завсегдатай. И начинаю думать...

Дядя Вася. Это и я все могу — взять перо, зажечь лампу, думать. Да вот как надумать такое, чтоб за это пенсию давали, вот в чем штука.

Завсегдатай. А это достигается практикой.

Дядя Вася. Попробовать, что ли?

Завсегдатай. А что же?

Дядя Вася. Вон тот гражданин, что дирижирует, можете себе представить, он, оказывается, не дирижер, а метрдотель, вроде, значит, старшего официанта тут, а говорит — оркестром дирижирует, и, наверно, не врет. И я думаю, если попрактиковаться, может, и я смогу сочинять репризы. Если в случае чего — поможете?

Завсегдатай. Отчего же.

Дядя Вася. А талант для этого нужен? А то я в молодости практиковался-практиковался на тромбоне, а потом один добрый человек мне говорит: чего, говорит, из кожи лезешь, у тебя таланта ни на копейку.

Завсегдатай. Бывает.

Дядя Вася. И в вашем деле тоже?

Завсегдатай. И в нашем бывает. Иной раз и пенсии достигает человек и только тогда узнает, что у него таланта нет и не было никогда.

Дядя Вася. Наверно, ему это тяжело.

Завсегдатай. Наверно.

Дядя Вася. Наверно, от этого даже спиться можно.

Завсегдатай. И спиваются.

Дядя Вася. Наверно, и повеситься можно.

Завсегдатай. А что вы думаете. Иногда и вешаются.

Мать Невесты. Ужас какой.

Завсегдатай. Да, игры не шуточные. Но это случается только с теми, кто слишком всерьез принимает свое дарование.

Мать Невесты. Вы не принимаете всерьез?

Завсегдатай. О нет. Я человек скромный. Более чем скромный. И роль моя в жизни неприметная, и обстановка самая обыденная, и образ жизни более чем заурядный.

Мать Невесты. Хорошенькое дело — скромный, когда с Шекспиром хотите тягаться.

Завсегдатай. Это не в бровь, а в глаз. Вот за это, Татьяна — простите, не знаю вашего отчества...

Мать Невесты. Николаевна.

Завсегдатай. За эту меткую критику позвольте, Татьяна Николаевна, поцеловать вам руку.

Дядя Вася. Вы ее не смущайте. Она не привыкши.

Завсегдатай. К этому привыкают легко.

Дядя Вася. А зачем ей привыкать? Привыкнет, а потом опять отнимет судьба — одни слезы.

Завсегдатай. Насчет судьбы не будем гадать. Мне сегодня один человек сказал: «Не предсказывайте себе ничего плохого, предсказывайте одно хорошее». Что же, слово — такая могучая вещь, что может влиять и на судьбу, охотно допускаю. Татьяна Николаевна, давайте предскажем себе хорошую судьбу.

Мать Невесты. Не понимаю вас?

Завсегдатай. Я понял так, что ваше существование не очень-то устроенное. Мое — абсолютно неустроенное. И вот вопрос: не следует ли два неустроенных существования соединить в одно устроенное и годы заката озарить светом.

Мать Невесты. Да как это может быть?

Завсегдатай. Почему же не может?

Мать Невесты. Обыкновенно сначала знакомятся как следует. В кино ходят...

Завсегдатай. Завтра же пойдем. И в кино, и в театр, и в цирк.

Дядя Вася. В цирк и меня возьмите.

Мать Невесты. Обыкновенно как-то сначала ухаживают.

Завсегдатай. Я целый вечер ухаживаю, вы не заметили?

Мать Невесты. Вы на самом деле не смеетесь?

Завсегдатай. У меня миллион недостатков, но на такое свинство, Татьяна Николаевна, я не способен.

Дядя Вася. Он не способен на свинство. Посмотри на него, Таня.

Мать Невесты. Позови Ариадну.

Дядя Вася. Зачем?

Мать Невесты. Пусть она посмотрит.

Завсегдатай. Вы именинница в Татьянин день, двадцать пятого января по новому стилю.

Мать Невесты. Вы знаете!

Завсегдатай. Представьте, знаю.

Дядя Вася. Ну же, Таня!

Мать Невесты. Скажите, а... а вы когда именинник?

Финал

Молодожены сидят на балконе своей квартиры. Вечер, луна. Внизу под балкоином вспыхнула зеленая звезда. Под отдаленные крики «горько» они целуются.

1972

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛГ — «Литературная газета».

«О моей жизни...» — Паиова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л.: Сов. писатель, 1980.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

В настоящий том Собрания сочинений вошли избранные драматургические произведения В. Пановой, опубликованные при жизни писательницы, и пьеса «Бессонница» (1945), хранившаяся в архиве В. Пановой и опубликованная посмертно в 1985 г.

Пьесы В. Пановой трижды издавались отдельными сбориками: «Илья Косогор.— В старой Москве.— Метелица.— Девочки» (Л.: Сов. писатель, 1958), «Поговорим о странностях любви...» (Л.: Сов. писатель, 1968), «Пьесы» (Л.: Искусство, 1985).

В своей автобиографии «Немного о себе и своей работе» Панова отметила, что после первых пьес, написанных перед самой войной и в сороковые годы, она вновь увлеклась драматургией и театром с начала шестидесятых. «В эти же годы я почувствовала новый интерес к тому, с чего начинала,— к театру. С небольшими перерывами, одна за другой написала пьесы: «Проводы белых ночей», «Как поживаешь, парень?», «Еще не вечер», «Сколько лет, сколько зим!» и «Надежда Милованова» («Верность»)... Сейчас я понимаю, что где-то в глубине своей писательской сущности я всегда, и в прозе моей, оставалась драматургом» (Панова В. Заметки литератора. Л., 1972. С. 29).

Пьесы В. Пановой много раз ставились в театрах страны и имеют богатую сценическую историю. Основные сведения о первых постановках приводятся в примечаниях к отдельным произведениям.

«В СТАРОЙ МОСКВЕ»
КАРТИНЫ

Впервые: Нева. 1957, № 1. В старой Москве. Картины. Л.; М.: Искусство, 1958.

Первоначальное название «Старая Москва». Панова работала над пьесой в 1940 г. В 1941 г. пьеса была отмечена премией Всесоюзного конкурса драматургов. По воспоминаниям Пановой, ей очень помог в работе старый справочник-путеводитель по Москве начала века. «Какая находка; сколько прекрасных сведений: названия улиц и храмов, история инженера Балинского с его проектом метрополитена — для меня это клад. Я всему нахожу применение в моей новой пьесе, моя фантазия разгорается, и придумываю семью Сушковых, и Шурку Хлебникова, и Любовь, и цыган, и все придумывается так радостно» («О моей жизни...». С. 140).

Главный режиссер Театра им. Моссовета Ю. А. Завадский предложил Пановой начать работу над постановкой пьесы. «Старую Москву» собирался показать также Академический театр драмы им. А. С. Пушкина под руководством Л. С. Вивьена. 3 июня 1941 г. в помещении бывшего Александринского театра и в присутствии всей труппы состоялась первая читка пьесы. В письме к матери от 7 июня 1941 г. Панова сообщала:

«Читка была в фойе бельэтажа, где Медузины головы на потолке и стены из желтого мрамора. Я вошла с Вивьеном и режиссером Петровых, который ставит пьесу. Мы втроем сидели за столом президиума. Пьесу читал Вивьен: замечательно читал, прямо вкусно читал! — Слушали замечательно: где надо — смеялись, где надо — утихали, а Вольф-Израэль в последней сцене заплакала...

Вчера, 6-го, была так называемая «экспозиция», то есть были вызваны участвующие в данной пьесе. Вивьен говорил о задачах спектакля, объявил, кто какую роль играет, а Петровых раздал роли. А сегодня уже начались репетиции за столом. Я была и буду на всех репетициях, сделаю только перерыв для поездки в Москву» (Цит. по кн.: Панова В. Пьесы. Л., 1985. С. 618).

С началом Отечественной войны репетиции в Москве и в Ленинграде были прекращены. Спектакли, задуманные Ю. А. Завадским и Л. С. Вивьеном, не состоялись.

Первая постановка пьесы «В старой Москве» была осуществлена Ленинградским театром им. Ленинского Комсомола в январе 1957 г. (режиссер — А. Белинский, художник — М. Лихницкая). Исполнители основных ролей: А. Хлопотов, П. Усовниченко, Г. Дунаева, Н. Родионова, О. Окулевич, О. Аверичева, Е. Рубановская и др.

В своем отзыве о спектакле писатель А. Крон отметил, что Панова избрала в пьесе наиболее сложный путь — в глубь характеров и эпохи, продолжая в какой-то мере традицию горьковского «Егора Булычева». «И режиссер, и художник спектакля М. Лихницкая не пренебрегают бытовой достоверностью деталей — без нее было бы невозможно передать атмосферу старой Москвы» (Крон А. По законам жизни. «В старой Москве» в Ленинградском театре им. Ленинского Комсомола // Театр. 1957. № 4).

«МЕТЕЛИЦА»

Впервые: Прибой. Сб. произв. ленингр. писателей. Л., 1957; Метелица. Л.; М.: Искусство, 1957.

История создания пьесы сложна и необычна. В ней отразились наиболее тяжелые переживания первых месяцев войны и жизни на оккупированной территории.

Изгнанная вместе с жителями из города Пушкина, Панова с четырнадцатилетней дочерью Наташей и пожилой хозяйкой квартиры Н. В. Сперанской решили пробираться по захваченной врагом земле в далекое украинское село Шишаки, где оставались ее малолетние сыновья с бабушками. Дорога привела их в Нарву. Здесь полицейский не разрешил беженкам оставаться на частной квартире, где они нашли приют, и велел идти в барак для пленных, размещенный в здании городской синагоги.

«По узкой лестнице,— вспоминает Панова,— мы поднялись на хоры, там были нары, устланные соломой, здесь нам предстояло жить сколько-то времени. Потом пришла раввинша, маленькая, страшная, похожая на сверток каких-то траурных лоскутов,— вдова раввина, убитого немцами в числе других нарвских евреев. У нее убили всех, вплоть до внуков и правнуков, она одна жила в опустевшей, оледеневшей квартире и просила у всех, в том числе и у нас, чтобы ей привезли дров. Одну из ночей мы ночевали в этой квартире, набитой свалявшейся овечьей шерстью, и всю ночь мне снились те, кого увели отсюда, чтобы убить.

А те оборванные люди в синагоге были пленные — военнопленные с Эзеля и других островов. Бургомистр Нарвы выпросил их у немецкого командования для городских работ и поселил в синагоге вместе с беженцами. ...Вот как выглядело то, что я потом описала в пьесе „Метелица“...» («О моей жизни...». С. 177).

Первые сцены пьесы были написаны на Украине, в Шишаках, при оккупантах, втайне от вражьях глаз. Написанные листы Панова тщательно прятала в поленнице среди дров. Эти пожелтевшие от сырости листы сохранились среди того скудного имущества, которое в конце 1943 г. Панова захватила с собою в Пермь. На протяжении 1944 г., урывками, Панова продолжала работу над пьесой (в первой редакции она называлась «Пленные», существуют также рукописные варианты пьесы под названием «Военнопленные»). «...Работалось трудно, на ее протяжении надо было разместить десять разнозначных мужских ролей, это было как задача по тригонометрии» (там же. С. 194).

На публичное литературное обсуждение в Союзе писателей, которое состоялось летом 1945 г. в Москве, Панова представила первую часть «Спутников» и две завершенные пьесы — «В старой Москве» и «Метелицу». Хотя вторую пьесу многие хвалили за правдивость, поставить ее на сцене тогда не решился никто.

Московская премьера «Метелицы» состоялась в декабре 1956 г. [redacted] Центральном Театре Советской Армии (режиссер И. П. Ворошилов, художник Н. А. Шифрин).

По оценкам критики, творческому коллективу ЦТСА удалось создать спектакль, отмеченный «подлинной глубиной актерских переживаний, внутренней собранностью, суровой и мужественной простотой. В нем есть та покоряющая правда жизненной атмосферы, когда все происходящее на сцене становится неотразимо достоверным, и зритель ни на секунду не выбивается из иллюзий жизненной доподлинности происходящего» (Сурков Е. В пьесе и на сцене // Красная Звезда. 1956, 22 дек.).

Премьера «Метелицы» в Ленинградском БДТ им. М. Горького состоялась 27 апреля 1957 г. Режиссер-постановщик М. Сулимов, художник В. Степанов, композитор Н. Я. Любарский. Основные роли в спектакле исполняли: Е. Копелян, Е. Лебедев, А. Лариков, Н. Корн, К. Лавров, Б. Рыжухин, И. Пальму, И. Призван-Соколова, О. Казико, Л. Макарова.

[redacted] ноябре 1958 г. пьеса «Метелица» была поставлена актерами Польского телевидения и дважды, 3 и 10 ноября 1958 г., транслировалась всеми телевизионными станциями на Польскую Народную Республику. «Разрешите мне от имени всего нашего коллектива,— писал директор Польского телевидения Пановой,— поблагодарить Вас за пьесу, которая позволила нам так интересно и правдиво рассказать польским зрителям о богатстве души советских людей».

В 1967 г. режиссер М. Сулимов поставил по пьесе Пановой на Ленинградской студии телевидения двухсерийный фильм-спектакль «Метелица», представлявший собой совсем другую работу, чем спектакль в БДТ. Фильм был показан по первой программе Центрального телевидения. После трансляции Панова получила необычное письмо из Иркутской области от горного мастера Тарасюка, который работал там на угольных разрезах [redacted] шахтах. «Недавно,— писал этот зритель,— я смотрел по телевизору постановку Ленинградского театра, правдивую киноповесть в 2-х частях «Метелица» по Вашему роману или повести. Я хочу поблагодарить Вас за такую кинокартину, ибо я сам там в эти дни и минуты был участником этой истории. Я был в этом синагоге-лагере с начала его организации и почти до конца 1943 года в городе Нарва. Прошу Вас, если не трудно, напишите письмо мне, и [redacted] Вам тоже могу кое-что написать. Конечно, это было так давно...» Редкостное письмо от одного из неведомых, но реальных участников действия народной и человеческой драмы, показанной в пьесе, Панова полностью воспроизвела в своей книге воспоминаний («О моей жизни...». С. 179).

У писательницы были причины особенно дорожить этой пьесой. 8 ноября 1958 г., посылая В. М. Инбер отдельное издание «Метелицы», Панова заметила в письме к ней: «В свой черед посылаю Вам свою книжку — мне бы хотелось, чтобы Вы ее прочли. Может быть, эта пьеса Вам немножко расскажет и об ее авторе, к которому Вы относитесь [redacted] такой добротой: я была в Нарве среди беженцев, [redacted] том месте, где происходит действие пьесы и где — внизу — жили наши пленные. Пьеса пролежала 14 лет, была поставлена в 1956 году. В Москве, в ЦТСА, публика ее не приняла, в Ленинграде, у Товстоногова, она идет второй сезон, хотя и не часто. Она переведена и напечатана в польском журнале «Dialog». Других моих пьес (у меня целый сборник) [redacted] Вам не посылаю, так как они уж очень слабы, а эту — мне бы, повторяю, хотелось, чтобы Вы прочли» (ЦГАЛИ. Ф. 1072, оп. 1, ед. хр. 179).

«БЕССОННИЦА»

Впервые: Нева. 1985, № 4. С. 113—152.

Завершенная в конце 1944 г. пьеса «Бессонница» тогда же была представлена автором в Московский Художественный театр, где она не нашла, однако, одобрения и поддержки. 18 января 1945 г. Панова писала А. Я. Бруштейн: «Единственно, чего не могу больше и не смогу очень долго — это писать пьесы, после того, что ответил мне МХАТ на мою «Бессонницу». Они обещали Вам ее дать? Вы читали? Вероятно, она очень плоха. Но она не заслуживает такого канцелярского ответа. Она заслуживает хотя бы уважения, элементарного» (ЦГАЛИ. Ф. 2546, оп. 1, ед. хр. 470).

Пьеса и в самом деле имела определенные достоинства, не замеченные в свое время театром. И хотя некоторые сцены «Бессонницы» могут показаться слишком литературными или излишне сентиментальными, в этой пьесе уже чувствуется несомненная писательская одаренность, ощущается призвание драматурга и особый лирический голос Веры Пановой.

Развязка «Бессонницы» в психологическом смысле не вполне еще удалась Пановой, и через много лет, на новом уровне мастерства, она отчасти повторила моральную коллизию этой пьесы в драме «Еще не вечер» (1966).

«Давным-давно, в Перми,— подтверждает Панова,— я написала пьесу «Бессонница», где описывается пианист, очень талантливый, потерявший на войне руку. [redacted] пьесе «Еще не вечер» Константин Олесов, тоже одаренный пианист, пьянством разрушает всю свою жизнь. Его вина больше и судьба сложней, чем судьба музыканта из «Бессонницы», так как у него есть любимые дети, которые горько страдают от его порока» («О моей жизни...». С. 253).

Бытовые картины «Бессонницы» (сцены с детьми) были продолжены и частично использованы Пановой в тексте пьесы «Девочки», написанной летом 1945 г. Пролежавшая более сорока лет в архиве писательницы, пьеса «Бессонница» обогащает сложившиеся представления [redacted] советской

драматургии времен Великой Отечественной войны и открывает еще одну малоизвестную страницу творческой биографии Пановой, предшествующую созданию повести «Спутники».

«ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ»

Впервые: Новый мир. 1961, № 2. Проводы белых ночей. Пьеса [redacted] сценах. М.: Искусство, 1961.

О работе над пьесой Панова сообщала осенью 1960 г. в письме к А. Я. Бруштейн: «Сейчас окончила пьесочку, она пойдет в Москве у Охлопкова и в Ленинграде — в театре Ленинского Комсомола. Пьесочка простенькая, без всяких эдаких штук и вычур» (ЦГАЛИ. Ф. 2516, оп. 1, ед. хр. 470).

Получив от Пановой ее пьесу для публикации в журнале, А. Т. Твардовский 11 сентября 1960 г. ответил автору: «Дорогая Вера Федоровна! Прочел одним духом (получил только вчера — вчера же и прочел) Ваши «Белые ночи»,— конечно же, хорошо, интересно и ко времени. Правда, вещь, в отличие от других Ваших вещей, не обладает большим многоголосьем, несколько обужена, но, боже упаси, я этим не хочу сказать, что она слабее других. Она такая, какая есть, какая на этот раз получилась. Это благородно, публицистично, в лучшем смысле слова, и в души западет со всей силой неслучайности и этого Вашего выступления» (Твардовский А. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М., 1983. С. 146).

Мысль пьесы сосредоточена вокруг одного основного вопроса — о правах и обязанностях молодости, и Панова-драматург высказалась по этому поводу откровенно, пристрастно, не сглаживая острых углов и не скрывая изъянов односторонних позиций.

Традиционные границы обычной драмы в «Проводах белых ночей» смещены. Многое здесь напоминает киносценарий. Это относится и к дробной композиционной разбивке текста на отдельные сцены и эпизоды. Это выражается и в повышенной эстетической функции ремарок, превращающихся иной раз в целые художественные описания, рассчитанные не только на внимание режиссера, но и на «зримое восприятие», облегчающее и постановочные решения, и само чтение.

«Проводы белых ночей» Пановой относятся к числу наиболее репертуарных советских пьес начала 60-х гг. В Ленинградском театре им. Ленинского Комсомола только за два первых года пьеса прошла более 100 раз (см: Цифры и факты // Театр. Ленинград. 1963, № 1. С. 12). Режиссер спектакля П. Хомский, художник Д. Афанасьев. Роль Нинки сыграла Н. Ургант.

Одна из наиболее интересных постановок пьесы была осуществлена [redacted] 1961 г. под руководством Н. Охлопкова (режиссер Е. Зотова, художники Е. Коваленко и В. Кривошеина) в Московском театре драмы им. Вл. Маяковского. Спектакль получил высокую оценку критики во время гастролей театра в ГДР в 1963 г. Главные роли исполнили С. Немоляева (Нинка) и Э. Марцевич (Валерик); в спектакле были заняты также известные актеры — А. Ханов, Т. Карпова, М. Штраух, Л. Свердлин, Л. Овчинникова, А. Лазарев, И. Охлупин и др.

В Киевском русском театре драмы им. Леси Украинки роль Нинки талантливо исполнила Ада Роговцева. Брата Костю в этом же спектакле играл молодой Олег Борисов, [redacted] будущем один из ведущих актеров Ленинградского БДТ и МХАТа.

За два театральных сезона 1961—1963 гг. «Проводы белых ночей» были показаны во многих городах страны театрами Волгограда, Саратова, Пскова, Ашхабада, Баку, Харькова и др. На Ленинградской студии телевидения режиссер А. Белинский поставил в 1970 г. телевизионный фильм «Проводы белых ночей» (см.: Фрид Я. Жила-была девочка // Сов. культура. 1970, 24 окт.). Спектакли по пьесе «Проводы белых ночей» ставились за рубежом театрами ГДР, Чехословакии, Польши.

«КАК ПОЖИВАЕШЬ, ПАРЕНЬ?»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Впервые: Театр, 1962, № 7; Как поживаешь, парень? Пьеса в [illegible] частях. М., 1962.

Разъясняя логику характера центрального героя пьесы Евгения Заботкина, Панова писала, что после первых осложнений на жизненном пути он непременно должен был «обжечься» еще раз, и гораздо больнее, чем в приключении с фиктивным браком. Потому писательница привела на ночной вокзал странную Женщину без имени, говорящую стихами и очаровывающую бедного парня своей необычностью и мнимой таинственностью. «Затем начался непременный при написании пьесы процесс: герои освоились в произведении и стали хозяйничать в нем — заговорили что-то свое, мною не предусмотренное, даже не всегда сразу понятное, когда приходится додумывать, уяснять неведомо каким образом сложившиеся ситуации, сплошь посвящая этому занятию свои бессонные ночи» («О моей жизни...». С. 254—255).

В шестой картине пьесы Женщина без имени читает стихотворение Евг. Евтушенко «Заклинание».

Премьера спектакля состоялась в 1962 г. в Московском театре драмы им. Вл. Маяковского (режиссер Е. Зотова, художники Е. Коваленко и В. Кривошеина). Исполнители основных ролей — Э. Марцевич (Заботкин), С. Мизери (Оля), Е. Баринова (Мать Заботкина). Как писал один из рецензентов этого спектакля, пьеса Пановой «проста, но не упрощает жизнь, бесхитростна, но не обходит сложностей и разнообразии жизненных взаимосвязей, отношений между людьми. [redacted] ней трепетно переплетаются важные и волнующие проблемы — любовь, честь, совесть, ответственность человека перед людьми и перед самим собой. В ней

много настроения, подтекста, второго плана. И как хорошо, что театр ничего этого не растерял, а бережно раскрыл, донес всю лирическую прелесть пановской пьесы, весь ее эмоциональный аромат» (Лейкин Н. Хорошо поживает парень! // Литература и жизнь. 1962, 23 нояб.).

На сцене Ленинградского театра им. Ленинского Комсомола пьесу «Как поживаешь, парень?» поставили режиссер П. Хомский и художник Д. Афанасьев. Главные роли исполнили П. Горин (Заботкин), Н. Кондинова (Оля), О. Аверичева (Мать Заботкина).

В связи с постановкой пьесы «Как поживаешь, парень?» в ГДР, на сцене Берлинского театра имени М. Горького, режиссер этого театра Максим Валлентин писал Н. П. Охлопкову: «Как мы поняли из печати, театр им. Маяковского поставил пьесу Пановой «Как поживаешь, парень?». Наш театр М. Горького в настоящее время работает над инсценировкой этой пьесы. Мы взялись за нее потому, что она несет в себе свежий ветер обновленной советской жизни; потому, что она трактует проблему, которая особенно близка нашим людям, а также потому, что у нас вопросы воспитания нового человека и взаимоотношения поколений ставятся не всегда верно. И не в последнюю очередь инсценируем мы ее потому, что в ней современная жизнь отражена в высокопоэтическом обобщении. Под этим углом зрения мы намерены дать этому произведению полное фантазии реалистическое воплощение на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 2223, оп. 2, ед. хр. 420).

В 1963—1964 гг. спектакли по пьесе «Как поживаешь, парень?» были поставлены Амурским областным театром драмы (г. Благовещенск), Украинским драматическим театром им. М. Заньковецкой во Львове, областными драматическими театрами Волгограда, Перми и других городов. Оригинальную постановку пьесы Пановой осуществил самодеятельный драматический коллектив Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева в Москве (см.: Березин В. От мира сего! // Театр. 1963, № 8. С. 112—113).

«ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР»

Впервые: Звезда Востока. 1967, № 12; Поговорим о странностях любви... Пьесы. Л.: Сов. писатель, 1968.

Появление этой пьесы, написанной в 1964 г., Панова связывала со своей более ранней вещью «Бессонница». «Не сумею рассказать с точностью,— сообщает она,— как именно из отрывистых, иногда мне самой непонятных записей получился «Еще не вечер». Может быть, это просто Эхо» («О моей жизни...». С. 253. См. также примеч. к пьесе «Бессонница», наст. том, с. 563).

«Еще не вечер» может рассматриваться как разновидность психологической драмы. По сюжету Пановой, сильная и добрая женщина спасает слабого, страдающего алкоголизмом мужчину. Героиня пьесы, медсестра Калерия,— одна из тех сестер милосердия, о которых написаны «Спутники». Именно она искусно и по-человечески талантливо врачует Константина Олесова.

Поэтика пьесы «Еще не вечер» менее всего ориентирована на условность театральных решений. Условен по сюжету лишь макет будущего прекрасного города, который создается строителями. А настоящее в пьесе — современный городской быт, сцены в учреждении и в больнице, в гараже, в общежитии и в отдельной квартире, отношения людей, их нравы и характеры,— подчеркнуто достоверны, конкретны и далеки от идеальности. Главная трудность исполнения этой пьесы состоит в том, чтобы за обыденными, часто встречающимися и даже примелькавшимися ситуациями выявить особенное, индивидуальное и неповторимое в каждом отдельном человеке.

«В таких вопросах к каждому человеку приходится ключик подбирать особо»,— говорит Калерия о возможности нравственного исцеления своего подопечного Константина Олесова, в котором она все более открывает для себя неординарного человека. И этот принцип в какой-то мере распространяется на каждого из героев пьесы.

Первая постановка «Еще не вечер» состоялась в 1965 г. в Ленинградском театре драмы и комедии. Постановщик М. Сулимов, режиссер-ассистент В. Геллер, художник Т. Степанова, композитор Ф. Брук. Исполнители основных ролей: Г. Комарова, Н. Боярский, Г. Горичева, А. Яковлев, Т. Абросимова, Г. Острин и др.

Под руководством режиссера М. Сулимова спектакль «Еще не вечер» был поставлен также в Минском русском драматическом театре им. М. Горького (1968).

«СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ!»

Впервые: Новый мир. 1966, № 7; Поговорим о странностях любви... Л.: Сов. писатель, 1968.

Мысль пьесы, по признанию автора, возникла в Симферопольском аэровокзале, когда по радио к дежурному пригласили незадачливого гражданина, потерявшего свои документы. Фамилия у гражданина была самая обычная, стертая, а у Пановой давно была припасена хорошая, нестандартная фамилия — Колосенок, и надо было только найти ей применение.

«Декорация была уже налицо — интерьеры аэровокзала, его служащие, толпящиеся в зале пассажиры, взлетающие в небо самолеты. Я покинула мое место на скамье,— пишет Панова,— пошла в здание вокзала и осмотрела то немногое, что могло пригодиться при сочинении пьесы: гигантские расписания по стенам, дощечки на дверях, телефонную будку с длинным хвостом дожидающейся очереди, ряды кресел для ожидающих, отметила несколько лиц в очереди к телефо-

ну, румяное личико официантки, бегущей с металлическим блюдом сверху, из вокзального ресторана, пожилого продавца газет и книг, записала номера нескольких маршрутов. А затем, уже по возвращении в Ленинград, были в течение нескольких месяцев занятия именно чисто профессиональные. Поиски того, что называется: «кто — кто?» Или, как слыхала я, сказала одна актриса: «Кто кому дяди?» И затем, конечно, медлительные и трудные изыскания, что этот «дядя» сделал либо сделает в пьесе, и почему сделает, и хорошо или плохо содеянное им. И из зернышка стали развиваться под пером взаимоотношения, характеры, сопричастности и хитросплетения судеб» («О моей жизни...». С. 252).

В постановке Ленинградского БДТ им. М. Горького опубликованный текст пьесы был отчасти переработан, композиционно перестроен таким образом, что единство места и времени действия оказалось сохранено. Прошлое героев наплывами памяти вошло в настоящее и не разорвало, а лишь раздвинуло и изнутри объяснило его.

На вопрос товарища юности по Ростову, писателя В. В. Жака, зачем в пьесе «Сколько лет, сколько зим!» так много места отведено истории одессита Линевского и его начальника, Панова ответила в письме: «Вы спрашиваете: зачем Линевский и его начальник, зачем эта встреча. Затем же, зачем все остальное, метель на обоих полушариях, стихийное бедствие, речь идет в вашей жизни, товарищи, громадные волны бушуют над океаном,— а люди плачут о неудавшейся любви, и другие танцуют где попало под чью-то неизвестную музычку, а третьи стоят под метелью — полные бурки снега — и, защищаясь от ее ударов поднятыми воротниками, сводят странные, бредовые счеты... И метель им нипочем, и могила нипочем — сводят, и все, не в силах не сводить! И это еще нелепей и инфернальней, чем то, что кто-то танцует, когда «речь идет о жизни, товарищи...»

Вот так, схематически говоря, мне это рисовалось.

...Еще вышла на днях премьера во Львове. В ноябре выходит в Москве и Иркутске. Больше пока не знаю» (Письмо В. Пановой В. Жаку 11 окт. 1966 г. Цит. по кн.: П а н о в а В. Пьесы. Л., 1985. С. 625—626).

Премьера пьесы «Сколько лет, сколько зим!» состоялась в БДТ им. М. Горького в октябре 1966 г. Постановщик спектакля Г. Товстоногов, режиссер Р. Сирота, художник С. Мандель. Основные роли исполнили: К. Лавров, З. Шарко, Л. Сапожникова, Т. Тарасова, О. Борисов, С. Юрский, О. Басилашвили, Т. Коновалова и др.

В 1966—1967 гг. пьеса была поставлена в Киевском русском театре им. Леси Украинки и Украинском драматическом театре им. М. Заньковецкой во Львове. «Сколько лет, сколько зим!» показали Русский драматический театр им. А. П. Чехова (Кишинев), Рязанский, Иркутский областные театры драмы и некоторые другие театры. В 1967 г. постановку «Сколько лет, сколько зим!» осуществил Драматический театр им. Гео Милева в Болгарии (г. Стара Загора).

По мотивам пьесы Пановой «Сколько лет, сколько зим!» снят телевизионный фильм «Вылет задерживается» (режиссер Л. Марягин, сценарист Д. Василиу). Ольгу Шеметову сыграла в фильме известная актриса театра «Современник» Т. Лаврова. За эту работу на XV Международном фестивале телефильмов в Монте-Карло в 1975 г. она получила приз Серебряная нимфа. Роль Бакченина в фильме исполнил В. Заманский.

«НАДЕЖДА МИЛОВАНОВА»
(«ВЕРНОСТЬ»)

Впервые: Звезда. 1967, № 10, под названием «Верность». Пьеса имеет также и третье название — «Поговорим о странностях любви...». Под этим последним названием включена в одноименный сборник пьес Пановой 1968 г. В прижизненном собрании сочинений (1970) напечатана под двойным заголовком «Надежда Милованова» («Верность»). По словам Пановой, все три названия «соответствуют содержанию пьесы, так что я ни разу не стесняла право театров выбирать для постановки любое» («О моей жизни...». С. 253).

По поводу центральной героини пьесы Надежды и ее спутника Панова написала в воспоминаниях: «...Между этими двумя людьми обязательно должна была, показалось мне, быть самая большая и святая любовь, и носительницей ее должна была стать главным образом женщина, которой я тут же отдала фамилию Миловановой, о ее спутнике же даже не упоминается, какая у него там была фамилия. Писалась пьеса легко, и судьба у нее была не тяжелая» (там же. С. 254).

Первая постановка пьесы («Верность») была осуществлена Драматическим театром им. М. Горького в 1964 г. (г. Горький). Режиссер спектакля Г. Меньшин, художник А. Юрков. В роли Надежды Миловановой выступила артистка В. Долматова.

Премьера «Надежды Миловановой» в Москве состоялась в январе 1968 г. на сцене Центрального Театра Советской Армии (режиссер Н. Мокин, художники Н. Сосунов и В. Лалевич). Роль Надежды Миловановой исполнила Л. Касаткина. В спектакле были заняты: А. Миронов, Н. Пастухов, Н. Солдатова, В. Капустина, С. Дик, Н. Вилькина, Н. Белобородова и др. Главный режиссер ЦТСА А. Попов перед началом гастролей в Ленинграде особо отметил репертуарное значение этой пьесы Пановой, насыщенной, по его словам, «тонкими наблюдениями над некоторыми явлениями современной жизни» (П о п о в А. Новая встреча со старыми друзьями // Веч. Ленинград. 1968, 5 марта).

Под названием «Поговорим о странностях любви...» пьеса Пановой была поставлена в Новосибирском театре «Красный Факел». «Надежда Милованова» («Верность») ставилась за рубежом — в столице Ирландии Дублине.

«ТРЕДЬЯКОВСКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ»
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

Впервые: Нева. 1968, № 6; Поговорим о странностях любви... Пьесы. Л., 1968.

За три года до публикации пьесы Панова подтвердила в печати: «Давно занимает меня драма русского поэта XVIII века Тредьяковского. И при жизни, и после смерти горьким его уделом была несправедливость. Вот об этой-то фатальной судьбе мне хочется рассказать в пьесе» (Веч. Ленинград. 1965, 19 марта).

Драма «Тредьяковский и Волынский» вызвала спор при появлении в печати, затронувший суть исторической концепции пьесы и авторского освещения главных ее фигур (см.: Осетров Е. Бедный Тредьяковский // ЛГ. 1968, 17 июля; Орлов Вл. Необоснованные упреки // ЛГ. 1968, 31 июля).

В основе сюжета «Тредьяковского и Волынского» известные события русской истории первой половины XVIII в., связанные с возвышением и падением родовитого вельможи, родственника Петра I Артемия Петровича Волынского (он был женат на двоюродной сестре царя А. Л. Нарышкиной), занявшего при царице Анне Иоанновне важнейший государственный пост кабинет-министра. Способный политик, вступивший в тайное соперничество с самим герцогом Бироном, ближайшим лицом императрицы, Волынский отличался грубостью характера и самодурством, которое не раз испытывали на себе его подчиненные. Жертвой этого самодурства стал однажды и русский поэт Василий Кириллович Тредьяковский (1703—1768), униженное положение которого в обществе и при дворе не соответствовало его крупным заслугам перед отечественной литературой и просвещением.

Всевластный временщик Бирон дал ход жалобе секретаря «де сиянс академии», пиита В. К. Тредьяковского, который был жестоко избит Волынским за какую-то оплошность, допущенную при сочинении виршей для шутовской свадьбы в Ледяном доме. Поводом для следствия послужил также донос близкого Волынскому человека дворецкого Василия Кубанца.

Политическая расправа над Волынским и публичная казнь осужденных произвели чрезвычайное впечатление в столице и во всем русском обществе. Эта акция явилась как бы кульминацией ненавистной всем бироновщины, очень скоро низвергнутой после смерти в том же 1740 г. императрицы Анны Иоанновны. При новой царице Елизавете Петровне, в пользу которой будто бы действовал Волынский, были возвращены из ссылки и восстановлены в правах его дети. А во второй половине XVIII в., при Екатерине II, состоялась полная гражданская и политическая реабилитация казненного кабинет-министра А. П. Волынского (см.: Корсакова Д. А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» / Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 329).

Сочувствие Волынскому как жертве бироновской тирании и официальное признание его невиновности Екатериной II, осуществившей отчасти государственные реформы, им намеченные, послужили источником литературной идеализации личности Волынского и далеко идущих истолкований его прогрессивной роли в русской истории. Как патриота-гражданина и тираноборца рисовал Волынского декабрист К. Ф. Рылеев в своих стихотворениях «Волынский» и «Голова Волынского, или Видение императрицы Анны». В романтическом духе Волынский был изображен и в популярном романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835).

Причины возвышения Волынского, ставшего кабинет-министром при Анне Иоанновне, логика его временного союза с Бироном, переросшего затем в соперничество с ним, остались в романе Лажечникова непонятыми с исторической точки зрения, а сама фигура главного героя поднята на котурны и поэтически приукрашена. На это расхождение с исторической истиной, при всех литературных достоинствах и остроте замысла «Ледяного дома», одним из первых обратил внимание Пушкин. (См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 555—556).

Документальные публикации по делу Волынского и обстоятельные исследования его биографии уже во второй половине XIX в. почти ничего не оставили от романтической легенды об идеальном государственном муже и бескорыстном патриоте, действующем из высших соображений.

Волынский был плоть от плоти той деспотической системы, которую он с негодованием обличает в романе Лажечникова. При незаурядном уме и несомненных политических способностях, он в нравственном отношении мало чем отличался от других фаворитов послепетровского времени. Та же неразборчивость в средствах, то же корыстолюбие, тот же деспотизм и жестокость, та же надменность в отношениях с низшими и пресмыкательство перед высшими. Без этих качеств Волынский никогда не достиг бы верхних ступеней государственной иерархической лестницы.

В процессе работы над драмой «Тредьяковский и Волынский» Панова тщательно изучила основные исторические источники, относящиеся к теме; в ее подготовительных материалах и черновиках сохранились выписки из старых работ И. И. Шишкина, Д. А. Корсакова, Ю. В. Готье, посвященных Волынскому, а также из трудов советских историков, занимавшихся изучением XVIII в.

Создавая драматический образ своего Волынского, Панова стремилась сохранить верность «истине исторической» (Пушкин), причем соблюсти ее не только в деталях, в точном биографическом контуре личности героя, но прежде всего в общей художественной трактовке послепетровского времени, для которого и Волынский, и Бирон, и Тредьяковский представлялись драматургу фигурами характерными, чтобы не сказать символическими.

Взаимоотношения Тредьяковского и Волынского имеют в пьесе драматический смысл, совершенно обратный тому, какой усматривал в этом сюжете И. И. Лажечников.

Оскорбительная насмешка над Тредьяковским — едва ли не главный нравственный промах «Ледяного дома», еще более несправедливый исторически, чем чрезмерная идеализация Волынского. Тредьяковский, по Лажечникову,— педант, образец «бездарного труженика учености», человек суетливый, мелкий, завистливый, приложивший руку к гибели Волынского и тем будто бы отплативший черной неблагодарностью за многие милости своего покровителя.

Пушкин не принял версии Лажечникова: «За Василия Тредьяковского, признаюсь,— писал поэт,— я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя» (там же. С. 556).

Краткая пушкинская оценка могла бы стать эпиграфом к драме Пановой. В согласии с Пушкиным и в развитие его мысли освещены в пьесе два главных характера. Следуя исторической истине, Панова исключила Тредьяковского из числа «конфидентов» Волынского. Ни его приближенным, ни тайным доверенным лицом тот никогда не был. Само собой отпадает обвинение в «предательстве», в неблагодарности к «патрону», которому Тредьяковский не был обязан ничем, кроме побоев.

Драма Тредьяковского-поэта, безродного плебея, открывшего первые славные страницы русского Просвещения, заключается в двойственности его положения, в смешанном сознании своей социальной приниженности и столь же несомненного умственного превосходства.

Негодование против Волынского как одного из столпов ужасного царствования Анны Иоанновны и «мучителя» поэта соединяется в пьесе с состраданием и к нему самому как жертве бироновского деспотизма. Там, где возможна расправа над поэтом, подобная той, которую перенес Тредьяковский от Волынского, ничьи права уже не могут быть соблюдены, и на верхушке государственной пирамиды Волынский становится жертвой такого же бесправия и еще более страшного произвола, когда сам попадает в немилость. Сложность такого отношения, двойственного, как и сама фигура Волынского, с особой силой выявлена в финале пьесы, в страстной молитве Тредьяковского, потрясенного казнью своего недавнего обидчика.

Финал переворачивает исходные отношения между героями, как бы меняет их местами. Униженный и слабый сознает превосходство своего «удела» над сильным, оскорбленный проявляет великодушие и милосердие к павшему, способность взглянуть на человека, на историю не узкоэгоистически, а с высшей, гуманной точки зрения.

В августе 1968 г. К. И. Чуковский писал Пановой: «Язык пьесы (как и в «Ликах на заре») — драгоценный, жемчужный. Главное, это — Ваш,

органический, свободный язык, а не тот искусственный, деланный, мозаичный язык, каким щеголяли в свое время разные Аверкиевы, Чаевы, Чапыгины, у которых каждый древнерусский человек ни на минуту не забывал, что он древнерусский человек и что его разговор — древнерусский. Этой моветонной лесковщины у Вас нет нигде — и здесь Ваша главная сила... Но еще два слова о пьесе: заключительная сцена так непривычна, что мне нужно преодолеть свои застарелые вкусы, чтобы безропотно принять ее новаторство. Может быть, хороший режиссер, воплотив Ваш эксцентрический текст на сцене, убедит меня, что именно такая концовка вытекает из предыдущего текста...» (ЦГАЛИ. Ф. 2223, оп. 2, ед. хр. 368).

Вполне оправданное желание увидеть историческую драму Пановой на сцене в постановке хорошего режиссера до сих пор не осуществилось, может быть, потому, что современный театр еще не нашел в себе сил для осуществления подобной задачи.

«СВАДЬБА КАК СВАДЬБА»

Впервые: Театр. 1973, № 1; Пьесы. Л.: Искусство, 1985.

По свидетельству Ю. А. Завадского, в начале 1970-х гг. Панова приступила к работе над новым вариантом пьесы специально для Московского театра имени Моссовета, но не успела осуществить это намерение.

Основная тема пьесы «Свадьба как свадьба» постепенно развертывается в трех уровнях, в трех разных временах, охватывая молодость и бытие трех поколений, вместе с которыми прошла и собственная жизнь автора. Писательница обратилась к мотиву, имеющему бесчисленное множество вариантов, вызывающему разнообразные театральные ассоциации.

Как это свойственно драматургии Пановой, важнейшее для ее замысла лицо появляется среди других персонажей невзначай. Так приходит на свадьбу Жениха и Невесты незнакомый им Завсегдатай ресторана. Из маленького осложнения проистекают далеко идущие последствия, многое меняющие в отношениях действующих лиц. Рассказ Завсегдатая о своей профессии (он пишет репризы для цирка) — это не только знакомство с новым действующим лицом, это и завязка новой темы комедии. Защищая престижность своей профессии, Завсегдатай, при всей ироничности тона, отстаивает нечто более существенное — право на внимание к себе как творческой личности. Он как бы подготавливает свое предложение Матери невесты, сделанное полушутя-полусерьезно при случайных и необычных обстоятельствах.

По своему жанру «Свадьба как свадьба» — пьеса-сценарий, свободно соединяющая в комедийно-драматическом духе разные планы жизни и разные времена. После смерти Пановой Центральное телевидение

показало в 1974 г. телевизионный спектакль «Свадьба как свадьба» в постановке Ю. Сергеева. Главные роли в спектакле исполнили известные артисты Московского театра драмы на Малой Бронной — А. Дмитриева (Мать невесты) и Л. Броневой (Завсегдатай ресторана). Их игру отметил крупнейший мастер советской режиссуры Ю. Завадский в своем отклике на телевизионный спектакль. Комедия была принята для постановки и Московским академическим театром им. Моссовета. «Пьеса привлекла нас тем,— писал Ю. Завадский,— что на фоне точно подсмотренных и характерных примет сегодняшней городской свадьбы автор создал ретроспекцию жизни целых поколений. ⟨...⟩ Для нас пьеса была наивной и волшебной загадкой. Наверное, такой мы и хотели бы показать ее зрителям. Разбудить их воображение, заставить вместе с нами додумывать, разгадывать скрытый смысл щедрых аллегорий Веры Пановой» (Завадский Ю. Необычная свадьба // Сов. культура. 1974 21 июня). Работа над пьесой в Театре им. Моссовета не была доведена до конца, и на театральной сцене «Свадьба как свадьба» Пановой не исполнялась.

А. Нинов

СОДЕРЖАНИЕ

Панова В.
П16 Собрание сочинений: В 5 т./Редкол.: С. Баруздин, А. Нинов, Л. Рахманов. Т. 4: Пьесы/Сост. и подгот. текста А. Нинова, Н. Озерновой-Пановой; Примеч. А. Нинова. — Л.: Худож. лит., 1988. — 576 с.
ISBN 5—280—00148—1(Т. 4)
ISBN 5—280—00146—5

В том вошли драматургические произведения В. Ф. Пановой — пьесы «В старой Москве», «Метелица», «Бессонница», «Еще не вечер», «Свадьба как свадьба», историческая драма «Тредьяковский и Волынский» и др.

П $\frac{4702010203 — 072}{028(01) — 88}$ подписное **ББК 84.Р7**

Вера Федоровна Панова

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ 4

Составители
Александр Алексеевич Нинов,
Наталья Арсеньевна Озернова-Панова

Редактор *Т. Степашова*
Художественный редактор *В. Лужин*
Технический редактор *Н. Литвина*
Корректоры *А. Борисенкова, Г. Щеголева*

ИБ № 4989

Сдано в набор 01.09.87. Подписано в печать 14.04.88. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 32,07. Тираж 100 000 экз. Изд. № ЛIII-180. Заказ № 1130. Цена 2 р. 40 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.